
Нил Стивенсон
СИНДРОМ ОТКАТА
Синдром отката – катастрофа, вызванная резкой остановкой геоинженерной системы.
fanzon

Синдром отката
Нил Таун Стивенсон

Аннотация
Нил Стивенсон. Синдром отката
Техас
Пентапотамия
Луизиана
Дельта Миссисипи
Амритсар
Хьюстон
Лагерь на берегу Бразос
Хьюстон
Шандигар
Западный Техас
Химачал-Прадеш
Пустыня Чиуауа
Перевал Рохтанг
Южный Техас
Nederland
ERDD – ложный идол
Линия Фактического Контроля
Пина2бо
Большой Лосось
Гаага

Синие Журавли
Мраморный карьер
Буря
Казарма
Эйндховен
Линия Фактического Контроля
Informateur
Восемь месяцев спустя
Киберабад
«Бивер»
Вадан
Линия
Туаба
Кулаттин, Британская Колумбия
Снеуберг
Трейл
Больница Святого Патрика
Река Колумбия
У дядюшки Эда
Ниндзя со Скребком
Рэйсстафель
Перформативная война
«Летящая S»
Орешник
Пина2бо
Камера сгорания

Королева Нижнемира
Благодарности

Аннотация

Глобальное потепление грозит погубить планету. Но у одного человека появляется Большая идея. Ее воплощение, кажется, должно помочь остановить экологическую катастрофу. Проект объединяет людей разных культур и национальностей со всех континентов и уголков мира для борьбы с последствиями глобального потепления. Но не станет ли лекарство опаснее болезни?

Нил Стивенсон
Синдром отката

Neal Stephenson
TERMINATION SHOCK
Copyright © 2021 by Neal Stephenson
Fanzon Publishers
An imprint of
Eksmo Publishing House

Перевод Наталии Холмогоровой

© Н. Холмогорова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Э.Л.

Если лить не перестанет, плотина прорвется,

Если лить не перестанет, плотина прорвется,

Все зальет – и куда нам тогда деваться?..

Я работаю без отдыха, день и ночь,

Я работаю без отдыха, мама, день и ночь,

Лишь бы не дать плотине прорваться…

***КАНЗАС ДЖО МАККОЙ И МЕМФИС МИННИ. КОГДА РУХНЕТ ПЛОТИНА*[1]**

[1] Примечания: 1

Блюзовая песня, посвященная Великому наводнению на Миссисипи 1927 года — одному из самых разрушительных наводнений в истории США. Получила всемирную известность в переработке группы Led Zeppelin. *(Здесь и далее — прим. пер.)*

Техас

Хьюстон самолеты не принимал: было слишком жарко. Точнее, приземлиться-то бизнес-джет королевы там мог, поскольку за время полета из Схипхола переработал в углекислый газ и выбросил в атмосферу десять тысяч килограмм топлива. Но после заправки едва ли оторвался бы от земли, пока не спадет жара. А на смену жаре ожидался ураган.

Повинуясь указаниям диспетчеров, Фредерика Матильда Луиза Саския — такое имя королева получила при рождении — и второй пилот, капитан Нидерландских Королевских Военно-воздушных сил по имени Йохан, начали серию воздушных маневров, которым предстояло завершиться в Уэйко.

Быть может, Уэйко для них — не лучший выбор; но спорить сейчас бессмысленно. Бизнес-джет, почти пустой — всего семь душ на борту, — летел выше и быстрее авиалайнеров. Разрезал нижнюю кромку стратосферы со скоростью более шестисот миль в час и уже готов был начать снижение в Хьюстоне, когда пришло сообщение, что

там сейчас не сядешь. Нужно было решить, куда лететь. Быстро сделать выбор — необязательно лучший из возможных.

Как сообщили техасцы по радио — и как подтвердил Виллем, заглянув в рубку со свежими данными, полученными по каналу интернет-связи для пассажиров, — несколько часов назад над Уэйко пронеслась гроза, и температура там сейчас упала до 45 градусов. Или до 113, если считать по-американски[2]. Словом, достаточно низко, чтобы имело смысл хотя бы заглянуть в расчетные таблицы, созданные производителем этого джета тридцать лет назад, вместе с самим самолетом. В то время людям в голову не приходило, что на Земле может быть так жарко, как сейчас в Хьюстоне, и такие цифры в таблицах просто не значились.

В аэропорту Уэйко имелось все, что нужно. Две посадочные полосы, расположенные буквой V. Воздушные потоки вынуждают сесть на левой из них, той, что направлена на юг. То же советуют диспетчеры. Что ж, так они и сделают.

У диспетчеров на руках куча самолетов — в основном лайнеров, — которые тоже надеялись

---

[2] Примечания: 2
Имеется в виду температура по Цельсию и по Фаренгейту.

приземлиться в Хьюстоне и теперь не знали, куда податься. И большинству из них требовались аэропорты посолиднее. Так что бессмысленно спорить, подойдет ли им Уэйко. Переговоры по радио может услышать кто угодно, к тому же они записываются — а королеве и ее свите желательно сесть тихо, не привлекая к себе внимания. К этому королева привыкла: ее с младенчества учили не выставлять напоказ свое положение и статус. В Нидерландах это не принято. Играет на руку антироялистам, только и всего. Леннерт, руководитель ее охраны, пришел к выводу, что Уэйко подойдет. Там есть ангар, вполне подходящий для такого самолета. Виллем уже заказал номера в гостинице и сейчас договаривался об аренде автомобилей.

Все, что от нее требуется, — посадить самолет. А это она умеет. И Йохан рядом, если что, всегда придет на помощь.

Вместе с титулом и богатством королева унаследовала от отца любовь к самолетам. Помимо своих королевских обязанностей, отец подрабатывал пилотом на KLM — *Koninklijke Luchtvaart Maatschappij*, «Королевских голландских авиалиниях» с короной на логотипе. Давным-давно папа объяснил ей, почему стал пилотом. Когда сидишь

за штурвалом, сказал он, у тебя есть не только возможность, но и священная обязанность ни о чем, кроме своей машины, не думать — иначе погибнешь сам и погубишь пассажиров.

В этих словах заключался второй смысл — или даже два, — которые принцесса Фредерика Матильда Луиза Саския поняла лишь много лет спустя.

Первый, более очевидный: мама и папа очень старались растить ее как обычного человека, и то, сколько обязанностей и ограничений накладывает корона, она поняла лишь намного позже. Уже взрослой.

И второй, пришедший ей в голову совсем недавно: «машина, от которой нельзя отвлекаться, иначе погибнешь сам и погубишь пассажиров» — ведь это не что иное, как ее страна. Нидерланды. Сложный механизм, способный погубить массу людей, если не нажимать вовремя нужные кнопки.

Королева снижала самолет и готовилась к приземлению: на душе у нее было спокойно и ясно. Все, что сейчас требуется, — удерживать нужные цифры в нужных диапазонах. К моменту, когда внизу блеснет посадочная полоса Уэйко, самолет должен достичь так называемой эталонной ско-

рости. Значение ее зависит от таких условий, как температура за бортом, вес самолета, состояние посадочной полосы; но так или иначе, ее благополучно рассчитали тридцать лет назад, она значится в таблицах, и как безопасно снизить скорость до этих значений — тоже проблемы не составляет.

Одновременно требовалось спуститься вертикально вниз, пролетев через всю тропосферу — нижний слой воздушной оболочки Земли, определяющий земную погоду и климат, — пока цифры на высотомере не совпадут с высотой Уэйко над уровнем моря. И для этого существует известная процедура; что же до поворотов в горизонтальной плоскости — здесь королева полагалась на усталые голоса техасских диспетчеров. Привычная последовательность действий за пультом, короткий, сухой, но совершенно спокойный обмен репликами с Йоханом и с диспетчерами на земле — все вместе вызывало состояние, которое голландцы именуют *normaal*, с ударением на втором слоге. Совсем не то же, что английское *normal*.

Чтобы объяснить понятие *normaal*, понадобилась бы целая книга. Если же вам случилось родиться в королевской семье Нидерландов,

за право считаться *normaal* приходится постоянно бороться; а поскольку это свойство легко подделать, убедительнее всего доказать свою нормальность получается там, где одна ошибка может стоить вам жизни.

Если вы ездите в школу на велосипеде (именно об этом писали таблоиды, когда королева была маленькой), хейтеры скажут, что это все пиар, которому верят лишь самые наивные. Зато даже самый свирепый антироялист не сможет отрицать, что король (или королева) благополучно посадил самолет, не угробив ни себя, ни пассажиров. Такое не разыграешь — и обезьяну такому не научишь. Ни один король не получит лицензию пилота, не освоив математику, физику, механику и метеорологию. В далеком прошлом, чтобы доказать, что он не фальшивка, король с мечом в руках сам вел в бой свои войска. Сидеть за штурвалом самолета и направлять его на посадочную полосу — в современном мире, пожалуй, ближе всего к той давней кровавой проверке на прочность.

Королева взяла на себя главное; о деталях заботилась ее команда. Услышав, что в Уэйко не так жарко, как в Хьюстоне, естественно предположить, что там царит благословенная прохлада.

Мысль, увы, ошибочная. Едва коснувшись земли, самолет превратится в духовку. И когда пассажиры выйдут на воздух, легче не станет: внутри или снаружи их поджидает неотвратимый тепловой удар. Так что стоило заранее продумать, как через несколько минут после посадки спрятать самолет и его пассажиров где-нибудь в тени, лучше всего — в помещении с кондиционерами. Разумеется, в багажном отсеке лежали полностью заряженные геокостюмы: надевай и иди. Однако судорожно распаковывать их сразу после посадки отдавало дилетантством.

От королевы требовалось лишь приземлиться; и с этим она никаких затруднений не предвидела. Ураган, угрожающий Хьюстону, пока бушевал в сотнях километров отсюда, над Заливом. Над Уэйко воздух был влажный и переменчивый после недавней грозы — в Голландии она справлялась с таким не раз. Время около четырех — белый день. Плавный спуск по спирали, направляемый диспетчерами, давал возможность хорошенько разглядеть Уэйко и окрестности. Плоская зеленая равнина. Не такая плоская, как дома, — но, насколько видит глаз, не осложненная ни холмами, ни оврагами. Зелень темнее нидерландских пастбищ и полей: здесь в основном леса и заросли

кустарника.

Постепенно картинка внизу стала четче. Самолет встроился в очередь на посадочную полосу, пока еще невидимую. За аэродромом виднелся город: лишь несколько высотных зданий вздымали головы над ровным, аккуратным зеленым покровом. Похоже, в городе много парков. На окраинах зеленый цвет тускнеет, перетекает в серый — может, там больше построек и меньше деревьев? Справа по предполагаемому курсу — большое озеро, отгороженное от открытой лужайки аэропорта полосой густых и темных, почти черных, зарослей. По форме озера нетрудно догадаться, что оно искусственное. Скользнув взглядом по берегу, королева — истинная нидерландка — безошибочно определила дамбу: невысокую прямую насыпь с водосбросом, недалеко от конца посадочной полосы.

Все эти впечатления почти бессознательно накапливались в мозгу в те десять минут или около того, пока самолет снижался. Как ни странно, делать было особо нечего. Они с Йоханом балансировали таким образом, чтобы вес самолета превышал аэродинамическую силу крыльев: согласно законам физики это позволяло снижать высоту неторопливо и предсказуемо. Постепенно

снизили скорость узлов до двухсот: она уже приближалась к эталонной, чье значение сегодня составляло 137 узлов. Скоро выпустят закрылки. Взгляд королевы привычно скользнул по нескольким ключевым индикаторам. Самолет старый, и в рубке хватает старомодных механических переключателей, в черных бакелитовых панелях с рельефными белыми надписями. Но все самое важное в центре, как выражаются пилоты, «полностью экранное»: в старозаветную приборную доску врезана электронная панель, разноцветные сияющие экраны с виртуальными инструментами. Королева знала, куда смотреть, и все важные данные — скорость, высоту, вертикальный наклон, поперечный крен, значение отклонения от курса — считывала автоматически.

И все же не мешало посматривать и в окно, на реальный мир. Перед ними, довольно далеко, приземлился одномоторный частный самолетик и быстро убрался с дороги. Тут и там на земле что-то бессистемно поблескивало. Привычная для нидерландцев картина: местное затопление. Воды не так много, чтобы устроить потоп, но достаточно, чтобы в тех местах, где почва уже насыщена влагой и впитывает медленно, надол-

го задерживались, словно блестки на плоской груди земли, стоячие озерца или просто большие лужи. Одна из таких луж на миг ослепила королеву, блеснув в солнечных лучах. Однако за аэродромом, по всей видимости, следили хорошо и такого не допускали: диспетчер предупредил бы, ожидай их лужи или грязь на посадочной полосе. Полоса, кстати, уже ясно просматривалась внизу, прямо по курсу, именно там, где должна быть, — влажная от недавнего дождя, но без луж. Еще один маневр — и самолет прямо над ней. Большая часть аэропорта теперь осталась слева. Справа, между гудроном и проволочным сетчатым забором, показалась узкая полоска травы. Сразу за сеткой, параллельно ей — двухполосная дорога. Окаймленная темным лесом, через пару километров она выходила на изогнутый берег озера. Сквозь зелень деревьев то тут, то там мелькали бурые пятна голой земли, а кое-где — синие прямоугольники брезентовых тентов, натянутых над лагерями беженцев.

Медленное приближение земли всегда завораживало королеву. Двадцать минут назад город едва виднелся за синей дымкой стратосферы — а теперь, снизившись на сотню метров, она ясно видела каждый дом, и дворы за домами,

и сверкающие голубые пятнышки бассейнов, посветлее брезента в лесу. Должно быть, дети — определенно из более обеспеченных семей, чем те, что прячутся в лесах, — прыгают в бассейны охладиться, вернувшись из школы. На миг вспомнилась Лотта; но королева напомнила себе, что сейчас не время думать о дочери, и вместо этого в сотый раз проверила инструменты. Что-то мелькнуло справа от полосы… нет, ничего особенного — просто вдоль огороженного периметра аэродрома по разбитой, темной от недавнего дождя двухколейке едет пикап. Почему-то с включенными тормозными огнями. Ее это не касается.

Самолет миновал ограду у ближнего конца полосы. Любую тревогу, какую могла бы испытывать королева в эти последние секунды полета — верна ли скорость, высота, угол снижения? — рассеивало полное спокойствие Йохана, второго пилота. Вдвоем они действовали как один. Оставалось лишь несколько секунд до того, как шасси коснутся гудрона и воздушный корабль обернется громоздким и чертовски дорогим автомобилем. Высоко расположенное лобовое стекло и чуть вздернутый нос самолета мешали разглядеть, что творится на полосе прямо по курсу. Зато джет был снабжен видеокамерой в брюхе: изображение

с нее выводилось на экранчик между креслами пилотов, так что оба видели, что происходит внизу. Как правило, во время посадки королева не смотрела на этот экран: что там увидишь, кроме чистого гудрона?

Однако в эти последние секунды до нее донеслись изумленные и испуганные возгласы из салона, с правой стороны — возгласы людей, увидавших что-то невероятное. Невероятное… и опасное. Обычно во время полетов королева оставляла рубку открытой, чтобы любопытные пассажиры могли заглянуть внутрь и полюбоваться видом из кабины; но теперь, судя по всему, пассажиры видели нечто, скрытое от глаз пилотов.

«Что происходит? — мелькнуло в голове. — Не прервать ли посадку?» А в следующий миг ее внимание привлекло необычное движение на экранчике видеокамеры.

За долю секунды она успела разглядеть: кипучая темная масса четвероногих созданий мчится через полосу наперерез — прямо под брюхом бизнес-джета.

Самолет резко дернуло вправо. Шасси под правым крылом с размаху обо что-то ударилось. Они еще не сели, так что колеса пока не вошли в

сцепление с поверхностью. Нос самолета ухнул вправо и вниз, переднее шасси вдавилось в гудрон под неудачным углом — и тоже наткнулось на какое-то препятствие.

В этот миг они летели с эталонной скоростью: 160 миль в час по техасскому счету. Полоса ринулась навстречу. Самолет страшно трясло и болтало — показания приборов плясали перед глазами. Экран нижней камеры забрызгало чем-то красным — то ли кровью, то ли гидравлической жидкостью. Сквозь алые потеки едва виднелась размытая зелень, со страшной скоростью летящая мимо. Нет, это небо. Нет, снова зелень. Королеву толкнуло вперед; ремень безопасности удержал ее на месте. За спиной с грохотом срывались с мест и летели по салону чемоданы. Вновь тряхнуло — похоже, влажную землю пропахала законцовка крыла. С полосы они съехали: все, что оставалось, — мчаться вперед, тормозя о землю, о траву, обо что придется.

Свиньи! Только теперь королева сообразила: четвероногие создания, темным потоком промчавшиеся под брюхом самолета, — это свиньи! На вид скорее дикие кабаны, чем домашняя скотина. Эта совершенно бесполезная мысль крутилась у нее в голове, когда самолет, подпрыгивая

и трясясь, пролетел вкось по траве и вступил в сложные отношения с сетчатой оградой.

А потом, слава богу, наконец остановился.

Сквозь трещину в фюзеляже королеву, словно из горячего душа, окатило раскаленным воздухом. Это побудило ее действовать: она торопливо расстегнула ремень безопасности — и сразу повалилась на Йохана, который двигался куда медленнее. По его лицу стекала кровь и капала с уха. Бровь рассечена: рыжеватые волосы слиплись от крови. Глаз под ссадиной был закрыт, второй открыт, но затуманен. Йохан пытался подняться, у него не получалось. Наверняка сотрясение. Королева расстегнула и его ремень.

Выбраться из рубки оказалось дьявольски непросто: земное притяжение тянуло в другую сторону. Пришлось карабкаться вверх, словно альпинистке, ища опоры для рук и ног. Посередине пути она застряла, но в этот миг сильная рука схватила ее за запястье и подтянула выше. Убедившись, что его королева цела, Леннерт повернулся к двери, расположенной прямо над ним. И здесь гравитация ему не способствовала. Однако королева поддерживала Леннерта с одной стороны, его ассистентка Амелия — с другой, и с их помощью он сумел наконец дотянуться до

дверной ручки. На миг королева испугалась, что дверь в перегородке, разделявшей самолет почти пополам, заклинило. Но нет — та оказалась на удивление прочной. Леннерт повернул ручку и распахнул дверь одним мощным пинком. В проеме показалось голубое небо с легкими облачками. Схватившись обеими руками за косяк, Леннерт подтянулся, вытолкнул себя наверх и присел на фюзеляж возле выхода, чтобы оглядеться. Освещенное солнцем лицо мгновенно покрылось капельками — нет, не пота, человек так быстро не потеет. Это влага из раскаленного воздуха сконденсировалась на его относительно прохладной коже.

Королева боролась с желанием последовать за ним. Но капитан воздушного судна должен покинуть его последним. Йохан не выберется сам, его придется вытаскивать; что до остальных — они могли пострадать еще серьезнее.

Леннерт почему-то не спешил двигаться дальше. Сидел с таким видом, будто предпочел бы остаться внутри самолета. Он отвел руку за спину, к ремню, но тут же ее отдернул. Обычно на людях он носил сзади под пиджаком пистолет — и сейчас инстинктивно потянулся за ним. Увы, оружия при нем не было.

— Мою сумку, — приказал он Амелии, имея в виду небольшую сумку на ремне, в которой возил пистолет и другие орудия своего ремесла. Затем объяснил королеве: — Хочу оглядеться, *mevrouw*[3]. Огня не видно, но будьте начеку: возможно, у нас не так много времени.

Амелия рылась в разбросанном по салону багаже, разыскивая сумку Леннерта. Задача была не из легких: дверь, ведущую в багажное отделение в конце салона, в какой-то момент снесло с петель, и вещи разлетелись в разные стороны. Например, прямо под ногами валялась синяя скатка — один из геокостюмов. Королева взяла его в руки и, подняв над головой, выбросила через дверь наверх, на фюзеляж. То же проделала с еще одной скаткой. С чьим-то рюкзаком. И еще одним геокостюмом. Но сумку Леннерта ни она, ни Амелия пока не видели.

В салоне оставались еще трое. Виллем успокаивал Фенну: ее работа состояла в том, чтобы королева могла не думать об одежде, прическе, макияже, однако всегда хорошо выглядела и не давала поводов над собой смеяться. Именно благодаря Фенне даже сейчас, в сорок пять лет,

---

[3] Примечания: 3
Госпожа (голл.).

Фредерику Матильду Луизу Саскию таблоиды именовали «коронованной красавицей» — хотя, по большому счету, красотой она не блистала — и иногда даже «завидной невестой» (королева была вдовой). Так что со своей работой Фенна справлялась. Вот только к крушению самолета жизнь ее явно не подготовила.

И наконец, Аластер — единственный пассажир не нидерландского происхождения. Шотландец из Лондона, где он весьма успешно занимался математическим анализом рисков. Он все еще сидел пристегнутый на своем месте, дальше всех от рубки, перекосившись в кресле и невидящим взором глядя в окно. Что ж, для аналитика рисков такое приключение как нельзя кстати.

Аластер повернул голову, следя за каким-то движением за окном, затем обернулся к остальным. В его сторону смотрела только королева, так что он, кашлянув, сообщил ей самым будничным тоном:

— Там…

— Свиньи? Знаю.

— Я хотел сказать, аллигатор.

— М-м?

— Или крокодил. Не уверен. Я в них не совсем…

Его прервал Леннерт: издал звук, средний между рычанием и визгом, но определенно ближе к последнему. Кажется, началось с каких-то слов — с чего-то вроде: «Пшел вон!» или «Пшел отсюда!» — так обычно кричит человек, пытаясь отогнать животное. Почти сразу слова слились в бессловесный вопль, полный ужаса и боли.

Амелия нашла наконец его сумку, выхватила пистолет. Бросилась вперед по загроможденному багажом проходу. Не успела она выбраться наверх, как снаружи грянули выстрелы.

В обязанности королевы среди прочего входит разбираться в оружии — так что она сразу поняла: это уже не пистолет. Судя по оглушительному грохоту и частоте очередей, стреляют из автомата.

Семья Амелии приехала в Нидерланды из Суринама. Среди ее предков имелись африканцы, нидерландцы, индийцы и индейцы. В юности она выступала в олимпийской сборной страны по дзюдо, мощным телосложением напоминала американскую теннисистку Серену Уильямс. В салоне Амелия занимала немало места. Однако сейчас с легкостью двенадцатилетней гимнастки бросилась вперед, одним махом взлетела на фюзеляж и замерла там, держа пистолет наизготовку и озираясь по сторонам. Медленно опустила пи-

столет: судя по всему, увиденное поразило ее не меньше, чем Леннарта несколько минут назад.

Снаружи донесся незнакомый мужской голос:

— Эй, у вас там аптечка есть? Ему пригодится. — И секунду спустя: — Держись!

Еще пара выстрелов.

— Аллигатор, чтоб его! — снова послышался голос незнакомца. — Да еще чертов самолет! Извините, что ругаюсь. Думал наконец свести счеты со стариной Пятачком, а тут такое… Кстати, на вашем месте я бы не расслаблялся: свиньи чуют кровь.

Во время этой любопытной речи Фредерика Матильда Луиза Саския вытащила на пустую площадку под распахнутой в небеса дверью еще одну скатку с геокостюмом, взобралась на нее, словно на пригорок, и, высунув наружу голову и плечи, наконец огляделась вокруг.

Здесь было на что посмотреть! Она постаралась сосредоточиться на том, что поближе. Прямо под ней, прислонившись к фюзеляжу, полулежал на земле Леннерт, живой и в сознании, но, похоже, в шоке. Рядом — мертвый кабан: настоящий дикий кабан, огромный, должно быть, весом не меньше Леннерта, с окровавленными клыками. Из раны в грудной клетке — судя по всему,

пулевой — слабыми толчками вытекала кровь. Леннерт тоже наверняка потерял немало крови: у него распороло бедро. Над ним склонился незнакомец, чей голос и выстрелы она слышала. По неторопливому южному выговору она представила, что он белый; но теперь увидела смуглую кожу, черные волосы и глаза. Выбритые виски блестели щетиной, ото лба к затылку шла широкая полоса полуседых дредов. Незнакомец явно несколько дней не брился, вид у него был потный и измученный. Через плечо перекинут АК-47. Он перевязывал ногу Леннерта собственным поясом, на котором висел охотничий нож; сам нож теперь служил закруткой. Подняв голову, незнакомец встретился с королевой взглядом.

— Нож вернете, мэм, — сказал он и встал, оглядываясь по сторонам.

Из-за самолета показался еще один кабан, поменьше и не такой клыкастый. Шумно принюхиваясь и похрюкивая, двинулся к Леннерту. Похоже, как и предсказывал незнакомец, его привлекла кровь. Незнакомец начал снимать с плеча калашников, но в этот миг совсем рядом раздался грохот, от которого у королевы зазвенело в ушах. Она подняла глаза, как раз когда Амелия с фюзеляжа выпустила в кабана вторую пулю. Хряк упал

на бок и суетливо задергал ногами. Незнакомец, полуобернувшись, одобрительно кивнул.

— Вот это правильно, сестренка, — сказал он. — Две пули всяко лучше одной. — Повернувшись к ним спиной, он снова занялся своим делом. Пару секунд спустя, заметив что-то слева, он спокойно, почти небрежно, обронил: — Эй, а у вас мотор горит!

Проследив за его взглядом, она увидела смятый, расплющенный с одной стороны самолетный двигатель, из которого и вправду выбивались языки пламени. Зрелище довольно впечатляющее — если не считать того, что рядом лежал исполинский мертвый аллигатор.

— Пожарные сюда не приедут, — сообщил незнакомец, выходя в центр взрытой площадки, усыпанной покореженным металлом и разорванным на части кабаном. — Они же не глухие. — И он кивнул на свой калашников. — Скорая помощь? Тоже вряд ли. Копы? Может быть, только не обычные копы. Скорее уж спецназ. А мне надо покончить со стариной Пятачком, пока здесь не появились парни в бронниках. И берегитесь падальщиков! Они явятся быстрее спецназовцев.

Мужчина оглянулся, чтобы удостовериться, что его слушают, — его слушали очень внимательно

но, — затем указал на лес через дорогу. Оттуда уже приближались десятка полтора фигур с длинными ножами в руках.

Пятачок — так себе кличка для чудовища. Но Адель была такая девочка-девочка, всему на свете придумывала няшные имена. И, конечно, ей в голову не приходило, что однажды Пятачок ее сожрет.

В те дни — лет пять назад — Пятачок был просто поросенком в стаде диких свиней, блуждающим по центральному Техасу и время от времени забредающим на те пятьдесят акров, где Руфус с женой Мэриел пытался вести хозяйство. Маленькая Адель узнавала Пятачка сперва по белым пятнам на морде, а после — по его гигантским размерам.

Причину, по которой Пятачок вырос больше остальных, Руфус и Мэриел выяснили слишком поздно. Адель завела привычку его подкармливать. А Пятачок, не будь дурак, завел привычку слоняться вокруг фермы и ждать, когда ему что-нибудь перепадет.

Руфус винил во всем «Паутину Шарлотты»[4],

---

[4] Примечания: 4

Детская сказочная книга Элвина Брукса Уайта (1952), дважды экранизированная. В США считается классикой детской литературы. Один из главных героев книги — симпатичный поросенок Уилбур.

сказку, с которой Мэриел — разумеется, из самых благих побуждений — слишком рано познакомила дочь. Впрочем, справедливости ради, немало роликов на «Ютубе» тоже внушают неверную и опасную идею, что свиньи — милые розовые хрюшки, которые вовсе не едят человечину. Волны моральной паники по поводу того, что алгоритмы «Ютуба» показывают детям непредназначенные для детей видео, как правило, касаются секса, насилия или политики. Тоже, конечно, вещи неприятные — но у негородских жителей проблемы несколько иные.

Быть может, все вышло бы иначе, сумей Руфус оградить Адель от сказочек про поросят в тот роковой год, когда она выучилась читать, а Пятачок из крохотного детеныша вырос в махину весом вдвое больше самого Руфуса, когда-то игравшего в футбол полузащитником. Иногда за завтраком Адель жаловалась, что ночью ее будили выстрелы. Руфус с женой переглядывались, а потом Мэриел говорила: «Наверное, охотники» — и, формально говоря, даже не врала. Это был Руфус, часа в три ночи отстреливающий диких свиней из ружья с инфракрасным прицелом. А если не он, то кто-нибудь из соседей — за тем же занятием, по тем же причинам.

Дикие свиньи давно уже превратились в какое-то стихийное бедствие; казалось, недалек день, когда они отвоюют Техас у рода человеческого. Начать с того, что народу в этом штате и без того немного. Из техасской земли, как ни потей, особых денег не выжмешь — а если что-то еще и снижает прибыль, трижды подумаешь, стоит ли вообще с этим возиться. Из-за денег Руфус и Мэриел откладывали рождение второго ребенка — и этим, можно сказать, тоже снижали численность населения на своих пятидесяти акрах.

Решив заняться скотоводством, Руфус вышел в отставку (служил он в Форт-Силле — это к северу отсюда, за границей Оклахомы) в надежде обрести в Техасе пастбища позеленее. Вырос он в Лоутоне, городке близ Форт-Силла, сто шестьдесят акров земли вокруг которого были нарезаны на участки[5], принадлежавшие в основном команчам. Среди предков Руфуса имелись черные и белые, команчи и осейджи, мексиканцы и корейцы; однако сам он официально числился

[5] Примечания: 5

Земельные наделы, выделенные индейским семьям согласно Акту Дауэса (1887). Индейцы, соглашавшиеся выйти из племени и поселиться на предоставленном им земельном участке, получали гражданство США. Закон был призван разрушить племенной строй и традиционный образ жизни индейцев, побудить их заняться сельским хозяйством и ассимилироваться в американское общество.

членом племени команчей и даже имел соответствующее удостоверение. Надо заметить, что индейцы вообще, и команчи в частности, интересуются чистотой крови куда меньше основной массы американцев, не вылезающих из контор «23andMe»[6].

С Мэриел Руфус познакомился еще на службе: проходил стажировку в Форт-Сэме в Хьюстоне, а она работала там на гражданской должности. Оказалось, что у ее семьи есть ранчо и кусок земли — эти самые пятьдесят акров в нескольких часах езды к северу от Сан-Антонио, — с которым никто не знает, что делать. То самое пастбище позеленее: по крайней мере, тогда они так думали. Дядя Мэриел позволил им там поселиться на условии, что они приведут ранчо в порядок и будут платить аренду, покрывающую налоги и прочее. Они поставили посреди участка дом на колесах и стали жить. Старое ранчо ремонту не подлежало — Руфус разобрал его на дрова, а из досок, что получше, собрал несколько хозяйственных помещений: сарайчик для инструментов, курятник, чуть позже хлев для коз.

До того жизнь Руфуса следовала траектории,

[6] Примечания: 6

Американская биотехнологическая компания, предоставляющая частным заказчикам услуги генетического тестирования.

ничем не примечательной в этой части света: вырос в неполной семье, в старших классах играл в футбол — но не так усердно, чтобы заработать стипендию или вышибить себе мозги. Завербовался в армию. Выучился на механика. Чинил сложную военную технику в не самых благополучных частях света. Потом вновь оказался совсем рядом с домом, в Форт-Силле — и с удивлением понял, что прошло уже двадцать лет. Вышел в отставку с отличной характеристикой. Сперва подумывал поступить в колледж по квоте для военнослужащих — стандартный путь наверх для людей вроде него, — но отложил этот план, когда встретил Мэриел. Она была с юга Техаса, из классической для этих мест немецко-мексиканской семьи. Время от времени на ранчо заезжал кто-нибудь из ее многочисленных дядьев и кузенов: помочь молодым обустроиться и, как подозревал Руфус, за ним присмотреть. И кто их осудит? Они вправе опасаться, что парень вроде него, женившись и увезя жену подальше от родни, начнет распускать руки, — и вправе удостовериться, что это не так. Все правильно: доверяй, но проверяй.

В то время политические полюса любопытным образом замкнулись, когда хиппи, решившие вернуться к истокам, стали неотличимы от уль-

траправых выживальщиков — просто потому, что девяносто девять процентов времени занимались одним и тем же. Чтобы объяснить, зачем зарылся в глушь и копаешься в земле, а не уедешь в какой-нибудь пригород Далласа и не найдешь работу в «Уолмарте», нужна какая-то история. У хиппи и ультраправых они сильно отличались, но на практике об этом редко вспоминали. Мэриел тяготела скорее к хиппи; Руфус оставался сам по себе.

Поначалу он всерьез надеялся на прибыль; но снова и снова обнаруживал, что, как ни рви жилы, даже при большом везении тебе удастся выжать из земли лишь на несколько долларов больше, чем в прошлом году. Шли годы, и Руфус начал спрашивать себя, зачем во все это ввязался. Колледж по квоте давно сошел с повестки дня; но ведь можно уехать куда угодно и хоть авторемонтом заняться, все хлеб. Расходы на жизнь вырастут, зато он будет спокойно спать по ночам, а не ставить будильник на 2:30, чтобы отстреливать по ночам диких свиней.

Трупы он оставлял на месте, и к утру их сжирали другие свиньи. Еще один образчик бессмысленности такой жизни. Свиньи едят все, даже друг дружку. Жвачные животные уничтожают

траву, но корни оставляют в земле, — свиньи же взрывают землю и выкапывают корни. Начинается эрозия. Там, где прошли свиньи, могут жить разве что муравьи. Уничтожить этих тварей с одной винтовкой невозможно; и те, кого он убивает, становятся пищей для следующих. Руфус и Мэриел запретили Адели подкармливать Пятачка и его собратьев. Увы! Пятачок уже получил хороший жизненный старт, усвоил, что где люди, там еда, — и Руфус начал подозревать, что выстрелы по ночам не пугают его, а привлекают. Хряк понял: где стреляют, там можно нажраться от пуза мясом убитого родственника. Ночь за ночью Руфус выходил на охоту — а Пятачок только жирел и наглел.

Почти все это Руфус понял задним числом, в свете того, что случилось дальше. Изводил себя мыслями о том, что надо было выследить именно Пятачка. Пристрелив какого-нибудь хряка, оставить того валяться на земле как наживку, а самому залечь в засаде и ждать. Годы прошли, но он все еще ворочался ночами без сна, думая, что в те далекие дни, когда у него еще была дочь, не раз и не два ловил Пятачка — светлый силуэт среди других таких же — в перекрестье инфракрасного прицела, но не спускал курок. Просто потому, что

не знал, как наутро, за завтраком, будет смотреть в глаза Адели.

Недавно он научился одному фокусу: только в голову заползут мерзкие мыслишки о том, что было бы, если бы… — высовывай язык. Открывай рот и высовывай язык так далеко, как только можешь, словно выблевываешь эти мысли, отказываешься впускать их в себя. И это работало. Правда, люди на него косились — хотя Руфус теперь общался с людьми нечасто.

Единственным его утешением — очень скудным, надо сказать, — было то, что во время этого происшествия (сам он тогда был в городе, покупал водоотводные трубы) на участок ворвалось целое стадо диких свиней в две дюжины голов, а то и больше. Главарем банды был Пятачок, но с собой он привел столько подельников, что, даже оставайся Руфус дома с заряженной винтовкой, вполне возможно, он не смог бы спасти Адель.

С Мэриел они разошлись, и она вернулась на юг, к семье. А Руфус посвятил себя истреблению диких свиней. Тем и зарабатывал нынче на жизнь.

Только теперь, в сорок четыре года, он понял, как надо вести бизнес. В армии о доходах и расходах думать не приходилось. На ферме поневоле пришлось: Мэриел в этом деле оказалась без-

надежна. Долгие годы он допоздна сидел над бухгалтерской программой, а цифры делались все хуже, и все бóльшая часть его военной пенсии улетала в трубу, на затыкание дыр. Откровенно говоря, ферма приносила только расходы. Но тревожные финансовые сигналы отступали перед эмоциональной стороной дела: перед той историей, что Руфус и Мэриел рассказывали себе и друг другу (и все больше и больше — Адели) о том, почему и зачем поселились здесь, вдали от больших городов.

Адель погибла, Мэриел ушла, и с ними закончилась история. Все стало просто и понятно. Руфус распродал, что смог, отослал Мэриел половину вырученного. Поехал в Форт-Силл, где у него по старой памяти был доступ к армейской автомастерской, и превратил свой грузовик в «двойняшку»: так называют в этих краях пикапы со сдвоенными задними колесами. Его бабка и пара двоюродных братьев согласились вложиться в дело. С их помощью Руфус купил подержанный жилой трейлер и прицепил позади «двойняшки». Туда сложил все свое оружие, инструменты и пожитки. Напечатал визитки со словами «Услуги по сдерживанию численности диких свиней», такие же надписи нанес на пикап с обеих сторон

— и отправился в путь по аукционам скота и сельским ярмаркам.

В первые полгода он не выжил бы без армейской пенсии, но малу-помалу бизнес начал приносить доход. Руфус колесил по бесконечной сети проселочных дорог, капиллярами пронизывающих все районы Техаса — штата, в котором он, уроженец Оклахомы, по-прежнему ощущал себя чужаком. Время от времени останавливался на каком-нибудь ранчо, хозяева которого решали, что дополнительная огневая поддержка им не помешает. Занимался он этим, конечно, не один. Но с более крупными фирмами удавалось конкурировать, поскольку Руфус меньше стоил. Крупным фирмам приходится кормить сотрудников, закупать и ремонтировать оборудование. Кто-то использует вертолеты, кто-то гоняется за свиньями на джипах. Впечатляюще, но дорого. А Руфус работал в одиночку. Никому не платил зарплату и не покупал медицинскую страховку. Действовал самым простым методом: выходил в ночь, устанавливал на треножник винтовку с инфракрасным прицелом, ждал, когда на темном ночном фоне покажутся белые силуэты, — и принимался снимать одного за другим, начиная с самых крупных. Пока свиньи метались в панике,

успевал уложить еще нескольких помельче.

В первые полгода, пока работы почти не было, он успел прийти в уныние — но, как сам понял потом, потратил это время с большой пользой. Целыми днями он сидел за складным столом у себя в трейлере, под ровный гул генератора изучая книги и сайты о диких свиньях. Тема оказалась чертовски любопытная. Начать с того, что свиньи, как и белые люди, — инвазионный вид из Европы. Еще во времена конкистадоров, в шестнадцатом веке, испанцы завезли их на Рио-Гранде. Не успев смыть со щетины дорожную грязь, свиньи вырвались на свободу и одичали. В последующие пятьсот лет произошло еще множество таких же «интродукций» — так это называется в научной литературе. Однако ни одна из них сама по себе не объясняла Пятачка. Для его появления на свет требовалось завезти в Америку диких кабанов, а это произошло намного позже.

Добыча кабанов — распространенный охотничий промысел. По-видимому, к этому зверю особенно неравнодушны немцы. В Техасе немцев было немало, у многих водились деньги; к тому же здешние края скудно населены и изобилуют пустошами — для охотников настоящий рай. В

Германии есть местность под названием Чернолесье: о ней рассказывают такие истории, каким и хиппи, и выживальщики позавидуют. Техасские немцы твердо верили, что еще задолго до римлян их воинственные предки бегали по этому Чернолесью с копьями и убивали кабанов, что это часть их древнего наследия, вроде как пляски и тамтамы у индейцев. Так что они снаряжали экспедиции в Европу, добывали там самых крупных и свирепых кабанов, каких могли найти — даже в русских лесах побывали и оттуда вывезли несколько выдающихся экземпляров, — привозили их живьем в Техас и выпускали. Обычно старались огораживать участки: но свиньи умеют подкапываться под заборы, форсировать реки и мигрировать на большие расстояния, поэтому очень скоро эти кабаны оказались на свободе — с той же легкостью, что и их одомашненные родственники несколько столетий назад. И, встретившись с этими родственниками, принялись с ними скрещиваться.

Формального образования Руфусу недоставало, зато читать-то он умел — и в армии стал отличным механиком именно потому, что научился лучше прочих сосредотачиваться на инструкциях. Умел, скользнув глазами по абзацу, выхватить

из него ключевой факт или цифру, торчащую, словно коряга в мутной болотной воде. Когда дошло до научной литературы о диких свиньях, этот навык ему пригодился. Например: заводчики одомашненных свиней в разведении ориентируются на размер и вес. Чем больше, тем лучше. В глаза ему бросились слова «более 700 кг». Быть такого не может! Руфус посчитал в уме: семьсот килограммов — это же пятнадцать сотен фунтов! Дикие кабаны до таких чудовищных размеров не дорастают: крупнейший известный науке экземпляр весил «всего лишь» вполовину меньше. Но что произойдет, если дикий кабан, отобранный для охоты по признакам хитрости и свирепости, скрестится где-нибудь в лесу с гигантской одичалой свиньей?

В книгах Руфус постоянно натыкался на одни и те же фамилии. Например, доктор А. Лейн Ратледж из Техасского аграрно-механического университета. Погуглив, выяснил, что это женщина по имени Айона. С помощью генетического секвенирования исследует запутанную генеалогию техасских диких свиней и добилась в этом немалых успехов. Ее оказалось на удивление просто найти в Интернете. И она ответила на его письмо. Коротко и сухо, но ответила.

Руфус давно усвоил: хочешь что-то получить — сперва что-то предложи. Так что он начал слать доктору данные: образцы тканей убитых свиней, содержащих ДНК, и фото с геотегами тех мест, где они нашли свой последний приют. Это привлекло ее внимание: тон переписки стал теплее, и Руфус уже без стеснения попросил ее о личной встрече.

Трейлер он оставил на территории клиента милях в двадцати от Колледж-Стейшен[7], а сам на «двойняшке» доехал до кампуса. Гугл-карты ввели его в заблуждение: оказалось, сегодня проходит крупная протестная демонстрация и немало улиц в городе перекрыты. Руфус потыкался туда и сюда — безуспешно, оставил грузовик на парковке и дальше пошел пешком. Протестующие поначалу провожали его здоровенную прожорливую «двойняшку» негодующими взглядами, но смущенно отводили глаза, заметив, что за рулем цветной.

Был уже ноябрь, но в Колледж-Стейшен стояла адская жара. Руфус весь взмок: оставалось лишь надеяться, что доктора Ратледж не смущает запах пота. Может, с возрастом он начал хуже перено-

[7] Примечания: 7

Моногород, сложившийся вокруг Техасского аграрно-механического университета, одного из крупнейших учебных заведений США.

сить жару? В последнее время редко случалось выходить на улицу при свете дня. Одна из очень немногих генетических слабостей свиней — они не потеют, поэтому днем прячутся где-нибудь в тени, а еду добывают по ночам. Вслед за ними и Руфус перешел на ночной образ жизни.

Пробираясь сквозь толпу, он успел разглядеть и самих протестующих, и их плакаты. На многих из них утверждалось, что человечество — инвазионный вид: на взгляд Руфуса, очень точно подмечено.

Легко и даже в чем-то приятно сравнивать то, что Руфус сейчас пытается делать со свиньями, с тем, что команчи лет двести назад пытались делать с белыми. Однако в таких сравнениях стоит проявлять осторожность. Команчи — тоже не коренные жители этих мест: они пришли с севера и «заместили» (каков эвфемизм!) индейцев, обитавших в Техасе до них. А удалось им это, потому что команчи первыми приручили еще один инвазионный для Америки вид — лошадей.

Другие плакаты развивали тему вымирания: вот что ждет человеческий род, если мы не сумеем справиться с изменениями климата! Так что к дверям здания, где располагался кабинет доктора Ратледж, Руфус подошел уже в полном

недоумении. Чего же хотят эти ребята? Спасти человечество от вымирания? Но если люди — инвазионный вид, разве не следует радоваться, что их не станет? Быть может, об этом студенты спорили до хрипоты за пивом и пиццей в те ночи, пока Руфус в одиночку, с винтовкой и треножником, выслеживал своего демона.

На некоторых протестующих он приметил странные приспособления, скорее даже костюмы — ранние прототипы геокостюмов, как стало ясно впоследствии: для такого жаркого дня эти наряды выглядели чересчур громоздкими, поскольку с внутренней стороны несли на себе сеть охлаждающих трубок, прилегающих к коже. Трубки присоединялись к работающей от аккумулятора системе охлаждения в рюкзаке на спине. Системе нужно было куда-то отдавать тепло — так что из рюкзака, вздымаясь над головой его хозяина, торчала трубка, из которой поднимались и рассеивались в воздухе клубы горячего пара. Крепкое телосложение требовалось, чтобы таскать на себе всю эту конструкцию.

— Около десяти тысяч лет назад люди, в то время постоянно находившиеся на грани вымирания от голода, заметили, что свиньи едят то, что люди есть не могут.

— Да свиньи вообще все едят! — выпалил Руфус и прикусил язык, сообразив, что ее перебил.

Но доктор Ратледж и ухом не повела.

— Совершенно верно. Свиньи едят все, а люди могут есть свиней. Кроме того, мы несколько умнее их.

— Не намного, — буркнул Руфус, невольно покосившись в сторону окна, из-за которого доносились приглушенные выкрики протестующих. Впрочем, стоит признать: эти костюмы-холодильники — остроумная идея.

— Верно, они очень сообразительны, — согласилась доктор Ратледж, также метнув взгляд на окно, и Руфус невольно спросил себя, свиней ли она имеет в виду. — Во всяком случае, именно тогда люди их приручили. О разновидностях домашних свиней у нас, разумеется, есть достаточно полная генетическая информация. С евразийским диким кабаном сложнее, но и о его генетике известно немало. Но это лишь исходный материал. А самое веселье начинается, когда видишь, сколько разнообразных генетических комбинаций могут создать несколько миллионов одичалых свиней, бегающих по Техасу.

Удивленный таким употреблением слова «веселье», Руфус на мгновение отвлекся от разговора.

Никогда раньше он не бывал в университетском кампусе. Кое-что здесь оказалось точно таким, как он ожидал (например, толпа студентов и хорошеньких студенток с плакатами). Но в кабинете у доктора Ратледж, в отличие от преподавательских кабинетов в кино, не нашлось ни панельной обшивки, ни книжных полок до потолка. Кабинет оказался совсем небольшой, с голыми стенами, и повсюду компьютеры и кабели.

Доктору Ратледж такая обстановка вполне подходила. Хозяйка кабинета выглядела дамой суровой и жесткой, что называется, без глупостей. Никаких финтифлюшек, которые Руфус привык видеть на самках рода *Homo sapiens*. Волосы до плеч зачесаны назад, на лбу лабораторные защитные очки. Выговор северный: то ли приезжая, то ли из тех техасцев, что умудряются родиться и вырасти в этих краях, не подцепив техасский акцент. Фотографии на столе свидетельствуют о существовании мужа и как минимум двоих детей. Встретила сухо, по-деловому — и смягчилась, лишь когда он выказал к ней уважение. Таких женщин он встречал в армии.

— Кстати о веселье, — сказал он наконец, — ведь интродукция евразийских кабанов в Техас случилась оттого, что…

— …кому-то взбрело в голову на них поохотиться, — кивнула она. Руфус почувствовал, что, ввернув к месту слово «интродукция», заслужил в ее глазах дополнительное очко.

— Чем сложнее убить, тем веселее охота, — добавил Руфус.

— Не охочусь, но, по мне, звучит логично.

— Быстрые, свирепые, изворотливые…

Она подняла брови.

— И вот такие зверюги скрещиваются — *гибридизируются* — с одичалой домашней свиньей, способной вырасти до огромных размеров. То, что получается…

Он умолк. Доктор Ратледж отвела взгляд и вздохнула: должно быть, поняла, что Руфус ходит кругами вокруг своей цели, но никак не может заговорить об этом напрямую.

— Вы говорите о животном, убившем вашу дочь, — сказала она негромко и сочувственно, но твердо.

Понятное дело. Нашла его в «Гугле», как и он ее. А эта история была во всех новостях.

Она подождала, пока он кивнет, и продолжила:

— То, что такой гибрид достигнет необычно больших размеров, вполне вероятно. Собственно,

этого следует ожидать. Но должна вас предостеречь: чем больше животное, тем больше ему требуется пищи.

И снова Руфус на мгновение завис, удивленный тем, что она об этом «предостерегает». Слово «предостережение» чаще всего встречалось ему в инструкциях — там, где объясняется, чего не надо делать, чтобы оружие не взорвалось у тебя в руках. А доктор Ратледж предупреждает, о чем не надо думать, чтобы не пойти неверным путем. Что ж, для ученого вполне естественно.

— Допустим, этот ваш Моби Свин весит двести килограммов. В такое могу поверить, — продолжала она. — Триста? Вот тут позволю себе выразить недоверие. На мой взгляд, вы доверяетесь своим фантазиям. Как капитан Ахав. Огромные размеры, которые вы приписываете этому животному, отражают роль, которую оно играет в вашей психике. Это не научный факт. Вас тошнит?

— Прошу прощения, мэм?

— Вы высунули язык. Как будто вас сейчас вырвет.

— Не обращайте внимания. Это просто… просто психика. Со мной все нормально.

— Я готова вам помочь, — сказала она. — Ес-

ли вы решили посвятить жизнь тому, чтобы выследить одного кабана из нескольких миллионов, — почему бы и нет? Он людоед. Избавиться от него — значит оказать услугу обществу. Но если у меня здесь есть какая-то роль — она в том, чтобы удержать вас на почве реальных фактов. Итак, факт номер один: скорее всего, он весит не больше двухсот килограммов. Точно не триста. Следовательно, пока вы ищете кабана-великана, о каких любят рассказывать завсегдатаи баров, — гоняетесь за призраком. И никогда его не найдете.

Слова ученой болезненно укололи — в них была правда. Но к боли Руфус привык. Так что просто кивнул. В самом деле, звучало логично. И даже кое-что объясняло.

— Факт номер два: по вашим собственным прикидкам, сейчас этому зверю три года. Еще три — и он сдохнет от старости. — Доктор Ратледж нахмурилась. — Вы мне не верите?

— Да нет, мэм, верю, конечно. — Этот вопрос Руфус слышал нередко, чаще всего не понимал, чем он вызван, — и пришел к выводу, что его лицо в обычном спокойном состоянии выражает скепсис и недоверие. Быть может, это как-то связано с глубокими горизонтальными морщинами

на лбу. — Я просто так выгляжу, когда думаю.

— На самом деле, — продолжила она, успокаивающим жестом подняв ладони вверх, — то, что свиньи живут недолго, — хорошая новость. Это не даст вам полностью превратиться в Ахава.

— Вы его уже упоминали, но…

— Капитан китобойного судна, помешавшийся на желании отыскать и убить одного белого кашалота. Проблема в том, что кашалоты живут долго. Дольше людей. Так что в жизни Ахава не было рубежа, когда он мог бы сказать… — она негромко хлопнула в ладоши, — «Ну что ж, время вышло, я сделал все, что мог, а Моби Дик уже точно в мире ином, так что теперь можно…»

— Вернуться к обычной жизни?

Доктор Ратледж пожала плечами.

— Мэриел, мать Адели, как-то мне сказала: «Эта погоня за Пятачком разрушает твою жизнь». Знаете, что я ответил?

— Не знаю.

— Что это теперь и есть моя жизнь. — И он снова высунул язык.

— Что ж, меня это не касается, — заметила она, с бесстрастным научным интересом бросив взгляд на его миндалины. — Но задумывались ли вы о том, как будете жить и чем заниматься через три

года, когда Пятачка точно не станет?

— Не три года. Справлюсь быстрее.

После того разговора операция Руфуса вошла, по его собственным словам, в фазу зрелости. Для начала он приобрел экземпляр «Моби Дика». Сверялся с ним время от времени — проверял, не поехал ли крышей. Купил и аудиокнигу, чтобы слушать ее в наушниках, сидя в засаде. Капитан Ахав появился в романе далеко не сразу и поначалу вовсе не выглядел одержимым маньяком. Зато потом стало очевидно, почему доктор Ратледж сравнила Руфуса с Ахавом. И все же аналогия не зацепила его так, как могла бы. Дело в том, что к этому моменту он заинтересовался гарпунщиками: «татуированным каннибалом» Квикегом, «чистокровным индейцем» Таштего, «огромным угольно-черным негром-дикарем» Дэггу. Самым любопытным для него стал тот факт, что эта троица зарабатывала на «Пекоде» больше всего денег и занимала самое привилегированное положение, не считая самого Ахава и трех его помощников. Руфус даже подсчитал в бухгалтерской программе — вышло, что Квикег получал в 3,333 раза больше рассказчика Измаила.

Таким образом, непосредственная польза от «Моби Дика» состояла в том, что Руфус вновь

задумался о рентабельности своего предприятия. Хорошо бы, думал он, выйти на уровень Ахава, Пелега и Билдада. В книге описывались довольно сложные операции, но суть была проще некуда: плавать на корабле по морю, пока не встретишь кита, и подобраться достаточно близко, чтобы кто-то из твоих людей смог воткнуть в него гарпун. Срывают банк те, кто умеет обращаться с гарпуном. Простым матросом много не заработаешь — таких двенадцать на дюжину: вот и Измаилу, чтобы свести концы с концами, пришлось остаться дома и написать роман.

Для начала Руфус избавился от лишнего оборудования. Основным его «орудием труда» осталась винтовка с массивным треножником и дорогим инфракрасным прицелом. На фоне черного неба и темных деревьев (хотя бы ночью Техас немного остывал) силуэты кабанов в прицеле выглядели молочно-белыми, как Моби Дик. Руфус вглядывался, убеждался, что это именно свиньи — а не домашний скот или, упаси боже, не люди, — а затем неторопливо отправлял их в Царство Небесное. Пуля за пулей ложилась в цель, и из ран, словно искры из сварочного аппарата, вылетали светящиеся фонтанчики крови и потрохов. Получив пулю, вожак падал на бок, дергая но-

гами, стадо с визгом кидалось врассыпную — и, пока они суматошно носились туда-сюда, Руфус успевал уложить еще нескольких. На следующее утро клиенты видели гору мяса, а сколько свиней ушло невредимыми, не видели. Так что бизнес Руфуса на девяносто процентов зависел от винтовки. Однако, выслеживая свиней на открытой местности, он брал с собой автомат. От него больше пользы, если стадо бросится на тебя или окружит со всех сторон. Откровенно говоря, той же цели могла бы послужить AR-15[8], и запчасти к ней купить было проще — но Руфус предпочитал калашников за огневую мощь. Калибр 7,62 как-то надежнее 5,56, когда всаживаешь его в бок двухсоткилограммовой туше. К тому же его как механика завораживала грубая простота АК — и то, что он не выходил из строя, даже искупавшись в болоте. Настоящий дикий кабан среди стволов. Что до AR-15 — она слишком уж напоминала армию, а в гражданской жизни ассоциировалась с охотничками в камуфляже и дорогих солнцезащитных очках, из тех, что выезжают на природу покрасоваться и почувствовать себя героями.

Помимо оружия, было не обойтись без высоких

[8] Примечания: 8

Американская полуавтоматическая винтовка, является штатным вооружением в армии и в полиции.

технологий. Руфус делился с доктором Ратледж и ее аспирантами файлами из «Гугл-Земли», высылал им образцы крови, то и дело проверял почту, надеясь, что они обнаружат что-нибудь полезное. Во время расследования смерти Адели шериф собрал то, что обтекаемо называл «вещественными доказательствами», и заказал генетическую экспертизу. С человеческой ДНК Адели смешалась свиная ДНК ее убийцы. Теперь Руфус сумел получить эти данные и переслал доктору Ратледж. Со свиньями, которых он убивал сейчас, сходство было минимальное; но доктор могла по крайней мере дать указания типа «теплее/холоднее», а он, ориентируясь по ее наводкам, — спланировать свои дальнейшие странствия по Техасу.

Он научился пользоваться дронами. Не раз Руфус задумывался о том, как удачно все сложилось: механик на пенсии, но еще здоровый и крепкий, да и семьей не обременен. Ролики на «Ютубе» позволяют научиться всему на свете, «Амазон» — все на свете купить. Сидишь себе в трейлере под кондиционером, управляешь дронами через видеошлем — и видишь, в каком болоте залегли свиньи на день, и догадываешься, куда они пойдут копать коренья нынче ночью; а затем с помощью «Гугл-Земли» определяешь,

где лучше всего установить свой треножник и как туда добраться, чтобы их не спугнуть.

Борьба с дикими свиньями востребована по всему Техасу — строго говоря, по всей территории к югу от Линии Мейсона — Диксона[9] и к востоку от Пекоса. Так что Руфус был волен работать где захочет и держался поближе к тем местам, где, по данным лаборатории доктора Ратледж, убитые свиньи демонстрировали наибольшее генетическое сходство с Пятачком. В основном это был бассейн реки Бразос, к югу от Уэйко и к северу от мест, где редкие фермы постепенно сменяются пригородами Хьюстона. Должно быть, думал Руфус, жара гонит свиней — и Пятачка — поближе к рекам, где всегда можно охладиться.

Вдоль крупной извилистой реки вроде Бразос не так-то легко путешествовать на машине. Чем ближе к берегу, тем мельче и суше сеть проселочных дорог. Чтобы найти мост, всякий раз приходится делать большой крюк — а перебравшись на другую сторону, через некоторое время неизбежно снова искать мост, чтобы вернуться обратно. Словом, здесь Руфусу требовалась лодка. В водном транспорте он совсем не разбирался;

[9] Примечания: 9

Граница между штатами Пенсильвания и Мэриленд, символическая граница между американским Севером и Югом.

но завел дружбу с мужиком по имени Бо Боски. Родом из Луизианы, тот, можно сказать, был коллегой — только не по свиньям, а по аллигаторам. С лодками Бо управлялся так, словно родился на воде. Руфус познакомился с ним на конференции по борьбе с инвазионными видами. Теперь всякий раз, когда нужна была помощь с лодкой, он доставал мобильник и набирал Бо; а тот звонил Руфусу, когда нуждался в дронах или инфракрасном прицеле.

Именно охотничьи заботы привели обоих в Уэйко Летом огненных муравьев[10].

Зимой и весной в Техасе держалась необычная для тех мест погода (если какую-то погоду в наши дни можно назвать необычной), которая, говоря вкратце, способствовала бурному размножению огненных муравьев. Откровенно сказать, этим насекомым любая погода по вкусу — по крайней мере, так считают простые смертные; но люди вроде доктора Ратледж, которые в своем деле разбираются, уверяли, что такого удачного года муравьи еще не видывали.

Потом начала подниматься вода. Не мощным

[10] Примечания: 10

Инвазионный вид муравьев, распространенный по всему миру. Очень многочисленны, обладают сильным жалом и ядом, действие которого схоже с ожогом — отсюда их название.

потоком, который утопил бы муравьев прямо в муравейниках, а понемногу. Муравьи бежали от воды вверх по склонам и попадали туда, где люди строят дома. Например, в Хьюстон, третий по величине город Северной Америки. Результатом стало то, что доктор Ратледж сухо назвала «столкновением людей и муравьев в невиданном прежде масштабе».

Первыми заметили, что творится неладное, сотрудники скорой помощи. Количество вызовов выросло во много раз — и не только к тем, кого искусали муравьи. Неоднократно, например, техасцы пытались облить муравьиные гнезда керосином и поджечь, и при этом сами получали ожоги.

Муравьи реагировали на загадочные сигналы, о которых люди могли только догадываться. В числе прочего их, судя по всему, тянуло на запах озона. Этот газ можно найти в самых разных местах, но в Хьюстоне его вероятнее всего встретить в реле кондиционеров. Реле — это большой электрический выключатель с движущимися механическими деталями: именно они производят ясно слышимый щелчок, когда мы включаем и выключаем кондиционер. Почти все электроприборы в наше время перешли на

твердотельные реле; но по какой-то причине, известной лишь инженерам-электрикам, в реле кондиционеров до сих пор используются металлические детали, которые соприкасаются, когда надо установить контакт, и разъединяются, когда кондиционер выключен. Всякий раз, как это происходит, между деталями пробегает искра и вырабатывается озон. В этой части света кондиционер чаще всего устанавливают вне дома, на бетонной платформе. Муравьи, привлеченные запахом озона, повадились забираться в кондиционер через вентиляционные отверстия и устраиваться на реле. Судьба их была печальна: при следующем переключении насекомые поджаривались или оказывались раздавлены. Останки дохлых муравьев налипали на контакты, и скоро реле начинало требовать замены. Комплектующие для реле изготовлялись в Китае, где одна компания, специализирующаяся на этом товаре, вытеснила с рынка все остальные. Теперь выяснилось, что она просто не в состоянии обеспечивать Восточный Техас деталями для замены выводимых из строя реле. Народ придумывал какие-то кустарные решения; а тем временем дома, где проживали сотни тысяч человек, оказались попросту непригодны для жилья. Некоторые спа-

сались от хьюстонского лета вентиляторами, но большинство искали альтернативы понадежнее. Для начала оказались забиты все гостиницы в Хьюстоне и окрестностях. Жилые автофургоны — которые КОВИД-19, КОВИД-23, КОВИД-27 и общая невозможность для американцев выезжать за пределы Континентальных штатов уже превратили в дефицитный товар — подскочили в цене: купив фургон, люди ставили его возле дома и переезжали туда. Многие превратились в кочевников: заполонили все кемпинги, куда смогли попасть легально, а когда там закончились места, принялись нелегально парковаться где попало. От кочевников былых времен эти люди отличались наличием средств. Как минимум, у всех имелись собственные дома. Так что эти кочевники многое могли себе позволить.

Для Руфуса все это не имело особого значения — разве что объясняло, почему вдруг стало сложно найти место для парковки и куда подевались запчасти для генератора. Куда важнее для него стал звонок от доктора Ратледж, полученный в середине июля.

Со временем в свином желудке накапливается то, что зверюге не удалось переварить. Время от времени свинья блюет, чтобы освободить место.

Всякий, кому случается выслеживать диких свиней, натыкается иногда на эту свиную блевотину: лужицы, быстро высыхающие под солнцем, а в них — черепа, челюсти, копыта телят, ягнят, детенышей разных диких животных, поросят, кошек и собак, а также собачьи ошейники, палки, камни, жеваный пластик и все в таком роде. Руфус к этим кучам не приглядывался — боялся найти в них человеческие останки.

Несколько недель назад, работая на участке между Уэйко и Колледж-Стейшен, он наткнулся на такую огромную лужу свиной блевотины, какой никогда еще не видывал. Он соскреб с земли образец и отослал в университет.

Судьбоносный звонок раздался несколько недель спустя, когда он был оттуда уже в нескольких сотнях миль. Вот что сказала доктор Ратледж: ДНК полностью совпадает. Эту лужу с кучей мусора оставил не кто-то из родственников Пятачка, а *сам Пятачок.*

После звонка Руфус впал в какое-то оцепенение. Казалось бы, самое время вскочить и броситься в бой — но его словно парализовало. Даже уснул на несколько минут. Лишь потом понял: так он готовился к битве. Перезагружал и тело, и ум — выключился и включился заново. Как сказал

Ахав в последний день своей эпической погони за Белым китом: «Порой мне кажется, что ум мой не просто холоден — что он превратился в лед, так что череп вот-вот треснет, словно стакан, в котором замерзла вода».

Руфус открыл «Гугл-Землю», проверил местоположение рвотной лужи. На берегу приличных размеров притока Бразос, вблизи запримеченного им раньше болотца. С того дня температура там ни разу не опускалась ниже сотни по Фаренгейту. Если Пятачок так вырос, как можно судить по размерам оставленной лужи, значит, жара вынудила его превратиться в водное млекопитающее. Без постоянной возможности охладиться подобная туша при нынешней погоде просто не выживет. И маловероятно, что он станет переходить от одного водоема к другому напрямик. Будет двигаться вдоль рек — так же, как люди двигаются по дорогам. Руфус пересмотрел сделанные раньше снимки и подметил одну деталь, на которую сразу не обратил внимания: в луже блевотины много черепашьих панцирей. Есть даже рыбьи кости. Все верно: Пятачок живет в воде.

Руфус набрал Бо Боски: тот ответил с первого звонка. Бо как раз заканчивал валить аллигаторов в Шугарленде, пригороде Хьюстона, на

нижнем течении Бразос. Понтонная лодка была при нем. Он пообещал привезти ее на прицепе на один удобный причал на Бразос, к югу от Уэйко. «Все равно туда собираюсь, — добавил он, — есть делишки с мигаторами». По крайней мере, Руфус так расслышал: сквозь густой креольский акцент Бо, отфильтрованный неидеальной сотовой связью, точно разобрать слово было нелегко. Что еще за «мигаторы»? Так или иначе, Руфуса это не волновало: главное, что скоро у него появится свой «Пекод».

Руфус двинулся на восток. Попытался снова посетить место, где напал на след Пятачка, но теперь оно скрылось под прибывающей водой. Может, оно и к лучшему. Ему не раз снился один и тот же кошмар: в луже свиной блевотины он находит маленький детский череп — и, сколько ни высовывай язык, избавиться от этого кошмара не удавалось.

В ожидании Бо Руфус сжег немало бензина, катаясь взад-вперед по обоим берегам реки. Все здесь заросло густым кустарником. Согласно техасским законам река и прибрежная полоса являлись общественным достоянием. Хозяева близлежащих земельных участков не видели смысла приводить побережье в порядок. Техас

славится тем, что земли́ здесь в избытке — а значит, у каждого хозяина имелось куда приложить усилия и на своей законной территории. Очистка побережья была даже невыгодна: экономической пользы от нее никакой, а к чистому берегу проще приставать ворам и браконьерам. Так что берега Бразос по большей части представляли собой полосу непроходимых зарослей, настоящие джунгли — рай для диких свиней: есть где и окунуться в реку, и почесать бока о корни, стряхивая паразитов, и устроить ночной набег на соседнюю ферму. Свиньи бродили по побережью, оставляя за собой широкий след из попорченных полей, кала, блевотины, мусора — и разъяренных фермеров, гнев которых приносил Руфусу немалые барыши. Сейчас он искал ответа на один вопрос: куда направился Пятачок, вверх по реке или вниз?

К тому времени, как Бо добрался до ближайшего городка под названием Тревис, Руфус пришел к выводу, что Пятачок ушел вверх по реке, на север, в направлении Уэйко. Так что, как только Бо спустил на воду свою понтонную лодку, туда они и отправились. Путешествие выдалось медленным и утомительным: река в этих местах делала крутые повороты, проплыть удавалось не

больше нескольких миль зараз, и Реджи, зять Бо, ехавший на пикапе посуху, преодолевал десяток миль за то время, что им едва удавалось покрыть одну. Там, где дорога подходила к реке вплотную, они останавливались, Руфус пересаживался к Реджи и возвращался с ним к исходной точке; оттуда они перегоняли все свои транспортные средства на новое место и здесь припарковывали. Дело тянулось мучительно медленно. Но им требовалось всего лишь догнать Пятачка; а он навряд ли спешил.

Через несколько дней такого путешествия охотники достигли самого сердца Уэйко. Здесь, посреди леса, река раздваивалась: в русло Бразос впадал небольшой приток под названием Боске. В нескольких милях кверху от этого слияния, прямо возле аэродрома, Боске был перегорожен дамбой и образовывал озеро Уэйко. Бразос же уходила в сторону, в техасскую глубинку. Здесь экспедиция затормозила: следовало хорошенько подумать, по какой из рек двигаться дальше.

Крупные автомобили здесь очень мешали. На открытой местности лучше транспорта не найдешь, но в лесистом пригороде Уэйко, где расходились две реки, для крупных машин просто не было места. Однако по берегам озера Уэйко

имелось множество кемпингов с парковками для фургонов. В прошлые годы там легко нашлось бы местечко; но теперь из-за беды с муравьями и кондиционерами все было забито битком. «Муравьиные беженцы» разбивали нелегальные лагеря не только на берегу, но и вдоль дорог, змеящихся между озером и аэродромом: не было такого клочка земли, на котором не жили бы люди. Как и в любом человеческом поселении, имелись здесь места получше и похуже. Получше — легальные кемпинги вокруг озера, на возвышенных и сухих местах. Похуже — нелегально, в лесу, среди болот. Бо включил обаяние, с кем-то полюбезничал, кому-то сунул на лапу — и сумел выторговать для своей команды место не совсем кошмарное и при этом достаточно просторное, чтобы разместить там пикап с прицепом, на котором возил понтон, «двойняшку» и трейлер Руфуса. Мэри, жена Бо, прилетела сюда с озера Чарльз, где обитал клан Боски; пару дней они обустраивались на новом месте, а Руфус тем временем, взяв надувную лодку, которую Бо обыкновенно таскал на прицепе за понтоном, исследовал русла обеих рек.

Бо обладал всем, чего недоставало Руфусу: на воде был как дома, интересовался крупными рептилиями, вел дневной образ жизни, был весел,

энергичен, громогласен — и женат. Вместе со своей Мэри он вырастил на берегу озера Чарльз (большинство людей сказало бы, на болоте) троих детей. Старшая дочь вышла замуж за этого Реджи: похоже было, что ему и отойдет охотничий бизнес тестя. Впрочем, на покой Бо пока не собирался. Он был не из тех, кто уходит на пенсию, — скорее уж ему предстояло помереть прямо на воде от сердечного приступа, к которому неминуемо приведет такой рацион (да, именно такой, как вы подумали!) и сидячий (днем и ночью в лодке) образ жизни. Но и умирать Бо планировал веселым и довольным, в окружении фотографий внуков. Трое из них были детьми Реджи; с ними и с женой Реджи он с утра до вечера болтал по телефону. Иногда поворачивал телефон в сторону Руфуса: тот морщился и, слыша детские голоса: «Привет, Рэд!» — без особого удовольствия махал в ответ. Из того, что долетало до него из этих разговоров, было ясно, что Бо в семье отзывается о Руфусе тепло и с уважением. И Мэри, появившись в лагере, сразу дала понять, что знает историю Руфуса и воспринимает его охоту на Пятачка как самое естественное дело. Интересно, сказал он себе, неужто там, откуда она родом, такое считается нормой?

Любопытно, что на этих временных биваках мгновенно выстроилось общество в миниатюре, со своей социальной иерархией и обязательными драмами, присущими любому человеческому общежитию. Здесь структура общества была даже сложнее обыкновенной. Высший класс составляли «муравьиные беженцы»: состоятельные люди, покинувшие город в трейлерах-дворцах, прицепленных к сверкающим «эскаладам». Средний класс — перелетные птицы, мигрировавшие сюда из «Больших Грязей», бывших сухих земель в треугольнике между долинами Миссури и Миссисипи, теперь почти постоянно покрытых водой. И низший класс — люди разного происхождения, но часто говорящие по-испански: те, что жили в палатках в лесу, натянув над своими палаточными городками синие брезентовые тенты для дополнительной защиты от солнца и дождя. Многие из них нашли себе работу в «чистых кварталах», у счастливых владельцев трейлеров: готовили на них, убирали, выполняли разные поручения. Так что вокруг полянки, на которой расположились Руфус и Бо, шла постоянная суета: пешком и на велосипедах люди курсировали между своими лагерями в заболоченной лесной чаще и сухими местечками, где, в неумолчном

гуле генераторов и облаке искусственного света, привлекавшем тучи насекомых, занимали свои королевские места мегатрейлеры богачей.

Существует бородатая страшилка, которую Руфус слышал в детстве. Заканчивается она словами: «…и тут он понял, что ГОЛОС ДОНОСИТСЯ ИЗ ДОМА!» Именно такой момент наступил на третий день бивачной жизни на озере Уэйко, когда Руфус осознал, что все это время Пятачок со своим стадом держался совсем рядом с ними.

Таково было непредвиденное следствие внезапного интереса Бо к огромному «метамфетаминовому аллигатору», который, по слухам, шарился где-то здесь, на озерном берегу. «Мет-гатор» — вот что сказал Бо тогда по телефону.

Еще одно качество, у Руфуса напрочь отсутствующее: Бо легко отвлечь. Услышал про «мет-гатора» сказочных размеров — и все, пусть все свиньи мира подождут! Впрочем, аллигаторы таких габаритов встречались на Уэйко куда реже диких свиней.

Гипотеза Бо, на взгляд Руфуса, звучала невероятно, однако он отстаивал ее с полной убежденностью. Аллигаторы живут в реках — там, куда в конечном счете попадает содержимое канализации. Нынешние муниципалитеты пытаются

как-то утилизировать отходы, но конец один — приходится куда-то их девать. Современная канализация заточена на переработку человеческого дерьма, а не всего подряд. Сложные молекулы — например, те, из которых состоят фармацевтические препараты, — проходят через канализацию в первозданном виде. Так что в канализационных трубах несложно обнаружить следы разных препаратов, как легальных, так и нет.

Варщики мета известны склонностью все отходы своего производства выливать в канализацию. Хуже того, нередко они пренебрегают канализацией даже там, где она есть, — а в местах, обитатели которых массово варят мет, ее частенько попросту нет. Словом, так или иначе немало метамфетамина оказывается в реках. Аллигаторы его чуют и плывут на запах, безошибочно определяя, кто и где на берегу занят нелегальным бизнесом. Так вот: на берегу озера кто-то варил мет и этим привлек целую стаю аллигаторов, по словам Бо, способных явиться на аромат наркоты аж из Мексиканского залива.

Надувная лодка осталась пришвартованной на берегу Боске, по ту сторону дамбы, так что на экскурсию по озеру Уэйко они отправились на

понтоне. Целый вечер обходили с черепашьей скоростью тихие прибрежные затоны, какие, по мнению Бо, должны одинаково привлекать крокодилов и наркодилеров. Руфусу не сиделось; невольно он прикидывал, как должны выглядеть эти места для стада свиней. Чем дальше, тем сильнее грызло беспокойство: непредвиденная встреча и со свиньями, и с аллигаторами могла привести к непредсказуемым последствиям. Руфус снял с автомата инфракрасный прицел и, когда сгустилась тьма, начал осматривать болотистые заводи по берегам озера. Бо в сотый раз напомнил, что аллигаторы холоднокровные, их в прицел не разглядишь: эта шутка никогда ему не надоедала. Но Руфус охотился не на аллигаторов.

Они подплыли ко входу в узенький заливчик, в сущности просто желобок в берегу, по которому, должно быть, впадал в озеро невидимый во мраке ручей. На границе между землей и водой инфракрасный прицел уловил плотную, подергивающуюся светлую массу. По краям ее Руфус различил отдельные силуэты — знакомые курносые рыла *Sus Domesticus*[11]. На открытой техасской равнине такое стадо считалось бы

[11] Примечания: 11
Свинья одомашненная (лат.).

большим, хоть и не чрезмерным: явно больше двадцати голов, но все же не тридцать. А здесь, на озере, среди домов, оно казалось попросту огромным. Руфус уставился на него, не веря своим глазам, пытаясь сообразить, как свиньи сюда добрались и где добывают себе еду, когда один силуэт, намного крупнее прочих, отделился от общей массы и вразвалку двинулся прочь от берега.

Руфус достаточно знал свиней, чтобы понять: эту тварь что-то насторожило. Скорее всего, человеческий запах, судя по направлению ветерка. Огромный хряк вертел головой вправо-влево: подплыви они поближе, Руфус наверняка услышал бы, как он шумно втягивает воздух. В профиль морда у него выглядела не такой курносой, как у *Sus Domesticus*. Похоже, этот экземпляр ближе к евразийскому дикому кабану…

Именно в этот момент Реджи со щелчком открыл банку пива.

Пятачок повернул морду на звук и уставился прямо на него.

Даже будь прицел приторочен к автомату, Руфус не стал бы стрелять. Стоило промахнуться, и, просвистев мимо Пятачка, пуля улетела бы на полумилю в лес — прямо туда, где располагался

лагерь. А из револьвера его подстрелить не удастся, слишком далеко.

— На берег! — крикнул Руфус Бо, стоявшему у руля. — Давай к берегу!

Лодка сделала крутой вираж; но в следующий миг, когда Руфус вновь поймал заводь в прицел, свиней там уже не было. Лишь пара отбившихся от стада поросят мелькнула перед глазами и скрылась в кустах. Пятачок исчез.

Это произошло около полуночи. В следующие шестнадцать часов события развивались так, что, расследуй их задним числом какой-нибудь журналист или детектив — ему понадобились бы карта озера Уэйко во всю стену, цветные фломастеры, множество разноцветных флажков и листков с отметками о времени. Для Руфуса же это был просто хаос. Стремительный хаос, за которым он не поспевал.

Он решил не суетиться. Решение хуже некуда, хотя в тот момент оно казалось вполне разумным. Долгие годы он выслеживал Пятачка по всему Техасу — и теперь наконец знает, где искать эту тварь. Стадо свиней движется не слишком быстро, оставляя за собой широкий след из поломанных кустов, вытоптанной травы и дерьма. Выследить его не сложнее, чем танковую диви-

зию на поле для гольфа.

Пока Пятачок держится в местах, где повсюду люди, задача Руфуса — не спеша и не дергаясь, подкрасться к нему вплотную и уложить из дробовика или из чего-то подобного.

В оставшиеся ночные часы он намеревался поспать; не смог сомкнуть глаз, уснул только на рассвете и неожиданно проспал до полудня. Затем доехал на машине до того места на берегу Боске, сразу за дамбой, где оставил надувную лодку, и перегнал ее повыше, к устью ручья. Здесь порыскал в прибрежных зарослях и через несколько минут нашел место, где Пятачок и его стадо день или два назад вышли из лощины и поднялись на приречную насыпь. Отсюда было несложно спуститься по каменистому склону и добраться до озера, а дальше идти вдоль берега либо туда, либо сюда. Чтобы выяснить, где они теперь, самое время использовать дрон.

Руфус сидел на корточках на берегу озера у основания дамбы, словно вырастающей из камня, когда темное, с багровым отливом небо на западе вдруг словно распалось надвое, расколотое молнией. Прежде чем полил дождь, Руфус успел перебраться через дамбу, съехать вниз по травянистому склону и убедиться, что надувная лодка

надежно привязана к дереву. По дороге к грузовику он насквозь промок, но не возражал — в такую жару это только кстати. Ливень хлынул с такой силой, что нечего было и думать отправляться в путь; сидя за рулем, Руфус пережидал непогоду, пока раскаты грома не отдалились и потоки воды с небес не утихли настолько, что можно было, ничего не опасаясь, выбраться на сухую землю.

Гроза окончилась уже во второй половине дня. К этому времени Руфуса вовсю грызло чувство, что последние двенадцать часов он занимался не тем, чем надо, и что-то важное упустил. В лагере царила суматоха. Какие-то ребята набились кучей в один из тех открытых внедорожников, что в наше время на ранчо практически заменили лошадей. Впереди, рядом с водителем, сел парень постарше с дробовиком на коленях. Текстовые сообщения от клана Боски гласили, что тревога поднялась из-за аллигаторов. По лагерю прошел слух, что пропал чей-то пес; его сразу посчитали съеденным. Бо пытался объяснить людям, что сам справится с аллигаторами, если остальные перестанут мешать и путаться под ногами, — но парни во внедорожнике жаждали крови, и их было уже не унять.

Во всем этом Руфуса сильнее всего огорчил

недостаток интереса к бродящему поблизости стаду диких свиней. Если уж начали пропадать домашние животные, с тем же успехом виновным может оказаться Пятачок. И с ревом гонять по округе на внедорожнике — самое тупое, что тут можно придумать! Именно на таких машинах фермеры гоняются за дикими свиньями и отстреливают их на открытой местности. Вполне возможно, что Пятачок или кто-то из его стада с внедорожниками уже знакомы.

Кончилось тем, что Руфус ездил туда-сюда по дорогам, окружавшим лагерь и окрестные леса по периметру, и пытался понять, где кто. Одна из дорог шла вдоль сетчатого забора аэродрома. Ровно в 16:06 Пятачок во главе своего стада вынырнул из леса в какой-нибудь сотне ярдов от Руфуса и бросился через дорогу.

Можно было подумать, что свиней остановит забор. Как же! У них какое-то изумительное чутье на то, где можно пролезть или куда подкопаться.

После первого разговора с доктором Ратледж Руфусу не давала покоя одна смутная мысль. «Моби Свин», — сказала она, и это застряло у него в голове. Мешало, как мешают волосы в ноздрях, что начинают расти у мужчин в определенном возрасте, сперва понемногу, но чем дальше, тем

гуще — пока наконец, смирившись, не берешься за пинцет. Похоже, слово «Моби» что-то ему напоминало. Но только съездив в Лоутон и пообщавшись со своей индейской родней, Руфус понял, что именно.

Основу народа команчей составляли шошоны, пришедшие с севера. У них в языке, разумеется, не было слова «свинья» — и, столкнувшись на просторах нынешнего Техаса с этим новым для себя животным, они должны были придумать ему какое-то название. Таким названием стало «*мууби пооро*». Разные команчские племена произносили его немного по-разному. Первое слово означает «нос», второе — «орудие» или «оружие».

Значение очевидно: дикие свиньи используют собственную морду и как орудие (копаются в земле), и как оружие (могут располосовать клыками). А то, что «*мууби*» похоже по звучанию на «Моби», — чистое совпадение. Должно быть, слова доктора Ратледж о «Моби Свине» пересеклись в пыльном распределительном шкафу его черепа с «*мууби пооро*» — термином, услышанным от команчской родни, — и заискрили, вызвав этот слабый, но неотвязный зуд в мозгу.

Сообразив это, он даже задумался о том, нет ли

индейских корней у «Моби» в имени «Моби Дик». Ведь кашалоты, как и свиньи, используют нос как оружие.

Вы спросите, какое отношение все это имело к происходящему? Самое прямое: своими носами-орудиями свиньи способны подкопаться под любое препятствие. Прямо перед Руфусом, слева, тянулась полоска сетчатого ограждения не больше двадцати футов шириной, густо оплетенная диким виноградом. Виноград указывал на наличие воды. Где-то рядом с забором, под слоем мягкой земли, протекал подземный источник. Свиньи такие вещи за милю чуют. Воды хватит даже для Пятачка — что уж говорить о прочих из его стада? Очень скоро, выстроившись по три-четыре в ряд, свиньи принялись рыть землю у забора. Нырнув под забор и перебравшись на другую сторону, на мгновение застыли — а затем, спасаясь от того, что выгнало их из леса, бросились бежать по открытому полю к взлетной полосе.

Руфус затормозил как раз вовремя, чтобы не наехать на того, кто гнался за свиньями, — огромного аллигатора. Пару секунд в изумлении смотрел на эту зверюгу, способную перекрыть взлетную полосу своим телом, когда его внима-

ние привлек рев мотора слева. Повернув голову, он увидел, что на взлетную полосу опускается маленький самолетик. Одним шасси он врезался в свинью или в пару свиней: хлынула кровь, самолет повело вправо, и он тяжело опустился, почти упал на переднее колесо.

Дальше началось такое, что и пересказать сложно. Свиньи повалили целую секцию ограждения. Руфус направил свой пикап туда и постарался подъехать к самолету как можно ближе (но не вплотную, учитывая, что тот может вспыхнуть как спичка). Распахнув дверь кабины, обнаружил, что аллигатор мчится прямо на него. Руфус потянулся назад, схватил с заднего сиденья калашников. Уже на полпути к самолету сообразил, как все должно выглядеть для потрясенных наблюдателей из диспетчерской: к потерпевшему крушение самолету бежит со всех ног свирепого вида цветной мужик с автоматом в руках.

Но следующие несколько минут его занимали более неотложные дела. Пристрелив аллигатора и перевязав ногу раненому, Руфус повернулся к нему спиной и двинулся туда, где на краю взлетной полосы лежал Пятачок. Похоже, шасси самолета перебило ему позвоночник. Из ануса и из дрожащих ноздрей сочилась кровь.

Килограмм четыреста, не меньше. А уж если считать в унциях… Может, копы потом его взвесят и опубликуют официальные данные.

Хряк лежал, ошеломленный, прикрыв глаза. Все с тем же рисунком из белых пятен на *мууби.*

Вот он почуял Руфуса, и ноздри его затрепетали. Пятачок распахнул глаза и вздернул голову. Руфус был осторожен и не приближался к его шестифутовым клыкам. Однако это движение дало ему необходимый толчок: выйдя из оцепенения, он сделал то, что должен был сделать: вышиб Пятачку мозги четырьмя зарядами 7,62 калибра.

После чего заплакал навзрыд. Так и ревел, пока блондинка из самолета не подошла к нему и не спросила:

— Друг, вам помочь?

Едва стало ясно, что людей с ножами интересует только мясо убитых свиней и аллигатора, команда королевы вернулась к самолету и принялась выгружать багаж. Во время крушения дверь багажного отсека в хвосте сорвало, и вещи разлетелись по всему салону, некоторые попали даже в кабину пилотов. Виллем и Аластер помогли Йохану, второму пилоту, получившему сотрясение, выбраться из рубки, а затем из самолета. Леннерт запрыгал прочь от места крушения на одной

ноге. Быть может, не лучшая идея для серьезно раненного — но совсем недалеко от места, где он сидел, из проломленного бензобака вытекало топливо, так что он благоразумно решил убраться подальше.

Недалеко, прямо на поваленной и сплющенной секции ограждения, остановился мощный пикап. Его водитель, здоровенный мужик с калашниковым, был чем-то занят в паре сотен метров отсюда, на взлетной полосе, там, где и произошло роковое столкновение самолета со свиньями. Прежде чем отойти, он сказал с густым техасским акцентом, что пожарные сюда не приедут — побоятся; и пока что его предсказание оправдывалось текущими событиями — точнее, полным отсутствием событий. Откуда-то издалека доносились сирены, но приближаться явно не спешили.

Теперь, когда все отошли от самолета на безопасное расстояние, приоритетной задачей для королевы стало доставить Леннерта и Йохана в больницу. Единственный доступный транспорт в зоне видимости — пикап незнакомца. Значит, надо с ним поговорить.

Шагая по взрытой земле, королева увидела, как подъезжает и останавливается рядом с первым пикапом второй, очень на него похожий, только

у этого на дверце нарисован мультяшный крокодил. Водительская дверца отворилась, из пикапа показалась пожилая женщина. Смотрела она только на мужчину с автоматом — и, похоже, не рассматривала его как угрозу. Скорее уж беспокоилась за него.

Фредерику Луизу Матильду Саскию это как-то приободрило; так что, когда незнакомец поднял автомат и выпустил четыре очереди прямо в морду гигантскому кабану, тихо издыхающему на взлетной полосе, она не смутилась и смело подошла прямо к нему.

Не замечая ее, незнакомец аккуратно отсоединил магазин, вытряхнул из патронника оставшиеся патроны, бросил автомат на землю. И зарыдал.

Сразу ответить на приветствие в таком состоянии он не мог. Давая ему время успокоиться, королева оглянулась — и обнаружила, что Амелия, ныне выполняющая обязанности шефа ее охраны, следовала за ней по пятам. Пистолет она по-прежнему сжимала двумя руками, направив ствол в землю; смотрела в основном на плачущего незнакомца, но время от времени скользила взглядом по сторонам, проверяя, не подбираются ли к ним новые свиньи, аллигаторы или падаль-

щики с ножами.

Королева взглянула туда, где стояли пикапы. Женщина за рулем машины с крокодильчиком выбралась из кабины и направлялась к ним — быстро, как только могла, учитывая ее преклонный возраст и излишний, как у большинства американцев, вес.

— Амелия, — заговорила королева, — пойди спроси эту женщину, не согласится ли она отвезти Йохана и Леннерта в больницу? Ее можно не опасаться.

— Откуда вы знаете?! — вскинулась Амелия. И, вспомнив о хороших манерах, добавила: — *Uwe Majesteit*[12].

Родители Амелии эмигрировали в Роттердам из Суринама. Выросла она в бедности, в трущобном районе, потом завербовалась в армию и сделала там карьеру — и с большим пиететом относилась к чинам и званиям.

— Здесь меня так не называй.

— Как же прикажете вас называть, *mevrouw?*

Вопрос повис в воздухе. В этот миг королеву поразила новая мысль: ведь она со своей свитой только что нелегально въехала в США!

---

[12] Примечания: 12
Ваше величество (голл.).

Скорее всего, этот вопрос можно будет как-то решить, сохранив лицо. А пока с этим не разобрались, разумнее всего не кричать на перекрестках о том, кто она такая. Не дай бог, обо всем узнают таблоиды! Они не поверят, что крушения нельзя было избежать, — и выставят ее самоуверенной и некомпетентной идиоткой, решившей прыгнуть выше головы.

Это первым пунктом. А вторым — начнут выяснять, что она вообще забыла в Техасе…

— Саскией.

Амелия подняла брови, но неохотно кивнула и оставила «Саскию» наедине с рыдающим свиноубийцей. Сунув пистолет в кобуру за спиной, она бегом направилась к пожилой водительнице пикапа. Амелия умела передвигаться быстро и ни секунды не тратила зря.

Тем временем незнакомец наконец пришел в себя и повернулся к Саскии. Приподняв край футболки — на секунду показался плоский смуглый живот, — утер с лица слезы и пот. На миг Саскии захотелось поступить так же. Она вдруг ощутила, что, и пяти минут не пробыв на открытом воздухе, уже истекает по́том. Правда, если начать вытирать лицо, размажется макияж — пусть и очень скромный; но ведь Фенна потом его по-

правит… если, конечно, возьмет себя в руки и перестанет истерить.

Незнакомец повернулся вполоборота и высунул язык. Это напомнило ей новозеландцев, танцующих хаку[13]. Быть может, он родом откуда-нибудь с тихоокеанских островов?

Кажется, от этой гримасы ему полегчало: когда он снова повернулся к Саскии, лицо и голос его были уже спокойны.

— Все в норме, мэм.

— Спасибо, что помогли моему другу. Теперь нам нужно отвезти его в больницу. Нож мы вам вернем.

Мужчина окинул взглядом поляну.

— Мэри вам поможет. Все будет хорошо. Может, вам еще что нужно?

Щедрое предложение от человека в таком состоянии! Можно сказать, открытая оферта. Саския внимательно на него взглянула, пытаясь понять, не иронизирует ли он. Незнакомец не встретился с ней глазами — вместо этого бросил быстрый взгляд на мертвого кабана.

— Со своими делами я разделался, — объяснил

---

[13] Примечания: 13

Боевой танец мужчин маори, во время которого танцующие топают ногами, бьют себя в грудь, издают ритмичные выкрики и высовывают язык.

он. — Теперь могу заняться вашими.

— Ну… тогда не поможете нам отсюда выбраться? — решилась Саския. Наверное, не мешало бы добавить какую-нибудь вежливую оговорку: «теоретически», «в принципе», «допустим, если бы мы попросили…» — но уж как вышло, так вышло. — Мы заплатим.

— Наличными?

— Если хотите.

— И куда вам надо?

— В Хьюстон.

— Проблемы с законом? Что-то, о чем мне стоит знать?

Саския пожала плечами.

— С иммиграционным законодательством, возможно… но тут уж ничего не поделаешь. — Секунду подумав, она сообразила, что он имеет в виду. — Нет, наркотики мы с собой не везем. Вообще ничего такого. Если вы об этом.

Он колебался. Саския видела: не потому, что ей не верит — просто не понимает, что происходит. Не хватает ключевой информации.

Оставалось сказать правду.

— Я королева Нидерландов, — сказала Саския. — Прилетела с секретной миссией, чтобы спасти свою страну.

— Руфус. Но все зовут меня Рэд. У меня миссия не секретная, и я ее только что выполнил. — Он покосился на огромного убитого кабана и снова высунул язык.

— Рада с вами познакомиться, Рэд.

Обменявшись потным рукопожатием, они направились к самолету. Ей пришлось жестом напомнить Руфусу, чтобы подобрал с земли автомат. Пикап, украшенный крокодильчиком, уже подъезжал к Леннерту; Амелия, стоя в кузове, зорко следила за падальщиками, разделывающими свиней и аллигатора.

— Я тоже, госпожа королева.

— Так не говорят. Правильно называть меня «ваше величество», но здесь это ни к чему. Пожалуйста, зовите меня просто по имени: Саския.

— Хотите скрыть, что вы здесь? Поэтому вот так прилетели?

— Да, я не хотела бы это афишировать. Широкой публике незачем знать, что я в Техасе.

— Много с вами народу?

— Отправим раненых в больницу — останется пятеро. Хотя Виллем, наверное, поедет с ними. Тогда четверо.

— Могу за три минуты довезти вас до открытой воды и посадить на лодку.

— На озеро?

— На реку. Речка Боске. Течет вон в ту сторону и впадает в Бразос.

— Бразос? — Саския знала это испанское слово, но не понимала, почему так называется река.

— «Руки Божьи», — объяснил Руфус. — Большая река, течет к Хьюстону. Так ее назвали испанцы. Не знаю почему. Они были помешаны на религии, у них все названия такие.

Что ж, звучит недурно.

— А за эти три минуты мы не встретимся с полицией, перекрывшей дорогу, или еще с кем-нибудь в этом роде? — Вопрос не праздный, поскольку с другой стороны аэродрома, примерно в километре отсюда, стояла впечатляющая линия красно-синих мигалок.

— Нет, если будем держаться подальше от дорог.

— Внутри никого не осталось? — спросил Руфус. Затем поджег самолет.

Он проделал все так стремительно, что Саския на миг усомнилась в мудрости своего решения доверить судьбу экспедиции первому встречному. Но несколько секунд спустя, когда они мчались прочь, а в зеркалах заднего вида — многочисленных и на удивление крупных — провожали

их языки пламени, поняла, что Руфус все сделал правильно. Самолет все равно уже не спасешь. А внимание всех, кто наблюдает за аэродромом с той стороны, сейчас приковано к огню — хотя бы на минуту-две; но больше Руфусу и не надо, чтобы убраться с места крушения и скрыться в лесах.

Хотя, может быть, зря она приписывает ему такие хитрые планы. Может, он просто псих.

Так или иначе, он за рулем и их судьба сейчас в его руках.

— Головы берегите! — крикнул Руфус, когда пикап на полном ходу свернул с дороги и въехал в чащу.

Саския и Амелия сидели с ним в кабине, Аластер и Фенна — сзади, в открытом кузове. Аластер инстинктивно вздернул голову, но тут же торопливо втянул ее в плечи. Машина мчалась через заросли, такие густые, что в нескольких метрах уже ничего не разглядишь. Очевидно, «берегите головы» означало пригнуться. Хрустели и трещали ветки под колесами, пикап вихлялся туда-сюда: крупные деревья Руфус объезжал, кусты и молодые деревца просто ломал и давил. Впрочем, крупных деревьев попадалось на удивление немного. Лес здесь был не таким, к какому привыкла Саския. Она выросла — и жила до сих

пор — в Хёйс-тен-Бос, особняке в центре Гааги, название которого переводится как «дом в лесу». Лес там величественный, многовековой — классический сказочный евролес с соснами до небес и почти без подлеска. А здесь, казалось, кроме подлеска вообще ничего нет! В первый миг, когда стена зелени ринулась им навстречу, Саския инстинктивно вжалась в сиденье: ей показалось, что пикап вот-вот врежется в эту плотную стену. Но зелень расступалась перед бампером, словно спелая пшеница в полях.

В какой-то момент они спугнули дикую свинью. Та бросилась бежать, а Руфус свернул за ней, и на миг Саския испугалась, что этот свиноманьяк сейчас, забыв обо всем, погонится за добычей. Но в миг, когда, прибавив газу, можно было оборвать кабанью жизнь, Руфус вместо этого ударил по тормозам. В следующую секунду Саския поняла: он не пытается задавить свинью — просто следует за ней. Хочет, чтобы она провела их сквозь чащу. Через ветровое стекло пикапа лес выглядит непроходимым; но свинья, спасающая свою жизнь, видит в нем систему троп, открытую и понятную, словно нидерландская железнодорожная сеть.

Так или иначе, это сработало: еще минута — и

они вырвались из леса у края длинной насыпной дамбы, которую Саския разглядывала прямо перед крушением. Справа за дамбой, судя по всему, располагалось невидимое отсюда озеро. Перед ними расстилался открытый травянистый склон, неожиданно аккуратный и ухоженный; он круто спускался к небольшой и быстрой речке, которая (это Саския увидела, когда они подъехали ближе) питалась из водослива с рядом закатанных в сталь и бетон шлюзов, берущего свое начало в земляном склоне дамбы в сотне метров отсюда. Саския, уроженка Нидерландов, с первого взгляда сообразила, как работает вся конструкция. Пусть сверху дамба поросла зеленой травкой, пусть над ней кружат птицы (кстати, что за птицы? Боже, *стервятники*?! Как в вестернах?!); все эти дары природы — лишь внешний покров, маскировка, нечто вроде краски на стенах дома, прикрывающей структуру абсолютно искусственную, от начала до конца сконструированную человеком. В траве сереют островки бетона, из них выступают трубы и крышки люков — зримые проявления огромной инфраструктуры, скрытой под землей. Все здесь, куда ни бросишь взгляд, спроектировано какими-то техасскими инженерами, изо дня в день получающими зарплату за то, что они

понимают воду и умеют ею управлять.

Чего хочет вода? В конечном счете всегда одного: добраться до моря. Этой речушке позволили выжить, поскольку она отводит лишние потоки воды, грозящие затопить аэродром или близлежащие кварталы. Сейчас все шлюзы водослива были распахнуты, вода хлестала, словно ее качали насосом. Течение неслось стремительно, казалось, вот-вот выйдет из берегов. Однако и тогда оно залило бы лишь участок, тщательно ограниченный насыпями и дамбами, отделяющими речную долину от аэродрома чуть выше. Именно по этой причине никто на аэродроме — никто из скорых и пожарных машин, дежурящих на соседней взлетной полосе, никто из наземных сотрудников, никто из тех, кто разделывал свиней и аллигатора на месте крушения самолета, — их сейчас не видел. Единственное, что могла разглядеть Саския над защитной насыпью, — верхушка диспетчерской вышки, да и та скоро скрылась из виду. Они оказались в странном одиночестве. Ниже водослива располагалась парковка для рабочих, но сейчас она пустовала. Работники дамбы хорошо понимали, что ждет во время разлива автомобили, припаркованные в пойме реки.

Совсем рядом река уходила в лес; а на опушке леса, вытащенное на сухую (еще недавно) землю, покачивалось надежно привязанное к дереву суденышко. Саския узнала в нем РИБ — жесткокорпусную надувную лодку. Ее корма, с большим подвесным мотором и резервным двигателем сбоку, сейчас качалась на волнах. Руфус остановил пикап как можно ближе, метрах в десяти от лодки, — дальше ехать не стал из опасения завязнуть в раскисшей земле. Все выстроились цепочкой между машиной и лодкой и принялись передавать друг другу багаж: Аластер доставал вещи из кузова и передавал Фенне, та Амелии, та Саскии, и наконец они попадали к Руфусу — он и решал, как разместить их на борту. Места в лодке было мало, но и багажа не так уж много. Две синих скатки с геокостюмами взяли с собой. Другие две Руфус запер в кабине пикапа и припарковал его повыше, на сухом месте. Затем бегом спустился к воде, прыгнул в лодку и завел мотор. Саския подхватила фалинь, отвязала от дерева и шагнула на борт, когда лодку уже подхватил поток. Амелия и Аластер придержали ее за руки — но все равно она полетела на дно носом вниз и лишь минуту спустя сумела принять более царственную позу. Современных монархов порой насмешливо

именуют «носовыми фигурами» — они, мол, «возглавляют» государственный корабль, украшая его, но ничем не правя; теперь Саския ощущала себя такой фигурой в самом буквальном смысле.

Плавание по Боске обернулось захватывающим аттракционом. Река стремительно неслась вперед; они летели бы, как птицы, даже если бы Руфус не завел мотор на полную мощность. Берега сходились почти вплотную, и густой лес по обеим сторонам смыкался над головами, образуя непроницаемый зеленый свод. Глядя вверх, можно было разглядеть меж ветвей голубые клочки неба, опустив взгляд — различить сквозь деревья смутные силуэты прибрежных построек. Чем дальше, тем берега становились выше, круче, каменистее; вот лодка скользила уже практически по дну ущелья — неожиданно для Саскии, которой сверху, за несколько минут до крушения, эта местность казалась равнинной. Но вдруг поток повернул направо — и оказалось, что здесь он впадает в другую реку, намного шире и спокойнее. Саския обменялась взглядом с Руфусом, и тот кивнул, подтверждая: теперь они в Руках Божьих.

Для всех контактов Саския и ее команда использовали защищенное текстовое приложение.

Порой просматривали сообщения со старомодных смартфонов, порой выводили текст на стекла очков. Темные очки и телефон Саскии разбились при крушении, но Аластер оставался в Сети — об этом можно было догадаться по движениям его глаз, считывающим «из воздуха» невидимый текст.

— Есть новости от наших раненых? — спросила Саския.

Он кивнул.

— Виллем на связи. Та женщина с крокодилом…

— Мэри, — подсказала Саския.

— Мэри отвезла Леннерта и Йохана в неотложку. Медицинский центр Бейлор. Видимо, ближайший к аэродрому. Леннерта сразу забрали в хирургическое, сейчас делают переливание крови. Йохан ждет в приемной. Виллем разбирается с деталями.

Как настоящий шотландец, Аластер предпочитал сухой формальный стиль и был склонен к преуменьшениям. Туманное «разбирается с деталями» означало, скорее всего, что Виллем пытается заплатить пачкой наличных евро за медицинские услуги пациентам, буквально упавшим с ясного неба — проникшим в страну если не

совсем нелегально, то уж точно без прохождения таможни и соблюдения прочих формальностей. Собственно, для этого Саския и взяла с собой Виллема — чтобы подобные проблемы решал он, а ей об этом думать не приходилось.

Схожую роль играла и Фенна: ее задача — избавить Саскию от необходимости думать о том, как она выглядит. Крушение страшно перепугало Фенну, но мчаться по бездорожью через лес ей скорее понравилось, а плавание на лодке успокоило, так что теперь она готова была вернуться к своим обязанностям.

Для начала Фенна окинула Саскию долгим критическим взором. Затем расстегнула один из чехлов с геокостюмами. Не открывая целиком — для этого в лодке места не было, — сунула туда руку и вытащила первое, что смогла нащупать. Это оказался топик: облегающая водолазка из спандекса с длинными рукавами и с капюшоном. Ее полагалось надевать под мешковатый костюм со встроенной системой охлаждения, чтобы не натирал тело, и стирать отдельно. Однако можно было носить и без костюма: она защищала от солнечных ожогов, а если найти способ постоянно ее увлажнять — и охлаждала, не требуя замысловатых механических приспособлений.

— Надевайте, — сказала Фенна. — Быстрее, пока мы не выплыли из леса.

Именно так она разговаривала с Саскией, когда занималась своим делом. Куда эффективнее, чем: «Если не возражаете, ваше величество, для сегодняшнего мероприятия порекомендую вам белый спандекс…»

В первый момент Саския не поняла, почему переодеваться нужно в лесу, но затем сообразила: густые заросли, окружающие место слияния двух рек, надежно ограждают ее от чужих взглядов. *Пока* ограждают.

Саския расстегнула хлопчатобумажную блузу, надетую сегодня утром в Хёйс-тен-Бос. Сбросила, на несколько секунд обнажив лифчик и голую спину, а затем натянула водолазку. Пока стягивала к запястьям скользкие на ощупь рукава, Фенна нахлобучила ей на голову капюшон. Он доходил до бровей, а нижняя часть щекотала подбородок. Эту нижнюю часть капюшона можно было стянуть шнуровкой и превратить в маску, прикрывающую подбородок, рот, даже нос; в таком виде капюшон оставлял лишь щель для глаз.

— У кого-нибудь есть темные очки? — спросила Фенна.

Из-за Руфуса и Аластера всем приходилось го-

ворить по-английски.

Амелия, порывшись у себя в сумке, извлекла старозаветные темные очки сурового армейского вида и без всякой электроники. Фенна нацепила их на Саскию, аккуратно просунув концы дужек между висками и плотно прилегающим спандексным капюшоном. Оглядела плоды своих трудов с выражением, которое Саския частенько у нее замечала: мол, «не идеал, конечно, — но ладно, сойдет, я сделала что могла».

— Не хотите, чтобы вас заметила какая-нибудь случайная камера, — догадался Руфус.

— Да, желательно бы обойтись без этого, — согласилась Саския. — Пока все не уладим.

— А остальные ваши люди?

— Фенна всегда путешествует со мной, — заметила Саския.

Теперь настала очередь Фенны пройти через такое же преображение, достав водолазку от второго костюма. Лифчика Фенна не носила, была стройной, гибкой и обожала татуировки; случись каким-нибудь соглядатаям окопаться в кустах на берегу, им сейчас предстало бы дивное зрелище — увы, ненадолго.

Двадцать лет назад тому, кто хочет остаться незамеченным, такое одеяние принесло бы куда

больше вреда, чем пользы. Теперь же все изменилось. Перед каждым, кто в такую жару оказался на открытом воздухе, во весь рост вставал экзотический прежде вопрос: как остаться в живых. Руфус, как видно, об этом уже подумал — и надел широкополую шляпу. У Саскии и Фенны имелись геокостюмы. А вот Амелия и Аластер были одеты совсем не по погоде.

Впереди показались городские постройки — как видно, уже начинался центр Уэйко: старинный подвесной мост через реку, отель «Хилтон», где пару часов назад Виллем забронировал для них номера, несколько торговых центров в три-четыре этажа высотой. Вдали виднелись более крупные строения; особенно бросался в глаза огромный стадион.

— Университет Бейлор, — проговорил Аластер; он следил за картой на стеклах электронных очков.

— Туда увезли Леннерта и Йохана?

— Нет, медицинский центр — это отдельный комплекс. В другой части города.

С этими словами Аластер снял очки, сложил, убрал в чехол, чехол положил в карман; а затем, извинившись, перегнулся через борт, и его вырвало.

— Для меня здесь слишком жарко, — пояснил он; подбородок у него дрожал.

Руфус приглушил мотор.

— Так, все прыгаем в воду и охлаждаемся. — Это прозвучало не как предложение — скорее как приказ. — Я давно на вас смотрю. Вы у нас вроде канарейки в шахте.

Саския бросила на Руфуса недоуменный взгляд, и тот это заметил.

— Так в армии делают, — объяснил он. — Ведешь взвод куда-нибудь, где холодно, — берешь с собой какого-нибудь тощего парнишку с Юга, лучше чернокожего. И смотришь за ним. Он замерз — значит, пора командовать привал и согреваться. Ну а туда, где жара, надо брать с собой кого-нибудь… извините, сэр, вы откуда?

— Из Шотландии, — сообщил Аластер и сплюнул в реку.

— Кажется, у вас там не жарко.

Аластер молча помотал головой.

— Вот вы у нас и есть канарейка в шахте. Начали блевать — значит, всем пора охладиться. — Руфус кивнул Саскии и Фенне. — Вы две просто побрызгайте водой на костюмы. На какое-то время этого хватит. Вам, сэр, — кивнул он Аластеру, — придется поплавать. — Повернулся к Амелии, смерил

ее оценивающим взглядом. — А вы, мэм, откуда?

— Из Суринама. Там жарко.

Руфус всмотрелся ей в лицо — быть может, определял, какие крови в ней намешаны, быть может, его внимание привлекли сломанный нос и сплющенное ухо. Потом опустил взгляд ниже. Саския сжала зубы, думая, что сейчас Руфус начнет пялиться на грудь Амелии — но нет, он смотрел на ее бицепсы.

— Борьбой занимаетесь?

— Дзюдо, — кивнула Амелия.

— Бразильская федерация?

— Олимпийская команда.

— Служили?

Амелия снова кивнула. Руфуса, как видно, ответы вполне удовлетворили.

— Раз так, вы сами о себе позаботитесь, мэм. Позже поболтаем.

Тем временем Аластер сбросил рубашку и брюки. По счастью, под брюками оказались боксеры. Аластер прыгнул в воду и, держась за веревку, брошенную Руфусом с борта, неторопливо поплыл на буксире мимо необъятного футбольного поля.

Уголком глаза Саския подметила, что Руфус посматривает на нее с интересом, словно хочет

спросить: «Ну и что дальше, ваше величество?» Он не проявлял нетерпения, не выглядел и пассивным или равнодушным — он был… странная и любопытная мысль… был именно *таким, как надо*.

И еще — под этим взглядом она впервые после крушения ощутила, что пора проявить инициативу. Не просто реагировать на происходящее.

— Что ж, похоже, все обернулось не так уж плохо, — начала она. По-голландски — обращаясь только к Амелии и Фенне.

Обе откровенно рассмеялись.

Саския улыбнулась в ответ, а затем терпеливо объяснила:

— Все живы. Никто нас не узнал. Леннерт и Йохан в надежных руках, о них позаботятся. А мы здесь, на лодке, с человеком, который готов нам помогать.

Несколько секунд Амелия это обдумывала, затем пожала плечами.

— Леннерт вышел из строя, и за вашу безопасность теперь отвечаю я. Такого мы не ожидали. Пока что здесь не опаснее, чем в любом другом случайном месте Америки. Но мы должны быть сейчас не в каком-то случайном месте, а в Хьюстоне, в гостях у Т. Р. Мак-Хулигана.

— Привыкай называть его доктором Шмидтом, — вставила Саския.

— Слушаюсь, *mevrouw*.

— Не уверена, что там сейчас безопаснее. На Хьюстон вот-вот обрушится ураган. А после начнется потоп.

Амелия подумала и над этим, затем взглянула на экран наручных часов, куда выводилась миниатюрная карта погоды.

— Что у вас в планах дальше? — поинтересовался со своего места Руфус.

— Конечная цель — Хьюстон. У нас там встреча.

— Тогда придется два-три дня подождать. В Хьюстон сейчас нельзя. Туда идет ураган.

— Что вы предлагаете? Где тут можно убить пару дней?

— Например, на понтонном судне Бо Боски.

Разумеется, от такого человека, как Руфус, иных предложений ждать не следовало. Он предложил то, что ему доступно и привычно. Тем не менее Саския и Амелия, как ни пытались, не смогли придумать никаких возражений.

Прежде всего, им нужно где-то спать. Такова человеческая биология. Можно, конечно, вернуться вверх по реке, привязать РИБ возле

моста, перейти улицу и заселиться в «Хилтон». Но Виллем в больнице на другом конце города, и все документы и наличные — у него. Предстоит улаживать множество проблем с паспортами, оплатой и так далее; учитывая, каким путем они попали в страну, с этим могут возникнуть проблемы. И потом, в городе повсюду камеры. Вряд ли госбезопасность день и ночь дежурит в холле отеля «Хилтон-Уэйко», надеясь подстеречь там какую-нибудь блудную особу королевских кровей; однако никогда не знаешь, куда выводится изображение с камер, что за люди или компьютеры, легально или нелегально, имеют к нему доступ. А вдоль по течению Бразос, судя по тому, что королева уже успела увидеть, особенно много камер не встретится.

Да, они попали в США нелегально. Тут ничего не поделаешь. Зато разобраться с этим через пару дней в Хьюстоне — огромном мегаполисе с международным аэропортом — решение ничуть не хуже (а пожалуй, и лучше), чем сейчас возвращаться в Уэйко и искать чиновников, имеющих право проштамповать их паспорта. При том что чиновников с такими полномочиями там попросту может и не быть.

Пока они все это обсуждали, течение несло

лодку все дальше и дальше. Остались позади и стадион, и внушительные здания университета Бейлор. Путешественники оказались на открытой местности. Виллем присылал сообщение за сообщением: у него все ладилось — и не только на медицинском фронте. Он успел связаться с Нидерландами. Еще раньше команда подготовила объяснение тому, почему на этой неделе Саския не будет появляться на публике, — и пока что все принимали эту выдумку как должное.

Руфус, в свою очередь, тоже связался с друзьями. Они забрали с берега Боске его пикап и сейчас «трогались в путь» — действо, включающее в себя погрузку «понтона Бо» на прицеп и прочие логистические операции. После наступления темноты все должны были встретиться у какого-то причала ниже по течению. И к этому моменту предстояло принять определенные решения. Прежде всего, где они сегодня лягут спать. Честно говоря, думать о чем-либо другом становилось для Саскии чем дальше, тем сложнее.

Она открыла защищенный канал и набрала сообщение для Т. Р. Шмидта:

> Задерживаемся в районе Уэйко.

Тут же пришел ответ:

> Виллем мне сообщил.

> А вы сами остаетесь в Хьюстоне или едете на место?

> Хочу переждать ураган здесь. Так что мероприятие откладывается.

> Значит, мы ничего не пропустим?

> Верно. Позаботьтесь о своей безопасности. Все остальное – когда закончится ураган.

> Спасибо, Т. Р.

> Удачи вам, в. в.

Они поужинали, а потом устроились на ночлег в месте, которое Руфус назвал «причалом»: по сути это был просто клочок утоптанной земли на берегу, куда спускалась проселочная дорога. Семейство Боски приняло гостей с поразительной щедростью и гостеприимством. Стол ломился от угощений; так ужинать дома нидерландцам случалось нечасто. Догадавшись о том, что беспокоит Саскию, Мэри заверила ее: никакого «болотного мяса», никаких диких свиней и аллигаторов — то, что шкворчит сейчас на огне, куплено в местном магазине, «со сроками годности и всем прочим». С быстротой молнии Боски, словно фокусники, извлекали из своих пикапов и трейлеров вся-

кую всячину, и вскоре голый речной берег был заставлен палатками и другими временными убежищами. Однако в этих конструкциях по большей части не было ни кондиционеров, ни защиты от насекомых. Так что, когда настало время ложиться, Боски утрамбовали гостей в трейлеры и включили кондиционеры, работающие от портативных генераторов. Руфус и Бо легли в кабинах своих пикапов, откинув сиденья.

Саския уснула почти мгновенно. Они с Амелией уместились вдвоем на широкой кровати в задней части трейлера Руфуса. Проснулась она в три ночи — и сразу поняла, что больше не уснет. Мешала и смена часовых поясов, и стоящие перед глазами картины того, что случилось в Уэйко. Она встала, воспользовалась крохотной, но чистой уборной в середине трейлера, перешагнула через Фенну, спящую на полу в «гостиной». Аластера не было. Выйдя через боковую дверь, королева тихо прикрыла ее за собой и шагнула на песчаный берег. Разумеется, глупо надеяться, что хотя бы ночью здесь прохладно! Или тихо: помимо ровного гудения генераторов, в кустарнике, подходящем к реке вплотную и окружавшем этот голый пятачок со всех сторон, громко жужжало что-то… должно быть, насекомые. Да, насекомые

— хорошее объяснение практически для всего, что может потребовать объяснений.

По песку змеились толстые желтые и оранжевые кабели, так что приходилось смотреть себе под ноги. Один кабель тянулся по стенке пикапа Боски на крышу кабины и соединялся с прибором размером с рюкзак, тихо гудящим и мерцающим разноцветными огоньками. Саския подошла ближе и заглянула в кузов пикапа. Там безмятежно похрапывал Аластер. Виднелись только очертания его лица, прикрытого москитной сеткой: остальное скрывалось под мешковатой, пронизанной охлаждающими трубками тканью геокостюма. Шнур, отходящий от левого бедра, словно пуповина, тянулся к мерцающему «рюкзаку» на крыше. Должно быть, Аластер выставил портативный аккумулятор наверх, надеясь, что там он будет лучше охлаждаться. Похоже, заснуть в трейлере он не смог, потихоньку выбрался наружу и распаковал геокостюм. Аккумулятор он, конечно, за ночь посадит — но, если они несколько дней простоят на месте, успеют его зарядить. Саския немного позавидовала счастливому сну Аластера. Самой ей больше не уснуть — даже если последует его примеру.

В воздухе вились несметные полчища на-

секомых всевозможных размеров, от совсем крохотных до нескольких сантиметров в длину; поэтому королева направилась прямиком к одной из надувных палаток с москитными сетками в стенах. Собираясь в Техас, она сделала все рекомендованные прививки — от пятидневной лихорадки, от вируса Зика, от последнего и самого неприятного ковида, новую вакцину от малярии; но когда тебя заживо жрет мошкара, веселого в этом мало, даже если у тебя иммунитет ко всем болезням. Войдя в палатку и застегнув на молнию вход, Саския опустилась на складной походный стул. У стенки валялась открытая упаковка бутылок с водой — на боку, словно ее сбросили с вертолета. Королева вытащила оттуда одну, открыла и залпом выпила полбутылки. Пока она не чувствовала жажды, но понимала: в такую погоду обезвоживание может наступить в любую минуту.

Где-то вдалеке прогремел ружейный выстрел.

Даже сейчас с трудом верилось, что здесь живут люди. Возможна ли более нестабильная, неустойчивая жизнь? Бутылка, из которой она пьет, изготовлена из пластмассы — продукта переработки нефти. Даже в три часа ночи здесь так жарко, что люди не могут спать без кондиционе-

ров, работающих от генераторов; а генераторы жгут все ту же нефть и, вместе с кондиционерами, выбрасывают в воздух все больше тепла. За ужином Руфус — спокойным, бесстрастным, почти исследовательским тоном — поведал им сагу об огненных муравьях. А за десертом Бо куда более эмоционально рассказал о мет-гаторах.

Да, Техас представляется не намного гостеприимнее поверхности Венеры! Однако сама Саския и весь ее народ, сколько себя помнят, живут в неустойчивой и ненадежной стране. Стоит выключить насосы, откачивающие воду и сбрасывающие ее назад в Северное море, — в три дня Нидерландов не станет. И бежать будет некуда. Нет, пожалуй, Техас — место понадежнее. Он по большей части выше уровня моря, в нем есть собственная нефть, а если нефть закончится — у техасцев останутся ветряки и солнечная энергия.

Единственное, чего они пока не умеют, — бороться с водой. В этом, пожалуй, голландцы дадут им фору.

Кстати, о Нидерландах: там ведь сейчас полдень. Саския надела электронные очки и проверила, что происходит в мире. Первое и главное: никаких новостей на первых полосах о крушении

королевского самолета. Разумеется, крушение упомянуто в местных новостях Уэйко — но ни слова о том, кто был на борту. Виллем арендовал самолет у британской лизинговой компании, известной бережным отношением к приватности клиентов. Те, кто привык летать по свету на бизнес-джетах, как правило, не в восторге от мысли, что их личность и маршрут доступны любому авиаспоттеру[14] в Интернете; так что хозяева самолетов по умолчанию используют разные способы маскировки.

Успокоившись на этот счет, королева позволила себе немного расслабиться: полистала нидерландские новости, посмотрела результаты последних футбольных матчей, а потом отправила шестнадцатилетней дочери нежное сообщение, хоть и была уверена, что ответа не получит. Нет, Лотта хорошая девочка и ладит с матерью; просто подростки и взрослые неизбежно обитают на разных планетах.

Однако минуту спустя на прозрачном пластике очков, осветив техасскую ночь, вспыхнуло круглое желтое солнышко — смайлик от Лотты. Согретая его теплым светом, Саския наконец

---

[14] Примечания: 14
Авиаспоттинг — хобби, состоящее в наблюдении за самолетами.

смогла погрузиться в сон.

Настоящее имя принцессы было Шарлотта Эмма София. Но в семье, где приняты такие многосложные имена, не обойтись без уменьшительных: так принцесса Шарлотта стала Лоттой.

Для Фредерики Матильды Луизы Саскии все сложилось не так легко. Вариант «Фредди» она даже не рассматривала. «Рика» звучало мерзко. «Матильду» можно сократить до «Матти» или «Тилли», но это не многим лучше. На время она остановилась на «Лу»; некоторые старшие родственники до сих пор ее так и звали.

«Саския» появилась в цепочке имен почти случайно — предложение вызвало у родни споры и даже протесты. Имя-то совсем не королевское. История у него вполне достойная (так звали жену Рембрандта), но в наше время им называют только простолюдинок вроде жены какого-нибудь фермера. А в королевском родословном древе это имя отродясь не попадалось; и сейчас его выбрали в честь любимой тетушки, простой женщины, вышедшей замуж за принца. Так что оно, можно сказать, вошло в семью через заднюю дверь.

Те немногие, кому было небезразлично четвертое имя королевы, смотрели на него по-разному. Снобы морщили носы. Время от времени в ка-

ком-нибудь приглашении или поздравлении имя «Саския» как бы невзначай опускали. Королева не считала себя выше этого: она любила свою тетушку Саскию, так что такие «уколы» замечала и долго помнила обиду.

Людям попроще последнее имя королевы скорее нравилось: приятно было думать, что в чем-то она такая же, как все. Порой в каком-нибудь твите или в заголовке таблоида королеву именовали «Саскией» — примерно в том же ироническом ключе, в каком королеву Елизавету могли назвать «Бесс». Снобы так намекали, что ей не хватает царственности. А простые нидерландцы — по крайней мере те, кто монархии в целом симпатизировал, — этим показывали, что, в сущности, королева вполне нормальный человек, в классическом голландском смысле слова *normaal*. Хейтеры, кстати, «Саскией» не пользовались — они обозвали ее «королева Фред».

В маленьком семейном кругу чаще всего ее звали Саскией. Так что в Уэйко, когда Амелия спросила: «Как же прикажете вас называть?» — Фредерика Матильда-и-так-далее ответила не задумываясь. Амелия же вздернула брови по целому ряду причин. Прежде всего потому, что до этой минуты не отваживалась так обращаться

к королеве. Это было имя для близких, для полудюжины ближайших друзей и младших членов семьи. В нем ощущалась фамильярность, даже какой-то вызов. Но приказ есть приказ. Так что Амелия и прочие заставляли себя пользоваться этим именем, хоть порой у них срывалось привычное *mevrouw* или даже *Uwe Majesteit*. Впрочем, здесь эти слова никому ни о чем не говорили.

Руфус, разумеется, знал ее только как Саскию — и именно так представил членам семейства Боски. Удачная маскировка; и в то же время королеве было приятно слышать это имя из чужих уст, потому что в глубине души именно его она считала настоящим.

Саския проснулась, вся в поту, разбуженная звоном посуды и аппетитными запахами готовящейся еды. Погода стояла прекрасная (если не считать жары), хотя над побережьем Залива ночью пронесся ураган. Он не задел Хьюстон — прошел достаточно далеко к югу, чтобы в новостях объявили, что город не пострадал. Однако Хьюстон не миновали ни ливень, ни гроза, ни последующий подъем уровня воды.

Ураган захватил краем и ту часть Луизианы, где обитала семья Боски. Местные новости из их родных краев сообщали, что там наводнение.

Боски показывали Саскии фото своих домов: на прочных сваях не меньше шести метров в высоту. Пока эти сваи не снесет проплывающее мимо дерево, автомобиль — или, быть может, другой дом, хозяева которого не озаботились поставить его на сваи, — о своем жилье Боски не беспокоились.

В пригородах Хьюстона есть места, где крупные радиальные шоссе, ведущие в город и из города, снабжены путепроводами, способными по щелчку переключаться в эвакуационный режим. Например, шоссе, в обычное время состоящее из пяти полос, ведущих в город, и пяти в обратную сторону, по мановению руки превращается в громадину из десяти потоков, направленных в одну сторону, — словно насос, из которого вместо воды хлещет транспорт, уносящий беженцев из города на более возвышенные и сухие места. Впрочем, в отношении Хьюстона вернее говорить о четырнадцати или восемнадцати потоках. Так или иначе, вчера произошло именно такое переключение. За ужином, пытаясь впихнуть в себя еду быстрее, чем Мэри Боски и ее зять Реджи ставили на стол новую, Саския и ее свита смотрели на ноутбуке Руфуса трансляцию с веб-камеры, установленной над дорогой милях в сорока к западу от центра. Шоссе превратилось в гигантский сплошной

поток, движущийся прочь из города. Камеру на столбе трясло и качало, должно быть, от мощных порывов ветра. Изображение то и дело мутнело, затемнялось чем-то вроде статических помех — на самом деле в камеру хлестал дождь. Едва он немного стихал, на экране появлялась галактика красных габаритных огней.

А там, где они сидели, было жарко и солнечно, дул легкий ветерок, и лишь далеко на юге громоздились кучевые облака, готовые пролиться дождем.

— У вас в Голландии, должно быть, такого не бывает? — поинтересовалась Мэри, наконец присаживаясь за стол. Она и другие каджуны[15] поняли, что Саския и ее команда — нидерландцы; но, кроме этого, Руфус ничем с ними не поделился.

Саския подавила в себе желание поправить Мэри и объяснить, как правильно называется ее

[15] Примечания: 15

Субэтнос, проживающий в штатах Луизиана и Техас, франкоканадцы по происхождению.

страна[16].

— Вы удивитесь, но в Нидерландах тоже есть места, где люди ездят на пикапах и ходят… — она хотела сказать просто «в церковь», но сообразила, что не знает, как эти люди относятся к религии, и уточнила: — …в очень традиционную, очень консервативную церковь.

— Выходит, и у вас есть свой Библейский пояс? — понимающе кивнула Мэри.

— В общем, да.

— А вы не из «Шелл»? — поинтересовался Реджи.

— Откуда? — Из-за каджунского выговора Саския его не поняла; ей послышалось «шельф».

— Кажется, он говорит о «Ройял Датч Шелл», — с легкой усмешкой вставил по-английски Аластер. — Возможно, вы слышали об этой компании.

Еще бы не слышать! Одними из основателей «Ройял Датч Шелл» были предки Саскии — имен-

---

[16] Примечания: 16

Традиционное название «Голландия» («Лесная земля») относится к «сердцу» страны, двум старейшим провинциям на западе Нидерландов. Нидерланды («Нижние земли») — официальное название страны в целом. В наше время власти Нидерландов стремятся прекратить использование названий «Голландия» и «голландский», поскольку считают, что в сознании иностранцев эти названия тесно связаны с «кварталом красных фонарей» и доступными наркотиками и создают стране дурной имидж.

но поэтому компания называлась «Ройял», то есть «королевской», — и сейчас королева владела там значительной долей акций.

— Встретишь голландца в Хьюстоне — сразу ясно, что он работает на «Шелл», — подмигнув, продолжал Реджи.

— Ну, в какой-то степени… можно сказать, что да, я связана с этой компанией.

Она уже поняла: Боски очень вежливо, обиняками, стараются перевести разговор поближе к делу. Не в смысле «побольше стрясти с заморских гостей» — нет, очевидно, что этого у них и в мыслях нет. Они пытаются понять, что происходит и что будет дальше. Иными словами, как избавиться от ответственности, которую они так беззаботно на себя взвалили, согласившись дать приют иностранным гостям. Загорая на бережке, они ни на шаг не приближаются к Хьюстону. Как и к озеру Чарльз, где ждет их возвращения остальной клан. Из обсуждений постепенно вырисовался такой план: через пару дней, когда утихнет буря, множество Боски, их друзей и знакомых соберутся в Хьюстоне — и те, кто приедет первыми, пока ждут остальных, смогут организовать помощь жертвам наводнения.

В таком случае медлить не стоило. На реке

Бразос множество поворотов и излучин; путь по ней составит куда большее число миль, чем посуху. Чтобы успеть в Хьюстон вовремя, нужно отчалить прямо сейчас и плыть день и ночь. Саския со своей командой могут остаться на борту, но им надо понимать, что это не увеселительная прогулка: с этого момента понтон будет останавливаться, только чтобы пополнить запасы топлива.

Саския наскоро обсудила это со своими людьми. Погода связывала их по рукам и ногам. Необходимо где-то убить два дня. Можно проторчать пару дней в гостинице, если удастся найти номера — однако даже на таком расстоянии от Хьюстона все гостиницы сейчас битком набиты. А оставшись с Боски, они получают стол и кров и благополучно добираются до Хьюстона, не привлекая к себе внимания. Даже если в нидерландскую прессу просочится известие, что королева сейчас в Техасе, в ответ можно будет снять и выложить видео, на котором она помогает жертвам наводнения. И все успокоятся, ибо: а) именно этого ждут от королев; б) тематика наводнений и борьбы с ними нидерландцам особенно близка.

На том и порешили. Команда Саскии помогла свернуть лагерь, все погрузились на судно и от-

правились на юг. Присоединился к каравану и Руфус. На парковке в его трейлере можно было жить, но когда трейлер на ходу, лучше держаться от него подальше. То же и с понтоном: его можно возить по суше, погрузив на прицеп, но без людей. Так что люди по большей части плыли по воде — без остановок. Сухопутные машины двигались впереди, снабжая караван бензином, едой, пивом и прочими расходными материалами. Там, где дорога подступала к реке вплотную, все это перегружали на борт. По пути присоединялись новые каджуны на своих лодках; и водная, и наземная части каравана росли. Аластер и Фенна при малейшей возможности пересаживались в пикапы — в водительскую кабину, где работали кондиционеры. Саския по большей части оставалась на понтоне, а с ней и Амелия; в самые жаркие часы дня обе натягивали геокостюмы.

Защитный геокостюм — не цельный предмет одежды, а скорее набор элементов, которые можно соединять и использовать разными способами в зависимости от обстоятельств. Система охлаждения не сможет работать, если не будет выбрасывать тепло в окружающую среду. Как правило, раскаленный воздух выводится наружу по трубке; но в такой обстановке, как сейчас,

когда вокруг сплошная вода, воздушный теплообменник можно отсоединить и заменить модулем, выполняющим схожую задачу с помощью нагрева воды. Система шнуров позволяла опустить раскаленную часть модуля в реку и плыть рядом с понтоном — при условии, что обладатель костюма оставался на месте. Поскольку на судне такого размера двигаться особо было некуда, это условие никому не мешало.

Пентапотамия

Дип вырос в Ричмонде, в Британской Колумбии. Это остров на южном фланге Ванкувера, охваченный с двух сторон двумя притоками реки Фрейзер. Со временем, когда поднимутся воды моря Селиш[17], куда впадает Фрейзер, остров обречен оказаться под водой.

Однажды, еще в начальной школе, младшеклассникам дали задание, связанное с миграцией лосося. Нужно было вернуть жизнь в соседний ручей, в котором наступление цивилизации истребило все живое. В то время, как и позднее, юный Дип был «прирожденным спортсменом» и «кинестетиком»[18]. Сидение за партой ему не давалось; но, орудуя лопатой под проливным дождем и наблюдая за передвижением рыбьих стай, он неожиданно ощутил, что возвращается

---

[17] Примечания: 17

Принятое в США и Канаде название водной системы, расположенной между юго-западной частью канадской провинции Британская Колумбия и северо-западной частью американского штата Вашингтон.

[18] Примечания: 18

Человек, воспринимающий мир через тактильные ощущения и движение; «человек действия», которому надо везде самому побывать и все потрогать.

к жизни и сам.

Нерест, когда рыба поднимается из океана вверх по течению рек, у чинукского лосося происходит летом. Это привело к неожиданному, но приятному для родителей Дипа следствию: теперь сын и в каникулы был при деле.

Семья владела сетью бензоколонок. Начало бизнесу положила в 1960-х одна-единственная заправка в Чилливаке; но сейчас бензоколонки Сингхов, связанные сетью родственных и финансовых уз, испещрили всю карту Британской Колумбии. Дип наносил бензоколонки на топографические карты, где изображались русла рек, и упрашивал отца брать его с собой в летние экспедиции. Отец высаживал сына где-нибудь на берегу реки с рыбацкой сетью или удочкой и завтраком, а сам доезжал до бензоколонки, уединялся в задней комнате с каким-нибудь братом или кузеном, и пока они там обсуждали дела, Дип бродил взад-вперед по берегу, прикидывал, где рыба, и пробовал ее ловить. Нерестящийся лосось — так себе добыча. Однако, став постарше и начав уходить на рыбалку с ночевкой, Дип научился жарить пойманную рыбу на дымном костре, который умел разжечь даже в самом сыром лесу.

На обратном пути из одного такого похода дядя

Дхармендер и присвоил ему прозвище, ставшее для Дипа вторым именем. Дип явился на заправку Дхармендера, благоухая рыбой и дымом, и услышал в свой адрес «*laka*» — слово, которое на пенджаби произносится «лакс» и означает то же, что английское *lox*, то есть «копченый лосось». Странное прозвище, что и говорить. Но лучше, чем ничего, — а прозвище было жизненно необходимо, учитывая, что Дипов Сингхов в его мире было множество: только в одной школе с Дипом учились еще трое.

Отец Лакса был человек добрый, любящий и благочестивый. Когда сыну исполнилось лет двадцать, до него вдруг дошло, что дальше учиться после школы Лакс не пойдет, и от этого удара он так и не оправился. Интерес парня к рыбе определенно не прочил ему карьеру биолога — в лучшем случае карьеру рыбака. Летом Лакс устраивался на коммерческие рыбацкие судна, курсировавшие вдоль берега, — в основном выполнял неквалифицированную работу, идеальную для крепкого энергичного юноши. Поначалу оправдывался тем, что «зарабатывает на колледж». Но Лакс не был создан для колледжа. Правда, отличался силой и ловкостью — но ни один университет не наградил бы его стипендией

за успехи в любимых видах спорта: сноуборде и национальном боевом искусстве под названием *гатка*.

Как ни скрывал отец своего разочарования, было видно, что ему тяжело. Он первым в семье получил ученую степень: дед послал его в вуз, чтобы сын научился там всему необходимому для ведения бухгалтерских книг и занятий юридической стороной семейного бизнеса. А вот дядя Дхармендер к вопросу о том, как Лаксу найти свое место в мире, подошел более практично. Не бранил, не нудил — просто отмечал раз за разом, что работа на рыбацких судах очень утомительна, опасна, да к тому же возможна только летом. Быть может, это просто нижняя ступень карьерной лестницы?

Если так, вторая ступень была очевидна и легко достижима. Рыбацкое судно, как и большинство коммерческих кораблей, сделано из стали или из алюминия. Его ремонт состоит в том, что сначала листы металла режут кислородно-ацетиленовым или плазменным резаком, придавая им нужную форму, а затем сваривают вместе.

Лакс выучился ремеслу сварщика. По совету дяди Дхармендера прошел соответствующие курсы и получил все необходимые сертификаты.

К тому времени, когда бывшие одноклассники Лакса едва-едва получили дипломы и вышли на рынок труда, он уже зарабатывал солидные деньги. В сезон по-прежнему нанимался на рыбацкие суда, а весь остаток года занимался сварочными работами по всей Британской Колумбии, порой заглядывал даже в нефтеносные пески Альберты. И горя не знал. Лаксу не приходилось ни содержать семью, ни выплачивать кредиты. И хватало свободного времени, чтобы кататься на сноуборде в горах Британской Колумбии и совершенствовать свои боевые навыки.

Одна из основных религиозных практик в сикхизме — организация *лангаров:* кухонь, где приверженец любой веры или человек вовсе неверующий, придя в определенное время, может получить бесплатный обед. Типичный лангар работает по расписанию и привязан к *гурдваре:* слово, которое обычно переводят как «храм» или «церковь». Однако время от времени прихожане гурдвары организуют временные лангары в местах стихийных бедствий, да и в любом месте, где по той или иной причине много голодающих.

В какой-то год в Индии начался мор от нехватки кислорода, а не пищи. В стране свирепствовал очередной штамм ковида. Смерть забирала

многих, кто мог бы выжить, если бы вовремя получил кислород. Мгновенно образовался черный рынок: отчаявшиеся родные больных готовы были покупать кислородные концентраторы и баллоны за любые деньги. Тогда некоторые гурдвары открыли кислородные лангары. В этих импровизированных помещениях, часто под открытым небом, кислород подавался из стальных канистр — такие используются в сварочной индустрии — на распределители, а дальше по системе трубок и масок туда, где приносил хотя бы некоторое облегчение страдающим пациентам. Такая помощь не отвечала стандартам западных реанимационных палат, где больных вводят в медикаментозный сон и кладут на ИВЛ; однако ее хватало, чтобы люди выздоравливали, не заполняя больницы и не парализуя систему здравоохранения.

Отец Лакса постоянно слал ему ссылки на статьи об этих кислородных лангарах — некоторые из них были созданы на средства гурдвар в Ванкувере и окрестностях. Добрый и мягкий человек, классический «младший брат» при суровом и практичном Дхармендере, принявшем роль главы семейства после безвременной смерти деда, отец предпочитал изъясняться намеками.

Но в конце концов — не без подсказок матери — Лакс понял, что папа хочет ему сказать. У него есть возможность не только помочь больным в Индии, но и доказать папе, что сын выбрал в жизни правильную дорогу. Мастерство сварщика, умеющего управляться с газом в канистрах, в кислородном лангаре очень пригодится. Он поедет в Индию, поможет людям — а заодно вернется к вере своих отцов.

Строго говоря, от веры отцов Лакс и не отступал — по крайней мере, сам не считал себя отступником; просто в какой-то момент постригся и перестал носить тюрбан. Уж очень неудобно возиться с длинными волосами и с тюрбаном, когда работаешь на корабле. Позже, став сварщиком, он обнаружил, что сварочная маска, во всех прочих отношениях удобная и надежная, явно придумана не теми, кто каждое утро накручивает тюрбан на голову. Конечно, можно было как-то извернуться… но он предпочел расстаться с тюрбаном. Сикхская молодежь на Западе нередко перенимает западные прически и головные уборы. Но Лакс знал, что это ранит чувства отца, и попытался загладить вину, выковав себе *кара* — браслет, как правило, железный или стальной, который сикхи традиционно носят на правом

запястье. Считается, что это символ наручей, которыми в былые времена воины защищали предплечья от вражеских мечей. Впрочем, по тонким изящным *кара,* какие носят сикхи в наше время, об этом ни за что не догадаешься. Лакс, имевший доступ в слесарную мастерскую, разработал собственный дизайн браслета, вырезал его плазменным резаком из стальной пластины и согнул так, что *кара* пришелся точно по руке. Это было воплощение «тяжелого металла» — и в буквальном смысле, и в эстетическом: помимо традиционного декоративного искусства Пенджаба, в нем отразились мотивы фэнтезийных видеоигр, которыми увлекался Лакс.

Он знал, что родители оценили этот жест. Однако по-настоящему хотели другого: чтобы он поехал в Индию и поработал волонтером в кислородном лангаре хотя бы несколько недель. А если поездка растянется на несколько месяцев и Лакс вернется с длинными волосами, в тюрбане и, возможно, с невестой — тем лучше.

Что ж, он поехал в Индию и устроился в лангар. К этому времени новый штамм ковида полыхал в основном в Дели, так что в первые несколько недель Лакс не выезжал из столицы. Жил в отелях, устроенных на западный манер, передвигался

на такси. День за днем монтировал кислородные баки, шланги, распределители в трех кислородных лангарах, открытых местными гурдварами — при финансовой поддержке со всего мира — на открытых площадках вблизи медицинских центров, изнемогающих под напором пандемии. С пациентами старался не контактировать. Отчасти для того, чтобы избежать заразы, — опасался, что канадские прививки от этого штамма не защитят. Отчасти потому, что не говорил на хинди — только немного на пенджаби, из той же языковой семьи, но все же другом языке. Но прежде всего потому, что ему не хватало важной черты характера, необходимой медикам: он не умел налаживать контакт с больными и их родственниками, легко вступать с ними в диалог — и потом не чувствовать такого изнеможения, словно целый день таскал кирпичи. Так что, когда не был занят в лангаре, он возвращался в отель, тренировался в фитнес-центре или играл в видеоигры у себя в номере. Однако новый ковид его не миновал: Лакс переболел в легкой форме, но потерял обоняние.

Он понимал, что папу с мамой это расстроит, поэтому не сообщал им о болезни, пока не прошли все симптомы. А когда все-таки сообщил,

подсластил эту пилюлю известием, что едет в пенджабский город Амритсар: для его народа то же, что для чинукского лосося верховья реки Фрейзер. Мол, пожить на земле своих предков.

Только приехав на место, он выяснил буквальное значение слова «Пенджаб»: Пять Рек. Индия, со множеством языков и диалектов, научила его всматриваться и вслушиваться в слова так, как не натаскал бы никакой преподаватель. Можно сказать, Лакс окунулся в новый учебный проект. Только теперь проект состоял в том, чтобы научиться понимать чужую речь и говорить понятно для других в стране, где говорят на многих языках. Живя в Канаде, Лакс полагал, что неплохо говорит на пенджаби; Индия показала, что до «неплохо» ему еще расти и расти. Носители языка в Амритсаре имели дурную привычку посреди разговора переходить на английский, полагая, что этим оказывают ему любезность. Поэтому в первые несколько недель в Амритсаре Лакс потратил куда больше, чем планировал: жил в «Мариоттах», «Рэдиссонах» и «Уиндемах» и лечил острую тоску по дому просмотром американских телепрограмм и поеданием гамбургеров.

Однако пенджабские телеканалы находились всего в одном щелчке пульта от американских.

И постепенно язык начал прокладывать путь к Лаксу в мозг. Некоторые слова оказались почти такими же. *Sant* — не совсем то же, но близко к *saint*[19], очень похоже. *Naam* — еще одно очень важное слово для сикхов — да это же попросту *name*[20]! Пятиречьем — Пентапотамией — назвал Пенджаб Александр Македонский, так и не сумевший его завоевать. Но и персидское «пендж», и греческое «пента» означают «пять»; и если пройти вверх по течению этих ручьев до самого истока, мы увидим, что оба слова происходят из утраченного языка древних ариев, где были одним.

По-настоящему вынесло Лаксу мозг открытие — весьма запоздалое, надо сказать, — что с его собственным прозвищем та же история. *Laka* на пенджаби, *laks* на хинди или урду, *lox* по-английски, *lachs* по-немецки и еще множество похожих слов во многих евразийских языках — в сущности одно и то же. Слово, отчеканенное людьми, которые до начала времен ловили лосося и коптили его на огне. Лосось был важен для выживания — поэтому так врезался им в память. И, разойдясь

---

[19] Примечания: 19
Святой (англ.).

[20] Примечания: 20
Имя (англ.).

во всех направлениях с берегов своей изначальной родины (скорее всего, в Причерноморье), они взяли это слово с собой.

К сожалению, сходство между языками страшно запутывало; будь они совсем разными, Лаксу было бы проще. Первые несколько недель дались ему очень непросто. Не раз, выкладываясь на эллиптическом тренажере в спортзале какого-нибудь отеля западного типа, Лакс параллельно смотрел веб-сайты для путешественников, снова и снова проверяя стоимость билета через океан в один конец.

Труднее всего было бороться с робостью, охватывавшей Лакса всякий раз, как он выбирался из своего западного «пузыря». Дома, в Канаде, он выглядел высоким крепким парнем, возможно, игроком в футбол или в хоккей. Здесь казался великаном. Хуже того: было очевидно, что его волосы и борода хорошо знакомы с бритвой и ножницами. Он принялся растить волосы. Но в глазах случайного прохожего на какой-нибудь амритсарской улице по-прежнему оставался ни рыбой ни мясом: такой лохматый здоровяк мог родиться где угодно, от Персии до подножия Гималаев.

А самое неприятное, что, кроме этой «недоде-

ланности», в нем не было ничего *особенного*. На пенджаби говорили здесь больше ста миллионов человек — втрое больше населения Канады, — и в большинстве своем говорили лучше, чем он. Он приехал в место, где абсолютно все — лавочники, копы, адвокаты, крестьяне, даже преступники — исповедовали одну религию. В Ванкувере он был то единственным сикхом на корабле, то единственным в округе сикхом-сварщиком: это его выделяло, к добру или к худу. Здесь — нет. Чтобы быть непохожим на других, требовалось что-то еще.

Однажды утром он заспался допоздна и, долго и мучительно просыпаясь, отдернул штору, чтобы яркое солнце не дало ему снова уснуть. Солнечные лучи упали на браслет, и полированная сталь засверкала — вся, кроме одного участка, на котором Лакс заметил пятнышко ржавчины. Крохотное, совсем на поверхности — он без труда стер его салфеткой. Но это показалось ему дурным предзнаменованием. Он сам изготовил *кара* и стал носить — отчасти потому, что этот браслет воплощал в себе связь с традиционным боевым искусством его народа. А теперь *кара* ржавеет! Что это говорит ему — и о нем?

Пора что-то с этим делать, сказал он себе. Прямо

с сегодняшнего дня.

Луизиана

Виллем приехал на арендованном пикапе и присоединился к каравану на стоянке в излучине реки близ Колледж-Стейшен. Сейчас он сидел рядом с Саскией под полупрозрачным тентом, который Боски установили на песчаном берегу. Королева и ее личный помощник обсуждали большие и малые дела Оранского Дома[21].

Начали с забот ближайших и неотложных — прежде всего, с двоих раненых, оставшихся в больнице в Уэйко. Леннерт, сообщил Виллем, оклемается, хоть его и ждет несколько месяцев физиотерапии. Некоторое время он пробудет здесь и вернется в Нидерланды, как только врачи разрешат ему перелет.

Высылать кого-то Леннерту на замену хлопотно и долго, так что Амелии пока придется взять на себя его обязанности. Руководителей службы безопасности в Нидерландах новости не обрадовали, и Виллем потратил немало времени, чтобы

---

[21] Примечания: 21

Царствующая династия в Нидерландах. Название «Оранский» происходит от средневекового княжества Оранж, которым владели предки нидерландских королей. Отсюда же и национальный цвет Нидерландов — оранжевый, который будет упоминаться далее.

их успокоить. Итак, теперь на плечи Амелии ложилась проработка запасных планов на любой возможный случай — и очень серьезная ответственность.

Йохан чувствует себя (для жертвы сотрясения) очень неплохо; однако самолет, на котором он прилетел вторым пилотом, разбился, так что нет смысла дальше держать его в Техасе. Он приобрел билет на рейс KLM и завтра вылетает в Амстердам.

Городские власти Уэйко только начали расследовать крушение. Рано или поздно захотят допросить «пилота»; однако реальных полномочий в этом случае у них на удивление мало. Никто не погиб, не было совершено никакого преступления — так что невозможно ни арестовать кого-то, ни заставить Саскию давать показания, даже если ее найдут.

Дальше перешли к повседневным королевским задачам, из тех, что могли бы обсуждать и дома: к подготовке речи в Бюджетный День, до которого осталась пара недель, разным текущим мероприятиям и нескончаемому потоку корреспонденции. Все так привычно: легко забыть, что они не в рабочем кабинете королевы в Гааге, во дворце Ноордейнде. Когда же в разговоре воз-

никла пауза — оба, вспомнив, где они и зачем, несколько мгновений сидели молча, прислушиваясь к какофонии мошкары и лягушек и к мягкому журчанию реки за мягкой полупрозрачной стеной.

— Что-нибудь еще? — спросил наконец Виллем. Он видел, что у королевы что-то вертится на языке.

— Хотела задать вам странный вопрос.

— Слушаю.

— Бразос, — произнесла Саския, взглянув на реку. — Почему мне знакомо это название?

— Слово встречается в каждом отчете о ваших доходах с тех пор, как вы стали достаточно взрослой, чтобы их читать, — спокойно ответил Виллем.

— Точно! Значит, я не сошла с ума!

Виллем покачал головой.

— Напротив.

— Тогда следующий вопрос…

— Там, где река Бразос впадает в Мексиканский залив, — заговорил Виллем, — к югу от Хьюстона имеются природные формации, холмы, богатые серой. В начале двадцатого века несколько бизнесменов начали разрабатывать это месторождение. Создали компанию под названием

«Бразос Сульфур». Были тесно связаны с первыми техасскими нефтяниками. Как раз в те годы здесь бурно развивалась нефтепромышленность.

— Нефтяные фонтаны со старых фото?

— Да-да, Спиндлтоп[22] и так далее. Тогда появились на свет «Галф», «Тексако» и прочие.

— Виллем, да вы настоящий фонтан исторических сведений!

— Вы ко мне слишком добры. О добыче нефти и серы в Техасе я знаю только то, что выяснил несколько недель назад, когда собирал информацию о докторе Шмидте.

— А как с этим связан Т. Р.?

— Одним из основателей «Бразос Сульфур» был Карл Шмидт, его прадед. Нефтью он тоже занимался. От него Т. Р. и получил свое имя. Карл был поклонником Теодора Рузвельта. И сына — дедушку доктора Шмидта — назвал в его честь.

— Ну хорошо, — сказала Саския, — допустим, это объясняет, как все начиналось больше ста лет назад. Но почему сейчас я встречаю слово «Бразос» в финансовых отчетах? Не припоминаю никаких инвестиций в добычу серы.

Виллем кивнул.

---

[22] Примечания: 22
Первое нефтяное месторождение, открытое в Техасе в 1901 году.

— Однако, несомненно, припоминаете — простите за столь очевидное замечание, — что ваша семья инвестировала средства в «Ройял Датч Шелл» с самого начала ее существования.

— Да, случалось об этом слышать, — сухо заметила Саския.

Виллем снова кивнул.

— Если вы проследите историю «Бразос Сульфур» в течение двадцатого века, то увидите, что эта компания постоянно расширялась: приобретала другие богатые серой территории в районе Мексиканского залива, а также занималась другими минералами. Марганцем, никелем, калием. Каолином — эта разновидность глины используется для изготовления красителей и лечения диареи. Как видите, производство не особенно гламурное.

— А как используют серу?

— В производстве автомобильных шин и удобрений.

— В самом деле, гламура маловато.

— Компания изменила название на «Бразос Майнинг». И стала открывать дочерние отделения повсюду, где есть интересующие их минералы. Где они только не работали: и на Кубе, и в Конго, и в Индонезии…

— А-а, — проговорила Саския, — теперь начинаю понимать!

— Как и многие другие западные компании, после войны они оказались вытеснены из бывших колоний. Кастро выгнал их с Кубы, и так далее. Но у них остались, если можно так выразиться, щупальца — свои люди в советах директоров нефтяных компаний. И связи с очень серьезными семьями из высшего круга: Рокфеллерами, Бушами и так далее. В 1960-х годах, как раз после того, как их выставили с Кубы и из Конго, до них дошел слух, что некий геолог, наш соотечественник, взошел на высочайшую вершину Новой Гвинеи — на бывшей голландской половине острова — и обнаружил там огромное месторождение руд. В основном меди. Но где медь, там часто встречается и золото. Объемы были невероятные, доступность тоже. Руда просто лежала на земле, видимая невооруженным глазом.

— В одном из самых труднодоступных мест мира! — возразила Саския.

Виллем кивнул.

— Да, и на страшной высоте. Добраться туда без связей и без знания местных условий и думать было нечего. Поэтому «Бразос Майнинг» провели переговоры с «Ройял Датч Шелл» — едва ли стоит

уточнять, что о ведении бизнеса в нидерландской части Ост-Индии «Шелл» знали всё, — и создали совместное предприятие, «Бразос РоДаШ», которое начало разрабатывать…

— …крупнейший в мире открытый рудник на вершине горы, окруженный новогвинейскими джунглями! — закончила Саския. Теперь-то она поняла, о чем речь! Месторождение славилось и своим богатством, и тем, что вокруг него шли нескончаемые политические дрязги.

— Вот именно.

— И часть ее принадлежит мне!

Виллем кивнул.

— С тех пор как вы достигли возраста, позволяющего управлять своей собственностью, в каждом отчете о состоянии ваших финансовых дел вы встречаете название «Бразос РоДаШ».

— Ну и как у них идут дела? — поинтересовалась Саския.

Хотела, чтобы вопрос прозвучал шутливо, но не вышло. Попыталась подмигнуть, но Виллем не улыбнулся, и Саския заподозрила, что выглядело это так, словно она смаргивает пот с ресниц. М-да, над способностью излучать веселье и сыпать шутками ей еще предстоит поработать. Возможно, проблема в том, что на самом деле ей сейчас

совсем не весело.

— Не стану влезать в политику, это ваша область… — осторожно начал Виллем.

— Вы про территориальные споры — Индонезия, Западное Папуа и все это?

Он кивнул.

— Но рост экономики азиатских стран создал фантастическую потребность в меди, так что за короткое время «Бразос РоДаШ» увеличила свою стоимость впятеро. Недавно, как вам известно, в Папуа снова начались проблемы, и добыча меди несколько снизилась.

— Но… если вернуться к нашим нынешним делам… Т. Р. Шмидт — тоже инвестор «Бразос РоДаШ»?

— Он там родился.

— В Новой Гвинее?!

И снова Виллем кивнул.

— Доктор Шмидт унаследовал значительную долю акций компании через трастовый фонд, основанный в 1970-х его дедом. Свою сеть ресторанов и бензоколонок он создал именно на волне успеха «Бразос РоДаШ», когда взлетели цены на медь.

Задумчиво глядя на реку, Саския переваривала эту информацию.

— А я наивно думала, что он местный техасский нефтяник!

— Так и есть, — заметил Виллем, — просто техасские нефтяники за вторую половину двадцатого века разбрелись по всему свету.

— Покорили даже горы в Новой Гвинее!

Виллем кивнул и откинулся на спинку складного стула, переменой позы намекая на смену темы.

— Кстати, об Индонезии и о белых, которые там оказались. Если вы в самом деле намерены плыть в Хьюстон этим путем…

— Намерена, — подтвердила она. — Если что, всегда можно изменить планы, верно? Шоссе и гостиницы от нас всего в нескольких минутах езды.

— Гостиницы сейчас переполнены. А шоссе ведут только в одном направлении — не туда, куда нам нужно.

— Пусть так, но что остается? Нас застигло стихийное бедствие. Домой вернуться не можем. А в Хьюстоне делать нечего, пока не кончится шторм.

— В таком случае я попрошу разрешения покинуть вас и навестить отца.

— Пожалуйста! Только как у него с погодой?

— Вчера шел дождь, сегодня ясно. Если я уеду немедленно и проведу за рулем ночь, то поспею к завтраку.

— Напишу ему записку, — предложила Саския и потянулась за бумагой с королевской монограммой; стопку такой бумаги Виллем заказал для нее в «Стаплз».

— Благодарю вас, *Uwe Maj*… — Виллем умолк на полуслове, а затем с усилием поправил себя: — Саския. Он будет весьма польщен.

Дед Виллема, Йоханнес Кастелейн, был инженером-нефтяником. В 1930 году «Шелл» отправила его за море — в края, в то время носившие название Голландской Ост-Индии. Его новым местом жительства стал портовый город в Восточной Яве. Там имелось довольно большое сообщество экспатов и школа, в которую местные датчане, а также иноземное население разных рас — например, китайские торговцы — отправляли своих детей. Йоханнес встретил и полюбил Грету, учительницу в этой школе, и женился на ней. Вскоре у них родилось трое детей: мальчик Рюд — в 1932-м, девочка Мина — в 1934-м, и в 1937-м — Хендрик, отец Виллема.

В 1940 году, когда Нидерланды оказались под властью Гитлера, контакты между Голландской

Ост-Индией и метрополией прервались. В 1942 году голландцы сдали Ост-Индию Японии. Все, кто служил в армии, попали в плен: им пришлось очень нелегко — например, пленных направили на принудительные работы по строительству железной дороги, о котором впоследствии сняли «Мост через реку Квай». Взрослых гражданских рассортировали по полу и процентам кровей. Йоханнес был *тоток* — чистокровный голландец. Грета — *индо,* смешанного европейско-индонезийского происхождения. Японское военное командование «пригласило» их разместиться в так называемых центрах защиты под японской юрисдикцией — в лагерях, отдельных для взрослых мужчин, отдельных для женщин и детей.

В десять лет Рюда, старшего брата Хендрика, сочли взрослым и отправили в лагерь вместе с отцом. На следующий год он умер от дизентерии. Грета, ее дочь Мина и младший сын Хендрик оказались в лагере для женщин с детьми, где условия — по крайней мере, в первый год — были чуть получше. Но война тянулась и тянулась, бои подступали все ближе, их перебрасывали из одного места в другое — каждое следующее хуже предыдущего, и при каждом переезде они теряли что-то из вещей. К 1945 году восьмилет-

ний Хендрик в совершенстве овладел искусством лазать по деревьям, где тряс ветки и колотил по стволу, пока с дерева не начинали падать населяющие его создания — змеи, обезьяны, насекомые, птенцы, не сумевшие улететь. Глядя вниз, он видел, как женщины — обитательницы лагеря бросаются на эту добычу, забивают ее до смерти, раздирают на части и дерутся за клочья мяса. Хендрик смотрел на это довольно спокойно: мать научила его собирать на дереве слизней, жуков, ящериц и оставлять себе. Тем временем Грета и ее сестра Александра, оказавшаяся в том же лагере, пытались сварить что-то вроде каши из вшей, которых собирали в огромном количестве с голов и тел своих лагерных товарок. Вши были стерильны, поскольку хорошо проварены, и определенно содержали в себе питательные вещества. В результате этих мер Хендрик рос крепким и сильным — настолько, что в середине 1945-го, за год до установленного законом срока, его сочли взрослым и переместили в лагерь для мужчин. Маму он никогда больше не видел, а с тетей Александрой и сестрой Миной вновь встретился много лет спустя.

В мужских лагерях, как правило, условия были куда хуже; однако здесь несколько взрослых

взяли на себя заботу о мальчике и помогли ему дотянуть до конца войны. Японские охранники установили в лагере свирепый дисциплинарный режим. Узники подчинялись, чтобы выжить, — а чтобы не потерять человеческий облик, использовали кодовые слова. «*Oranje boven!*» («Оранжевый победит!») — в мирные времена этот лозунг выкрикивали болельщики на футбольных матчах; теперь он, произносимый еле слышным шепотом, стал символом верности Оранскому Дому.

Чем ближе к концу войны, тем больше хаоса. В последние несколько недель заключенных беспорядочно таскали с места на место; в одном товарном вагоне Хендрик встретил своего отца — больного, страшно истощенного, но живого. В конце концов они оба сумели вернуться домой, на побережье Восточной Явы. Дом их оказался наполовину сожжен и полностью разграблен. Несколько месяцев отец и сын прожили в развалинах, пытаясь выяснить, что стало с Гретой, Александрой и Миной. В конце концов оказалось, что женщин переместили в лагерь на Западной Яве, под охрану свирепых индонезийских головорезов — молодых парней, отрастивших длинные волосы и бегавших по стране с бамбуковыми копьями, а иногда и с более современным оружием,

которое удавалось достать у японцев. Эти времена получили название *берсиап,* что переводится примерно как «готовься» или «будь готов». Готовиться следовало к изгнанию всех европейцев, а также европеизированных «индо» и китайцев и к объявлению Ост-Индии независимым государством. На деревьях висели опутанные проводами громкоговорители, из них раздавались пламенные речи Сукарно. Естественно, борцы за независимость обратили внимание на лагеря, где японцы уже любезно собрали всех, кто им не нравился. Поначалу лагеря охраняли все те же японцы — которые не сумели попасть домой; затем гуркхи и сикхи, сброшенные на парашютах британцами, — они должны были отвечать за эти места вплоть до дальнейших распоряжений. Как ни ужасна лагерная жизнь, в этот период в лагерях было безопаснее, чем где-либо еще.

Йоханнес и Хендрик в своем небольшом анклаве на Восточной Яве, через залив от нефтяных доков «Ройял Датч Шелл», тоже чувствовали себя в относительной безопасности. Йоханнес возобновил старую дружбу с Куоками, местной китайской семьей, до войны занимавшейся посредничеством: Куоки закупали товары на внутреннем рынке и продавали их заморским

клиентам. Обстановка становилась все напряженнее; государства, способного защитить своих граждан, здесь больше не было; для самозащиты требовалось оружие. Йоханнес знал, где его достать, и продал Куокам несколько стволов и патроны в обмен на еду — благодаря связям с плантациями в глубине страны у них все еще была возможность добывать съестное.

Однажды они получили известие, что гуркхи и сикхи, охранявшие Грету, Александру и Мину, эвакуировали их в более надежно защищенное место, ближе к городу, который в то время назывался Батавией, а вскоре получил название Джакарта. Йоханнес выяснил, что туда можно добраться по железной дороге, и вместе с Хендриком сел на поезд. Двигались они страшно медленно: в каждом провинциальном городке поезд останавливали местные банды мятежников. В одних местах какое-то подобие порядка поддерживали остаточные британские или голландские силы, или та власть, которой впоследствии предстояло стать правительством Индонезии. В других командовала озверелая толпа. Мятежники поддерживали друг с другом связь по так называемому кокосовому телеграфу — традиционному способу передачи информа-

ции от деревни к деревне: гулкий стук палками по полым бревнам мог не расслышать разве что глухой.

В одном из таких городков всех пассажиров, похожих на европейцев, высадили из поезда и, подгоняя копьями и дубинками, погнали на городскую площадь. Здесь Хендрика вместе с другими детьми и женщинами отделили от мужчин и повели в тюрьму. Издалека они слышали крики. В следующий — и последний — раз, когда Хендрик увидел своего отца, Йоханнес стоял на площади на коленях, раздетый, с завязанными глазами. Приглядевшись, можно было заметить, что повязка насквозь пропитана кровью и что глаз под ней уже нет. Их вырвали и бросили в ведерко вместе со множеством других, не угодивших цветом. Один молодой мятежник обнажил самурайский меч и двинулся вдоль ряда поставленных на колени пленников, срубая головы одним ударом. Последними словами Йоханнеса были: *«Leve de Koningin!»* — «Да здравствует королева!»

Какую участь готовили мятежники женщинам и детям, так и осталось неизвестным. Услыхав о происшедшем, в город явились лучше вооруженные и более дисциплинированные

индонезийские силы, освободили пленников и на следующем же поезде отправили назад. Так девятилетний Хендрик стал приемным сыном в семье Куок. Его приняли как родного, даже дали китайское имя Энг, которое было легко и запомнить (по-голландски оно означает «страшный», «пугающий»), и произнести. Правда, с виду он совсем не походил на китайца, но тут уж ничего не поделаешь.

Много позже он узнал, что случилось с мамой. Перелезая через стену, утыканную сверху битым стеклом, она порезала руку. В рану попала инфекция, и Грета умерла. Сестра Мина вместе с теткой Александрой — для простоты они стали называть себя матерью и дочерью — добрались до более безопасной Батавии, а оттуда англичане эвакуировали их в лагерь для переселенцев в Австралии.

Им повезло намного больше, чем клану Куок, во второй половине 1940-х познавшему на себе все прелести индонезийской борьбы за независимость. Портовый город, где жила семья, много раз переходил из рук в руки, его бомбили с воздуха и обстреливали с моря. Дом разбомбили, а то, что от него осталось, экспроприировали. Тогда Куоки переехали в глубь страны, на плантацию в хол-

мах, где у них сохранились деловые связи длиной в несколько поколений. Но война шла за ними по пятам. Однажды несколько голландских коммандос десантировались туда и несколько дней удерживали деревню, а затем, получив по радио новый приказ, так же внезапно отбыли. Тогда индонезийские борцы за свободу, наблюдавшие за этим с расстояния в несколько сот метров, явились в деревню и устроили там то, что условно называлось «ответными мерами». Из женщин «ответные меры» пережили только те, кому хватило духу при первых же признаках беды бежать в джунгли. Хендрик — он все еще отлично лазил по деревьям — видел кое-какие «ответные меры» с безопасного расстояния, но никогда об этом не рассказывал. Сам он, несколько девочек и «Руди» Куок, парнишка чуть постарше, связав в узелки самое необходимое, бежали из деревни, несколько дней скитались по джунглям и наконец вышли к морю и отыскали поселение, пока еще контролируемое голландскими военными. Здесь Хендрик перестал называть себя «Энг Куок», признался, что он голландец Хендрик Кастелейн, и рассказал всю свою историю. Всю семью эвакуировали на корабле на Амбон, остров к востоку от Явы, населенный в основном христианами,

где имелась голландская военная база.

В 1951 году, в четырнадцать лет, Хендрик получил возможность «репатриироваться» в Нидерланды, где никогда еще не был. Отказываться, конечно, не стал: тепло распрощался с Куоками — те собирались в Новую Гвинею — и, проплыв полмира, сошел с корабля в Роттердаме. Здесь его встретили волонтеры и отправили в Зеландию, в южную часть страны. Как круглый сирота, Хендрик стал воспитанником приюта при местной церкви. Поступил в ремесленное училище, обнаружил способности к черчению.

Два года спустя неудачное сочетание высоких приливов, низкого атмосферного давления и серьезного шторма вызвало подъем воды в Северном море. Прорвавшись через дамбы, море затопило берега Нидерландов, Англии и других стран, которым не повезло оказаться у него на пути. Наводнение погубило тысячи людей. В Нидерландах, больше всего пострадавших от потопа, эта катастрофа приобрела такое же историческое значение, как Одиннадцатое сентября для американцев. После нее была разработана обширная программа строительства новой инфраструктуры по борьбе с затоплениями. Однако Хендрик этого уже не видел: сразу после наводне-

ния он переехал в Америку. Переезд согласилась оплатить Голландская реформистская церковь на южной окраине Чикаго. Хендрик нанялся чертежником на сталелитейный завод в соседнем штате, сразу за границей с Индианой. Устроившись в США, отправил в Тайвань телеграмму для Куоков; в должный срок телеграмма добралась до Новой Гвинеи, и год спустя Хендрик женился на Изабелле (Бел) Куок, в которую был влюблен с детских лет и все эти годы поддерживал с ней связь. Первым у них родился Виллем, дальше появились на свет еще трое.

Дом в пригороде, на ничейной земле между чикагским районом Саутсайд и индустриальными кварталами вокруг электростанции в северо-западной Индиане, они устроили на американский манер, однако Виллем с детства говорил на двух языках — по-английски и по-голландски. Время от времени семья выбиралась на выходные в чикагский Чайнатаун, однако Бел не чувствовала себя там как дома — она говорила на другом диалекте. Впрочем, Виллем рано узнал значение многих китайских иероглифов в их традиционной форме, так, как все еще пишут на Тайване.

Гражданство у него было и осталось двойным, американо-нидерландским. В старших классах

он отправился в Нидерланды — сам думал, что всего на несколько месяцев. А вышло, что так там и остался. Двоюродная бабушка Александра и тетушка Мина, осевшие в Гааге, встретили его с любовью; а ему понравилось там, где никого не смущало его сложное происхождение. В Гааге он был просто «индо», каких здесь много. Мало того: здесь нашлась диаспора европеизированных китайцев, имевших много общего с Куоками — и общих знакомых, и деловые связи в Юго-Восточной Азии. Наконец, здесь было немало открытых геев, и вообще к геям относились проще, чем в Америке. Так что, приезжая после этого в США, он уже не «ехал домой» — он был нидерландцем, пересекающим океан, чтобы навестить заморских родственников. Окончив школу, поступил в университет, потом в аспирантуру в Оксфорде и получил степень по международным отношениям со специализацией на сложностях того мира, в котором Куоки жили и по сей день.

Так прошла первая половина жизни Виллема (или то, что он считал половиной в те времена, когда полагал, что после шестидесяти люди уже подводят итоги). Вернувшись в Нидерланды после короткой стажировки в Китае, он увлекся политикой и неожиданно для себя оказался

избран в парламент. Был членом умеренно-правой партии, присутствующей почти во всех правительственных коалициях и исправно поставляющей Нидерландам министров. Еще через несколько лет был переизбран и занял пост, хоть и довольно скромный, в министерстве обороны. Так началась карьера, занявшая большую часть «второй половины жизни». Шли годы и десятилетия — а Виллем переизбирался и служил стране на различных постах, в основном связанных с обороной, разведкой и международными отношениями. Время от времени его упоминали как возможного будущего министра обороны или даже премьер-министра, но сам он не стремился к такой ответственности.

Должности, на которых служил Виллем, давали возможность много общаться с королевским домом: именно членам королевской семьи Виллем регулярно делал доклады. Так они узнали его и полюбили. Узнали и о том, как погиб Йоханнес Кастелейн, и о его последних словах. Кого считать истинным нидерландцем, если не человека с такой семейной историей? В то же время смешанное происхождение Виллема, детство, проведенное в США, и сексуальная ориентация делали его интересной фигурой — воплощением

того духа современности, не отставать от которого стремился Оранский Дом. Так что когда «вторая половина жизни» подошла к концу, а Виллем оставался таким же здоровым, бодрым и энергичным, как в тридцать, и совершенно не чувствовал желания уйти на пенсию — он перешел на службу лично к королеве.

Арендуя пикап в Уэйко, Виллем думал: что за ирония судьбы, ну какой из него водитель пикапа! Даже сделал селфи за рулем и отправил друзьям. Но скоро понял: в этой части света лучше маскировки не сыскать. На белый пикап здесь никто не взглянет дважды.

Пошитые на заказ костюмы и полированные ботинки, которые Виллем взял с собой, погибли при крушении, так что он заглянул в секцию мужской одежды в «Уолмарте» и кое-чем здесь закупился. В такой одежде, за рулем такой машины можно было ехать по Восточному Техасу и Луизиане, не привлекая внимания, когда выходишь поесть, заправиться или заскочить в туалет.

Хендрик и Бел очень скоро открыли для себя Центральную Иллинойскую железную дорогу, позволяющую легко избегать суровых чикагских зим. Купив недорогие билеты, сев в поезд на вокзале Юнион-Стейшен в Чикаго, вздремнув,

пока за окном проносятся заснеженные кукурузные поля Иллинойса, — на следующий день они высаживались в Дельте Миссисипи, почти что в тропиках.

Во времена индустриального бума до нефтяного кризиса 1974 года Хендрик взбирался по карьерной лестнице так же ловко и быстро, как когда-то лазил по деревьям в яванских концлагерях. И вкладывать деньги умел намного лучше тех, чье детство прошло беззаботно и счастливо. Супруги купили земельный участок неподалеку от Нового Орлеана, привели его в порядок (проще говоря, осушили болото), половину выгодно продали, а на второй половине вскоре после начала двадцать первого века поселились сами, выйдя на пенсию. Бел заболела деменцией; несколько лет назад она скончалась. Дженни, младшая из сестер Виллема, чей брак оказался неудачным, ушла от мужа, вернулась к родителям и ухаживала за матерью. Приезжали и уезжали заокеанские члены клана Куок, брали на себя разные домашние обязанности, в то же время используя дом в Луизиане как базу для своих американских деловых операций — операций, в которые Виллем не вникал, да и не стремился. Ему было важно одно: рядом с Хендриком всегда

кто-то есть, за ним приглядывают и, если что, выручат из беды. Впрочем, его отец был не из тех, кто легко попадает в беду.

Дорога к дому вела теперь через квартал аккуратных коттеджей, выросший на той половине участка, которую Хендрик и Бел продали. Улица, делящая квартал надвое, в конце ряда домов вдруг поворачивала, становилась гравийной, а ветви деревьев смыкались над ней, образуя шатер темной зелени; под этим-то зеленым пологом, по камешкам, хрустящим под колесами, гость подъезжал к воротам, украшенным по обеим сторонам гербовыми львами. Ворота были не заперты. Виллем ощутил, что дорога пошла в гору, — и через пару секунд, когда пикап набрал необходимые несколько дюймов высоты, перед ним открылись клумбы пылающих на солнце оранжевых цинний. Традицию каждый год сажать циннии завела Бел. В Индонезии до войны голландские колонисты и преданные королеве «индо» выращивали эти цветы как символ национальной гордости. В Америке циннии ничего не значат — где только их не встретишь! Что означает оранжевый цвет, большинство здесь не в курсе; но Виллем, как никто, понимал его значение.

Дорога сделала крюк и остановилась перед старым двухэтажным домом: кое-где на нем виднелись следы дряхлости, но первый этаж мог похвастаться новенькими плитами из шлакоблока, защищающими от термитов. К дому пристроены крылья — одноэтажные: в последние годы отец редко поднимался наверх. Виллем остановился у флагштока, на котором развевался звездно-полосатый флаг, а чуть пониже и немного поменьше — голландский триколор. Прежде чем выйти из машины, он включил *PanScan* — одно из нескольких приложений, анонимно отслеживающих эпидемиологическую опасность, — чтобы проверить иммунологический статус, как свой, так и людей в доме. Виллем приехал издалека, и к опасности, что он занесет в дом какую-нибудь новую заразу, следовало отнестись серьезно.

Приложение вывело на экран миниатюрную карту дома и участка, отметив иконками находящихся там людей. Цвет иконки указывал на степень эпидемиологического риска. Выводы гласили, что Виллем может войти в дом без маски при условии, что не станет подходить близко к Хендрику. И если поднимется на второй этаж, маску придется надеть: там, во второй спальне слева, обитает кто-то из Куоков, раскрашенный

почти такими же яркими цветами, как сам Виллем.

Согласно требованиям программы, через несколько минут Виллем и его отец сидели на расстоянии двух метров друг от друга в беседке на аккуратно подстриженной лужайке между домом и берегом речной протоки. Беседка была затянута сеткой — в наши дни без этого не обойтись. Сквозь сетку проникал легкий ветерок. Виллем позаботился о том, чтобы сесть от отца с подветренной стороны. На всякий случай Хендрик всегда держал под рукой трость, но несколько шагов легко мог пройти и без трости. Он опустился за каменный стол. Дженни принесла на подносе безалкогольные напитки. Хендрик поднял запотевший стакан зельтерской. Так же поступил и Виллем. Оба сделали вид, что чокаются.

— За королеву! — объявил Хендрик.

— За королеву.

Оба выпили. Разумеется, разговор велся по-голландски.

— Вот что она тебе прислала, — сказал Виллем и послал отцу через стол записку.

Хендрик неторопливо выудил из кармана и надел очки, затем развернул записку и начал чи-

тать с таким видом, словно ему в беседку каждый божий день приходят письма от царствующих особ из Европы.

— Она здесь, — заметил он наконец.

Об этом Хендрик догадался либо по дате, либо по каким-то деталям из текста.

— Да, мы прилетели вчера вместе.

— Тайная миссия? — Хендрик читал все нидерландские новости; об официальном визите королевы в Техас он узнал бы заблаговременно — и, разумеется, ждал бы ее в аэропорту, опираясь на верную трость, с букетом оранжевых цинний.

— Верно.

— Необычно.

— Времена нынче необычные, отец.

— А ураган?

— Совпадение. Неудачное — поломало все наши планы! Но зато у меня появился свободный день, чтобы приехать и повидаться с тобой.

Эту робкую попытку сменить тему Хендрик отбил, словно и не заметив.

— Если это никак не связано с ураганом, к чему говорить о «необычных временах», да еще и таким значительным тоном? Что еще у нас сейчас необычного?

Виллем смутился, не очень понимая, что от-

вечать.

Даже предварительные замечания типа: «Только никому не говори…» или «Имей в виду, это конфиденциальная информация…» вызвали бы у его отца взрыв негодования. И так понятно, что дело секретное! «Ты что, — сказал бы Хендрик, — думаешь, я из ума выжил?»

Отвернувшись от пристального взгляда отца, Виллем кивнул в сторону темных деревьев, затеняющих поток.

— Как ты думаешь, — спросил он негромко, — сколько пройдет времени, прежде чем все это скроется под водой?

Наступила тишина — если можно назвать тишиной пение птиц, жужжание цикад и неумолчное кваканье лягушек.

— Так вот о чем речь! — сказал наконец Хендрик с таким выражением, словно хотел добавить: «Наконец-то кто-то решил этим заняться!» — И что она собирается предпринять?

— Ты же понимаешь, папа, у нас конституционная монархия, так что она сильно ограничена…

— Только меня этой чушью не корми!

Виллем с трудом подавил желание по-подростковому закатить глаза.

— И тем не менее, папа, это так и есть. У нее нет

никаких тайных суперсил помимо и сверх тех, что перечислены в Грондвете[23].

— Если так, зачем она нужна?

Разговор зашел в тупик. Уже не в первый раз. Виллем понимал, к чему все клонится. Если начать упираться, Хендрик сокрушит его сопротивление историей о деде и самурайском мече. Йоханнес оставался до конца верен *королеве* — не избранным представителям Генеральных Штатов и не статьям Грондвета.

И ведь не скажешь, что Хендрик — какой-то твердолобый консерватор. Точнее… хорошо, он твердолобый консерватор, но ведь в Нидерландах таких полно. Так что, может быть, этот разговор здесь и сейчас и к лучшему. Дома будет знать, что говорить значительной части электората.

Он кивнул в сторону деревьев, оплетенных диким плющом, растущих, казалось, прямо из воды.

— Все это скоро будет затоплено. Ты это знаешь.

— Разумеется. Может, у меня и нет ученой степени, но я в курсе, что такое парниковый эффект. А то, как поднимается вода, вижу своими

---

[23] Примечания: 23
Конституция (голл.).

глазами.

— И ты к этому готов? Если серьезно?

— Я готов пойти отлить, — проворчал Хендрик. — А ты пока поднимись-ка на чердак. Потом спустишься и расскажешь мне, что там увидел.

Виллем знал, что помогать отцу встать или подавать трость не нужно — он только разозлится. Поэтому оставил его на собственное усмотрение и вошел в дом первым. Пройдя через гостиную, с удовлетворением отметил, что она к наводнениям готова: на полу плитка, под ней бетон, здесь и там ковры, которые легко свернуть и убрать подальше от прибывающей воды. В холле и вдоль лестницы, ведущей на второй этаж, стену украшали обрамленные осколки памяти: фотографии, газетные вырезки, медали, засушенные цветы и так далее, все в строго роялистском духе. Важную часть работы королевы Фредерики и ее предшественников составляло чествование жертв войн и трагедий. Все голландцы, страдавшие в лагерях, все, у кого там погибли родственники, получали от королевы письма, медали и тому подобное. Останки погибших, если возможно, извлекали из неглубоких импровизированных могил, перевозили в Нидерланды и хоронили на кладбище, где по торжественным дням короли и королевы

произносили над ними речи и возлагали венки. Организовывать такие мероприятия, следить за тем, чтобы все проходило гладко и никто не оказался забыт, входило в обязанности Виллема. Он не занимался всеми деталями лично, но руководил организацией. Эта рутинная работа текла день ото дня, как вода в канале, и немедленно забывалась. Поэтому видеть, что все эти рутинные моменты здесь запечатлены навеки и бережно хранятся в рамках под стеклом, было немного странно. Даже если — особенно если — их бережно хранит не кто иной, как твой отец. На некоторых пожелтевших газетных вырезках встречались неизбежные фотографии самого Виллема: в то время он был помоложе, прическа погуще, и позировал на ступенях того или другого дворца с членами королевской семьи или с кем-нибудь из кабинета министров. К этим фотографиям Виллем предпочел не присматриваться.

Он поднялся по лестнице, на первом этаже такой же бетонной, водо- и термитоустойчивой; выше бетон уступал место дереву. Хендрик, должно быть, поднимался сюда раз в год или еще реже. В спальнях теперь обитали младшие члены клана — кто-нибудь из них постоянно здесь гостил. В одной спальне лежало на столе

забытое вышивание. В другой стены оклеены постерами со звездами кей-попа. Проходя мимо, Виллем чувствовал себя так, словно вторгается в жизнь и дела каких-то дальних малознакомых родственников.

PanScan напомнил, что пора надеть стандартную маску N-95. Так Виллем и сделал. Приложение показывало, что эпидемиологический риск исходит от человека во второй спальне слева. Виллема разобрало любопытство. Кто здесь такой же путешественник, как он сам? Он пересек холл и заглянул в открытую дверь.

Его появление не стало сюрпризом для девушки, сидящей за столом — точнее, за дверью, положенной плашмя на верстак. Она тоже видела его прибытие и заранее надела маску. Теперь встала и изобразила что-то вроде легкого поклона.

— Дядя Виллем! — воскликнула она по-голландски. — Как я рада вас видеть! Извините за… — и жестом указала на маску.

Виллем смутился, сообразив, что должен был ее узнать. Кто эта юная леди? Голландский для нее явно не родной, но чувствуется, что она его старательно учила. Акцент — что-то среднее между английским и китайским. Комната укра-

шена картами Юго-Восточной Азии и факсом — первым работающим факсом, встретившимся Виллему, наверное, за последние двадцать лет.

— Как вы изменились! — проговорил он по-английски, надеясь выиграть время. Кто же она все-таки такая? — Боюсь, из-за этой маски…

— Беатрикс, — представилась она. — Беатрикс Куок. Внучатая племянница вашей матери Бел. Значит, вам я прихожусь…

Она протянула ему руки, улыбаясь глазами. В наши дни молодежь отлично научилась выражать эмоции, не снимая масок.

— Видимо, вы моя троюродная внучка, — предположил Виллем. — Или что-то в этом роде.

— Очень рада! — повторила Беатрикс. — Мы с вами познакомились на встрече семьи после того, как умерла ваша матушка. Но, должно быть, я вам тогда показалась просто одной из сотни шумных детей.

В комнате сразу бросалась в глаза огромная карта на стене, изображающая западную половину Новой Гвинеи. У этой территории спорно все, даже имя. «Новая Гвинея» — можно ли представить более колониальное название? Европейцы называют восточно-азиатскую колонию в честь еще одной колонии, африканской! Индонезия

предпочитает название Ирьян Джайя. Для людей, которые там живут, их страна — Папуа. И Беатрикс точно из тех, кто говорит «Папуа»! Она даже название страны вверху карты заклеила бумажной полоской, чтобы не привлекать к нему ненужного внимания во время звонков по зуму. Карта подробная и очень красивая; топография и высота над уровнем моря показаны оттенками цветов и густотой теней. Более всего заметен на ней горный хребет острова, тянущийся с востока на запад. К югу стекают реки, бегут по изумрудным долинам к неглубокому морю, отделяющему этот остров от северного побережья Австралии. Кое-где к карте приклеены желтые листки с нарисованными на них разноцветными стрелками. Указывают в основном на одну речную долину — и больше всего их примерно посредине между морем и вершиной горы.

— Что слышно из Туабы? — спросил Виллем, кивнув в сторону карты.

— Дядюшка Эд сейчас там. Политика — полный кошмар, но бизнес идет неплохо. Знаете, там главное — не высовываться. Ну а люди помоложе в основном… я бы сказала, они как я.

— Ищут новые возможности за пределами Папуа?

— Ну да. По большей части на Тайване или в Озе. Я в июне закончила юридический, теперь у меня свободный год. Займусь… я бы сказала, займусь активизмом.

— Господи, неужели я такой старый?! — рассмеявшись, воскликнул Виллем. — Мои поздравления! А где вы учились?

— В Ю-Ти[24]. — Беатрикс, кажется, смутилась оттого, что нечаянно напомнила Виллему о его возрасте.

— В Остине?

— Да.

Снова неловкая пауза. Можно было бы завести долгий разговор, но Хендрик ждет. И компьютер Беатрикс тихонько попискивает и позвякивает уведомлениями.

— Хочу дать вам визитку человека из Нидерландов, с которым я работаю, — сказала наконец Беатрикс. Виллему показалось, что она не сразу на это решилась и что это решение важно для нее. — Просто на случай, если захотите… ну, не знаю… выпить с ней кофе или что-нибудь такое. Она в Гааге.

Перебрав бумаги на столе, Беатрикс отыскала

---

[24] Примечания: 24
Техасский университет в Остине.

там папку с документами, к которой была пришпилена визитка, сняла ее и отдала Виллему.

— А, я о ней слышал! Разумеется. И об ее организации, — заметил Виллем.

Идиль Варсаме, нидерландка сомалийского происхождения, дочь беженцев, неустанно боролась за соблюдение прав человека в бывших колониях. Она возглавляла некоммерческую организацию, существующую на щедрые пожертвования крупных компаний.

Виллем взглянул на Беатрикс. Из-за маски трудно было понять выражение ее лица; но смотрела она пристально, даже с тревогой. Не терпится узнать, как отреагирует дядя Виллем на сообщение, что она — соратница Идиль Варсаме. Ведь политика — дело тонкое. В спорах об иммиграции чернокожая Идиль, разумеется, всегда на стороне иммигрантов. А вот Хендрик — который сейчас в беседке ждет возвращения Виллема — считает, что чем меньше этих приезжих оседает в Нидерландах, тем лучше.

Однако этот вопрос глубже привычного противостояния правых и левых. Идиль не поддерживает бывшие колонии во всем — напротив, бесстрашно борется с нарушениями прав человека со стороны их нынешних властей. После

выступления против «женского обрезания» в Восточной Африке полиции пришлось обеспечить ей круглосуточную защиту — разъяренные традиционалисты угрожали ей расправой. Она понимает, о чем идет речь, куда лучше западных левых теоретиков, мечтающих деколонизировать все и вся.

— Хорошее дело, — сказал Виллем. — Семья может вами гордиться.

Беатрикс просияла — это было заметно даже под маской.

— Приезжайте в Нидерланды, — пригласил он. — Поужинаем вместе, поговорим о Папуа.

— С удовольствием, дядя Виллем!

Виллем вернулся в холл и отыскал место, где с потолка свисала длинная цепь, другим концом закрепленная на дверце люка. Взялся за нее и дернул, почти ожидая, что сейчас на голову обрушится куча пыли и мышиного дерьма. Но на чердаке было чисто. Классическая голландская чистота. Опустилась складная алюминиевая лестница. Автоматически зажегся свет, явив взору стропила и фанерную обшивку с внутренней стороны крыши. Виллем поднялся наверх. Кондиционеров на чердаке, разумеется, не было; перепад температуры он ощутил, едва просу-

нув голову в люк. Примерно половину чердака занимали прочно запечатанные от воды и от насекомых полиэтиленовые мешки: сквозь молочно-белый полиэтилен смутно виднелась одежда и старые документы. Но справа от люка чердак был почти пуст. Здесь Виллем увидел пятигаллоновую пластмассовую упаковку питьевой воды, ящик армейских галет, небольшой оружейный сейф, в котором, видимо, хранился револьвер, аптечку первой помощи и топор. Не какой-нибудь дедовский топор, покрытый ржавчиной, с вытертым до блеска деревянным топорищем, — новехонький, словно десять минут назад принесенный из хозяйственного магазина, со всех сторон оклеенный предупреждениями и дисклеймерами, с ярко-оранжевой (разумеется, какой же еще?) рукоятью.

— Ты хотел показать мне топор? — спросил Виллем, вернувшись с этой маленькой экскурсии.

Хендрик уже сделал свои дела в уборной и теперь убивал время, просматривая с телефона футбол где-то в Нидерландах.

Недовольно покачав головой на то, что творилось на экране, он отложил телефон и кивнул.

— Я никогда об этом не рассказывал. Знал, что

это расстроит Бел. Но *Watersnoodramp*[25] (под этим он подразумевал страшное наводнение 1953 года) пришло ночью, и, когда мы поняли, что происходит, вода была уже на первом этаже. Так что мы, разумеется, остались на втором.

— Разумеется.

— В такой ситуации ждешь, что либо вода схлынет, либо появится кто-то и тебя спасет… или просто ни о чем не думаешь. Но вода все прибывала. Скоро нам пришлось забраться на кровати. Потом на шкафы. Наконец, по грудь в воде, мы добрели до лестницы на чердак и залезли туда, думая, что там-то будем в безопасности. Но скоро поняли, как страшно ошиблись. На чердаке было опаснее, чем где-либо еще, — ведь с него не было выхода. Ни окон, ни люка на крышу. Когда начало заливать чердак, мы поняли, что сами себя загнали в ловушку. А вода все прибывала…

— Ты прав, маме этого рассказывать не стоило, — поежившись, заметил Виллем.

— Я прыгнул, — рассказывал Хендрик. — Стащил с себя пижаму, нырнул в эту ледяную воду, наощупь доплыл до окна, разбил его, выбрался из дома и вынырнул уже снаружи. Только тогда

---

[25] Примечания: 25
Буквально «водное бедствие» (голл.).

наконец-то смог набрать воздуху в грудь.

Он закатал рукав и показал шрам на руке. Разумеется, шрам этот был всегда, Виллем помнил его с раннего детства — но на вопросы о нем отец всегда отвечал уклончивыми отговорками о бурной юности.

— Дальше мне удалось взобраться на крышу, отодрать в одном месте черепицу и проделать дыру. Оказалось, это было уже ни к чему — на этом вода остановилась; но… — он пожал плечами, — Александре и Мине важно было знать, что я здесь. А мне было важно что-то делать.

— Поэтому ты держишь на чердаке топор?

— Да. Кстати, не такая уж оригинальная мысль. Многие в этих краях так делают. Особенно после «Катрины».

Виллем привык, что самые важные уроки отец предпочитает преподавать обиняками — и часто без помощи слов. С родительскими поучениями легко спорить, особенно когда сын лучше отца говорит по-английски и вообще умен не по годам. Но как поспоришь с топором на чердаке?

— Ясно, — покладисто сказал Виллем. — Значит, к угрозе наводнения ты относишься серьезно.

— А как можно относиться несерьезно?! — негодующе пропыхтел Хендрик. Опасаясь,

что отец снова углубится в воспоминания о *Watersnoodramp*, Виллем энергично закивал и протянул руки ладонями вверх, как бы говоря: «Сдаюсь, сдаюсь!» — Вопрос в том, что нам с этим делать.

— С глобальным потеплением? Нам — это человечеству? Цивилизации?

— Ну да, ну да! Понимаю. Это слишком расплывчато. Размывает ответственность. Сразу начинается политика, черт бы ее драл…

— Поставим вопрос так, — прервал его негодование Виллем. — Что могут сделать *нидерландцы* с *подъемом уровня моря?* Так все становится конкретнее и понятнее, верно? Вместо всего мира, ООН и так далее — речь об одной стране. Вместо парниковых газов, изменений климата и прочих глобальных тем мы говорим об одной проблеме, ясной и конкретной: подъеме уровня моря. — Виллем кивнул в сторону воды. — С этим спорить невозможно. И для нас, очевидно, это вопрос жизни и смерти. Либо мы решим проблему, либо наша страна прекратит свое существование. Все ясно как день.

— Нет такого ясного вопроса, который политики не смогут запутать! — проворчал Хендрик.

— Если уж на то пошло, я не на политика ра-

ботаю.

— Но ты только что прочел мне лекцию о том, как ограничена ее власть! Грондвет и все такое.

— А ты, отец, в ответ дал мне понять, что у монарха имеются и неполитические способы вдохновить и повести за собой народ.

Оба на секунду замолчали, думая об одном: об ослепленном Йоханнесе, стоящем на коленях, и свисте самурайского меча над его головой.

— Вопрос, который стоит сейчас перед нами, — снова заговорил Виллем, — в том, действительно ли настал момент, когда королева должна возглавить свой народ и спасти его от смертельной опасности — разумеется, не нарушая Конституцию.

— Хороший вопрос, чего уж там, — задумчиво помолчав, сказал Хендрик. — Но почему вы ищете ответ в Техасе?

— Тоже хороший вопрос, — ответил Виллем. — Вот ответ: в Хьюстоне живет человек, которому хватило сообразительности несколько лет назад спрятать на мировом чердаке топор. Мы здесь, чтобы выяснить, не пора этим топором воспользоваться.

Дельта Миссисипи

Предполагалось, что Виллем присоединится к остальным в окрестностях Хьюстона. Для этого можно было свернуть прямиком на Десятую магистраль и проехать триста пятьдесят миль на запад. Но оказавшись так близко от Нового Орлеана, Виллем просто не мог туда не заглянуть. Его первый большой город. Не Чикаго — от Чикаго их семья жила слишком далеко, он был огромным, холодным и неприветливым. Зато на каникулах в Луизиане, где юный Виллем умирал от скуки, он быстро выяснил, какой транспорт ходит в Новый Орлеан, где располагается Французский квартал, и особенно — как найти во Французском квартале старинный и почтенный район ночных заведений. Первые опыты Виллема в этой сфере были довольно скромны — однако позже, знакомясь с ночной жизнью Амстердама, он уже чувствовал себя уверенно и ничего не опасался.

Позднее, уже взрослым, Виллем познакомился со многими здешними уроженцами. Очень разными людьми: теми, кого встречал на конференциях, где жители низин с тревогой обсуждали

подъем уровня моря. Они удивятся, если личный помощник королевы Нидерландов явится к ним без предупреждения. Однако сейчас у него было идеальное алиби: навещал отца, решил заглянуть на обратном пути. Так что, выехав за ворота, он притормозил и отправил сообщение Хью Сент-Винсенту, исследователю из Университета Тулейн: мол, он сейчас здесь, просит прощения, что не предупредил заранее, хочет узнать, нет ли у них чего-нибудь новенького, на что стоит взглянуть. Хью, разумеется, поймет, что Виллем спрашивает не о новых кафе и не о том, где послушать джаз.

Затем Виллем направился в сторону Нового Орлеана. На магистраль съезжать не стал, предпочтя старую двухколейку. Вокруг расстилалась плоская равнина — плоская по американским меркам, не по нидерландским. Вдоль дороги — все как обычно в Америке: рестораны, магазины, стоянки, заправки, автомастерские пополам с лесом, подступающим к самому шоссе. На карте местность выглядела как губка — вода подступила к дороге практически вплотную: но, если этого не знать, земля вокруг казалась обычной, сухой, с буйной растительностью и множеством деревьев. Опытный глаз Виллема подметил, что

дорожное полотно приподнято на пару футов над землей вокруг.

В нескольких милях от Нового Орлеана он свернул к водосбросу Бонне-Карре: выглядит довольно невзрачно, но для туриста, интересующегося изменениями климата, интереснее зрелища не найти. Все дороги, железные и автомобильные, сходятся здесь на перешейке толщиной в пять миль, отделяющем левый берег Миссисипи от озера Поншартрен. Наискосок через перешеек два водоема соединяет канал шириной в милю. Точнее сказать, может соединять, когда он открыт. Водосброс в этом месте сооружен еще сто лет назад. Это частокол из семи тысяч массивных брусьев, установленных вертикально в раме из стали и бетона, надежно встроенной в речной берег. С одной стороны от частокола течет Миссисипи; с другой находится то, что может сойти за сухую землю, — полоска болотистой почвы отсюда до озера, исполосованная водоотводами, испещренная озерцами и канавами, между которыми проходят приподнятые над уровнем земли дороги для поездов и автомобилей.

Совокупное давление воды Миссисипи на исполинский частокол должно быть огромным, но давление на каждый брус в отдельности — а

каждый из них размером с железнодорожную шпалу — довольно скромно. Каждый брус можно поднять: тогда образуется щель, в которую хлынет вода. По верхней кромке бетонной рамы движутся по рельсам краны: поднимая и опуская брусья, они регулируют объем воды, сливаемой из реки в канал и затем в озеро Поншартрен, у которого имеется собственный выход в Мексиканский залив.

Сооружение построено после страшного наводнения 1927 года, которому посвящен знаменитый блюз «Когда рухнет плотина». Водосброс был задуман как предохранительный клапан: предполагалось, что открываться он будет лишь в редких случаях крайней нужды, когда проливные дожди в верховьях Миссисипи — иначе говоря, на всем ее протяжении от Скалистых гор до Аллегени — создадут угрозу, что река выйдет из берегов, прорвет плотины и затопит Новый Орлеан. Несколько раз за прошедшие девяносто лет водосброс использовался именно так. Но в 2019 году, из-за дождливой зимы, в первый раз пришлось продержать его открытым четыре месяца. В дальнейшем бывали годы и получше; но 2019-й задал новый тренд, и теперь водосброс чаще стоял частично открытым, чем закрытым.

Несмотря на огромные размеры водосброса Бонне-Карре, можно проехать прямо над ним и не заметить. Нет, разумеется, вы увидите, что едете по плотине и внизу вода. Но вокруг вообще много воды.

По объему воды Миссисипи равняется приблизительно семи Рейнам. А этот водосброс, когда он полностью открыт, отводит в озеро два с половиной Рейна.

Там, откуда прилетел Виллем, Рейн считается великой рекой. На ней одной держится треть экономики Нидерландов. В сущности, вся страна выстроена вокруг Рейна. А здешний народ спокойно гоняет на пикапах по водосбросу, временно отводящему в соседнее озеро *два с половиной Рейна из семи!* Один из тех безумных американских рекордов, что когда-то делали США в глазах мира всемогущей супердержавой, а теперь превращают в кита, выброшенного на песок.

Виллем съехал с шоссе на подъездную дорогу, ведущую к водосбросу, чтобы, остановившись, проверить мессенджер и полюбоваться кранами, что плавно скользят по рельсам, поднимая и опуская огромные брусья. Год выдался дождливый. И сейчас ураган, принесший с собой ливни и грозы, превратил Миссисипи в свирепо бурлящий

поток, так что водосброс был полностью открыт. Несколько рабочих бросили на Виллема любопытные взгляды — но и только: в этой части света белый пикап служил отличной маскировкой.

Хью уехал в отпуск куда-то, где было посуше и попрохладнее, поэтому переадресовал Виллема к доктору Маргарет Паркер, коллеге с того же факультета в Тулейне, которая согласилась выпить с ним кофе. Десять лет назад они бы встретились прямо в кампусе; но в пандемию ее рабочее место сократили и потом так и не восстановили, так что работала она из дома. Решили посидеть во Французском квартале: для обоих самый удобный вариант. Маргарет знала одно симпатичное место на втором этаже, с открытой галереей и видом на реку.

Водосброс Бонне-Карре, оставшийся теперь в зеркале заднего вида, представлял собой одно из звеньев Стены, или HSDRSS (*Hurricane and Storm Damage Risk Reduction System* — Системы по снижению риска ущерба от штормов и ураганов): системы защитных укреплений, для глаз неспециалиста почти невидимых, оберегающих Новый Орлеан и его окрестности от наводнений. В его создании участвовали специалисты из разных стран, в том числе из Нидерландов: именно

так Виллем познакомился с Хью и его здешними коллегами.

Перебравшись через Стену в районе Бонне-Карре, больше никаких укреплений он не увидел, хотя проехал уже миль двадцать в сторону центра города по дороге, которая ближе к центру получает название Тулейн-стрит. За окнами пикапа вообще ничего интересного не видно: стандартный американский пригородный пейзаж. Постепенно дома становились выше, магазины и заправки встречались все реже. Вот он и в кампусе Университета Тулейн: это уже центр. Проехав через кампус, оказался в той части Нового Орлеана, что вполне отвечает стандартным представлениям о центре большого города: отели-небоскребы, конференц-центр, стадион, казино, на реке — порт с прогулочными судами. Виллем постарался проехать через центр побыстрее, однако успел заметить множество палаток, фургонов и машин, на вид вполне обитаемых, а также обилие секьюрити у дверей и въездов на парковки.

Вот он и в старой части города. «Автопилот» подвез его к кварталу кафе и ресторанов, здесь вежливо предложил выйти и пройтись пешком. Виллем открыл дверь и шагнул на трехсотлет-

нюю булыжную мостовую. Пикап отъехал с максимально возможной скоростью, для этих мест составляющей немногим быстрее пешего шага. Дальше он припаркуется, если найдет свободное место, а если не найдет — будет наматывать круги вокруг квартала.

Маргарет прислала ему номер зарезервированного столика, так что едва Виллем поднялся на крыльцо, хостес распахнула перед ним дверь, подхватила со стойки меню и повела его по шаткой старинной лесенке и узкому коридору в открытую галерею наверху. Должно быть, когда это кафе только открыли, галерея выходила на Миссисипи. Виллем догадывался, что заведению больше двухсот лет — быть может, построено еще до Революции. В наше время вид из окна загромоздили другие здания, припортовые сооружения и конструктивные элементы Стены. Но и теперь, заняв место на приподнятой платформе под большим зонтом, Виллем видел, как вдали, блестя под ярким солнцем, медленно несет свои коричневые воды река. К добру или к худу, теперь он ощущал, чем пахнет Французский квартал в жаркий летний день после урагана. Ему потребовалась целая минута, чтобы осознать и переварить все это многоцветье запахов. Не что-

то увиденное или услышанное, а именно ароматы вернули его в прошлое, когда он, шестнадцатилетний паренек, робко топтался на пороге бара и гадал, что произойдет, если он осмелится войти… Таким — погруженным в прошлое, с затуманенным взглядом и слезами на глазах — застала его Маргарет и не сразу решилась побеспокоить.

С полчаса они сидели на галерее и болтали. Ничего серьезного, просто отдых. Виллем рассказал свою «легенду»: приехал навестить отца, едва разминулся с ураганом, хочет посмотреть, как отражаются на Дельте изменения климата. Маргарет не стала ходить вокруг да около.

— У нас есть то, чего нет у вас, — заметила она: под «нами» здесь имелась в виду Дельта, под «вами» — Нидерланды. — Река, если ей не мешать, постоянно наносит землю. Выключить течение воды мы не можем, но можем направлять в разные стороны. Когда нужна земля, приходится привозить грунт и выкладывать там, где он нужен. За и против: вам приходится за это платить…

— Но новые земельные участки появляются именно там, где мы планировали, — вставил Виллем.

— А у нас это скорее, как… вам случалось видеть,

что происходит, когда пожарный при тушении выпускает из рук работающий шланг?

— Не случалось, — признался Виллем, — но могу себе представить.

— Хаотическое поведение. Шланг швыряет туда-сюда, словно разъяренную змею. Выключить его не удается. Вот так же и Миссисипи между Новым Орлеаном и Заливом. Долгое время мы просто старались удерживать ее между плотинами. Плотины приходилось строить все выше и выше. Это вы сами увидите. Прорваться сквозь плотины река не могла, в результате несла с собой все больше ила, он скапливался на дне близ устья, и устье уходило все дальше в Залив. А уровень воды в Заливе тем временем поднимался — и море начало атаковать Дельту с флангов. Возникла огромная экосистема болот с соленой водой и целая индустрия вокруг нее: устрицы, креветки, морские рыбы. Но пришло время все это изменить. Так что мы создали два больших водосброса. Думаю, вы захотите на них взглянуть. А вот для вас подарок…

Одарив Виллема загадочной улыбкой, Маргарет залезла в свою сумку и достала оттуда блестящую скатанную ткань. Встряхнула, развернула — и глазам Виллема предстал ярко-зеленый

светоотражающий жилет, какие носят дорожные рабочие.

— Не беспокойтесь, он был в химчистке. — Она бросила жилет Виллему через стол, и тот его поймал.

— А кто или что такое ERDD? — поинтересовался он, прочтя буквы поперек спины у этого одеяния.

– *Ecological Restoration of Delta Distributaries* — «Экологическое восстановление притоков дельты», — пояснила она. — Название краудфандингового проекта, в котором я некоторое время работала. Теперь он закрылся. Впрочем, неважно. К югу отсюда все равно никто не умеет читать. — (Это был сарказм.) — В таком жилете можете ходить куда угодно — все будут думать, что вы официальное лицо.

— И машина у меня подходящая, — заметил Виллем. — Типичный для этих мест белый пикап.

— О, на белом пикапе и в этом жилете вас пустят куда угодно!

— Спасибо вам.

— Всегда пожалуйста. Итак. Вам стоит посмотреть два новых отводных канала. Один начинается от левого берега, в Уиллс-Пойнт, ми-

лях в тридцати к югу отсюда, второй — от правого берега еще миль на пять дальше. В каналах течет пресная вода, несет с собой ил, оставляет его у входа в Залив — и так возвращает хотя бы часть земли, которую Залив пытается у нас отъесть. Вода, конечно, нечистая — вы же помните, откуда она. — Здесь Маргарет широким жестом указала на север, словно обводя рукой весь бассейн Миссисипи-Миссури-Огайо, вплоть до Канады. — И поскольку она пресная, она убивает экосистему, характерную для соленых болот. Когда ехали сюда, видели бездомных? Многие из них десять лет назад неплохо зарабатывали на устрицах.

Виллем взглянул на соседний квартал небоскребов, вокруг которого расползалось по земле бесформенное облако фургонов и палаток.

— Вы правы, — сказал он, — нам такой выбор делать не приходится. Конечно, с рыбными промыслами сейчас проблемы во всех странах. Но мы, строя береговые защитные сооружения, не отнимаем у людей источники дохода — наоборот, создаем новые рабочие места.

— В любом случае долго ли это может продолжаться? — спросила она. — Сколько можно громоздить плотину на плотину, прежде чем все рухнет?

И улыбнулась. Разумеется, Маргарет знала ответ: по этой дисциплине у нее была ученая степень. Улыбнулся и Виллем, показывая, что понял шутку.

— Сколько захотим, — ответил он. — Не само повышение уровня моря не дает нам спать по ночам. Это не так страшно — страшны бури. Какая-нибудь шальная волна ломает защитное сооружение или проделывает в нем дыру… океан рвется в пробоину быстрее, чем мы успеваем откачивать воду…

— Все как в пятьдесят третьем, — кивнула она. А потом спросила: — Что здесь смешного?

— Не далее как два часа назад о пятьдесят третьем рассказывал мне отец. Вы, он и я, возможно, единственные люди в Луизиане, знающие, о чем речь.

— Он был там и выжил?

— И с тех пор держит на чердаке топор.

— Как и все мы, — без улыбки ответила Маргарет.

Из Нового Орлеана Виллем поехал на юг. Срезал путь там, где Миссисипи делает длинную петлю в восточном направлении, и снова встретился с рекой несколько миль спустя. Если верить карте, дальше дорога шла бок о бок с руслом. Река и на-

ходилась всего в нескольких метрах, но Виллем ее не видел: вдоль размокшей грунтовой дороги шла земляная насыпь в два-три человеческих роста.

В одном месте ему встретилась башня нефтяного резервуара. Из-за изгиба шоссе казалось, что она выплывает навстречу, словно огромный корабль. С гордостью патриота Виллем вспомнил, что в Нидерландах такое — не всегда иллюзия: там порой каналы текут поверх дорог, по «мостам», представляющим собой бетонные трубы, заполненные водой, — и не редкость увидеть, как у тебя над головой проплывает корабль. И все же Виллем не удержался от стандартной реакции туриста. Съехал на обочину, вышел из машины (и немедленно об этом пожалел, увязнув в раскисшей грязи). Не дождевая вода, а воды Миссисипи сочились сквозь насыщенную влагой землю насыпи, повинуясь тому же гидростатическому давлению, что поднимало нефть на вершину башни высоко у него над головой.

Виллем вскарабкался на насыпь: здесь было посуше, хоть она и возвышалась сейчас над поверхностью реки не более чем на полметра. Отсюда видна была река во всю свою ширь — около километра. Впрочем, большую часть вида

загораживал резервуар. В нем громко урчала жидкость, направляясь к невидимому снаружи очистительному комплексу.

И все это находилось в границах прибрежного города, словно прильнувшего к реке. Жилые дома редели, порой исчезали совсем, затем снова появлялись, но нигде местность не становилась совсем пустынной. Повсюду здесь жили люди — люди, которые сотню раз на дню видели башню, закрывающую небо, и ничего особенного в ней не замечали. Зато как, должно быть, изумил бы их иностранец, который остановился на обочине и залез на насыпь полюбоваться видом!

Он снова сел в машину, поехал дальше и через несколько минут добрался до отводного канала. Приречное шоссе перемахивало его по новенькому мосту. Вместо того чтобы ехать через мост, Виллем свернул на проселок, идущий параллельно каналу. Первые миль десять проселок петлял среди густых лесов, обходя встречные деревушки. Судя по ржавым дорожным знакам с пулевыми отверстиями, здесь давно уже никто не жил. Затем дорога изменилась — стала явно ухоженнее, через некоторое время земля сменилась гравием и появились знаки, возвещающие, что дальше проезд запрещен.

Канал — искусственная постройка, насчитывающая всего несколько лет, — представлял собой альтернативный маршрут к Заливу для вод Миссисипи. Направлялся он к тем районам Плакеминс-Пэриш, что на старых картах обозначались как суша, но в действительности давно ушли под воду и исчезли из картографических баз. Инженеры-гидрологи спроектировали канал так, чтобы в своем течении он захватывал как можно больше ила и нес до самого конца, а затем оставлял на отмелях, ранее всецело принадлежавших морю, теперь же омываемых пресной речной водой. В результате штат получал новую землю — ценой гибели всей морской флоры и фауны, обитавшей на этих отмелях. Стоила ли овчинка выделки? Виллем радовался, что не ему пришлось отвечать на этот вопрос.

Он припарковался на открытой гравийной площадке в конце дороги. И здесь его машина совсем не выделялась среди прочих — разве что здешние пикапы были постарше и выглядели более потрепанными, чем его арендованный. На краю парковки выстроился в ряд десяток автобусов. Судя по надписям на бортах, лет десять назад они использовались для туристических экскурсий по штату; теперь же в них перевозили

рабочих, и об их состоянии никто особенно не заботился. Напротив — десяток передвижных туалетов. Пластмассовые столики под навесами, на каждом флакон санитайзера и рулон бумажных полотенец. Рабочий день, как видно, был в разгаре, так что Виллем почти никого здесь не встретил. Только за одним столиком собрались четверо водителей автобусов, парили вейпы и играли в домино. Да несколько официантов протирали столы, брызгая на них инсектицидом.

Маргарет все ему объяснила: куда ехать, на что смотреть, кем представляться. Виллем натянул светоотражающий жилет и шлем от геокостюма, опустил солнечный козырек и включил охлаждение на такую мощность, чтобы прохладный ветерок дул в лицо. Перебросил через плечо сумку с водой и зашагал в сторону неразличимого отсюда берега Мексиканского залива.

За парковкой дорога терялась. Ряды пикапов сменились фургонами, фургоны — глиссерами, а глиссеры — моторками. Деревья расступились и открыли вид на Залив. К этому времени Виллем был уже по колено в грязи; ботинки, купленные в «Уолмарте», погибли безвозвратно. Здесь и там, вдоль невидимой линии отлива, стояли на якоре баржи, груженые растениями: на одних — кро-

хотные ростки, умещающиеся в руке, на других — целые деревья или как минимум молодые деревца. Рабочие по колено в воде, присев, сажали эти деревья. Виллем знал: экологи выбрали виды, способные отфильтровывать из потока ил и задерживать его своими корнями так, чтобы со временем он сформировал если не твердую землю, то хотя бы плотную грязь, которую однажды можно будет осушить. Грязь обернется землей, а деревья, пустившие в ней корни, станут стеной, защищающей новый берег от волн и штормов.

Час спустя, вернувшись на парковку, Виллем обнаружил, что его ждет чай, любезно предложенный представителем Китайской Народной Республики.

Пожалуй, он ждал чего-то подобного — только не знал, когда и где это произойдет. Китаец появился сегодня в арендованном трейлере, припаркованном рядом с его пикапом. Навес, прицепленный к фургону сбоку, создавал между двумя машинами тенистый уголок. Складной стол и два стула дополняли скудный интерьер. На одном стуле уже сидел, уткнувшись в планшет, неприметный с виду китайский чиновник средних лет; время от времени он поднимал планшет и что-то фотографировал. По случаю

жары китаец решился снять пиджак и ослабить галстук, однако не расстегивал запонки и не закатывал рукава — он ведь все-таки на работе. Когда Виллем подошел ближе, китаец вежливо поднялся, поздоровался с ним на мандаринском диалекте и отвесил что-то вроде поклона — с эпидемиологической точки зрения такое приветствие куда безопаснее рукопожатия. Затем указал на свободный стул и жестом подозвал своих помощников, сидевших в трейлере. Судя по доносящемуся оттуда полифоническому гудению и урчанию, там имелся и переносной генератор, и кондиционер. Разумеется, у такого человека не может не быть помощников: нельзя же, боже упаси, чтобы его увидели за какой-нибудь ручной работой! Помощники приготовили чай и накрыли на стол, все в полном соответствии с этикетом, принятым в Китае с незапамятных времен и известным Виллему назубок.

— Бо, — представился китаец, затем продолжил по-английски: — Верите или нет, но это моя настоящая фамилия. Когда я в первый раз приехал на Запад, мне посоветовали подобрать себе какое-нибудь английское имя и им представляться. Ну, знаете: Том, Дик, Гарри… — Он выразительно пожал плечами, без слов показывая, как относится

к затее сойти за европейца. — Я подумал: может, Боб? А потом приехал на Юг — а тут, оказывается, действительно есть имя Бо!

— B-E-A-U? — произнес по буквам Виллем. — Как пишется у каджунов?

— Думал и об этом. Но за пределами Луизианы это вызывало бы панику. На всем остальном Юге пишут просто «B-O».

— Диддли, — подумав, добавил Виллем.

— Шембехлер. Джексон[26]. В общем, Бо. А вы, я знаю, Виллем. Ваш отец — Энг Куок. А у вас есть китайское имя?

— Скорее нет. — Бел придумывала ему ласковые прозвища на фучжоу, но в нынешнем контексте они прозвучали бы совсем неуместно.

— Значит, Виллем.

Бо не стал подвергать сомнению интеллект собеседника, объясняя, как китайцы узнали, где его искать. Об этом Виллем и сам может подумать на досуге. Скорее всего, один из следующих вариантов — или какое-то их сочетание:

А) Запустили вирус в его *PanScan*, теоретически защищенный от взлома, но на практике славя-

---

[26] Примечания: 26

Бо Диддли — певец и гитарист, один из отцов рок-н-ролла; Бо Шембехлер — известный игрок в американский футбол; Бо Джексон — знаменитый бейсболист.

щийся дырами в системе безопасности.

Б) Следили за Беатрикс, а она кому-то проговорилась.

В) У Маргарет нашелся коллега или студент-китаец, узнавший, с кем она встречается…

…А может быть, и что-то куда более сложное, какое-нибудь прозрение искусственного интеллекта, недоступное человеческому разуму. Но суть ясна: китайские власти знают, что он в Луизиане, решили дать ему понять, что знают, а теперь хотят вежливо и аккуратно прощупать почву.

Хоть в адрес Виллема порой и высказывались такие подозрения, на самом деле он не был ни в коей мере «прокитайским», даже не испытывал ни малейшего китайского влияния. Однако китайцы решили вступить в контакт именно с ним. Должно быть, хотят напомнить, что готовы сотрудничать. Разумеется, об этом разговоре он составит подробный отчет, письменный и устный. Бо тоже это понимает. Можно было бы попросить у него визитку, выяснить официальную должность и «легенду», но Виллем не чувствовал в себе сил заниматься этой ерундой. Ясно, что парень работает на китайскую разведку, скорее всего, под прикрытием новоорлеанского кон-

сульства. Но на визитках о таком не пишут.

Нижнюю часть лица Бо скрывала маска из тончайшей голубой бумаги. Таким же скупым и точным движением, каким наливал себе чай, он снял маску с одного уха, оставив висеть на другом. Иначе было бы сложно пить. *PanScan* распознавал Бо как призрака, неясную тень. Его нейронные сети различали объект, имеющий вид и форму человека, но вся прочая информация оставалась недоступна.

Виллем со вздохом снял шлем. Повел плечами, сбрасывая жилет. Бо едва заметно мигнул кому-то из помощников — и тот поспешил на помощь, словно Виллем был герцогиней в холле оперного театра, с которой требовалось снять норковую шубу. Возникла из воздуха вешалка, и жилет повис на свежем ветерке, где он быстро просохнет. Бо наблюдал за этим с насмешливым любопытством. Когда все было готово, поднял свой планшет и сфотографировал жилет с буквами ERDD.

— Что это за надпись? — спросил он.

— Долго объяснять. Коротко: она ничего не значит.

— Американцы не слишком гостеприимны, но мы подумали, что стоит как минимум встре-

титься с вами и сказать «привет». — Все это он произнес на мандаринском, но слово «привет» — по-английски.

Виллем не сомневался, что в Техасе их встретят с королевским гостеприимством, но не видел нужды бросаться на защиту американцев.

— Вы очень добры, — заметил он. — Они здесь, на мой вкус, слишком уж увлекаются сладкими прохладительными напитками.

Бо закатил глаза и надул щеки, то ли притворяясь, что его вот-вот вырвет, то ли изображая толстяка, набравшего лишнюю сотню фунтов из-за пристрастия к газировке.

— Но, разумеется, это не помогает *победить жару,* — закончил Виллем, произнеся последние два слова по-английски, и поднес чашку к губам.

Из трейлера, словно кейстоунские копы[27], появлялись все новые и новые китайцы. Бо взял с колен старинный веер, раскрыл со щелчком и начал им обмахиваться. Один из его команды присел и направил в сторону Виллема маленький электровентилятор. У всех помощников были в

[27] Примечания: 27

«Кейстоунские копы» — немой комедийный сериал, шедший в США в 1912–1917 годах и широко известный в англоязычном мире. В центре сериала комические полицейские, которые везде появляются толпой и из-за глупости и недостатка координации мешают друг другу.

руках предметы, напоминающие дешевые пластмассовые подделки под ракетки для сквоша. Вскоре выяснилось, что это ручные электромухобойки. Вначале помощники окружили чаепитие по периметру; однако насекомые проникали сквозь щели в этой защитной стене, и китайцы, изменив тактику, принялись гоняться за ними, взмахивая своим оружием с грацией, напоминающей инструкторов по тай-чи с «Ютуба», со щелчками поражая мошкару электрическими зарядами — и притворяясь при этом, что ни слова из разговора не слышат. Все эти вентиляторы, электромухобойки, удлинители, скрывающиеся во чреве трейлера, и прочее, как подозревал Виллем, были закуплены в «Уолмарте» всего лишь пару часов назад. Порой ноздрей Виллема достигал запах какой-нибудь поджаренной мухи — словно от паленых волос; ничего, случалось и не такое нюхать.

Бо явно не спешил переходить к делу. Он задумчиво следил взглядом за троицей рабочих, зашедших на парковку, чтобы посетить переносной туалет и выкурить по сигарете.

— Сто лет назад они были бы чернокожими. Пятьдесят лет назад — вьетнамцами. Двадцать лет назад — мексиканцами, — заметил он.

Нынешние рабочие были белыми.

— Что ж, может, хоть это их научит уважать труд. А то, что они здесь делают, очень напоминает посадку риса, не правда ли?

Он имел в виду древний способ земледелия, распространенный по всей Восточной Азии, когда рис высаживают весной на заболоченных полях. В каждом языке, в каждом диалекте для этого процесса есть свое слово. И сейчас Бо использовал слово не из мандаринского. Судя по его речи и виду, Бо был типичным северным ханьцем и на мандаринском говорил с рождения; но сейчас — едва ли случайно — он перешел на диалект фучжоу, родной для китайской половины семьи Виллема.

— Верно, — согласился Виллем, — очень похоже. С той разницей, конечно, что здесь выращивают не пищу, а новую землю.

— Это должно быть очень любопытно и для вас, и для особы, на которую вы работаете, — сделал подачу Бо. — Кому же знать все о таких вещах, как не нидерландцам!

Фраза, явно направленная на то, чтобы Виллем «раскололся» насчет королевы. Китайцы знают, что она в Техасе? Или только подозревают? Или не знают ничего?

— Мне кажется, вы не отдаете должного собственной стране, — любезно возразил Виллем. — Сегодня чуть раньше я ехал вдоль реки, с обеих сторон огороженной насыпями выше дороги. Это напомнило мне реку Желтую: как вы знаете, именно так она выглядела задолго до того, как нидерландский народ начал возводить свои скромные плотины.

Бо кивнул.

— Это и способ борьбы с наводнениями, и оружие. — Он употребил китайское выражение, буквально означающее «вода вместо солдат».

Виллем принял подачу.

— Быть может, вам интересно будет узнать, что и голландцы использовали воду как оружие. Вильгельм Молчаливый, принц Оранский, — да, предок особы, которой я имею честь служить, — в 1574 году открыл шлюзы, чтобы остановить наступающую испанскую армию. Прием оказался успешным. Теперь ту победу каждый год отмечают в Лейдене.

— На вашей второй, приемной родине, — без особой нужды добавил Бо. — Так вы изучаете историю? Тогда, должно быть, знаете, что прорыв плотин на реке Желтой считался страшной катастрофой. Когда такое случалось, народ верил, что

император утратил Мандат неба.

Бо проговорил это с легкой улыбкой, и Виллем усмехнулся в ответ.

— Если вы хотите провести какие-то аналогии с особой, на которую я работаю, то вам стоит помнить, что свой мандат она получила от народа. А в «небо» никто в Нидерландах больше не верит.

— В Амстердаме? В Гааге? Может, и так, — парировал Бо. — Но разве вам не случалось ездить на восток?

— Вы имеете в виду восток Нидерландов?

— Да.

— Это же в двадцати минутах езды от названных вами городов!

— Верно. Но иногда двадцати минут достаточно, чтобы переместиться в иную эпоху. — Бо неторопливо отхлебнул чай. — Сельские жители в… как называется этот район? Брабант?

— Да, Северный Брабант.

— Мне рассказывали, там и по сей день живут очень религиозные люди. Консервативные. Даже реакционно настроенные.

Такой поворот беседы Виллему не нравился, но спорить было невозможно. В конце концов, сам он всего несколько часов назад не где-нибудь, а в доме своего отца любовался «реликвиями»,

воплощающими в себе именно то, о чем говорит Бо.

— По моему опыту, люди во всем мире рассуждают примерно одинаково, — заметил Виллем. — Когда случается катастрофа, во всем винят власть. «Мандат неба» или нет, но нужно сменить власть, и все наладится!

— Западные историки, — сказал Бо, — об этом китайском феномене пишут в снисходительном тоне, поскольку полагают, что Запад…

— Давно оставил позади всю эту суеверную чепуху. Знаю.

— А вам не кажется, что такая склонность к самообману делает западных лидеров уязвимыми?

Виллем пожал плечами.

— Вы подняли интересный философский вопрос, из тех, над какими любопытно поразмыслить в свободное время. Но мои рабочие задачи очень просты: напоминать конституционному монарху, лишенному всякой реальной власти, вовремя подписывать поздравительные открытки для школьников и следить, чтобы на званом ужине не перепутали таблички с именами гостей.

Бо отвел взгляд и промолчал — быть может, считал, что на такие глупости не стоит и отве-

чать.

Что ж, ничего другого он не услышит. Китайцы то ли слишком прямолинейны, чтобы понять концепцию конституционной монархии — и видят в ней непрочное прикрытие реального положения дел, — то ли несоизмеримо более проницательны и видят то, чего не замечают склонные к самодовольству и самообману европейцы. Так или иначе, их взгляды на этот вопрос куда тверже, чем у самого Виллема. Он-то предпочитал утешаться гипотезой, что королева Фредерика хотя бы в исключительном случае способна проявить серьезную авторитарную власть… но эта мысль слишком явно расходилась с Конституцией — с Грондветом, которому он присягнул на верность.

— Выходит, вы… как это по-английски… работаете не в полную силу! Человек вашего опыта, вашей эрудиции — и расставляет таблички на званых ужинах? Серьезно?

Звучало это как зачин предложения о новой работе, а такое предложение могло повести лишь в самом катастрофическом направлении, так что Виллем поспешил ответить:

— Своей ролью я абсолютно доволен.

— Значит, у вас должны быть и другие обязанности, сложнее и интереснее! — воскликнул

Бо с таким выражением, словно эта новая увлекательная мысль только что пришла ему в голову. — Конечно, это все объясняет. Зачем бы еще вам находиться здесь, зачем осматривать окрестности?

— По очевидной причине. Меня интересует глобальное потепление.

— Да-да, — покладисто согласился Бо, — на этой части Америки глобальное потепление сказывается очень серьезно. И на Луизиане, и на Техасе… — Он не сводил с Виллема внимательного взгляда. — Совершенно очевидна, например, связь этой темы с Хьюстоном. Но вот Уэйко… нет, здесь я связи не вижу.

— Слышал об этом месте, — вставил Виллем.

— Да вы арендовали там пикап! — Бо кивнул в сторону этой крупной и неопровержимой улики. — «Додж-рам» с номерным знаком ZGL-4737. — И, подняв планшет, сфотографировал номер.

— Какой прекрасный у вас чай! Завариваете при восьмидесяти градусах по Цельсию, если я не ошибаюсь.

— Это единственный достойный способ, — подтвердил Бо и сделал еще глоток. — А как вы полагаете, почему на это техасское мероприятие

не пригласили нас?

— «Нас» — вы имеете в виду Китай?

— Да.

— По-вашему, я читаю мысли Т. Р. Мак-Хулигана?

— Как секретарь королевы, мне казалось, вы должны обладать какими-то сверхспособностями в этой сфере.

— Наверняка вы когда-то были подростком.

— Разумеется.

— Допустим, вы не пригласили девушку на свидание. Что она могла подумать?

— Что она мне не нравится? — пожал плечами Бо.

— Или что вы не знаете, примет ли она приглашение. И если пригласите, а она вас отвергнет — потеряете лицо.

— Выходит, если Китай хочет, чтобы в будущем его приглашали, ему нужно пококетничать с Т. Р. Мак-Хулиганом? Подбодрить его?

— Это просто абстрактные догадки о его возможных мотивах. Я ведь с ним даже никогда не встречался.

— А может быть, он заранее знает, что мы отклоним приглашение?

— Может быть.

— Отклоним, потому что его план навредит Китаю, и он это понимает — поэтому и не видит смысла нас приглашать?

— Понятия не имею, считает ли Т. Р. Мак-Хулиган своим врагом Китай и считаете ли вы его врагом Китая, и меня это не интересует. Даже если бы я имел привычку снабжать ваше правительство разведданными — в этом случае мне просто нечего вам предложить.

— Хорошо сказано. Понимаю, за что вас ценит ваша королева. Возможно, она тоже… *работает не в полную силу.*

— Ей есть чем заняться.

— Что ж, уверен, следующие несколько дней станут для вас чрезвычайно увлекательными. Завидую вам — и постараюсь не дуться, как тот отвергнутый подросток, о котором вы говорили.

— Уверен, Китай переживет этот удар.

— Не сомневаюсь, — ответил Бо.

Чем ближе к концу разговора, тем чаще в кармане у Виллема вздрагивал мобильник. Звуком или вибрацией в его телефоне отмечались сообщения особой важности — всего от нескольких человек на всем белом свете.

Избавившись наконец от китайцев, натянув жилет с надписью ERDD, опустошив набрякший

от чая мочевой пузырь в душном, воняющем технической отдушкой мобильном туалете, сев за руль и включив кондиционер, он достал телефон и обнаружил целую серию нетерпеливых сообщений от королевы.

> Что вы делаете в водах Мексиканского залива?

> У вас карта устарела. Я на суше.

> Вопрос остается.

> Очередной пробный шар от китайской разведки. Напишу отчет.

> Они знают, что я здесь?

> Возможно. Знают, что в Уэйко что-то произошло.

> Вернетесь сегодня?

> Да, уже еду назад.

> Каджуны просят нас об одной услуге. Можете найти Порт-Сульфур[28]?

> LOL, говорящее название! Сейчас…

Порт-Сульфур Виллем обнаружил при помощи навигационного экрана на приборной доске. Город на основном течении Миссисипи, милях в тридцати к югу.

---

[28] Примечания: 28
Название означает «серный порт».

> Нашел. Что мне оттуда привезти, полный кузов серы?

> Серой пусть занимается Т. Р. А вы подберите там ныряльщика.

Полчаса спустя Виллем был на месте. Несколько разочарованный — поскольку не увидел вокруг никаких признаков серы. Строго говоря, здесь не было почти ничего, даже обычных портовых сооружений: только пожарная станция да пара магазинчиков у основания плотины. Лишь ярдах в двухстах от них виднелся небольшой холмик, различимый лишь глазами нидерландца — должно быть, все, что осталось от колпака с сернистым ангидридом из тех времен, когда здесь велась добыча.

Единственным человеком на виду оказался тот самый, кого требовалось отвезти в Техас, — Жюль Фонтейн. Сидел на середине плотины, на куче сумок и брезентовых мешков, составляющих важную часть жизни ныряльщика. Когда белый пикап подъехал ближе, Жюль почтительно поднялся на ноги. Банки из-под пива, обертки из «Сабвея» и пакеты от чипсов свидетельствовали о том, что в силу молодости, хороших генов и активного образа жизни Жюль способен поглощать

столько калорий, сколько захочет, без малейшего ущерба для ослепительной мускулистой фигуры, упакованной в яркую «вареную» безрукавку и чертовски сексуальные шорты. Геем парень явно не был и даже не подозревал, как он привлекателен для геев, — для молодых людей это обычное дело. Виллем уже знал, что Жюль прежде служил во флоте. Уволился довольно давно, судя по золотистым кудрям, отпущенным до плеч. В кудрях играло солнце, украшая их бликами, за которые в любом амстердамском салоне пришлось бы заплатить не меньше пятисот евро. *PanScan* предсказуемо определил в Жюле самого здорового человека на земле.

Покидав свой багаж в кузов пикапа, Жюль предложил купить Виллему что-нибудь в дорогу. Возьму все, что захотите, сказал он. Виллем не хотел обижать его отказом, так что позволил угостить себя джерки[29]. Безопасный выбор: джерки нелегко испортить, к тому же именно такие лакомства, на взгляд Жюля, должны предпочитать старые развалины вроде него.

После того как парень сбегал за джерки и уселся рядом с водителем — на сиденье, которое в этих

---

[29] Примечания: 29

Кусочки особым образом высушенного вяленого мяса, традиционная закуска в странах Северной Америки.

краях именуется «местом смертника», — Виллем сказал:

— Вот что, Жюль: я, как и вы, спешу в Хьюстон — но, если не возражаете, мне хотелось бы несколько минут покататься по городу и осмотреться.

Жюль явно удивился, но вежливо ответил:

— Сэр, да это и минуты не займет!

— Знаю. Просто хочу удовлетворить свое любопытство.

— Да пожалуйста! — с широкой улыбкой ответил Жюль. — Ваша машина — ваши правила!

Виллем немного отъехал от реки и сделал круг по местам, где в прошлом шла добыча серы. Теперь здесь была пустошь, заросшая кустарником, с уже почти неразличимыми следами дорог. На южной стороне пустоши виднелся заброшенный дом, даже скорее хижина, обшитая некрашеной фанерой, почерневшей от времени и плесени. Над входной дверью — вывеска, написанная от руки на металлическом листе, теперь уже совершенно проржавевшем. Виллем едва различил слова: «…АЗОС МАЙН…». Последний след компании «Бразос Майнинг» в Порт-Сульфуре. Вспомнив интерес королевы к этому названию, он подошел ближе и сфотографировал вывеску.

— Ладно, Жюль, теперь поехали! — объявил Виллем и, развернув пикап, направился по прибрежной дороге назад в сторону «Большого Кайфа»[30].

Жюль открыл банку энергетического напитка, откинулся на сиденье и принялся потчевать Виллема историей о том, как его выбросило на берег в Порт-Сульфуре. Виллем слушал моряка вполуха, одновременно прикидывая, где и как будет встречаться с остальным караваном, так что кое-какие детали упустил. Разумеется, в истории участвовала девушка, которая его бросила. Машина, на которую внезапно предъявил претензии ее хозяин. Работа на нефтяной вышке, из которой ничего не вышло. Но, может, все бы еще наладилось, если бы не последний удар судьбы — ураган.

— Что вам известно о производстве серы? — поинтересовался Виллем, прервав этот поток сознания примерно через полчаса, когда печальная повесть Жюля вышла далеко за границы кантри-баллады и грозила превратиться в целый альбом.

— Да в Порт-Сульфуре давным-давно нет серы!

---

[30] Примечания: 30
Прозвище Нового Орлеана.

— Знаю, — терпеливо ответил Виллем. — Потому и спрашиваю.

— Ну, раньше тут был рудник. Серу выкапывали из земли. Замораживали. И продавали в виде таких, ну, знаете, как бы здоровенных кубиков льда.

— Вы сказали, замораживали?

— А она плавится при очень низкой температуре. Ее можно дома в печке расплавить. Почти как воск. Так что ее разливали в такие большие, знаете, вроде формочек для льда, ждали, когда застынет, сгружали у воды, потом грузили на корабли, ну и отправляли… черт его знает куда. Туда, где нужна сера.

— И почему это прекратилось? Истощилось месторождение?

— Просто в наше время дешевле добывать серу из сырой нефти.

— Значит, теперь ее вырабатывают как побочный продукт на всех этих нефтеочистителях?

— Раньше так было, — подтвердил Жюль. — А потом в игру вступила Альберта и здесь вообще все прикрыли.

— Потому что в нефти из Альберты больше серы?

— Полным-полно! — ответил Жюль. — Ну, так

говорят. Сам я не видел. В Альберте, сами понимаете, ныряльщику делать нечего.

Виллем кивнул.

— Значит, теперь Порт-Сульфуру необходимо заняться диверсификацией своей экономики.

— А вы на «Шелл» работаете? — спросил Жюль. И, чувствуя необходимость объяснить свое любопытство, пояснил: — Ребята сказали, вы из Голландии.

— Из Нидерландов, — поправил его Виллем. — Да, можно сказать, что с «Ройял Датч Шелл» у меня профессиональные связи.

— Эйчар? Или связи с общественностью? — уточнил Жюль.

Виллем понимал, что его смущает. Жюль пытается понять, что за человек его попутчик. Не обязательно из любопытства: просто им предстоит полдня провести вместе в кабине, и он, естественно, ищет общие темы для разговора. Единственная известная Жюлю причина, по которой в этой части света может оказаться нидерландец, — работа на «Шелл». Однако Виллем не знает самых основных фактов о сере — например, о том, что ее добывают в виде побочного продукта из сырой нефти. Должно быть, предположил Жюль, в «Шелл» он занимает должность,

очень далекую от «земли».

— На самом деле я не работаю на «Шелл», — объяснил Виллем. — Определенная связь есть, но косвенная. Скажем так: я занимаюсь логистикой. Группа путешественников, за которую я отвечаю, из-за урагана застряла в Уэйко. И ваши друзья любезно согласились нам помочь.

— А, так вы туристы! Ну, тогда скучать вам не придется!

— Что вы имеете в виду?

— Хьюстон — чертовски интересный город!

— Это верно. В Хьюстоне не соскучишься.

Амритсар

Начинал он с *кески* — простого домашнего тюрбана, какие носят дети или спортсмены на соревнованиях. В Америке такой сошел бы за бандану.

Теперь, следуя инструкциям на «Ютубе», Лакс начал наматывать поверх кески настоящий тюрбан. Нечто не совсем позорное получилось с третьей попытки. В таком виде он вышел из отеля, чтобы отобедать в большой и удобно расположенной гурдваре.

Само это слово означает «дверь к гуру», а при слове «гуру» многие немедленно воображают седобородого старичка, что сидит, скрестив ноги, и сыплет мудрыми изречениями. Но от таких учителей сикхи отказались много столетий назад, а все, что услышали от них, записали в книгу. Эта книга и стала их гуру. Так что точный перевод названия — «дверь к корпусу письменных материалов, заменяющему духовного лидера-человека»; но, поскольку это сложно выговорить, на английский «гурдвара» чаще всего переводят как «храм». Однако слово «храм» вызывает у

людей с Запада совершенно неверные ассоциации: они начинают представлять себе что-то вроде индуистского храма или католического собора. Ничего подобного. У сикхов нет священников, они не поклоняются идолам. Большинство гурдвар, довольно изящных снаружи, внутри суровостью и скудостью обстановки куда больше напоминают методистскую церковь. Обедать в лангаре — значит сесть на пол в длинном ряду других ожидающих обеда, дождаться, пока над вами прочтут положенные молитвы, а затем съесть что-то вегетарианское, простое, но сытное и богатое углеводами. Тут стоит уточнить: сикхи — не вегетарианцы. Они просто хотят, чтобы и индуисты, и мусульмане пользовались их щедростью, не беспокоясь о том, что за мясо тут едят и как были убиты эти животные. Остро ощущая на себе чужие любопытные взгляды, Лакс сидел, скрестив ноги, смотрел в тарелку, ни на кого не обращал внимания и ни слова не говорил по-английски.

А на следующий день пришел снова.

Весь процесс, занявший не более недели, напомнил ему, как, ночуя в Скалистых горах, он пытался в холодный день разжечь костер, сложенный из сырого дерева: огонь гаснет, гаснет,

снова гаснет — а потом вдруг схватывается, костер разгорается, и ты уже не понимаешь, что было в этом сложного. Очень скоро он уже работал в лангаре. Разумеется, к приготовлению еды местные поварихи его не подпускали: они фанатично следовали правилам гигиены, которые Лакс пока не освоил. Зато он выгружал из машин и таскал на кухню огромные мешки муки, риса и чечевицы — достаточно, чтобы услышать искреннюю благодарность.

Заработав таким образом толику социального капитала, Лакс начал расспросы — и выяснил, где находится ближайшая *акхара*[31]. Без подробных указаний он ни за что бы ее не нашел. Она находилась в конце лабиринта древних улочек, и более новые, более высокие здания сгрудились вокруг нее, словно пряча от чужих глаз.

Он слышал, что многие сооружения сохранились здесь с незапамятных времен; но эта акхара казалась просто доисторической. Нет, в дальних ее углах встречались новейшие изобретения — скамьи для жима, штанги и гантели. Но в центре — как и в глубокой древности — находилась

[31] Примечания: 31

Индийское слово «акхара» многозначно: это может быть религиозная секта, воинский отряд, школа боевых искусств или, как здесь, место для тренировок.

площадка разрыхленного грунта, защищенная от дождя крышей на сваях. Тысячи лет в этом краю борцы тренировались на голой земле, как западные борцы — на пенопластовых матах, а японцы — на татами. Разумеется, земля требовала специальной подготовки. Упираясь пятками, падая мускулистыми телами, спортсмены утаптывали ее, так что каждый день грунт приходилось рыхлить заново.

Лакс сразу понял, что приходить сюда надо до зари. В первый день поставил будильник на пять утра, зашнуровал кроссовки, прибежал в акхару — и обнаружил, что опоздал. На следующий день завел будильник на четыре — и снова слишком поздно. Правильным временем оказались три часа утра. Он пришел в акхару, когда там слонялось несколько молодых ребят, но серьезных борцов еще не было. Взяв инструмент для рыхления — нечто среднее между мотыгой и стругом, — Лакс поднял его над головой и с размаху вонзил лезвие в землю между ног, с которых позаботился снять обувь. Дернул вверх, взрыхляя грунт, плотно утоптанный вчерашними посетителями. И еще раз. И еще. Вокруг него тем же занимались мальчишки, вдвое его моложе и вдвое легче. Впервые по приезде в Индию Лакс забыл о времени — и

просто работал, не дожидаясь с нетерпением, когда работа закончится.

Чтобы разрыхлить весь грунт на площадке, потребовался час тяжелого труда. Теперь земля была мягкой, но неровной. Следующий шаг — разровнять ее и утрамбовать, но не слишком сильно, при помощи бревен с отягощением. Бревна, призванные исполнить эту задачу, словно выбросило на берег после крушения Ноева ковчега. «Отягощением» служили мальчишки помоложе: они залезали втроем-вчетвером на одно бревно, хватались друг за друга и хихикали — а Лакс, в роли тяглового животного, таскал бревно туда-сюда по полу акхары, пока земля не стала ровной и достаточно плотной, чтобы не скользить и не проминаться под босыми ногами борцов, но и достаточно мягкой, чтобы приглушать броски и падения.

К этому времени уже запылал рассвет, становилось жарко. В дверях появились несколько старших членов акхары: зашли размяться перед работой. На Лакса они смотрели с удивлением. Некоторые были дружелюбны и лаконично благодарили его за труд. Другие держались отчужденно. Один или двое, пожалуй, даже враждебно. Но к этому он был готов. Они видят в нем

возможного соперника. Обычное дело для любого спортзала. Лучшее, что тут можно сделать, — держаться смиренно и не выпендриваться.

В этот день Лакс не разминался. Все равно слишком устал. От работы «мотыгой» у него болели все мышцы выше пояса, от таскания бревна дрожали колени. На подгибающихся ногах он вернулся к себе в гостиницу, пока не стало слишком жарко — стояла весна, сезон дождей был еще впереди, и после полудня жара поднималась выше 45 градусов по Цельсию. Он принял ванну и снова лег спать.

Каждый день в течение недели Лакс приходил в акхару с утра, готовил площадку — и никто его не прогонял. Через неделю он осмелился взяться за снаряды: *джори* — то, что на Западе называют «индийскими дубинками», и *гада* — такие же дубинки, только огромные, палка длиною в метр, и на конце ее камень размером с шар для кегельбана. С такими дубинками — точнее, с их современными эквивалентами из литой стали — Лакс занимался с детства и умел с ними обращаться. Но люди в акхаре этого не знали. Так что все до одного наблюдали, хотя бы краем глаза, а некоторые и откровенно глазели, когда он поднял гада с земли и начал крутить над го-

ловой, ограничившись пока самыми простыми и безопасными движениями, а потом почтительно положил их на место, надел кроссовки и трусцой побежал домой. На следующий день сделал то же самое, но подольше. Постепенно переходил к более тяжелым снарядам и движениям посложнее.

Такова была первая и единственная сверхспособность Лакса. Беглый пенджабский ему не давался, сколько он ни смотрел по телевизору пенджабские мыльные оперы. Улыбаться всем и каждому он не умел. Однако обнаружил: если просто приходить и заниматься каждый день, не случится ничего дурного, и в конце концов на него перестанут обращать внимание. А он только этого и хотел — чтобы его не замечали.

И все же спустя шесть месяцев его выставили. Нет, очень вежливо. К этому времени Лакс настолько усовершенствовался в пенджабском, что смог понять их объяснение — хоть и не поверил. В этом даже был смысл. Он приходил изо дня в день (теперь попозже — став здесь своим, он мог себе это позволить), занимался все дольше и брался за все более сложные упражнения со все более тяжелыми и опасными снарядами. В его руках побывали джори, утыканные гвоздями, сурово карающие всякого, кто, сделав неверное

движение, позволит им коснуться собственного тела. По приглашению одного из молодых членов акхары он начал участвовать в борцовских поединках. Боролся Лакс так себе, но недостаток умения компенсировал размерами и силой, так что в целом справлялся.

Однако он чувствовал, что на тренировках служит образчиком «тупого верзилы». В любом боевом искусстве есть техники, заточенные против тупых верзил. Их сложно практиковать всерьез против умелого борца одних с тобой габаритов. А в Лаксе местные нашли идеального «мальчика для битья», на котором можно оттачивать антиверзильные приемы. Так что не раз он валился на разрыхленную собственными руками землю и испытывал на себе разные захваты, при неаккуратном применении довольно болезненные.

А Лакс был не из тех, кто такое терпит с улыбкой. Он ведь не случайно выбрал для себя боевые искусства. И пересек полмира, приехал в святой город своих предков и присоединился к этой древней акхаре не для того, чтобы его тут изо дня в день валяли по земле. Много раз, вернувшись домой весь в синяках, он находил в Интернете какое-нибудь старое кино о боевых искусствах

и искал в нем утешение своим оскорбленным чувствам. Исконный сюжет всех этих фильмов такой: простой парень с улицы должен терпеливо пережить период смиренного ученичества, порой даже перетерпеть откровенные унижения и страдания — зато в финальной схватке выходит победителем! Разумеется, в кино монтаж спрессовывал годы в несколько минут, а Лаксу приходилось все это проживать в реальном времени, без кнопки перемотки. Некоторое время он просто терпел. Потом начал сопротивляться, старался хоть немного осложнить жизнь своим партнерам по спарингу. Если они жаловались — говорил (уже на довольно неплохом пенджабском), что просто старается быть с ними честным, не поддаваться. Так для них полезнее. Они ворчали, но не спорили.

Некоторое время он страдал от жары, но в конце июня наконец пришли муссоны. Теперь легко было охладиться, просто выйдя из-под навеса под дождь.

До определенного момента никому и в голову не приходило гнать его из акхары. Он был опрятным, тихим и скромным, держался вежливо и дружелюбно, к тому же приносил пользу. Бревно с мальчишками таскал по площадке, словно

какой-нибудь чертов буйвол! Неловкость и застенчивость тоже скорее располагали к нему. Словом, старшие члены акхары не видели в Лаксе никакой проблемы, пока он не взял в руки палку.

Точнее, не совсем так. Гада, которые он крутил над головой почти с первого дня, и есть не что иное, как длинные палки. По-английски слово «гада» обычно переводится как «булава»: это оружие представляет собой камень весом до сотни фунтов (хотя обычно все-таки меньше), закрепленный на длинной, довольно хлипкой на вид рукояти. Одни гада выглядят как артефакты из зала палеолита в историческом музее, другие изготовлены из бетона и арматуры минут десять назад. В том, что Лакс тренировался с гада, пока соблюдал технику безопасности, ничего дурного не было: это то же, что упражняться с гантелями в уголке какого-нибудь лос-анджелесского фитнес-центра.

Слово «гада» можно перевести и как «дубинка» или «большая палка». Уменьшительная форма *гатка* означает палку поменьше и без отягощения, обычно просто бамбуковый или ротанговый шест около метра длиной. Бывает и длиннее, и короче: в боевых искусствах, основанных на

использовании шеста, не так уж важна точная длина. Некоторые видят в шесте просто замену меча. В самом деле, опытных мастеров гатки — так называется это боевое искусство — можно увидеть на тренировках и с настоящими мечами. Но в конечном счете это название означает просто «палка», так что борцы на тренировках по большей части работают тупым бамбуком, а не острой сталью. Лакс признавал за мечами романтику и обаяние, но сам был вполне доволен работой с шестом, считая его куда более полезным для практических целей — например, если на улице в Ванкувере к тебе полезет какая-нибудь гопота. Гатке он учился в Ричмонде у очень хорошего мастера: хотя с расстояния семи тысяч миль заметил, что его наставник был по местным меркам несколько эксцентричен, пожалуй, здесь считался бы чудаком — одна из причин, по которой люди покидают родину. Но, так или иначе, для Лакса он стал отличным учителем. В детстве, где-нибудь у верхних притоков Фрейзера в Колумбии, ожидая, пока за ним приедет отец, юный Лакс не раз тренировался с сосновой веткой вместо шеста. Тренировался и сейчас, в Амритсаре, в номере очередного «Мариотта», «Уиндема» или «Рэдиссона», предварительно

плотно задернув шторы.

Так и вышло, что в гатке Лакс оказался более подкован — *намного* более подкован, — чем даже самые старшие и опытные члены акхары. Эти почтенные старцы сказали Лаксу напрямик: вряд ли они смогут его чему-то научить. Он стучится не в ту дверь. Лакс понял правильно: ему вежливо сообщают, что он мешает. Смущает умы. На его фоне меркнут местные звезды. Для тех ребятишек, которых катает по утрам на бревне, он стал героем. С этим нужно что-то делать. Руководители акхары — люди разумные, ничего дурного ему не желают; и в любом случае им нужно будет как-то объяснить молодежи, почему Лакс вдруг исчез.

Короче, они навели справки и связались с неким Ранджитом, инструктором из Шандигара: с шестом он творит чудеса и готов взять себе нового ученика. Лакса, можно сказать, выпихивают наверх. Его мальчишеский фан-клуб воспримет это с восторгом, как своего рода повышение. Их герой отправится покорять вершины — а они смогут с восторгом о нем вспоминать, любуясь на расстоянии.

Хьюстон

Ближе к Новому Орлеану Виллем и Жюль свернули на запад, на Десятую магистраль. Теперь они ехали параллельно пути, по которому прошел ураган. Несколько часов дорога вполне соответствовала предсказаниям навигационной системы. А потом Виллем едва не угробил и себя, и пассажира: не заметил, что шоссе впереди перекрыто, и лишь в последний миг ударил по тормозам.

После этого за руль сел Жюль. Формально водить арендованный автомобиль имел право лишь тот, кто взял его в аренду, однако Виллем полагал, что с этим разобраться будет проще, чем с последствиями крушения самолета. И свежий человек за рулем определенно безопаснее. Виллем пересел на пассажирское сиденье и уснул под тихий аккомпанемент кантри по радио.

Когда он проснулся, уже светало. Жюль ехал всю ночь — в основном тащился по пробкам. С наглухо забитой магистрали он давно уже съехал и теперь пробирался через юго-восточную часть Техаса по двухколейкам, следуя указаниям, ко-

торые слал ему из своих легковушек, пикапов, фургонов и с лодок многочисленный клан Боски.

Большую часть дня они пытались обогнуть Большой Хьюстон и с караваном состыковались лишь под вечер, остановившись рядом с государственным парком на реке Бразос милях в семидесяти от города. Здесь вся группа должна была собраться и с первыми лучами солнца отправиться в затопленный город. Ураган перешел в тропическую депрессию, которая на пару дней зависла к югу от Хьюстона и все там обильно залила дождем. Бразос, в основном текущая к северу от Хьюстона, избежала разлива, но вода в реке стояла высоко.

Первым делом они связались с Руфусом: тот, как обычно, на своем пикапе с прицепленным трейлером, ехал впереди остальных. С ним Виллем и Жюль встретились в маленьком городке с аккуратными белыми домиками, а затем проехали следом несколько миль по проселочной дороге. Приблизившись к конечной точке маршрута, он свернул на обочину и запустил дрон, чтобы разведать, что творится в парке. Согласно интернет-картам, на этой поросшей редким лесом территории находилось несколько кемпингов, соединенных извилистыми дорогами. В

обычное время можно было бы расположиться здесь. Но в этом году «муравьиные беженцы» заполонили парк еще задолго до того, как по Десятой магистрали хлынули на запад сотни тысяч беглецов, сорванных с места ураганом. Парк превратился во временный город. В каждом официальном кемпинге, обозначенном на карте, расположилось не меньше сотни фургонов, машин, палаток. Кочевники выплеснулись далеко за пределы простенькой сетки парковых дорог, колонизировали зеленую территорию между ними и правый, южный берег Бразос. Тоненькая полоска общественных земель на северном берегу на расстоянии выглядела словно линия, проведенная мелом — белая от яхт и катеров, должно быть прибывших сюда из Хьюстона. Дальше на север, на частной земле, тоже нашли себе приют группки фургонов и палаток.

На колесах все это было легко объехать. Но водному транспорту приходилось пробираться по запруженной реке. Вопрос был в том, где тем, кто плывет по воде, удастся сойти на берег и встретиться с теми, кто катит по суше. Руфус разрешил эту проблему, связавшись с одним из владельцев земельных участков на северном берегу. Собственники земли в эти дни ставили у

въездов на свою территорию шлагбаумы и брали с беженцев плату за возможность проехать и разбить на их участке лагерь. Плата была порядочная, однако Руфус и другие члены каравана в деньгах не нуждались: Виллем привез с собой большой запас наличных. Уезжая повидать отца, он отдал большую часть денег Амелии, однако и у себя оставил достаточно, чтобы теперь хватило заплатить хозяину ранчо и еще осталось. Так что деньги перешли из рук в руки, и, когда сгустились сумерки, флотилия лодок и караван автомобилей наконец встретились на северном берегу реки. Они оказались ниже по течению, чем большинство лагерей, — о чем свидетельствовал запах, исходящий от воды. Прошло то время, когда легко было освежиться, побрызгав на себя речной водой или просто прыгнув в реку: здесь сама мысль вызывала тошноту.

Лагерь на берегу Бразос

Саския, чье положение в глазах публики оправдывала прежде всего возможность заниматься филантропией, повидала в жизни немало трущоб третьего мира. Чаще всего они выглядели древними. Редко-редко в трущобе можно встретить новый дом. Но здесь все фургоны были чистенькие, с отлично надутыми шинами, готовые при первой же возможности разъехаться по домам. Палатки тоже новые, ярких веселых цветов. И настроение в лагере скорее праздничное: такое возникает, когда пережитые вместе трудности помогают людям ощутить свое единство. Но что случится, если все эти люди так и не смогут вернуться домой? Палатки потускнеют, покроются пятнами, на них появятся прорехи, залатанные клейкой лентой или брезентом. Сдуются шины у фургонов — придется снять колеса и поставить их на бетонные блоки. Наладить здесь канализацию так и не удастся. Вонь никуда не уйдет — люди просто научатся ее не замечать. Ни у кого из беженцев нет законных прав на землю, где они расположились, — значит, в любой момент

их могут изгнать отсюда законные хозяева или вытеснить более крепкие соперники. Без корней, без уверенности в завтрашнем дне невозможно строить быт, — значит, временные дома будут ветшать и разрушаться, не зная ни улучшений, ни ремонта — кроме самого необходимого и неряшливого латания дыр. Эти люди не будут платить налоги, — значит, у них не будет школ, поликлиник, прививок, соцработников. Только кажется, что это долгий процесс: нет ничего более постоянного, чем временное, и глазом не успеешь моргнуть, как временный город на колесах превратится в вековую трущобу. Ее происхождение канет во мраке времен и останется загадкой даже для историков. Откуда взялась трущоба? Да всегда здесь была.

Верно, Саския не думала всерьез, что здесь произойдет нечто подобное. Наводнение схлынет, и люди разъедутся по домам. Если придется, землевладельцы на северном берегу выставят беженцев силой. За тем, чтобы кемпинги на южном берегу вернулись в нормальное состояние, присмотрит полиция. Мочу, фекалии, отбросы и мусор, которые беженцы сливают и выкидывают в реку, волны Бразос отнесут в Мексиканский залив, и сама Бразос вновь станет такой же чи-

стой (или почти такой же), какой была прежде. Но Саския могла побиться об заклад, что в других местах в часе езды от Хьюстона лагеря беженцев за эти несколько дней — разумеется, неведомо для своих обитателей — пустили корни и продержатся годы, если только их существование не прервет какой-нибудь безжалостный погром. Именно так обычно происходит по всему миру, и Техас — не исключение. Впрочем, не только Техас. Чем Нидерланды лучше?

Лотта, ее дочь, начинала писать матери сообщения, когда в Нидерландах была уже ночь, а здесь ранний вечер. В это время каджуны особенно часто готовят еду. Саския, обожающая готовить, за последнюю пару дней легко приняла этот ритм: писала сообщения, отправляла селфи, говорила с Лоттой по телефону (в наушниках), одновременно нарезая лук или выполняя еще какие-нибудь кулинарные задачи.

В первый день своего приключения Саския говорила с дочерью сухо и резковато. Дело в том, что та страшно переживала из-за какой-то подростковой ерунды, на взгляд Саскии, совершенно несопоставимой с крушением самолета, бегством от полиции и расстрелом в упор стада кабанов-людоедов.

Лотта написала в ответ:

> Надеюсь, в Техасе запасешься витамином D. Авось улучшит тебе настроение!

Саския ответила, что погода здесь солнечная и витамина D более чем достаточно, даже солнцезащитные кремы вряд ли от него спасут. На это Лотта ответила смайликом с закатанными глазами и кратким «LOL».

Саския ничего не поняла. На всякий случай отправила ей фото солнцезащитного крема: на тюбике сообщалось, что продукция «натуральная», «экологичная» и для морских форм жизни не ядовита. Дочь была помешана на экологии, и Саския решила, что это ее смягчит.

Но чуть позже она сообразила, что D — не что иное, как сокращение от «*dick*», то есть «пениса»! Лотта попросту намекнула, что маме стоит воспользоваться обстоятельствами и в далеком Техасе, вдали от папарацци и среди новых друзей, поискать себе пару! Что от этого она станет счастливее — и, возможно, перестанет кидаться на дочь.

Это что-то новенькое! Разумеется, еще несколько лет назад Саския провела с дочерью все необходимые *разговоры об этом*. Но ее не покидало

ощущение, что Лотту это страшно смущает, что та едва удерживается, чтобы не броситься вон из комнаты. Так что больше Саския эту тему не поднимала — до сегодняшнего дня, когда услышала от дочери шуточку о «витамине D». Никогда прежде Лотта не решалась заговорить о сексуальной жизни матери (которой, впрочем, и не было), не говоря уж о том, чтобы давать ей советы.

Так что во время путешествия вниз по Бразос Саскии не давали покоя мысли о том, как понимать такой заход со стороны дочери.

Она овдовела, когда муж, работавший волонтером в больнице, подхватил ковид. С тех пор у нее ни с кем не было секса. Таблоиды вечно сватали ее то каким-то техномагнатам, то отпрыскам европейских королевских домов из тех, что попроще, — но все это была чистая кликбейтная чушь. И сейчас ее глубоко поразило, что Лотта, услыхав, что мама едва не разбилась на самолете и бежала с места происшествия на лодке каджунских охотников за крокодилами, первым делом подумала: о, хороший случай потрахаться! Сидя у борта и глядя, как мимо несет свои волны Бразос, Саския размышляла о том, что это значит для нее и для Лотты.

Довольно часто — не в первые пару лет вдов-

ства, но позже — она задавалась теоретическим вопросом, будет ли у нее еще какая-то личная жизнь. Собственно говоря, почему бы и нет? Даже если это всплывет, в Нидерландах к таким вещам относятся очень либерально. И самые рьяные фундаменталисты из числа ее подданных просто подожмут губы и отведут взгляд. А многие, возможно, даже испытают облегчение, увидев, что и у королевы все как у людей. Просто Саския решила не заморачиваться с сексом, от которого слишком много сложностей. Ей и без того забот хватает. Личную жизнь она для себя полностью отнесла на какое-то неопределенное будущее. В последние месяцы она замечала в себе изменения, похожие на приближение менопаузы, и задавалась вопросом, как будет чувствовать себя после — сохранится ли у нее желание и интерес к какой-нибудь романтике.

А теперь ей вдруг пришло в голову, что долгое воздержание может вызывать *больше* внимания и сплетен, чем нормальная сексуальная жизнь. Люди вокруг — Виллем, Фенна, Амелия — представились ей в новом свете. Не как потенциальные партнеры, разумеется. Но Саския вдруг спросила себя: сидя рядом в салоне самолета или выпивая вместе после работы, не обсуждают ли

они ее одиночество? Не гадают ли, когда же она наконец кого-нибудь найдет? А прояви она к кому-то интерес, они придут в ужас (именно так ей всегда казалось) — или (а вот это совершенно новая мысль!) вздохнут с облегчением?

Что же касается Лотты, с памятного *разговора об этом* прошло несколько лет. Для Саскии — одно мгновение, для девочки-подростка — вечность. Лотта, будущая королева, должно быть, задумывалась, не предстоит ли и ей провести жизнь, дав обет целомудрия во славу Нидерландов. Дочь совсем не интересуется ни самолетами, ни более классическими увлечениями королей и королев — такими как верховая езда. Зато, несомненно, интересуется мальчиками. И, как любой нормальный человек, не очень-то жаждет принимать на себя бремя власти. Саския знала, что Лотта с интересом посматривает на пример принца Гарри и его американской жены Меган, которые просто отказались от титулов, переехали на Западное побережье и живут там как обычные люди. Видя, что после смерти папы мама погрузилась в вечный траур, Лотта наверняка спрашивает себя, не ждут ли «подданные» такого же поведения и от нее?

В любой миг династия может прерваться и

монархия — отойти в историю. Такое решение вполне может принять и Лотта. Так может, Саскии пора с кем-то переспать — так сказать, принести себя в жертву Оранскому Дому? Не для того, чтобы произвести на свет наследника — это она уже исполнила, — а чтобы наследница не сорвалась с крючка?

Да. Вот это правильно. Если Саския даст Лотте понять, что с кем-то переспала и этим довольна — сделает это не потому, что истосковалась без секса (хотя она, по правде сказать, истосковалась), а из чувства долга перед своей династией и служением, которому посвятила жизнь.

А важнее всего то, что это, возможно, начнет окупаться задолго до того, как в самом деле что-то произойдет. Шуточка Лотты прозвучала как попытка установить с матерью новую связь — связь женщины с женщиной. Не так уж много у них точек пересечения. Разумеется, они — мать и дочь, этого ничто не изменит. Но если спросить, что у них общего, о чем они могут поговорить так, что обеим будет интересно, — найдется не так уж много тем. Например, Саския не знает, есть ли какая-то сексуальная жизнь у Лотты. Надеется, что нет. Очень постаралась убедить себя, что нет. Но вообще-то девушки ее возраста

во все времена уже заводили романы. Если прямо об этом спросить — что, если у Саскии и Лотты найдется здесь кое-что общее, хотя бы тема для разговора? О политике в этом смысле и думать нечего: услышав, зачем мать летит в Техас, Лотта пришла в ужас и ярость. Но там, где захлопнулась одна дверь, быть может, откроется другая?

> Отдыхаю и радуюсь жизни,

— написала она на второй вечер плавания по Бразос. И, подумав, добавила:

> Подходящего D пока не нашла.

Пауза длиною в несколько минут: Лотта набирала какой-то текст, стирала и набирала снова. Наконец на экране появился вопрос:

> А что там вокруг?

Саския едва не рассмеялась вслух.

> Ну, если оглядеться…

Так она и сделала — претендентов на лодке действительно не оказалось. Разве что Аластер — одинокий и явно гетеросексуальный. Но это

создаст массу сложностей; к тому же, откровенно говоря, он ей совсем не нравится.

> Природа здесь теплая и щедрая, но не совсем в моем вкусе…

— начала она печатать, но затем покраснела и все стерла. В любом случае Лотта решила сменить тему:

> Скажи техасцам: если перестанут беспрерывно жечь нефть, может, ураганы оставят их в покое!

Саския вздохнула: эта тема показалась ей куда скучнее.

На следующий день к вечеру они в последний раз встали лагерем на берегу Бразос и здесь встретились с Виллемом. Он познакомил Саскию с Жюлем. Молодой человек оказался красавчиком, словно с картинки — таким ходячим идеалом мужской красоты, что при взгляде на него Саския едва не рассмеялась. Она, в свою очередь, представила Жюля другим членам команды, в том числе и Фенне — и та немедленно заулыбалась ему, словно старому другу. На миг Саскии показалось даже, что эти двое уже где-то встречались.

Но нет — сегодня они встретились впервые. Их просто потянуло друг к другу, как магнитом, и уже через пять минут они забыли о существовании всего остального человечества.

Когда наступила ночь и температура упала на несколько градусов, все расселись под тентами, за длинным рядом составленных вместе складных столов. Какая-то дальняя родня Боски наловила к столу раков: они дергались и извивались в сетчатых мешках. Раков сварили, с пылу с жару выложили на стол: их хватило на ужин и двум десяткам людей в караване, и нескольким гостям из соседних лагерей, заглянувшим на огонек. Теперь столы со всех сторон окружали мусорные пакеты, полные пустых банок из-под пива и раковых панцирей.

Вокруг шел разговор о том, куда направятся и чем займутся каджуны завтра. Из того, что слышала, Саския понимала меньше половины — очень мешал каджунский выговор, — но основной смысл до нее дошел. Они намерены обойти город по реке с юга и направиться в округ Галвестон, особенно пострадавший от наводнения, чтобы помогать там пострадавшим.

Ей нравилось думать, что вплоть до сего дня она со своей командой не была обузой для кад-

жунов. Напротив: они — прежде всего Виллем со своей кассой — даже немного помогали. Но ясно, что совместное путешествие подошло к концу. Им предстоит разделиться и двинуться дальше своим путем, создав как можно меньше неудобств для гостеприимных хозяев. Пока за столом обсуждали, как это лучше сделать, Саския достала телефон и связалась по секретному защищенному каналу с Т. Р.

— Мой друг в Хьюстоне, — объявила она, подняв глаза от экрана, — предлагает встретиться завтра в месте под названием Шугарленд, если это не слишком неудобно для всех вас.

Аластер искоса ей улыбнулся, и Саския подмигнула ему. Улыбка относилась к выражению «все вы» вместо «вы»: за время пребывания в Техасе Саския начала употреблять его с поистине автохтонной легкостью, однако пока не овладела истинно техасским произношением, в котором два слова — «все» и «вы» — сливаются в одно.

За столом закивали. Саския продолжала:

— Не знаю, что такое Шугарленд, но…

— Пригород к юго-западу от Хьюстона, — объяснил Руфус. И, криво усмехнувшись, добавил: — У нас его чаще зовут Чертовой Дырой, но назва-

ние Шугарленд[32] звучит привлекательнее для инвесторов.

— А почему это Чертова Дыра?

— Пригород строили заключенные. После Гражданской они заменили рабов. Сахарные плантации — такой ад, что по своей воле там никто работать не станет.

— А что там сейчас?

— Жилые кварталы. И Бразос ровно посредине. Можем добраться туда на лодке, можем на машине.

Тут взял слово мужчина с густым каджунским выговором, и добрую минуту Саския ничего не понимала. Виллем тем временем включил ноутбук и открыл на нем карту. Вместе с Саскией они пытались сопоставить населенные пункты на карте с теми названиями, что удавалось выудить из этого словесного гумбо[33]. Севернее Шугарленда, в западных предместьях Хьюстона, карта показывала крупные водоемы, судя по их правильной многоугольной форме, искусственные. Они были обозначены как «резервуары».

---

[32] Примечания: 32

«Сахарная страна» (англ.).

[33] Примечания: 33

Каджунское национальное блюдо, густой суп, в котором сочетаются самые разные ингредиенты.

Но на фото со спутника они выглядели как леса, испещренные кемпингами и турбазами. Какие-то места-оборотни: днем — точь-в-точь лес, а ночью уходят под воду. Руфус и каджуны тем временем говорили об Энергетическом коридоре и Буффало-Байю. Виллем нашел на карте и их: оба шли с востока к центру города. Энергетический коридор представлял собой улицу с рядом офисных комплексов, и в их числе как минимум одно здание «Шелл». Буффало-Байю — «бычья протока» — естественный ручей, по-видимому регулярно осушающий территории «резервуаров» и превращающий их в лесопарковую зону.

Обсуждение клонилось к тому, чтобы Руфус — первый техасец, встретивший нидерландцев на техасской земле и принявший их под крылышко после драматического прибытия в Новый Свет, — взял на себя ответственность за их доставку на рандеву с Т. Р., а каджуны спокойно поплыли бы по своим делам дальше на юг. После этого, покончив не только с охотой на Пятачка, но и с обязанностями гостеприимного хозяина, Руфус совершенно свободен: сможет, если захочет, присоединиться к каджунам или заняться чем угодно.

Самый простой способ попасть в Шугарленд

— завтра с утра отплыть вниз по реке на подходящем судне (не на медленном понтоне) и поискать место, где можно высадиться и, поднявшись вверх по берегу, выбраться на то, что в данный момент сходит за сухую землю. Альтернативное предложение, поддержанное и Руфусом: ехать на колесах. Но тут завязался горячий спор. Можно ли сейчас попасть в Шугарленд посуху? Мнения на этот счет разошлись. Саския понимала каджунскую речь с пятого на десятое; все, что ей оставалось, — следить за ходом спора с интересом антрополога или даже исследователя приматов. Все в точности как на любом другом собрании, будь то брюссельская конференция бюрократов из ЕС или встреча членов нидерландской королевской семьи: иначе говоря, речь не столько о пикапах и лодках, сколько о том, кто здесь главный и кого слушаться. Те, кто не любит играть в такие игры, извиняются, отодвигают стулья и растворяются в сумеречном мире соцсетей. Другие втягиваются в спор, безукоризненно вежливый и доброжелательный, — но все же именно спор, даже схватку, в которой кто-то должен победить, а кто-то обречен проиграть. Руфус спокойно, но твердо и не без иронии доказывал, что водный транспорт — не начало и

конец всему. Каджуны — по крайней мере, некоторые — занимали позицию упертых лодочных фундаменталистов. Саския, королева одной из самых «водоплавающих» стран, невольно видела в этом метафору глобального потепления. Каджуны, переселившись из французской Канады, четверть тысячелетия обживали здешние болота и плавали по протокам — укромным местам, на которые обитатели суши, любители небоскребов из стали и бетона, смотрели свысока или вовсе их не замечали. Так было раньше; но теперь все изменилось. На сушу стремительно наступает вода. Настало время обитателей болот. Их даже почти не раздражает упорство, с каким Руфус доказывает, что автомобили вовсе не отошли в прошлое из-за пары дождей, его терпеливые напоминания, что Хьюстон пересекает во всех направлениях множество автострад, поднятых над землей на сваях, и заявление, что он так смонтировал шноркель на своем пикапе, что теперь может ехать по грудь в воде, не боясь, что заглохнет мотор.

В конечном итоге все разрешилось так, как только и можно разрешить подобный спор без потери лица для всех участников: своего рода состязанием. Завтра четверо нидерландцев и

один гость из Шотландии поплывут в Хьюстон по реке, а Руфус поедет в ту же сторону на пикапе, держась параллельно Бразос и Десятой магистрали, и повезет на себе их багаж. Трейлер Руфуса Боски попозже возьмут на буксир и перевезут в безопасное место — их следующий лагерь. Когда иностранцы будут доставлены в Шугарленд, Руфус заберет свой трейлер, а затем спокойно поразмыслит, на что потратить остаток жизни. Последний вопрос, как видно, составлял предмет неотступной тревоги для Мэри Боски. Они с Саскией без особых обсуждений пришли к пониманию, что за Руфусом кому-то стоит приглядывать: покончив с Пятачком и оставшись без цели в жизни, он запросто может пуститься во все тяжкие.

> А ЧТО ТАМ ЗА КРАСАВЧИК?!!

Такой вопрос прислала Лотта после того, как Саския отправила ей селфи на фоне груды раков. Саския прокрутила сообщения назад, еще раз взглянула на селфи — и обнаружила на заднем плане Жюля, строящего глазки Фенне.

> Он занят.
> Ну воооот!

> Он с Фенной.
> КРУТО!

И еще через несколько селфи:

> OMG, тот суринамец слева! Кажется, твой ровесник.

Саския недоуменно взглянула на фото, но тут же поняла, о ком речь.

> Не суринамец. Они здесь не живут.
> Для своего возраста выглядит очень неплохо!
> Хочешь сказать, для старой развалины вроде меня?

За этим последовал поток смайликов, выражающих смущение и желание извиниться.

— Моя дочь приняла вас за суринамца, — сказала Саския Руфусу чуть позже.

Ему, несомненному интроверту, в компании шумных и говорливых Боски было явно не по себе. Саския обменялась взглядом с Мэри — и та улыбнулась, довольная тем, что Руфус нашел себе компанию.

Кто такие суринамцы, он не знал.

— Амелия из Суринама, — пояснила Саския, кивнув в сторону своей нынешней охранницы.

Бедная Амелия, как обычно, висела на телефоне и напряженно что-то выясняла, бросая частые беспокойные взгляды в сторону Саскии. Потом поманила к себе Виллема, и они принялись что-то выяснять вдвоем.

Руфус кивнул.

— Что-то не так? Или у нее просто такая работа?

— Да нет, ничего особенного. Просто на том конце провода много нервных людей. Она старается их всех успокоить.

— Им не понравилось, что вы вот так сплавились по реке?

— Им вообще вся эта история не нравится.

Руфус кивнул.

— Значит, дочка ваша считает, что я на нее похож? Вот это комплимент!

— Рада, что вы так думаете, — улыбнулась Саския. — По-моему, Амелия просто красавица, хоть по нидерландским стандартам у нее и необычная внешность.

Руфус перевел взгляд на Саскию:

— А большинство нидерландцев выглядит как вы?

— Да.

— Что ж, тоже неплохо.

Саския сглотнула.

— А во мне каких только кровей не намешано, — снова заговорил Руфус. — Черный я такой из-за прапрадедушки Хопвелла, африканца. Он был рабом у индейцев чикасо.

— У индейцев тоже были рабы?

Руфус кивнул.

— Еще как, мэм. Полно. Чикасо — одно из пяти так называемых цивилизованных племен, живших на юго-востоке. Они старались жить как белые. А у белых бывают рабы. Вот и они завели у себя рабство. Позднее эти Пять племен оттеснили на запад, через Миссисипи в Оклахому, — в те времена эти места называли Индейской территорией. Рабов взяли с собой. Хопвелл родился в рабстве году этак в 1860-м. Когда началась Гражданская, многие в Пяти цивилизованных племенах поддержали Конфедерацию — они хотели, чтобы все осталось как было. Когда наступил День освобождения, семья Хопвелла взяла фамилию Грант.

— В честь генерала?[34]

---

[34] Примечания: 34

Генерал Улисс Грант — герой Гражданской войны в США, возглавлявший армию северян, впоследствии президент США.

Руфус улыбнулся и кивнул.

— Так что это и моя фамилия. Руфус Грант. Я ведь так толком и не представился.

— Ясно. Что ж, рада наконец толком познакомиться.

— И я. Так вот: моя семья осталась жить с чикасо. И это оказалось ошибкой. Дело в том, что из всех Пяти цивилизованных племен чикасо жили западнее всех, на самом краю нынешней Оклахомы. Их территория граничила с Команчерией — землями команчей, самого мощного и воинственного индейского племени. Их боялись больше всех остальных. В то время команчи жили как всегда: нападали и грабили фермы и ранчо белых или Пяти племен. Однажды, в 1868 году, они напали на чикасо, все сожгли, угнали лошадей. Насчет пленных у них была, можно сказать, своя политика. Маленьких детей, с которыми возни больше, чем прибытка, просто убивали. Взрослых убивали *медленно.* Но детей в определенном возрасте, примерно от семи до двенадцати, уводили с собой и принимали в племя.

— А Хопвеллу Гранту было восемь лет.

Руфус кивнул.

— Восемь. И он умел обращаться с лошадьми, а для команчей это был ценный навык. Так что

они взяли его в плен, а позже продали квахади.

— Квахади?

— Еще одно племя команчей. Самое свирепое, дикое, свободолюбивое. Они сдались последними. Хотя в конце концов тоже сдались. Так что в 1875 году Хопвелл оказался в Форт-Силле. Это Оклахома. Не так уж далеко от территории чикасо, где родился. Разумеется, всю его семью вырезали при том налете, а сам он к тому времени сделался настоящим команчем.

— Только… только чернокожим, — заметила Саския.

Руфус покачал головой.

— А это им было неважно. Команчи — не раса, а образ жизни. Бывали и белые команчи, и команчи-мексиканцы, и черные, и команчи, прежде бывшие каддо или шейеннами. Какие угодно.

— Так вы говорите, он оказался в Форт-Силле…

— Там их держали некоторое время, вроде как в плену. Это так и называется: период пленения. А когда все успокоилось, то кончилось тем, что кое-какую землю команчам оставили. Выделили им наделы площадью по сто шестьдесят акров. Многие сдавали свои наделы в аренду белым ранчерам, другие разводили скот и всякое такое. Хопвелл пошел в ковбои. Около 1900 года

женился на женщине моложе себя: точно не знаем, но думаем, она была наполовину из команчей, наполовину белой. У них родился сын. Мой прадед. Он вырос на ранчо, а когда началась Первая мировая, завербовался в армию. Там тоже нужны были люди, знающие, как обращаться с лошадьми. Вернувшись, женился на женщине, с виду на него похожей, — мы думаем, она была мексиканка… ну и так далее. Дед воевал во Второй мировой. Вернулся целехоньким, в эпоху бумеров обзавелся семьей. У него родился мой отец. Как-то так. Вплоть до Второй мировой мы занимались лошадьми, но дальше времена изменились — кавалерия сменилась танками. Я в армии стал механиком. Чинил танки, БТРы и всякое такое. — Он усмехнулся. — Там мясо и шкура, тут железо — а суть одна.

Хьюстон

Гонки до Шугарленда, открытые на следующее утро, обернулись самым дружественным чемпионатом: таким, в котором всем весело и никто не чувствует себя побежденным. Поначалу казалось, что «лодочники» разобьют Руфуса наголову. До самого Шугарленда русло Бразос было свободно — даже свободнее, чем обычно. Шкипер по имени Митч гордился своей быстроходной моторкой, и расход бензина его совершенно не тревожил. Даже при нынешней жаркой и влажной погоде для охлаждения хватало свежего ветра, дующего в лицо; на большой скорости пассажирам приходилось даже прятаться от ветра — всем, кроме Аластера, который впервые после крушения самолета выглядел совершенно живым. С его прической — рыжеватой щетиной с проблесками седины, сквозь которую кое-где просвечивал голый череп, — ветра можно было не бояться, да и кровососущие насекомые не застревали у него в волосах. Бразос здесь текла напрямик, почти без излучин, — и, за исключением редких мест, где ее пересекали мосты, напоминала какую-нибудь

субтропическую реку, привольно текущую по краю, где не ступала нога человека.

Пожалуй, это больше всего удивляло Саскию в Техасе. Она прекрасно знала, что за густой завесой зелени, окружающей реку с обоих берегов, скрывается вполне современный ландшафт: фермы, дороги, электростанции, нефтеперерабатывающие заводы. Это мог подтвердить и Виллем со своей картой: открываешь — и видишь со всех сторон фермы и небольшие городки, постепенно переходящие в пригороды Хьюстона. Однако глазам их представала та же экосистема, что окружала их с самого приземления в Уэйко: деревья, оплетенные лозами и диким плющом, таким густым, что на расстоянии он смотрелся как изумрудный войлочный чехол на мебели. Именно так выглядели берега везде, кроме самых крутых и открытых участков, где зелень уступала место голой красной глине. Минуя поворот за поворотом, следя, как стрелочка на карте Виллема приближается к Шугарленду, королева все ждала, когда же зелень отступит и они окажутся среди городского ландшафта. Но этого так и не произошло.

Митч, следуя собственной электронной карте, приглушил мотор и направил лодку к правому

берегу. Там все было залито стоячей водой. Митч нажал какую-то кнопку, и винт моторки поднялся из воды под углом, вперед и вверх; затем шкипер подался назад и включил боковой двигатель, предназначенный для маневров на мелководье и среди множества препятствий.

Несколько минут лодка тыкалась туда-сюда на затопленном берегу — и вдруг они увидели Руфуса: он стоял по колено в воде, закатав штанины (и все равно весь мокрый), выразительно поглядывая на воображаемые часы. Амелия бросила ему фалинь; Руфус его поймал, перекинул через плечо и отбуксировал лодку на несколько метров, к месту, где земля наконец-то взялась за ум и решила показаться из воды. Саския и прочие давно уже выработали привычку не снимать обувь, пригодную для хождения по дну; теперь все они попрыгали за борт и, прошлепав несколько шагов по воде, выбрались, образно выражаясь, «на сушу».

Они забыли как следует поблагодарить Митча и с ним попрощаться, пока сидели в лодке, и теперь пытались исправить свою ошибку, дружно махая ему руками и посылая воздушные поцелуи. Он взобрался на переднюю палубу, снял бейсболку и отвесил глубокий поклон, напугав

Саскию: на миг она заподозрила, что он знает, кто она. Но, скорее всего, Митч просто так проявлял вежливость. Руфус едва не превратил эту галантную сцену в фарс, оттолкнув лодку от берега. Но для носителя огромного пивного пуза Митч на удивление ловко удержал равновесие. С Руфусом он попрощался, подняв руку (хлопнуть ладонью о ладонь им бы не удалось — для Руфуса было слишком высоко, для Митча слишком низко) и как-то сложно подвигав и пощелкав пальцами. Затем повернулся к ним спиной и включил свой боковой двигатель.

Время уже близилось к полудню, небеса очистились, ярко светило солнце — и за те несколько минут, что потребовались, чтобы сойти на берег и попрощаться, все успели вспотеть и изнемочь от жары. Руфус, возглавив команду, повел ее в чащу. Саския уже приготовилась к долгому тяжелому переходу — особенно тяжелому, поскольку, рассчитывая сразу оказаться в Хьюстоне, в каком-нибудь помещении с кондиционером, они упаковали геокостюмы и были сейчас в самой обычной одежде, без охлаждения.

Однако пройти пришлось буквально шагов десять. Ровно настолько протянулся густой лес, оплетенный лозами и диким плющом; через

десяток шагов он уступил место пригороду. Точнее, пригородному парку — но уже совсем не походившему на чащу, в нескольких сотнях метров от которого виднелось шоссе, и вдоль него аккуратные одинаковые домики. В паре шагов на гравийной подъездной дороге скучал припаркованный пикап. Аластер и Амелия заняли места в кузове, на сумках, а Виллем и Фенна сели на задние сиденья. Саския устроилась на «месте смертника».

— Вас ждут, — сказал Руфус, садясь за руль и включая мотор.

По гравийной дороге он ехал не больше тридцати секунд; затем дорога пошла под уклон к затопленной парковке. Прямо перед парковкой, на сухом клочке земли, стоял блестящий, как черное зеркало, внедорожник размером с четыре типичные нидерландские машины, составленные вместе. Капли конденсата, стекающие вниз по стеклам, свидетельствовали, что в салоне у него работает мощный кондиционер.

Разница в высоте между затопленной парковкой и дорогой, куда Руфус выехал, обогнув парковку по дуге, составляла, должно быть, побольше метра, но поменьше двух. Где-то в человеческий рост. Но эта разница меняла все.

Размещение дороги — точнее сказать, высота насыпи, на которой располагалась дорога, — несомненно, было рассчитано сознательно. Выше этой линии люди жили спокойно, разъезжали на автомобилях, не боясь заглохнуть посреди лужи, и могли всю жизнь прожить, так и не узнав, что по их душу (в глобальном смысле) явилось море. Тех же, кто находился лишь на один человеческий рост ближе к центру Земли, затапливало при любом капризе погоды, так что им оставалось либо бежать во временные лагеря, что постепенно превращаются в постоянные, либо, подобно каджунам, переходить на образ жизни амфибий.

Обитатели внедорожника — чернокожий шофер и латиноамериканец на соседнем сиденье — не спешили открывать двери, пока Руфус не припарковался рядом и не поставил пикап на стояночный тормоз. Оба были крепкими, словно футболисты, оба в свободных брюках цвета хаки и рубашках навыпуск. Саския, навидавшаяся в жизни охранников, в том числе носящих оружие скрытно, сразу поняла, что за люди перед ней. Переговоры с ними она предоставила Амелии, их коллеге. Стороны обменялись верительными грамотами, после чего охранники принялись перетаскивать багаж в кузов джипа. Водитель

обошел пикап, открыл дверь и, протянув руку Саскии, помог ей спуститься на мокрую подножку.

— Ваше величество, доктор Шмидт приветствует вас в своем родном городе.

Саския на мгновение растерялась. С того момента, как села за штурвал самолета — еще в Нидерландах, — она перестала быть королевой. Сама почти забыла о том, кто она такая! Но, как видно, мир о ней не забыл.

— Очень рада, — вот все, что ей удалось выдавить.

— Доктор Шмидт приносит свои извинения за то, что не смог прибыть лично, однако полагает, что вы и сопровождающие вас лица сперва захотите освежиться после долгих приключений.

Саския взглянула вниз, на свои грязные ноги в шлепанцах, купленных Виллемом в «Уолмарте».

— Очень любезно со стороны Т. Р., — искренне ответила она.

Доктор Теодор Рузвельт Шмидт-младший: таково было настоящее имя человека, в телевизионных роликах и на рекламных щитах по всему Югу прославленного как Т. Р. Мак-Хулиган, полувымышленный основатель и владелец неимоверно успешной региональной сети заправок — магазинов — семейных ресторанов.

— Мне поручено проводить ваше величество и сопровождающих вас лиц в его особняк, если только вы не выразите каких-либо иных пожеланий.

— Отлично, благодарю вас. Особняк вполне подойдет.

— И позвольте узнать, чтобы мы могли заранее все подготовить: с вами еще пять человек?

Саския задумалась на несколько секунд, а затем ответила:

— Шесть.

Слегка удивившись, водитель проверил список на экране планшета.

— Ваше величество, Виллем Кастелейн, Фенна Энкхёйс, капитан Амелия Леефланг, доктор Аластер Томпсон — и?.. — Взгляд его метнулся к единственному кандидату на право быть шестым в этой компании.

— Руфус, — подсказала Саския, кивнув ему. — Мистер Руфус Грант, эсквайр. Возможно, есть воинское звание. Я забыла передать эту информацию.

Водитель кивнул и вбил в список имя Руфуса.

— Думаю, он поедет на собственной машине. Он наш специалист по… по логистике.

— Хорошо, мэм.

Первая часть пути проходила по районам классической американской городской застройки. Огромное шоссе (дороги шире Саския видела только в Китае) вело их на восток, а за окном сменяли друг друга офисные здания, высотные и средней этажности, многие из которых украшали названия нефтяных компаний. Это был еще далеко не центр города; вдалеке виднелись настоящие небоскребы. Внутренний GPS Саскии, настроенный на Бенилюкс, твердил, что они едут то ли из Амстердама в Роттердам, то ли из Роттердама в Антверпен; разумеется, они просто перемещались между разными районами Хьюстона — мегаполиса, со всеми своими пригородами по размерам не уступающего Бельгии.

Не доехав нескольких миль до центра с небоскребами, караван свернул с шоссе и нырнул в долину реки, пересекающей центр города и излучинами уходящей вправо. Реку защищал от солнца шатер раскидистых старых деревьев; под ними виднелись дорогие и хорошо защищенные дома. Буффало-Байю — так именовалась река — сейчас, разумеется, тоже разлилась. Многие улицы были перекрыты, так что каравану пришлось двигаться в объезд. Саския не возражала: ей нравились элегантные особняки, выстроен-

ные богатыми техасскими семействами.

Пунктом назначения оказался отель со спа-комплексом, занимающий несколько прилегающих друг к другу участков. Когда-то, должно быть, это был фамильный дом какой-нибудь знаменитой техасской династии. Пара крыльев, доходящих до опушки леса, явно была пристроена к нему позже, но очень аккуратно — крылья совсем не выбивались из общего стиля.

Резиденция Т. Р. находилась так близко, что казалась продолжением этого комплекса; и в самом деле, кто-то из охранников упомянул, что в сухой сезон от дома до отеля можно дойти пешком по лесной тропе. Сейчас, разумеется, для этого требовалось каноэ.

Из четырех «почетных гостей», приглашенных Т. Р., если расположить их в соответствии со схемами в старинных учебниках этикета, Фредерика Матильда Луиза Саския обладала высочайшим рангом. Ей, как личной гостье, была предоставлена комната у него в доме, остальные отправлены в отель. Аластер и Руфус, чье присутствие не было необходимо Саскии, уехали, а Виллем, Фенна и Амелия остались в машине и вместе с Саскией через минуту вышли у крыльца особняка. По дороге джипу пришлось форсировать гигантские

лужи стоячей воды, и в первый раз Саския поняла на деле, что нелепая привязанность американцев к гигантским джипам на высоченных колесах, в сущности, вполне обоснована и практична.

Резиденция Т. Р. высилась над водами Буффало-Байю, словно своего рода рукотворный холм: он убрал из-под старинных зданий их «родные» фундаменты, поставил на новые основания и заполнил все кругом особой водонепроницаемой породой, так называемой плотинной глиной. Дом представлял собой особняк в стиле Тюдоровского возрождения, и позади него гостевой домик с семью спальнями и таким же количеством ванных. Здесь Саския и прочие могли наконец сделать то, что им не удавалось уже почти неделю, с самого отъезда из Хейс-тен-Бос: хорошенько отдохнуть.

Учитывая все, что произошло с ними в пути, быть может, разумнее всего было бы запереться на замок и отдыхать всю следующую неделю! По счастью, хозяевам хватило такта их не беспокоить: Т. Р. Шмидт и его жена Вероника Шмидт прислали написанные от руки записки, в которых сожалели, что не могут поздороваться с гостями лично, и оставили их на попечение слуг, явно сознающих, что в описание их рабочих обязанностей входит «ненавязчивость». Быть

может, из-за этой политики невмешательства Саския восстановилась с поразительной быстротой: двадцать минут отмокнув в ванной, смыв с себя бразосскую грязь и смазав кремом укусы насекомых, она поняла, что готова переодеться и пойти в отель чего-нибудь выпить. Тем более что в расписании мероприятий сейчас значилось опциональное «время для общения».

После крушения уцелело около половины ее багажа. Виллем и Фенна уже договорились о том, чтобы из дома отправили сюда экспрессом дополнительную одежду. Саския позвала Фенну, кажется вырвав ее из глубокого сна — неудивительно, если вспомнить, что прошлую ночь они с Жюлем явно глаз не сомкнули. Фенна, завернутая в пушистый терракотовый халат с вышитым на груди семейным гербом Т. Р., вплыла в комнату Саскии, словно сомнамбула на коньках, абсолютно расслабленная и довольная жизнью. Если после крушения у нее и оставалась какая-то нервозность, Жюль ее полностью излечил.

— Думаю, Номер Один, — предложила Саския.

Фенна открыла косметичку и принялась накладывать Лицо Номер Один: схему, более всего подходящую к выбранному Саскией наряду — синим джинсам, симпатичной блузке и безрукавке

сверху: куда проще, чем люди обычно ждут от королевы, но и достаточно нарядно, чтобы они не чувствовали себя разочарованными. По правде сказать, Лицо Номер Один Саския могла бы нарисовать и сама; однако ее волосы пострадали от солнца и воды, и теперь им требовалась химическая и механическая забота. Довольно скоро Фенна смогла вернуться к себе, рухнуть на кровать и снова погрузиться в сладкие сны о Жюле — а Саския, всем своим видом воплощающая *нормальную*, современную, без претензий царственную особу, встретилась в фойе с Амелией и Виллемом и вместе с ними поехала обратно в отель.

Там, во вместительном баре, уже царило оживление. Т. Р. выкупил весь отель и расставил по периметру охрану, так что посторонних здесь не было и быть не могло. Все, кто собрался в баре, имели какое-то отношение к мероприятию. Напитки предлагались бесплатно. Для Саскии и ее спутников был уже зарезервирован столик. Они опустились в глубокие мягкие кресла и на диваны, ради кожаной обивки которых пожертвовало жизнью немало техасского скота. Череп одного длиннорогого смотрел на них со своего места над камином, таким огромным, что в нем

мог бы припарковаться джип. Амелия заказала содовую, Виллем — «манхэттен», Саския — бокал красного вина. С наслаждением сделав первый глоток, огляделась вокруг.

Всего сутки назад, на берегу Бразос, она обитала в мире, где микрочипы и продукты нефтехимии не стоят практически ничего, где за несколько часов из груды мусорных мешков, брезента и пластиковых стяжек можно возвести город. Не город мечты, конечно, — но и не ад на земле. И даже если в обеденном меню этого отеля значится суп гумбо — Саския сильно сомневалась, что он окажется вкуснее того, сваренного на плитке и разлитого в одноразовые тарелки, что ела она вчера под открытым небом.

Однако в этом месте ощущалась долговечность. Долговечность и уникальность. Каждое украшение интерьера — будь оно из полированного дерева, из кованого железа или из мрамора — изготовлено вручную, в единственном экземпляре. Там, где требуются картины, висят подлинники, там, где требуются букеты, стоят живые, совсем недавно срезанные цветы. В каждой детали чувствуется людская изобретательность и труд. Даже салфетки сложены вручную и как-то по-особенному, даже апельсиновые и лимонные дольки,

что подаются с коктейлями, вырезаны хитрым оригами.

Человеческий труд дорог: лучший способ продемонстрировать богатство — или наслаждаться богатством — это создать обстановку, которую можно поддерживать лишь неустанными усилиями людей. И Саския, со всеми своими помощниками и слугами, повинна в этом грехе не менее прочих — лишь склонна об этом забывать, пока какой-нибудь случай, вроде путешествия вниз по реке, не напоминает о том, чем ее жизнь отличается от настоящей.

В подготовку мероприятия были вплетены тесты на заразные заболевания для всех приглашенных гостей. Каждый, кто сидел сейчас в холле отеля, успешно прошел проверку; так что все они находились в одном эпидемическом «пузыре», не требующем ни масок, ни соблюдения социальной дистанции. В гуле голосов, помимо очевидного техасского акцента, Саския различала британский, итальянский и китайский. Хотя, по правде сказать, многих гостей азиатского вида по разговору было не отличить от образованных англичан. Саския предположила, что они из Гонконга, но Виллем, приглядевшись к именным табличкам на лацканах, поправил: из Сингапура. Что каса-

ется итальянцев — они, скорее всего, прибыли из северной части страны: визуально ничем не отличались от прочих европейцев, разве что уделяли чуть больше внимания своей внешности. Как обычно, на Саскию посматривали украдкой, а кое-кто и откровенно пялился: так бывало везде, где ее узнавали. О составе списка гостей персонал Т. Р. упорно молчал, так что Саския не знала, кто другие почетные гости, — и имела основания полагать, что и о ее присутствии никто не был предупрежден заранее.

Вошли Руфус и Аластер — можно ли представить более непохожую пару? — и нерешительно покосились в ее сторону. Саския отправила к ним Виллема, чтобы он пригласил их за ее стол. Тот так и сделал, и оба подошли к ней с явным облегчением. Ни тот ни другой определенно не были любителями светской болтовни за коктейлями.

— Единственное чистое, что нашлось, — признался Руфус, показывая на свою футболку и оглядываясь на других гостей в строгих костюмах.

— Я королева, — твердо ответила Саския. — Обычно я стараюсь не делать из этого шума. Не помню об этом каждый день и каждую минуту. Стараюсь быть *нормальной.* Не включаю босса,

как у вас говорят. Но в таких случаях, как сейчас, я настоящий тиран. *Вы со мной,* Рэд. И футболка на вас отличная. Потому что я так сказала.

Руфуса эта речь явно обрадовала — впервые Саския увидела на его лице нечто, отдаленно напоминающее улыбку. Виллем куда-то пропал. Оглянувшись, королева обнаружила, что его остановил сингапурец и тепло приветствует на каком-то из китайских диалектов. Виллем бросил взгляд в ее сторону, она кивнула, и он ответил на приветствие и начал оживленно говорить с сингапурцем.

Амелия встала, уступая место Руфусу и Аластеру. Заметив это, оба смутились и подвинулись, чтобы могла сесть и она; но Амелия покачала головой и принялась бродить по холлу. Не сказать, что ей здесь было чем заняться. Охрану здания обеспечивал Т. Р., а ее основная задача состояла в том, чтобы опознавать секьюрити — и Т. Р., и других гостей — и им не мешать. Охранники, расположившиеся по периферии холла, отличались в основном тем, что ни с кем не разговаривали. Впрочем, от группы британцев отделился один, подошел к Амелии и представился. Их разговора Саския не слышала, но мужчина очень походил на бывшего военного, из тех, что после отставки

пополняют ряды британских охранных агентств.

Вдруг оба повернули головы к мужчине и женщине, вошедшим из соседнего холла. Не сразу Саския сообразила, что перед ней сам Т. Р., а женщина, должно быть, его жена Вероника. В сравнении с Т. Р. Мак-Хулиганом, персонажем из рекламных роликов, Т. Р. Шмидт был (разумеется!) постарше, поменьше ростом и держался с куда большим достоинством. Но и в жизни в нем ощущалась та же неистощимая энергия и задор. Вероника, верная помощница своего мужа, выглядела безупречной светской дамой. Едва пара вошла в бар, перед ними возник официант, что-то сказал вполголоса — и Вероника тут же отделилась от мужа и двинулась к Фредерике Матильде Луизе Саскии с целеустремленностью, с какой бордер-колли бросается за фрисби. Саския поднялась ей навстречу; они обменялись приветствиями и светскими любезностями — искусство, предназначенное Саскии самой судьбой, которым она овладела в совершенстве и смысл которого состоит в первую очередь в том, чтобы помочь собеседнику расслабиться и почувствовать себя уверенно, при этом не сближаясь чересчур торопливо и не скатываясь в фамильярность.

Вероника тоже свое дело знала, так что все шло

без сучка, без задоринки. Она, например, прекрасно поняла, что хотела сказать миру Саския своими джинсами. Сама она тоже сделала нечто подобное — только ее послание: «Я обычный человек» передавалось через пару стильных ковбойских сапог. Вполне может быть, что благодаря камерам — ведь здесь, должно быть, повсюду камеры — она заранее узнала, как оденется Саския, и подобрала для себя аналогичный наряд.

Процедура длилась минуту или две, затем подошел Т. Р. и остановился рядом с женой — а та, словно вдруг сообразив свое упущение, представила их друг другу. Итак, с этим покончено. Протокол требовал от хозяина и хозяйки без особых промедлений обойти всех гостей и поздороваться с каждым, и Саския дала им возможность уйти, но сначала представила свою команду. К чести Вероники, она и глазом не моргнула при виде Руфуса Рэда Гранта в футболке и со стаканом пива; стакан он переложил в другую руку, вытер ладонь о штаны и поздоровался с ней за руку. Т. Р. сумел даже вставить что-то вроде «спасибо вам за службу». Это означало, что за примерно шесть часов, протекшие с той минуты, когда Саския импульсивно включила Руфуса в свою команду, люди Т. Р. проверили его бэкгра-

унд, раскопали армейское прошлое и доложили об этом хозяину.

— Мы с вами еще потолкуем о свиньях! — сказал напоследок Т. Р., обернувшись к Руфусу. — У меня на ранчо Коталла от них спасу нет!

— Это ненадолго, — пообещал Руфус.

Т. Р. качнулся на высоких каблуках своих ковбойских сапог из страусиной кожи, тут же наставил на Руфуса палец, словно шестизарядный револьвер, и воскликнул:

— Отлично! Вас понял!

— Заметано, сэр!

— Мы им покажем!

— С меня оружие!

— А с меня вертолет! — закончил Т. Р., но тут жена поволокла его дальше, и он едва успел бросить на ходу указания, к кому из его людей Руфус должен обратиться, чтобы все организовать.

Как ни застенчив был Руфус, сейчас у него на лице читалась откровенная гордость от того, что сам Т. Р. Мак-Хулиган знает, кто он и чем занимается. А Т. Р., прежде чем уйти, бросил на Саскию быстрый взгляд, проверяя, слышала ли она этот диалог, поняла ли? «Мы с моей командой знаем

все: в штате Одинокой Звезды[35] и муха не пролетит, и воробей с дерева не упадет, и стервятник задавленного машиной броненосца не сожрет без моего ведома!» Саския, со своей стороны, не стала заострять на этом внимание и просто порадовалась, что есть на свете страна, где двое мужчин, у которых так мало общего, могут так искренне радоваться мысли о том, чтобы отправиться на вертолете в какую-то глухомань и пострелять там с воздуха диких свиней.

Смысл всей этой тусовки в баре был в том, чтобы представить всех заранее, чтобы в ходе официальной программы, которая начнется завтра утром, все присутствующие знали, кто есть кто, и не заморачивались протоколом. Саския решила стиснуть зубы и просто перетерпеть. Чтобы хоть чем-то рассеять скуку — с такой проблемой королевы сталкиваются часто и достигают в борьбе со скукой большой изобретательности, — она решила посмотреть на это собрание с точки зрения Лотты, любящей дочки, лелеющей в сердце надежду, что мама наконец кого-нибудь здесь найдет. Первый шаг — бесстрастно оценить всех гетеросексуальных мужчин в этом

---

[35] Примечания: 35
Прозвище штата Техас.

зале по двум независимым критериям: первый — доступность, второй — то, что Лотта, пожалуй, с истинно голландской прямотой назвала бы «факабильностью», но для чего Саския предпочитала более изысканное выражение. Критерии оценки парней, верой и правдой служившие ей в подростковом возрасте, здесь явно не работали. Она решила подойти к вопросу так же, как оценивала бы аэродинамические качества самолетного крыла: соотношение подъемной силы и лобового сопротивления.

У Т. Р. подъемная сила впечатляет: как ни странно, в жизни он куда привлекательнее, чем в рекламе. Но чересчур высоко сопротивление — он женат. И Вероника, при всей своей аристократичности, очень похожа на женщину, способную пристрелить из двустволки неверного мужа вместе с любовницей.

Аластер: низкое сопротивление (доступен), но недостаточная подъемная сила (совсем ей не нравится).

Руфус: сопротивление низкое, а вот подъемная сила… странно сказать, но чем больше на него смотришь, тем лучше замечаешь, что с подъемной силой у него ОЧЕНЬ хорошо! Вот только ему, бедняге, такое в жизни в голову не придет. Разве

что подсыпать в пиво транквилизатор, а потом уж бросаться в объятия.

Приняв такой подход за основу для сегодняшнего общения, Саския перешла к остальным гостям. Из высокопоставленных особ ее ранга присутствовали только двое: итальянец и сингапурец. Третий, британец, оказался старым знакомым: это был лорд-мэр лондонского Сити. Однако он почти сразу откланялся — то ли из-за неотложных дел, то ли просто чтобы отоспаться после перелета.

Доктору Сильвестру Лину, с которым Виллем зацепился языком, было за пятьдесят. Если не считать странноватого выбора западного имени, он точь-в-точь соответствовал тому, чего можно ожидать от официального представителя правительства Сингапура на секретной международной конференции. На нем был черный костюм, синий галстук, очки без оправы, из аксессуаров — только простые наручные часы. Этикетом он владел в совершенстве. Представляясь королеве, произнес наверняка тщательно отрепетированную фразу о «долгих добрососедских отношениях между нашими странами по обе стороны Пролива». Его сопровождали трое пожилых советников, представляющих национальные меньшинства

страны — малайзийцев, тамилов и белых, и при каждом молодой помощник, иногда и не один. Сильвестр засвидетельствовал королеве свое почтение, выдержал ровно шестьдесят секунд вежливой беседы ни о чем, затем извинился и отошел — но прежде сказал Виллему какую-то любезность на фучжоу, а затем перевел ее на тяжеловесный английский для Саскии. Та мысленно сделала себе заметку: поинтересоваться историей Сингапура, уточнить, как он связан с голландской Ост-Индией.

Вердикт: Сильвестр Лин — высокое сопротивление, низкая подъемная сила.

После ныряльщика Жюля глава итальянской делегации был, пожалуй, самым красивым мужчиной из тех, кого здесь встретила Саския. Лет сорока, самоуверенный и элегантный, со светлыми волнистыми волосами до плеч, вроде бы растрепанными, но каким-то загадочным образом никогда не падающими на лицо. Он здесь представлял Венецию. Венецианца звали Микьель (именно так, с мягким «кь»), и к его имени не прибавлялись титулы, способные указать на профессию или положение в обществе: «доктор», «профессор», «граф», «преподобный» или еще что-нибудь такое. Было смутное ощущение, что

Саския должна знать, кто он такой, — но она не знала. В доковидные времена он поцеловал бы ей руку. Теперь — изобразил поцелуй руки на расстоянии двух метров. В ответ Саския с теплой улыбкой накрыла руку ладонью.

— Мне следовало догадаться, что здесь непременно будет кто-то из вашего города, — сказала она.

Микьель кивнул.

— Как известно вашему величеству, Венеция возведена на болоте, ибо у гуннов не было кораблей. Со времен готского вождя Алариха мы строили дома на сваях. — Он обвел взглядом зал. — А здесь ту же технологию приняли после урагана «Харви»[36].

История Венецианской республики, долгая и славная, сверкающая золотом и пахнущая кровью, была Саскии хорошо известна. Долгая история — и бесславный конец в Наполеоновскую эпоху, когда республика, насчитывавшая одиннадцать столетий, попросту растворилась, сперва подпав под австрийское господство, а через несколько десятков лет сделавшись одной из областей объединенной Италии. В последние

[36] Примечания: 36

Тропический циклон, вызвавший катастрофические наводнения в юго-восточной части Техаса в августе 2017 года.

десятилетия о Венеции снова заговорили — из-за изменений климата и подъема уровня моря, для нее особенно грозного. Вроде бы венецианцы пытались выстроить защитный барьер, но из этого ничего не вышло…

— Если наведете справки — а вам, правительнице страны, расположенной ниже уровня моря, следует знать о таких вещах, — немедленно услышите печальную историю проекта MOSE[37], — подсказал ей Микьель.

А итальянец не промах — умело преподнес ей недостающие сведения и тут же поднял деликатную тему.

— Ситуация у вас и в самом деле непростая, — ответила она. — Все эти каналы, болота… От Адриатики просто невозможно отгородиться так же, как мы отгородились от Северного моря.

Микьель кивнул.

---

[37] Примечания: 37

Проект MOSE (акроним от итал. Modulo Sperimentale Elettromeccanico, Экспериментальный электромеханический модуль) — технический проект, начатый в 2003 году и предназначенный для защиты от наводнений Венеции и других населенных пунктов на побережье Венецианской лагуны в Италии. Его завершение многократно откладывалось из-за сопротивления «зеленых» и других политических сил, которые сопоставили стоимость постройки, управления и поддержания защиты с гораздо меньшими затратами на альтернативные системы, которые для решения похожих проблем задействовали другие страны (Нидерланды и Англия). С 2020 года система MOSE успешно применялась более 30 раз.

— Строить стены бессмысленно — в лучшем случае лишь поможет выиграть время. Необходимо остановить подъем уровня моря. Иначе наш город погибнет.

Саския подняла брови и улыбнулась, показывая, что готова счесть это за шутку и пропустить мимо ушей. Для вечеринки с коктейлями разговор пошел слишком уж прямой и откровенный. Невозможно «остановить подъем уровня моря» в одном-единственном месте — он везде одинаков. Либо уровень моря поднимается, либо нет. Чтобы его остановить, нужно изменить климат во всем мире. Мышление такого типа — давайте, мол, изменим климат на всей планете, чтобы нашему городу стало хорошо, — было вполне естественно для Венеции века этак двенадцатого, но в наше время несколько режет слух.

Он с обезоруживающей улыбкой пожал плечами.

— Прошу прощения, — сказал он, — разве нас не для этого здесь собрали?

— А вам известно, кто приглашен? — спросила Саския.

— Узнал только четверть часа назад. Лондон, Сингапур, Венеция, Нидерланды — и, разумеется, Хьюстон. Что у них общего?

— Кроме очевидного? Того, что всем им подъем уровня моря грозит гибелью?

— То же верно и для Бангладеша. И для Маршалловых Островов. Но их здесь нет.

— Деньги, — ответила Саския, не сводя глаз с ряда сверкающих запонок на рукаве одного представителя лондонской делегации. Разумеется, сделаны на заказ: одна, чуть больше остальных, перекликается с массивными наручными часами. Вот почему еще выгодно быть королевой: можно даже не притворяться, что подобные вещи производят на тебя впечатление.

— Чтобы вступить в клуб, — подхватил Микьель, обводя комнату сдержанным жестом, — по-видимому, необходимо испытывать серьезную угрозу со стороны моря, а кроме того, иметь достаточно денег и, я бы сказал, достаточно технократический менталитет, чтобы быть готовыми с ней бороться.

Саския сделала мысленную заметку: поручить Амелии выяснить, не связан ли итальянец с фашистами.

— А Венеция отвечает этим требованиям? — спросила Саския. Пусть видит, что она тоже умеет говорить напрямик.

— Формально? Нет. Безусловно, она под угро-

зой. Но это просто еще один современный город, весьма стесненный в средствах. Часть страны, в которой климатическая ортодоксия считается пустой болтовней. Как и в Нидерландах.

Не было нужды спрашивать, что понимает Микьель под «климатической ортодоксией». Даже не будь она главой страны с традиционно сильной партией «зеленых», ей по уши хватило бы почти ежедневных экологических лекций от Лотты.

— И все же… будь вы здесь в каком-то *официальном* качестве, думаю, вы бы чуть больше рассказали о себе, — заметила она.

— В Венеции нет монархии. Приходится что-то изобретать на ходу, — с усмешкой пожал плечами Микьель. — К тому же ни денег, ни воли технократов к власти… как вы понимаете, от правительства Италии не дождешься.

Саския молчала и смотрела на него выжидательно. Инстинкт подсказывал ей, что, пока Амелия не выяснит всю подноготную этого венецианца, лучше помалкивать.

— Понимаю, — продолжал Микьель, — такому человеку, как вы, разумеется, нужны объяснения. Вы хотите знать, кто я и что я. Разумное, справедливое желание. Этот вопрос необходимо

разрешить, и поскорее, чтобы он не превратился в источник недоразумений. Но, возможно, вы согласитесь, если я скажу: на вечеринке с коктейлями — не время и не место.

— Согласна с вами. И слышу в этом предложение найти время и место получше.

— Договорились. Команды помощников у меня нет, но меня сопровождают сестра и тетушка. Детали проработаем с доктором Кастелейном.

— Рада была с вами познакомиться, Микьель.

— И я очень рад, ваше величество, — ответил он и на том откланялся.

Вердикт: очень невысокое сопротивление (хотя немного смущает присутствие сестры), отличная подъемная сила, но при одном условии: если он не фашист. В Нидерландах тоже хватает крайне правых персонажей, и Саскии следует быть очень осторожной: нельзя, чтобы ее застали даже за разговором с подобным человеком. Так что вердикт откладывается, пока Амелия (и служба безопасности дома, в Нидерландах) не выяснит, что он за птица.

— Бывший футболист Миланского клуба, — сообщил вполголоса Виллем, едва Микьель отошел подальше.

— А-а! То-то он показался мне знакомым!

— Играл за них несколько сезонов. Не звезда, но хорош на поле. И сумел удачно использовать свою известность. Его лицо вы, должно быть, видели на рекламных брошюрках в магазинах дьюти-фри. Оказывается, он из старой венецианской семьи.

Осталось только завязать контакт с британцами. К ним Саския отрядила Аластера, знакомого кое с кем из свиты лорд-мэра через связи в Сити. Несколько минут спустя он вернулся в сопровождении двоих: коротко стриженного блондина (средняя подъемная сила, среднее сопротивление, слишком молод), на вид словно только что окончившего Оксфорд или Кембридж, и толстячка лет пятидесяти в шикарном костюме (сопротивление, возможно, низкое, но подъемной силы ноль). Того самого, чьи запонки — сделанные, как он немедленно сообщил, из переплавленных римских монет — привлекли ее внимание чуть раньше. Табличка на лацкане гласила, что толстяка зовут Марк Ферлонг.

— Боба мы сегодня не увидим, — объявил он. — Вырубился. Перебрал божоле во время полета на

«Гольфстриме»[38].

Саския на секунду зависла, перезагружая мозг и переключаясь в новый режим — ироничного обмена репликами со множеством подтекстов. В каком-то смысле это даже сложнее, чем выучить иностранный язык. А ведь это и есть своего рода «иностранный язык»: нельзя стать членом этого социального слоя, пока им не овладеешь. «Боб» — Роберт Уоттс, достопочтенный лорд-мэр лондонского Сити, — был строгим трезвенником. Из-за выпивки он лишился работы и жены, но сумел бросить, восстановил свою жизнь и женился во второй раз на британской журналистке Дейе Чанд. Утверждение Марка Ферлонга — доверенного друга и помощника Боба, — что тот якобы перебрал божоле на «Гольфстриме», ни в коем случае нельзя принимать за чистую монету. Прежде всего, это шутка, смешная именно тем, насколько явно она противоречит действительности. Но чтобы понять шутку, необходимо достаточно близко знать Боба — как минимум знать, что он в рот не берет спиртного, что во-

[38] Примечания: 38

«Гольфстрим Аэроспейс» (англ. Gulfstream Aerospace Corporation) — американская авиастроительная корпорация, специализирующаяся исключительно на сегменте административных реактивных самолетов (бизнес-джетов).

все не характерно для мужчин его возраста и положения. Человек неинформированный или чересчур доверчивый поверит этой нелепице — и в дальнейшем его не будут допускать до обсуждения серьезных вопросов или станут кормить ложной информацией. Со временем он поймет, какую допустил чудовищную ошибку, — и тогда ему только и останется, что броситься под поезд в лондонском метро. Есть в этой шутке и еще один слой: Марк упомянул божоле — а этот напиток у определенного слоя знатоков считается дешевым и безвкусным. «Гольфстрим» тоже упомянут не случайно. В сущности, Марк намекает на нелепость перелетов таким способом. В сухом остатке: Марк — достойный человек, знает и любит Боба, но сообщает об этом так, что понять его смогут лишь избранные.

Что ж, пусть так. Однако Саскии потребовалось несколько секунд, чтобы настроиться на волну, столь отличную от той, на которой общаются Сильвестры Лины мира сего. Пока ее мозг переключался, Марк (он-то трезвенником явно не был) начал слегка морщиться: ему пришло в голову, что Саския могла и не понять шутку. В конце концов, она всего лишь наследственный монарх. Чтобы унаследовать трон, не требуется

сдавать тест на IQ.

— Он сказал, что знаком с вами, — заметил наконец Марк почти извиняющимся тоном.

— А доктор Чанд, должно быть, придерживает ему голову над унитазом?

— Возможно. Я думал, она к нам присоединится… — Марк обвел взглядом зал и пожал плечами, как бы говоря: «Что ж, не повезло». — Боюсь, придется мне их заменить. Что ж, от имени достопочтенного лорд-мэра, добро пожаловать, рад видеть вас в Техасе! Позволите угостить вас пивом?

— Мне хватит и этого бокала божоле, — парировала она.

Ровно на одну волшебную секунду ей удалось его переиграть! Марк, смертельно пристыженный, метнулся взглядом к бокалу в руке у Саскии — и с облегчением перевел дух, увидев, что его содержимое больше похоже на бордо.

— Говорят, хорошее вино, — одобрил он.

Молодого человека, судя по бейджику, Саймона Тауна, фамильярность и шутливость Ферлонга явно напрягала. Он оказался виконтом — и, видимо, был приучен к иному поведению в присутствии королев. Так что с ним Саския прошла через все необходимые формальности. Марк Фер-

лонг тем временем обшаривал глазами зал: для него тут, похоже, было на что посмотреть. Марк воплощал собой типичного дельца из Сити, а его протеже Саймон — другой типаж: оксфордского или кембриджского выпускника, отправленного в Сити набраться опыта, заработать несколько миллионов и найти себе жену, которая будет счастлива подбирать шторы под цвет стен в родовом имении в Сассексе.

— Марк, вы упомянули, что Аластер на вас работал. Могу я предположить, что вы тоже занимаетесь анализом рисков?

— Да все мы этим занимаемся, — ответил Марк.

— А «мы» — это…

— Все, кто здесь находится. Даже официанты и посудомойки. Пожалуй, они особенно. Просто не у всех хватает наглости писать это на визитках. — Он пристально взглянул на Саскию. — Вот ваша страна. От моря она отгорожена дамбами. Но, как говорится, выше головы не прыгнешь. Всегда существует риск, что волны перехлестнут через стену, и море ворвется внутрь. А специалисты вроде Аластера умеют математически просчитывать волны.

— Ну вот, еще один говорит, что вы должны

это уметь! — заметила Саския, бросив взгляд на Аластера.

Тот покраснел и приоткрыл рот.

— Да мы шутим! — успокоила она.

Однако шутка попала в больное место, и Аластер поспешил оправдаться — если не перед Марком и Саскией, которые все понимали, то перед теми, кто их слушал.

— Всякого, кто скажет, что может математически рассчитать движение волн, нужно немедленно уволить, — сообщил он.

Диссертация Аластера была посвящена «блуждающим волнам-убийцам»: гигантским одиночным волнам, возникающим случайно, чья мощь неимоверна, а поведение непредсказуемо. Считается, что волны-убийцы ответственны за многие исчезновения кораблей: эта тема представляет немалый интерес для страховых компаний в Сити, вот почему они пригласили Аластера на работу, не успели высохнуть чернила на его диссертации.

— Знаю, Аластер, — успокаивающе ответил Марк. — Мне вы это говорили десять лет назад. А вот Саймону полезно послушать.

На том основная задача вечеринки с коктейлями была выполнена, и Саския имела полное

право удалиться. Она со всеми распрощалась и отправилась вместе с Амелией в дом для гостей, оставив Аластера болтать с джентльменами из Сити, Руфуса — обсуждать свиней с Т. Р., а Виллема — практиковаться в фучжоу с сингапурской делегацией. На вопрос Лотты об успехах Саския отчиталась, что пока нашла двух потенциальных кандидатов (Руфуса и Микьеля). Однако на требование прислать фотки ответила, что надо же и меру знать.

Экскурсию по воздуху легко было провести, и не покидая уютный особняк на берегу Буффало-Байю, расслабляясь в кожаном кресле с бокалом в руке и погрузившись в виртуальную реальность; но не так делаются дела в Техасе — и, определенно, не так действует Т. Р. Вместо этого сам Т. Р., королева Фредерика, лорд-мэр, Сильвестр Лин и Микьель дрейфовали над мегаполисом, каждый в личном мультикоптере — пластиковом «пузыре» с кондиционером и парой распростертых «рук»: обе оканчивались ветвящимися «пальцами», и каждый «палец» нес на себе электромотор и углеволоконный пропеллер. Два десятка автономных моторов и два десятка пропеллеров поддерживали каждый дрон в воздухе. Перед Саскией располагалась панель управления с

сенсорным экраном, совершенно непохожая на самолетную. Если бы она попыталась вести эту штуку — точно бы не смогла. По счастью, этого и не требовалось. Все дроны контролировала единая программа, основанная на математическом описании мурмурации скворцов. Т. Р. — скорее всего, с немалой помощью искусственного интеллекта — пилотировал свой дрон сам. Остальные — Саския, еще трое почетных гостей и полдюжины дронов, в которых летели вспомогательный персонал и охрана, — следовали за ним, повторяли его движения, однако не приближались ни друг к другу, ни к каким-либо твердым объектам ближе чем на несколько метров. При появлении препятствия умная программа командовала стае дронов разбиться надвое и облететь его с разных сторон, а затем воссоединиться.

— Математика никогда мне не давалась, — сообщил Т. Р., ведя свою стаю через полосу препятствий между небоскребами в центре Хьюстона.

Район зелени и шикарных особняков, из которого они стартовали, от центра отделяло всего несколько минут — и несколько километров к западу. Саския подозревала, что это не самая важная часть экскурсии. Пока что Т. Р. проверяет работу дронов — и заодно вычеркивает из списка

стандартные туристические достопримечательности.

— По крайней мере, та математика, какой учат в школах, куда посылали меня мои старики. «Итак, чему же равен икс?» — И он рассмеялся. — Задачи, упражнения — и больше ничего. Мне было двадцать семь, и из колледжа меня уже вышибли, когда я наконец встретил настоящих математиков и понял, что им вся эта хрень тоже даром не нужна. Что математика — совсем о другом. Защищался я по теорверу и статистике. Десять лет на это ушло — я ведь одновременно строил бизнес и растил детей. Можно сказать, успел в магистратуру на последнем автобусе!

Аластер предупреждал, что этого следует ожидать. Даже показал несколько видео из Интернета, на которых запечатлен *настоящий* Т. Р. Шмидт. Девяносто девять процентов общедоступных роликов знакомят публику с Т. Р. двадцатилетней давности, когда он строил бизнес и лично, в стилистике любительских семейных видео, рекламировал свою сеть семейных ресторанов в торговых центрах, где так классно праздновать детские дни рождения. Со временем на роль Т. Р. Мак-Хулигана — веселого, дурашливого клоуна-ковбоя, всеобщего папаши,

обожающего детей, — ему пришлось нанять актера помоложе. Достаточно мужественного на вид, чтобы с ним захотелось выпить пивка, но не настолько, чтобы его было боязно знакомить с женой. Актер со временем впал в немилость и был заменен анимацией; замена совпала по времени с ребрендингом и превращением «семейных ресторанов Мак-Хулигана» в нечто иное, получившее название «сеть Т. Р. Микс». Небольшие (по техасским стандартам, по европейским — просто огромные) ресторанчики были вынесены из торговых центров в отдельные здания на городских окраинах, а там их окружили заправки и автостоянки для грузовиков, организованные в соответствии с девизом: «Не меньше сотни!» — означавшим, как известно теперь каждому автомобилисту в Техасе, что в Мобильном центре «Т. Р. Микс» найдется не менее ста бензонасосов. Не считая электрических станций подзарядки, которых там тоже хватало. Все укрыты от солнца и дождя навесами, работающими как коллекторы солнечной энергии, — и все соединены траволаторами, как в аэропорту, с центральным зданием, в котором находится ресторан и сопутствующие развлечения. Все знали и понимали, что именно эта бизнес-стратегия помогла Т. Р. превратить де-

сятки миллионов, унаследованные от «папаши» Шмидта, в миллиарды.

Правда, вчера за коктейлями Т. Р. постарался ясно дать понять: миллиардов не слишком много. Быть может, в удачный день на рынке он стоит миллиардов десять — и то не факт. Несколько раз повторил: он не из тех «юных гениев», что после первого же публичного предложения акций за ночь зарабатывают больше, чем сколотил доктор Т. Р. Шмидт за всю жизнь, медленно и кропотливо выстраивая реальный бизнес. Говорил об этом как о чем-то само собой разумеющемся, тем же тоном, каким рассказывал о системе подземных труб, по которым бензин подается из центральных баков в сотню насосов. Иначе говоря, он не завидовал. Ни в коей мере Т. Р. не стремился очернить или обесценить «юных гениев», заработавших в десять раз больше него. Просто ему было важно подчеркнуть, что его состояние сделано не из воздуха, что у него стальные корни, вкопанные в землю. Быть может, это имело прямое отношение к тому предложению, что он собирался сегодня озвучить.

Они летели на север вдоль магистрали, в дополненной реальности на прозрачных стенках дрона обозначенной как «Мейн-стрит». Несколь-

ко секунд — и магистраль вывела на открытую площадку на краю взбухшего коричневого потока, в который впадал еще один такой же. Через них были перекинуты несколько мостов.

— Обещаю, со всей этой туристической ерундой покончим в два счета! — послышался в наушниках голос Т. Р. — Итак, здесь, при слиянии Буффало-Байю и Уайт-Оук-Байю, вы видите Алленс-Лэндинг — «Надел Аллена», место, где два века назад был основан Хьюстон. О том, как это произошло, вам расскажет старый 3D-фильм. Потерпите, он короткий.

Прозрачные стены потемнели, приглушив солнечное сияние, пейзаж вокруг посмурнел и ушел в зеленоватые тона. Мосты и улицы были видны по-прежнему, но теперь на них наложилась картинка — представления художника о том, как выглядели эти места два столетия назад. По большей части земля здесь скрывалась под той же буйной зеленью, какую видели Саския и ее спутники во время путешествия из Уэйко в Шугарленд. Но в анимационном прошлом у южного берега Буффало-Байю, прямо возле нынешнего исторического пятачка, сгрудились деревянные суда, парусные и весельные, в том числе и индейские каноэ. Мужчина в широкополой шляпе, стоя

на пристани, зачитывал старозаветного вида документ. Все напоминало вступительный ролик к какой-нибудь видеоигре с неплохим бюджетом: пока не увеличиваешь изображение, выглядит совсем как в жизни. Актер озвучки старался как мог, но текст не давал особо развернуться. Что поделать: декламировал он не Шекспира, а всего лишь объявление о продаже земельных участков, пусть и составленное в 1836 году.

В наушниках Саскии большую часть этого монолога заглушали вопросы и комментарии других гостей. Все общались с Т. Р. и между собой по одному открытому каналу. Однако она слышала, как актер с непреходящими интонациями зазывалы-риэлтора расхваливает чистую воду, плодородную землю, благоприятный климат и прочие прелести, ждущие покупателей в здешних краях. Перечислив все это, он заявил, что «основанное здесь поселение обеспечит занятость рабочих рук на общую сумму не менее миллиона долларов», — и сделал паузу, чтобы переждать возгласы восхищения, а затем восторга, издаваемые нарисованной толпой на редкость расово разнообразных техасцев, собравшихся у причала его послушать.

— …и, когда будут освоены богатейшие земли

этого края, товары потекут сюда рекой, и новый город, без всяких сомнений, превратится в крупнейший торговый центр Техаса!

— Бла-бла-бла, — подытожил Т. Р., когда искусственная толпа внизу разразилась новым шквалом аплодисментов.

Симуляция померкла, прозрачные стенки посветлели, и дроны начали набирать высоту. Рой мультикоптеров взлетал вертикально с такой скоростью, что у Саскии заложило уши.

— Суть в цифрах, — продолжал в наушниках Т. Р. — Цифры — единственное, ради чего стоило послушать. Двести лет назад. Миллион долларов. На современные деньги — больше тридцати миллионов.

Чем выше взлетали дроны, тем более широкая панорама Хьюстона открывалась пассажирам. В нескольких милях к востоку от Алленс-Лэндинга река впадала в огромную гавань, вытянутую далеко к югу и отгороженную от Мексиканского залива островом. Большая часть побережья застроена индустриальными комплексами, складами и доками: выглядит впечатляюще для тех, кто не бывал в Роттердаме. Прямо на юг — район небоскребов, оплетенный паутиной расползающихся во все стороны дорог. Вдоль тех, что ведут

прочь от города, — собственная цепочка субмегаполисов.

— Не стану оскорблять ваш интеллект, объясняя вам, как работают сложные проценты, — снова заговорил Т. Р. — Коротко говоря, общая стоимость недвижимости в Большом Хьюстоне на сегодняшний день — 1,75 триллиона долларов. Цифра серьезная. Но это лишь шесть процентов от годовых, полученных за двести лет, начиная вот с этой исходной точки. Постарайтесь удержать в памяти эту цифру, пока я покажу вам еще несколько уникальных видов.

Рой начал снижаться, в то же время постепенно разворачиваясь на северо-запад. Дроны летели на высоте, может быть, сотни метров над невероятно широким шоссе, которое Саския вчера видела с земли. В сущности, целая многоуровневая система переплетенных магистралей, мостов, эстакад и вспомогательных дорог, каждая из них в Нидерландах сошла бы за крупную автостраду. По краям по земле стелились дублеры, также многополосные и способные нести огромный поток трафика, — сейчас, впрочем, они почти полностью ушли под воду.

— Здесь сливаются Десятая и Сорок пятая магистрали, — объявил Т. Р. — М-10 соединяет

Лос-Анджелес и Флориду; Сорок пятая идет в Даллас и дальше на север. После слияния магистраль идет на юг и соединяет нас с Заливом.

В месте, где магистрали разделялись, дроны выбрали левый поворот и полетели дальше над Десятой, или Магистралью Кэти, как называют ее местные.

— Просто разглядывая эти конструкции на карте, невозможно отдать им должное, — сказал Т. Р., а затем всех удивил — направил дрон вниз, поднырнул под эстакаду и принялся петлять между мощными бетонными колоннами, вздымающимися из влажной земли. Весь рой последовал за ним, словно на американских горках.

— Т. Р., что значит «невозможно отдать должное»? — спросила Саския.

— Размеры, ваше величество. Мощь. Физическая масса всей этой стали в земле. Это величие, это *присутствие*… Каждая балка, каждый брус, который вы здесь видите, выплавлены на сталелитейном заводе. Как мы достигаем нужных температур? Что-то сжигаем. Цемент выплавляется в огромных печах — таких вы никогда не видели. Как мы поддерживаем в них горение? Что-то сжигаем. Из стали и бетона создаем эти исполинские дороги — для чего? Только с одной

целью: чтобы по ним ездили машины. А как мы приводим машины в движение? Что-то сжигаем.

— И выбрасываем в атмосферу углекислый газ, — закончила Саския.

— Именно!

— Прожигаем жизнь на планете? О стабильности тут говорить не приходится.

— При всем уважении, ваше величество, ваша страна — тоже не образец стабильности. Впрочем, о том, как стабилизировать самое важное, поговорим позже. А пока задержимся на секунду: вот к этому стоит приглядеться!

И он бросил дроны в слалом между исполинскими колоннами, о которых только что говорил, проносясь под эстакадами, петляя вокруг развязок. Наконец вылетел на открытое пространство и вновь поднял весь рой на высоту, откуда можно было взглянуть на простершуюся под ними Магистраль Кэти. Она стала еще шире, если такое возможно.

— Двадцать шесть полос! — словно прочтя мысли Саскии, гордо объявил Т. Р.

Сейчас транспортный поток на этих двадцати шести полосах был довольно скудным: практически все предприятия, учреждения, школы закрылись из-за урагана.

— Народу сегодня немного, — объявил Т. Р., — так что устроим небольшое путешествие по волнам памяти. Сегодняшнее число, этот же участок шоссе, но год две тысячи девятнадцатый!

Едва он произнес эти слова, двадцать шесть полос Магистрали Кэти внезапно наполнились легковушками и грузовиками: бесконечный поток автомобилей двигался вперед с умеренной скоростью — еще не совсем пробка, но то здесь, то там уже загораются, притормаживая трафик, тормозные огни. Между машинами петляет мотоцикл: он здесь едет вдвое быстрее всех прочих. Иллюзия была очень реалистичная, хотя изображение упрощенное: все легковушки, пикапы, грузовики и прицепы одинаковые, каждый — безликая копия всех остальных. Впрочем, такое упрощение даже помогало «считывать» данные. Т. Р. показывал, просто и наглядно, каков был трафик на этом шоссе в этот же день и час 2019 года.

— Две тысячи двадцатый! — объявил Т. Р.

Экран дернулся, и изображение изменилось: машин стало меньше, двигались они быстрее.

— Первая пандемия. А вот две тысячи двадцать первый.

Экран снова дернулся, и машин стало еще больше прежнего: теперь на дороге образовалась

пробка.

— Двадцать второй. — Движение ускорилось. — Двадцать третий. Двадцать четвертый. — Полосы снова опустели. — Год урагана, такого же, как сейчас. Двадцать пятый. Обратите внимание, — продолжил Т. Р., пока на экране мелькали годы, — как изменилась картина с появлением автомобильного автопилота. В густом потоке автомобили сближаются и едут вплотную друг к другу, образуя своего рода поезд, — это позволяет втиснуть больше автомобилей на одну полосу и серьезно увеличить скорость. Давайте переключимся с девятнадцатого сразу на двадцать девятый, тогда будет хорошо видно.

Так он и сделал. В самом деле: в 2019 году автомобили двигались хаотично, между ними оставались большие прогалы. А десять лет спустя машины уже ехали так, как привычно в наше время: цепью, прижимаясь друг к другу вплотную, элегантно, как в балете, перестраиваясь из одного ряда в другой. Превращение произошло при жизни Саскии, она хорошо его помнила, но никогда еще так наглядно не видела разницу.

— Итак, именно в тот момент, когда «зеленые» готовились сплясать на могиле автомобиля, современные компьютерные технологии впих-

нули на дорогу трафика вдвое больше прежнего и сделали автомобильные перевозки легче и безопаснее для всех. Угадайте, что дальше? Люди покупают еще больше машин! Жгут еще больше бензина! Для новых машин прокладывают новые шоссе, а «Т. Р. Микс» строит по обочинам этих новых дорог все больше своих Мобильных центров и зарабатывает все больше денег.

Виртуальный дисплей померк, на его место вновь вернулись яркие краски реальности. Все это время рой с негромким гудением летел на восток, вдоль центральной разделительной линии Магистрали Кэти, обгоняя даже самые быстрые автомобили. Однако внизу пока ничего не изменилось. Словно какой-то бесконечный конвейер: чем больше Хьюстона оставалось позади, тем больше выныривало из-за горизонта ему на смену.

— «О каких деньгах мы говорим?» — продолжал Т. Р. — Об этом всегда спрашивал мой старик, а до него — его старик, когда смотрел на нефтяное месторождение и прикидывал, сколько готов в него вложить. О каких деньгах мы говорим?

Внизу пронесся перекресток размером с центр Амстердама: Магистраль Кэти пересекалась здесь со старой кольцевой дорогой, давным-давно

вошедшей в черту города. Еще через несколько миль ждал другой перекресток, новее и намного больше. Саския начала различать внизу то, что уже видела в виртуале: многоэтажные корпоративные здания Энергетического коридора, а также два больших района, на картах обозначенные как «водные резервуары». На фото со спутника они выглядели как лесопарковые зоны. Невооруженным глазом — снова водоемы, хоть и очень неопрятные. Вместо ровной водной глади — торчащие из воды деревья, вместо аккуратных берегов — прорванные плотины и полузатопленные дома, неосмотрительно выстроенные в этом районе.

— Карты врут, — заметил Т. Р., когда дроны замедлили ход и, повернув направо от шоссе, приблизились к одному из водоемов. — Сейчас покажу вам, что говорят карты о месте, на которое мы сейчас смотрим.

Снова включилась система дополненной реальности и на этот раз наложила на пейзаж за окном старую двухмерную Гугл-карту. Очень простая версия, что-то из двухтысячных. Ни спутниковых фото, ни данных о трафике, вообще никакой дополнительной информации. Просто дороги — белым цветом, суша — коричневым,

вода — голубым.

— Как аккуратно смотрится, правда? — проворчал Т. Р. — Кто только все это рисует? Любой, кто здесь живет, скажет вам, что это не реальная картинка. Вот — реальность!

Карта начала подергиваться и меняться — поначалу как-то хаотично, так что трудно было понять, что происходит. Но через несколько секунд Саския поняла: это коллаж, собранный из снимков с воздуха. Комбинация фотографий со спутников и с дронов, показывающих «резервуар» и его окружение таким, каким они выглядели в последние десятилетия. Поначалу коллаж накладывался на реальность пятнами: снимков было немного, интервал между ними составлял недели и месяцы, от одного снимка к другому изображение переходило скачками, но довольно скоро (по мере того, как шли годы и спутниковые фото становились постоянными и вездесущими) переходы сгладились настолько, что стали напоминать фильм. Водоем в этом фильме раздувался, вздымался и опадал, словно живой, как капля протоплазмы под микроскопом биолога. Порой исчезал совсем, и на его месте проступали деревья. Но затем, после сильного дождя, в низинах образовывались лужи стоячей воды; в течение

нескольких часов или дней они стремительно росли и полностью заполняли аккуратные границы, очерченные плотинами. Время от времени вода прорывала и плотины, разливалась шире; изображения домов проецировались теперь на ее поверхность. Шли годы, и некоторые из этих домов исчезли. Т. Р. обратил на это внимание. Он подвел рой дронов к одному такому прибрежному району и показал, как целый квартал смыло потопом, разразившимся после урагана «Харви».

— Сто двадцать пять миллиардов, — сказал Т. Р. — Вот столько стоил нам «Харви». Второй по дороговизне после «Катрины» — та обошлась в сто шестьдесят один миллиард. Вот *о каких деньгах* мы говорим. Ущерб порядка одного-двух миллиардов долларов. Обрушивается на город внезапно и непредсказуемо.

Он прокрутил симуляцию на пару десятилетий вперед, потом назад и снова вперед. Саскии показалось, что Т. Р. держит палец на каком-то ползунке и двигает его туда-сюда сквозь годы. При быстрой перемотке стало очевидно то, что ускользало при медленном просмотре: прибрежные кварталы начали расти ввысь, как-то скачками набирая высоту. Точнее сказать, высота почвы оставалась той же, но дома поднимались

над ней все выше, на все более массивных фундаментах.

— На наших глазах рождается индустрия подъема домов над уровнем воды, — объявил Т. Р. — А вот ее плоды.

С этими словами он отключил экран дополненной реальности и, медленно снижаясь, повел стаю дронов вдоль улицы, проходящей по переднему краю борьбы с наводнением. Многие участки здесь пустовали: на местах былых домов, словно обозначая их контуры, стояли лужи грязной воды. Те дома, что стихия не тронула, гордо выступали из волн. У одних первый этаж представлял собой глухие бетонные стены, между которых располагался гараж или хозяйственный чулан: сейчас эти полуподвальные этажи заполнены водой, — но ясно было, что, как только вода отступит, их легко будет осушить и привести в порядок. Другие, поновее и пошикарнее на вид, высились над водой на сваях из армированного бетона.

— Только вообразите себе, сколько все это стоит! — заметил Т. Р., ненадолго притормозив стаю перед домом, который наводнение застало в процессе перестройки.

Вместо свай здание стояло на подпорках, сло-

женных из железнодорожных шпал: предложив такое временное решение, подрядчики эвакуировались вместе со своим оборудованием. У дверей покачивалась привязанная к крыльцу гребная лодочка. Привлеченный гудением дронов, к окну спальни на втором этаже подошел хозяин дома и с недоумением на них уставился. Обычный мужичок лет пятидесяти, в одних трусах из-за жары; за спиной, на ремне, перерезавшем наискось расплывшийся торс, болтается ружье.

— Не повезло чуваку, — вынес вердикт Т. Р. — Лет тридцать назад, еще до «Харви», купил симпатичный дом в симпатичном районе… тогда казалось, что это отличная идея. — Он взмыл вверх и одновременно резко уменьшил масштаб изображения, напоминая зрителям, сколько домов и кварталов вокруг претерпели такую же трансформацию. — Разумеется, он не понимал — да и никто тогда не понимал, — что это *стохастический* участок на берегу *стохастического* резервуара. Не понимали, потому что это статистическое понятие. А люди не умеют мыслить статистически. Так уж устроены наши мозги, что мы мыслим нарративами. У этого чувака нарратив был такой: мы с женушкой хотим осесть и завести семью, а вот и домик в новом квартале,

где все соседи такие же, как мы. Не могут же они все ошибаться! Вот и хорошо, берем ипотеку на тридцать лет. А теперь, должно быть, взял обратную ипотеку[39] или HELOC[40], чтобы поставить дом на сваи, — и разве что чудом сможет его продать. Умножьте эту историю на количество домов, которые мы видим вокруг, и вы поймете, о каких деньгах идет речь. А теперь нам пора подзарядиться.

Во время этой речи он повернул стаю на северо-запад и прибавил скорость. Саския опустила глаза на панель управления, нашла значок зарядки батареи: он светился желтым — осталась одна треть. По закрытому голосовому каналу она вызвала Аластера.

— Что значит «стохастический»? — спросила она. — Я, кажется, слышала это слово раз или два — а для Т. Р. в нем, похоже, заключена какая-то важная мысль.

— Это от греческого корня, означающего «дога-

---

[39] Примечания: 39

Механизм монетизации имеющегося жилья, при котором владелец отдает свое жилье под залог на условии, что после его смерти оно отойдет банку. Обратная ипотека в США изначально была введена как целевая программа поддержки малоимущих пенсионеров.

[40] Примечания: 40

Home Equity Line of Credit — программа кредитования под залог дома, чаще всего с целью его ремонта.

дываться», — пояснил Аластер. — В математике означает попросту нечто такое, что невозможно вычислить, нельзя узнать точно и к чему приходится применять статистические, вероятностные методы.

— Понятно. Ваша сфера.

— Вот-вот. Кажется, мы скоро увидимся?

— Похоже на то.

— А серьезные здесь расстояния! Как говорят американцы, большой размах.

Пунктом назначения, к которому они подлетели четверть часа спустя, оказался Мобильный центр «Т. Р. Микс», расположенный в пригороде, которому повезло больше — вода до него почти не дошла. Правда, на необъятной парковке здесь и там виднелись лужи, но мелкие. Большая часть парковочной территории была под крышей или под навесами — без чего, как поняла Саския, в Техасе не обойтись: надо быть человеком отчаянным, чтобы оставлять свою машину под прямыми лучами солнца. На крышах виднелись солнечные батареи: видимо, они обеспечивали питание для станций подзарядки электротранспорта, разбросанных здесь и там среди бензоколонок и дизельных насосов, расположенных вдоль распростертых «крыльев» огромного комплекса.

Одно из таких «крыльев» сейчас было закрыто для посетителей и целиком отдано обслуживанию Т. Р. и его стаи дронов. По обе стороны крыла стояли цепочками, выстроившись друг за другом, новехонькие, сияющие двухэтажные автобусы из тех, в каких проводятся экскурсии по городу; очевидно, единственная их задача состояла в том, чтобы отгородить площадку от посторонних глаз. В кабинах с кондиционерами сидели водители, а по крышам автобусов прогуливалась туда-сюда охрана в геокостюмах.

Внутри этого кордона Саския увидела с десяток черных внедорожников: на них добирались сюда помощники и охрана, пока почетные гости наслаждались полетом на дронах. Дрон Саскии коснулся земли: тут она обнаружила, что «руки» у него втягиваются, так что он становится компактным и без труда вкатывается на парковочное место, по техасским масштабам довольно скромных размеров. Сложенный дрон легко нашел себе дорогу к станции подзарядки, остановился на площадке под крышей. Из станции подзарядки вынырнула механическая кобра и вонзила ему в бок свои медные зубы. Панель управления возвестила, что батарея заряжается. К дрону подошли три человека, почти полно-

стью прикрытые огромными, чуть не до пола, зонтиками. Такие зонтики Саския уже видела: их использует охрана, чтобы защитить ВИП-персон от острого взгляда дронов с камерами и длиннофокусных объективов папарацци. Под краем одного зонтика Саския разглядела пару женских ног в дорожных ботинках, по которым опознала Амелию. Несколько секунд спустя королева Нидерландов скрылась в заведении «Т. Р. Микс», ни на секунду не подставив лицо всевидящим небесам.

Плаза — центральный хаб Мобильного центра — размерами напоминала обычный торговый центр, однако с меньшим количеством перегородок и отдельных зон. Быть может, больше подошло бы здесь сравнение с самолетным ангаром. В одной зоне находился магазин, где путешественники могли купить чипсы и джерки. Были туалеты, прославленные невероятными размерами и хирургической чистотой. Аркада развлечений, предназначенных в основном для детей, игровая зона для малышей, площадка для выгула собак под крышей, проветриваемый «аквариум» для курильщиков, комната для пеленания младенцев, пункт медицинской помощи — и наверняка еще много полезных мест, кото-

рые Саския не успела рассмотреть, поскольку многочисленный и деловитый персонал не давал ей глазеть по сторонам, а решительно вел в один из периферийных сегментов центра, где располагались рестораны. Ресторанов здесь было несколько: в их числе и самый настоящий тако-фургон[41], припаркованный посреди здания между представителями известных сетей фастфуда. Большинство из них, как и следовало ожидать, предназначалось для торопливых перекусов. Но в одном углу находился ресторан классом повыше, в котором можно было с удовольствием посидеть. Само собой, барбекю, в техасском стиле. Длинные ряды деревянных столов и стойка, за которой посетители заказывают еду и забирают ее на больших металлических подносах. Сегодня, разумеется, обычных посетителей здесь не было. Ресторан украсили к приезду высоких гостей. Один стол в середине накрыли белой скатертью и настоящей, не пластмассовой посудой. Были здесь и бокалы, и даже букетики полевых цветов.

Прежде чем сесть за стол, следовало поздороваться с хозяевами. Саскию и прочих ВИПов

[41] Примечания: 41

Закусочная на колесах, предлагающая мексиканскую еду, популярный символ юго-запада США.

из дронов — всего четверых, не считая самого Т. Р., — на подходе к накрытому столу встретил массивный немолодой человек с длинной седоватой бородой и в ярко-оранжевом тюрбане. Вероника Шмидт представила его как Мохиндера Сингха, на правах франшизы собственника этого Мобильного центра, а также совладельца еще двух, расположенных дальше на запад по Десятой магистрали. С классическим — и неожиданным для Саскии — певучим техасским выговором Сингх поблагодарил Шмидтов за предоставленную ему возможность проявить гостеприимство, приняв у себя столь почетных гостей. Затем быстро представил свою жену, надевшую поверх традиционной узорчатой *курты* фартук с логотипом «Т. Р. Микс», и нескольких детей и дальних родственников, как видно призванных в качестве подкрепления. Большинство из них были в чем-то вроде униформы: черные рубашки-поло все с тем же стилизованным логотипом «Т. Р. Микс». И все молодые люди — в тюрбанах или головных повязках, пусть и куда более скромных на вид.

Здесь Саския впервые оказалась рядом с Робертом Уоттсом, лорд-мэром, который вчера вечером не выходил из номера. Рядом с ним стояла его жена, Дейя Каур Чанд; оба одеты элегантно и

неброско — в рубашках и брюках, подходящих для насыщенного дня путешествий на разных транспортных средствах. По-английски доктор Чанд говорила с идеальным выговором выпускницы Оксфорда или Кембриджа, однако изумила и обрадовала хозяев, обратившись к ним на их родном языке — должно быть, пенджаби. У Мохиндера и его семейства не было на службе Виллема, способного в два счета выяснить чью угодно подноготную, так что для них оказалось приятным сюрпризом, что кто-то из членов делегации исповедует одну с ними религию и говорит на одном языке. Неизвестно, планировала это Дейя или нет, но, во всяком случае, это разбило лед и дало Мохиндеру возможность проводить пятерых ВИПов к их накрытому столу, а самому, вместе с семьей, сгрудиться вокруг доктора Чанд и продолжить беседу.

Прочие столы, накрытые еще для трех десятков человек, выглядели куда скромнее. Саския заметила, как Аластер и Виллем, наклонившись, разглядывают именные карточки — пытаются понять, куда им сесть. Длинный ряд столов для пикника вдоль стены был накрыт как шведский стол и предназначался для технического персонала. Поначалу вокруг него сгрудилась целая толпа,

так что Саския не могла разглядеть своих; но через несколько минут, когда все начали рассаживаться, из толпы вынырнула Фенна и подошла к Саскии проинспектировать ее макияж. Сегодня на ней было Лицо Номер Два — разновидность Лица Номер Один, но построже и требующая больше труда, предназначенная для серьезных переговоров. Чтобы почистить перышки, момент был самый подходящий: Т. Р. увлекся беседой с Марком Ферлонгом о каких-то туманных финансовых материях, мало ей интересных. Из серии тех, изучением которых зарабатывает на жизнь Аластер. И действительно, Марк бросил на Аластера многозначительный взгляд, побудивший того подойти и присоединиться к разговору.

— Для остановки на заправке — лучше некуда! — вынесла свой вердикт Фенна. — Я-то беспокоилась. Солнце, этот стеклянный пузырь… — Она достала пудру и пару раз провела по лицу Саскии пуховкой, убирая блеск. Мужчины вокруг деликатно отвели глаза. — Помада или…

— Нет смысла. Я все равно собираюсь пить вино и есть… как это у них называется?.. грудинку.

Фенна сморщила нос и кивнула.

— Угадайте, что они тут предлагают вегетарианцам!

— Дай-ка подумать… фальшивую грудинку?

— Да, причем два вида! Соевую и из искусственного белка.

— Леди и джентльмены, предлагаю начинать! — объявил Т. Р., позвенев вилкой о бокал.

— Попозже? — спросила Фенна.

Саския кивнула.

— Когда пойду в туалет. Может быть, перед десертом.

Фенна кивнула и хотела идти, но обернулась:

— А Жюль может поехать с нами?

— В Западный Техас?

— Ага.

— Обсудим позже.

— Прежде чем переходить к основному блюду, — объявил Т. Р., — давайте быстренько решим все бюрократические вопросы.

Он стоял напротив стола Саскии, которая, как и все прочие гости, сидела. Команда энергичных ухоженных миньонов ввезла тележку на колесах, на которой лежали стопкой копии документа — пачки скрепленных листов около дюйма толщиной. Эти документы они начали раздавать людям вроде Аластера и Виллема — а те, с любопытством их полистав, убирали в портфели.

— Чертовски скучно, но необходимо, что ж по-

делать! Разумеется, все доступно и в электронном виде. Комплексная юридическая экспертиза и тому подобное.

Накануне вечером в баре Руфус сделал замечание, которое для остальных членов команды прошло незамеченным. По телевизору шел американский футбол. Сентябрь — сезон футбольных матчей. Привычная к более плавному ритму европейского футбола, который американцы именуют «соккером», Саския поразилась тому, сколько дорогого эфирного времени занимают судьи: буквально каждые десять секунд останавливают игру и, решительно жестикулируя, принимаются за разбор полетов и раздачу наказаний. Руфус долго не сводил глаз с одного особенно сурового судьи, потом покосился на Т. Р., который о чем-то беседовал в баре с Сильвестром Лином, и сказал вполголоса:

— Вот надеть *на него* полосатую рубашку и черную кепку, дать свисток — и ведь не отличишь! — И кивнул в сторону телевизора.

Звучало странновато, как и многие замечания Руфуса. Однако сейчас, сидя от Т. Р. в пяти футах и слушая, как он обращается к залу, Саския на удивление легко представила себе этого человека в черно-белой рубашке и со свистком — в центре

кипучих футбольных страстей.

— Уверен, каждый из вас хочет спокойно поесть, и никто не спрашивает себя: «Ах, когда же Т. Р. встанет и одарит нас скучной-прескучной речью?», так что буду краток. Хочу просто поприветствовать наших почетных гостей из Нидерландов, — он взглянул на Саскию, — из лондонского Сити (Роберт Уоттс, лорд-мэр), из Сингапура (Сильвестр Лин, сидящий слева от Саскии) и из Венеции (Микьель, рядом с Т. Р.). Здесь не все, кого я хотел видеть, но вас вместе со мной и моими друзьями в Хьюстоне вполне достаточно. Объясню позже. Теперь давайте перекусим. — Он сел под жидкие, неуверенные аплодисменты.

— Дорогой лорд-мэр, — обратилась Саския к соседу справа, — вам придется меня простить: без огромной смешной шляпы я не сразу вас узнала!

— Ходить без шляпы — мой излюбленный прием маскировки, ваше величество. Пожалуйста, называйте меня Бобом.

— И я в последнее время стала Саскией.

Лорд-мэр изобразил нечто вроде любезного поклона, если возможно кланяться, сидя на скамье за деревянным столом.

— Я, как и вы, не люблю шумиху, поэтому

смешную шляпу оставил дома. Вместе с золотой булавой и прочими атрибутами моей должности.

— И все же мне следовало догадаться, что это вы, хотя бы по количеству охраны.

— Неужели так заметно, что это все охрана?

— Еще как! По волосам — точнее, по их отсутствию.

И она бросила выразительный взгляд в дальний угол, где Фенна кокетничала с мускулистым молодым англичанином, ни один волосок на голове у которого не превышал длину в три миллиметра. Судя по выражению лица Фенны, она быстро пришла к выводу, что парень неплох — но… до Жюля ему далеко.

— В отличие от вашего спутника с индейскими дредами. Вот уж кто не привлекает к себе внимания!

— Что ж, надеюсь, секрет не выплывет наружу.

— Какой секрет? Что этот парень с вами? Трудновато будет это скрыть!

— Нет, что вы обедаете с королевой.

— О, олдермены[42] меня простят! Вы же *не та*

---

[42] Примечания: 42

Буквально «старейшина» — старинный титул, в Великобритании сохранившийся только в лондонском Сити, где олдерменами называют глав округов.

королева — не из Вестминстера!

— О чем это вы там, черт возьми? — послышался громкий голос Т. Р.

Боб подобрался и выдавил улыбку.

— Как вам известно, Т. Р., я шестьсот девяносто девятый мэр лондонского Сити.

— Да, Квадратной Мили, Зеленой Уолл-стрит — в общем, финансового центра Лондона.

— Можно сказать просто, что это исконный Лондон. Древнее поселение Лондиниум, окруженное римскими стенами, — заметил Боб. — Мы всегда управляли этим местом, имея в виду прежде всего собственные цели и задачи.

— Бизнес, финансы, мореплавание…

Боб кивнул.

— Но ничто не длится вечно. Римляне нас покинули, и через несколько сот лет после их ухода грубые скотоводы, деревенщина, делавшая деньги на овцах и овечьей шерсти…

— Ха! Совсем как наши ранчеры! — с довольной улыбкой заметил Т. Р.

— Совершенно верно. Они причинили нам немало неприятностей, и… ну, коротко говоря, устав от неурядиц, англичане составили Великую хартию вольностей. А в ней среди прочего говорится: «Руки прочь от того клочка Англии, что

огорожен римскими стенами! Здесь правим мы, мы знаем, что делаем, — сюда не лезьте!» Король Англии не имеет права даже ступить на землю Квадратной Мили, пока я его не приглашу.

— Хорошо устроились! — воскликнул Т. Р., но бросил осторожный взгляд на Саскию. Та улыбнулась, показывая, что ее это не задевает.

— Так что, как видите, мы с ее величеством обмениваемся шутками, корни которых восходят к 1215 году.

— Значит, вы с британской королевской семьей — естественные враги, — заметил Т. Р.

— Традиционно существует некоторый культурный разрыв между нами и… э-э…

— «Грубой деревенщиной» — кажется, так вы охарактеризовали моих букингемских кузенов, — вставила королева Фредерика.

— С овцами и мечами, — добавил Т. Р.

— Верно, — отозвался Боб. — Быть может, разница незаметна для иностранцев — для них все мы англичане с одинаковым выговором, — но она есть.

Подали грудинку, ребрышки и красное вино, и разговор продолжился. Саския украдкой взглянула на Микьеля, задумчиво разглядывающего ребра. Возможно, прикидывал, не взять ли их

голыми руками и не начать ли, как дикарь, обгрызать мясо с костей? Разве пятнадцать столетий назад первые венецианцы, бежавшие в Залив и основавшие там новый город, не поступали именно так? Быть может, искушение было сильным — но недолгим; и, вздохнув, Микьель мудро взялся за вилку и нож.

— Насколько можно судить, не фашист, — сообщила утром, за завтраком, Амелия.

Королевская служба безопасности в Гааге не спала всю ночь, выясняя подноготную Микьеля.

— Я хочу сказать, мысли его мы прочесть не можем. Но если у него и есть радикальные политические взгляды — он их держит при себе. С людьми таких взглядов не связан.

— А с кем он связан?

— Ну… с такими же, как он сам, — развела руками Амелия.

— А именно?

— Старые венецианские семьи, богатые наследники.

— Есть такая группа? — удивилась Саския. — Я думала, за столько веков все венецианские наследники давно переженились на наследницах из других мест и смешались с прочими европейскими богачами.

— Мы еще собираем информацию, — ответила Амелия. — Не думаю, что таких много. Может быть, несколько потомков старых аристократических родов, хранящих старинные традиции. Его двоюродный дед, похоже, имеет определенный вес как посредник.

— Микьель упоминал, что он здесь с тетушкой. Расскажи поподробнее о двоюродном деде.

— Банкир — но это может означать что угодно. Связи в торговом флоте. Занимается благотворительностью.

— В какой сфере?

— Что-то связанное с сохранением венецианского культурного наследия.

— Что ж… значит, ему достаточно важно, чтобы Венеция не ушла под воду.

— Скоро узнаем больше, — пообещала Амелия. — А пока вы ведь можете просто его спросить. В худшем случае, если ваше фото с ним попадет в прессу, а потом выяснится, что он фрик, — вы с чистой совестью сможете сказать, что ничто в его бэкграунде и связях того не предвещало.

— Ну хорошо. А что насчет Сильвестра? Начиная с имени.

Амелия покосилась на Виллема.

— Сталлоне, — объявил тот.

— Что?!

— Уже довольно давно китайцы берут себе вестернизированные псевдонимы, — начал Виллем. — Прежде эти имена-прозвища были очень простыми: Том, Джо и так далее. Ко времени, когда наш друг «Сильвестр» повзрослел и начал об этом задумываться, в моду вошли имена «крутые», необычные и яркие. И как раз в то время переживал второй пик популярности Сильвестр Сталлоне. Лину понравилось, как звучит его имя.

— Трудно поверить, что он когда-то, даже в юности, следовал моде!

— О, во всем остальном он сущий консерватор, — заверил Виллем.

— Они говорят с вами на фучжоу.

— Но я отвечаю в основном по-английски. Почти не помню этот диалект. Трудно держать его в голове одновременно с мандаринским.

— А что тот парень, Бо? Китайский разведчик, выследивший вас в Луизиане?

— Похоже, китайцы в курсе, что планирует Т. Р., — ответил Виллем. — И они… даже не знаю… оскорблены? Озадачены? Озабочены? — тем, что их не пригласили. Похоже, из этого заключают, что план Т. Р. для Китая опасен. И что Т. Р. это понимает. Знает, что Китай выступит против,

поэтому и не видит смысла приглашать его к обсуждению.

— А это так? — уточнила Саския.

— Что план плох для Китая?

— Да. Команда Т. Р. проводила компьютерное моделирование?

— А мы? — вставила Амелия.

— Мы ведь пока даже не знаем, какой именно у него план, — веско ответил Виллем. — Послушайте, выгоды и невыгоды континентальных держав вроде Китая — последнее, что должно нас волновать. Мы с вами — мы, Венеция, Лондон, Сингапур — точки на карте, на берегу океана, и море пытается нас поглотить. Для нас хорошо все, что остановит подъем уровня моря.

— А уровень моря поднимается из-за таяния ледников, — на всякий случай уточнил Аластер.

— Вот именно. Так что для нас все очень просто: мы должны остановить потепление. То же верно и для Венеции, и для прочих гостей Т. Р. Но все остальные на нашем месте, разумеется, спросили бы: а каковы побочные эффекты? Что произойдет с континентальным климатом? Как насчет дождей — не станет ли их слишком мало или слишком много? Сможем ли мы и дальше растить рис? Не пострадают ли наши гидроэлек-

тростанции?

— А этого никто не знает, — добавил Аластер. — Пока.

— Китайцы, похоже, полагают, что Т. Р. знает. Хотя, судя по тому, что мы пока увидели… — И Виллем умолк.

— Т. Р. просто действует наудачу, — закончила его мысль Саския.

— Ладно, через несколько часов узнаем больше. Кажется, за обедом нам должны передать какие-то документы.

После обеда вся кавалькада — дроны по воздуху, автомобили и автобусы по земле — развернулась и двинулась обратным ходом на восток, отклоняясь к югу так, что небоскребы центра Хьюстона теперь вздымались в небеса слева. Небо сияло голубизной; то тут, то там плыли по нему исполинские башни облаков. Там, где на них падали солнечные лучи, облака сияли ослепительно-белым, но вдали от солнца принимали зловещий темно-серый оттенок, для Саскии, опытной летчицы, предупреждавший о том, что эти тучи готовы пролиться дождем. Временами в их толще вспыхивали молнии. Саския видела, как одна такая туча выпустила что-то вроде расплывчатого серого щупальца, принялась слепо шарить им,

нащупывая землю. С расстояния во много миль его движения казались неторопливыми, почти ласковыми. Их даже красиво обрамляла сверкающая радуга. Но вчера по дороге из Шугарленда их команда попала в зону такого «щупальца» — и Саския хорошо понимала, что там происходит. Ливень льет стеной, ослепляя водителей. Большинство машин замедляют ход, некоторые останавливаются. Происходят аварии — и их даже не разглядишь, пока не пройдет гроза.

По большей части стая дронов держалась от таких феноменов подальше; однако чем ближе к месту назначения, тем меньше у них оставалось возможностей обогнуть грозу или от нее ускользнуть.

— Может, просто пересидим, что скажете? — послышался по открытому голосовому каналу тягучий техасский выговор Т. Р.

Дроны строем приземлились на пустыре, и почти сразу же по их прозрачным куполам забарабанили жирные капли дождя. Дроны согласно втянули «руки» с двигателями и перешли в положение, напоминающее позу зародыша. И очень вовремя: еще несколько мгновений — и на них обрушилась стена воды. Саския невольно задумалась о том, можно ли дышать под таким дождем.

Если выйти наружу — не захлебнешься ли? Вода не успевала скатываться с прозрачного купола; на нем образовалось бурлящее озерцо в несколько сантиметров глубиной. По крайней мере, не так шумно; сквозь слой воды прорывались лишь глухие раскаты грома.

Саския наслаждалась этим полным уединением, хоть продлилось оно не больше тридцати секунд. Через минуту или две буря утихла, на умытых небесах вновь засияло солнце. Пустырь превратился в прямоугольное озеро, здесь и там испещренное островками погубленной растительности. Поскольку это Техас, а не Нидерланды, пустырь не был возделан и засеян. А поскольку это Хьюстон, он ничем не походил на соседние клочки земли, где кипела разнообразная жизнедеятельность — школы, торговые центры, офисные здания, жилые кварталы, нефтеперерабатывающие заводы. Дрон снова выбросил в стороны «руки», завертел пропеллерами и поднялся в небо вместе с остальной стаей.

— Поблагодарим Космический центр Джонсо-

на[43], — объявил Т. Р. — Пустырь принадлежит им, сейчас никак не используется. Да, видимо, и не будет использоваться — он всего на пару метров *выше*.

Саския провела уже достаточно времени с Т. Р., чтобы уяснить: слова *выше* и *ниже*, произносимые этаким особо значительным тоном, означают «выше уровня моря» и «ниже уровня моря». В этом слышался сарказм, даже шутовство: сам Т. Р. не считал, что уровень моря имеет какое-либо значение. Он воспринимал все это *стохастически* и упоминал об уровне моря исключительно в ироническом ключе.

К востоку виднелись офисные здания и парковки. За ними располагалась портовая зона, напомнившая Саскии Роттердам, а дальше виднелось открытое море. На некоторых ближайших зданиях Саския заметила знакомый логотип и сообразила, что все это принадлежит NASA. Ну да, Хьюстон же! «Хьюстон, у нас проблема»[44].

---

[43] Примечания: 43

Центр НАСА по разработке пилотируемых космических кораблей, обучению астронавтов и подготовке пилотируемых космических полетов, центр управления и контроля за космическими полетами, представляет собой комплекс из 100 зданий к юго-востоку от Хьюстона.

[44] Примечания: 44

Знаменитая фраза, впервые произнесенная в 1970 году командиром космического корабля «Аполло-13», отправленного на Луну, когда на борту произошла серьезная авария.

Дроны поднялись чуть выше, и перед ней открылся забор с несколькими воротами, а также другие средства защиты, призванные уберечь уязвимые части комплекса от наводнений. Но в эту сторону рой дронов не полетел. Вместо этого он направился вдоль параллельного шоссе к коммерческой застройке, расположенной так близко к Космическому центру Джонсона, как только возможно, не залезая на правительственную территорию. Логотипы на некоторых зданиях, а также указатели на дороге намекали на космос.

В одном из этих зданий имелась пятиэтажная скатная парковка с плоской крышей. На этой крыше и закончили свое путешествие дроны: они приземлялись один за другим, каждый складывался и откатывался в сторону, освобождая место для следующего. Снова огромные зонтики и сложная хореография: Саскию и остальных незаметно провели в ближайшее офисное здание. Здесь, пройдя через множество дверей и постов охраны, они оказались в помещениях «Уайт Лэйбел Индастриз Эл-Эл-Си», компании с логотипом в виде пустого белого прямоугольника.

В ходе исполнения королевских обязанностей Саския перетерпела, должно быть, сотню экскурсий по различным фирмам и предприятиям.

«Уайт Лэйбел Индастриз» на вид ничем не отличалась от остальных: сидят за столами люди, что-то печатают. Одни работают в очках дополненной реальности, другие — как правило, постарше — отгораживаются от мира традиционными плоскоэкранными мониторами. Все пишут коды или работают с системами автоматизированного проектирования: ничего впечатляющего, сплошные болты и скобы. Обычно королеве приходилось притворяться, что все это невесть как любопытно; но Т. Р., похоже, прекрасно понимал, какие чувства вызывают подобные места у посетителей.

— Просто хотел вам показать, что это существует. Все, что вы увидите дальше, в Западном Техасе, спроектировано здесь. Работают у нас в основном ребята из космической отрасли. Оттуда легче всего переманить специалистов. Их хлебом не корми, дай поработать над чем-то реальным, даже если оно не полетит на Марс. А вот я рассуждаю так: прежде чем на Марс губы распускать, давайте-ка, черт возьми, старушку Землю приведем в порядок!

В своих американских скитаниях Саския не встретила ничего, что дало бы ей повод возразить. И, глядя на сотрудников «Уайт Лэйбел»,

признавала: выглядят они так, как будто здесь счастливы. Чуть постарше и поплотнее айтишников в Саннивейле или в Амстердаме; чуть больше белых и мужчин. Все спокойны, даже безмятежны, и сосредоточены на работе.

У погрузочной платформы их ждал небольшой автобус, вроде трансфера в аэропорту. Рядом высокими рядами были сложены палеты с какими-то комплектующими. Приглядевшись к ним, Саския не заметила легкости и изящных очертаний, какие ассоциировались у нее с космической промышленностью. Большинство деталей неизвестного назначения были стальными — и отнюдь не из нержавеющей стали.

Когда все расселись по местам, отворилась дверь-вертушка, и автобус выкатился на дорогу. Следующие несколько минут они ехали на восток, в сторону Тринити-Бей — бухты Мексиканского залива, служащей для Хьюстона морскими воротами. Снова проехали мимо территории NASA, но туда не повернули. Различные здания Космического центра Джонсона проносились мимо, и с легким ребяческим разочарованием Саския поняла, что поохать и поахать, любуясь старыми ракетами, ей здесь не придется. Т. Р. не станет тратить время зря. Вместо этого он

двинулся наискосок через пояс жилых районов: одни из них прятались за дамбами, другие возвышались на сваях, третьи стояли заброшенными и постепенно разрушались. В некоторых из таких обосновались сквоттеры.

Автобус въехал в индустриальную зону, которую Саския приметила еще раньше. На миг она затосковала по дому: так увиденное здесь напоминало новые районы Роттердама, ближе к морю, с большими нефтеперегонными комплексами, где очищали нефть из Норвегии. Сюда, разумеется, нефть доставляли с буровых установок в Мексиканском заливе. Но оборудование выглядело точно так же. Она даже заметила на одном здании вдалеке логотип «Шелл». Но наконец они въехали в охраняемые ворота, украшенные логотипом нефтяной компании, о которой она ничего бы не слышала, если бы Виллем еще дома не составил досье на Т. Р., а Саския его бы не прочла. Это была маленькая (по стандартам техасской нефтехимической промышленности) фирма, основанная дедом Т. Р. и все еще существующая как юридически независимое предприятие, хотя в последние десять лет она почти не вела бизнес.

За воротами началась прибрежная территория; в сравнении с крупными промышленными

комплексами вокруг она казалась заброшенной. Были и здесь свои индустриальные здания, упакованные в покрытую пятнами ржавчины оцинкованную сталь; но в первую очередь здесь притягивала взгляд удивительная «пирамида» — гора ярко-желтого порошка, идеальный конус высотой с десятиэтажный дом.

Первая мысль Саскии, хоть и явно неверная, была: да это же какое-то произведение искусства! Огромный арт-проект. Отчасти такая мысль была вызвана его размерами и безупречной формой, но прежде всего изумительным цветом: яркой, чистой, праздничной желтизной. Будь здесь Фенна — она бы в два счета объяснила, что это за оттенок и чем он отличается от других желтых. Для уроженки Нидерландов очевидно было сравнение с нарциссами — не с бледно-желтым на кончиках лепестков, а с тем глубоким и ярким оттенком, что встречается в центре чашечки цветка. Однако в сравнении с этой горой и нарцисс выглядел бы бледным, уходящим в зелено-голубой край спектра. Эта гора, эта искусственная дюна тяготела скорее к красно-оранжевому. Но в ней не было ничего темного. Она почти сияла.

К такому чуду, словно к Великой пирамиде или к Большому каньону, хочется просто подой-

ти поближе; и все, высыпав из автобуса, так и сделали. Гора оказалась еще больше, чем выглядела издалека; чтобы дойти до ее основания, потребовалось некоторое время. Склонив голову набок, Саския пыталась оценить размеры горы. В поперечнике она была сравнима с футбольным полем, а верхушка возвышалась над головой Саскии метров на тридцать.

Наклонившись, она взяла двумя пальцами щепотку желтой пыли. Та оказалась мельче столовой соли, даже мельче муки.

По стандартам европейских королевских домов Фредерика Матильда Луиза Саския получила очень неплохое техническое образование, а ради защиты своей страны ей пришлось стать экспертом по глобальному потеплению. Слово «сера» она читала в научных статьях и слышала на конференциях, должно быть, миллион раз. Знала ее атомное число, атомный вес и символ. Привыкла к тому, что британцы и янки произносят слово «сера» по-разному, знала к нему разговорные и сленговые синонимы. Но очень редко ей случалось видеть серу своими глазами — и совсем не случалось к ней прикасаться. Разве что в школьной химической лаборатории: там в надписанном флаконе хранилась ложечка серы,

чтобы любой школьник мог потом сказать, что знает, как она выглядит. Однако это был совсем другой опыт, чем сейчас, когда она стояла у подножия этого… произведения индустриального искусства. Любовалась с открытым ртом, запрокидывала голову, стараясь повернуть ее так, чтобы не видеть ничего, кроме серы. Все палочки и колбочки в ее сетчатке были под завязку насыщены желтым. Желая насытить и другие чувства, она поднесла щепотку серы к носу и понюхала.

— Не пахнет, — послышался за плечом голос Т. Р. — Это чистая сера. Вони, как от тухлых яиц, вы здесь не встретите.

— А дождь ее не растворяет?

— Еще чего! Вода проходит прямо насквозь, — ответил Т. Р.

Он сделал шаг назад и торжественно распростер руки.

— Сера! — провозгласил он таким тоном, каким конквистадор мог бы воскликнуть: «Золото!» — Горючий камень! Эс! — Саския знала, что «S» — обозначение серы в периодической таблице. — Редко, знаете ли, нам выпадает случай увидеть или потрогать *элемент* в его чистом виде. Водород и кислород в воздухе? Это не сам элемент, а двухатомные молекулы. Алюминий

— да, но, как правило, он в сплавах. Железо, может быть, — но это чаще всего сталь, тоже сплав. Разве что ртуть в старом термометре. Гелий в воздушном шаре. Но тут, ваше величество, совсем другое дело. Двести тысяч тонн чистого химического элемента! Для нашего проекта такого запаса хватит примерно на год.

Оторвавшись наконец от чистого созерцания, Саския заставила себя вернуться к практическим материям.

— И все это — продукт нашего совместного предприятия?

Мгновенно выйдя из своего восторженного транса, Т. Р. бросил на нее острый взгляд — и Саския порадовалась, что не сидит напротив него за столом переговоров.

— Вы говорите о «Бразос РоДаШ».

— Да, мне недавно о нем напомнили.

— Вы у нас не слишком активный инвестор… — заметил он с видом врача, ставящего диагноз. И, вдруг просияв, добавил: — Даже не читаете годовых отчетов!

Кажется, он над ней смеется.

— Боюсь, что нет.

— Дело в том, что «Бразос РоДаШ» бросил серный бизнес с тех пор, как моего деда выперли

с Кубы, а было это в шестидесятых! Теперь его интересуют только золото и медь в Новой Гвинее. — Он театрально огляделся вокруг, словно собрался сообщить ей секрет и хотел, чтобы их не подслушали. — Кстати, о бизнесе: этот ваш парень, Рэд, рассказал мне о своих друзьях. О Боски.

— Руфус?

— Ну да. Так вот: я этих Боски нанял и поручил им одно дельце. Раз уж они все равно сейчас помогают пострадавшим к югу от Шугарленда. Знаете, ведь старые разработки «Бразос Майнинг» велись как раз в тех местах!

— Да, я видела колпаки с сернистым ангидридом вдоль берега.

— Вот-вот! Я их спросил, не согласятся ли заодно заехать в одно местечко, посмотреть, не всплыли ли там в потопе кое-какие старинные реликвии и сувениры.

— По-моему, это… маловероятно.

— Шучу, шучу! Разумеется, все реликвии надежно упакованы и лежат в водонепроницаемом хранилище. Но оно сейчас под водой. А у них есть ныряльщики.

В это время к ним начали подтягиваться и остальные, и Т. Р., обернувшись, повысил голос:

— Побочный продукт очистки нефти! — объявил он. Слово «нефть» Т. Р. произносил на немецкий манер, как принято в Техасе. — Старые нефтяники, вроде моего деда, всегда пробовали ее на вкус.

«На вкус»?! Впервые за очень долгое время Саскии показалось, что знание английского ее подводит. Может быть, какая-то местная идиома?

Т. Р. ухмыльнулся и жестами изобразил, как обмакивает куда-то палец, а затем сует в рот.

— Да, на вкус в буквальном смысле. Если нефть сладкая, значит, в ней мало серы. Если кислая — значит, серы много, и требуется дополнительная очистка; такую нефть продают со скидкой. Сырой нефти с высоким содержанием серы много в Заливе, особенно ближе к Мексике. Там я ее и покупаю. В Канаде должно быть еще больше. Нефтеносный песок весьма… брр! — И он скорчил такую физиономию, словно попробовал на вкус канадский нефтяной песок. — Эта гора выше уже не вырастет. Выше не дотянется конвейер.

Проследив за его взглядом, Саския различила длинную ленту индустриального конвейера, протянутого над грудой серы; другой его конец загораживали портовые постройки.

Как и во всех портах, здесь сходилось и расходилось множество железнодорожных путей с бесчисленными ответвлениями, тянущимися к каждому терминалу. Одна такая железнодорожная ветка проходила за серной горой. С задней стороны, как теперь видели гости, геометрическое совершенство золотой горы нарушал автопогрузчик: откусывал от нее по кусочку ближе к земле, вызывая на большей высоте серные лавины. Затем погрузчик проезжал немного вперед по растрескавшемуся асфальту и пересыпал серу в загрузочный лоток на уровне земли. От лотка шел под углом конвейер: он переносил толстый слой золотого порошка поближе к вагону-самосвалу и поднимал на такую высоту, чтобы высыпать его прямо в открытый кузов. Несколько таких вагонов, уже полных серы до краев, стояли рядом на путях, готовые к отъезду. Лишь один из них был еще не полон — но, судя по темпу работы погрузчика и конвейера, и ему предстояло скоро наполниться.

— Все это пока просто иллюстрация моей идеи, — заметил Т. Р., видимо озабоченный тем, что гости сочтут производство недостаточно масштабным.

Саския сомневалась, что кто-то станет вы-

сказывать такие претензии. О геоинженерных проектах эпических масштабов и о колоссальных портовых сооружениях она знала, возможно, больше всех прочих жителей Земли. И понимала: даже по нидерландским стандартам Т. Р. определенно затеял очень серьезное предприятие.

Они перешли к складному столу, предусмотрительно принесенному и расставленному командой Т. Р. Над ним высился навес, предназначенный для защиты от того, что угрожало в данный момент: безжалостного солнца или свирепого ливня. В данный момент палило безжалостное солнце. Появились пластиковые бутылки с водой. На стол поставили пропановую горелку, кое-какую лабораторную посуду и пластмассовый контейнер с целой россыпью защитных очков. Отмахнувшись от преданного помощника, предлагавшего ему надеть защитную оптику, Т. Р. взял мерный стакан размером с кофейную чашку, подошел к серной горе и зачерпнул оттуда образец желтого порошка. Большую его часть он высыпал обратно: в стакане остался слой элемента S толщиной с палец. Помощник тем временем разжег горелку. Т. Р. вернулся к столу и поставил стакан на подставку над голубоватым пламенем. Всего через несколько секунд нижняя

часть образца, та, что соприкасалась со стеклом, изменилась, сделалась жидкой и текучей. Т. Р. убавил газ и достал термометр с пистолетной ручкой. Направил его на стакан, нажал «курок», взглянул на цифровой экран. Немного помешал серу стеклянной палочкой.

Всего через минуту весь образец расплавился, превратившись в оранжево-желтую жидкость. Т. Р. показал всем цифры на экране термометра. Ничего впечатляющего.

— Сейчас я просто показал, что элемент S обладает очень низкой температурой плавления. Его можно расплавить дома в духовке. И управляться с жидкостью такой температуры легко. Не нужно никакое сложное оборудование: хватит обычных старых металлических труб, какие можно купить в любом хозяйственном, и какой-нибудь изоляции, чтобы жидкость не остыла и не замерзла.

Он взял щипцы и снял стакан с огня. Затем отступил на несколько шагов от стола, в сторону золотой горы, — и просто вылил жидкую серу на мостовую, где она образовала сверкающую лужицу.

— А еще она горит, — сообщил Т. Р.

Выудил из кармана зажигалку для сигар в виде миниатюрного фаллоса, размером с палец.

Щелкнул, нагнулся, поднес огонек к краю желтой лужицы. Та охотно загорелась: без громкого «ввух!», как бензин, — скорее так, как горит воск или нефть.

— Спецэффектов не будет, уж извините. Но сгорит полностью. Осторожно, держитесь подальше от дыма. — Он сообразил провести свой опыт с подветренной стороны, так что легкий ветерок уносил продукты горения прочь от зрителей.

— «Дым» — это же сернистый газ, верно? — спросила Саския.

— Совершенно верно, ваше величество. И уверен, вы знаете, как он обожает соединяться с водой и образовывать H_2SO_4.

— Серную кислоту.

Боб пожал плечами:

— Выходит, если польет дождь…

— Подумайте о наших легких, — подсказал Т. Р.

— В легких у нас достаточно воды, — объяснила Саския, — так что стоит вдохнуть сернистый газ — и серная кислота окажется у нас там, где она вовсе не нужна.

Боб поднял брови и кивнул.

— Итак, что же мы установили? — задал риторический вопрос Т. Р. — У Т. Р. в кармане тонна

серы. Серу легко превратить в жидкость. Она горит. Ну как, у вас в головах это во что-то складывается?

И, не дожидаясь ответа, повел их к складскому зданию, крытому ржавым оцинкованным железом, в нескольких десятках метров отсюда. Рядом с ним стояли несколько пикапов и легковых машин, на вид довольно новых. Саския заметила парковочные таблички «Уайт Лэйбел Индастриз Эл-Эл-Си» и не усомнилась в том, что на дверь склада приклеен белый прямоугольный логотип компании — пусть и выглядит он всего лишь как чистый лист бумаги.

Она также отметила множество оранжевых ветровых конусов, какие встречаются повсюду в аэропортах. Да, люди здесь, похоже, внимательно следят за тем, откуда дует ветер!

Внутри здание оказалось куда более благоустроенно, чем можно было предположить снаружи. Что особенно важно, здесь работали кондиционеры. По всей видимости, это были рабочие помещения «Уайт Лэйбел», чья штаб-квартира находилась в нескольких милях отсюда. Однако по количеству защитных механизмов и по общей атмосфере было ясно: здесь работают уже не с программами и моделями, а с чем-то в высшей

степени реальным.

Гостей провели в аппаратную, отгороженную от обширного складского помещения стеной окон с необычайно толстыми стеклами. Несмотря на стекла, каждому выдали респиратор, полностью скрывающий лицо, и проинструктировали, как его надеть, если (или когда) прозвучит определенный сигнал. Недавний разговор о серной кислоте в легких не оставлял простора воображению, так что слушали все очень внимательно. Тем временем по другую сторону стекла рабочие в белых защитных костюмах и респираторах трудились над какой-то конструкцией, на взгляд свежего человека состоящей исключительно из труб. На конце, ближайшем к открытой двери, в сущности, уже за пределами здания, располагалось устройство, по-видимому, в этой системе главное: над ним колдовал жрец в таком же белом скафандре. Но и это на вид была просто труба — труба на подставке, выставленная и нацеленная наружу.

— Ваше величество, — заговорил Т. Р., — вы здесь должны больше всех присутствующих — может быть, за исключением достопочтенного лорд-мэра — знать о ракете «Фау-1».

— А как же! — вдруг радостно воскликнул Боб. — «Нацистская перделка»! Дед о них много

рассказывал. Однажды в Кенте он такую видел и слышал: пролетела прямо над ним!

Название «Фау-1» было Саскии так же хорошо знакомо, как Бобу; она ответила не сразу, поскольку была приучена серьезно думать и тщательно подбирать слова всякий раз, когда речь заходила о Второй мировой войне.

— Супероружие Гитлера, один из его амбициозных проектов. Несколько таких ракет нацисты запустили из моей страны. У них был особый принцип движения, что-то вроде примитивного реактивного двигателя.

— Пульсирующий воздушно-реактивный двигатель, так это называется, — подхватил Т. Р. — Именно из-за пульсации эти ракеты прозвали «перделками». Неописуемо ужасная конструкция… для всего, кроме наших прямых целей.

Техники в аппаратной отдавали какие-то распоряжения рабочим по другую сторону стекла. Те открывали клапаны и проверяли датчики. По сигналу все они покинули помещение. Началась сложная и очень хорошо организованная процедура, по эмоциональному накалу напоминающая обратный отсчет перед стартом ракеты. Однако тянулась она несколько минут. Чтобы не терять время зря, Т. Р. подошел к стеклу и принялся

подсвечивать лазерной указкой детали, которые без этого остались бы незамеченными в переплетении труб и кабелей. Прежде всего он указал на обычное пятигаллоновое пластмассовое ведро, стоящее на полу и наполовину полное серы.

— Наша высокотехнологичная модель транспортировки элемента S. Полностью на человеческой тяге, — объявил Т. Р. с совершенно серьезным лицом.

Саския уже начала понимать, что эта клоунада — неотъемлемая черта его характера.

Рядом с ведром стояла стремянка на колесиках, сейчас расположенная так, что по ней можно было забраться на платформу на высоте человеческого роста. Там имелась вертикальная прозрачная труба, длиной в руку и шириной в ладонь, заполненная серой почти доверху. Сверху она была открыта, должно быть, чтобы подсыпать туда серу из ведра. Нижний конец уходил в трубу пошире, сделанную из нержавеющей стали.

— Топливный бак, — пояснил Т. Р.

Дальше стало сложно следить за объяснениями: огонек указки Т. Р. двигался вдоль трубы — или, по крайней мере, там, где можно было предположить существование трубы, — уку-

танной в трубчатое покрывало изоляции и снабженной предостерегающей надписью: «S (ЖИДКАЯ ФОРМА) ОСТОРОЖНО, ГОРЯЧО!» Она подсоединялась к большой трубе, выходящей за дверь.

— Подача горючего, — объяснил Т. Р. — Прямо сейчас жидкая сера течет по трубам… течет… — Огонек указки завершил свой путь на устройстве в конце большой трубы. — Прямо в камеру сгорания!

В этот миг толстые стекла содрогнулись. Несколько мощных ударов, один за другим, отдались у зрителей в ушах и сотрясли их тела; при каждом толчке из трубы, направленной на Техас, вырывались языки пламени и клубы дыма. После нескольких фальстартов толчки приобрели четкий ритм. Теперь труба походила на толстый пулемет, стреляющий и плюющийся дульным пламенем. Даже сквозь стекло мощь и громкость производила впечатление. А на расстоянии нескольких миль, должно быть, этот звук в самом деле мог напоминать продолжительный пердеж.

Испытание длилось не больше пятнадцати секунд; затем началась процедура отключения устройства, столь же, а быть может, даже более сложная, чем процедура его запуска.

— Надолго мы ее не запускаем, — почти застенчиво объяснил Т. Р. — Если соседи настучат в Управление по охране окружающей среды, у нас будут неприятности.

— Уверен, в таком месте можно выйти сухим из воды, даже если кого-нибудь убьешь! — заметил Микьель.

— И такое случается, — философски заметил Т. Р.

— Давайте, так сказать, соединим отдельные точки, — заговорил Сильвестр. — Итак, ваши инженеры — те, кого вы переманили из космического центра, — изобрели двигатель…

— По всем мировым стандартам самый «грязный» двигатель в мире! — поспешил пояснить Т. Р.

— …в котором в качестве топлива используется расплавленная сера.

— Именно.

— А выхлоп состоит из сернистого газа.

— Само собой.

— Любопытно! И что дальше?

— Дальше — новые точки. И новые связи между ними. Для начала прокатимся на паровозике!

Территория, хоть и небольшая по стандартам нефтеочистительных заводов, была достаточно

велика, и им снова пришлось сесть в автобус. Огромная башня серы и «перделка» остались позади. Попетляв между каких-то зданий, автобус проехал вдоль ряда кранов и конвейеров, использующихся для погрузки и разгрузки поездов. Дальше они очутились в открытом логистическом депо. Через него проходили несколько параллельных железнодорожных путей, соединяющих пристань с каким-то пунктом на суше. Со стороны суши все они объединялись в один путь. Иными словами, среди всего прочего здесь находился маневровый парк, позволяющий соединять и рассоединять вагоны. Сами вагоны, стоящие на ближайших путях, были, как и следовало ожидать, товарными: в основном контейнеры на платформах, несколько открытых вагонов, крытых брезентом, — видимо, с серой. Трясясь и подпрыгивая на неровной почве, автобус проехал позади них, и посетителям открылись дополнительные пути.

— Прежде чем вы увидите то, что сейчас увидите, и мы на пару часов расстанемся, — заговорил Т. Р., — хочу пояснить: поезда меня не интересуют. Плевал я на них. Хватать вас за пуговицы и выносить мозг болтовней о поездах точно не стану. Не такой я человек. А вот один мой ста-

рый приятель — как раз такой. Долгая история, в общем, тысячу лет друг друга знаем, денег у него куры не клюют, и он помешан на поездах. Он их коллекционирует, прикиньте? Покупает, чинит, ставит у себя на территории. Или одалживает мне. Говорит, им полезно быть на ходу. «Упражняться», так он говорит. Иначе что-то там ржавеет, или… короче, *voilà*! Прошу!

На одном из параллельных путей, полностью скрытые от глаз цепочками товарных вагонов на соседних линиях, стояли друг за другом три пассажирских вагона того типа, какой Саския до сих встречала только в транспортных музеях.

В Амстердаме на центральном вокзале есть особая комната ожидания, формально предназначенная для Саскии (или для иного действующего короля или королевы), но никогда не используемая, потому что ждать поезда в особом зале — абсолютно не *normaal*. Разве что короли времен Прекрасной эпохи освежались там в ожидании своего личного поезда. Вот этот личный поезд, если он когда-нибудь существовал, мог бы напоминать вагоны, на которые сейчас смотрели Саския и остальные. Своего рода викторианский эквивалент современных бизнес-джетов. Американская версия — не для коронованных особ,

а для бизнес-магнатов, что с шумом и громом носились туда-сюда по железным дорогам Позолоченного века[45], с семьями, детьми и слугами, курили сигары и отправляли телеграммы, пока за окном мелькал Канзас или Аппалачи.

И здесь, как и везде, присутствовала обслуга, аккуратная, подтянутая и вежливая, вооруженная наушниками. Каждого ВИП-гостя проводили в отдельное купе в одном из трех вагонов, предложили чувствовать себя как дома и осмотреться, напомнили, что вагоны могут тронуться без предупреждения и в любой момент. Освежившись, Саския прошлась по всем трем вагонам — и, стыдно сказать, глазела беззастенчиво, словно помешанная на поездах туристка. У каждого вагона, очевидно, была долгая и интересная история. Косвенные свидетельства подсказывали, что один из них принадлежал когда-то пивному барону немецкого происхождения из Сент-Луиса. Второй был собственностью магната с западных гор, сколотившего состояние на топливе — в основном дереве, немного угле. Третий вагон был шикарнее прочих, но и первый хозяин его определялся сложнее. Возможно, какой-нибудь нью-йоркский

[45] Примечания: 45

Эпоха быстрого роста благосостояния и населения США после Гражданской войны, 1870–1880 годы.

финансист. Мысленно Саския дала им названия: Пивной вагон, Древесный и Денежный. Купе Саскии располагалось в дальнем конце Денежного вагона: оно состояло из спальни и смежной с ней ванной комнаты, укомплектованной чугунной ванной на львиных лапах. Мимо купе проходил узкий коридор. С другой стороны из больших окон открывался вид на левую сторону дороги.

Едва все гости сели, как вагоны в самом деле тронулись без предупреждения — и после этого уже ни разу надолго не останавливались. При движении их сильно качало взад-вперед. Будь Саския фанаткой поездов, она бы жадно ловила все детали. Цепочку из трех старинных пассажирских вагонов встроили в длинный поезд, большинство вагонов в котором предсказуемо были грузовыми. Соседние пути постепенно расчищались. За окном поплыл какой-то пейзаж. Вдалеке мелькнула серная гора. Но скоро поезд покинул порт и двинулся по районам индустриальной застройки. Дорога шла на запад вдоль Буффало-Байю, от Тринити-Бей (он остался позади) к центральному Хьюстону, а затем — на безбрежные просторы Техаса.

Посреди хьюстонского индустриального пояса, всего в нескольких минутах езды от серной горы,

поезд замедлил ход и на разъезде свернул на боковую ветку. Здесь их уже ждала цепочка из полудюжины обычных пассажирских вагонов «Амтрак» и вагона-ресторана. Здесь же стояли гурьбой автобусы и внедорожники, которые Саския последний раз видела в «Т. Р. Микс». Чтобы на них посмотреть, ей пришлось выйти из купе и перейти на правую сторону Денежного вагона. Возле путей и в окнах обычных вагонов она увидела знакомых — в том числе людей из ее команды.

Оставив позади все «амтраки», поезд сбавил скорость, остановился, а затем поехал задом, перешел на боковую ветку и состыковался с ними. Саския давно уже бросила притворяться, что ей неинтересно: она открыла окна с обеих сторон Денежного вагона и, высовывая голову то здесь, то там, следила за тем, что происходит. До сих пор Денежный вагон был в поезде последним. Ее купе — в самом конце. В еще одно, в передней части вагона, кажется, поселили лорд-мэра. Перед ним, в Древесном вагоне, ехали Сильвестр и Микьель, а первый, Пивной вагон служил временной резиденцией Т. Р., а также временным салуном, где, как легко догадаться, не было недостатка в пиве. От Пивного вагона и до самого локомотива

тянулись товарные вагоны: самосвалы с серой, контейнеры и одна цистерна.

Теперь же цепочка вагонов «Амтрак» состыковалась с задней стеной Денежного вагона, вплотную к купе Саскии. Коридор, идущий мимо ее спальни, заканчивался дверью — разумеется, из полированного дерева и с блестящей латунной ручкой — с окошком в ней, через которое Саския видела, как вагоны сближались и наконец сцепились с металлическим лязгом. На той стороне, в таком же окошке, показалось лицо Амелии. Разумеется, весь сегодняшний день они были на связи; однако и врожденные свойства характера, и благоприобретенные навыки Амелии не позволяли ей по-настоящему расслабиться, пока охраняемая персона была не рядом. Так что облегчение у нее на лице читалось даже сквозь два оконных стекла.

Установление всех нужных соединений между вагонами заняло еще несколько минут, затем поезд снова выехал на основную ветку и начал набирать скорость по направлению к центру Хьюстона. Двери открылись. Влетели Амелия и Фенна, за ними вошел носильщик с багажом Саскии. Виллем принял у него багаж и занес в купе, а Фенна принялась раскладывать на кро-

хотном туалетном столике в углу свои рабочие инструменты. Аластер и Руфус — странная парочка — тоже вошли и неловко болтались в коридоре, пока Саския не попросила их быть как дома и не пригласила устроиться в средней части Денежного вагона, где располагалась своего рода гостиная. Следом в вагон ввалилась толпа чуть не лопающихся от важности англичан — свита Боба. Появился официант и начал принимать заказы. Саския, извинившись, пошла к себе вздремнуть.

Когда она открыла глаза, яростное солнце уже покраснело и заметно остыло. Саския отдернула занавеску и долго любовалась холмистыми просторами Техаса, которые плоский красный свет заходящего солнца превратил в какой-то марсианский пейзаж.

Шандигар

Переезд из Амритсара в Шандигар Лакс воспринял как возможность чуть больше попутешествовать по Стране пяти рек. До сих пор он видел очень мало. Но теперь община — нет, *общество,* — частью которого он стал, просто прилепившись к нему, когда обедал чечевицей в лангаре и месил грязь в акхаре, — наконец приняло его и показало свою силу и доброту. Среди водителей-дальнобойщиков оказалось много сикхов. На любой заправке скажут, какой грузовик, автобус, может быть, даже мотоцикл скоро отправляется в ту сторону, куда тебе нужно. А если не очень скоро — в лангаре для тебя найдется бесплатный ужин и, может быть, кто-то подскажет, где переночевать. Стоило сколотить какой-то базовый капитал доверия, отрастить бороду, научиться правильно одеваться и бегло говорить — и вот просто благодаря тому, что он молодой человек и путешествует в одиночку, у него появилась возможность объехать весь Пенджаб если не быстро, то, по крайней мере, дешево. Можно сказать даже, чем меньше он тратил, тем

легче все удавалось: люди с куда большей охотой помогали усталому запыленному путнику, чем канадскому туристу с толстым кошельком.

Лакс поставил себе целью посетить все пять рек, давших Пятиречью его имя, с севера на юг: Джелам, Ченаб, Рави, Беас и Сатледж. Все они впадали в великую Инд, подарившую имя Индии.

Не то чтобы Лакс чувствовал себя обязанным не пропустить ни одной реки. Это не было ритуальным паломничеством или чем-то вроде того — скорее отвечало его внутреннему чувству… чувству завершенности, что ли. Побывав на берегах всех пяти рек, он сможет сказать, что по-настоящему увидел Пенджаб.

Амритсар располагается ровно посередине между Рави и Беасом, так что их не составляло труда навестить за день. Для начала он отправился на западный берег Беаса, туда, где Александр Великий, оставив всякую надежду присоединить Пятиречье к своей империи, приказал усталым и разочарованным войскам поворачивать назад, в Македонию.

Часть русла Рави совпадает с индийско-пакистанской границей, разрезавшей Пенджаб пополам — политическая хирургия, принесшая населению немало бед и косвенно объясняющая,

почему семья Лакса владела сетью бензоколонок в Канаде. С самого рокового 1947 года река демонстрировала вопиющее презрение к линии разграничения, торжественно прочерченной на картах, и с каждым весенним разливом уходила то в одну, то в другую сторону от привычного русла. Выбрав ее излучину, загнутую в сторону Индии, Лакс смог посетить Рави, побродить в ее водах, оценить привычки местной рыбы, не возясь с документами для пересечения пакистанской границы. Для его народа земля, лежащая по ту сторону, оставалась Западным Пенджабом. Хотел бы он побывать и там! Но Лакс уже просрочил свою шестимесячную туристическую визу. В Индии он находился нелегально. Перебраться в Пакистан еще удалось бы, вернуться назад — уже вряд ли. А застревать в Пакистане не входило в его планы.

Ченаб и Джелам в своем среднем течении протекали через Пакистан. Однако дальше на север, ближе к истокам, до них можно было добраться в Кашмире. На этом отрезке пути Лакс впервые после приезда в Индию увидел горы.

Тут он вдруг понял, как по ним скучал. В Канаде горы обрываются прямо в океан; их видно отовсюду. Ночью в Ванкувере, высоко над ярко

освещенными улицами, видишь их смутные силуэты. Не раз он поднимался в горы с друзьями, катался по склонам на сноуборде — и в местных пейзажах ему не хватало этого третьего измерения.

Он едва не попал в беду, когда на обратном пути наткнулся на блокпост, где индийская полиция проверяла у проезжающих документы. Связано это было все с тем же спором о границе между Индией и Пакистаном. Тут Лаксу пришлось выскочить из грузовика, который его подвозил, — без малейшей опасности для жизни: грузовик все равно стоял в пятикилометровой пробке, и водитель заглушил мотор — и пешком вернуться назад. В конце концов он доехал автостопом до соседней провинции Химачал-Прадеш, а оттуда добрался до Восточного Пенджаба, просто перейдя границу пешком в гористой местности, где не было блокпостов, потому что и дорог не было. Здесь он впервые встретился с индийской дикой природой, которая — как ни банально прозвучит — и вправду оказалась совершенно дикой. Ни единой живой души. Только горы и небо, деревья и птицы. Наконец он выбрался на дорогу и вернулся на равнину, чувствуя себя так, словно прикоснулся к какой-то древней тайне. И в самом

деле, ведь именно в этих краях вожди сикхов в далекие времена месяцами и годами скрывались от своих врагов и оттачивали боевое искусство.

Сатледж, напротив, петлял по плоской равнине — по самой что ни на есть «житнице Индии», далеко не такой впечатляющей, как Кашмир… пока не задумаешься о том, сколько всего растет на зеленых полях, омываемых этой рекой. Тогда понимаешь: эта однообразная на вид местность ничем не скучнее гор, только по-своему. Очевидно, именно так считали многие и многие на протяжении былых столетий — поэтому окрестности Фероспура, где побывал Лакс, усеяны памятниками давних войн.

Его путешествие окончилось в Шандигаре — месте, совсем непохожем на Амритсар. Оба — города с населением более чем в миллион душ, однако на этом сходство и заканчивается. Шандигар — новый город, выстроенный по плану согласно указу правительства уже после 1947 года; Амритсар же так стар, что местные жители вполне искренне с виду уверяют, что он основан богами. В Шандигаре немало сикхов, но индуистов там проживает в шесть раз больше.

Впрочем, в повседневной жизни Лакса эта статистика не играла особой роли. Он нашел

себе съемную комнату и гурдвару: то и другое — так близко от новой акхары, что добежать туда пешком было проще, чем добираться на транспорте. Как и все вокруг, *акхара* действительно была *новой*. Здесь занимались на тренажерах и боролись на пенопластовых матах. Была даже душевая. Имелись и джори, и гада — для тех, кто предпочитал олдскул. В соседнем спорткомплексе, заложенном в план города его щедрыми основателями, были зеленые лужайки для тренировок на открытом воздухе. Миссия этой акхары тоже выглядела немного иначе: здесь, похоже, сознательно стремились воспитывать молодежь в духе верности традициям — а борцы из акхары в Амритсаре ни о чем таком не думали, просто делали то, что делалось здесь испокон веков. Там, в Амритсаре, не было никаких «миссий». Туда люди просто приходили — или не приходили. А сюда родители присылали детей. Нередко привозили по прямым современным улицам Шандигара на автомобилях, с заботливой мамочкой или даже с платным шофером за рулем. Здешняя акхара «предоставляла услуги». Не в смысле какого-то шарлатанства или развода на деньги — вовсе нет! Все абсолютно чисто, абсолютно искренне. Просто чуть по-другому.

Так или иначе, здесь тоже не понимали, что делать с Лаксом. Не помогало и то, что он, откровенно говоря, занимался не совсем чистой гаткой. Дело в том, что искусство обращения с древнейшим и самым распространенным оружием, именуемым палкой, с незапамятных времен зачаровывало не одних лишь жителей Пенджаба. Лакс, выросший в Ричмонде, имел доступ к филиппинским и малайзийским школам боевых искусств — и в Ванкувере, и через границу, в Сиэтле. Так что к традиционным движениям гатки, которыми владел очень хорошо, он примешивал чужеродные элементы. Улучшал ее — или портил, смотря с какой стороны посмотреть. Делал то, что в пенджабской акхаре казалось непостижимым или просто неверным.

Движения классической гатки легки и изящны. Воин вертится и подпрыгивает так, что жители Запада порой ошибочно принимают это искусство за боевой танец, артистическое представление, давным-давно оторвавшееся от практики боя. На самом деле эти движения имеют прямой практический смысл, когда сражаешься, стоя на неровной земле, окруженный врагами со всех сторон, — ситуация, с которой сикхи на протяжении своей истории сталкивались по-

стоянно. Не только македонцы Александра, но и персы, афганцы, патаны, балуджи, моголы, гуркхи, раджпуты, мараты и британцы — все они пытались завладеть пенджабской Житницей. Список пыток и казней, которым подвергали пленников, долог и отличается невероятной изобретательностью. Так что здесь имел смысл принцип, который во многих боевых искусствах осуждается: постоянно двигайся — и не забывай о том, что у тебя за спиной.

Пока все стройно и логично. Но Лакс добавлял к этой системе дополнительные приемы, направленные на нанесение мощных ударов без большой амплитуды движений и крутых поворотов. Быть может, более подходящие не для свалки, где отбиваешься от пятерых сразу, а для боя один на один. Приемы, позволяющие бойцу любого роста и веса увеличить возможности, данные ему природой. Но, используя эти приемы на тренировках в Амритсаре, Лакс замечал на лицах у «старших» особое выражение, которому в то время очень радовался, и лишь задним числом понял: именно в это время они придумывали, как бы выставить из своей акхары этого чокнутого заокеанского верзилу.

Новая акхара работала по закону. Имела юр-

лицо и логотип. Из-за истории с визой они не могли нанять Лакса к себе — да он и сам не хотел здесь зарабатывать, по этическим соображениям. Даже разгружая мешки с картошкой в лангаре, он отнимает эту работу у тех, кто гораздо больше в ней нуждается. Что уж говорить о ситуации, когда, легально устроившись и начав получать зарплату, подставит под удар своих нанимателей! Браслет у Лакса на запястье служил постоянным напоминанием: он не должен творить зла — ни своей мощной правой рукой, ни, если уж на то пошло, любыми другими частями тела. Дядя Дхармендер однажды — на случай, если Лакс сам не сообразил, — прямо ему сказал, что к члену это тоже относится. Так что в Индии Лакс хранил целомудрие: и из-за того памятного разговора (состоявшегося, пока дядя Дхармендер менял тормозные колодки у «субару»), и потому, что связь с местной девушкой грозила непредсказуемыми — и по большей части дурными — последствиями.

Так что Лаксу позволяли проводить в акхаре целые дни, работать там — но все же он оставался здесь чужим всем, кроме Ранджита, «старого мастера» (ему было лет пятьдесят пять), который согласился его учить. Они вдвоем уходили в соседний спорткомплекс, выбирали какую-нибудь

неприметную лужайку подальше от посторонних глаз и тренировались там.

Вроде бы ничего предосудительного в этом не было, но все же разочаровывало — особенно когда пару недель спустя Ранджит объявил, что не знает каких-то особенных приемов, которые превратили бы Лакса в великого мастера. В сущности, таких приемов вообще нет.

— Это как с бегом, — сказал он. — Можно выучить пару трюков, которые помогут бежать быстрее. Но главное, что тебе нужно, — просто тренироваться, бегать и бегать, изо дня в день.

Дальше Ранджит сказал: Лакс знает уже достаточно, чтобы, вернувшись домой, открыть в Ричмонде или в любом другом месте, где есть значительная сикхская диаспора, школу боевых искусств и этим зарабатывать на жизнь. Этого он хотел? Ради этого проделал весь этот путь? Что ж, дело сделано.

Откровенно говоря, такая мысль не приходила Лаксу в голову, и ему требовалось об этом подумать. Но, должно быть, по его лицу Ранджит уже понял: школа боевых искусств в Канаде — не то, о чем он грезит по ночам.

Ранджит это понял, и на лице его проступила та особая задумчивость, с которой Лакс, кажется,

уже пару раз сталкивался в Амритсаре. Он догадался, о чем думает инструктор.

Лакс родился в Канаде, но покинул тучный Ванкувер и вернулся в Пенджаб, чтобы прикоснуться к своим корням. Хорошо, допустим. Просрочил визу. Неприятно, но можно списать на юношеский энтузиазм. А теперь отказывается возвратиться домой с победой и начать успешную карьеру. Так что же ему нужно, этому гостю из-за океана?

Несколько десятков лет назад в Ванкувере действовала ячейка сикхских сепаратистов, мечтавших освободить Восточный и Западный Пенджаб из-под власти Индии и Пакистана и объединить в единое независимое государство под названием Халистан. Задолго до рождения Лакса они собрали в лесу за городом часовую бомбу, а потом взорвали «Боинг-747» с пассажирами на борту. После этого группировка канула в безвестность: ее поддержка в общине (если она вообще была) истощилась, антитеррористические службы Индии и многих других стран гнались за ней по пятам. Русские подбросили индийскому правительству дезинформацию и сумели убедить, что террористов поддерживает Пакистан и ЦРУ… Словом, времена были недобрые.

В наши дни такого рода экстремизм почти угас. Слишком ясно было, что на этом пути не достичь успеха. Лакс вспомнил один разговор с дядей Дхармендером, в задней комнате автозаправки в Камлупсе, где дядя объяснил ему геополитические расклады на пальцах — точнее, на шахматной доске и банках машинного масла.

— Вот это мы, — говорил дядя Дхармендер, вытащив из коробки шахматную фигуру — это оказался белый слон — и поставив на середину доски. Рядом с ней он шлепнул кварту «10W-40». — А это Индия. Вторая по численности страна в мире. С ракетами и ядерными бомбами. — С другой стороны грохнул о доску галлоном антифриза. — Китай. Первый по численности. С водородными бомбами. — Еще одна банка масла: теперь злосчастный слон оказался в центре равнобедренного треугольника. — Это сам знаешь кто. Пятые по численности. Плутониевые бомбы и шизики у руля. — Он поднял глаза на Лакса. — И как тебе кажется, какое будущее ждет… — тут он поднял слона и повертел им у Лакса перед глазами, — так называемое независимое государство сикхов в такой компании?

Нет, что-что, а сепаратистских фантазий Лакс точно не питал! Но Ранджита это беспокоило, и

не без оснований. Судя по всему, что он знал, Лакс вполне мог оказаться сепаратистом. Возможно, эмиссаром какой-нибудь новой радикальной группировки, о которой пока никто не слышал. Или еще хуже (и еще вероятнее): агентом спецслужб, проверяющим сикхскую общину — не поддерживают ли они таких радикалов? Так что Лаксу следовало объясниться, и побыстрее. Вот почему он выпалил нечто такое, о чем прежде, честно говоря, не думал вовсе — и лишь теперь, произнеся вслух, понял, что сказал правду:

— Если честно, Ранджит, в будущем я хотел бы пойти в армию и поставить все, что умею, на службу своей стране. — И, чтобы избежать сомнений, добавил: — Канаде.

Ранджит кивнул.

— Тем, кто позволяет тебе носить «пять К»[46]. — Он имел в виду браслет, тюрбан и другие религиозные символы, обязательные для благочестивого сикха.

— Да. Я думал подать на индийское гражданство, но…

Ранджит уже качал головой. Оба они знали, что

---

[46] Примечания: 46

В «пять К» входят: кеш, канга, кара, качера и кирпан — длинные волосы, деревянный гребень, стальной браслет, хлопковое нижнее белье на завязках и кинжал.

двойное гражданство в Индии запрещено. Чтобы стать индийским гражданином, ему придется сдать канадский паспорт.

— Если твоя цель — стать святым-воином и служить с честью, защищая страну, где живет множество наших братьев и сестер, — сказал Ранджит, — делай это в Канаде.

Говорил он с уважением, и лексикой, и интонацией демонстрируя, что Лакс сделал достойный выбор. Тем не менее Лакс опять уловил тот же сигнал, вежливый, но твердый: «Не оставайся здесь, нам будет спокойнее, если ты окажешься подальше».

Он кивнул, — и это, кажется, развеяло последние опасения Ранджита.

— Я восхищаюсь твоим решением, — сказал он. — Уверен, ты будешь служить с честью, и мы сможем тобой гордиться. Скажи, чем я могу помочь тебе в достижении этой благородной цели?

Дальше начался серьезный разговор.

Если Лакс действительно хочет научиться сражаться на шестах лучше, чем сейчас, единственный способ — участвовать в поединках и оттачивать свое мастерство в чем-то похожем на настоящий бой. Там, где за неверное движение платишь не выговором от учителя или легким

ударом по костяшкам, а сломанным пальцем. До некоторой степени это можно найти в спортивной гатке, где бойцы в современном защитном обмундировании соревнуются на полированном полу в спортзале под крики и свистки судей. Ничего плохого в этом нет. Наоборот — несколько побед, быть может, один-два приза укрепят его репутацию.

Но Лакса репутация не интересует. А к реальному бою спортивная гатка имеет такое же отношение, как олимпийское фехтование — к средневековому поединку на мечах.

Лакс ждал, что сейчас «упадет второй ботинок» — что Ранджит придвинется к нему поближе и таинственным полушепотом поведает о существовании тайного общества любителей «гатки по-взрослому», устраивающих подпольные бои насмерть. Но, как оказалось, зря он принимал всерьез второсортные боевики.

Вместо этого Ранджит сказал:

— В наше время полноконтактной гаткой почти никто не занимается. А те, кто ее практикует — по крайней мере, хвастаются этим, — вряд ли станут бороться с тобой, побоятся за свою жизнь. Видишь ли, если бы я и знал людей, которые этим занимаются, не стал бы посылать тебя к ним. Это

просто непорядочно. Наоборот, я бы посоветовал тебе их избегать. — Здесь Ранджит вздохнул и покачал головой. — Нет, в Пенджабе ты не найдешь того, что ищешь. Во всяком случае, очень на это надеюсь! Единственные на тысячу миль вокруг, кто занимается чем-то подобным, — *эти чокнутые.*

Последние два слова он произнес по-английски. А потом кивнул. Большой оранжевый тюрбан на голове придал простому кивку особую значимость и весомость.

Лакс посмотрел в ту сторону, куда кивнул его учитель, — и что там увидел?

> Искусственную площадку, на которой несколько мальчишек играли в крикет. Явно не те «чокнутые», о которых говорил Ранджит.

> За ними – улица, запруженная машинами и автобусами, в типично индийском стиле. Тоже ничего особенного. Никаких аварий, столкновений – и уж точно никто не дерется на шестах.

> По другую сторону улицы – типичный для индийского города квартал пятиэтажек. Вдалеке – более современные

высотные дома. Чем дальше, тем больше они растворяются в легкой коричневатой дымке, не рассеивающейся даже в самые ясные дни.

Сегодняшний день был необычно ясным, так что сквозь пелену смога Лакс вдруг заметил — и, заметив, уже не смог от них оторваться — очертания белоснежных гор. В дальней дали, на страшной высоте, выступали они из смога, словно чистые белые зубы из запачканных табаком десен. Самые высокие из канадских Скалистых гор в сравнении с ними показались бы карликами.

— На кой черт мне сдались Гималаи? — обалдел Лакс.

Обычно он не ругался. Но и ехать в Гималаи ему обычно не предлагали. Горы великолепные — но это же не Пенджаб!

Ранджит, казалось, был удивлен, что Лакс не понял его сразу.

— Тебе, — сказал он, — стоит побольше узнать о том, что происходит на Линии Фактического Контроля. — И добавил, торопливо и совсем другим тоном: — Только своим близким не рассказывай, кто тебя туда направил.

Западный Техас

Аластер и Руфус заняли столики по обеим сторонам центрального помещения Денежного вагона и убивали время, глазея в окна. Аластер выпивал и, кажется, пребывал в более дружелюбном настроении. Саския подсела к нему.

— Быть может, прозвучит странно, — проговорил Аластер, сосредоточенно глядя в свой стакан «лафройга»[47], — но меня поражает, насколько дешево все это обошлось.

— В самом деле, Аластер, — заметила Саския, — звучит очень странно.

— Вы видели эту гору серы?

— И видела, и трогала, и даже смотрела, как она горит. Не вся гора, конечно, а ее толика. А как вы узнали?

Аластер удивленно поднял брови:

— Ее видно из космоса.

Саския рассмеялась:

— Подумаешь! В наше время из космоса можно хоть номер машины рассмотреть.

— И не только. Мимо проплывают туристиче-

---

[47] Примечания: 47
Сорт шотландского виски.

ские теплоходы, так что туристы могут делать селфи.

— И что с того?

— А можете предположить, сколько все это стоит?

— Либо на удивление большая цифра, либо на удивление маленькая. Не хочу гадать — скажите сами.

— Пятнадцать миллионов долларов.

— И все?!

— И все.

— За пятнадцать миллионов долларов можно купить столько серы? — воскликнула Саския, борясь с абсурдным желанием сбегать прикупить собственную серную пирамиду.

— Мало того. В последнюю пару лет стоимость серы на сырьевых рынках пошла вверх. Очень может статься, что, просто владея этой серной горой, Т. Р. заработал больше, чем мог бы, вложив те же деньги в индексный фонд.

— Иными словами, ему это обходится даром!

— Гора серы находится на земле, полученной им в наследство. Ее цена также со временем растет. На ночь он разместил нас в собственном отеле. Сегодня мы ели барбекю на его автозаправке, в его ресторане. Сейчас сидим в роскошном

вагоне, который он одолжил у знакомого, и передвигаемся по Техасу самым дешевым из возможных способов: в товарном составе!

— Допустим. Но, согласитесь, все это потрясающе организовано и работа персонала выше всяких похвал!

— Да, в этом пункте расходы были серьезные, — кивнул Аластер. — Разумеется, почти никто из этих людей не работает на Т. Р. Он нанял фирму по организации мероприятий, и очень хорошую.

Саския взглянула дальше по ходу вагона. В дальнем его конце занял несколько столиков Боб со своей командой. Официант принимал заказы, его помощник наливал воду в графин. Неподалеку стоял мужчина — очевидно, охранник: не смотрел в окно, не рылся в телефоне, просто стоял. Симпатичная женщина лет тридцати болтала с Амелией и Фенной: взяв на себя задачи гида, рассказывала им историю этого вагона, показывала старые фотографии. Ну да, разумеется. Было бы просто безумием держать всех этих людей при себе на постоянной основе. Разумеется, Т. Р. нанял их на разовую работу.

— Так что вы хотите сказать, Аластер? Что это все дым и пыль в глаза?

— О нет, напротив, — отозвался он. — Серная

гора абсолютно реальна. И то устройство, что он вам показывал…

— Экспериментальный двигатель, работающий на сере.

— Как видите, и дым вполне реален, — усмехнулся он.

— Точнее, сернистый газ.

— Я хочу сказать, что этот Т. Р. — ушлый парень. — Слово «ушлый» он произнес с интонацией настоящего шотландца. — Тратит деньги только там, где без этого не обойтись. Вот и все.

— Что ж, звучит как одобрение.

Он поморщился.

— Проекта в целом? Может быть, и нет. *Пока* нет. Но организация этого мероприятия демонстрирует куда больше ума и сообразительности, чем я ожидал, когда впервые услышал от ваших людей об этом проекте и посмотрел на «Ютубе» гору старых роликов Т. Р. Мак-Хулигана.

Руфус сидел от них через проход, скрестив руки на груди и глядя в окно. Раз или два Аластер взглядывал на него, словно приглашая присоединиться к разговору; Руфус этого как будто не замечал. Но вот он слегка повернулся в их сторону — как видно, был готов поговорить.

— Земля ваших предков? — поинтересовался

Аластер.

— М-м-м?

— Я скачал пару книг о команчах, — признался Аластер.

Руфус покрутил головой.

— Те еще ублюдки, верно?

Аластер немного расслабился. В книгах о команчах немало страниц было посвящено изощренным методам казней и пыток пленников, и Аластер опасался, что для Руфуса тема его предков может оказаться чувствительной.

— Мягко сказано! — с облегчением согласился он. — Так или иначе, судя по картам, мы проезжаем сейчас южную часть земли команчей, верно?

Руфус взглянул на него.

— Здесь везде земля команчей.

— Да, скорее всего, — признал Аластер; уверенность его явно поблекла. — Уэйко, Бразос…

— Нет, в широком смысле.

Аластер обменялся с Саскией недоуменным взглядом и попросил:

— Тогда объясните.

До того Руфус потирал щетину на подбородке большим и указательным пальцами, словно разминал челюсть, готовясь произнести речь. Теперь взмахнул рукой, указывая в дальний

конец вагона.

— Вон тот парень из наших, — сообщил он.

Аластер со своего места смотрел прямо на «команча», а вот Саскии пришлось обернуться. Единственный человек, к которому могли относиться слова Руфуса, был охранник в начале вагона. Длинные русые волосы, собранные в хвост, рыжеватая борода. Глаза — скорее всего, голубые — спрятаны за темными очками. Одет в то, что у таких людей сходит за униформу: мешковатая безрукавка поверх мешковатых штанов, заправленных в высокие шнурованные ботинки. Без винтовки за плечами такой тип выглядит голым. Он как будто вышел прямиком из американского спецназа в Афганистане, году этак в 2002-м.

— Похож скорее на шотландца, — сухо заметил Аластер.

— Почитали бы те свои книги, узнали бы, что команчи — это не про кровное родство, — ответил Руфус.

— В самом деле, — ответил Аластер, — они… э-э… активно вербовали себе последователей.

— А что им оставалось, когда начали вымирать? — отозвался Руфус.

Саския с любопытством смотрела то на одного,

то на другого.

— Это эвфемизм, — пояснил Аластер. — В рейдах они захватывали пленных. Большинство из них… — Тут он умолк и бросил неуверенный взгляд на Руфуса.

— Большинство убивали. Это можно говорить вслух, — ответил Руфус. — Но детей такого возраста, как мой прапрадед — его захватили в восемь лет, — оставляли в живых и принимали в племя. Так и появились белые команчи, черные команчи, мексиканские и какие угодно еще. Все, что от них требовалось, — начать мыслить как команчи. — И он приставил палец ко лбу.

Аластер снова покосился на «спецназовца» в начале вагона, и Руфус это заметил.

— Хотите узнать, как такие парни оказались в армии? — спросил он. — Ну, для этого надо заглянуть в эпоху до Гражданской, в молодость Техаса. Во времена Аламо. Времена Моби Дика. Регулярной армии справиться с команчами не удалось. Тогда в дело вступили техасские рейнджеры. Большая часть из них погибла. Старина Дарвин взял свое. А те, что выжили, — выжили только потому, что жили и сражались *в точности как команчи.* Это был единственный способ. Чтобы победить команчей, они сами стали команчами.

Позже, когда рейнджеры воевали разведчиками в Мексиканской войне, армейские прозвали их белыми дикарями. Никакой формы, никакой дисциплины, длинные волосы и бороды, оружие — какое придется, тактика тоже… необычная.

— Ясно, — сказал Аластер. — Но как же в итоге…

— …парни вроде него оказались в Афганистане? — подхватил Руфус. — Как сделались героями, про которых снимают кино? Поймите правильно: нынешние техасские рейнджеры чисто выбриты, опрятны и безупречно вежливы. Но *образ* прежнего рейнджера, старой закалки, бородатого и с ножом за голенищем, что бродит по пустыне, ест змей и нападает, появляясь из ниоткуда… он выжил, этот образ. И распространился по всей стране — далеко за пределами Техаса. Всякий раз, как видите какого-нибудь белого позера на «рейндж ровере» в темных очках и с двадцатью пятью разными стволами, знайте: та самая идея не дает ему покоя. Он хочет почувствовать себя рейнджером. А быть рейнджером — значит быть команчем. Так-то. Вот ответ на ваш вопрос, Аластер. Мы проезжаем сейчас через южную часть Команчерии. Но видим ее по-разному. Для вас Команчерия — это территория на

стыке Техаса, Оклахомы и Нью-Мексико с долгой и кровавой историей. А для меня Команчерия — это все Соединенные Штаты. Тогда — и сейчас.

— Хотите сказать, дух команчей жив? — спросила Саския.

— Не то слово! И распространяется, как эпидемия.

— Даже сейчас?

— И сейчас. Везде, где приносит успех. По крайней мере, везде, где люди верят, что он принесет успех. Знаете, молодежь такое любит. Стволы, насилие, приключения. «Проверенный способ развеять тоску и наладить кровообращение»[48]. Но в регулярной армии не обойтись без дисциплины, а дисциплина молодежи совсем не по душе. То ли дело команчи! Они взяли лучшее из обоих миров. Стволы, насилие, приключения, слава — и никаких командиров над душой. Здесь, — Руфус махнул рукой в сторону окна, — на огромной и дикой территории, у них все получалось. Но… — Тут он перевел взгляд на вагон. — Жизнь команчей не может дать вот этого. — Он взял со стола серебряную вилку. — Например, изготовить металлическую вилку

---

[48] Примечания: 48
Цитата из романа «Моби Дик» Германа Мелвилла.

команч не сможет и ради спасения собственной жизни. — И он бросил вилку обратно на стол. — А чтобы все это заполучить, надо оставить жизнь команчей. И, поскольку образ жизни был для команчей всем — не кровь, не родство, а только общий взгляд на мир, одинаковый образ жизни держал их вместе, — потеряв его, они начали растворяться.

Аластер перевел взгляд на рыжебородого «команча» в дальнем конце вагона.

— И сделались Америкой?

— По-моему, так все и было, — продолжил Руфус уже не так уверенно. — Если точнее, Америка — это не только команчи. Это команчи плюс чероки. Всадники с равнин и земледельцы, растившие кукурузу на берегах Миссисипи.

Саския и Аластер переглянулись через стол; по взглядам было понятно, что оба потеряли нить. Руфус улыбнулся одними глазами.

— Сейчас мы говорим «красные штаты» и «синие штаты»[49]. Но это то же самое. Чероки, чикасо и прочие, Пять цивилизованных племен, задолго

---

[49] Примечания: 49

Штаты США, традиционно голосующие за республиканцев («красные») и за демократов («синие»). К «синим штатам» относится преимущественно Восточное и Западное побережье, а также индустриальный пояс в районе Великих озер, к «красным» — американская глубинка, Библейский пояс, Техас и Луизиана.

до того, как здесь появились белые, завезли из Мексики кукурузу — здесь ее называли маисом — и начали возделывать землю. Но на Западе — начиная с… да примерно с того меридиана, где мы сейчас, — кукуруза не растет. Только трава. Люди не умеют есть траву. Зато бизоны умеют. А люди могут есть бизонов. Тяжело им тут приходилось, пока испанцы не завезли лошадей. С лошадьми-то дело пошло совсем иначе! Вот так и появились команчи. Менталитет совсем не такой, как у Пяти племен. Они всегда враждовали. То, что теперь называется Оклахомой, было расколото пополам. На востоке Пять племен собирали свою кукурузу. На западе скакали по прериям команчи и кайовы, нападали на государства Пяти племен, уводили у них лошадей и рабов.

Руфус уже рассказывал Саскии о том, как его прапрадед Хопвелл попал в команчи, так что повторять эту историю не стал.

— Вот откуда это деление на красные и синие штаты.

До сих пор Саския предпочитала слушать и помалкивать, но теперь наклонилась вперед, и на лице ее отразился внезапный интерес.

— Руфус, а сами вы на чьей стороне? Когда я впервые вас увидела, вы стояли на взлетной

полосе и палили из калашникова по огромному хряку. Мне кажется, это помещает вас скорее на западную сторону от этого меридиана.

— Да я и сам себя часто об этом спрашиваю, — помолчав и как-то неуверенно взглянув на нее, ответил Руфус. — Решать-то мне, верно? Я побывал и там, и там. Обе стороны попробовал. Хотел осесть, растить кукурузу, завести семью — и вот куда это меня привело. Потом все бросил и стал гоняться за своим Моби Диком. Но Таштего и Дэггу в конце умирают. А я не умер. Куда же теперь податься? Не знаю. Может, вы подскажете?

— Вряд ли я могу давать вам советы, — начала Саския, — но очевидно, что вы человек очень умный, энергичный, с такими навыками…

— Тут речь не об энергии и навыках, — ответил Руфус. — Дело в другом. Надо найти место, где ты как дома. А где старина Руфус будет как дома? Немного найдется таких мест.

Саския подумала, что одно такое местечко знает; но заговаривать об этом было не время, так что она скромно скрестила ноги под столом и отвела глаза.

Из соседнего вагона показался Микьель: просунул голову в дверь и, заметив Саскию, вопросительно поднял брови. «Может, сейчас?» Она

улыбнулась и кивнула. Руфус, понимая, что разговор будет приватный, скрылся в купе, Аластер ушел следом. Проходя по вагону, Микьель листал сообщения в телефоне, а дойдя до Саскии, указал на место напротив, словно спрашивал: «Разрешите присесть?» Так, вежливо устроившись напротив, он заговорил:

— Я взял на себя смелость позвать сестру и тетушку. Через пару минут они будут здесь, чтобы выразить вам свое почтение.

— С нетерпением жду знакомства с ними, — ответила Саския. — Похоже, у вас это семейное дело.

Он обезоруживающе развел руками.

— Сами понимаете, мы ведь здесь сугубо неофициально. Официально у Венеции есть план перекрытия Залива на время штормов. Но мы в этом плане не участвуем.

— Вы о проекте MOSE?

Он кивнул.

— В настоящее время работа над проектом приостановлена, поскольку он, как выяснилось, нарушает европейское законодательство об охране птиц.

— Охране чего, простите?

— Птиц, — криво усмехнулся Микьель. — И,

откровенно сказать, это только одна из множества претензий. Кроме этого, конструкция ворот гавани, предлагаемая проектом MOSE, грозит нарушить экологическое равновесие на дне Залива. Пострадает популяция моллюсков на нескольких гектарах. И так далее. Всякий раз, как что-то такое обнаруживается, ЕС начинает процедуру по борьбе с нарушениями.

— Слышала об этой процедуре, — сухо заметила Саския.

Здесь требовалась осторожность в высказываниях. Микьель жаловался — и весьма обоснованно — на Европейский союз, его утомительно мелочные правила и бюрократические процедуры. Хватало евроскептиков и в Нидерландах, и в последнее время их голоса звучали все громче. Королеве следовало держаться осторожно, не высказываясь ни за Евросоюз, ни против.

— Некоторые утверждают, — продолжала она, — что это в самом деле не самый быстрый и не самый эффективный процесс. Но другие возражают, что подобные вещи необходимы для защиты… ну, хотя бы птиц.

Тут в разговор вступил новый голос — звонкий голос молодой женщины, появившейся из вагона «амтрак».

— А вы бывали в нашем Заливе? Там же от этих чертовых птиц не продохнуть!

— Моя сестра Кьяра, — представил ее Микьель.

— Пожалуйста, присоединяйтесь к нам! — пригласила Саския.

Кьяра села рядом с братом. На нее, как и на него, приятно было посмотреть: одна из тех семей, где все красавцы. Брат и сестра быстро и значительно переглянулись, словно обмениваясь мыслями.

— Что бы ни думала ее величество о Европейском союзе в глубине души, здесь она представляет страну — давнего и устойчивого члена ЕС, так что давай не будем ставить ее в неловкое положение, — проговорил Микьель, не сводя глаз с Саскии.

— Разумеется, — согласилась Кьяра. — Прошу прощения.

— Если бы вы слышали, что говорят о законах Евросоюза некоторые мои сограждане, — рассмеялась Саския, — то не боялись бы задеть мои чувства.

— И все же вам удалось возвести эти колоссальные сооружения, защищающие от штормов! — воскликнула Кьяра. — Я видела Маслантккеринг — это поразительно! А нам даже пару ворот построить не дают!

— Потому что там в этом нуждается вся страна, — вставил Микьель.

— Верно, — согласилась Кьяра. — Мы ругаем ЕС, но в сущности ЕС — только молот, которым они бьют по нам.

— А кто здесь «они» и кто «мы»? — поинтересовался Виллем; он только что возник, словно из ниоткуда, и присел рядом с Саскией. Виллем мог быть здесь очень полезен: он умел сглаживать острые углы.

— «Они» — вся остальная Италия, которой на Венецию плевать, и наши местные «зеленые». «Мы» — те, кто хочет, чтобы Венеция простояла еще хотя бы пятьдесят лет. Они в каждом нашем плане находят сотню нарушений и отправляют документы в Брюссель. Дело застопоривается. Море поднимается все выше, мы ничего не можем сделать — у нас связаны руки; а они гордятся своей добродетелью! — И Кьяра возвела глаза к потолку и молитвенно сложила руки, словно девочка перед первым причастием, наглядно изобразив ханжество итальянских политиков.

Микьель вздохнул, перебросился с сестрой несколькими словами по-итальянски, а потом добавил:

— Если говорить откровенно, большую роль

играет коррупция.

— Вы даже не представляете какую! — вставила Кьяра.

— Я слышал, что с MOSE у вас уже были проблемы, — сочувственно заметил Виллем.

— Просто представьте себе: строительство началось в 1987 году, а заработали ворота только в 2020-м, — пояснил Микьель.

— А к этому времени вся система безнадежно устарела! — снова вставила Кьяра.

— Лорд-мэр может рассказать вам нечто очень похожее о Барьере Темзы[50], — ответил Виллем. — Впервые заговорили о нем после наводнения 1953 года. Разговоры шли лет двадцать. В 1974-м начали строительство. А запустили его в 1982-м, когда вся конструкция уже морально устарела.

Кьяра покачала головой и уставилась в окно на проносящийся мимо ряд ветровых турбин, простирающийся до горизонта и синхронно мигающий красными огоньками.

— Мой брат слишком дипломатичен, — сказала она. — Раз он стесняется, я скажу. Барьерами

---

[50] Примечания: 50

Защитное сооружение поперек Темзы в Восточном Лондоне, способное перекрывать движение воды вверх по реке для защиты города и его окрестностей от штормового прилива со стороны Северного моря.

в том или другом месте проблему не решить. Все эти политики слишком… — Она покрутила рукой в воздухе, снова обменялась парой слов с Микьелем и наконец остановилась на выражении: — Слишком консервативны. Подъем уровня моря — общая проблема, и решать ее надо в масштабах всей планеты.

— У нас особая связь с нашим городом, — заговорил Микьель. — Наша родина — именно Венеция. Не Италия. — Он пожал плечами. — Другие итальянцы, в Романье или в Тоскане, могут посмотреть на карту и сказать: «Подумаешь, Венеция! Крохотное пятнышко на карте. Если его потерять, Италия не погибнет, даже уменьшится совсем ненамного. Все знаменитые произведения искусства можно перевезти куда-нибудь повыше; можно даже разобрать по кирпичику собор Сан-Марко и Дворец дожей и заново собрать их на новом месте…

— Устроить евро-Дисней! — невесело усмехнулась Кьяра.

— Как Лондонский мост перевезли в Аризо-

ну[51], — подсказала Саския.

— Может, там и для Моста вздохов найдется местечко!

— Как ни жаль, и в Венеции есть те, кто с этим согласны, — подхватил Микьель. — Но мы не из них. Мы здесь представляем тех венецианцев, для которых побережье Лагуны *и есть* вся их страна. Все остальное неважно. Наша родина — Венеция; если мы ее потеряем — останемся бездомными.

— А вы считаете свою страну частью Европы?

— Венеция никогда не была частью Европы! — вступил в разговор еще один голос, женский, звучный и властный.

Подняв глаза, Саския увидела в проходе новую гостью.

На вид ей можно было дать и пятьдесят, и очень моложавые семьдесят. В костюме гостья не делала уступок неформальному стилю Дикого Запада, царящему в этом поезде: на ней была длинная темная юбка, кашемировый свитер с высоким воротом и блейзер. Несколько тщательно

---

[51] Примечания: 51

Лондонский мост через Темзу, построенный в 1831 году инженером Джоном Ренни, в 1962 году был продан частному лицу — Роберту П. Маккалоху из Аризоны, который установил мост на озере Хавасу, на принадлежащей ему пустующей земле, ради привлечения туристов. Мост демонтировали, пронумеровав все его облицовочные камни и другие детали, перевезли в США по частям и там собрали заново.

подобранных украшений, и среди них крупная золотая булавка с изображением крылатого льва, символа Венеции. Саския с трудом подавила мгновенное нелепое желание пригнуться и проверить, какие на гостье туфли. Без сомнения, строгие, элегантные, скромные на вид — и стоят целое состояние.

При виде своей тетушки — это, очевидно, была она — Микьель поднялся с места, уже набрал воздуху в грудь, чтобы начать церемонию представления, но та его оборвала. Устремив прямо на Саскию взгляд больших угольно-черных глаз, она договорила так же спокойно и неторопливо:

— А когда мы совершили ошибку и доверились Европе, нас отымели.

Будь Саския помоложе, пожалуй, эта женщина ее бы напугала. Но она давно уже не девочка — и теперь прямота и жесткость венецианки вызвала у нее лишь уважение, не страх.

— Корнелия! — воскликнул Микьель, а затем повернулся к Саскии. — Ваше величество, позвольте представить мою тетушку…

— Вы говорите о Крестовых походах? — прервала его Саския, изумленная тем, что о делах столь далеких дней Корнелия говорит с такой экспрессией. Но что еще она могла иметь в виду?

— От корсиканца[52] мы тоже ничего хорошего не видели, но да, я о Крестовых походах. — Корнелия подошла ближе, протянула руку, и Саския, не вставая, ее пожала.

Ни к кому больше новая гостья интереса не проявила. Кьяра, до того шумная, в присутствии тети как-то разом поблекла и притихла. Микьель вышел в проход и помог Корнелии сесть напротив Саскии, хотя, кажется, помощь ей вовсе не требовалась. Теперь молодые венецианцы стояли у стола и наблюдали за разговором, не то чтобы встревоженные, но явно готовые вмешаться.

Корнелия поставила локоть на стол, оперлась волевым подбородком о ладонь и запустила пальцы с кроваво-красными ногтями в волосы, черные, как воронье крыло, но кое-где подернутые серебряными нитями. На руке звякнули браслеты. Смотрела она прямо на Саскию. А Саския — прямо на нее; и то, что видела, с каждым мгновением все больше ее привлекало.

В сексуальном плане она почти не имела дела с женщинами, а немногие, очень давние случаи списывала на юношеские «поиски себя». Однако теперь настойчивый интерес дочери к ее личной

---

[52] Примечания: 52

Имеется в виду Наполеон, положивший конец независимости Венеции.

жизни направил мысли Саскии в неожиданную сторону. В самом деле, ведь иногда, раз в десятилетие, ей встречались женщины, ради которых стоило сделать исключение! Вот и сейчас…

На миг ей показалось, что остальные догадываются, куда устремлены ее мысли. Ей самой это казалось до странности очевидным. И легкая усмешка в глазах Корнелии подсказывала, что как минимум один из присутствующих прекрасно ее понял. Но в следующий миг Корнелия отвела взгляд и со вздохом откинулась на спинку кресла.

— Нидерландам тоже известно, каково это — когда тебя предают. Когда ненавидят, потому что завидуют.

— Наверное, каждая страна это ощущает рано или поздно, — заметила Саския. — Так вырабатывается чувство национальной общности.

— Но иногда эти ощущения не лгут. Венецию ненавидят уже много столетий. В чем только не подозревают! Даже другие итальянцы — *особенно* они. Нет, мы — отдельная страна. И должны добиться независимости. Иначе нам не выжить.

— Если позволите… — начал Виллем. Корнелия повела взглядом в его сторону, и он добавил: — О, я здесь никто! — Полное равнодушие Корнелии

к светским приличиям, похоже, не оскорбляло его, а забавляло. — Если позволите, подытожу все здесь сказанное. Весь город Венеция очень скоро окажется под водой. Возможно, он уязвим, как ни один другой город в мире. Из-за мелочных запретов и неуклюжей бюрократии ЕС, а также из-за коррупции в самой Италии провалился проект MOSE. И самое неприятное, что он не быстро провалился, а очень-очень медленно затонул.

Молодые венецианцы рассмеялись, и даже на лице у Корнелии впервые появилась улыбка.

— Если бы Венеция обладала свободой действий и могла принимать смелые решения, как в памятные времена ее золотого века, это бы…

— Да, это бы решило все наши проблемы, — подтвердила Корнелия.

— Но Венеция — часть Италии, а та, в свою очередь, часть ЕС, так что это невозможно вдвойне.

— Невозможно вдвойне… хорошо сказано! — печально покачав головой, согласилась Корнелия. — Европа! — добавила она вполголоса с таким презрением, с каким основатель ресторана с тремя мишленовскими звездами мог бы

отзываться о «велвите»[53].

— Так значит, вы… — здесь Виллем окинул взглядом и Микьеля, и Кьяру, — венецианские националисты.

— А вы нас сочли фашистами? — поморщился Микьель.

— Не беспокойтесь, — подхватила Корнелия, — этих идиотов мы терпеть не можем.

Микьель улыбнулся.

— Мы больше походим на олигархов, — заключила его тетушка.

Микьель покосился на Кьяру; та улыбнулась и успокаивающим жестом положила руку ему на плечо.

— И много в Венеции таких, как вы? — поинтересовался Виллем.

— Меньше, чем хотелось бы, — ответила Корнелия.

— Вы ведь думаете не только о том, чтобы устроить Векзит — выйти из ЕС…

— Мы хотим отделиться от Италии. Стать как они, — ответила Корнелия, кивнув в сторону Древесного вагона.

---

[53] Примечания: 53

«Велвита» — фирменный американский плавленый сырок, изготовленный из заменителя сыра; синоним дешевого, популярного, но не слишком качественного продукта.

— Как Сингапур?

— Именно. А Италия послужит нам Малайзией[54].

Произнесенные где-нибудь за столиком в венецианской кофейне, эти слова могли бы прозвучать смешно. Но здесь, в поезде, мчащемся по темнеющим равнинам Центрального Техаса, казалось возможным все что угодно.

— Почему она не носит обручальное кольцо? — спросила Саския, улучив момент, когда вокруг были только свои — Виллем, Амелия и Фенна.

Все собрались в купе у Саскии в задней части Денежного вагона. Фенна трудилась над Лицом Номер Три, самым подходящим для ужина. Так что смотреть по сторонам Саския сейчас не могла — взгляд ей приходилось фиксировать на потолке, пока Фенна работала над ее нижними веками, — и все же она почувствовала, как Виллем и Амелия переглянулись.

— В чем дело? — поспешно добавила Саския. — Совершенно нормальный вопрос.

Фенна фыркнула, и Саския поняла, что выдала

---

[54] Примечания: 54

Крупный торговый порт Сингапур в 1965 году вышел из состава Малайзии, где из-за этнических и религиозных различий, а также своей экономической самостоятельности испытывал серьезное давление, и стал городом-государством.

себя с головой.

— А она горячая штучка, это точно! — заметила Фенна. — Хотя наверняка предпочитает быть сверху.

Саския не могла закатить глаза — это навлекло бы на нее гнев Фенны, — так что ограничилась выразительным вздохом. Тут у Фенны зажужжал мобильник, и она, бросив работу, полезла за телефоном. Саския хотела уже выразить недовольство таким непрофессиональным поведением, но прикусила язык, увидев, как просияла Фенна, как засветились у нее глаза. Жюль! Прислал ей очередное селфи.

— Муж Корнелии жив, но все равно что покойник, — заметила Амелия; она тоже с улыбкой наблюдала за Фенной.

— То есть? — спросила Саския.

— Раннее начало деменции. И, возможно, другие проблемы со здоровьем.

— И где он?

— Живет в семейном *палаццо* на острове в Адриатическом море.

— И почему я не сомневалась, что у них есть собственный остров? — пробормотала Саския.

— Один из тех, что в прошлом были частью Венецианской империи, — вставил Виллем.

— Он уже два года не появляется в обществе, — продолжала Амелия, — а когда еще появлялся, симптомы были заметны.

— Понимаю, — ответила Саския. — Теперь повторю вопрос Виллема: сколько в Венеции подобных людей?

— Немного, — ответила Амелия. — Видите ли, поначалу мы сосредоточились на бэкграунде Микьеля. Он происходит из старинного венецианского рода. Его предки получили дворянство в 1019 году.

— Черт, вот это долголетие!

— Но это еще что!

— Как выяснилось, бывают семьи намного, намного старше, — вставил Виллем.

— Сейчас мы выясняем бэкграунд семьи Корнелии.

— Ее мужа?

— Нет, с предками мужа все понятно. Греки, бежали в Венецию после падения Константинополя.

— Можно сказать, они в Венеции новички! — усмехнулась Саския.

— Вот именно, — без улыбки ответила Амелия. — Сама же Корнелия ведет свой род от одной из семей, основавших город.

— То есть… как это?

— Буквально, — ответил Виллем. — Ее предки — одна из римских семей, бежавших на берег Залива от Аттилы и его гуннов и основавших Венецию.

— И уже тогда эта семья была древней! — вставила Амелия. — Римские аристократы, знавшие еще Юлия Цезаря.

Саския только головой крутила, не веря своим ушам.

Встретившись наконец взглядом с Фенной, она поинтересовалась:

— Фенна, милая, мне сегодня придется идти на ужин с одним накрашенным глазом?

Вместо ответа Фенна смущенно улыбнулась и повернула телефон экраном к зрителям. На экране красовался Жюль в мокрой футболке. Какие еще нужны объяснения? Ахнула даже суровая Амелия. Жюль, освещенный солнцем, сидел у борта надувной лодки. Он только что вытащил из бурых вод Бразос и теперь гордо демонстрировал добычу — сильно попорченный водой документ в рамке. В центре рамки красовалась большая серебряная монета.

— Я, пожалуй, от комментариев воздержусь, — только и сказал Виллем. Имея в виду, конечно,

Жюля, а не выловленный им артефакт.

— Родственники зовут его «жюль семьи», — сообщила Фенна. — Это намек, знаете, сленг такой…

— Понятно, — прервала ее Саския. — Так на чем мы остановились?

— На невероятной древности рода Корнелии, — подсказал Виллем, неохотно отводя взгляд от фото. — Отвечая на ваш вопрос: нет, таких, как она, немного. Только вопрос не о том. На самом деле вы хотите узнать, много ли в Венеции таких тайных националистов, озабоченных подъемом уровня моря? Составляют ли они реальную силу?

— А вот и ответ, — подхватила Амелия. — Их не так много, но они чертовски богаты. И готовы на самые решительные действия, потому что иного выхода у них нет. К вечеру постараюсь узнать больше.

Поводом для Лица Номер Три стало очередное мероприятие — ужин, собравший десяток ВИП-гостей за длинным столом в середине Пивного вагона. Дресс-код здесь был более формальный: даже сам Т. Р. до блеска начистил свои ковбойские сапоги. Вероника в вечернем платье, кажется, чувствовала себя не слишком уверенно: с фигурами ранга и веса Корнелии она еще

не сталкивалась. Ей было проще с Дейей Чанд, женой лорд-мэра: та, хоть и мощная фигура на своем поле (выпускница Оксфорда с докторской степенью, известная телеведущая), не возражала против роли «спутницы важного человека» — и исполняла эту роль легко и изящно.

Саскии тоже требовался спутник, и она не сразу решила, кого позвать с собой. Виллему стоило дать передышку: он заслужил отдых, к тому же завтра ему нужно быть свежим и бодрым. Руфуса? Соблазн был велик; но, представив, как некомфортно ему будет в этой компании, она передумала. В конце концов пригласила Аластера. Выбор оказался очень удачным: для ровного счета (поскольку венецианцев было трое) в список включили Марка Ферлонга, и теперь оба могли вдоволь болтать об анализе рисков, пока прочие гости говорят на более человеческие темы.

> Есть третья кандидатура.
> И кто он?
> Она.

Проходя через Древесный вагон, Саския списалась с Лоттой. Ответ пришел незамедлительно: дочь требовала фотку.

> И не надейся, милая.
> Ну воооот!
> Иду на ужин. Спокойной ночи.
> А тебе НЕСПОКОЙНОЙ ночи!

За этим пожеланием последовал поток смайликов, начиная с подмигивания — и далее по нарастающей. Некоторые смайлики так ее смутили, что Саския и не заметила, как оказалась в центре Пивного вагона, где все уже собрались, и Сильвестр Лин, как ни странно, потчевал (иное слово тут не подойдет) Боба, Дейю, Корнелию и Т. Р. историей о пиратах, ворующих песок.

— Простая математика, — настаивал он, обращаясь к скептически настроенному лорд-мэру. — Даже чтобы сохранить имеющуюся территорию, нам необходимо постоянно подсыпать в прибрежные воды песок: так мы компенсируем подъем уровня моря. Чтобы создать новую землю, как делают наши друзья в Нидерландах, — тут он бросил взгляд на Саскию, приглашая ее присоединиться к беседе, — нужно еще больше песка. Собственных песчаных карьеров у нас нет, так что песок приходится покупать. Существует рынок песка, как и любого другого сырья. Однако мы обнаружили, что, как только цены на песок

взлетели благодаря нашим закупкам, активизировались песчаные пираты.

— Не понимаю, как можно грабить песок? — спросила Дейя таким тоном, словно вопрос с детства не давал ей покоя. — Для меня пираты — это «йо-хо-хо и бутылка рому», но…

— Очень просто. Подплываете к какому-нибудь острову, ведя на буксире баржу, и начинаете работать насосами. Что-то вроде гигантского вакуумного пылесоса. Баржа наполняется песком, а остров становится меньше.

— И где находятся такие острова?

— В том-то и проблема, доктор Чанд. Если вы хотите продать песок Сингапуру, то вам выгодно забирать его как можно ближе к нам. Так что пиратство началось в прибрежных районах Малайзии и Индонезии, а дальше распространилось на Вьетнам и Филиппины.

— Прошу прощения, — снова заговорила доктор Чанд с выражением веселого недоумения пополам с благородным негодованием, — но что же происходит при этом с людьми, живущими на этих островах? Их тоже втягивают в баржу «пылесосом» и продают в Сингапур?

На это ответила доктор Эшма, спутница Сильвестра. До сих пор Саския почти не слышала ее

голоса.

— Поначалу пираты попытались было, да местные жители быстро сориентировались и дали им отпор.

— Так им и надо!

— Пираты оказались хитрее, — снова вступил Сильвестр. — Повадились на необитаемые острова и брали отовсюду понемногу. Однако из-за этого начались проблемы с рыболовством, от которого зависит местное население. Так что, откровенно говоря, некоторое время дела шли из ряда вон плохо. Потом Сингапур услышал жалобы соседних стран и ввел новые торговые схемы, призванные затруднить пиратам их промысел.

Саския откровенно любовалась нарядом Эшмы, одетой во что-то, как догадывалась она, традиционно малайзийское. Эшма, по словам Виллема, смешанного тамильско-малайзийского происхождения, специалистка по компьютерному моделированию, обладательница целого набора степеней и постдоков, до сегодняшнего вечера держалась тише мыши, но теперь вдруг заблистала, словно Золушка на балу. Саския хотела даже сделать ей комплимент или хотя бы поднять большой палец, но сейчас это было бы неуместно. Впрочем, когда Эшма, заметив к себе интерес,

улыбнулась ей, Саския в ответ окинула ее восхищенным взглядом с головы до ног и подмигнула.

А Т. Р., похоже, всерьез заинтересовался песком.

— Что же выходит, — заговорил он, — если я приплыву к вам в порт с полной баржей песка, мне потребуется… что? Предъявить сертификат на каждую песчинку?

— В сущности, да, — ответил Сильвестр после легкой запинки, словно просмотрел в уме список антипиратских мер и счел такое упрощение допустимым.

— Хотел бы я посмотреть, как вы принуждаете пиратов выполнять ваши правила! — фыркнул Т. Р.

— Существуют процедуры, которые серьезно затрудняют их промысел, — вежливо, но твердо ответил Сильвестр. — Жалобы от наших соседей прекратились. Хотя, с нашей точки зрения, было бы лучше, если бы прекратился подъем уровня моря.

— Так выпьем за это! — предложил Т. Р. и поднял бокал.

Послышался хрустальный звон; лорд-мэр чокнулся со всеми, до кого смог дотянуться, бокалом чистой газированной воды.

Саския сидела напротив Боба. Видимо изучив какое-то руководство по этикету, Вероника усадила по обе руки от Т. Р., хозяина вечеринки, лорд-мэра и королеву. Сама Вероника сидела во главе стола напротив мужа, окруженная венецианцами и сингапурцами. Эшма — если верить Виллему, фамилии у нее попросту не было — сидела между Саскией и Корнелией. Бросив на Корнелию мимолетный кокетливый взгляд, Саския заметила, что та увлечена беседой с представителями еще одного островного города-государства, на гербе у которого лев[55]. Изящно отпечатанные меню возле каждой тарелки гласили, что сегодняшний ужин отдает дань техасской кухне (креветки из Залива, запеченный бизоний стейк с соусом на основе чили и тому подобное), однако с отсылками к кухне родных стран гостей (пикантная закуска на основе рыбы и чипсов с капелькой соуса карри; адриатические устрицы и вино из Фриули; острый салат с сингапурскими пряностями; ассорти голландских сыров и неизбежный *Stroopwaffel*[56] на десерт).

---

[55] Примечания: 55

На гербе Венеции — крылатый лев; символ Сингапура — мерлайон, фантастическое существо с телом рыбы и головой льва.

[56] Примечания: 56

Буквально «вафли с сиропом», популярное голландское печенье.

— Я видела, к вам вернулся серебряный доллар, — обратилась Саския к Т. Р. в первой фазе ужина — время, отведенное для светской болтовни. — По крайней мере, думаю, он ваш.

— А у вас хорошие источники информации! — воскликнул Т. Р. — Верно, эти Боски нашли ныряльщика, и он достал со дна ящик, в котором лежали разные мелочи из бывшей штаб-квартиры «Бразос Майнинг». Серебряный доллар — первый, заработанный этой фирмой. А мне давным-давно следовало перевезти все барахло оттуда куда-нибудь повыше!

Боб и Дейя слушали с легким интересом, но в разговор не вступали. Дальше беседа перешла на погоду и тому подобные темы, иногда прерываемые случайным тостом. Но после того, как принесли основное блюдо и все занялись едой, Т. Р. взглянул на Саскию и спросил:

— Ну-с, и что вы обо всем этом думаете?

Боб поднял глаза от бизоньего стейка и обратился в слух. Дейя рядом с ним послала Саскии сочувственную улыбку.

— Вам лучше задать этот вопрос завтра, — ответила Саския. — Хороший техасский игрок в покер не спешит раскрывать свои карты.

— Вы слишком добры ко мне, ваше величество.

Но я спрашиваю в более широком смысле. Что думаете обо всем, что у нас происходит?

— Возможно, вам стоило бы пригласить на ужин философа! Я, разумеется, могу говорить только с точки зрения Нидерландов.

— Нидерланды! — насмешливо проговорил с полным ртом Боб. Проглотил свой кусок бизона и добавил: — Страна, само название которой означает «низина»!

— Я знаю, что оно означает, Роберт, и знаю, как расположена наша страна в отношении к морю, — спокойно ответила Саския, обменявшись взглядами с Дейей. Та незаметно пихнула мужа в бок.

— И тем не менее. Как слон посреди комнаты: все стараются его не замечать — и все время помнят, что он здесь!

— Если уж на то пошло, лондонскому Сити тоже есть что терять.

— По крайней мере, римлянам хватило ума выстроить крепость на холме! — парировал Боб. — Да, кое-какие территории ниже по реке затопит. Но еще несколько десятков лет назад мы принялись переносить серверные, генераторы, все такое из подвалов на крыши. Медленно, но неуклонно и с вполне наглядными результатами.

Наводнение 1953-го нам почти не повредило. Не то чтобы мы из него вышли, ног не замочив, но…

— Милый, мне кажется, ее величество говорит о *финансовых* потерях, — вставила Дейя.

Боб поднял глаза к потолку — точнее, лишь обозначил это движение, — как бы намекая, что сложные финансовые материи его не интересуют.

— А я говорю о канализации! Вот о чем стоит подумать! — объявил он таким воинственным тоном, что все засмеялись. — Нет, я серьезно! Пройдитесь-ка по Фаррингтон-роуд в дождливый день и понюхайте, чем там пахнет! Вонь стоит, как в Средние века! А все потому, что идете вы буквально по тонкому слою асфальта, под которым…

Тут Дейя сильно сжала его руку.

— Гм… прошу прощения. Увлекательная тема, знаете ли. Отчасти похоже на ваши нынешние трудности в Хьюстоне, Т. Р. Больше всего мы опасаемся атаки с двух сторон: если с севера придет грозовой фронт и польют дожди, а разыгравшийся на море шторм одновременно погонит воду в устье Темзы. Рано или поздно настанет момент, когда воды реки и содержимое сточных труб встретятся и… придут, знаете ли, к взаимо-

пониманию.

— В Венеции та же проблема, — заметила с другого конца стола Кьяра. — Мы можем перекрыть морской вход в Залив. Но в него впадает много рек.

— Вот-вот, — ответил Боб. — Мы успешно решаем эти приземленные проблемы, чтобы наши высоколобые граждане могли пользоваться всеми современными удобствами и спокойно заниматься своим… вот тем, чем эти двое там занимаются.

Он взглянул на Аластера, сидящего рядом с Саскией, и на Марка Ферлонга, по диагонали от него. Оба, едва усевшись, зацепились языками и с тех пор уже не умолкали: только от них и слышалось, что «черные лебеди», «белые волны», Мул из азимовской серии «Основание» и прочее в том же духе. Время от времени они вспоминали, что за столом есть и другие люди, и делали символическую попытку вовлечь их в разговор. Основной ущерб от этого терпели Кьяра и Дейя; впрочем, последней иногда даже удавалось вставить реплику-другую.

Встретившись с гневным взглядом Боба, Аластер запнулся и прервал сагу о каком-то непостижимом финансовом продукте, вызвавшем

банкротство банка во Франкфурте из-за деречо[57], погубившего урожай кукурузы в Айове.

— Вы утомляете мою жену! — рявкнул Боб.

— Вовсе нет, — ответила Дейя. — Но, поскольку мы с доктором Эшмой представляем здесь территорию, которую принято называть Индийским субконтинентом, хочу спросить вот о чем. В Индии, насколько мне известно, деречо не бывает. Но у нас есть собственные бедствия: саранча, засухи и так далее. Откуда нам знать, что из-за ваших экспериментов с климатом бедствий не станет больше?

— Мы уже двести лет экспериментируем с климатом, сами того не понимая, — заметил Марк. — Теперь начнем экспериментировать сознательно, вот и вся разница.

— Формально, с научной точки зрения — допустим, — мягко возразила Дейя. — Не спорю. Я говорю о том, как это воспринимается. Вот что действительно важно. — Она взглянула через стол на Саскию. — Ее величество пусть сама выскажется за себя и за свою страну. Но если

---

[57] Примечания: 57

Деречо (исп. «прямой») — американское название прямолинейной бури: мощных наземных гроз, обладающих способностью быстро проходить большие расстояния. В России то же явление называется «линией шквалов». Однако в США оно более распространено и имеет большую интенсивность.

вспомнить, например, о Пенджабе, откуда родом моя семья, — там, если случается засуха, многие уже говорят: это оттого, что какой-нибудь Билл Гейтс намухлевал с погодой! Хотя на самом деле пока такое никому не под силу.

— Палка о двух концах, — заметил Т. Р.

— О чем вы? — спросила Саския.

— Раз люди по всему миру винят миллиардеров в махинациях с климатом, хотя до сих пор нам такое и в голову не приходило, — что за беда, если мы действительно это сделаем? Нас *уже* в этом обвиняют. Хуже не будет.

— Вам, может, и не будет, — ответила Саския.

— Так что ничто нам не мешает засучить рукава и спасти несколько сот миллионов жизней, — заключил Т. Р. так, словно легче задач не бывает.

— Что бы ни случилось, обвинят нас, — раздался с другого конца стола голос Корнелии — и все сразу смолкли. — Так пусть винят за дело, а не за выдумки конспирологов.

— В нашей стране все немного иначе, — сумела вставить Саския, однако не стала углубляться в чувствительный вопрос различий между пенджабским крестьянином и хипстером из амстердамского кофешопа.

— Хорошо, оставим политическую сторону

дела, — невозмутимо продолжала Дейя, — но как насчет физической реальности? Что, если геоинженерия нанесет ущерб полям в Пенджабе? Или в Бангладеше? Хубэе? Айове? Сделать так, чтобы всем и везде стало хорошо, не получится.

— Я бы послушал Эшму. В этой стороне дела она, несомненно, разбирается лучше всех нас, — заговорил Марк, бросив взгляд на другой конец стола. — Но, если вы так ставите вопрос…

— Всем и везде одинаково хорошо не будет, — подтвердила Эшма. — Это ясно показывают компьютерные модели.

— Однако, — продолжил Марк, — неконтролируемое глобальное потепление, как справедливо заметил Т. Р., унесет сотни миллионов, если не миллиарды жизней. И никакого другого способа его остановить не существует.

— Даже если мы заставим Китай и Индию прекратить жечь топливо *с завтрашнего дня* и раздавить собственную экономику ради матушки-земли, — подхватил Т. Р., — это не исправит того, что мы, наша цивилизация, уже сделали с атмосферой. Начиная с того дня, когда впервые научились превращать ископаемые в топливо.

— Люди спросят, почему бы нам не приложить те же усилия и то же инженерное мастерство к

очищению атмосферы от избыточного углекислого газа? — сказала Дейя.

— Дейя, вы сами интересуетесь? Или спрашиваете от лица «других людей»? — уточнил Марк.

— Пожалуй, и то и другое. Мне в самом деле любопытно.

— Как раз для того, чтобы ответить на этот вопрос, — вмешался Т. Р., — я и подготовил маленькую демонстрацию! — С этими словами он ткнул в пару кнопок на своем телефоне и сказал в трубку: — Заносите колпаки!

— Демонстрация лишь частичная. Видеозапись всего целиком мы завтра передадим в СМИ, — объявил Т. Р. несколько минут спустя. — Сейчас работаем над большой серьезной презентацией. Но, чтобы понять, о чем речь, хватит и этого.

— Может быть, сначала расскажете побольше о СМИ? — вмешалась Саския. — Я слышала…

— Не беспокойтесь: все на коротком поводке. Все подписали соглашение о неразглашении. Как мы и договаривались, — заверил ее Т. Р. — В конце концов, ваш человек Виллем сказал, что рано или поздно вам придется сообщить о своей поездке широкой публике.

— Придется, — согласилась Саския.

— Согласно нашему уговору, вы это сделаете,

когда вам будет удобно. Уговор в силе, ваше величество. И только вам решать, какую занять позицию — за, против или нейтральную.

Саския почувствовала, что Т. Р. раздражен ее реакцией, и сочла нужным его успокоить.

— У меня необычная работа, — объяснила она. — Личное и общественное в ней смешано настолько, что порой между ними сложно провести грань. Только что я наслаждалась ужином с интересными людьми, а в следующую секунду уже должна думать, как объяснить это журналистам. Простите, что перебила вас.

— Это вы простите за то, что оскорбил ваш слух бранным словом «СМИ»! — отозвался Т. Р. — и тут же опасливо покосился на тележурналистку Дейю Чанд и прочих гостей.

Все умолкли, когда помощники Т. Р. вкатили в вагон стойку, а на ней пару стеклянных колпаков. Под одним лежала горка измельченной серы — миниатюрная версия огромной серной горы, которую они уже видели. Под другим — горка порошка такого же размера, но чернее ночи.

— Два элемента, — торжественно объявил Т. Р., — равные по достоинству! Желтый в представлениях не нуждается. Черный, как вы, наверное, догадываетесь, — углерод. Оба меняют

климат. Углерод создает парниковый эффект и вызывает потепление. Сера отражает солнечные лучи и вызывает похолодание.

— Т. Р., мы уже в курсе, — напомнил Боб.

— Прошу прощения. Как говорится, проповедника только пусти на кафедру! Но не так очевидно невероятное различие в силе воздействия между этими двумя веществами. Для того чтобы поднять температуру воздуха на пару градусов, насытив атмосферу этой штукой, — он похлопал ладонью по колпаку с углеродом, звякнув обручальным кольцом о стекло, — большая часть человечества на протяжении двух столетий сжигала всякое дерьмо. Мы вырубали леса, копали торфяные ямы, разрабатывали глубокие угольные шахты, опустошали нефтяные резервуары размером с гору. Черт, да в Афганистане жгли дерьмо в самом прямом смысле слова! И все это растворялось в воздухе. Общий вес избыточного углерода, выброшенного в атмосферу, — около трехсот гигатонн. Все эти деревья, уголь, нефть, торф, дерьмо. А чтобы обратить эти изменения вспять, чтобы опустить температуру на пару градусов — как вы считаете, сколько серы нужно выбросить в стратосферу? Сравнимое количество? Ничего подобного. Поменьше? Да, но не просто «помень-

ше». Вы не поверите, какой мощью обладает сера! Вот такой объем углерода, — он снова похлопал по колпаку с черным порошком, снова звякнуло кольцо, — выброшенный в атмосферу, может быть нейтрализован таким объемом серы, который даже не разглядишь невооруженным глазом. Таким крохотным, что я не смогу вам его показать, пока сюда не прикатят микроскоп. Цифры вы увидите завтра. Соотношение такое: на вагон угля — кубик серы, который уместится на ладони.

— И вы говорите, что удалить углерод из атмосферы будет куда сложнее, чем насытить ее серой? — спросила Саския.

— Углерод, удаленный из атмосферы, образовал бы пирамиду высотой с гору Ренье[58]. Около тридцати кубических миль. Вообразите себе куб из этого вещества со стороной в милю. — Он погладил колпак с углеродом. — А потом умножьте на тридцать. Чтобы выполнить такую задачу в обозримый срок — допустим, за пятьдесят лет, — необходимо, чтобы в течение всех этих пятидесяти лет, семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки, *каждые девять секунд* к этой

[58] Примечания: 58

Гора в штате Вашингтон, высочайшая точка Каскадных гор. Ее высота — 4392 метра.

горе чистого углерода прибавлялся полный грузовой «Боинг-747». — Он пожал плечами. — Что ж, быть может, кому-то это и удастся. Но для этого потребуется куда больше богатства и власти, чем у всех, кто сидит за этим столом, вместе взятых.

— Мы все живем в технократическом обществе, — сказала Саския, — и, естественно, думаем о таких вещах в определенном русле. Какой-то гигантский процессор, который высасывает из атмосферы углерод и каждые девять секунд загружает его в грузовой «Боинг». Но сейчас я морально готовлюсь к тому, как расскажу все это дочери, — а моя дочь, можно сказать, типичная представительница миллионов «зеленых». И они непременно спросят…

— Почему бы не посадить чертову прорву деревьев? — закончил за нее Т. Р. — Или не засеять большие участки океана водорослями? И пусть растения работают за нас!

— Вот именно. Дело в том, что растения не смогут достаточно быстро переработать достаточное количество углерода?

— Да, и это тоже, — кивнул Т. Р.

— Я бы, — заговорил лорд-мэр, — рассмотрел этот вариант, будь такая возможность. Не в Англии — там недостаточно места. Может быть, в

Канаде. Видите ли, масштабы здесь нужны невероятные: по самой своей сути, такая программа должна включить в себя значительную часть поверхности Земли. Пересечь множество границ, распространиться на множество юрисдикций. Она требует массового международного сотрудничества. И вот еще что: когда жизненный цикл всех этих растений завершится, нельзя будет позволить углероду вернуться в атмосферу — иначе зачем вообще все затевать? Придется, грубо говоря, вырубить леса, сложить всю древесину в какое-нибудь безопасное место, где она точно не сгорит, а потом начать выращивать новый лес.

— Я видела ролик, снятый в Пакистане, — заговорила Дейя. — Очень недовольные крестьяне буквально голыми руками выкорчевывали молодой лес, посаженный в их районе. Там шел какой-то спор о собственности на землю.

Сильвестр уже некоторое время пытался привлечь общее внимание к Эшме. Наконец гости начали поворачиваться в ее сторону.

— Есть и другая сторона проблемы, о которой говорить не принято, — сказала она. — Вам, ваше величество, нелегко будет объяснить это дочери.

— Я слушаю, — заверила Саския.

— В чем основная проблема солнечной инже-

нерии? — задала риторический вопрос Эшма.

— Иначе говоря, того, что предлагает Т. Р., — вставил Сильвестр.

— В том, — ответила сама себе Эшма, — что в разных частях света принятые меры подействуют на климат по-разному. По возвращении в Сингапур моей задачей будет прогнать предложение доктора Шмидта через множество компьютерных симуляций, чтобы составить какое-то представление о его последствиях.

— Это не просто предложение! — проворчал сквозь зубы Т. Р., но Эшма на другом конце стола его не услышала.

— Дело в том, — продолжала она, — что выращивание множества деревьев, или водорослей, или любых иных растений также неизбежно будет иметь побочные эффекты. Их тоже можно просчитать с помощью компьютерного моделирования. Разумеется, они будут *другими* — ведь и сама схема другая, чем у доктора Шмидта. Но не вижу абсолютно никаких оснований полагать, что на глобальном уровне они будут *лучше.*

— Посадка огромных лесов или водорослевые плантации в океане могут вызвать засуху или катастрофическое наводнение где-то в другом месте, — подхватила Саския.

— Не могут не вызвать, — согласился Т. Р. — Это неизбежно.

— «Зеленые», — продолжала Саския, — обожествляют природу. Они ответят: если из-за лесов, поглощающих углекислый газ, случилась засуха или потоп где-нибудь в Мали, или в Небраске, или в Уттар-Прадеше — что ж, таково решение природы. Справедливый приговор матери-земли. Мы должны склониться перед ее волей. Но попробуйте сказать это жертвам!

— Или тем, у кого отнимут землю, чтобы посадить на ней леса, — добавила Дейя.

Саския вздохнула.

— Похоже, разговор с принцессой Шарлоттой обещает быть нелегким! — заметил Т. Р.

— Одна мысль об этом уже утомляет, — ответила Саския. — А может, я действительно утомилась. День сегодня был долгий.

Это стало сигналом для всех сидящих за столом; гости наперебой начали отвешивать комплименты Шмидтам, восхищаясь их гостеприимством, а затем потянулись к дверям. Несколько «ночных сов» решили выпить односолодового виски и выкурить по сигаре в Древесном вагоне, где открывались окна и ночью было свежо. Но Саския вдруг почувствовала, что и вправду совсем вы-

билась из сил. Ни пить, ни болтать, ни ложиться с кем-то в постель точно не готова — даже если бы и представилась возможность. Впрочем, возможности и не представилось. По дороге в купе ее поймал Виллем, чтобы просветить о том, что произошло за день в Нидерландах, и сообщить, что завтра вечером на ранчо Шмидтов прилетает самолет, готовый послезавтра утром доставить королеву и ее команду назад, в Схипхол.

Химачал-Прадеш

Возможно, случайное совпадение. Возможно, совпадений не бывает. Так или иначе, примерно в одно время с этим разговором произошло еще несколько событий — и, словно притоки, питающие реку высоко в горах, все они внесли свой вклад в то, что случилось дальше.

Во-первых, стоял сентябрь. Погода была еще совсем летняя, однако близилась зима, и это значило, что, если Лакс хочет добраться до Линии Фактического Контроля, ему стоит поторопиться.

Во-вторых, в лангаре при гурдваре, которую посещал Лакс, появились новые лица. Каждый день они приходили сюда обедать. Семья, поначалу буквально умиравшая от голода. Настолько, что казалось, стоит им пропустить один день — и слягут. Эти люди приехали издалека — беженцы, спустившиеся с Гималаев в кузове грузовика. Но происходили они из куда более северных краев. Они не говорили ни на хинди, ни на пенджаби, да и выглядели совсем не как местные. Может быть, тибетцы? Тоже нет. Семья состояла из матери,

бабушки и четверых детей от пяти до пятнадцати лет. Старший мальчик по имени Ильхам говорил по-английски. Лакс наблюдал за ними, когда они приходили в лангар, но не приставал с расспросами, понимая, что сначала им нужно отъесться и прийти в себя. Он заключил, что люди из гурдвары, видя, какое бедствие постигло эту семью (хоть пока и неизвестно, что именно за бедствие), за ней присмотрят и не бросят в беде. Однако в гурдваре поговаривали, что эти люди перешли Гималаи. Да и странное замечание Ранджита обратило мысли Лакса в этом направлении. Так что однажды он подошел и заговорил с Ильхамом.

Пришельцы оказались уйгурами из Западного Китая. После долгой череды преследований главу семьи, инженера, схватили и отправили в концентрационный лагерь (так назвал это место Ильхам; поначалу Лакс решил, что мальчик просто плохо знает английский — но потом узнал больше). С тех пор родные не получали от него вестей. Остальная семья бежала — и (весьма разумно с ее стороны) не останавливалась, пока не нашла каких-то тибетцев, знавших, как пересечь ЛФК, и в конце концов не оказалась в Шандигаре.

Такова была краткая версия их истории; о пол-

ной оставалось только догадываться. Ильхам, кажется, готов был делиться любыми подробностями, но мешало полное невежество Лакса в вопросах Синьцзян-Уйгурского автономного района, уйгуров, китайской политики по отношению к ним и прочих базовых составляющих этой истории. Ильхама это откровенно поражало. Он не понимал, с чего начать. Единственное, что ему удалось из себя выдавить: «У тебя что, Интернета нет?» Человек не столь великодушный был бы оскорблен тем, что Лакс не имеет понятия о несчастьях его народа, — Ильхам не обиделся, но сильно изумился. «Фейспалм! — сказал он. — Просто фейспалм!» Что это значит, Лаксу тоже пришлось посмотреть в Интернете.

Интернет у Лакса, конечно, был, но очень уж медленный; так что он отправился в чайную, где вайфай был получше, и провел там несколько часов, читая об уйгурах и тех (как выяснилось) зверствах, что творили с ними китайцы. Затем, перейдя по ссылкам, изучил аналогичные преследования, постигшие народ Тибета. Тибетцы были буддистами, уйгуры — мусульманами; те и другие — этнорелигиозные меньшинства, которые Китай счел нужным ассимилировать; доходило до того, что государство указывало мужчинам,

какой формы бороды им носить, и родителям — какими именами называть детей.

Эти подробности поразили Лакса даже сильнее иных, более привычных злодеяний. Религия сикхов лишена торжественности и блеска; сикхи не воюют из-за догматов, у них нет ни храмов, ни священников; но к именам и бородам они относятся очень трепетно.

Сейчас Лаксу вспоминались банки из-под машинного масла на шахматной доске дяди Дхармендера. В сравнении с ними слон выглядел совсем крошечным. Больше всего сикхов беспокоили Индия и Пакистан. Однако уже много столетий прошло с тех пор, как какое-нибудь индуистское или мусульманское правительство в последний раз указывало сикхам, какие носить бороды. Китай представлялся более далеким, надежно отгороженным стеной высочайших в мире гор — и мало заинтересованным в сикхах. Но, снова пройдя по ссылкам и начав читать о Линии Фактического Контроля, Лакс узнал, что Китай постепенно, метр за метром, сдвигает эту границу к югу. Он притязает на новые земли — «новые», потому что на всем протяжении истории человечества, кроме последних нескольких десятилетий, они оставались покрыты ледни-

ками. А теперь ледники отступают; что ни год, обнажаются новые несколько десятков метров голой каменистой почвы. Умножив эти десятки метров на количество лет и на извилистую линию ледникового фронта, вы поймете, что речь идет о довольно значительной территории, прежде фактически не существовавшей. Да, это холодная и бесплодная земля, на которой почти невозможно дышать. Но все же земля — и она должна кому-то принадлежать. Официальная, обозначенная на картах граница между Китаем и Индией ничего не значит. По-настоящему важна лишь Линия Фактического Контроля.

Последним толчком к решению стало для Лакса то, что он понял уже давно, но до сих пор себе в этом не признавался. Ему нечего больше делать в Пенджабе. Он приехал сюда, надеясь на какое-то откровение, на то, что здесь познает суть боевого искусства и станет великим воином, как в кино. А вместо этого встретил иную систему ценностей и разумно организованное общество с развитой иммунной системой, которая постепенно его отторгала. Похоже на то, что произойдет, если воткнуть себе в руку щепку и подождать: со временем тело само изолирует, а затем и вытолкнет чужеродную ткань. Лакс брел вслепую — и толь-

ко теперь начал осознавать то, что седобородые посетители акхары давно уже о нем поняли. Они заметили в нем жажду *мири-пири:* гармонии духа и тела, в достижении которой — истинная цель гатки, как и любого боевого искусства, как, если уж на то пошло, и любой религии.

Едва Лакс решился и изложил Ранджиту свой план, все, словно по волшебству, стало для него проще и понятнее. Он наконец нашел мири-пири — или, по крайней мере, ступил на ведущую к ней тропу. Те, кто беспокоился о нем, теперь испытывали явное облегчение. В противность своим прежним заявлениям, Ранджит познакомил его с командой молодых бойцов, отлично владеющих шестами и не боящихся полноконтактного боя. Мощные удары, заимствованные из других боевых искусств, Лакс на них не отрабатывал. Такое лучше всего практиковать на неодушевленных предметах. С живыми партнерами он оттачивал движения чистой гатки, рассчитанные на защиту от множества противников, нападающих на тебя со всех сторон. Итогом практики более-менее реального боя стали для Лакса два открытия. Во-первых, защищаться от множества противников по-настоящему сложно, даже если владеешь всеми нужными приемами. Во-вторых, реали-

стические тренировки помогают сражаться все лучше и лучше.

Даже в Шандигаре, расположенном на каких-нибудь трехстах метрах над уровнем моря, в разгар боя Лаксу порой начинало не хватать воздуха. Это навело его на мысль, что стоит поработать над кардио. Он написал матери в Ричмонд и, не объясняя толком зачем, попросил прислать ему высокотехнологичный тренировочный прибор, созданный как раз для этой цели; маску, дыхательной трубкой соединенную с аппаратом на спине, поглощающим кислород. Смотрелась эта штука как в фантастическом фильме, и ребятишки с крикетного поля смотрели на Лакса во все глаза; но благодаря маске он, не покидая Шандигар, смог ощутить себя так же, как на Линии Фактического Контроля, в десять раз выше над уровнем моря, где воздух разрежен и беден кислородом.

Лакс приехал в Индию, чтобы снабжать людей кислородом. А теперь сам учился обходиться без него. Маска помогла Лаксу завести друзей. Невозможно было носить ее двадцать четыре часа в сутки, и Гопиндер, один из его партнеров на тренировках, попросил дать ему попробовать. Лакс охотно согласился — и увидел, каково сражаться

с противником, которому не хватает кислорода. Однако Гопиндер справлялся на удивление легко, и Лакс не сразу понял, в чем тут дело.

Оказалось, что Гопиндер играет в кабадди. Об этой игре Лакс знал давным-давно — но только потому, что его дядья любили смотреть матчи по кабадди у себя на заправках по вечерам, когда в Пенджабе утро. В сущности это просто военизированные догонялки. Никакого оборудования не требуется. Игра идет на поле, разделенном надвое. В каждом раунде — он называется «набег» — нападающий из одной команды пересекает разделительную черту и врывается на территорию другой команды, которую охраняют четверо защитников. Нападающий начинает игру на разделительной черте. Защитники, взявшись за руки, образуют цепь в глубине поля, обычно — как можно дальше от черты. Нападающий бежит к ним и старается за отведенное ему время осалить как можно больше защитников. Осаленный разрывает цепь, бросается за нападающим в погоню, пытается схватить и помешать ему вернуться на свою половину поля до того, как прозвучит свисток рефери.

Но свисток, раздающийся через шестьдесят секунд или около того, — современное нововве-

дение. Кабадди намного старше и свистков, и самой идеи рефери, и в былые дни время в игре измерялось иным способом — нападающий не должен был дышать. Едва перешагнув линию, он начинал выкрикивать: «Кабадди, кабадди!» Стоило ему умолкнуть — набег заканчивался. Если ему удавалось, осалив кого-нибудь, вовремя, на едином вдохе, вернуться на свою половину поля — его команда получала очки; но если противники задерживали его и заставляли вдохнуть, набег считался неудачным.

Как и во всех прочих спортивных играх, в кабадди есть лиги, возрастные рамки, форма, чемпионаты, призы и прочее. Пенджабские мальчишки постоянно играют в кабадди, так же как мальчишки на Западном побережье — в футбол; популярна эта игра и в других частях Индии. Гопиндер играл в кабадди с детства. В сущности, именно поэтому он занялся гаткой: и кабадди, и гатка принадлежат к созвездию «сикхских спортивных дисциплин, выросших из боевых искусств», и на различных турнирах и фестивалях матчи по кабадди, под хрип динамиков и рев восторженной толпы, частенько чередуются с показательными выступлениями по гатке. Так или иначе, в кабадди Гопиндер играл професси-

онально, был членом Шандигарской взрослой лиги. Он приглашал Лакса на свои тренировки, даже предлагал попробовать сыграть за команду — но Лакс сейчас не готов был погружаться в новый для себя вид спорта.

Как легко догадаться, профессиональные игроки в кабадди учатся задерживать дыхание и подолгу обходиться без воздуха. Понятно, почему Гопиндера так заинтересовал этот дыхательный аппарат. И почему во время тренировок на поле он поначалу справлялся с гипоксией куда лучше Лакса.

— Знаешь, что помогает продержаться подольше? Адреналин! — вот что сказал однажды Лаксу незнакомый парнишка с крикетного поля, подошедший посмотреть на его тренировку.

Впрочем, «парнишка» — не совсем верное слово, скорее его следовало назвать «молодым человеком». Точно уже не мальчик — скорее младший тренер или кто-то в этом роде. Достаточно высокий и крепкий, чтобы не испугаться огромного, свирепого с виду пенджабца. Или, быть может, чувство безопасности давала ему крикетная бита на плече. Парень назвался Рави. Лакс удивил его (и, похоже, приятно удивил), ответив на хорошем английском. Покончив с

церемонией знакомства, Рави спросил сразу и напрямик: «Ты тренируешься, чтобы сражаться на Линии?» Лакс ответил как есть — глупо было бы отрицать. К тому же честность и искренность неразлучны с достижением мири-пири. Рави широко улыбнулся и сказал, что это «круто». Сперва Лаксу показалось, что Рави богат — об этом говорила его самоуверенность. Однако зачем богатенькому парню работать тренером?

Рави пришел и на другой день, и на третий. Нацепил на себя дыхательный аппарат, попробовал сделать круг по крикетной площадке — и едва не упал замертво. Задавал много вопросов о бое на шестах и о том, сработают ли те же приемы с крикетной битой.

В это же время Лакс запасался ротангом. Для реальных, не спортивных боев этот материал подходит лучше бамбука. Он тяжелее и плотнее. Если ротанговый шест ломается — что бывает редко (при достаточной силе его можно согнуть почти пополам), то не ровным сколом, как бамбук, а расщепляясь на конце, образуя нечто вроде жесткой метелки. Материал довольно экзотический — ротанг растет в Юго-Восточной Азии, — но раздобыть его вполне реально.

На свои сбережения Лакс приобрел небольшую

складную пилу, какую можно носить в рюкзаке, и еще несколько простых инструментов для работы с деревом: наждачку, карманный нож, точило. У Ранджита, как оказалось, был знакомый кожевенник — профессия, которой индуисты стараются избегать, но для человека сикхской веры она вполне подходит. Этот парень умел изготавливать кожаные покрытия для шестов. Не то чтобы это абсолютно необходимо, но обтянутый кожей ротанг определенно лучше «голого». По совету кожевенника Лакс запасся иглами, дыроколами и суровыми навощенными нитками.

Бросив дурную привычку прожигать жизнь в амритсарских «Мариоттах», Лакс начал экономить. Но теперь, когда его путешествие близилось к концу, не пожалел потратиться на теплую одежду и разные другие вещи, которые пригодятся ему на Крыше мира.

Его отъезд едва ли удалось бы скрыть от общины; подбросить Лакса до Шимлы обещал дальнобойщик Ясмит, ехавший в ту же сторону, а Ясмит был любитель поболтать. Решили выехать в шесть утра, но неизбежные трения и задержки оттянули выезд до восьми. Встретиться договорились на подъезде за гурдварой, где, помимо всего прочего, разгружались продукты, неофициально

привезенные для лангара. Придя на место, Лакс с удивлением обнаружил там целую толпу — все его новые знакомые. Он шел по дороге, сгибаясь под тяжестью набитого рюкзака, взвалив на плечо длинную связку ротанговых шестов. По крайней мере, так было, пока кто-то не шагнул к нему и не снял груз с его плеч. Удивленно подняв глаза, Лакс увидел Гопиндера, своего партнера по тренировкам, с дорожной сумкой. Одетого в то, что по меркам Шандигара считалось теплой одеждой, но там, куда направлялся Лакс, гарантировало ему смерть от переохлаждения.

— Брат, раздели со мной свою ношу! — сказал он и перехватил связку шестов свободной рукой.

Пожалуй, этому не следовало так уж удивляться. После тренировок в дыхательном аппарате Гопиндер, как и Лакс, был готов к большой высоте. И все же на глазах у Лакса — должно быть, от неожиданности — выступили слезы. Сквозь влажную дымку он видел у задних дверей кухни семью уйгуров. Они не появлялись уже пару недель — нашли убежище в местной мечети, где, как видно, о них хорошо заботились. Выглядели они намного здоровее прежнего. Ильхам набрал вес и словно бы подрос дюйма на три. На нем была *куллу* — цилиндрическая шапка из плотной

шерсти, обычная в том краю, куда направлялся Лакс. Он думал, что это просто символический жест — но вот Ильхам достал из машины, привезшей их сюда, свою сумку (куда меньше, чем у Лакса и Гопиндера) и принялся прощаться с матерью, бабушкой и сестрами.

Лакс уже почти не удивился, когда на дороге появился Рави. Его сумка на колесиках, предназначенная для гладких полов в аэропортах, едва не выдергивала ему руку из плеча, прыгая по растрескавшейся мостовой. На плече Рави нес крикетную биту; в таком виде он походил на киногероя — и, несомненно, сам это понимал и этим гордился.

— Никогда не видел горы, кроме как издалека, — объяснил он. — И вот подумал: кому повредит, если я хотя бы тебя провожу?

В небольшом грузовике Ясмита посадочных мест было немного: над двигателем — кабина, над задними колесами — платформа без бортов. Обычно водитель огораживал платформу стальной рамой, позволявшей грузу проветриваться, но не дававшей свалиться по дороге. Сверху Ясмит накрывал платформу брезентом или листами фанеры, защищающими от стихии. Но сегодня этого не требовалось; после муссонов

наступила прекрасная солнечная погода. На больших шоссе в густонаселенных частях Индии этот грузовик выглядел совсем крохой. Оно и к лучшему: тяжеловозу, занимающему всю полосу, нелегко было бы добраться до Шимлы. Дело в том, что, едва выехали из восточных пригородов Шандигара и начали взбираться в гору, Ясмиту пришлось сбросить скорость. Дорога, прежде прямая, пошла здесь бесконечными зигзагами, и каждый большой изгиб заключал в себе множество маленьких. Грузовик поднимался в предгорья Гималаев. Прижимался к обочине, пропускал нетерпеливо гудящие легковушки. Впрочем, недолго: вскоре они прочно застряли в пробке, неизвестно откуда здесь взявшейся. Чем дальше, тем выше и прочнее становились придорожные ограждения, и тем с большим упорством лепились к ним *дхабы.* Слово «дхаба» традиционно означает «чайная», и в глухих местах еще можно встретить настоящие дхабы — сельские чайханы. Но по большей части они превратились в придорожные магазинчики, где торгуют всем на свете. На открытой дороге пассажирам пришлось бы прятаться от пронизывающего ветра и кричать, чтобы услышать друг друга; здесь, за высокими стенами, даже когда машина

двигалась, не ощущалось ничего сильнее легкого горного ветерка.

До сих пор Ильхам молчал, но теперь решил объясниться.

— Ты не представляешь, во что ввязываешься, — сказал он. — Боец из меня не очень. Но я наблюдал за китайцами и одно усвоил твердо: в тех краях на каждого человека с оружием, — здесь взгляд его скользнул по обтянутому кожей шесту Лакса, — нужны несколько безоружных — тех, кто организует еду, ночлег и все необходимое. Вот я и подумал: пусть хоть один такой человек будет в нашем… как это у вас называется? Сан-что-то-там?

— Ты, наверное, имеешь в виду «сангат», — ответил Лакс. — Обычно это слово означает «товарищество *сантов*»[59]. Это не совсем верно…

— Да-да, *сангат.* То самое слово.

— Оно имеет скорее религиозный смысл, — возразил Лакс. — Верно, в старинных военных повестях сангатом называют братство святых-воинов, выступивших в поход, но здесь не совсем уместно…

— Как Братство Кольца, — серьезно заключил

---

[59] Примечания: 59

В сикхизме «святой человек», уважаемый член общины.

Ильхам.

Не в первый раз Лакс слышал от него неожиданные отсылки к западной поп-культуре. В гостиницах и дхабах на горных перевалах, как правило, есть общие «гостиные» с телевизором и видеоплеером и при них — разнообразный и до нелепости случайный набор DVD, оставленных предыдущими гостями.

— Да, пожалуй, — ответил Лакс. — Ты присоединился к моему сангату и стал мне *бхаи,* братом. Это верно и для тебя, Гопиндер, и для тебя, Рави.

В ответ Ильхам лихо заломил на лоб свою шерстяную куллу и, сощурившись, устремил взгляд вперед — туда, где солнце в золотой рассветной дымке выплывало из-за белоснежных Гималаев.

Пустыня Чиуауа

Никогда еще Саския не видела настолько безжизненного пейзажа. Даже Сахара, хоть она и крупнее, и безводнее, выглядит как-то помягче — она полна песчаных дюн. А эта пустыня была полна камней. Острых камней, никогда не увлажняемых, не сглаживаемых водой. Немногочисленные осадки, выпадающие на эту землю, мгновенно впитывают местные растения с единственной целью — отращивать себе колючки и шипы. Саския уже несколько часов смотрела в окно, но не увидела на поверхности ни капли воды. Еще до глобального потепления этот ландшафт грозил смертью всякому, кто осмелится сюда забрести.

— Добро пожаловать на ранчо «Летящая S»! — громогласно объявил Т. Р., подняв пивную кружку, едва Пивной вагон пересек границу частной территории. Железная дорога здесь шла бок о бок с гравийной; путь обеих проходил меж двух каменных столбов, украшенных гербом — буквой S с крыльями. Рядом стояла железобетонная будка охраны с солнечными батареями и антеннами

на крыше. Перед ней — мужчина в коричневой ковбойской шляпе, вооруженный (какое разочарование!) не парой шестизарядных, а всего лишь «глоком». Когда поезд проезжал мимо, он вытащил большой палец из-за пояса и помахал кому-то, кто, должно быть, махал ему из другого окна. Знакомая с современными мерами безопасности, Саския заметила, что на дороге имеются не только ворота, но и выдвижные оградительные столбики, достаточно прочные, чтобы не дать чужому транспорту прорваться внутрь.

— Просто смешно! — пробормотала Амелия по-голландски.

Они вдвоем сидели за столиком в Пивном вагоне; напротив расположились Руфус и Эшма, которая просто подошла и села рядом. Амелия сидела, скрестив руки на груди, и рассматривала ворота, словно студент, ломающий голову над задачей. Заметив, что Руфус смотрит в ее сторону, она перешла на английский.

— Эти ворота техасских ранчо! Мы уже много таких видели. Огромные ворота в чистом поле! Они же ни к чему не присоединены!

Она махнула рукой в сторону окна. От каждого из массивных каменных столбов отходила стена метра в два высотой, но тянулась она всего

несколько метров. Затем уступала место забору из сетки-рабицы, явно поставленному совсем недавно, — но и он продолжался всего метров тридцать, а дальше начиналось обычное для этих краев ограждение: туго натянутая между столбов колючая проволока, высотой примерно среднему человеку по грудь.

Руфус задумался над этим замечанием и думал довольно долго — так, что нидерландки даже заподозрили, что наткнулись на какое-то серьезное культурное различие.

— Они присоединены к забору, — заметил он наконец.

На это возразить было нечего.

— Да, но… — начала Саския.

— Традиционно ворота — самое слабое место в защитном периметре, — объяснила Амелия. — А не самое сильное. Просто по логике вещей. Ты же служил в армии и должен понимать…

— Я понял, — кивнул Руфус.

— Зачем они тогда? Просто для красоты? Напоказ?

— Ради экстетики, — кивнул Руфус. Это слово они от него уже слышали: так он произносил «эстетика». — А еще это сигнал. Вы на моей территории: считайтесь со мной или валите отсюда.

— Вполне логично, — заметила Саския.

Руфус перевел взгляд на Амелию.

— А кроме того — ты верно сказала, я ведь в армии служил. И знаю, что не стоит недооценивать колючую проволоку. Не смотри на само ограждение: посмотри, где оно расположено. Это глубокая оборона. Когда доберемся до места, может, нам дадут прокатиться на внедорожниках или еще на чем-нибудь с четырьмя колесами — тогда увидишь сама. Из окна пустыня кажется плоской, как стол, но стоит съехать вон с той дороги и попробовать проехать напрямик — очень скоро убедишься, что земля здесь вовсе не ровная-гладкая. Здесь даже пешком ходить нелегко — прежде чем шагнуть, думаешь, куда поставить ногу.

Эшма кивнула.

— Я ходила в походы по такой местности. Это изнурительно. Изнурительно для психики, я имею в виду, — поспешила добавить она. — Очень высокая когнитивная нагрузка — приходится обдумывать каждый свой шаг. — И она постучала кончиками пальцев по лбу.

Руфус, подумав, кивнул; по лицу было видно, что, оставшись один, он немедленно наберет в поисковике «когнитивную нагрузку» и внимательно почитает ссылки.

— Поэтому те, кто знает эту землю, предпочитают передвигаться по ней на лошадях. Ты определяешь только, в какую сторону скакать и с какой скоростью. А всю *когнитивную нагрузку* лошадь берет на себя.

На случай, если кто-то пропустил въезд на территорию ранчо, по вагону прошли аниматоры с сувенирами: бейсболками, банданами и флягами, украшенными тем же символом — S с крылышками, — что и на воротах. Лишь на мгновение Саския подумала, что это старинное название ранчо — логотип, тавро, которым клеймили здешних коров. В следующую секунду сообразила: разумеется, название придумал сам Т. Р., и S — это «сера».

Эшма радостно натянула бейсболку, сперва продев свой «хвостик» в отверстие на затылке. Прошлым вечером принцесса, теперь она вновь превратилась в Золушку — тихую, застенчивую девушку, не замечающую ничего, кроме своей науки. Этикет был ей настолько чужд, что несколько минут назад она подсела к королеве, не сказав даже «с вашего позволения» — и тем более не утруждая себя чепухой вроде «ваше величество». Саскии это понравилось; она сделала мысленную заметку попозже расспросить Эшму о математи-

ческих моделях изменения климата, в которых, похоже, она первоклассная специалистка. По нескольким вчерашним репликам Аластера у нее сложилось впечатление, что аналитики рисков в финансовом мире без цифр, предоставляемых людьми вроде Эшмы, остались бы как без рук. Кажется, в подобных людях они видели нечто среднее между всезнающими супергениями и шарлатанами, гадающими на овечьих потрохах. Так или иначе, уважение, которое проявили к Эшме и Аластер, и Марк Ферлонг, было достаточно красноречиво.

Амелия устремила взгляд на свою новую бейсболку, но, кажется, ее не видела. Она явно обдумывала замечание Руфуса о глубокой обороне.

— Но ведь можно перекусить проволоку и проехать где угодно… — начала она.

— Со скоростью три мили в час, — закончил ее фразу Руфус. — Проще выйти из машины и пойти пешком. По крайней мере, проветришься.

— Есть транспорт, который может ездить быстрее…

— Верно, гусеничный, — кивнул Руфус. — Хотя в пустыне и гусеницы могут полететь. Я в армии этим и занимался — ремонтировал танки и БТРы. Но вряд ли старина Т. Р. планирует отражать

здесь танковую атаку. Если до такого дойдет, это будет значить, что он уже проиграл.

При этих словах он поднял взгляд на Саскию — и у той на секунду перехватило дыхание; так ясно она ощутила себя под его взглядом не просто участницей беседы, но королевой.

Снизив скорость до пятидесяти километров в час, поезд двигался через огромное ранчо — четверть территории Нидерландов! — по пути, далекому от современных стандартов. Сами рельсы, насколько Саския в этом смыслила, были в хорошем состоянии — видимо, Т. Р. их отремонтировал и где нужно заменил, но путь, проложенный много лет назад, изобиловал крутыми поворотами, подъемами и спусками. В целом дорога шла в гору. Несколько раз на крутых подъемах у Саскии закладывало уши. Она уже знала, что их пункт назначения находится ниже мили, но выше километра над уровнем моря. Не так высоко, чтобы ощутить нехватку кислорода, — но достаточно, чтобы проект от этого выиграл.

Они проехали мимо взлетно-посадочной полосы. Здесь были припаркованы два бизнес-джета, три одномоторных винтовых самолета и вертолет. Виллем уже говорил, что позже здесь

приземлится самолет из Нидерландов, который завтра должен их забрать. Взлетная полоса помогла Саскии определить свое местоположение на карте. Они едут на юго-запад, прямо к Рио-Гранде. Горный хребет, на котором Т. Р. установил свое устройство, — последняя преграда, которую приходится пересечь перед тем, как спуститься в долину Рио-Гранде и достичь мексиканской границы. Территория ранчо «Летящая S» простирается вплоть до реки.

— А вот там, справа вдалеке, Сьерра-Дьябло, — объявил Т. Р., имея в виду, очевидно, ломаную линию зубчатых гор на севере, которым каким-то непостижимым образом удавалось выглядеть еще неприветливее здешней пустыни. — Место последнего вооруженного столкновения техасских рейнджеров и апачей в 1881 году.

В самом конце пути железная и автомобильная дороги сливались воедино — полоса асфальта с вплавленными в нее рельсами; в таком виде дорога пролегала сквозь короткий туннель, пробитый в горной породе. Горы с почти вертикальными стенами служили естественной преградой, отделяющей северную часть ранчо «Летящая S», по большей части аллювиальную равнину, от более неровной и пересеченной

местности по другую сторону хребта. Вынырнув из туннеля, который поезд преодолел со скоростью пешехода, путешественники въехали в естественную котловину протяженностью в несколько километров, с обеих сторон окруженную горами, которые теперь нависали над ними, и невысокими, но крутыми предгорьями, через которые поезд только что проехал. Рельсы завернули за угол, еще некоторое время шли вдоль предгорья, а потом вдруг оборвались. Конец пути. Изгиб дороги дал пассажирам возможность взглянуть вперед — и они увидели, что грузовые вагоны в начале поезда остановились перед группой складских зданий, окруженных погрузочно-разгрузочными машинами. Смотрелось впечатляюще, но по спутниковым фотографиям Саския знала, что основная часть комплекса находится под землей. За этим комплексом, отделенный от него ухабистым пустырем, виднелся аккуратный поселок из мобильных домов, окруженный стеной грузовых контейнеров. Саскии он напомнил военный блокпост вроде тех, что она видела в Афганистане.

— Добро пожаловать! Вот мы и приехали! — объявил Т. Р. и сделал короткую паузу, оставляя место для вежливых аплодисментов. — Сразу

предупрежу: удобств класса люкс вы здесь не найдете. Да и вообще никаких удобств, коль уж на то пошло. Для этого у нас есть поезд! Не только чтобы привезти вас сюда, но и чтобы вы в нем жили и ни в чем не нуждались. А для ваших помощников найдутся места вон в тех бытовках. — И он махнул рукой в сторону мобильных домов. — Разумеется, можете выйти, походить здесь, осмотреться. Вообще чувствуйте себя как дома! Обратите внимание на ребят в белых ковбойских шляпах. Это хорошие парни (и девушки), наверняка вы таких видели в кино. Их задача — вам помогать и оберегать от гремучих змей, обезвоживания, теплового удара, переохлаждения и прочих невероятных и уникальных опасностей пустыни Чиууа.

Оглядевшись вокруг, Саския заметила, что на некоторых из числа персонала действительно белые шляпы.

— Коричневые шляпы — это работники ранчо, — продолжал Т. Р. — Тоже полезные ребята и всегда готовы вам помочь. А вот парни и девушки в черных шляпах — о, осторожнее с ними! Чертовски опасные типы! Их задача тоже в том, чтобы вас охранять, но охранять совершенно особым образом — отсюда и цвет их головных уборов. Это

плохие ребята. Не для вас, конечно, — для любого двуногого, которому вздумается явиться сюда без приглашения. Как правило, они не так склонны к общению, как ребята в белых и коричневых шляпах. Но если вам что-то понадобится, разумеется, можете обращаться и к ним. Только не подкрадывайтесь сзади! На это они реагируют нервно.

Самый Большой на Свете Шестиствольник и вправду оказался очень велик — так велик, что для передвижения по нему требовался лифт. В лифте удобно размещались лишь три человека — четверым было уже тесновато. Поэтому Т. Р. разделил осмотр на две серии; первыми отправились в глубины земли Сильвестр и Микьель, во вторую очередь — Боб и Саския.

Лишь несколько зданий в пределах видимости возвышались над землей более чем на один этаж. Самым высоким из них был шахтный копер: этот термин из горной промышленности означает конструкцию, размещенную над стволом шахты, в которой находится подъемная установка. Копер, должно быть, метров десяти высотой представлял собой открытую стальную раму, внутри которой виднелось сложное переплетение кабелей, моторов и разного рода подъемных устройств. Трубы и кабели из других частей ком-

плекса сходились сюда и исчезали в шахте.

Когда буришь шахту, разумеется, необходимо куда-то девать извлеченную почву и горную породу. Здесь этот материал — «отходы» — был распределен по всему комплексу. Он окружал, подпирал или даже скрывал под собой периферийные сооружения: цистерны, перерабатывающие установки, административные здания, в которых, судя по всему, трудилось немало высокооплачиваемых сотрудников («наше командование», сказал о них Т. Р.). Иными словами, все здесь было ненавязчиво, но довольно серьезно укреплено. Руфус с первого взгляда определил в нескольких земляных валах «капониры» — слово, которое Саскии пришлось поискать в Интернете. Как выяснилось, оно означает взрывоупорную стену, возведенную вокруг потенциальной мишени, чтобы защитить ее от снарядов и осколков. Не нужно быть военным экспертом, чтобы понимать: крылатая ракета не оставит от всех этих построек камня на камне. Однако от скрытных атак малого масштаба, например от дронов с бомбами или снайперов, засевших на вершине горы, капониры выглядели серьезной защитой. Большие открытые пространства были затянуты сверху веревочными сетками с вплетенными в

них полосами ткани. Смысл этого был Саскии не вполне понятен, но, очевидно, сетки защищали от дронов, давали тень, которой здесь очень не хватало, и затрудняли наблюдение со спутников.

Из верхней части копера поднимался прямо в небо аккуратный «букет» из шести труб. Каждая имела на конце утолщение, очень напомнившее Саскии пламегаситель на дуле карабина.

Водитель в белой шляпе подвез ее и лорд-мэра на небольшом внедорожнике ко входу в копер, расположенному на уровне земли. Здесь ждал их Т. Р., в неизменном ковбойском наряде, с крылатой буквой S на огромной ременной пряжке. При взгляде с этой точки становилось ясно, что шесть труб расходятся радиально, словно стволы у пулемета Гатлинга. Все они спускались прямо в шахту. Диаметр труб — около метра каждая — был намного меньше диаметра шахты, в которой запросто уместился бы небольшой дом, так что между ними оставалось достаточно места для другого оборудования. Над его идеальным распределением в этом пространстве, должно быть, немало поломали голову инженеры. Порывшись в памяти, Саския выудила из глубин сознания полупонятный термин «маршрутизированные системы»: так инженеры называют

все длинное и тонкое — трубы, кабели, провода и так далее, — проложенное из одного места в другое. Результат размещения этих маршрутизированных систем был изображен на схеме, висящей возле двери и изображающей копер в разрезе: большой круг, шесть кругов поменьше, равномерно распределенные по его периферии, и между ними — настоящий пазл из множества деталей самой разной формы и размера. Самым крупным на схеме был одинокий прямоугольник лифта. Вторым по величине — круг, обозначенный как «снарядный подъемник».

— Ну что, все сделали домашнее задание? — весело поинтересовался Т. Р., входя в лифт. Внешняя дверь его была плотной, но стены представляли собой стальную решетку.

Под «домашним заданием» Т. Р. разумел ссылки на ролики на «Ютубе», которые разослал гостям накануне, — все посвященные бурению и внутреннему устройству шахт.

— Я немного покликал, — признался Боб. — Люблю смотреть на всякие механизмы — видно, в детстве в конструктор не доиграл.

— Я не смотрела, — покачала головой Саския.

— Тогда начнем с самого верха, — заговорил Т. Р. — Вот мы решили пробурить шахту. Раз-

мещаем в нужном месте буровую установку. Вгрызаемся в землю. Буровым насосом выносим на поверхность выбуренную породу. Раз, другой и еще раз. По мере продвижения буровая установка опускается все ниже с помощью того же механизма, — и он похлопал ладонью по стальной решетке, — что сейчас опустит нас. Он вообще здесь главный: пустую породу возит вверх, все остальное — вниз. Спускаемся все ниже, через каждые несколько футов укрепляем стены железобетоном. На самом деле ничего сложного. Главное — упорство и настойчивость.

Он закрыл дверь лифта. Трое посетителей расположились в кабине с удобством, а вот четверым уже пришлось бы тесниться.

— Клаустрофобии ни у кого нет? — поинтересовался Т. Р.

Чисто из вежливости; за последние сутки персонал раза три поинтересовался у Саскии (и, видимо, у Боба тоже), не страдает ли она клаустрофобией. Саския и Боб покачали головами. Т. Р. нажал кнопку «вниз», над головой что-то загудело, и лифт пошел вниз.

— Здесь мы начинали не с нуля, — пояснил Т. Р. — На этом месте была старая заброшенная угольная шахта. Но всего в четыреста футов глу-

биной и для наших целей слишком узкая.

— Держу пари, вы бы использовали ее в любом случае, — улыбнулась Саския. — Это ведь так символично.

Т. Р. кивнул, но промолчал — лишь глаза его лукаво блеснули.

Сквозь сетчатые стенки лифта хорошо просматривалось все вокруг. В первые несколько десятков метров, как и на схеме, в шахте становилось все теснее от разнообразных подземных труб, проводов, витых кабелей, то змеящихся по стенам, то свисающих вертикально вниз. После какой-то точки теснота в шахте достигла предельного значения и дальше не увеличивалась. Мимо проплывали горизонтальные полоски и цифры на стенах; по ним можно было судить о скорости движения. На панели, закрепленной на стене лифта, мигали цифры — глубина в метрах и упрощенная схема шахты, показывающая, где они сейчас находятся.

— Не самый быстрый лифт на свете, — заметил Т. Р. — Сами понимаете, вряд ли им будут часто пользоваться. Мы здесь роботизировали все, что могли, и возить вверх-вниз людей для нас не приоритетная задача.

— И если я правильно понимаю суть вашего

плана… — начал лорд-мэр.

– *Нашего* плана, Боб. Нашего.

— Работать эта штука будет все время. Без перерывов.

Т. Р. кивнул.

— Согласно проекту будет работать непрерывным циклом в течение двух лет. Дальше потребуется все перебрать и отремонтировать.

— Не понимаю, как можно такое… такую махину… «перебрать»? — нахмурился Боб.

— Было бы желание, а способ найдется, — ответил Т. Р. — Если серьезно — скорее всего, никакого ремонта не будет. Просто засыплем эту шахту и пробурим новую. И не забывайте, что через два года наш мир очень сильно изменится! Для начала, в нем станет прохладнее. — Он повернулся к Саскии. — У вас в стране есть несколько старых угольных шахт, на которые я давно глаз положил. В юго-восточном углу Нидерландов. Отличные шахты, такие глубокие, что нам и копать почти не придется! И с *символизмом* у вас там все в порядке. Даже жаль, что пришлось от них отказаться.

— Кажется, я знаю, о каком месте вы говорите, — ответила Саския. — Это у самой границы с Германией. Соседи будут жаловаться на шум.

— А «зеленые» вообще озвереют, — кивнул Т. Р.

— Этого так и так не избежать, — вздохнул Боб.

Достигнув отметки в 215 метров под землей, лифт замедлил скорость. Кругом стало попросторнее — должно быть, какие-то из маршрутизированных систем нашли себе иные маршруты, — и теперь гости ясно видели вокруг себя все шесть стальных стволов Шестиствольника. Лифт плавно остановился. Через окошко в двери виднелась ярко освещенная камера — небольшое пространство, очевидно не принадлежащее к основной шахте.

— Здесь, внизу, мы израсходовали чуть больше взрывчатки и получили дополнительную полость, — объяснил Т. Р.

Он открыл дверь и вывел гостей в боковую шахту. Она была не намного больше купе, в котором Саския спала прошлой ночью. Стены — голый известняк со следами от пневматических орудий. Вместо пола решетка, сквозь которую видно, что происходит на нижнем этаже. Неудивительно, что ее предупредили не надевать обувь на каблуках! У задней стены стояли двое мужчин и женщина с баллонами сжатого воздуха, подсоединенными к респираторам.

— Безопасность прежде всего! — объявил Т. Р.,

указав в их сторону. — В нашем проекте используются четыре различных газа, и три из них могут вас убить. Первый — природный газ, в сущности просто метан: мы добываем его бесплатно из колодца прямо здесь, на ранчо, милях в десяти отсюда. Его мы используем в Шестиствольнике как топливо. Второй — воздух: он поджигает метан, и им же, так совпало, мы дышим. Третий — водород: легкий газ, который мы сжимаем, чтобы направить снаряд вверх по стволу. Действует, как воздух в духовом ружье. Водород мы получаем, расщепляя природный газ: это делается на химическом заводе наверху. И водород, и метан при соприкосновении с воздухом в результате утечки или поломки могут вызвать взрыв: для этого хватит одной искры. Так что вот и четвертый газ: в качестве меры безопасности мы храним здесь большое количество сжатого аргона, инертного газа, не поддерживающего возгорание. Впрочем, белковую жизнь он тоже не поддерживает. Сразу хочу прояснить: пути подачи метана и водорода нигде не пересекаются. Мы не идиоты. Сейчас такая утечка произойти не может. А если все же произойдет, о ней сообщат вот эти штуковины.

И он указал на белую коробочку на потолке; выглядела она как детектор дыма, разработанный в

Пентагоне. Саския заметила и в других углах помещения такие же весело мигающие коробочки.

— Если произойдет что-то подобное, тут же раздастся сигнал тревоги, и аргон моментально заполнит все помещение, вытеснив отсюда воздух и сделав атмосферу невозгораемой.

— А еще мы все задохнемся, — добавила Саския.

— Да, это плохая новость, — подтвердил Т. Р. — Вот почему мы пользуемся респираторами. У каждого из этих прекрасных людей один респиратор на себе, другой — в руках. Если прозвучит тревога, они мигом сделают то, что вечно нам советуют стюардессы перед полетами.

— Ясно, — сказал Боб. — Значит, если услышим громкий звук, будем ждать, пока кто-то из них подбежит к нам с респиратором.

— Долго ждать не придется, — заверил Т. Р., — и, пока ждете, аргон вам не повредит. Это…

— Чистый химический элемент, — подсказала Саския.

— Именно. Инертный газ. *Благородный* газ, ваше величество! Нам хватит времени спокойно подняться наверх, а там нас уже будут ждать напитки.

— Люблю такие приключения! — усмехнулся

Боб.

— Вопросы есть? Нет? Хорошо. Теперь, покончив с вопросом безопасности, предлагаю ознакомиться с тем, как работает Крупнейший в Мире Шестиствольник. Пойдем снизу наверх, так вам будет легче все понять. Но мы еще не в самом низу. Это Нулевой уровень. Мне передали, что вы оба не возражаете против лестниц. Давайте это проверим: вперед, нас ждет Минус Первый уровень и следующие.

В решетке у стены обнаружилось отверстие, сквозь которое мог пролезть человек; оттуда вниз спускалась прибитая к каменной стене лестница. Т. Р. подождал, пока по лестнице спустился человек из его команды, а потом принялся слезать сам, комически ворча и охая, чтобы разрядить обстановку.

— Давайте за мной! — крикнул он. — Вниз до упора!

Саския и Боб, чередуясь с двумя другими сотрудниками Т. Р., начали спускаться по лестнице — на Минус Первый уровень, Минус Второй и так далее. На каждом уровне Саския старалась заглянуть в соседнюю шахту, однако после Минус Первого видела только гладкую стальную стену, выгнутую так, что ее изгиб в точности отвечал

сферическим стенам шахты.

— Цилиндр, — пояснил в какой-то момент Т. Р., заметив ее любопытство.

На Минус Четвертом уровне в стене цилиндра обнаружился массивный круглый люк около метра в диаметре. На Минус Пятом не было ничего, кроме новых маршрутизированных систем, поменьше и посложнее, — сенсоров, должно быть подключенных к каким-то внешним компьютерам. На Минус Шестом лестница закончилась, и гости сошли на неровный известняковый пол.

— Это основание котлована, — сообщил Т. Р. — Глубже мы не бурили. А здесь, — он постучал костяшками по стене цилиндра, — основание цилиндра, в котором сгорает метан.

На этом уровне люк, врезанный в стальную стену, был приоткрыт, и в него тянулся из розетки в стене провод-удлинитель. Вдвоем с помощником Т. Р. налег на крышку люка: та поначалу шла туго, но затем легко распахнулась. Открывалась она внутрь. Саския заметила, что она имеет форму пробки в бутылке — так, чтобы выдерживать внутреннее давление. Пространство за люком было освещено ярким резким светом обычной рабочей лампочки на конце провода. Т. Р., пригнувшись, перешагнул порог и сделал Саскии

знак идти следом.

— Какая толстая стена! — воскликнула она, переступив порог вслед за ним. — Это чтобы выдерживать давление?

— На самом деле не такая толстая, как кажется, — ответил Т. Р. — Вокруг нее охлаждающая полость, в пару дюймов толщиной, но пустая. Через нее мы прокачиваем воду, чтобы предотвратить перегревание, когда эта штука делает ба-бах.

— Это объясняет и охлаждающую башню, которую я заметил наверху, — добавил Боб.

— Верно. И множество труб и насосов, которые мы с вами видели по пути сюда.

Теперь они стояли в камере со стальными стенами, около пяти метров в диаметре. Пол здесь был вогнутым, словно перевернутый сплющенный купол, так что приходилось внимательно смотреть под ноги. Ниже лампочки, примерно на высоте колена, шел по стене ряд мелких отверстий, окаймленных нержавеющей сталью. Выше стены были гладкими, без всяких отличительных черт — вплоть до высоты метра в четыре над головами, где в стену было вделано массивное стальное кольцо, всего на несколько сантиметров выступающее из бетона. Прямо над

ним — еще один сплющенный купол, надежно отгораживающий верхнюю часть цилиндра.

— Это движущийся поршень. Вы сейчас смотрите на нижнюю его сторону, — пояснил Т. Р. — А внизу, там, где мы стоим, все взрывается. — Он присел и постучал по одному из отверстий. — Это спаренная система подачи газов. Подает одновременно сжатый воздух и сжатый метан. И подает *быстро*, чтобы свести к минимуму время перезарядки. Когда доходит до нужного объема, мы затыкаем уши и поджигаем газовую смесь вот этим. — Тут он указал на крохотную деталь, которую Саския до сих пор не замечала: между соплами виднелись маленькие белые керамические головки с выступающими из них металлическими частями. — Старые добрые запальные свечи из автомагазинов «Т. Р. Микс». Самые простые и обычные. Оптом скидка.

Эта часть экскурсии была завершена. Гости по очереди, пригнувшись, выбрались из люка. Т. Р., шедший последним, забрал лампу и вытянул за собой провод. Помощники закрыли и заперли на задвижку крышку, а остальные начали подъем на Минус Четвертый уровень, где видели еще один люк. За ним оказалась верхняя часть того же цилиндра: снова они стояли на вогнутом полу

— том, что всего несколько минут назад был крышей у них над головой.

Когда все вошли и разместились в огромном поршне, Т. Р. заговорил:

— Эта верхняя часть заполняется водородом, рабочим газом, который и выталкивает снаряд из ствола. Физика всего этого дела мне не по зубам, но объясняли мне так: максимальная скорость снаряда не может превышать скорость звука в том газе, что толкает его наружу. Скорость звука в легких газах, таких как водород и гелий, выше, чем в воздухе. Ненамного, но для наших целей сгодится. Гелий мы тоже рассматривали. Тем более производится он недалеко отсюда, в Амарилло. Гелий безопаснее, но дороже, и с ним сложнее работать. Но если вы, ваше величество, соберетесь строить такой агрегат под боком у Германии, советую вам серьезно подумать о гелии. Я подскажу, где его достать.

— Как всегда, очень любезно с вашей стороны, Т. Р.!

— Так или иначе, мы остановились на водороде. Да, может произойти утечка, он может загореться — ну и что? Вокруг пустыня. И добывать его легко прямо на месте, из природного газа. Итак: пока смесь воздуха и метана заполняет нижнюю каме-

ру, в эту, верхнюю, мы закачиваем определенный объем H_2. Когда камера сгорания, — он ткнул пальцем в пол, — делает ба-бах, взрыв подбрасывает вверх поршень, на котором мы сейчас стоим, и он сжимает водород. Путь наружу у водорода только один.

И он указал наверх, где метрах в десяти у них над головами своды потолка сужались и образовывали воронку с отверстием в середине, размером со смотровое окно. Будь весь цилиндр бутылкой, это служило бы ей горлышком.

— Давайте же посмотрим, куда идет водород! — с энтузиазмом объявил Т. Р.

Они вышли — Т. Р. снова смотал и вытащил за собой провод с лампой, а его помощники заперли люк — и вместе поднялись на верх массивного стального цилиндра, на Минус Первый уровень.

Если нижние уровни со всеми их поршнями, соплами и запалами, являли чудо инженерии двадцатого века, на Минус Первом царил век двадцать первый — компьютеры и робототехника. Чуть ниже уровня пола располагалась массивная конструкция, в которую, как видно, и выходило «бутылочное горлышко» — та перевернутая воронка, что принимала в себя и направляла вверх поток водорода, выталкиваемый поднятым

поршнем. Над ней на небольшом расстоянии — шесть стволов: нижние концы их были просто обрезаны и висели в воздухе. Между этими очевидными и понятными элементами — какой-то сложный, массивный вращающийся аппарат, который, насколько Саския могла об этом судить, поглотил львиную долю здешних инженерных ресурсов. Понять его назначение она не могла, пока Т. Р. не отдал команду и не заработал вертикальный конвейер. Это устройство — «снарядный подъемник» на схеме, изображавшей шахту в разрезе, — шло параллельно лифту на всю длину шахты, вплоть до нижнего уровня. Задачу оно имело ту же, что и лифт, однако было поменьше и двигалось намного быстрее. Подъемник стрекотал около минуты, а затем замедлил ход, и сверху опустился гигантский снаряд.

Формой он походил на пулю: но эта «пуля» в длину превышала рост Саскии, а в толщину шире пивной бочки. Сделана отчасти из обработанного алюминия, отчасти из углеволокна. На корпусе логотип — S с крыльями — и надпись: «ВЕРНУТЬ НА РАНЧО “ЛЕТЯЩАЯ S” — ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ» по-английски и по-испански. Подъемник прокатил «пулю» мимо них; здесь ее перехватила массивная механическая

рука, сдернула с конвейерной ленты, развернула и вставила заостренным концом вперед в нижний конец одного ствола. Еще один механизм, расположенный прямо под стволами, принялся вколачивать снаряд вверх, пока он полностью не исчез в стволе. Наконец что-то громко щелкнуло. Робот убрал механическую руку, но снаряд не выпал.

— Допустим, теперь мы собрались запустить его в небеса… — объявил Т. Р. и кивнул технику, а тот нажал несколько кнопок.

Теперь вся массивная роботизированная платформа пришла в движение, начав вращаться вокруг центральной оси основной шахты. Саскии невольно представился большой цилиндр в ковбойском револьвере. В верхней части платформы, ближе к краю, имелся круглый паз, по размеру соответствующий диаметру стволов. Когда паз оказался в точности под только что заряженным стволом, вся массивная конструкция быстрым и плавным движением выдвинулась наверх. Легкий щелчок показал, что ствол встал точно в паз.

— Вот как водород попадает в ствол! — догадался Боб.

— Напрямую, по накатанной, — подтвердил

Т. Р. — Будь вы Человеком-пауком, могли бы спуститься на Минус Четвертый, туда, где мы только что были, подняться по стене, пролезть в воронку, коротким и прямым путем добраться до этого ствола и потрогать наш заряженный снаряд.

— Но ведь он, наверное, раскален? — поинтересовалась Саския.

Т. Р. кивнул.

— Хороший вопрос, ваше величество! Да, снаряд мы заранее разогреваем, и сейчас он горячий — настолько, чтобы поддерживать серу в расплавленном состоянии. Пока он находится в стволе в ожидании выстрела, его подогревают электрические радиаторы, встроенные в стенки ствола. А на другом конце ствола достаточно тепло — и скоро станет еще теплее.

— Сколько стволов у вас заряжено? — спросил Боб.

— Сейчас? Все шесть. Все, что нам осталось, — выйти отсюда и включить газ. — Он взглянул на часы. — И, считайте, все готово к ежемесячному собранию Клуба ракетного моделирования работников ранчо «Летящая S»!

Долину на высоте четырех тысяч футов над уровнем моря, в которой располагался весь этот комплекс, Т. Р. назвал «Пина2бо» (произ-

носилось это: «Пина-ту-бо»). Любой, кто знаком с литературой по глобальному потеплению и геоинженерии, легко понимал шутку. Пинатубо — название вулкана на Филиппинах, в 1991 году пережившего мощное извержение, которое сопровождалось выбросом в атмосферу пятнадцати миллионов тонн сернистого газа. Результатом стали очень красивые закаты, державшиеся года два, и заметное снижение мировых температур. Оба феномена были связаны напрямую. Сера из вулкана рассеялась в воздухе, создав слой крошечных капель H_2SO_4. Солнечный свет отражался от этих крохотных сфер. Одни фотоны, столкнувшись с ними, улетали обратно в космос — это привело к мировому похолоданию, так как солнечная энергия не попадала в тропосферу и не вносила свой вклад в парниковый эффект. Другие преломлялись, отскакивали от этих капель, словно бильярдные шары, и входили в атмосферу под разными необычными углами. Подняв глаза вверх, люди замечали этот отраженный свет: им казалось, что небо сияет как-то особенно ярко. В дневное время это было не очень заметно, но становилось очевидно, когда солнце опускалось за горизонт, свет краснел, а небеса темнели.

Пинатубо, конечно, был не первым вулканом,

свидетелями извержения которого стало человечество. И прежде за подобными явлениями приходили невиданные морозы и сказочно прекрасные закаты — известия о том и другом можно встретить в летописях. Но Пинатубо стал первым и пока что единственным, чье извержение пришлось на современную эпоху, позволившую научно исследовать его результаты.

Во время извержения одного небольшого вулкана в 1960-х через его пепельный шлейф пролетел самолет; он приземлился с осадком на ветровом стекле, и один австралийский ученый исследовал этот осадок. Ну как «исследовал» — попросту лизнул. «До чего же кислый!» — был его вердикт. Он испытал совершенно те же вкусовые ощущения, что и техасские нефтяники, пробующие на вкус сырую нефть. Так что еще до Пинатубо имелись свидетельства, что вулканы выбрасывают в атмосферу сернистый газ. К 1991 году ученые подошли во всеоружии, готовые изучать вулканический пепел с помощью более точных и надежных приборов, чем собственный язык; их данные заложили основу для новых исследований и для создания новой науки, названной *солнечной геоинженерией* — термин, применяемый к любому методу торможения климатических изменений,

при котором часть солнечных лучей отражается обратно в атмосферу.

Название «Пина2бо» Т. Р. дал месту, где планировал заниматься, в сущности, тем же самым, только в меньших масштабах. Предполагалось, что Пина2бо, работая в полную силу, выбросит в стратосферу за много лет столько же SO_2, сколько его тезке удалось за несколько минут. Учитывая, что через несколько лет сернистый газ начнет выветриваться из атмосферы, Пина2бо сможет достичь в лучшем случае ничтожной доли успеха настоящего вулкана Пинатубо. Но, возможно, для начала хватит и этого. А если проект заработает и окажется успешным, по всему свету вырастут новые рукотворные вулканы.

«Шестиствольник» и весь его обслуживающий комплекс — завод по выработке газа, охлаждающая башня, контейнеры, мини-фабрика, где изготавливались и начинялись серой снаряды, — располагались в одном конце долины. В другом конце стоял миниатюрный поселок трейлеров под названием Центральный. Между ними протянулся пустырь, около квадратного километра растрескавшейся земли. Он, как видно, использовался для любых задач, для которых не очень подходили края долины. По периметру

пустыря проходила дорога; сейчас на ее обочинах были припаркованы несколько внедорожников. Меж груд угля, накопившихся здесь за столетие, робко выглядывали кактусы и другие чахлые пустынные растения. Прямо к скале прислонена самодельная мишень со следами пуль. Кое-где стоит и лежит без дела какое-то громоздкое оборудование. Есть и место для пикников: несколько алюминиевых столов, спрятанных от безжалостного солнца под навесом; от них к Центральному ведет едва заметная тропа. Впрочем, даже в темноте с нее не собьешься; подобно хлебным крошкам, путь указывают яркие красные знаки «БЕРЕГИСЬ ЗМЕЙ» вдоль дороги. Навес и столы для пикника ввинчены в массивные бетонные блоки или прямо в каменистую почву.

Именно здесь через два часа после экскурсии Боба и Саскии состоялось ежемесячное собрание Клуба ракетного моделирования работников ранчо «Летящая S». Зрителей сегодня было больше обычного, так что организаторы выставили дополнительные столы и навесы. Метрах в пятидесяти от столиков, на открытом месте, поставили складной стол, а за ним в ряд пять конструкций, самыми заметными элементами которых были гибкие вертикальные шесты раз-

ной высоты, хотя ни один не выше трех метров. К концу каждого шеста, нависая над конструкцией, служащей ей базой, крепилась миниатюрная ракета. Три ракеты были маленькими детскими игрушками. Оставшиеся две — заметно больше: самая крупная, возможно, толщиной в руку и высотой в два человеческих роста.

Все это окружала по периметру желтая ограничительная лента, натянутая между оранжевыми конусами. Нескольким детям — должно быть, потомству работников «Летящей S» — предоставлялась привилегия перешагнуть ленту (а самым маленьким ракетостроителям — под нее подлезть) и войти внутрь. Судя по всему, это и были создатели трех маленьких, весело раскрашенных вручную ракет. Они едва не прыгали от восторга, но старались держаться солидно, как большие. Вокруг двух ракет побольше суетились взрослые.

Саския не ожидала увидеть здесь людей всех возрастов: в самом деле, словно маленький город! Ничего удивительного, сказала она себе: ранчо и в особенности Пина2бо требует сотрудников на полный рабочий день, и у многих из них есть семьи. Виллем показывал ей спутниковые съемки ранчо. Чуть поодаль от долины Пина2бо, примерно в часе пути на машине, стояли несколько

группок мобильных домов. Как видно, некоторые ездили на работу оттуда. За время, проведенное в Техасе, Саския поняла, что часовая поездка здесь и за поездку не считается. Итак, вокруг ранчо сформировалась небольшая община: интересно, сколько всего людей — может, тысяча? Размазанные тонким слоем по бескрайней пустыне Чиуауа, они съезжались по гравийным дорогам на пыльных пикапах и собирались вместе по особым случаям — вроде сегодняшнего.

Как и ожидалось, Т. Р. подошел к микрофону и начал речь; микрофон — тоже ожидаемо — захрипел и умер, так что речь пришлось произносить, повысив голос и приложив руки ко рту. Тем временем помощники в белых шляпах подавали гостям прохладительные напитки.

— Беруши для всех и бесплатно! — так начал Т. Р. Он не шутил: по рядам уже пошли люди с берушами в глубоких салатных мисках. — Уже почти два года каждый месяц, в любую погоду — и в дождь, и в град — Клуб ракетного моделирования проводит это мероприятие!

Про дождь и град он, разумеется, пошутил. Саския поняла это с опозданием, а вот техасцы дружно засмеялись.

— Организовано все со строгим соблюдением

правил безопасности! Вот Лу, он у нас командир ракетного полигона. Утрясает важные технические детали, связанные с федеральным законодательством о воздушном пространстве. Но для начала давайте запустим в небо парочку ракет!

Лу, инженер лет пятидесяти в ковбойской шляпе, явно смущаясь, вышел вперед. Аудиосистему тем временем наладили, так что он уже говорил в микрофон — оно и к лучшему, ибо громогласности и идеальной дикции Т. Р., отработанной выступлениями на «Ютубе», ему явно недоставало.

— Первой выступит Джо-Энн, — объявил он. — Она запустит «Эстес-Альфу».

До него явно не доходило, что никто из слушателей не понимает, что это значит, и что гостям требуются какие-то пояснения; это укрепило Саскию в мысли, что перед ней заслуженный гик, скорее всего, один из тех, кого Т. Р. сманил из NASA.

За столом началась какая-то возня и шебуршание: девочка лет девяти включала провода в розетки и щелкала переключателями. Лу поднес микрофон Джо-Энн к лицу, и та нетвердым, но воодушевленным голосом начала обратный отчет от десяти до одного. На слове «Пуск!» самая ма-

ленькая ракета с легким шипением сорвалась со своего насеста и устремилась вверх, оставляя за собой дымный след. Двигатель прогорел меньше чем за секунду. Ракета, едва видимая в вышине, еще несколько секунд описывала дугу в небе, затем распалась надвое и выбросила оранжевый парашютик.

— Поздравляю с первым запуском, Джо-Энн! — объявил Лу, когда утихли аплодисменты, а «Эстес-Альфа» спланировала на землю. — Заберем ее потом. Пока что полигон закрыт!

Еще двое ребят, следуя той же процедуре, запустили свои ракеты: каждая была чуть больше предыдущей.

— Теперь полигон открыт! — объявил Лу.

Сигнал сработал: детишки побежали на пустырь разыскивать среди змей и кактусов свои ракеты. Тем временем Лу перешел к обещанной теме — федеральному законодательству о воздушном пространстве.

— Ракеты, которые вы сейчас видели, — начал он, — не способны взлететь выше, чем на пятнадцать сотен футов. Двигатели у них слишком маленькие, они не дают импульса. Импульс — это не что иное, как старая добрая скалярная переменная, которая вычисляется… — Тут Т. Р. молча

провел ребром ладони по горлу, и Лу оставил в покое математику. — Суть в том, что Федеральное агентство авиации такие ракеты не волнуют. Мы не вторгаемся в их воздушное пространство. Но вон те верзилы, — и он указал на две оставшихся ракеты, — совсем другая история! У них импульс… — он на мгновение задумался, считая в уме, — в шестнадцать тысяч триста восемьдесят четыре раза сильнее, чем у малютки «Эстес-Альфы» Джо-Энн! Они взлетают по-настоящему высоко! Так высоко, что могут попасть в самолет — или самолет может врезаться в них. Так что каждый месяц перед очередным собранием Клуба ракетного моделирования работников ранчо «Летящая S» — знаете, что мы делаем?

Он, очевидно, полагал, что это вопрос риторический; но из-за столиков, где сидели гости, донеслись несколько голосов:

— Нет! А что?

Лу смутился, но быстро выправился:

— Что мы делаем, спрашиваете вы? Получаем разрешение от Дяди Сэма! Это совсем не сложно. Они всегда идут нам навстречу. Заполняем несколько бланков, где говорится, что хотим запустить пару высокомощных моделей ракет с территории ранчо «Летящая S» в такой-то день, в

такое-то время, — распространите, пожалуйста, информацию среди пилотов! И они так и делают! ФАА рассылает извещение всем пилотам: в такой-то день, в такой-то час держитесь подальше от такого-то квадрата. Но у некоторых ковбоев по соседству тоже есть летные лицензии. Подозреваю, у мексиканских наркодилеров они тоже есть, но за наркодилеров мы не беспокоимся. Так или иначе, ковбои извещений не читают и все равно летают где хотят, так что нам приходится принимать дополнительные меры предосторожности. Расставляем вокруг наблюдателей, они присматривают за небом и если видят нарушителя — сразу сообщают нам. А если говорят, что небо чистое — обычно так и бывает, — значит, можно запускать!

На последней фразе он повысил голос и придал ему бравурность явно с расчетом на аплодисменты: и действительно, в толпе раздались жидкие хлопки. Тем временем Лу подошел к юному члену клуба, который в наушниках возился с радио — или, точнее, с несколькими подсоединенными друг к другу ноутбуками и какими-то таинственными коробочками, которые, видимо, вместе служили той же цели, что и радио. Тихонько переговорив с мальчиком — тот серьезно ки-

вал, — Лу объявил:

— Небеса чисты! Видимость отличная! Сейчас Шен запустит высокомощную ракету, которая сфотографирует нас с высоты в десять тысяч футов. Улыбочку! Давай, Шен!

Шен, юноша азиатской внешности, речей толкать не стал, но проявил внимание и деликатность к зрителям, начав обратный отсчет с трех. Его ракета, вторая по величине, сорвалась с «насеста» в столбе бело-желтого пламени и почти мгновенно исчезла из виду.

— Позже Шен съездит за ней на джипе, разыщет и привезет нам снимки, сделанные с борта, — пояснил Лу, в то время как Шен неловко помахал паре своих друзей в толпе. — А вот и главное событие нашей сегодняшней встречи: метеорологическая ракета, которая преодолеет отметку в сто тысяч футов и пришлет на Землю телеметрические данные о ветрах в верхних слоях атмосферы и нижних слоях стратосферы. Это поможет нам вычислить поправку на снос для тех гигантских снарядов, которые, быть может, отправятся за ней следом.

Эту ракету отправляла уже целая команда, и команда на вид вполне серьезная: одни — с белыми логотипами «Уайт Лэйбел», другие — с

символами «Летящей S». Разница между ними была довольно туманна: на Т. Р. работали и те и другие. Ракета с ревом вспорола воздух и устремилась вверх, оставляя за собой впечатляющий столб дыма. Через несколько секунд она растворилась в голубых небесах, а через миг долину сотряс раскат грома.

— Звуковой удар, — пояснил Лу. — Привыкайте!

«Привыкайте…» До сих пор Саския не задумывалась о проблеме звуковых ударов, но встреча с этим явлением во плоти привлекла ее внимание. Она тронула Виллема за плечо.

— Не покажете ли вы мне еще раз снимок ранчо? Целиком?

Несколько секунд спустя Виллем протянул ей планшет с видом на ранчо «Летящая S» из космоса. Пина2бо было трудно разглядеть, в основном из-за натянутых сеток, камуфлирующих и долину, и соседние локации. Найдя ее наконец, Саския поместила ее в центр экрана и принялась уменьшать масштаб, пока на экране не появились соседние жилые помещения. Кластеры трейлеров и модульных домов, где жили работники ранчо. Теперь стало ясно, что они расположены дугой на определенном расстоянии от Пина2бо.

На юго-западе дугу обрывал берег Рио-Гранде; на мексиканской стороне реки поселений не было. Или были? Нет, и там, прямо вдоль воображаемого радиуса, стояла кучка трейлеров.

«Эта дуга — диапазон слышимости звукового удара, — догадалась она. — Почти все они вне зоны слышимости, так что ничто не будет мешать им спать по ночам!»

После запуска метеорологической ракеты лишь самые увлеченные технари еще несколько минут пялились на компьютерные и виртуальные экраны. Обычные зрители потянулись к столу с напитками и к ряду раскаленных передвижных туалетов, установленных неподалеку. Все были веселы и оживлены, но никто толком не понимал, что происходит. Никто, кроме самого Т. Р., превратившего припаркованный неподалеку джип в импровизированный командный центр. Отсюда он то подзывал к себе, то вновь отсылал инженеров, жестикулировал, с кем-то говорил по телефону, всматривался в ноутбуки и планшеты, которые подносили ему помощники. По позам и жестам Саскии сперва показалось, что он недоволен, даже расстроен. Она ждала дурных вестей. Но ошиблась. То, что она приняла за недовольство, было решимостью Цезаря, пересекающего

Рубикон.

— Поскольку ФАА оказало нам любезность и очистило воздушное пространство над ранчо, — объявил он наконец, — сейчас мы запустим кое-что еще. Возможно, вам стоит заткнуть уши.

Он положил микрофон и повернулся спиной к толпе, лицом к комплексу в другом конце долины. Толпа постепенно смолкла. Слышно было, как вдалеке тревожно прогудел клаксон. Т. Р. осторожно перешагнул ограничительную ленту, вышел на открытую площадку возле пусковых установок, взглянул на часы.

На вершине шахтного копра блеснул и погас свет. А несколько секунд спустя долину сотряс звуковой удар. Т. Р., задрав голову, смотрел в небо — но смотреть было не на что. Он снова взглянул на часы, затем обернулся и жестом потребовал микрофон. Тут же служащий отцепил микрофон от стойки и поднес ему.

— Следующий выстрел через семь минут, — объявил Т. Р. — Если вы надеетесь что-нибудь разглядеть, то лучше выходите из-под навесов.

Сначала медленно, потом, сообразив, что происходит, гораздо быстрее люди покинули свои места в тени и собрались вокруг Т. Р., под палящим солнцем. Ограничительную ленту уже

разрезали, и обрывки ее трепетали на легком ветерке.

— Вы заметите дульную вспышку, — предупредил Т. Р. — Но, если будете смотреть на нее, все пропустите. К моменту вспышки снаряд уже выпущен. Смотреть нужно в небо выше. Итак, следующий выстрел: три… два… один…

Саския едва разглядела снаряд, с фантастической быстротой устремившийся в небеса, меж тем как под ним ярко полыхнула и погасла вспышка.

Семь с половиной минут спустя выплюнул свою «пулю» третий ствол: на этот раз Саскии удалось проследить за снарядом в течение нескольких секунд, пока он не стал невидим для невооруженного глаза. Каждый выстрел сопровождался таким же звуковым ударом.

— Ни хрена себе! — вполголоса проговорил достопочтенный лорд-мэр.

— Точно! — ответила Дейя Чанд, стоящая с ним рядом. — Даже после всего увиденного я не верила, что он возьмет и спустит курок!

— Глазам своим не верю! — подхватил Аластер. — На самом деле! Мы исправляем климат!

— Во всяком случае, мы его *меняем*, — осторожно поправила Эшма.

— Температура от этого снизится? — спросил

Руфус.

— Если продолжать выстреливать, то да, — ответила Саския.

— Значит, исправляем, — заключил Руфус.

Недалеко от них с радостными возгласами обнимались и целовались трое венецианцев. Сильвестр стоял, скрестив руки на груди, и вид у него был совершенно ошарашенный. После третьего звукового удара он подошел к Т. Р. и пожал ему руку, широко улыбаясь из-под полей одолженной у кого-то ковбойской шляпы.

Крупнейший в Мире Шестиствольник трижды разрядил каждый свой ствол, выпустив в небо в общей сложности восемнадцать зарядов, и умолк. Тестовый прогон длился пару часов, не считая времени на остывание. Задолго до конца Саскии поплохело от жары, и она вместе почти со всеми остальными удалилась в свой вагон с кондиционером, чтобы оттуда досмотреть зрелище на видеоэкране.

— Значит, мы сегодня увидели N из восемнадцати, — пробормотал Аластер, открывая бутылку «Короны».

Саския провела с ним достаточно времени, чтобы разобраться в жаргоне статистиков. Запуск одного-единственного снаряда — N из одного —

дал бы Т. Р. много новой информации. Запустив два, он получил бы некоторые дополнительные сведения. А N из восемнадцати — уже качественно большее число, на основе которого можно произвести кое-какой статистический анализ и составить представление о возможных исходах.

Местоположение упавших снарядов отмечалось в реальном времени на карте, выведенной на большой монитор. Словно бусины из порвавшегося ожерелья, они разлетелись по траектории от ранчо «Летящая S» до самой мексиканской границы. По-видимому, все они, как в планерном поезде, следовали какой-то единой базовой схеме полета. На каждом снаряде имелось две видеокамеры, одна — направленная вперед, другая — назад. Оба потока выводились на видео. Трудно представить себе более несхожие картины! Впереди виднелось только темное небо и изогнутая линия горизонта; позади — бесконечная серия вспышек, так режущих глаз, что яркость экрана пришлось уменьшить до минимума. Но это подтверждало, что пульсирующий двигатель, сжигающий серу, исправно работает и толчками выбрасывает в воздух сернистый газ.

В конце вагона Т. Р. давал интервью одному из прикормленных журналистов. Он уже опроки-

нул в себя пару банок пива, так что теперь весело и артистично изумлялся неспособности своего собеседника понять, что такое дульная вспышка.

— Это просто побочный эффект! Вспышку можно вообще убрать. Если бы мы использовали гелий, не было бы никакой вспышки — да и не надо. Единственная цель этого газа — та же, что у воздуха в духовом ружье. Да, после выстрела часть газа неизбежно вытекает из дула. Мы его контролируем, как можем, у нас есть возвратные клапаны и всякое такое. Но что-то все равно утекает. И просто его сжигать безопаснее, чем отпускать на волю и позволять ему лететь бог знает куда. — И, переглянувшись с помощником по взаимодействию со СМИ, сказал вполголоса: — Нужно больше анимации или еще чего-нибудь, чтобы проиллюстрировать процесс, — иначе все будут вот так же путаться.

Еще один приглашенный журналист задал вопрос, которого Саския не расслышала. Т. Р. кивнул.

— Да, пушка просто подкидывает снаряд на нужную нам высоту — в стратосферу. Около восьмидесяти тысяч футов. Там сера никому не причинит вреда, зато принесет много пользы. Что дальше? Если ничего больше не делать, сна-

ряд вместе с серой просто упадет обратно. Можно заложить в него взрывчатку и взорвать: при этом сера рассеется в воздухе. Можно надеяться, что какая-то часть сгорит. Таков был план А. Но наши космические инженеры решили, что можно сделать и повеселее, и изобрели мотор, работающий на сере и способный на короткое время удержать снаряд в воздухе. Рабочие характеристики у него самые худшие, какие только можно вообразить, — но это неважно: мы просто выигрываем несколько минут, когда снаряд остается на нужной нам высоте и отчаянно плюется сернистым газом. Затем топливо заканчивается, снаряд падает на землю, а мы стараемся его поймать.

Т. Р. указал журналистам на стрим с еще одной камеры, установленной у самой земли и направленной вверх. На экране отчетливо отображались растянутые сети.

— То, что вы тут видите, именно для этого, — пояснил Т. Р. — Совершенно как в цирке. Камера в нескольких милях отсюда, ближе к Рио-Гранде.

Еще несколько минут вся компания пыталась разглядеть на экранах следующую стадию процесса, но видела лишь какую-то невнятную мешанину.

— Короче, — заговорил Т. Р. после того, как его

нетерпение достигло апогея и нашло разрядку в серии комических проклятий, — суть в том, что эти треклятые снаряды — многоразовые. Мы их ловим сетями, складываем в кузов, везем обратно и стреляем ими по новой. Заодно даем людям работу — серьезную работу на земле, безопасную и высокооплачиваемую. Идите сюда, если хотите увидеть, о чем я.

Т. Р. вывел журналиста из Пивного вагона наружу — за ними последовали Саския и все прочие, — провел несколько метров до открытой площадки, где уже был установлен очередной солнцезащитный навес. Под ним лежал на демонстрационной стойке огромный снаряд. При приближении публики приставленный к снаряду сотрудник в белой шляпе принялся что-то излагать, но Т. Р. оборвал его на полуслове.

— Большая часть снаряда пустая. Просто полая. Это контейнер для серы, — пояснил он. — В этом-то вся суть. — Он похлопал снаряд по плоскому основанию. — Это поддон, на который давит водород во время выстрела. Он отпадает сразу, и мы его подбираем.

Он снял поддон и бросил на землю. Под ним открылось отверстие конической формы, ведущее в середину снаряда.

— Клиновидное сопло, ведет в камеру сгорания. Отсюда выходит сернистый газ. — Затем он подошел к острому носу снаряда, взялся за него и без усилий отсоединил. — Еще одна съемная часть. Ее снаряд отбрасывает уже в стратосфере. Падает, как волан. Мы ее находим и прикручиваем к новому снаряду… или нет. — Под острым носом обнаружилось еще одно отверстие, ведущее в глубины двигателя. — Сюда попадает воздух. — Т. Р. отступил на шаг. Без носового конуса, без поддона фантастическая «пуля» превратилась в обычный реактивный двигатель. — Мотор сжигает серу, выделяя сернистый газ, и снаряд летит вперед. Интересный побочный эффект этого процесса: спасение миллионов жизней и триллионов долларов от результатов глобального потепления. Однако с чисто инженерной точки зрения у нас тут проблема, и вот в чем: на одной сере далеко не улетишь и долго в воздухе не продержишься. — Он открыл дверцу в верхней части снаряда, и глазам зрителей предстало неглубокое, но широкое отделение, заполненное какой-то оранжевой тканью. — Показать вживую, как это работает, у нас не вышло, на видео ничего толком не разглядишь — так что просто взгляните на картинку.

И он указал на плакат, приклеенный к куску

пенопласта, закрепленному на стойке защитного навеса. Картинка изображала водный парашют, какие часто можно увидеть на буксире у быстроходных катеров где-нибудь на морском курорте: изогнутая ведущая линия, за ней — крыло из жесткой ткани и система строп, поддерживающих груз.

— Такой вот парашют придает снаряду подъемную силу, превышающую сопротивление воздуха, и помогает удерживаться на лету подольше. Он, конечно, все равно начинает снижаться, но не торопясь, без суеты. Кроме того, чем больше сгорает серы, тем легче становится снаряд. И чем ниже опускается, тем плотнее там воздух. То и другое нам на руку. К моменту, когда бак пуст, эта чертова штуковина уже так наловчилась летать, что может довольно долго скользить в воздушных потоках. Даже если она над Мексикой — вполне может вернуться и попасться к нам в сеть.

— Теперь ясно, зачем все вокруг затянуто сетями, — заметила Саския. — Неудивительно, если все эти поддоны, носовые конусы и сами снаряды дождем сыплются с небес!

— Иной на моем месте сказал бы, пожалуй, что именно для этого Бог создал Западный Техас, — усмехнулся Т. Р. — Обратите внимание

на концентрические круги по всей карте. ВКО — вероятные круговые ошибки — для всего, что падает с неба. Нам известно, где весь этот мусор должен приземлиться. Метеорологические ракеты считывают погодные условия. Затем мы прослеживаем траекторию каждого снаряда, чтобы составить точную картину ветров в верхних слоях. В результате можем заставить снаряд упасть там, где это совершенно безопасно — где нет ничего, кроме змей и камней.

— Дороговатый способ уничтожать змей! — пошутил какой-то остряк.

Т. Р. не улыбнулся в ответ.

— Отнюдь, — ответил он, — если вы прикинете стоимость моей недвижимости в Хьюстоне. — Он перевел взгляд на Саскию. — И другие могут проделать такие же вычисления. Помните цифру, которую я вам называл?

— Вы только и делаете, что называете какие-то цифры, Т. Р. Вам стоит быть конкретнее.

— Над Хьюстоном. В дроне. О каких деньгах мы говорим? Помните? А кто-нибудь помнит? 1,75 триллиона долларов. Общая стоимость всей недвижимости в Хьюстоне вместе с пригородами. Допустим, я и мои друзья — те, кто живет в больших домах на сваях вдоль Буффало-Байю, —

владеют одним процентом этой недвижимости. Это около двадцати миллиардов. Если стоимость домов в Хьюстоне упадет на десять процентов — два миллиарда вылетят в трубу. А если на десять процентов возрастет… — и он махнул рукой в сторону Шестиствольника, — *только одно это* оплатит мне все расходы.

— Вы хотите изменить климат *во всем мире,* — воскликнул Боб, — чтобы сделать деньги на продаже недвижимости в одном Хьюстоне?!

— Не только, — улыбнулся Т. Р. — Те из вас, кто не живет в Хьюстоне, могут сами посчитать то же самое для своих родных мест. Уровень моря везде один и тот же. — Он взглянул на часы. День близился к вечеру. — Ох, совсем забыл! Прошу простить, что так долго держу вас на жаре, — ведь у меня для вас подарки!

И Т. Р. указал на одинокий грузовой вагон, стоящий на запасном пути чуть поодаль. Рядом с ним высился защитный навес. Под навесом — улыбчивая красотка в белой ковбойской шляпе, странно смотрящейся вместе с геокостюмом, закрывающим красавицу от подбородка до ковбойских сапог. На Саскии геокостюма не было, и она чувствовала, что ее жароустойчивость подходит к концу, однако решила подойти и посмотреть.

Вагон был как будто специально выбран воплотить в себе закат индустриальной революции. Выглядел он так, словно за свою жизнь проехал не меньше миллиона миль, пережил несколько крушений и наконец достиг пункта назначения. Все в нем было погнуто и покорежено — ни одной прямой линии. Выцветшие, облезлые надписи на стенах почти неразличимы из-за ржавчины. Вагон был до самого верха наполнен углем, и вокруг валялись куски угля.

Подойдя ближе, под благословенную сень навеса, Саския обнаружила на столе ряд стеклянных колпаков вроде того, что демонстрировал им Т. Р. вчера за ужином. Каждый стоял на деревянной подставке. Из-под каждого сиял золотой кубик, который Саския могла бы принять за полпачки масла, если бы за последние два дня не видела столько серы — и не слышала столько разговоров о ней.

— Прошу, ваше величество; хотите забрать подарок? Я прикажу упаковать его для поездки и доставить в ваши апартаменты.

— Вы очень добры, — ответила Саския.

Подойдя вплотную, она прочла надпись, выгравированную на латунной табличке, привинченной к деревянной подставке:

ТЕХАССКОЕ ЗОЛОТО
ЭТОТ ОБЪЕМ ЧИСТОЙ СЕРЫ
нейтрализует действие глобального потепления, вызванного
ОДНИМ ВАГОНОМ ЧИСТОГО УГЛЯ.
Каждый снаряд, запущенный в Пина2-бо, содержит в 20 тысяч раз больше серы.

— Какова пропаганда! — послышалось рядом.

Обернувшись, Саския увидела у себя за спиной Корнелию. В тоне ее слышалось нечто среднее между презрением и восхищением. Корнелия признала себя побежденной и отказалась от любых попыток выглядеть элегантно в пользу геокостюма. Однако благодаря этому лицо ее смотрелось куда лучше, чем, должно быть, у самой Саскии. (Сейчас Саския использовала Лицо Номер Ноль, с каким обычно купалась или работала в саду.)

— У него талант к броским фразам, — заметила Саския. — Представляю себе, как он это декламирует на «Ютубе»! «Техасское золото»!

— Появится с этим на «Ютубе» — мигом сменит ковбойский костюм на оранжевую робу.

— Хм… понятия не имею, как все это оформлено юридически. А вы?

— Я тоже.

— Но вряд ли есть специальный закон против тех, кто запускает снаряды в небеса, а потом дает им упасть на собственную территорию.

— В Техасе? Нет, здесь таких законов быть не может, — усмехнулась Корнелия. — Хотя федералы и попытаются его привлечь за нарушение правил эксплуатации воздушного пространства — или что-нибудь такое.

— Нарушение — это когда делаешь что-то запрещенное. А он сегодня получил разрешение.

— Значит, ему перестанут выдавать разрешения.

— Тогда он обратится через их головы в Конгресс. К президенту. И… выложит всю историю на «Ютуб».

— А как насчет вас, ваше величество? — спросила Корнелия. — Как вы собираетесь решать вопрос с законом? Или это и есть… как там выразился лорд-мэр… слон посреди комнаты?

— Сейчас я вижу в комнате одного-единственного слона: невыносимую жару, — вздохнула Саския. — Пойду лучше к себе.

> Т. Р. сказал кое-что, напомнившее мне о вас.

>???

> Подъемная сила превышает сопротивление. Простите. Шутка, понятная только мне. Может быть, и несмешная.

Текст, высветившийся в телефоне Руфуса, был с неизвестного номера с кодом страны, какого он никогда не видывал. Сообщение пришло, когда он устроился за столом в фудкорте посреди модульного дома, что здешний народ называл Центральным, и принялся разворачивать буррито.

> Кто это?

> Извините. Саския. Улетаю завтра утром. Хотела поговорить с вами перед отъездом.

> Через полчаса, ладно? Схожу в душ.

> Конечно, а я пока приму ванну!

Руфус проглотил буррито несколько быстрее, чем изначально планировал, затем нашел в Центральном мужскую раздевалку с душевой. Все здесь напоминало ему армию. И не случайно: сами модульные дома и вся их обстановка — армейские, их не удосужились даже перекрасить. В таких сборных домах селятся военные

на дальних рубежах, где-нибудь в Афганистане. Хотя, сказать по совести, даже эта страна по большей части куда гостеприимнее Западного Техаса. Никаких финтифлюшек, ничего лишнего, но все нормально — по крайней мере, по стандартам новобранцев, у себя дома ничего не евших слаще морковки. Руфус оттрубил свои двадцать лет, вышел в отставку и по армии не скучал. Но в этой «центральной» полуказарме посреди долины с чудным названием Пина2бо сразу почувствовал себя как дома. Он выудил из автомата зубную щетку и миниатюрный тюбик пасты, нашел себе душевую стойку, вымылся, намылившись жидким мылом из диспенсера на стене, — все по армейским стандартам. Потом надел чистую футболку с эмблемой ранчо — S с крылышками. Смены нижнего белья у него не было, так что армейские штаны со множеством карманов натянул на голое тело. Сунул ноги в шлепанцы, грязные трусы скатал в комок и пошел к поезду — медленно, стараясь не ускорять шаг, внимательно глядя под ноги в поисках змей или колючих растений. Заглянул в выделенное ему купе в вагоне «амтрак», оставил там грязное белье и направился в шикарный старинный вагон, где обычно тусовались королева и ее свита.

Однако на этот раз нидерландцев было совсем не видно — не считая Амелии в дальнем конце вагона. По позе было понятно, что она на дежурстве, и Руфус не стал ее отвлекать.

> Куда мне идти?
> Прямо ко мне в купе.

Автоматически, по привычке Руфус спросил себя, каковы шансы, что при выполнении этого указания его пристрелят. Кто здесь может начать стрелять? Скорее всего, Амелия. Но за последние несколько дней они с Руфусом неплохо узнали друг друга: ездили в одних машинах, обедали и ужинали вместе, пока большие шишки занимались своими делами. Пожалуй, он бы ею заинтересовался, не годись он ей в отцы. Нет, вряд ли она выхватит свой «зигзауэр» и уложит его на месте. И все же указание было странное, и Руфус опасался, что Амелию это поставит в неловкое положение. Так что он двинулся по проходу к ней. Она бесстрастно смотрела на него сквозь темные очки, скорее всего, со встроенным ДР-дисплеем[60]. Широкоплечая, широкостная, нос ломала наверняка не раз. И все же выглядит

[60] Примечания: 60
ДР — система дополненной реальности.

на пять с плюсом.

— Ее величество меня пригласила…

— Знаю, Рэд.

— Понял. — Он повернулся и пошел назад.

— Спасибо, что предупредил.

— Да без проблем, Амелия.

— Тебе идет футболка.

— Считаешь, цвет подходящий?

— Ну, это не совсем наш нидерландский оранжевый…

— Знаю. Этот оранжевый чуть подзагорел на техасском солнце.

Бросив взгляд через плечо, Руфус заметил, что Амелия едва заметно улыбается.

Он постучал в дверь купе.

— Входите! — послышался голос Саскии.

Она действительно только что вышла из ванны. Ясно по влажному, жаркому, душистому воздуху, с которым ничего не может поделать современная система кондиционирования, невесть как втиснутая в этот древний вагон. Саския в терракотовом халате обмахивалась полотенцем, стараясь разогнать этот жаркий туман.

— Я оставлю дверь открытой.

— Не надо, — ответила она.

— Пусть проветрится.

— Не стоит, сойдет и так.

На самом деле Руфус не хотел закрывать дверь по иной причине — чтобы у людей не создалось ложное впечатление. Но она, похоже, о такой возможности и не задумывалась. Разумеется: о таких вещах заботится этот Виллем, ее помощник. Но сейчас Виллема нет поблизости, так что Руфусу придется взять его работу на себя…

Тут Саския прервала его раздумья: прошла мимо него, слегка задев в тесноте купе, и сама закрыла дверь. А потом заперла.

— Нет покоя от людей, желающих посмотреть на королеву, — объяснила она. — Видно, нечасто здесь появляются царственные особы!

— А сколько здесь еще этих, как вы говорите, царственных особ?

— Нисколько. Я одна. Но понимаю, почему вы решили, что нас много.

Здесь, в Техасе, со своим беглым английским она походила на обычную американку, состоятельную городскую даму. Таких легко встретить в каком-нибудь фешенебельном торговом центре, где они с подругами завтракают после занятий пилатесом. Однако, в отличие от многих таких дам, она не задается. Он помнил, как она резала сельдерей.

— «Царственная особа» — это король, королева или кто-то из их ближайших родственников. Таких людей, кроме меня, здесь нет.

— А эта Корнелия?

— Она из очень древнего и знатного рода. Намного древнее моей семьи. Но она из Венеции. А в Венеции никогда не было королей. Ею правили несколько аристократических домов, выбиравших себе лидера.

— Похоже, она готова любому глотку перегрызть за свою Венецию.

— Я тоже это заметила, — мягко улыбнулась Саския.

— А лорд-мэр?

— И его избирают. Эта должность не передается по наследству. Правда, выиграв эти выборы — очень странные, надо сказать, выборы, типично английские, — становишься лордом. Но это совсем не то же, что принадлежать к королевской семье, — можно даже сказать, нечто противоположное.

— Как это?

— Вообще говоря, большую часть времени и в большинстве мест короли со знатью живут вот так! — И она ударила одним кулачком о другой.

— Ничего себе! А я думал, вы все на одной сто-

роне.

— Будь вы средневековым крестьянином, «все эти богатеи» действовали бы заодно! На самом же деле обычно не так. Разумеется, все это древняя история; мало что оттуда приложимо к нынешним временам конституционной монархии.

— Кстати, — вставил вдруг Руфус. — А чем вы занимаетесь? Я как-то так и не спросил. В Википедии пишут, что у вас в основном символическая роль…

— Ну, прежде всего, лично я владею значительной долей «Ройял Датч Шелл».

— «Шелл»? Той самой «Шелл»? Нефтяной компанией?

— Да. Так что, даже не будь я королевой Нидерландов, все же имела бы определенное влияние на совет директоров… и так далее.

— А «Шелл» ведь в глобальном потеплении виновата побольше многих прочих.

— Это уж точно!

— Интересно… И все же вы — она.

— Кто «она»?

— Королева Нидерландов.

— Верно.

— И как королева…

— Я не могу ни-че-го, — закончила Саския. —

Разве что менять выражение лица, когда зачитываю написанную для меня речь в Бюджетный день.

— Стоп-стоп, помедленнее! — рассмеялся Руфус.

— Примерно через десять дней, — объяснила Саския, — состоится первое в году заседание нидерландского парламента. По традиции король или королева приезжают на заседание в старинном экипаже…

Тут Руфус затряс головой.

— Ясно-ясно, все это вы читали в Википедии.

— Ну да. Извините, не хотел перебивать. Просто хочу сэкономить ваши силы. Значит, вы приезжаете, садитесь в центре зала, вокруг толпа народу, все дамы в публике в шикарных старинных шляпах — и вы зачитываете вслух свою речь.

— Очень точное описание. Естественно, речь составляю не я. Где видано, чтобы монарх сам писал себе тексты?

— А кто пишет речь?

— Парламент. У нас в Нидерландах он называется Генеральными штатами.

— А кому зачитываете?

— Генеральным штатам.

— Выходит, вас можно просто выключить из

цепочки и сэкономить ваши силы?

— Это имеет символическое значение. И потом, у меня остаются разные выражения лица.

— Точно. На этом месте я и понял, что ничего не понимаю.

— Еще я могу делать паузы. Повышать или понижать голос. Принимать разные позы. Говорить быстрее или медленнее. И когда я так делаю, все думают, что в этом, возможно, выражается отношение или приоритеты нидерландского народа.

— Должно быть, у вас это отлично получается!

— Вы очень добры ко мне, Руфус. А почему вы так решили?

Руфус вдруг ощутил, что у него горит лицо. Кажется, он ступает на опасную почву.

— Да нет, я… я ничего такого не имел в виду. Просто… когда вы выражаете какие-то чувства, у вас выходит… очень красиво. И тепло.

Саския покраснела.

Надо было срочно выходить из неловкой ситуации — и Руфусу пришло в голову, что можно перевести ее в шутку, заговорив о ком-то другом:

— А вот у старины Сильвестра Лина такое бы вряд ли вышло!

Она улыбнулась и покачала головой.

— Нет, речь-то он произнесет, но о том, что он

при этом *чувствует*, нипочем не догадаешься!

Саския кивнула, все еще улыбаясь, и отвела взгляд. Кажется, она думала о чем-то своем.

— И вы говорите, — продолжал Руфус, — что этим можете влиять на события в стране?

— Так говорят, — ответила Саския. — Да, кстати, раз уж зашла об этом речь…

— Что?

— Хочу выразить свои чувства.

— Э-э…

— С первой минуты, когда мы встретились в Уэйко и вы храбро бросились наперерез опасности, чтобы помочь Леннерту, я восхищаюсь вами, Рэд, и глубоко вам благодарна. Когда вы помогли нам выбраться с аэродрома и добраться до Хьюстона по реке, эти чувства усилились и стали глубже. Но дальше программа, подготовленная Т. Р., развела нас в разные стороны, и я так и не успела выразить вам благодарность — и восхищение вами, Рэд, всем, что в вас так привлекательно. Теперь вдруг оказывается, что мне завтра уезжать. В Северном море бушует шторм, и вылететь придется рано утром, чтобы успеть приземлиться до закрытия аэропорта. Боюсь, немало времени пройдет, прежде чем наши пути пересекутся снова. И я не хочу упускать эту

возможность.

— Возможность?

Она подняла брови и пожала плечами, как бы говоря: «Кто знает?»

— Возможность чего?

— Ну… — неторопливо ответила королева, с таким видом, словно обдумывает важную фразу из своего ежегодного послания к Генеральным штатам: каким тоном, с каким выражением ее произнести, чтобы миллионы голландцев ощутили то же, что и она. — Минет я тоже не исключаю, но вообще-то надеюсь стянуть с тебя штаны!

Руфус ждал, что ему вручат медаль или благодарственное письмо — но минет… такое ему и в голову не приходило! На миг в глазах потемнело и сердце заколотилось в груди, словно он снова стоял на взлетной полосе в Уэйко и разряжал в Пятачка свой калашников. Жаль, что он не потратил лишнюю минуту и не надел трусы: член его затвердел и болезненно терся о грубые армейские швы.

— А что не так с моими штанами? — спросил он, просто чтобы выиграть время.

— О, все так. Очень практичные. Просто сейчас мешают.

— Ну… насчет первого, что вы… что ты… пред-

ложила… мне кажется, это неправильно. При твоем положении… В общем, мне будет стыдно.

— Так ведь и я не настаиваю. — Тут у Саскии зажужжал телефон, и она бросила взгляд на экран. — Моя дочь, — объяснила она, — жаждет услышать, как продвигается наше общение.

— Хочет знать, о чем мы сейчас разговариваем?

— Беспокоится о моей личной жизни в целом. Ее тревожит мое одиночество, она спрашивает себя, не ждет ли и ее в будущем нечто подобное.

Тут Саския нахмурилась, сообразив, что допустила бестактность. Руфус тоже одинок, но у него нет дочери, которая беспокоилась бы о нем. Только случайные звонки от Мэри Боски.

— А как насчет того парня, Майкла?

— Ты имеешь в виду Микьеля?

— Ну да. Я видел, ты выясняла, кто он и откуда.

— И что же? Я заставила тебя ревновать? — спросила она с надеждой.

— Что ты, о таком я и думать боялся! Знаешь, здесь, на Юге, и особенно в Техасе, цветной мужчина с белой женщиной…

— Знаю.

— Самые зверские суды Линча случались прямо там, в Уэйко.

— Прости, что напомнила тебе об этом. Ты спросил о Микьеле. Не буду скрывать, он привлекателен. Мужчина именно того типа, какого ждут от меня таблоиды. Будь здесь журналисты — они бы нас, наверное, уже поженили. Но этой связи, — и она указала на Руфуса, потом на себя и снова на него, описывая жестом какую-то невидимую нить, — у меня с ним нет.

— Ты о том, что случилось на взлетной полосе?

— Отчасти. Но… Мы оба потеряли тех, кого любили, и с тех пор идем по жизни в одиночку. Прежде всего я об этом.

Телефон зажужжал снова и, театрально вздохнув, Саския нажала кнопку, выключающую звук, и перевернула его экраном вниз.

Руфус наклонился вперед, поставив локти на колени — в такой позе штаны меньше жали и терли в паху.

— Знаешь, — сказал он, — у меня давно никого не было. Очень давно. Вдруг я все забыл?

— Не беда, погуглим.

— Думаешь, в «Гугл» даже такое можно ввести?

Оба рассмеялись.

— Я тоже этого хочу, — сказал он. — Даже очень. Просто мне и в голову не приходило, что…

Он вдруг обратил внимание на стул, на котором сидел, — старинный деревянный стул, узкий, с подлокотниками и прямой жесткой спинкой. Неудобный. Встал и опустился на ковер, прислонившись спиной к стене.

— Так-то лучше! И места больше, и вообще посвободнее. Не хочешь присоединиться?

Саския покосилась на дверь (заперта), на окно (штора задернута) — и села на пол с ним рядом, совсем вплотную. Положила голову ему на плечо. Это оказалось так здорово, что на несколько секунд Руфус застыл, как статуя, — и не сразу сообразил, что можно ее обнять.

— У тебя красивые руки, — сказала она.

— Отжимаюсь, — объяснил он. — На спортзалы времени нет. Послушай, на случай если что-то пойдет не так, если мы слишком увлечемся… я должен спросить… как у тебя с предохранением?

— Об этом не беспокойся. У нас в стране очень доступная медицина.

— В карманах у меня куча всего, — продолжал он, — но даже не помню, когда я в последний раз…

Она сунула руку в карман халата и достала оттуда блестящую упаковку презервативов.

— Какой у тебя размер? — спросила она.

— Этот подойдет.

Она прижалась бедром к его бедру — и ощутила сквозь плотную ткань два разных ножа, телефон, блокнот, запасную обойму, пару маркеров и еще какую-то неопределимую мелочь.

— В самом деле, — проговорила она, — сколько же у тебя всего в штанах! Но увидеть я хочу только одно. Покажешь?

Перевал Рохтанг

Спорные территории на индийско-китайской границе находятся в отдаленных провинциях и, кажется, не имеют к Пенджабу никакого отношения; однако, стоит задуматься о Пяти реках и их значении для Пенджаба, понимаешь, что это не так. Истоки всех пяти, а также Инда, в который они впадают, находятся в Гималаях. Заполучив контроль над верховьями рек, можно перегородить их плотиной — и ты получишь власть над рекой, а значит, и над жизнью и смертью всех, кто живет ниже по течению.

Проработать маршрут поначалу оказалось задачей не из легких: от всех этих горных отрогов и речных излучин голова шла кругом. Но несколько дней спустя география этих краев кое-как уложилась у Лакса в голове. Наибольший интерес представляло место, где располагались истоки Ченаба и Беаса — всего в нескольких километрах друг от друга, на противоположных сторонах высокого горного хребта, пересеченного кошмарными серпантинами с общим названием «перевал Рохтанг». К северо-востоку от перева-

ла начинался еще более высокогорный район Ладакх: по нему-то и проходила Линия Фактического Контроля.

Внизу, на равнинах — в сущности, повсюду к западу от Шандигара, — легко было двигаться от одной реки к другой напрямик, пересекая плоские, как стол, *доабы* — междуречные плато. Здесь было не так: топография властно требовала выбрать одну реку и подниматься по ней до самых верховьев. Самым подходящим вариантом пока что выглядел Беас. Когда-то он остановил Александра Великого — быть может, и китайцев остановит? Шимла, город в пару сотен тысяч населения, возведенный англичанами в горах, ибо на равнинах они погибали от жары, стоит не на Беасе. Но один из лучших — точнее, наименее ужасных — путей от Шандигара к верховьям Беаса пролегает через Шимлу; да и в любом случае Ясмит направлялся именно туда и жаждал помочь Лаксу (до сегодняшнего утра) и всему Братству (теперь) всем, что в его силах. На полдороге к Шимле он остановился на фабрике, стоящей, как и все здесь, на неправдоподобно крутом склоне, и забрал груз. Парни загрузили ящики в кузов и, сидя на них, проехали остаток пути.

После того как они расстались с Ясмитом в Шимле, путешествие сильно замедлилось; странствовать целой компанией оказалось сложнее, чем в одиночку. Впрочем, уже недалека была долина Беаса, ведущая на север — прямиком к их цели. Параллельно реке, по обоим ее берегам, шли две дороги. Потеряться невозможно. Так что на пару дней *бхаи* разделились: ехали на разных попутках или на автобусах, поддерживали связь по телефону, по вечерам воссоединялись в мотелях или дхабах. Здесь они ощущали себя меньшинством: Пенджаб остался позади, провинция была в основном индуистская, сикхов не слишком много. Впрочем, чем дальше на север, тем чаще попадались на пути буддисты из Тибета и западные приезжие с рюкзаками на плечах. Из этих последних одни были чистыми искателями приключений, другие — пилигримами, символически и буквально ищущими путь в Дхарамсалу[61].

Все чаще сталкиваясь с такими людьми в хостелах или на автобусных остановках, Лакс с новой силой ощущал свое странное, межеумочное положение. Продолжая аналогию Ильхама:

---

[61] Примечания: 61

Город в штате Химачал-Прадеш, где расположена резиденция далай-ламы, духовный центр тибетского буддизма.

если у них Братство Кольца, то Лакс — Арагорн, получеловек, полуэльф, равно способный и держать совет с лордом Элрондом в Имладрисе, и глушить пинтами пиво в хоббитском трактире. Вдали от своего современного рюкзака он выглядел совершенно как пенджабский сикх — таким его и считали и местные, и приезжие с Запада. Едва открывал рот, люди в большинстве своем решали, что перед ними американец, хотя по артикуляции и по манере произносить некоторые гласные иные узнавали в нем канадца.

Впрочем, он ни с кем близко не сходился. Рюкзачники с Запада тащили с собой нескончаемые мыльные оперы, с бесконечным числом серий и персонажей: такая-то спит с таким-то, такой-то крутой чувак, такой-то наркоша, такой-то лодырь, такой-то любит ездить на чужой шее, такой-то все ходы-выходы знает, а такой-то полный дебил, а такой-то никогда не поднимает сиденье в туалете… Для Лакса все это было бесполезно, так что он слушал вполуха и помалкивал.

На первом этапе путешествия дальнобойщики, подвозившие его — все сикхи, — полагали, что перед ними обычный путник, по каким-то своим причинам желающий добраться из пункта А в пункт Б. Когда проехали Куллу, все изменилось.

К югу от Куллу молодой путешественник еще мог стремиться куда угодно, и шест у него в руке оставался просто палкой, полезной штукой, например, если понадобится отогнать бродячих собак. Но к северу от Куллу цель и намерения Лакса стали очевидны, и насчет шеста заблуждаться не приходилось. Он больше не прятался — не скрывались и его *бхаи.* Они развязали связку ротанговых шестов и раздали оружие всем, даже Ильхаму, не умевшему драться. Багаж их отяжелел от еды и теплой одежды: то и другое жертвовали и дальнобойщики, и люди в дхабах, узнав, куда они направляются.

Легкость, с какой они добрались до Манали — последнего города на Беасе перед подъемом на высокогорье, — не позволила Рави отколоться от Братства. Всю дорогу он твердил, что только провожает Лакса и компанию, что просто хочет посмотреть горы и скоро, уже совсем скоро со всеми распрощается и отправится домой. Но не успел он оглянуться, как оказался в Манали, где горы повсюду: со всех сторон, на расстоянии всего нескольких миль, окружают тебя самые настоящие Гималаи — смотри не хочу! Запасы у Братства не кончались — наоборот, росли с каждым днем. Никакие трудности и опасности в

пути пока не встретились. Да если бы и встретились — и самый избалованный путешественник подумал бы дважды, прежде чем ныть на глазах у Ильхама, пережившего настоящий ад. Иными словами, возможности сказать: «С меня хватит, я домой» — Рави так и не представилось.

Манали — любопытное место, где сходятся очень разные потоки человечества. Не сталкиваются, а просто текут рядом, в параллельных мирах. Местная экономика держится на туризме. Индийцы традиционно едут сюда на медовый месяц. Для приезжих с рюкзаками Манали — перевалочная база для походов в горы. Прибавьте к этому не столь заметное сообщество беженцев с севера, собирающихся здесь естественным путем, — это первое место, где у человека, спустившегося с гор безо всего, появляется шанс выжить. Четвертый поток — военные; но они живут у себя в казармах, ездят на своих машинах и иногда даже по собственным дорогам. Неофиту, впервые попавшему в город, требуется пара дней, просто чтобы во всем этом разобраться; но Ильхам повел друзей прямо к неприметному хостелу на окраине, где цены были невысоки, условия очень приличны, а заодно он служил перевалочным пунктом для немалого числа ти-

бетских и уйгурских беженцев, разбивших лагеря неподалеку. Здесь «братья» устроились на ночь, поужинали своими пожертвованиями — теми, что не могли храниться долго, — а потом вышли во внутренний дворик и там приседали, отжимались и делали упор-присед до изнеможения, под удивленными и восхищенными взглядами других гостей. Манали располагается на уровне двух тысяч метров — в сущности, одна миля — от уровня моря. В сравнении с местами, куда они направляются, это низина; однако легкие уже чувствовали разницу.

Особенно внимательно наблюдали за их тренировкой двое парней: на вид азиаты, но судя по одежде и разговору — англичане из рабочего класса. Лакс догадался — как выяснилось, верно, — что это сикхи, но нерелигиозные; по крайней мере, они не носили ни длинных волос, ни бород, ни тюрбанов. Что ж, хотя бы браслеты на месте. Судя по щетине, теперь они решили отращивать бороды во искупление грехов — или, быть может, в последнюю неделю им просто негде было бриться. У каждого был с собой шест, но в остальном набор вещей довольно скудный. Парни назвались Сэм и Джей: Лакс заподозрил, что это англизированные варианты традици-

онных имен у них в паспортах. Щурясь сквозь сигаретный дым, оба с одобрением смотрели, как работают шестами Лакс и Гопиндер, а потом подошли поговорить — и тут оказалось, что в бое на шестах они не новички и задают очень практичные вопросы.

Немного сблизившись с Лаксом и прочими, Сэм и Джей без обиняков рассказали о себе. Они — футбольные фанаты. Не обычные болельщики, а «хулиганы», которые ездят организованными группами на матчи в Афины, Варшаву, Лиссабон и там месятся с такими же организованными в банды фанатами других команд. Но вот они достигли зрелых лет (обоим было по двадцать пять), когда мудрость и внимание к себе начинают затемнять ясность суждения. Они слышали, что где-то на Крыше мира идет война, в которой сражаются камнями и палками, — и им пришло в голову: а ведь навыки, полученные в околофутбольных сражениях, можно поставить на службу Индии против Китая. Сэм и Джей не стали говорить прямо: «Мы хотели бы войти в вашу команду» — для этого они были слишком горды и несговорчивы; но скоро начали вести себя так, словно это дело решенное.

В здешних местах, объяснил Ильхам, порядок

такой: водители, решившие ехать на север, стараются встать как можно раньше, чтобы проехать до возникновения пробки, образованной другими машинами, следующими той же стратегии. Встать придется так рано, что ложиться, по сути, нет смысла. Скооперировавшись с Сэмом и Джеем, Братство решило ехать на двух такси. Багаж уложили в багажники, а что не влезло — на крыши, и там же, на крышах, закрепили шесты. На взгляд молодых искателей приключений, выглядело очень круто! Однако когда они выехали, на дороге, ведущей из города на север, было уже не продохнуть.

До недавних пор тем, кто желал преодолеть перевал Рохтанг, приходилось взбираться по бесконечно извилистым дорогам на четыре тысячи метров вверх, а потом спускаться по такому же серпантину на три тысячи метров вниз, к истоку Ченаба. Оттуда шоссе немыслимыми петлями вело в Ладакх, высокогорную провинцию, страдающую от недостатка воды и кислорода и граничащую с Китаем. Отдаленный и малонаселенный, Ладакх связан с остальной Индией всего несколькими дорогами, по которым транспорт сочится, как через бутылочное горлышко. Вот откуда такая толкучка на шоссе, которое при

иных обстоятельствах в этот ранний час было бы совершенно пустынно.

Несколько лет назад правительство наконец пробурило очень длинный и глубокий тоннель, идущий сквозь отрог Гималаев, отделяющий Беас от Ченаба, в обход ненавистного перевала Рохтанг. Теперь через несколько километров после Манали дорога раздваивалась. Более новая ветка шла налево, ко входу в тоннель. На правой, ведущей к перевалу, машин теперь было поменьше. Она проходила через небольшое поселение, а дальше начинала круто забирать вверх. Довольно скоро на земле появился снег; по обочинам вдоль шоссе начали расти сугробы и скоро превратились в вертикальные стены, сперва по окна автомобилю, потом по крышу. Где-то на полдороге, остановившись перекусить в маленькой дхабе, путники сумели взобраться на такой сугроб и оттуда взглянули на вторую дорогу: бесконечная змея красных тормозных огней, от долины до самого въезда в тоннель. Самого въезда под таким углом было не видно, но несложно догадаться, где он — там, где красные огоньки блекнут в арктически холодном круге света от белых светодиодных фонарей. Там, если верить Ильхаму, и закончилось бы

их путешествие, и Лакс совершил бы большую ошибку, если бы решил ехать этим путем. Ведь не случайно правительство потратило на этот тоннель миллиарды долларов. И уж точно не для того, чтобы облегчить жизнь паломникам с рюкзаками и дальнобойщикам, везущим в придорожные дхабы отдаленного Ладакха сигареты и шоколадные батончики, — хотя по счастливому совпадению тоннель служил и этим целям. Но прежде всего это было оборонительное сооружение, задача которого — улучшить стратегическую коммуникацию с китайским фронтом. За время поездки стало вполне очевидно, что значительная часть транспорта здесь военная, и даже многие грузы, перевозимые на гражданских машинах — например, арматура, — имеют явно военное назначение. Короче говоря, по этой причине при въезде в тоннель гражданские машины досматривали и проверяли документы у водителей и пассажиров. Путь для Лакса и для Ильхама на этом бы и закончился. Остальное Братство, быть может, сумело бы прорваться и подождать на той стороне, но они решили не расставаться. Сэм и Джей, следуя принципу: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж», выбрали остаться с ними. Это было разумно: они не говорили свободно ни

на одном языке, кроме английского, да и во многих других отношениях плохо ориентировались в этих краях.

Наконец, уже ближе к полудню, таксисты высадили путешественников, объяснив Рави на хинди, что дальше будет быстрее идти пешком. Впрочем, это и так было ясно: несколько такси уже стояли здесь, а их пассажиры, десятки людей, карабкались вверх по склону горы, наперерез серпантину. Братство высадилось, разгрузило свой багаж и двинулось в путь, покряхтывая и постанывая от непривычно разреженного воздуха. Лакс с горой снаряжения в рюкзаке почувствовал себя немного глупо, когда путь его пересекся с каким-то местным, который лез себе в гору в обычной уличной одежде, простых ботинках и с авоськой в руках. Сэм и Джей тоже смотрелись забавно: они нацепили на себя теплую одежду, привезенную из Англии и не слишком подходящую для покорения Эвереста.

Они шли вперед, и снег редел, ибо наши путники находились уже на территории Ладакха — местности сухой по той же причине, по которой Пенджаб не испытывает недостатка в воде: горы задерживают влагу и сливают ее в реки, точь-в-точь как в Каскадных горах у Лакса на

родине. Вся вода течет наружу — внутри остается пустыня. Открытую площадку в начале перевала местные использовали как туалет на открытом воздухе: здесь Лакс порадовался, что ковид лишил его обоняния. Осторожно перешагивая через кучки дерьма, друзья добрались до горстки домов и нашли здесь гостиницу, где можно было переночевать. Здесь они и познакомились с Пиппой, Беллой и Сью.

По дороге из Шимлы Лакс уже пару раз пересекался с этими девушками, так что теперь и знал их в лицо, и помнил, кто откуда. Долговязая веснушчатая Пиппа — из Новой Зеландии. Белла — аргентинка. Сью (видимо, англизированный вариант реального имени) — из Кореи. Поначалу они не были вместе. Но одиночки с рюкзаками, особенно женщины, склонны образовывать тактические союзы, когда в столовой хостела или на автобусной остановке обнаруживают, что движутся в одну сторону. Как видно, объединились и эти девушки: прикрывали друг другу спину, прижимались друг к другу в поисках тепла — или, как сейчас, играли в «Подземелья и драконов».

Еще в Куллу, взглянув на Лакса, девушки могли сразу понять, что он едет на север, на Линию Фактического Контроля. Сам Лакс, однако, ни за

что не предположил бы о них того же. Вплоть до этого вечера, когда, спустившись в дымную землянку-гостиницу — дома здесь располагались наполовину под землей, — увидел всех трех рядышком, увлеченных игрой и тушенкой из одной тарелки. Они шли через перевал по той же причине, что и Лакс; Белла, увлекшись тусовочной жизнью на Гоа, просрочила визу и теперь боялась, что ее поймают на блокпосте при въезде в тоннель. Сью во время перехода настиг приступ горной болезни, и подруги остановились в гостинице на денек, чтобы дать ей прийти в себя.

Белла и Сью, как выяснилось, отправились сюда по обычным причинам, зовущим в дорогу рюкзачников: побывать в крутом месте, где никогда раньше не бывали, ради приключений. А вот у Пиппы была миссия. Самая настоящая — хоть взвалила эту миссию она на себя сама. Большую часть пути вверх по долине Беаса она проехала вместе с каким-то парнем из Калифорнии, как можно догадаться, из тех вдохновенных киноделов, у которых хватает денег на любые проекты (или как минимум на то, чтобы писать о своих проектах в твиттере), но не хватает воли и упорства доводить дело до конца. Поэтому на выезде из Манали они расстались. Лакс знал таких лю-

дей: в Ванкувере их хватало — целый маленький Голливуд. Не раз видел их в кофейнях и пивных, где они обсуждают грандиозные планы и с тоннами пафоса общаются с себе подобными. Пиппа выросла в Веллингтоне, столице киноиндустрии Новой Зеландии. Свою задачу она видела в том, чтобы присоединиться, хотя бы на время, к сети стримеров, документирующих конфликт, в котором Лакс решил принять участие.

В начале разговора Лакс собирался держать Пиппу на расстоянии вытянутой руки. Какой будет толк, если с ними увяжутся три женщины? Но чем дальше шла беседа, тем лучше он понимал, что, пожалуй, Пиппа им нужнее, чем они ей. Она задавала один за другим вопросы, на которые Лаксу следовало знать ответы. Какой участок фронта они выбрали? Может быть, юго-восточный «палец» Ноги Яка, где в последнее время кучкуются китайцы, и давно пора кому-нибудь их отогнать? Или «колено» дальше к северу, где, как ходят слухи, индийские добровольцы готовят контрнаступление через ледник, питающий Пангонг-Цо? Присоединятся ли к чужому отряду, или создадут свой собственный? Будут драться только шестами или хотят усилить свой отряд камнеметчиками? К какой сети лангаров при-

соединятся — или, может быть, у них какая-то собственная система снабжения? Откуда возьмут деньги — они на самофинансировании или на краудфандинге и, если второе, каким краудфандинговым сайтом пользуются? И наконец — самый неприятный для Лакса вопрос, — как он планирует использовать гатку в поединках с бойцами различных региональных стилей кун-фу?

Лакс промямлил — увы, к этому моменту он уже откровенно мямлил, — что считает гатку вполне подходящим стилем против любого китайца, который вздумает помериться с ним силами. Тут у Пиппы появились новые вопросы. В курсе ли Лакс, что северный берег озера Пангонг-Цо сейчас охраняют «Железные львы» — команда отборных бойцов из элитных школ пигуацюань вокруг Цанчжоу, где обучают упрощенному варианту стиля «Безумный демон» с асимметричными шестами из красного дуба? Или, может быть, его цель — Чушуль, на который сейчас наседает отряд бойцов из Гуаньчжоу, искусных в более классическом южном стиле, происходящем от вин-чун? С теми и другими, очевидно, требуются разные тактики, учитывая, что вторые предпочитают необычайно длинные и гибкие шесты из углеволокна, которые изготовляют для них

восторженные поклонники на китайских аэрокосмических предприятиях.

Быть может, все сложилось бы иначе, задавай Пиппа все эти вопросы высокомерно и самодовольно, кичась своей осведомленностью. Но она была не из таких. Как ни поразительно было невежество Лакса, Пиппа оставалась милой и спокойной и вопросы свои задавала тоном благовоспитанного и любопытного ребенка. Вовсе не старалась взять над ним верх. Ей просто не приходило в голову, что можно зайти так далеко, как Лакс, настолько не владея матчастью. Чтобы проиллюстрировать какие-то свои слова, она вывела Лакса наружу, где лучше ловила спутниковая связь, и показала несколько видеоканалов по теме. Каналов этих, оказывается, были десятки — один их список занимал несколько экранов. Каждый представлял собой видеоотчет стримера — такой хотела стать и Пиппа — о путешествии вдоль Линии Фактического Контроля. И на каждом было хотя бы несколько (а на многих — десятки) роликов, запечатлевших зрелищные моменты конфликта. Некоторые стримеры старались работать в манере кинодокументалистов — собирали комментарии, показывали бэкграунд. Пока воины сражаются, доброволь-

ные помощники в импровизированном лангаре варят для них чечевицу, и всякое такое. Других, помешанных на боевых искусствах, интересовали только разные стили боя или конкретные бойцы; стримеры гонялись за ними, словно детишки за Покемонами. Немало роликов носили названия вроде: «СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ удар ногой! Большой Талиб ОТМЕТЕЛИЛ китайца на хребте Канджу!» или: «NSFW![62] НЕРВНЫМ ОТОЙТИ ОТ ЭКРАНОВ! Китайский камнеметчик зарабатывает СЛОЖНЫЙ ПЕРЕЛОМ в битве на леднике!».

Прежде чем Лакс успел все это разглядеть и осознать, Пиппа принялась открывать новые ссылки. Скоро с английскими названиями роликов начали соперничать китайские. А вот уже китайскими стали все. Должно быть, Пиппа рассортировала каналы по языку. Только после нескольких экранов китайских роликов настала очередь роликов на хинди или пенджаби. Их было гораздо меньше: как видно, большинство стримеров с индийской стороны фронта использовали английский.

---

[62] Примечания: 62

Not Safe For Work («не подходит для работы») — тег, предупреждающий о спорном контенте, который не стоит смотреть в присутствии посторонних. Обычно таким образом помечаются эротика, порнография, сцены насилия и т. п.

Тем временем, словно для усиления эффекта, Сэм и Джей выбрались на улицу покурить (не то чтобы кого-то в гостинице беспокоил табачный дым, но они стыдились этой своей привычки и, как бы в знак раскаяния, ходили курить на воздух). Поскольку вокруг смотреть было особо не на что — только голая земля и камни, — они подобрались поближе, стали смотреть Пиппе через плечо и отпускать замечания о разных каналах, мелькающих на экране: замечания, из которых следовало, что с очень многими из этих каналов они знакомы.

— О, это что, новое видео от Санджая? — спрашивал Сэм, пока Пиппа просматривала плейлист какого-то индо-австралийского стримера с кучей подписчиков.

— Точно, вчера его еще не было! — подтверждал Джей. — Ты смотри, уже пятьсот тысяч просмотров! Должно быть, зверское месилово!

Пиппа послушно прокрутила новое видео на замедленной перемотке, и все увидели, как китайский боец с массивным шестом сбивает с ног легкого и подвижного противника-сикха. Шест был сделан, кажется, из пластмассовой водопроводной трубы, выкрашен красной краской, разрисован китайскими иероглифами и

корпоративными логотипами: примерно так разрисовывают рекламой спонсоров гоночные машины.

Затем видео прервалось на пятнадцать секунд: началась новозеландская реклама страховки квартиры.

— Так-то, — высказался в перерыве Сэм. — Эти твои прыжки и скачки тут до могилы доведут. В бальном зале они, может, и хороши, а здесь если не стоишь твердо на земле — тебе трындец.

Ту же мысль, в максимально сильных выражениях, высказал и Джей.

Лакс чувствовал, как под тюрбаном по голове стекает пот. С чисто боевой точки зрения в возражении Сэма был резон, и серьезный. Несомненно, та же тема обсуждалась в длинном треде комментов, свисающем из-под видео, словно дерьмо с задницы яка.

В комменты Лакс не полез. Он злился, но не на собеседников, а на себя — за то, что зашел так далеко, не удосужившись выяснить матчасть, которую все они считали само собой разумеющейся. Пиппа смотрела на него то ли с легким беспокойством, то ли с откровенной жалостью.

— Теперь, когда мы добрались до Ладакха, — объявил Лакс, — нам предстоит принять

решения. Куда мы идем, как туда попасть, что будем делать, когда туда доберемся. Завтра мы спустимся в долину. Нужно посмотреть свежие видео, изучить по картам, как двигается Линия, и посмотреть, к чему это все нас приведет. — И взглядом, и жестом он дал понять, что это «мы» включает в себя Пиппу и ее подруг.

На следующее утро Братство, достигшее толкиновской численности в девять голов, прошагало пешком десять километров по долине к северному выходу из тоннеля. Это оказалось быстрее, чем искать в такой глуши машину, готовую принять на борт их всех разом. Высота местности составляла тридцать две сотни метров над уровнем моря — цифра серьезная, — однако дорога была ровной, как стол. На попутках они проехали по долине еще несколько километров, до места, где дорога разделялась на две, идущие на запад и на восток. Восточная дорога вела на фронт. По прямой до фронта двести километров, а по серпантинной дороге с ее бесконечными извивами, крупными и мелкими, — более чем вдвое больше. Путь шел через невысокий горный массив, занимающий все пространство между Гималаями, которые остались позади, и почти столь же величественным Каракорумом. Таким образом

переход оказался не только очень длинным, но и очень медленным. На многих поворотах их обгоняли велосипедисты и даже пешеходы.

Замечание Пиппы о логистической сети, которого Лакс поначалу не понял, теперь обрело смысл. Пиппа много и оживленно обсуждала логистику с Ильхамом. Впрочем, по мере того как шли дни и приближался фронт, она все больше сосредоточивалась на видеосъемках, а различные пути снабжения, щупальцами тянущиеся к фронту, стала изучать Белла. Гопиндер, говоривший на пенджаби куда лучше Лакса, помогал ей в этом разобраться. Кореянка Сью, вторым языком учившая мандаринский диалект китайского, сделалась в группе кем-то вроде аналитика разведки: просеивала свежие видео с фронта и отмечала на карте «горячие точки».

Они снова пересекли рубеж в четыре тысячи метров, а затем и в пять тысяч, прежде чем опять начали терять высоту. Голые горные хребты над речными долинами казались неправдоподобно высокими, словно марсианские горы. Но вот путешественники вновь спустились на скромную высоту в три тысячи триста метров, чтобы пересечь долину Инда. Река сперва текла с гор на северо-запад, затем поворачивала на юг и

устремлялась к морю, по дороге вбирая в себя воды пяти рек Пенджаба. Место, в котором путники переправились на тот берег, отстояло от вечно «мерцающей» границы всего на девяносто километров. Однако переправа через Инд для любого, кто связан с Индией, — событие нерядовое; поэтому они остановились здесь на ночь, собрали все Братство, рассеянное по разным автобусам, в одном месте, поужинали за одним столом и легли спать, чтобы наутро вместе шагнуть в неведомые земли. Теперь они путешествовали просто на автобусах, все пассажиры в которых были похожи на них самих — такие же люди, едущие на восток с той же целью. Проехав перевал высотой в пять тысяч четыреста метров, остановились на ночлег в маленькой деревушке, чтобы сделать селфи на фоне гор и пополнить наличными местную экономику. Потом спустились на высоту в четыре тысячи, где уже можно было жить: здесь дорога снова разветвлялась. Любому, кто направлялся к Линии, требовалось пройти через контрольный пункт на перекрестке. Ради этого индийская армия выстроила здесь логистическое депо и поставила блокпост. Военные машины, которых здесь проезжало множество, пропускали без всяких проверок. Транспорт с добровольцами

останавливали, пассажиров заставляли выйти и загоняли в большую пневматическую конструкцию. У некоторых приезжих уже имелись чипы, так что их свободно пропускали через ряд металлических детекторов на другую сторону. Других же — в том числе и всех членов Братства — отвели в баскетбольный зал, где им предстояло, рассевшись на полу, просмотреть презентацию о Линии Фактического Контроля и пройти тест.

Южный Техас

Т. Р. — или, вернее, его пилот — любезно посадил вертолет поодаль от места, где Руфус припарковал свой трейлер, и с подветренной стороны. Так что машину Руфуса не забросало мелкими камешками и не покрыло пылью — двумя основными компонентами этой части Техаса — на полпути между Сан-Антонио и Ларедо, в пятистах милях к востоку от ранчо «Летящая S». Была половина седьмого утра; день обещал быть ясным, но не чересчур жарким. Согласно расписанию, проработанному командой Т. Р. с поразительным вниманием к деталям, Руфусу предстояло наслаждаться вниманием босса в течение трех часов; после этого наступало то, что они называли «полный стоп». Что это значит, Руфус не знал — и, судя по тону, каким об этом говорили, лучше было и не спрашивать. Он уже представлял себе, как ровно в девять тридцать, если не сможет к этому моменту выполнить всю намеченную программу, его на полном ходу выкидывают из вертолета.

Так что он уже поднялся, собрался и был готов

лететь. Но Т. Р. словно никуда и не торопился. Руфус догадался, что для него это приятная передышка от привычных занятий, составляющих плотное расписание бизнесмена такого ранга. Выйдя из вертолета, Т. Р. еще с минуту стоял рядом и разговаривал с кем-то на заднем сиденье. Руфус навострил уши, уловив солидное механическое клацанье хорошо смазанного затвора. Т. Р. бросил напоследок что-то неразборчивое — кажется, о том, как ему не терпится пострелять, — развернулся и, хрустя ковбойскими сапогами по камешкам, двинулся туда, где Руфус прошлой ночью разбил свой лагерь. Это был конец одной из местных дорог, место, где она, словно ручей в пустыне, высыхала и уходила в землю. Координаты Руфус получил вчера сообщением через приложение с шифровкой данных, которым, по настоянию Т. Р., пользовалась вся его команда.

Руфус предложил приготовить завтрак. О том, как принять высокого гостя, он подумал заранее, так что установил сбоку от трейлера надувной тент, развел огонь и сейчас жарил *huevos rancheros*[63] под красным соусом чили. Кофе был

[63] Примечания: 63

Мексиканское блюдо: яичница на тортилье (кукурузной лепешке) с острым соусом.

уже готов.

— Ух ты! Как аппетитно пахнет! — воскликнул Т. Р. еще издалека. — А мы приземлились с подветренной стороны.

— Спасибо. Заметил и оценил.

— Ну как вам здесь? — спросил Т. Р., широким жестом обводя окрестности.

Русло ручья пересохло, однако, как видно, подпочвенных вод здесь было достаточно, чтобы вырастить скудную рощицу. На ветвях деревьев щебетали птицы. Словом, кипела жизнь.

— Я позволил себе нарубить мескитовых веток, — пояснил Руфус, кивнув в сторону костерка с ароматным дымом, вокруг которого он расставил складные стулья.

— О, на здоровье! В мескито у нас недостатка нет. Щедрый дар природы! — ответил Т. Р.

Он помахал Руфусу на расстоянии согласно этикету социальной дистанции — тот ответил тем же — и опустился на один из складных стульев.

— Вот кофе, наливайте себе, только не обожгитесь, — предупредил Руфус.

— Премного благодарен, — ответил Т. Р., цедя яванский кофе в кружку из закопченного чайника. — Как считаете, сколько свиней сегодня прикончим?

— Столько, на сколько у вас хватит времени, сэр. Я знаю, где они живут, — ответил Руфус. Он посыпал яичницу пряностями, разложенными вокруг плиты.

— Как вы их нашли? Как вообще это делается?

— Где искать, подсказывают спутниковые фото. Я еду туда на пикапе, осматриваюсь. Ищу следы. Дальше в дело вступают дроны. Камеры на современных дронах видят лучше невооруженного глаза. Свиньи, если вы в курсе, трутся боками о деревья, избавляясь от паразитов, и при этом повреждают древесную кору, так что их следы легко заметить. — Руфус оторвался от своей работы и взглянул на него. — Будь я здесь один, выехал бы ночью и сам все сделал. Но поскольку здесь вы с вертолетом, ночью я решил поспать. — Он снял яичницу с огня, положил одну порцию на жестяную тарелку и поставил на складной стол перед Т. Р.

— О, мерси! Выглядит еще лучше, чем пахнет! — заметил Т. Р., заправляя за ворот рубашки цвета хаки белоснежную салфетку. — Благодарю.

— Всегда пожалуйста. — Руфус вернулся к плите, выключил огонь и положил оставшуюся половину себе. — Считайте, это арендная плата за то, что позволили мне разбить здесь лагерь.

— Рэд, расскажите мне о дронах.

Руфус задумался, пережевывая первый кусок яичницы.

— Они как оружие.

— Что вы имеете в виду?

— Ну вот вы, допустим, покупаете себе ружье. Самое обычное, которое стреляет пулями. Ладно. Потом решаете, что вам нужен приклад ручной работы. Покупаете в Интернете. Дальше оказывается, что без специальной отвертки эту чертову штуку не установишь…

Т. Р. засмеялся.

— Покупаете и отвертку, — продолжал Руфус. — Даже, может, целый набор отверток. Кладете в ящик. Идет время. Постепенно все изначальные детали ружья вы заменяете на новые. Может, докупаете и другие ружья. В ящике у вас уже полно старых деталей и разных инструментов. Так вот: с дронами то же самое, только хуже. — Он кивнул на трейлер. — Это и есть мой ящик.

— Хм, если бы я мог расстаться с этим сказочным завтраком, непременно попросил бы у вас разрешения подняться на борт и взглянуть, как этот «ящик» у вас устроен!

— Времени у нас полно, можете и доесть спокойно, и ко мне заглянуть, — ответил Руфус, хоть

и начинал чувствовать, что время поджимает.

Но он напомнил себе, что прикончил уже чертову прорву свиней, что в этом нет ничего нового или сложного — и вообще, думать сейчас надо не о свиньях, а о том, что понадобилось от него Т. Р. Мак-Хулигану. Об этом Руфус мог только догадываться, но чувствовал, что Т. Р. намерен что-то ему предложить.

И еще он вспоминал о том, что вчера занимался любовью с королевой.

— Бог ты мой, Рэд! Да у вас тут просто мир ярлыков! — воскликнул Т. Р.

Довольный яичницей и кофе, теперь он осматривал трейлер. Руфус постепенно модернизировал свое жилище, заменяя встроенные шкафы модульными стеллажами из прозрачной пластмассы. Стеллажи были разделены на пронумерованные отсеки; на каждом — отдельный ярлычок.

— Синие ярлыки — это все, что относится к дронам. Красные — оружейные детали. Белые — все остальное. — Больше всего здесь было синих ярлыков.

— Рэд, как вам удается быть таким организованным?

— Это в меня вбила армия. А довершил дело

собственный бизнес. Знаете, когда ездишь по большим дорогам, то тормозишь, то снова трогаешься в путь, трясешься на ухабах, словно в стиральной машине, — все за один день перемешается и перепутается, если не разложить вещи по отдельным ящикам. В одной главе «Моби Дика»…

Он уже готов был пересказать главу девяносто восьмую, под названием «Разливка и приборка», посвященную тому, как на палубе «Пекода» разделали кита, а потом все вымыли, прибрали и разложили по своим местам так эффективно, словно ничего и не произошло.

— Я читал, — прервал его Т. Р. — Понимаю. Это ваше китобойное судно, так что здесь всему свое место и все на своих местах. А вы капитан Ахав, верно?

— Сдается мне, я больше похож на простого гарпунщика.

— Отличный выбор. Гарпунщиком быть надежнее.

Т. Р. повернулся, окидывая взглядом все, что громоздилось за полупрозрачными дверцами стеллажей: батарейки, передатчики, пропеллеры от дронов, мотки разноцветных проводов, крохотные крепежные элементы, ювелирные отвертки,

трубки теплоотвода, гемостаты из нержавеющей стали. Там, где когда-то стояла микроволновка, теперь был установлен 3D-принтер.

— Боже правый, — воскликнул он, — да вы просто дрон-рейнджер![64]

Потом они вышли, сели в вертолет и немного постреляли свиней. Свиньи оказались именно там, где Руфус и предсказывал. Убивать их с вертолета было плевым делом — словно в компьютерной игре на самом легком уровне. Т. Р. захватил с собой целый ассортимент оружия, старого и нового, извлеченного, как догадывался Руфус, из какой-то немыслимо дорогостоящей коллекции. Каждые несколько минут он предлагал Руфусу новый ствол. Представлял их одинаково: похлопывая по стволу, жизнерадостно сообщал, что «отдача у него убойная, но дело свое знает!» Однако, пока Руфус стрелял, Т. Р. не спускал с него глаз, и Руфус чувствовал, что тот оценивает его сразу по нескольким параметрам: умение обращаться с оружием в целом, меткость, внимание к безопасности и так далее. В какой-то момент ближе к концу собеседования — он уже не сомневался, что это собеседование перед при-

[64] Примечания: 64

Отсылка к знаменитому герою американской поп-культуры Одинокому рейнджеру — Lone Ranger.

емом на работу, — Т. Р. подбросил ему каверзную задачку, предложив раритет: старинную винтовку обойменного заряжания, судя по всему, армейскую.

— С таким оружием я не знаком, — сказал Руфус, оглядев винтовку. — Будет проще, если вы мне покажете, как с ним обращаться.

Т. Р. с энтузиазмом показал. Руфус повторил его движения, время от времени взглядывая на него, чтобы убедиться, что все делает как надо, и подстрелил крупную свинью с пятидесяти ярдов. Он понимал: если бы решил похвалиться своей компетентностью и начал разбираться с винтовкой сам, не прося помощи, — провалил бы собеседование. Т. Р. похлопал бы пилота по плечу, они приземлились бы где-нибудь возле лагеря. Т. Р. оплатил бы ему наличными потраченное время — на том бы и распрощались. Но Руфус попросил помощи — и тем самым, видимо, повлиял на окончательное решение. Интерес Т. Р. к миру диких свиней резко угас. Десять минут спустя они уже снова сидели у костра, пили кофе и обсуждали условия.

— Я ведь не из крутых десантников, — счел нужным предупредить Руфус, прежде чем разговор зашел слишком далеко. — По большей

части сидел на базе. Бывало, по нам палили из минометов или стреляли снайперы. Растяжки взрывались. В общем, навидался всякого. Но я не Рэмбо. Я просто механик.

— Послушай, Рэмбо у меня хоть жопой ешь! И, если что, прекрасно знаю, где их искать. Сами толпой прибегут, едва разнесется слух, что Т. Р. ищет человека в службу безопасности.

— На «Летящую S»?

— Именно. Сам видел, дела у нас пошли на лад. На ранчо приезжает все больше сотрудников. Образуется целая община. Можно сказать, микроштат. Или микрогосударство.

— Как Род-Айленд?

— Скорее как Лихтенштейн.

— А что думают об этом Соединенные Штаты?

Т. Р. рассмеялся от души.

— Знаешь, что сделали Соединенные Штаты, когда мы на прошлой неделе выпустили в воздух восемнадцать снарядов?

— Нет, сэр, не знаю.

— Ни-че-го!

— Вам даже никто не звонил?

— У меня в ФАА свои люди. Они *даже не заметили*, Рэд. Разумеется, они знали, что мы обратились за разрешением. Но если какой-то из снарядов и

попал на радары, все диспетчеры в этот момент смотрели в другую сторону.

— Снаряд ведь и летит не так, как самолет.

— Совершенно верно. Летит он строго вверх! Так что на радаре даже не двигается. Возможно, выглядит просто как битый пиксель.

— А когда снаряд опускается?

— Тут, конечно, движение уже другое. Но большую часть пути вниз он преодолевает над Мексикой. А с нашими друзьями к югу от границы у меня полное взаимопонимание. Только на последней стадии, когда никакие радары снаряд уже не заметят, — лишь тогда мы позволяем ему вернуться на северный берег Рио-Гранде. Он входит в воздушное пространство США ниже высоты, интересующей ФАА, и спокойно приземляется на территории «Летящей S».

— А как насчет военных радаров? — подумав, спросил Руфус. — Они-то должны такое замечать.

Т. Р. взглянул на часы, и Руфус понял, что таких вопросов задавать не стоит.

— Конечно, это не мое дело, — добавил он, — просто кручу это все в голове. Пытаюсь понять механику.

— Ты у нас пехотинец, а не пилот. Твое дело

— сухопутная армия, а не ВВС. Давай оставаться на земле.

— Ладно, договорились.

— Я хочу, чтобы ты поработал на ранчо «Летящая S» — конечно, если сочтешь для себя подходящим. Мне будет спокойнее, если ты там за всем присмотришь. Хочу, чтобы ты стал моим дрон-рейнджером.

Это выражение Руфус от него уже слышал — и было у него предчувствие, что прозвище к нему прилипнет. Он улыбнулся.

— Хотите, чтобы старина Рэд присмотрел за парой тысяч квадратных миль вашей территории?

— Как ты понимаешь, у меня есть и другие ресурсы. Постоянное наблюдение со спутников. Целая армия на земле.

— Коричневые шляпы и черные шляпы?

Т. Р. кивнул.

— Коричневые — что-то вроде копов. Черные — наемники, эквивалент военных. Но Одинокий рейнджер не из тех и не из других!

— Хотите, чтобы я ходил в белой шляпе? — рассмеялся Руфус.

— Ходи в чем хочешь. Хоть в черной маске и комбинезоне из латекса. Хотя, подозреваю, большую часть времени ты будешь проводить в

геокостюме.

— Чего вы от меня ждете? Что я должен делать такого, на что неспособны все прочие ваши люди?

— Просто бродить по округе и примечать все, что покажется тебе подозрительным. Присматривать за тем, что там творится. Заметишь что-то странное — разбираться. Видишь ли, Рэд, владеть землей довольно утомительно.

— Знаю, — кивнул Руфус. — У меня было пятьдесят акров.

— Лежишь ночами без сна и думаешь: а вдруг прямо сейчас где-то на твоей земле творится какая-нибудь хренотень?

— Да, знакомо.

— Вот зачем мы нанимаем работников. Нет, разумеется, их всегда найдется чем занять. Но истинная причина нанимать людей — в том, что мы хотим лучше спать по ночам. Знаем, что наша земля не пустует, что вокруг люди — умные, наблюдательные, активные, — и спим спокойно.

Руфус кивнул.

— Давайте сразу проясним вот что. Вы ведь не о диких свиньях беспокоитесь. Не о койотах. И не о гремучках.

Т. Р. постарался показать, что рад наконец пе-

рейти к этому вопросу.

— Пина2бо, Рэд, собирается изменить мир. В целом изменить к лучшему. Больше всех выиграют от этого люди в таких местах, как Хьюстон, Венеция, Сингапур. Остановить подъем уровня моря — для них это станет *однозначным* благодеянием. Но есть в нашем мире и другие страны, которые начнут взвешивать все за и против. — Поставив чашку на стол, Т. Р. жестом изобразил взвешивание на невидимых весах. — Меньше наводнений — отлично! Зимы стали холоднее — радует меньше. Но в целом, — он опустил одну «чашку весов» на колено, а другую взметнул вверх, — сделка приемлемая. Но. Но! Есть и третья категория стран. Будем надеяться, небольшая. — Он поменял положение рук: теперь правая опустилась на колено, а левая взметнулась и сжалась в кулак. — Они захотят все подсчитать. Запустят компьютерные симуляторы, чтобы понять, какое действие окажет Пина2бо на их климат. На экономику. — Т. Р. сделал секундную паузу. — И когда поймут — придут в *ярость.*

Руфус кивнул.

— И дальше все зависит от того, что это за страна. Кто-то, может быть… ну не знаю… просто пожалуется в ООН.

— И это им ни черта не даст, — подхватил Т. Р. — Но есть ведь и другие страны. Такие, у которых, быть может, найдутся собственные Рэмбо.

— Вас беспокоит шпионаж? Может быть, диверсии?

— Именно. И еще эти гребаные «зеленые»! Отдаленность и большая территория «Летящей S», как и то, что она расположена на самой границе, — и хорошо, и плохо. С одной стороны, позволяет нам стрелять гигантскими пулями прямо в стратосферу так, что этого никто не замечает. С другой — из-за этого к нам легко проникнуть. Что-то выведать. Возможно, навредить.

— Я бы использовал дроны, — заметил Руфус. — В смысле, если бы был из плохих парней и искал бы способ вам нагадить.

— Да, разумеется. Пожалуй, это часть твоего рабочего задания: стать для меня «красной командой»[65]. Команда Рэда, хе-хе! Думать о том, как противник может использовать дроны, предвосхищать его атаки, разрабатывать стратегию защиты… Черт, да тебе виднее! — Т. Р. снова взглянул на часы. Как видно, близился «полный стоп». — В этом смысл нанимать умных людей,

---

[65] Примечания: 65

«Красная команда» — военный термин; команда, на учениях исполняющая роль потенциального противника.

Рэд. Они сами понимают, чем себя занять. А ты даже не знаешь, что им придет в голову.

Руфус кивнул.

— Что ж. Пожалуй, поеду взгляну.

— На «Летящую S»? — просиял Т. Р.

Руфус снова кивнул.

— Вот только затопчу костер.

Nederland[66]

Последние два часа перелета ознаменовались такой турбулентностью, с какой Саския в жизни не сталкивалась. Вот бы сидеть сейчас в рубке бизнес-джета, где лучше обзор и хотя бы не чувствуешь себя совсем беспомощной! В конце кружного пути из Техаса самолету пришлось пробиваться сквозь шторм, бушующий над морем между Норвегией и Британией и грозящий ранним утром по местному времени обрушиться на Нидерланды. Наконец они сумели вырваться из штормовой зоны, обогнать бурю и приземлиться в Схипхоле при ясной и безветренной погоде. Саския была рада, что послушалась совета как можно раньше вылететь с аэродрома «Летящей S».

Через все иммиграционные формальности королева Фредерика Луиза Матильда Саския прошла, как и простые смертные, в главном терминале Схипхола. Только теперь она вспомнила, что так и не оформила официально свое пребывание в США. Возможно, об этом позаботился Виллем? Или еще придется подбирать

---

[66] Примечания: 66
Нидерланды (голл.).

оборванные концы? И важно ли это сейчас, когда она снова на родине? Эти вопросы заставили ее вновь прокрутить в памяти все, что произошло за последнюю неделю, начиная со свиней на летном поле и кончая вчерашним вечером — чудесным сексом с Руфусом на полу старинного железнодорожного вагона посреди пустыни в техасской глуши. Сейчас, идя по Схипхолу, слыша со всех сторон голландский язык, чувствуя головокружение от смены часовых поясов и легкую остаточную тошноту от воздушных ям, — здесь, где все было ей знакомо, Саския едва могла поверить, что это не сон.

Через несколько минут все сели в машину и помчались в Гаагу, и в два часа ночи Саския наконец вошла к себе в Хёйс-тен-Бос. Лотта уже спала. На биологических часах Саскии был ранний вечер. Более того, она совершила тактическую ошибку, вздремнув в самолете. Поэтому решила пройтись. В южной части неба виднелись звезды и убывающий месяц, но северная половина была темным-темна: оттуда надвигалась на Нидерланды невидимая во мраке буря. Ушей королевы достиг знакомый шорох, переходящий в ропот: верхушки деревьев древнего леса, отяжелевшие от густой листвы, чутко ловили поднимающий-

ся ветер. Саскии захотелось вынести на улицу кресло и посидеть здесь, любуясь приближением грозы, — но в конце концов она решила, что, пожалуй, лучше поспит. Она вернулась в дом и наконец забралась в постель.

Если в выражении «ординарное стихийное бедствие» есть хоть какой-то смысл, то вплоть до середины завтрака происходящее казалось вполне ординарным стихийным бедствием. Ветер и волны обрушились сперва на северную Фризию, а оттуда начали путь на юг. Какая-то «волна-убийца» разрушила дамбу, но прочие защитные сооружения не пострадали. Здесь и там валились деревья, размывало дороги, переворачивались грузовики. По всем понятиям Саския в таких случаях должна бежать туда, где требуется ее помощь! Но по зрелом размышлении, лучше было подождать до завтра. Появившись сейчас, в разгар событий, она только помешает спасательным службам и вызовет подозрения в том, что стремится попозировать на фоне разрушений.

Ночью включалась сигнализация: как выяснилось, причиной стало то, что от могучего дуба в сотне метров от охранного периметра отломился огромный сук, сам величиной с небольшое дерево. Саския все это благополучно проспала. Теперь

было решено примерно через час выйти вместе с Лоттой и посмотреть на сук — под пристальным взглядом фотокамеры.

Саския как раз обсуждала подробности с Виллемом и другими членами команды, когда к завтраку спустилась Лотта. Все деликатно удалились, оставив мать и дочь наедине, — а те обнялись и расцеловались нежнее обыкновенного. В последние пару лет отношения между королевой и принцессой стали не то чтобы плохие, но слегка натянутые, как часто бывает у подростков и их родителей. Но теперь лед вдруг оказался разбит. Почему — понимала сама Саския, но никто из персонала и прислуги не понял; впрочем, они об этом и не задумывались — просто выскользнули допить кофе в соседней комнате, чтобы дать матери и дочери спокойно поговорить.

Едва обе сели и взглянули друг на друга, Саския заметила, что Лотта накрасилась к завтраку, хоть и довольно скромно. Это вызвало у нее смешанные чувства. Разумеется, Лотта вправе делать со своим лицом все, что захочет. Но до сих пор она демонстрировала здоровое сопротивление тем требованиям, что навязывает общество женщинам в целом и королевам в особенности, и даже заслужила репутацию принцессы-бунтар-

ки. Впрочем, сейчас поднимать эту тему явно не стоило. Возможно, Лотта просто догадалась, что после завтрака они пойдут смотреть на разрушения и при этом их будут фотографировать. Гаагсе-Бос — публичный парк. Любой, у кого есть фотоаппарат с длинным объективом и много свободного времени, может сделать неавторизованное фото знаменитости.

Лотта оценила деликатность матери и в ответ не стала упоминать о том, что несколько дней подряд составляло предмет их оживленной переписки. Пока персонал в соседней комнате, такие темы обсуждать не стоит. Забавно: текстовые сообщения и прочие безликие электронные средства связи порой располагают к большей откровенности и свободе, чем общение с глазу на глаз. Любой посторонний человек, почитав, что писала Лотта в Техас, наверняка представил бы себе нечто совершенно отличное от девочки-подростка, иногда склонной пренебрегать условностями, но в целом послушной и благонравной, что сидит сейчас напротив матери в голубой футболке и с нетугой золотистой косой, переброшенной через плечо. Несколько мгновений Саския молча смотрела на дочь, приятно пораженная — как бывает со всеми родителями

— тем, как ее девочка выросла и переменилась.

— Ну и зачем ты туда ездила? — первым делом поинтересовалась Лотта.

— В Техас?

— Да. Официальную версию я знаю: частный визит к друзьям-американцам, задержалась из-за урагана. Ладно, допустим. Только мне хотелось бы знать…

— Обязательно расскажу, когда останемся вдвоем. Я ездила на конференцию по глобальному потеплению.

На лице Лотты отразилось одобрение.

— Милая, знаю, что для тебя эта тема очень важна — даже если бы ты не…

Саския обвела жестом все вокруг, что означало: «Даже если бы ты не была — с ума сойти! — принцессой и не жила бы в королевском дворце».

— Техас… — задумалась Лотта. — Я знаю, что там крупная нефтяная индустрия.

Саския подавила в себе желание ответить назидательным тоном что-нибудь вроде: «Дорогое мое дитя, крупная нефтяная индустрия сейчас повсюду, и значительная ее доля принадлежит нам». Вместо этого она сказала:

— Определенно, в Техасе она более *заметна.* Там нефть добывают из земли. Но используется-

то она повсюду. Это не так очевидно, но каждое здание, каждый автомобиль — тоже часть нефтяной индустрии.

— И воздух, которым мы дышим, — добавила Лотта. — Воздух мы превратили в свалку для отходов. Ты слышала ночью, как сломалось дерево?

— Нет, я все проспала!

— Я думала об этом дереве. Много сотен лет оно извлекало из воздуха углекислый газ, перерабатывало его в тонны древесины — и наконец стало таким тяжелым, что не смогло устоять под собственной тяжестью.

— Любопытный взгляд. Ты права, это дерево много повидало на своем веку.

— На поперечном срезе сломанной ветки можно по кольцам увидеть, что происходило с этим деревом до индустриальной революции!

Едва Лотта начала развивать свою мысль, как у нее пискнул телефон, и она опустила глаза на экран. Не в первый раз Саския подавила раздражение от того, как эти гаджеты вечно портят хороший разговор! Однако Лотта привыкла к многозадачности. Она прочла сообщение, на секунду нахмурилась — похоже, писали что-то тревожное, — снова подняла глаза на мать и вернулась к теме:

— Может быть, имеет смысл отправить такой срез в лабораторию и провести исследование. Сделать химический анализ древесины. Разных колец. Пусть он покажет, что двести лет назад, до индустриальной революции, CO_2 в воздухе было намного меньше, чем сейчас!

— Я в этом мало понимаю, — ответила Саския, — но вполне вероятно, что можно сделать такой анализ. — Она нахмурилась, заметив, что Лотта снова уткнулась в телефон и набивает ответ. — Ты предлагаешь нам отправить ветку на анализ в лабораторию? Не уверена, интересно ли ученым…

Лотта классически закатила глаза и испустила тяжкий вздох.

— Разумеется, нет! Старый кусок древесины они могут взять откуда угодно. Я вот о чем: через несколько минут мы пойдем туда и будем фотографироваться с этой веткой, верно? Зачем? Чтобы показать людям: мы в курсе, что была буря. Отлично. Но ведь на свете куча вещей помимо бури, о которых мы должны быть в курсе. Вот что я предлагаю: когда закончим фоткаться на фоне этой несчастной ветки, вместо того чтобы дать ее убрать и распилить на дрова или уж не знаю что, — давай я отрежу от нее поперечный слой с

кольцами и скажу, что хочу отдать его на анализ. Это покажет, что меня интересуют серьезные проблемы — глобальное потепление, ущерб от него и все такое.

Саския не успела ответить, что это прекрасная идея: телефон у Лотты снова запищал, и на этот раз она вскочила с места.

— У Тоона что-то случилось, — объявила она. — Мне надо на пляж.

— В Шевенинген?

— К северу от Шевенингена.

— А что с Тооном? — Парень был одноклассником и приятелем Лотты.

— Он рано утром пошел на пляж кататься на доске. Из-за шторма поднялись большие волны, отличные для серфинга. А теперь там происходит что-то странное. Ребята оттуда пишут, но я ничего не понимаю!

Саския заметила, что в дверях стоит Виллем. Он смотрел в ее сторону, но по отсутствующему выражению лица и движениям глаз ясно было, что читает какой-то текст на экране собственных очков.

— Ваше величество, — заговорил он, — простите, что прерываю, но я должен вам сообщить…

— Что на пляже в Шевенингене творится что-то

неладное? — закончила Саския, переглянувшись с Лоттой.

— Похоже, прямо сейчас там происходит масштабная катастрофа.

Лотта ахнула и закрыла руками лицо.

Саския выпрямилась и пару секунд переваривала эту информацию.

— А конкретнее? — спросила она. — Массовый расстрел? Взрыв? Кораблекрушение?

— Что-то связанное с морской пеной.

— Что?!

Виллем беспомощно покачал головой.

— Больше мне ничего не известно.

Саския встала из-за стола.

— Берем велосипеды, едем туда.

Даже велосипеды здесь были почти излишни. От Хёйс-тен-Боса до кромки Северного моря можно дойти быстрым шагом меньше чем за час. На велосипедах, в сопровождении помощников и охраны на автомобилях, королева и принцесса добрались туда за несколько минут.

Вдоль побережья Северного моря в этих местах тянулся пляж, то сужаемый, то расширяемый приливами и отливами. От города его отгораживала цепочка высоких и крутых дюн, поросших скудной растительностью — той, которой удава-

лось извлекать полезные элементы из рыхлой песчаной почвы и выдерживать постоянные ветра и соленую морскую влагу. Со стороны, обращенной к суше, дюны были более пологими, а почва болотистой, усеянной мелкими озерцами. Так выглядело в своем первозданном виде побережье от Хук-ван-Холланда, в нескольких километрах к югу от Гааги, и на север до самой Фризии. Гаагская часть стала популярным пляжем, обросла ресторанами, барами и тому подобным: все они строились достаточно далеко от берега. Сейчас, разумеется, был самый сезон для пляжного отдыха — тем более что вплоть до сегодняшней бури погода стояла теплая и ясная.

К северу от Шевенингена рестораны и прочие развлекательные заведения, какие можно встретить на любом пляже, резко заканчиваются. После определенной границы здесь почти исчезают человеческие следы, прекращаются любые признаки цивилизации — остается лишь забор из колючей проволоки, отгораживающий пляж от дюны, и пара старых железобетонных бункеров, оставшихся от береговой обороны нацистов. По верху дюны идет асфальтированная велосипедная дорожка, но снизу ее не разглядеть — снизу видишь лишь несколько лестниц с дере-

вянными ступенями, ведущих с дюны на пляж. В остальном это царство дикой природы. Зимой это место особенно пустынно; трудно поверить, что оно находится в нескольких шагах от столицы одной из самых густонаселенных стран мира.

Дни, когда погода вызывает появление больших волн, становятся исключением. В это время на пустынном берегу собираются серферы. У каждого стоит в телефоне приложение, оповещающее о хороших условиях для серфинга — и, получив такое известие, они толпой бросаются в ту часть пляжа, где волны выше и лучше всего. Поскольку на Северном море нежарко, они, как правило, катаются в гидрокостюмах.

Вот и этим утром, возможно, в самые ранние часы, множество любителей серфинга, разбуженные приложением, узнали, что через несколько часов к северу от Шевенингена условия для катания будут идеальные, а волны — такие, какие появляются, может, раз в десять лет.

Так что, крутя педали в западном направлении между дюнами и колдобинами с внешней стороны пляжа, Саския, Лотта и их свита двигались по следам сотен серферов, которые вот так же, на велосипедах или пешком, презирая холод и ветер, собрались здесь еще до рассвета. На рыхлой

почве ясно виднелись их следы.

На гребне дюны, за которой скрывался пляж, собралась сейчас целая толпа. Гражданские, полиция, медики скорой помощи — все стояли лицом к морю, сбившись в кучу, и куда-то вглядывались. Странно, что ничего не делали, даже не пытались. Как будто съехались на какое-то грандиозное зрелище или, быть может, просто не понимали, что тут можно сделать, кроме как смотреть.

Саския со своей группой стала подниматься наверх. Они пропустили пожарную машину, едущую на пляж по почти неразличимой тропе, затем двинулись за ней следом — и, оказавшись на гребне дюны и протиснувшись между прочими зрителями, смогли наконец взглянуть на пляж.

Пляжа не было.

То, что предстало их глазам, было настолько странно, настолько противоречило любым ожиданиям, что на несколько секунд просто их парализовало.

Прямо под ними, всего в нескольких метрах от гребня дюны, лежал толстый слой какого-то буро-желтого вещества. Простирался отсюда до самого Северного моря, по-прежнему катящего

на берег высокие волны. Но и волны, при всей своей мощи, не сдвигали и не растворяли это фантастическое вещество — скорее растворялись в нем. Оно поглощало даже шум прибоя.

Посмотрев налево и направо, Саския обнаружила, что этот феномен простирается до пирса и колеса обозрения в Шевенингене к югу и по меньшей мере на такое же расстояние к северу. Несколько километров пляжа оказались погребены под толстым, тяжелым, неподвижным слоем… морской пены?

Все еще с трудом веря своим глазам, Саския спустилась на несколько шагов по склону, чтобы рассмотреть вещество поближе. Пена оказалась совсем близко — до нее можно было дотянуться палкой. Но едва Саския вышла из толпы, раздался предостерегающий крик. Пока ее не узнали. Она выглядела одной из многих, случайной зрительницей. Но все, кто прибыл раньше — и полицейские, и медики, — поспешили дать ей понять, что не стоит делать ни шагу дальше.

— Это… это что, просто пена? Обычная морская пена? — воскликнула Саския.

— Так говорят специалисты, — откликнулся Виллем. — Обычная пена, которую мы всегда видим на пляже.

— Да, понимаю, но на пляже ее *мало!* Обрывки пены, самое большее — цепочки вдоль линии прибоя.

— И тем не менее. Это та же самая морская пена, просто… ее больше. И вся сконцентрировалась вдоль береговой линии, там, где сильнее всего прибой. Накапливалась на пляже быстрее, чем успевала рассеяться. Растекаться дальше тоже не могла — впереди дюна. И слой пены начал расти в высоту. Все выше и выше. Люди не успели убежать.

Только сейчас Саския поняла, что здесь происходит. Над морем кружил лимонно-желтый спасательный вертолет. У берега болтались две крупные надувные шлюпки со спасателями-ныряльщиками на борту, но они, кажется, в основном были заняты борьбой с набегающими волнами — старались не превратиться в доски для серфинга и не оказаться на берегу. По велосипедной дорожке, идущей по гребню дюны, подъезжало все больше красных пожарных машин. Одна из них, остановившись вплотную к пене, выбросила туда канат; сейчас, держась за этот канат, из слоя пены выбирался пожарный в респираторе и с кислородным баллоном за спиной. Вид у пожарного был такой, словно его

вываляли в перьях и обмазали дегтем, только почему-то белым. Добравшись до безопасной высоты, он отстегнулся от каната, махнул товарищам наверху — и те принялись вытягивать канат. Через несколько секунд из пены вынырнуло тело в гидрокостюме. Едва оно оказалось на безопасном участке, над ним склонились медики.

Другие жертвы — многие в гидрокостюмах — лежали ничком на носилках или просто на земле. Спасатели делали им искусственное дыхание. По крайней мере, некоторым — других упаковывали в черные мешки.

Пожарная машина развернула насос и принялась поливать пену, образовав в ней промоину. Пожарные покачивали насос из стороны в сторону, и промоина становилась все шире. Скоро в ней показалось еще одно неподвижное человеческое тело; этот серфер, как видно, добежал до самой дюны и пытался вскарабкаться на нее, когда пена его настигла.

— В пенной массе нечем дышать, — объяснил Виллем. — Пена попадает в легкие. Плыть в ней тоже нельзя. Только бежать — или, скорее, брести — туда, где есть воздух. Но куда идешь, ты тоже не видишь. Нескольким серферам удалось взобраться на гребень дюны. Но некоторые побе-

жали назад, спасать остальных.

— Сколько их здесь было? — спросила Саския, невидящим взором смотря на то, как пожарный насос очищает от пены еще одно тело, и еще, и еще — все на клочке земли в несколько метров.

— Не меньше сотни, — вздохнул Виллем.

Работа Виллема в такой ситуации состояла в том, чтобы сохранять хладнокровие. От природы это ему было несвойственно. Бедствие поразило и ужаснуло его, как поразило бы любого. Не сказать, что такие случаи были совсем неизвестны: за последние годы несколько человек в разных местах уже тонули в скоплениях морской пены. Такая экзотическая причина смерти начала встречаться чаще, поскольку температура моря повысилась, что вызвало бурный рост водорослей — очевидно, имеющих прямое отношение к формированию пены. Но катастрофа такого масштаба, с массовыми жертвами, до сих пор оставалась чем-то невиданным и непредставимым.

Изумление и потрясение, сопряженное с естественным ужасом и скорбью при виде множества погибших, парализовало Виллема — но лишь на несколько минут. Из ступора его вывела принцесса Шарлотта: уверенная, что здесь погибли ее друзья, она с рыданиями бросилась к медикам,

распаковывающим мешки для трупов, а королева Фредерика устремилась за ней.

Амелия, работавшая на износ всю неделю, сегодня наслаждалась заслуженным отдыхом. Другие секьюрити были здесь — и помнили о своих обязанностях. Сейчас они бежали трусцой рядом с королевой и ее дочерью. Одевались охранники так, чтобы не выглядеть «вооруженными громилами» и без труда смешиваться с толпой, так что теперь все вместе представляли странное зрелище: к ряду тел в гидрокостюмах мчится заплаканная юная девушка, за ней мать, а по сторонам от них бежит кучка обычных на вид граждан, но каких-то очень подтянутых, гладко выбритых и явно координирующих свои действия.

Работа Виллема, напомним, состояла сейчас не в том, чтобы проявлять нормальные человеческие эмоции (этим и так занимались все вокруг), и не в том, чтобы обеспечивать физическую безопасность королевы (этим занималась охрана), а в том, чтобы подумать о следующих нескольких часах. Или даже о паре дней.

Очевидно, все сегодняшнее расписание насмарку. Сегодняшние мероприятия Виллем отменил одним коротким сообщением.

Он не побежал за остальными — остался на гребне дюны, откуда видел все происходящее и мог собрать детали в общую картину.

Было очевидно, что они прибыли очень рано, откликнувшись на первые сообщения о беде. Дальше информация будет распространяться. Сегодня воскресенье, работают очень немногие. Весь город бросится сюда поглазеть — или в лучшем случае помогать полиции и медикам. Случайные обстоятельства — близость Хёйс-тен-Бос к месту происшествия, сообщения от друзей Лотты — позволили королеве и принцессе прибыть на место всего через несколько минут после катастрофы. (Или во время катастрофы? Виллем вздрогнул при мысли, что кто-то, возможно, задыхается под слоем пены *прямо сейчас*.)

Так или иначе, на пляже скапливалось все больше народу — сейчас уже вдвое больше, чем ко времени их приезда. Толпа создала для полиции новую проблему. Повинуясь естественному инстинкту, все вновь прибывшие лезли на гребень дюны; ясно было, что кто-то из них неизбежно — из-за чрезмерного любопытства, неуклюжести или желания кого-то спасти — рухнет прямо в пену. Поэтому явилось подкрепление, и сейчас полицейские отгораживали велосипедную до-

рожку кордоном.

Желтый спасательный вертолет подлетел ближе и, зависнув над самым местом происшествия, принялся разгонять пену струей от несущего винта. Отличная мысль! Мощный поток в несколько секунд сделал большую промоину и обнажил участок пляжа. Потревоженная пена разлеталась вокруг мириадами сверкающих на солнце брызг.

Все это хорошо; но Виллем по-прежнему не занимался своим делом. Он повернулся к морю спиной и перевел взгляд на наружный склон дюны, туда, где возле кучки полицейских машин остановились принцесса Шарлотта и королева Фредерика. Они стояли рядом. Шарлотта держала мать за руку и склонила голову ей на плечо — трогательный жест, но и чуточку смешной, поскольку ростом она была на несколько сантиметров выше матери. Королева стояла уверенно и твердо, слушала, что говорит какая-то женщина в светоотражающем жилете, и кивала. Все в ее позе говорило о том, что краткая анонимность королевской семьи подошла к концу. Королеву узнали. Соответственно, изменилось и поведение людей вокруг. Сотрудница службы спасения докладывает ей, что происходит, хотя Саския, разумеется, не просила и не требовала у нее до-

кладов. Она никогда так не делает. Но когда ты прибыл на место катастрофы и вдруг видишь перед собой королеву, неизбежно начнешь перед ней отчитываться — это происходит само собой.

Разматывая на ходу желтую оградительную ленту, приближался полицейский. Виллема он смерил подозрительным взглядом. Тот посторонился с дороги. Затем достал из внутреннего кармана костюма (дома он больше не одевался как техасец) ламинированное удостоверение на оранжевом шнуре и надел на шею. Проверять его никто не станет, но сам облик импозантного пожилого человека в костюме, пальто и с удостоверением на груди обеспечит ему уважение и доступ туда, куда не пускают простых зевак.

Тем временем начала съезжаться пресса. Поначалу журналисты сосредоточились на съемках трагедии и усилий по спасению людей. Но очень скоро, понимал Виллем, они заметят королеву и принцессу — и в СМИ появятся их фотографии. Не только в СМИ — еще и в соцсетях, куда их выложат случайные зрители. Что увидит страна на этих снимках? Высокомерную и самодовольную монархиню, которая только мешает спасать людей, оттягивая внимание на себя? Или женщину из народа, поступающую *normaal* для каждого

перед лицом такой беды?

Что делать? Что от него требуется?

Взгляд Виллема упал на армейский грузовик с платформой, черепашьим шагом едущий по гребню дюны. Через каждые несколько метров солдаты сбрасывали с платформы на песок какие-то ящики. Что в них, Виллем не представлял.

Несколько секунд спустя он был уже рядом с королевой. Когда к грузовикам начали подтаскивать тела, она тактично отступила в сторону, чтобы не мешать спасателям в этой скорбной — и весьма физически затратной — работе.

— Нужно увести вас подальше от мертвецов, — вполголоса сказал Виллем. — Может быть, заняться открыванием вон тех ящиков?

— Смотрите сами, — устало ответила она. — Я все готова делать, лишь бы кому-то помочь. Мы пытаемся найти друга Лотты, пока безуспешно.

Отвернувшись от нее, он отправил сообщение всего из двух слов:

> Требуется Фенна.

А затем вошел в свою официальную роль: полное хладнокровие, насколько это возможно в таких обстоятельствах для существа из плоти и крови.

Снова подошел к ящикам, выброшенным из грузовика. Наклейки и штампы ничего ему не говорили.

Неподалеку трое в светоотражающих жилетах что-то обсуждали, стоя над одним из ящиков. Он направился прямо к ним. Должно быть, из-за костюма и удостоверения все трое замолчали и перевели взгляд на него. В руках у них были пластиковые стаканчики с кофе; как видно, они только что приступили к работе.

— Что это такое и зачем? — без предисловий спросил Виллем.

На любом другом языке прозвучало бы грубо; но нидерландцы общаются друг с другом именно так.

— Надувные палатки, складные столы и стулья, одеяла с подогревом, теплая одежда, перекус, — ответила старшая в группе, немолодая индо[67] с седеющими волосами, собранными в хвост.

— Все по плану для катастроф с массовыми жертвами? — догадался Виллем.

— Точно. Здесь уже полно людей, и в ближайшие часы съедется еще больше. Собирается дождь. Всех надо где-то устроить, чтобы они не

---

[67] Примечания: 67

Нидерландец индонезийского или малайзийского происхождения, родом из бывшей Голландской Ост-Индии.

мешали спасателям. Самим спасателям нужно перекусывать, где-то мыть руки, пользоваться туалетом. А еще — искать родственников жертв.

Виллем кивнул.

— Вам нужны помощники, чтобы все это распаковать и расставить?

Женщина окинула его взглядом с ног до головы и ответила индонезийской идиомой, означающей приблизительно: «А сами-то как думаете?» Другие встретили это предложение кивками и возгласами облегчения.

Королеву Фредерику и принцессу Шарлотту Виллем нашел почти там же, где оставил, на склоне дюны. Принцесса, опустившись на песок, обнимала какого-то паренька в гидрокостюме, что с ошарашенным видом сидел на земле. Должно быть, это и был ее друг Тоон, весь в пене, словно новорожденный пингвиненок в пушку. Виллему вспомнилась фраза, недавно услышанная от Руфуса: Тоон выглядел так, словно «навидался дерьма». Королева склонилась над ним с другой стороны и держала его за руку. Люди вокруг фотографировали — и не было сомнений, что через несколько секунд эти снимки появятся в соцсетях. Вот и отлично. Правда, королева растрепана и без макияжа, но в такой ситуации это только

на пользу.

Немало времени было потрачено на донесение до плохо соображавшего Тоона мысли, что королева и принцесса страшно рады видеть его живым; но затем Виллем сумел увести королевскую семью туда, где требовались рабочие руки. Охранники, разумеется, двинулись следом. Это включило что-то вроде стадного инстинкта у зевак, бессмысленно бродивших туда-сюда, поскольку с гребня дюны их отогнала полиция. Места для случайных прохожих оставалось все меньше: все подъезды к дюне запрудили служебные автомобили — красные грузовики с длинными членистыми автокранами, способными пробиться сквозь пену и дотянуться до земли, скорые и прочие. Королева и принцесса оказали услугу спасателям уже тем, что увлекли зевак за собой, отсюда подальше. Именно это сообщит Виллем чуть позже всему своему пулу журналистов и блогеров — и даст понять, что именно так следует отвечать на нападки антироялистов, если им хватит совести и сейчас начать поливать королеву грязью. Телефон уже разрывался от сообщений. Виллем вывел трансляцию на стекла очков и, отойдя чуть в сторону от растущей толпы волонтеров, просмотрел свежие снимки,

на которых королева держала за руку перепуганного Тоона.

Вдруг кто-то хлопнул его по заду. Мимо промчалась на велосипеде Фенна с рабочей косметичкой, висящей на руле. Какой-то старый нидерландец, свидетель этой сцены, проводил ее изумленным матерком.

Волонтеры принялись за работу. Виллем стоял в отдалении, по-прежнему следя за тем, как отражается происходящее в СМИ и соцсетях. Люди порой вопросительно поглядывали на странного пожилого индо, что стоит без дела, засунув руки в карманы пальто за тысячу евро, в то время как все достойные граждане надрываются перед лицом общей беды. Стыдно сказать, но в таких случаях Виллем почти наслаждался тем, что имеет право и даже обязан быть таким засранцем.

Использовав свободную минутку, он просмотрел рабочую почту за последние сутки. Еще полчаса назад его больше всего беспокоил вопрос, как пресечь волну спекуляций и слухов о том, где была и чем занималась королева всю прошлую неделю. Фотосессия у сломанного дерева должна была служить той же цели, что и фотография жертвы киднеппинга с сегодняшней газетой в руках: мол, королева жива-здорова, на месте, с ней

все в порядке. Однако вышло намного удачнее! То, чем занята королева сейчас, без сомнения, появится во всех новостях. И ненавистники нидерландской монархии, и ее чокнутые фанаты пускаются во все тяжкие, когда от королевы нет вестей, когда им не за что уцепиться, кроме собственных фантазий. Сегодняшний фоторепортаж займет их умы дня на три — достаточно, чтобы недельное отсутствие королевы Фредерики изгладилось из краткосрочной народной памяти. А если не изгладится, Виллем придумает что-нибудь еще. Это тем более несложно, что приближается Бюджетный день и торжественная речь королевы перед Генеральными штатами. Об этом напишут все — и даже не придется придумывать сюжеты. Модные журналы непременно опишут во всех подробностях дамские шляпки. Левые в очередной раз возмутятся королевским экипажем, на стенках которого художник девятнадцатого века самым стереотипным образом изобразил колонизированные народы…

Словом, ближайшая неделя, а также половина следующей никаких сюрпризов не предвещают.

Однако… вопрос, когда и как рассказать правду о поездке в Техас, висит в воздухе, и его придется решать. Команда Т. Р. провела фантастически

эффективную работу с информацией: до сих пор ни слова не просочилось наружу. А то, что он выпустил восемнадцать снарядов за день, и этого никто не заметил, просто уму непостижимо. Но завтра — теперь, когда ученые из «Уайт Лэйбел» закончили обсчет первого раунда, — Шестиствольник в Пина2бо снова начнет запускать снаряды в стратосферу. Даже если никто не свяжет поездку королевы Фредерики с Пина2бо, рано или поздно ее спросят, как она относится к солнечной геоинженерии. Виллем уже пригрозил «своим» журналистам и пиарщикам увольнением, если хоть слово просочится на публику. Пока все придерживаются официальной версии: королева взяла недельный отпуск для неофициального визита к друзьям в районе Хьюстона (большинство людей сделали очевидный вывод, что ее друзья связаны с «Ройял Датч Шелл»), и из-за разрушений, вызванных ураганом, задержалась там на несколько дней дольше, чем рассчитывала. Заодно посетила несколько мест, связанных с глобальным потеплением и подъемом уровня моря.

Забавно, что все это было правдой.

…Ладно, вернемся к текущим делам. Настало время извлечь королеву и принцессу из толпы и

препроводить обратно в Хёйс-тен-Бос. Все хорошие снимки уже сделаны. Завтра они появятся на первых полосах газет — просто фантастика! Дальше торчать здесь нет смысла. Королева только привлечет к себе толпу зевак, которые начнут мешать спасательным операциям.

Виллем увидел, как какой-то седовласый человек на велосипеде поднялся на дюну до середины, остановился и достал бинокль. Трагедия его не интересовала: он смотрел в другую сторону. Ясно, приехал поглазеть на королеву. Скоро появятся и другие такие же.

Виллем с одобрением отметил, что охрана подогнала автомобили поближе к месту, где королева и принцесса протирали дезинфектантом складные столы. Теперь их легко будет увезти отсюда по сигналу.

Разумеется, решать ей. Она может оставаться здесь сколько захочет. В обязанности Виллема входит приглядывать за сценой действия, замечать то, чего не замечает королева, и вносить скромные предложения. Пока рано, думал он. Она только начала работать. Если уедет слишком быстро — решат, что она просто позировала для фотосъемок. На пару минут королева отошла за машину вместе с Фенной, чтобы та наложила ей

на лицо минимальные косметические штрихи, затем позвала принцессу сделать то же. Виллем взглянул на часы. Еще полчаса — да, пожалуй. К этому времени спасатели уже разыщут всех, кого могут, и масштаб катастрофы станет ясен. Королева сделает заявление на камеру, а затем отправится в Хёйс-тен-Бос пообедать и вздремнуть.

К самому основанию дюны подъехал дорогой автомобиль, беспрепятственно пропущенный полицейским кордоном. Из машины вышел премьер-министр Рюд Флитстра. Поднявшись на гребень дюны, чтобы осмотреть место происшествия и выслушать отчеты, он на некоторое время привлек внимание толпы. Несколько минут спустя появился министр внутренних дел на электровелосипеде. Все эти люди жили отсюда в нескольких шагах; и большинство подобных людей, скорее всего, съехались сейчас в Гаагу на Бюджетный день.

На верхушку дюны вытаскивали все новые тела. Какой-то особый ужас ощущался в этом нескончаемом потоке трупов. Виллем ждал, когда же прозвучит сигнал к концу работы — что-нибудь вроде военного «все чисто», — но так и не дождался. В Интернете нашел видеотрансляцию с пляжа, начал смотреть через очки. Черт возьми!

Проклятый пляж по-прежнему покрыт пеной. Люди убирают пену, но море выплевывает все новую и новую — хотя общий ее объем, кажется, медленно, но верно уменьшается.

Под навесом кто-то поставил белую доску; вся она уже была увешана фотографиями пропавших серферов, в основном пышущих здоровьем молодых ребят. Друзья и родные собрались в зоне ожидания: обнимали друг друга или просто сидели на складных стульях, глотая горячий чай и глядя в пространство. Время от времени из «сортировочной зоны» появлялся спасатель, выкрикивал имя. Имя мертвеца. Один, двое или пятеро человек бросались к нему, выслушивали несколько сказанных вполголоса сочувственных слов — и разражались рыданиями.

И этот безумный, сюрреалистический кошмар все не заканчивался.

Королева Фредерика закончила работу и теперь просто ходила по зоне ожидания, пожимала людям руки, восхищалась фотографиями их пропавших сыновей и дочерей, бормотала слова утешения. У зрителей по большей части хватило такта убрать телефоны и фотоаппараты.

Не привлекая к себе внимания, Виллем расположился на линии взгляда королевы. Постепенно,

в стиле «два шага вперед, шаг назад», она подходила все ближе. Оба не произнесли ни слова, но и без слов было ясно: когда она дойдет до Виллема, настанет время ехать домой. Он уже сообщил об этом охране. Наконец момент настал. Королева пожала руку последней убитой горем матери серфера, приняла от нее книксен (мать серфера, как видно, придерживалась старозаветного роялистского этикета) и повернулась туда, где выстроились подковой ее охранники и помощники с Виллемом в центре. Таким журавлиным клином они вывели королеву под моросящий дождь и повели к машине. Велосипеды остались на дюне; не беда, за ними найдется кому присмотреть.

Перед тем как машины отъехали, Виллему представилась возможность окинуть взглядом собравшуюся за кордоном толпу. Уже росла неизбежная гора цветов. Кто-то героически пытался зажигать под дождем свечи. Люди махали нидерландскими флагами, поднимали над головой залитые дождем ламинированные фото пропавших. Разумеется, были здесь и неизбежные фрики, «дикие свиньи» политической экосистемы, для которых любая трагедия — лишь повод появиться на публике со своими идиот-

скими плакатами и постараться влезть в кадр. Королевский дом Нидерландов вне политики, хотя бы теоретически, так что подобные люди обычно не составляют для него проблемы. Виллема интересовали среди них лишь яростные про- или антироялисты. На всякий случай он решил зафиксировать происходящее — и, не желая привлекать внимания к тому, что снимает, незаметно активировал функцию камеры в очках и быстро обвел взглядом толпу, беззвучно включая мини-камеру всякий раз, когда видел плакат. Затем сел на заднее сиденье, и машины тронулись в путь.

Обратная дорога в Хёйс-тен-Бос заняла не больше трех минут. Большую часть времени Виллем держал за руку Фенну и старался ее успокоить. Такой напуганной он не видел ее со времен крушения самолета. Никто из серферов не был ей знаком, но вся сцена очень ее потрясла — быть может, потому что погибшие напомнили дорогого сердцу Жюля, оставшегося в Луизиане.

Вернувшись в королевскую резиденцию и уединившись у себя в кабинете, Виллем начал просматривать снимки, сделанные перед тем, как сесть в машину. На этих плакатах его смутила одна деталь — и теперь не давала покоя.

Женщина лет сорока держит над головой плакат, торопливо нарисованный от руки:

ERDD – ложный идол

По краям плакат украшен крестами и шестиконечными звездами.

Типичная поехавшая на религиозной почве. Сколько он такого навидался! Но что значит ERDD? Такого буквосочетания он никогда не слышал… Точнее, разумеется, слышал — только в совершенно ином контексте. Всего лишь на прошлой неделе. «*Ecological Restoration Delta Distributaries*» — некоммерческая организация, ныне покойная, о которой рассказала ему за чашкой кофе в Новом Орлеане доктор Маргарет Паркер. И ссудила оранжевый жилет с инициалами этой организации на спине. Кстати, жилет все еще лежит у него в багаже. Надо бы выстирать и с благодарностью отправить обратно.

Во всех германских языках есть слова *Erda, Earth* или еще что-то похожее; везде они означают Землю или (в мифологическом контексте) божество, персонифицирующее Землю. Попросту говоря, это мать-земля. Виллем немного погуглил, но обнаружил, что ни в одном из германских языков слово *Erdd* (в таком написании) не встре-

чается.

«Ложный идол», кресты и звезды ясно давали понять, что изготовительница плаката видит в ERDD какой-то религиозный смысл. Насколько Виллем мог представить себе образ мыслей этой дамы, скорее всего, она имела в виду, что те, кто поклоняется ложному идолу ERDD («зеленые»?), впадают в ересь и катастрофа с пеной — дурное предзнаменование или наказание за их грех.

Виллем еще немного порылся в «Гугле», пытаясь понять, как ERDD связана с религией, и начал находить ссылки. Правда, по большей части они относились к той старой организации Маргарет в Луизиане или к другим конторам, использующим это же сокращение. Виллем уже потерял надежду найти что-то полезное, когда ему пришло в голову ограничить поиск страницами, изменившимися за последний год. На этот раз выпал целый набор ссылок на ERDD — и, кажется, имевших прямое отношение к тому, что творилось в мозгах у дамы с плакатом. Большая часть ссылок вела на нидерландские страницы. Все это были паблики и форумы откровенно политического характера и очень понятного направления: оппозиция справа, те, кто против «зеленых» и много чего еще.

Быть может, он уже провел за интернет-сер-

фингом больше времени, чем дело того стоило, но увлекся и не мог остановиться. Перед ним проходили чередой жалобы правых, взбешенных тем, что несколько «зеленых» с хирургической точностью тегали их всех в постах, посвященных спасению деревьев или еще какой-нибудь, на их взгляд, вредной ерунде. Во всех этих постах упоминалась ERDD — некое синкретическое божество, покровительница всего, что связано с окружающей средой. «Зеленые» были вполне откровенны. Не уверяли, что открыли древнюю забытую религию. С первого же слова они добродушно признавались, что богиню ERDD просто выдумали — как ведущий в «Подземельях и драконах» придумывает богов и чудовищ, готовясь к долгой игре. В одном треде «зеленые» прямо объясняли: они тегают в своих постах тех правых, которые точно примут сказочку об ERDD всерьез и страшно разозлятся, — это потрясет все их религиозные и культурные скрепы.

Виллем, как сказал бы Т. Р., был не впервые на родео. Просматривая треды об ERDD, он видел множество указаний на то, что все это фейк и троллинг — и больше ничего. Никто не верит в богиню ERDD. Ее придумали, чтобы потроллить оппонентов.

Все это он просматривал не меньше получаса, прежде чем ему пришло в голову обратить внимание на даты постов. Увидеть и сравнить их очень легко, просто до сих пор Виллем не обращал на них внимания.

Но теперь он прокрутил все открытые страницы наверх… и увидел, что среди постов об ERDD нет ни одного старше пяти дней.

Виллем сопоставил эти датировки с календарем, учитывая разницу в часовых поясах. Ни следа существования чего-либо подобного — до его визита в дельту Миссисипи, осмотра плотины и разговора с Бо.

Ему вспомнилось, как Бо сфотографировал висящий на вешалке жилет с надписью ERDD.

Некоторые темы Виллем мог обсуждать лишь с глазу на глаз с королевой. К другим без колебаний привлекал внимание охраны, полиции или нидерландской разведки. О чем-то личном и неформальном мог поболтать с Фенной. Но есть на свете вещи, о которых можно говорить только с близким человеком. И это одна из них.

Виллем предупредил охрану, что едет домой, и сел на поезд в Лейден, в пятнадцати километрах к северу. Пешком дошел до квартиры, где жил вместе с соседом Ремижиу. Дом был типичный

для этого района, построенный уже после войны, но по довоенным лекалам, и не выделявшийся на фоне более старых зданий. Окна выходили на канал, расположение позволяло быстро добираться до университета, где Ремижиу преподавал историю.

Вчера ночью Виллем просто забросил домой багаж. Сумка с одеждой из «Уолмарта» и подарочной футболкой с «Летящей S» так и стояла на полу. Порывшись в ней, Виллем извлек жилет с надписью ERDD. Развернул, повесил на спинку стула, сфотографировал — просто чтобы убедиться, что не сошел с ума.

Потом надел новые ковбойские сапоги и отправился в паб.

Португалец Ремижиу был десятью годами младше Виллема, а благодаря удачному сочетанию генов и неустанной заботе о коже выглядел еще моложе. Он приехал в Лейден писать диссертацию о миграции изгнанных с Иберийского полуострова в шестнадцатом веке евреев-сефардов, нашедших себе прибежище в Нидерландах и Фландрии. Здесь ему предложили работу, и Ремижиу согласился остаться: очень уж ему понравились амстердамские ночные клубы. Прожив в Нидерландах лет десять, он «остепе-

нился» и осел в Лейдене, где и познакомился с Виллемом.

Батарея тестов на вирусы, которую прошел Виллем по прилете в Схипхол, показала в целом положительные результаты; согласно вердикту *PanScan*, ему разрешалось посидеть на открытой террасе с видом на канал и выпить по кружке пива при условии, что там не будет слишком людно.

Но Виллем обнаружил, что не решается начать разговор об ERDD. Просто не может. Радость встречи, привычный уют прибрежного паба, канал, по которому скользили туда-сюда легкие суда, весь этот маленький аккуратный нидерландский городок — все это делало такой разговор просто немыслимым. Тащить в этот идиллический мир муть из Интернета — все равно что начать швырять в канал мусор.

— Ты спрашивал, что там в Техасе, Реми? Новый геоинженерный проект. Рано или поздно ты сам обо всем услышишь.

— По-моему, я об этом слышу уже сейчас! — улыбнулся Ремижиу.

— Я имею в виду, в новостях. В Интернете.

— Да, Вим, понимаю.

— И что об этом думаешь?

— О чем? О геоинженерии?

— Да.

— Снова используешь меня как фокус-группу?

Старая шутка на двоих. Виллем промолчал, и вопрос повис в воздухе. Ремижиу потягивал пиво и задумчиво смотрел на канал. Потом скорчил гримасу, покачал головой, словно взвешивая аргументы за и против.

— Я этой темы побаиваюсь.

— Почему?

— Ну, знаешь, кажется, стоит об этом заговорить — и в тебя вцепятся «зеленые», начнут выносить мозг, кричать, как это ужасно… — Реми с театральным испугом огляделся вокруг — нет ли поблизости кого-нибудь из коллег-преподавателей? — Это ведь в самом деле ужасно, правда? — поднял брови он.

— Геоинженерия способна снизить температуру воздуха, но не остановит, например, окисление океана… Но ты прав, об этом стараются даже не заговаривать.

— Я уже счет потерял темам, о которых в наши дни даже упоминать опасно!

— Так и возникают информационные пузыри. Можно годами не слышать ни одного упоминания о том, что в твоем кругу считается жестким

табу. Но в один прекрасный день едешь в Техас — а там… — И Виллем, подняв указательные пальцы вверх, изобразил, как, на манер Йосемита Сэма[68], палит в небеса из двух шестизарядных.

Ремижиу кивнул.

— Ну да, Техас. Кстати, классные сапоги!

— Спасибо. Да… Ты ведь там не был?

— Не был.

— Это, можно сказать, целое огромное государство в государстве, и некоторые там без тени смущения…

— Обсуждают запретные темы?

— Какое там обсуждают! Они это *делают!* Занимаются геоинженерией. Серьезно, по-настоящему. Мы с королевой сами видели.

— И эти техасцы ждут от нее поддержки?

— Не знаю точно, чего они ждут. Они не идиоты. И понимают, что ее роль чисто церемониальная.

Реми немного подумал.

— Хорошо, рассмотрим альтернативы. Техасцы могли изучить от корки до корки Грондвет и пригласить к себе нашего министра климатической политики. Или даже премьера.

Виллем потряс головой.

---

[68] Примечания: 68

Персонаж классических мультфильмов американской студии «Looney Tunes», неудачливый охотник.

— Невозможно! Будет вовлечено столько комитетов… столько согласований… начнутся утечки… разные политические соображения… нет, совершенно немыслимо!

— Что ж, — заговорил Реми, — если политики сейчас скованы по рукам и ногам, если по-настоящему серьезные решения оказались для них невозможны… табуированы… быть может, королеве пора вернуть себе реальную власть?

— Да. Самый простой ответ — да. Но она не должна этого делать!

— Почему? Саския превратится в жестокого и безответственного тирана? — улыбнулся Реми.

— Конечно, нет! И принцесса Шарлотта не превратится, когда придет ее черед. Просто… так быть не должно!

— И тем не менее, — ответил Реми, — у нас есть королева. А у королевы есть ты, ее верный слуга.

Линия Фактического Контроля

К этому моменту Лакс уже подучил матчасть, так что увиденное в презентации не стало для него сюрпризом. А Рави нашел в Интернете шпаргалки к тесту: в целом все оказалось довольно просто, если знать, как отвечать на каверзные вопросы.

Обойдясь без улыбок и приветствий, презентация началась сразу с главного — с атомной бомбы. На экране расцветали черно-белые ядерные грибы; на них накладывались даты и названия стран: «США 1945», «СССР 1949», «Китай 1964», «Индия 1974». Закадровый голос по-английски, с субтитрами на хинди и пенджаби, зачитывал такой текст: «Атомные бомбы существуют уже почти столетие, однако использовались в боевых действиях лишь дважды, в самом начале ядерной эры, в Хиросиме и Нагасаки». На экране фотографии опустошенных японских городов и покалеченных мирных жителей. «Уникальная ситуация для человеческой истории: человечество разработало новое оружие, но добровольно отказалось от его использования. Почему? Потому что было

ясно, что последствия его использования будут нежелательны для всех». Явное преуменьшение — тем более что на экране замелькали кадры из старых фантастических фильмов, изображающие ужасы постъядерного мира.

Дальше тематика резко поменялась. На слайдах появилось огнестрельное оружие разных стран и эпох: от китайских бомбард, через кремневые ружья, револьверы, армейские винтовки двадцатого века — к калашникову и «армалайту».

— Обычное огнестрельное оружие не обладает разрушительной силой атомной бомбы, однако на его совести намного больше смертей.

На экране появилась карта Азии: Китай обозначен красным цветом, Индия — синим. Камера приблизилась к пограничному региону между ними — Тибетскому плато. Увеличение масштаба позволило разглядеть на границе со стороны Китая крутой выступ в сторону Индии, пересекающий длинное изогнутое озеро Пангонг-Цо (позднее Лакс узнал, что этот выступ называют Ногой Яка). Сейчас зрители находились немного на запад от «колена яка», над северной оконечностью озера. Простенькая анимация показывала, как граница колеблется туда-сюда, словно парус на ветру. Завершили эту серию слайдов старые

зернистые кадры, на которых шагали сквозь метель китайские и индийские солдаты с винтовками за плечами. Эта картинка сопровождалась звуками выстрелов и взрывов, гулко отдававшимися от бетонных стен. Внезапно все стихло: ни взрывов, ни выстрелов — только победный звук трубы. Во весь экран выросли цифры: 1962. Граница между красным и синим застыла в неподвижности. Вдоль нее протянулась другая, более извилистая линия, и появилась надпись: «ЛИНИЯ ФАКТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ».

— Прекращение огня в 1962 году положило конец вооруженному конфликту между Индией и Китаем из-за территории, которая остается спорной и по сей день. Мирное соглашение, подписанное Чжоу Эньлаем и Джавахарлалом Неру, определяло не границу, а Линию Фактического Контроля — дипломатическое выражение, которое позволило обеим сторонам прекратить огонь, не признавая территориальных притязаний другой стороны.

На экране оба лидера подписывают документы. Очень наглядно.

— С 1962 года Линия Фактического Контроля регулярно сдвигается то в одну, то в другую сторону. Однако соглашение о прекращении огня

— то есть об обоюдном отказе от использования огнестрельного оружия — остается столь же нерушимым, как соглашение человечества не использовать ядерное оружие. Прошло три четверти столетия, и ни один выстрел не нарушил покой высокогорной приграничной зоны, несмотря на то что по обе стороны от нее сосредоточены тяжеловооруженные индийские и китайские военные силы. Однако это не означает, что конфликт на демаркационной линии завершен, — лишь то, что в этом конфликте не используется огнестрельное оружие. Случается, что патрулирующие отряды обеих противостоящих сторон входят в прямой контакт в районах, где точное положение Линии не определено. Индийские войска уважают Линию, однако китайские при любой удобной возможности вторгаются на индийскую территорию. Если эти вторжения остаются без ответа, с течением времени Линия сдвигается и стратегически важные участки территории оказываются в руках нашего агрессивного северного соседа. Как наказать агрессоров и заставить их не переступать границу, не нарушая режима прекращения огня? Камнями, палками и, если придется, кулаками. Инциденты такого рода, поначалу редкие, в пер-

вые десятилетия двадцать первого века стали очень распространены. Неизвестно, когда на фронт впервые начали прибывать добровольческие отряды, но сейчас это обычная практика для обеих сторон. Выйдя из дальней двери, вы вступите в зону низкоинтенсивных, но вполне реальных боевых действий, которые могут перерасти в «горячую войну» в любой момент, стоит кому-либо из комбатантов выпустить хотя бы одну пулю в сторону врага. Мы, служащие индийской армии, приветствуем добровольцев, прибывающих из всех уголков нашей великой страны и даже со всего мира, чтобы отразить натиск агрессоров и защитить нашу территорию. Однако нам приходится быть бдительными как в отношении горячих голов, не желающих следовать правилам, так и в отношении иностранных шпионов, способных проникнуть в ряды добровольцев ради провокаций. Отсюда процедуры, которые вам придется пройти в этом здании. Спасибо и удачи в ваших приключениях на фронте!

В заключение на экране появились фигуры двух бойцов, индуса и сикха, — спиной к спине, в героических позах, скрестивших шесты большой буквой X, на фоне белоснежного ледника и темного ночного неба.

Зажегся свет, вошла женщина в пуховике до колен поверх сари, а за ней солдат в форме, везущий за собой тележку с разнообразными камнями и палками. Женщина провела инструктаж, который оказался куда интереснее презентации: о том, что можно и чего нельзя. Ведь люди вечно пытаются обойти правила. Итак: шесты могут быть сколь угодно большими и тяжелыми, но без всяких металлических деталей или заостренных частей, способных нанести колющее или режущее ранение. Допустимы любые виды древесины, кроме тех, что образуют острие на сломе. С этими словами она достала из тележки дешевую сосновую рейку, какую можно купить в любом магазине «Все для ремонта»; но рейка была сломана, и обломанный конец превратился в копье. Другие экспонаты из тележки — бейсбольные биты, утыканные гвоздями, крикетные биты со вделанными в них лезвиями, трости с вкладными шпагами — более откровенно нарушали правила, но и на них было любопытно взглянуть.

К метателям камней, или «камнеметчикам», таких долгих речей не обращали: о камнях много не скажешь. Это должны быть действительно камни, из местных источников (а то некоторые

умельцы умудряются провозить на фронт свинцовые шары). Использовать пращи, атлатли или что-то подобное запрещается. Камень кидаем рукой, обычным движением, как в бейсболе или крикете. Чтобы проиллюстрировать этот пункт на практике, солдат занял позицию метрах в десяти от листа фанеры, уже перенесшего много испытаний, и запустил в него из пращи свинцовый шарик. Тот пробил фанеру насквозь.

— Разумеется, правила действуют по обе стороны от Линии, — заключила лекторша, — и здесь в игру вступаете вы, наши неустрашимые стримеры! Не спускайте глаз с противника! Если зафиксировали на видео нарушения правил со стороны китайских добровольцев, немедленно загрузите видео на наш сервер, поставив временну́ю отметку и геотеги.

Дальше последовал тест, совсем не сложный, личный досмотр, забор образцов крови и слюны. Официальные документы, странным образом, никого здесь не интересовали. Пару дней назад Белла, оторвавшись от экрана, заметила вдруг: «Там совсем как во французском Иностранном легионе!» Тогда Лакс не понял, о чем это она, но понял сейчас. Неважно, кто ты, неважно, откуда явился. Сдай биометрические данные, получи

чип в руку — и иди воюй.

В должное время Лакс воссоединился со своей одеждой и личными вещами. При осмотре он снял все, кроме *патки* — головной повязки, служащей нижним слоем тюрбана. Много дней он ничего, кроме патки, на голове и не носил. Но теперь, вступая на тропу войны, хотел выглядеть настоящим сикхом. Так что разыскал в рюкзаке длинный отрез ткани и несколько минут сооружал у себя на голове полную *дхамалу* — тюрбан, который повязывают сикхи, идущие в бой. По бокам дхамала плотно прилегает к голове, но на макушке расширяется, походя на пламя, извергающееся из черепа, и прибавляет человеку пару дюймов роста.

Когда Лакс оделся как полагается, его и нескольких других религиозных сикхов отвели в сторону и дали строгие указания насчет *кирпанов* — кинжалов, которые сикхи всегда носят на себе как символ веры и статуса святых-воинов. Все прочие ножи здесь конфисковались; но сикхам, в виде исключения, разрешалось оставить при себе кирпаны — при условии, что они не будут вынимать их из ножен. Никогда. Даже во время боя.

По другую сторону барьеров их ждал багаж; в нем параноики-военные тоже хорошенько

порылись. Ехать дальше на своем транспорте запрещалось — в машине слишком легко спрятать и провезти оружие, — так что, вновь упаковав свои сумки, они вышли на открытую автобусную станцию, где ожидали добровольцев самые разнообразные транспортные средства, от моторизованных рикш до полноценных автобусов, соперничающих друг с другом за пассажиров.

Сью уже выбрала пункт назначения — место на южном берегу Пангонг-Цо, откуда в последние двадцать четыре часа постил духоподъемные ролики новый отряд китайских добровольцев, называющих себя «Долбанутыми». Выглядели они впечатляюще, но явно были не самой сильной группой; поэтому Братство, пока неискушенное в искусстве войны, решило провести первый бой с ними. Рави уже нашел для всех микроавтобус. Оставалось только подняться на борт и помчаться навстречу приключениям.

Около часа автобус пробирался по неизбежному серпантину и наконец выехал на немощеную дорогу, идущую параллельно южному берегу озера. Отсюда пошла дорога прямая и более или менее ровная. Лакс наконец-то смог выглянуть в окно и оглядеться. Пангонг-Цо напомнило ему вытянутые и глубокие ледниковые озера в Бри-

танской Колумбии, в районе Селкирка, такие как Кутенай. Ключевая разница в том, что канадские озера окружены зелеными холмами и берега их кишат зверями и птицами, а сами озера — рыбой, поскольку высота их обычно не превышает пятисот метров над уровнем моря. А Пангонг-Цо — сейчас необычно полноводное, ибо питающие его ледники тоже поддались глобальному потеплению, — находится над уровнем моря в четырех километрах с четвертью. И вода в нем соленая, поскольку у озера нет притоков, а площадь испарения велика. В результате оно безжизненно, словно поверхность Луны. Ни на скалистых берегах, ни в прозрачных голубых водах самого озера не заметна никакая жизнь. Через каждые несколько километров автобус проезжал мимо военного склада продовольствия (ровные тесные ряды навесов и контейнеров) или перевалочного пункта для добровольцев (хаос из палаток, автомобилей и костров); но единственной формой жизни здесь были люди, и все необходимое им привозили издалека.

Забыв, где находится, Лакс задремал. Но вдруг автобус остановился.

— Приехали! — крикнул водитель по-английски, указывая на окно по другую сторону от

приборной доски.

Стекло заиндевело солью; и, несмотря на яркое послеполуденное солнце, разглядеть что-либо было невозможно. Лакс встал, снял с багажной полки над головой рюкзак и шест и, спустившись по лесенке, оказался на твердой земле — каменистой грязи, подернутой белыми солевыми пятнами.

Словно в знак приветствия, камень величиной с яйцо ткнулся в землю перед ним, перекувырнулся несколько раз и застыл в паре метров от его ноги. Промах. Лакс повернулся в направлении, откуда прилетел камень, и взглянул на территорию Китайской Народной Республики — метрах в пятидесяти открытого поля.

Там стояли, выстроившись более или менее боевым порядком, Долбанутые. С флангов — стримеры в ДР-очках, управляющие видеодронами. В центре — бойцы: они поднимали с земли камни и швыряли в направлении автобуса. Водителю хватило ума остановиться вне досягаемости броска, так что его стекла были в безопасности.

В честь рок-группы конца двадцатого века, от которой пошло их прозвище, Долбанутые носили черные костюмы обычного делового покроя — однако комически большого размера, поскольку

под ними скрывалась многослойная броня. К костюмам прилагались белые рубашки и узкие черные галстуки. Увидев, что бросать камни с такого расстояния бессмысленно, они принялись потрясать шестами и выкрикивать оскорбления. Некоторые принимали боевые стойки с широко расставленными ногами; Лакс предположил в них северный стиль кун-фу. Должно быть, из такой позиции можно нанести сильный удар, но ноги при этом уязвимы для подсечки. Несколько Долбанутых, как видно, заметили его тюрбан — и принялись прыгать и скакать, зло пародируя гатку. Как он определил на взгляд, среди них было четыре палочных бойца и около полудюжины камнеметчиков.

Жужжание и стрекот с обеих сторон подсказали Лаксу, что его сейчас снимают под разными углами с двух камер с высоким разрешением. А Пиппа еще даже не выбралась из автобуса! Он так внезапно затормозил, что их всех это застало врасплох. Долбанутые оказались готовы к встрече — даже дронов отправили, чтобы снять дополнительный материал о своих противниках. Стримеров у них было двое: они держались с флангов и чуть позади, как бы подчеркивая свой статус некомбатантов.

И что они видят сейчас на стеклах своих очков? Лакс в каком-то удивительном наряде: судя по тюрбану — благочестивый сикх, ниже шеи — турист с рюкзаком. Сэм и Джей в своих фанатских регалиях: из всего Братства их костюмы ближе всего к униформе, но в сравнении с Долбанутыми это, конечно, смех и слезы. А вот из автобуса, зевая, потягиваясь и волоча за собой крикетную биту, вылезает Рави в жутком лиловом свитере, связанном его матушкой…

Горестные размышления Лакса прервал боевой вопль, донесшийся сбоку. Обернувшись, он увидел, что Сэм и Джей с поднятыми шестами мчатся прямо на врага.

Тактически не лучший ход. Однако лобовая атака англичан принесла немалую пользу уже тем, что заставила прочих членов Братства выскочить из автобуса, словно на пожар. Даже Пиппа, обычно невозмутимая, теперь кусала себе локти оттого, что их застали врасплох. Сбегая вниз по гремучим ступенькам, она уже снимала на телефон. Едва спустившись и поставив на землю вещи, сунула руку в карман куртки, выхватила видеодрон и, подбросив, запустила его в полет. Дрон включился, завертел пропеллером и завис на месте. Появилась Белла, на ходу на-

девая что-то вроде лыжных очков; обе руки она держала в теплых карманах, где у нее, видимо, лежали пульты управления. Повинуясь ее прикосновениям, дрон начал метаться туда-сюда. На видимой части лица Беллы застыло отсутствующее выражение; она крутила головой, словно присматриваясь к чему-то незримому. То ли у нее начался приступ шизофрении, то ли — что вероятнее — ее очки транслировали трехмерное изображение с дрона.

Лакс повернулся посмотреть, как там дела у Сэма и Джея. Дела оказались плохи. Оба упали на колени, согнулись и тяжело дышали. Они пробежали, должно быть, две трети расстояния до Долбанутых, когда вдруг обнаружили, что им не хватает кислорода. Застыв посреди открытого поля, жадно ловя воздух, они сделались легкой мишенью для метальщиков камней.

— Надо им помочь! — крикнул Гопиндер и уже сделал шаг вперед, но Лакс остановил его, положив руку на плечо.

— Попробуем к ним подбежать — закончим так же.

Оглянувшись вокруг, он подтащил поближе две сумки, свою и Гопиндера, брошенные у самых ступенек. Автобус развернулся, плюясь мелкими

камешками из-под колес, и рванул прочь.

— Доставай *дхал*, бхаи. Двигайся медленно, дыши быстро.

Дхал — традиционный щит, более или менее аналогичный круглому щиту у европейцев, размером и формой с блюдо. Это необходимая принадлежность гатки, так что и у Лакса, и у Гопиндера уже были дхалы, недорогие, но укрепленные дополнительной заливкой пластмассы, — те, с которыми они тренировались. Щиты они везли пристегнутыми к сумкам с внешней стороны. Теперь каждый отстегнул свой дхал и взял его в левую руку. С внутренней стороны щита имелась подушечка, позволявшая не натирать костяшки. Можно было повесить его на руку; пальцы оставались свободными для еще одного, короткого шеста. В правую руку каждый схватил длинный шест.

Во время всей этой возни со снарягой Лакс остро сознавал, что Сэм и Джей по-прежнему под огнем. Но в какой-то момент до него донесся странно знакомый голос, что-то выкрикивающий на мандаринском. Подняв глаза, Лакс обнаружил, что с другой стороны, подальше от Сэма и Джея, к Долбанутым бежит Ильхам — один и без оружия. На ходу он кричал что-то в адрес про-

тивников. Все они повернулись и уставились на него. Звонкий голос мальчика далеко разносился в разреженном морозном воздухе. Насколько можно было разглядеть с пятидесяти метров и понять по позам и жестам, Долбанутые сперва изумились, а затем пришли в ярость.

— Что он говорит? — спросила Пиппа у Сью.

Та только головой потрясла.

— Страшно ругается, — ответила она. — Даже пересказать не могу!

— Что ж, если он хочет получить град камней, кажется, сейчас получит! — воскликнул Рави.

Никогда до сего дня — если не считать пары потасовок на детской площадке в младших классах — Лакс никого не бил в гневе. Чужаки считают сикхов воинственным народом, но в действительности их религия ограничивает насилие жесткими правилами. Вот их общий смысл: можно защищаться, когда на тебя нападают, можно нападать, чтобы кого-то защитить, — и только. Лаксу вполне подходило. Во время долгого пути на фронт он больше всего беспокоился о том, что, увидев перед собой китайца, просто не сможет подойти и ударить его шестом. Быть может, в этом проявится похвальное миролюбие, но еще это будет означать, что все путешествие он пред-

принял зря.

Преждевременная атака Сэма и Джея и ее позорный провал, как и словесное нападение Ильхама, с чисто военной точки зрения были совершенно бесполезны. Однако они сослужили неожиданную добрую службу: заставили Лакса забыть обо всех сомнениях и действовать.

— Дыши! — приказал Лакс Гопиндеру и осторожно двинулся вперед по плоскому, но усеянному предательскими камнями полю боя. Сзади зажужжал еще один дрон: должно быть, этот пилотировала Сью. Пиппа прикрывала тыл, снимая с руки. Всю дорогу от Веллингтона она везла с собой мотоциклетный шлем и теперь наконец его надела. В нескольких сотнях метров от нее, остановившись в безопасном месте, ожидал исхода битвы автобус. Лакс шел в центре, Гопиндер прикрывал его с правого фланга, Рави — с левого. Дхала у Рави не было, но ему удалось отбить несколько камней крикетной битой. Дело в том, что, выпустив несколько камней в Ильхама, метальщики переключились на тех, кого сочли реальной угрозой. Ильхам, как и хотел, обеспечил Сэму и Джею несколько минут передышки и теперь отступал.

— «Бананы»! — крикнул он, поравнявшись с

тремя бойцами, — и, пригнувшись, спрятался у них за спинами.

Придерживая локтем дхал, Лакс остановился, взвалил шест на плечо и принялся рыться в карманах. Наконец нашел беруши-«бананы», большими пальцами, которые покалывало от холода, адреналина и гипервентиляции, вставил их в уши. То же сделали Гопиндер и Рави.

— Вызываем огонь на себя, — скомандовал Лакс, — чтобы Сэм и Джей смогли уйти.

Пока Ильхам отвлекал китайцев, браня их на все корки, двое англичан распластались на земле. Так в них было труднее попасть.

— Встаем вокруг них широким кругом, — продолжал Лакс. — Рави, ты — справа от Гопиндера.

Рави, стоявший слева, обошел Лакса и Гопиндера сзади и разместился, как ему было сказано.

— Отойди от Гопиндера подальше, чтобы случайно его не задеть.

Что ж, вызвать огонь на себя им удалось! Лакс получил камнем по макушке; по счастью, именно там его дхамала была наиболее плотна и многослойна, так что камень отскочил, не причинив никакого вреда. Неудивительно, что предки носили в бою такие тюрбаны! Но после этого Лакс понял, что о дхале забывать нельзя. Камни, как

оказалось, были небольшими, летали быстро, и их очень сложно было заметить.

— Следи за метателями, а не за камнями! — выкрикнул Рави, уворачиваясь от очередного снаряда.

Отличный совет! Камнеметчиков не так уж много, и по их движениям легко понять, когда они запускают камень и куда целят. Чтобы не дать Лаксу, Гопиндеру и Рави обойти себя с фланга, камнеметчики, прежде стоявшие слева от индийцев, по одному переходили на правый фланг. Лакс рискнул на секунду оторвать от них взгляд и посмотреть на Сэма и Джея, с которыми они уже почти поравнялись. За это тут же получил камнем в грудь, но увидел, как Сэм перекатился на спину и поднимает вверх оба больших пальца. Джей, приподнявшись на локте, прижимал свой фанатский шарф к ссадине возле глаза.

— Если сможете, прячьтесь за нами! — приказал Лакс.

— Понял, — ответил Сэм. Само то, что он мог отвечать, подсказывало, что дыхание у него наладилось.

Лакс прошел мимо них, а англичане поднялись, стараясь держаться у него за спиной и опираясь на свои шесты.

— Когда подойдем ближе, держитесь слева от меня, — приказал Лакс. — Следите, чтобы нас не обошли с этого края.

— Есть, сэр! — по-военному ответил Джей. Без всякого сарказма.

— Ильхам! Те парни с шестами. Что у них на лицах?

Они подошли уже достаточно близко и видели, что у бойцов отряда Долбанутых — тех, что до сих пор только насмехались над ними, — торчат на носах какие-то странные штуковины.

Ильхам, теперь державшийся от них на почтительном расстоянии, имел доступ ко всем трем видеострималм, да еще к биноклю со стабилизацией.

— На носы надеты такие чашечки. От них отходят трубки.

Лакс слышал о таких приспособлениях, работая в кислородных лангарах, хотя ни одного не видел.

— Носовые маски, — объяснил он. — Мини-кислородная маска, не прикрывает рот. У них есть источник кислорода.

— Теперь понятно, почему они не затыкаются! — заметил Джей. Они с Сэмом запоздало сунули в уши «бананы» и подключились к ви-

деостримам.

— Сью, Белла, — позвал Лакс, — можете посмотреть, что у них за спиной?

— Будет сделано! — отозвалась Белла. Лакс услышал, как со стрекотом разворачивается дрон.

— Отлично, Белла! — воскликнул Ильхам несколько секунд спустя. — На земле позади них стоит большой кислородный баллон, вроде тех, что бывают у сварщиков.

— Гопиндер, Рави! Когда начнем, постарайтесь оттянуть их подальше от баллона, — приказал Лакс. — Задайте им жару! В какой-то момент им придется снять маски. Сэм и Джей, кто из вас в лучшей форме?

— Думаю, что я, — ответил Сэм. — Джею кровь течет в глаза.

— Сэм, прикрывай меня слева, — приказал Лакс. — Джей, после того как начнем, постарайся обойти их с фланга и перерезать кислородные провода.

— Камнеметчики отходят! — сообщил Ильхам. — Встанут подальше от нас и будут кидать камни оттуда, где мы их не достанем!

— Джей! — крикнул Лакс и бросил Джею свой дхал.

— Спасибо, друг!

Этого Лакс уже не слышал. Именно в этот момент он — доселе передвигавшийся по полю со скоростью постояльца дома престарелых — стрелой помчался к шеренге Долбанутых, прыгнул вперед и бросился на их переднего бойца — судя по всему, лидера и звезду — на полной скорости, в том самом «прыгающем» стиле, над которым этот урод только что издевался. На каменистом поле, усеянном валунами, прыжки и скачки оказались как нельзя более кстати. Одновременно Лакс вращал шестом с такой скоростью, что он почти исчез из виду. Он с радостью заметил, что на такой высоте уменьшается сопротивление воздуха. Несмотря на внезапность и быстроту нападения Лакса, противник успел среагировать — отступил назад и перенес вес на одну ногу, выставив вперед другую. Лакс совершил движение, которое оттачивал в спортзале с восьми лет: пропустил шест у себя за спиной, а затем вынес вперед одним плавным движением, так, что все его тело, от подошв до торса и плеч, словно превратилось в рукоять этого оружия. Последние шесть дюймов шеста встретились с ногой противника, как раз под коленкой, — и треск раздался такой, что его, должно быть, зафиксировали сейсмографы

в Пакистане.

Мгновение спустя раздался не менее громкий и яростный вопль. Противник бросился на Лакса. Но тот уже отпрыгнул назад, увлекая его за собой и заставив слишком податься вперед. В азарте противник перенес вес на раненую ногу, и та подогнулась под ним. Боец зашатался, пытаясь сохранить равновесие; кислородная трубка позади него натянулась, дернув голову назад, а затем маленькая маска слетела с носа и запрыгала в пыли. Все эти беды его отвлекли, заставили забыть об обороне, а Лакс был начеку и тут же нанес ему прямой удар в печень.

Второй парень с шестом попытался подойти слева, но с этого фланга его встретил Сэм. Англичанин и не пытался тягаться с этим мастером кун-фу: вместо этого бросился в сторону, заманив противника на опасную неровную почву, и дальше просто оборонялся, отвлекал его и сковывал. Сражался Сэм тростью: он перехватил ее посредине, так что одновременно отражал ею атаки, прикрывая плечо, и наносил короткие тычки набалдашником.

Позже, когда Пиппа нарезала и смонтировала ролик и Братство (вместе с полумиллионом новых друзей) смогло полюбоваться видеоотчетом

о своей победе, стало ясно, что к этому моменту бой, в сущности, уже закончился. Гопиндер взял на себя еще одного Долбанутого и как раз задавал ему жару. В какой-то момент он подцепил его кислородную трубку концом своего шеста и просто сдернул с него маску.

Рави в этот раз сильно досталось. Ему не удалось нанести ни одного хорошего удара, и в конце концов он вынужден был отступить. Противник наступал — растянул на всю длину свою кислородную трубку и затормозил. Этот парень, как видно, сначала нацепил маску, а потом костюм, так что трубка проходила у него под одеждой. Он не мог освободиться, просто сдернув маску с лица.

Тем временем на левом фланге Сэм умудрился ткнуть своему противнику тростью в лицо и расквасить нос. От удара парень попятился, сел на землю и остался сидеть.

Похоже, он был в шоке — только поэтому не замечал, чем занят рядом с ним Джей. А Джей все это время пробирался к кислородному баллону. Время от времени в него попадали камни, и баллон звенел, словно экзотический тибетский гонг; это камнеметчики пытались достать Джея со своих позиций. Дхалом в левой руке Джей

прикрывал окровавленную голову. На крышке баллона имелся вращающийся вентиль, а сбоку от него регулятор с двумя циферблатами. С низконапорной стороны регулятора торчало, словно молодая поросль, какое-то фантастическое переплетение Т- и Y-образных разъемов, соединявших баллон с добрым десятком отдельных кислородных шлангов.

Добравшись до баллона, Джей замер в недоумении. Чем же перерезать шланги? Но тут он заметил рядом большой плоский треугольный камень, похожий на наконечник стрелы, размером с таблоид и дюймов шести толщиной. Камень был тяжелый. Джей бросил дхал, поднялся, с большим усилием взвалил камень себе на плечи и оторвал от земли. На одну блистательную секунду занес его над головой — и решительным движением в стиле «Сейчас разрублю этот Гордиев узел!» опустил на регулятор.

На видео Джей после этого исчез в облаке пыли пополам с кислородом; тот со свистом вырвался из трещины в баллоне. Облако рассеялось, когда цилиндр начал вращаться, словно шутиха, посреди этого лунного пейзажа. Регулятор и поросль проводов по-прежнему висели на покореженной крышке. Трубка, ведущая к парню, который драл-

ся с Рави, натянулась, боец хлопнулся на задницу, его немного протащило по земле к баллону, а потом костюм на нем разошелся и треснул, обнажив спину.

Долбанутые в беспорядке отступили. Братство пробежало немного вперед, сдвинув Линию метров на сто в пользу Индии, но остановилось и ретировалось, когда на горизонте появились новые китайские отряды. Силы были неравны, и для Братства это могло плохо кончиться; но индийские военные, наблюдавшие за схваткой издалека, поспешили им на помощь и зафиксировали новое положение Линии Фактического Контроля.

Пина2бо

Руфус наслаждался тишиной на ранчо.

Верно, каждые восемь минут горы сотрясал звуковой удар. К этому оставалось только привыкнуть. Но после удара наступала глубокая, всеобъемлющая тишина. Снаряд, раскрыв свой асимметричный парашют, мягко скользил над гладью Рио-Гранде. Когда ему оставалось не больше ста футов до земли, пересекал реку. К этому моменту каждый снаряд уже автоматически направлялся к предназначенной для него сети уловления. Когда Руфус только приехал сюда, рабочих сетей было четыре и еще четыре готовились к работе. Их развесили на всем протяжении новой дороги, ведущей на плато — вершину столовой горы, возвышающейся над озером на несколько сот футов.

Каждая сеть была квадратной, размером в половину футбольного поля. Ее подвешивали за четыре угла на стальные опоры пятидесяти футов высотой, вделанные в бетонные основания. Подъемное устройство едва ли могло быть проще: на верхушке каждого столба имелся шкив

и протянутый через него стальной кабель. Один конец кабеля крепится к углу сети. Второй проходит по всей длине столба до земли и соединяется с лебедкой. Когда все четыре кабеля натянуты до упора, сеть висит над землей плоско, как крыша, чуть прогибаясь в середине, но нигде не опускаясь ниже тридцати футов.

Каждый пустой снаряд, возвращающийся из путешествия в мексиканское воздушное пространство, нацелен на определенную сеть. Если нет ветра (и если прислушаться), можно различить в вышине слабый шелест парашютного шелка или пение строп. Когда снаряд оказывается над центральной частью сети, включается механизм, с едва слышным щелчком отбрасывающий парашют: перекувырнувшись раз или два, снаряд падает и соскальзывает в ячеистую воронку в центре сети, оказавшись так близко от земли, что его можно потрогать. Ветер уносит смятый парашют, словно клуб дыма. За ним едет на внедорожнике команда «охотников за парашютами», находит, где он упал на землю, и запихивает в мешок. Тем временем другая команда, так называемые сетевики, опускает с помощью лебедок один или два угла сети. Когда снаряд оказывается на земле, просто подкаты-

вает тележку и грузят его туда. К этому моменту своего жизненного цикла, лишившись поддона, носового конуса, парашюта, израсходовав весь запас серы, снаряд становится относительно легким, так что с ним без труда управляются двое.

Все, что снаряд утратил по пути, постепенно возвращается из стратосферы. Сам снаряд между тем охлаждают, очищают от остаточных паров SO_2. Сетевики везут тележку к грузовику с прицепом, стоящему наготове неподалеку, закатывают на прицеп. Потом берутся за лебедки и снова натягивают сеть. Когда прицеп наполнен использованными снарядами, грузовик трогается в путь — на север, к одной из построек вдоль дороги, аркой огибающей Пина2бо. Там каждый снаряд осматривают, подновляют и отправляют пустым в Пина2бо, где он становится в очередь на следующий полет. Горячей жидкой серой его заправляют в последний момент, прямо перед выстрелом.

Тем временем на другом прицепе копятся мешки с парашютами. Когда этот прицеп наполняется, парашюты уезжают с ранчо по шоссе на Эль-Пасо, переправляются через реку и оказываются в

Хуаресе, где их разгружают на макиладоре[69] с кондиционированием. Там Руфус не был, но ему показали видео. Рабочие в белых комбинезонах извлекают смятые парашюты, раскладывают на огромных чистых столах, проверяют на предмет скорпионов, извлекают из них колючки кактусов, штопают дыры, а затем аккуратно складывают, готовя к новому использованию. В должное время они отправляются обратно на «Летящую S» и воссоединяются со снарядами.

Еще две категории рабочих составляют «ловцы поддонов» и «охотники за конусами». Задачи их и схожи, и кое в чем различны. Сразу после выстрела снаряд отбрасывает поддон, прикрывающий нижнюю часть снаряда во время его прохождения по стволу. Изготовляются поддоны из керамического материала, жаростойкого, легкого и достаточно прочного. По большей части они падают на землю в радиусе пары сотен метров от Шестиствольника. Почти вся эта территория затянута сетями с вплетенными в них полосками ткани, выполняющими много функций: они и

[69] Примечания: 69

Промышленное предприятие, использующее дешевую рабочую силу. Чаще всего термин применяется к сборочным предприятиям в Мексике, находящимся вблизи от границ США и ориентированным на Соединенные Штаты.

дают тень, и обеспечивают приватность, и защищают территорию от низколетящих дронов. Легко догадаться, что большая часть работы ловцов связана с этими сетями. Если дует ветер, все поддоны падают в одном и том же месте. Как правило, удаляться от Шестиствольника больше чем на полмили ловцам не приходится.

Носовой конус снаряд сбрасывает на гораздо большей высоте. В зависимости от ветра, конус может приземлиться где угодно на территории ранчо. Многие из них просто теряются. Предполагается, что конусы биоразлагаемые — хотя в пустыне Чиууа едва ли найдется столько «био», чтобы хоть что-то разложить. Вплоть до разрядки аккумулятора конус посылает радиосигналы. Ярко-оранжевый цвет позволяет заметить его с дрона, а какие-то умники из «Уайт Лэйбел» сварганили компьютерную программу обучения, помогающую компьютеру распознавать конусы на снимках с воздуха. Эта информация передается команде охотников за конусами в геокостюмах и очень помогает им в работе.

При непрерывной стрельбе каждые семь с половиной минут Пина2бо запускает сто девяносто два снаряда в сутки — следовательно, примерно такое число конусов падает на землю каждые

двадцать четыре часа. Большинство охотников за конусами мексиканского происхождения, многие прежде батрачили на фермах, где им платили сдельно по числу собранных яблок или головок цветной капусты. Мотаться на внедорожнике по пустыне и «собирать урожай» им даже привычно — хотя и повеселее, и поопаснее. Лучшие охотники, работая командой из двух человек, собирают до двадцати конусов в день — а по мере того как осваиваются со своей работой и учатся разным хитростям, это число растет.

Руфус, который первую неделю на ранчо просто катался по территории и осматривался, в какой-то момент решил сесть с бумагой и ручкой и прикинуть масштаб всего предприятия. На плато над Рио-Гранде обычно работали две пары сетевиков — бегали от сети к сети, в зависимости от того, где упадет следующий снаряд, — и три пары охотников за парашютами. Всегда стояли наготове один или два грузовика с прицепами, и на каждом водитель. Ловлей поддонов мог заниматься и один человек. В светлое время суток по ранчо колесили охотники за конусами — может быть, восемь пар. Сколько упаковщиков работает в Хуаресе, Руфус не знал.

Имелись на Пина2бо и рабочие места, более ти-

пичные для нефтяного бизнеса и связанной с ним химической индустрии. Разгрузка с самосвалов и выплавка серы — детская игра, этим занимаются в основном роботы. Природный газ поступает по трубам из колодцев, находящихся где-то на территории ранчо, и либо отправляется прямо в стволы, либо на перерабатывающий завод, где производят водород (и, как побочный продукт, сажу). Завод большой и серьезный, однако, как и все новые предприятия, тоже почти полностью автоматизирован: управляют автоматикой несколько инженеров из того же помещения под названием «Центральный», откуда командуют Шестиствольником. Весь процесс подготовки снарядов, когда требуется нахлобучить на снаряд конус, пристегнуть снизу поддон, укомплектовать сложенным парашютом, заполнить горячей серой и загрузить на подъемник, тоже выполняют роботы. Так что одной из неожиданностей для Руфуса в первые дни работы, когда он со всем здесь знакомился, стало то, как мало, в сущности, людей обслуживают сам Шестиствольник.

Таков был основной рабочий персонал Пина2-бо. Добавьте к нему еще нескольких управленцев, присматривавших за тем, как идут дела в Хьюстоне. Все прочие занимались жизнеобес-

печением и поддержкой. Ранчо находилось так далеко от всякого жилья, в таких неблагоприятных природных условиях, что с тем же успехом могло располагаться на Марсе. Так что «жизнеобеспечение и поддержка» включали в себя что угодно. Откуда привозить еду для рабочих? Где заправлять машины? Что делать, если кому-то понадобится врач? Совсем не то что в каком-нибудь городском учреждении, где все это можно найти на соседней улице! Однако для нефтяных месторождений, куда рабочие обыкновенно приезжают на вахту и месяцами живут во времянках вдали от цивилизации, положение дел вполне привычное. Так что вспомогательный персонал Т. Р. набирал в компаниях, работающих с нефтяниками. Руфус догадывался, что количество основного и вспомогательного персонала соотносятся примерно как один к одному. Разумеется, за исключением охраны: формально она тоже относилась к «жизнеобеспечению и поддержке», но в действительности по множеству основательных причин составляла отдельное и независимое подразделение.

В целом по своей структуре Пина2бо напомина-

ло нефтяную скважину в Пермском бассейне[70], в Северной Дакоте или еще в каком-то подобном месте; иными словами, работали здесь в основном одинокие молодые мужчины, которые жили в трейлерах и ездили на пикапах. Трейлеры кучковались несколькими кластерами вдоль Арки — так называли дорогу, охватывающую Пина2бо с севера: начиналась она примерно на «девяти часах» к западу, оканчивалась на «четырех часах» к юго-востоку, и проходила по территории, на которой от звуковых ударов уже не тряслось все вокруг. Недостающей южной части Арки, «от четырех до девяти», видимо, так и суждено было остаться недостающей — из-за гор и Рио-Гранде. Так или иначе, рабочих поселков здесь было три. Два населены исключительно холостяками. Располагались они на концах Арки, так что именовались попросту Девятый и Четвертый. В третьем поселке можно было встретить и женщин, и семьи с детьми. Он назывался Полуденным, или Полднем, — и располагался на перекрестке Арки с основной дорожной/железнодорожной артерией, соединяющей Пина2бо с внешним миром.

---

[70] Примечания: 70

Крупный нефтегазоносный бассейн в Техасе. Не имеет отношения к городу Пермь; свое название получил от пермского периода.

В этом-то мире, словно государство в государстве, вела свою тайную жизнь служба безопасности — для Руфуса подразделение загадочное, каким оно, видимо, и должно было быть. Для начала Т. Р. заключил контракт с крупной международной компанией, которая, как понял Руфус, отслеживала и устраняла угрозы на дальних подступах: мониторила Интернет, просматривала снимки окрестностей, вела частные расследования. Еще одна фирма поставляла охранников, выполняющих обычные для любого большого предприятия задачи: патрулировать территорию, проверять документы у ворот, отвечать на тревожные звонки. Девяносто девять процентов работы охранников не требовали ни серьезной физподготовки, ни принятия решений и не предполагали риска. Их работа состояла в том, чтобы демонстрировать свое присутствие и, если что, звонить в полицию. Такие охранники носили коричневые шляпы.

За оставшийся один процент операций, по большей части странных, дорогих и опасных (в разных сочетаниях и пропорциях), отвечали сотрудники компании, основанной самим Т. Р. и носящей простое и броское название «Черные шляпы». Руфус стал одним из них. Насколько

он мог судить, «Черные шляпы» напоминали скорее французский Иностранный легион, чем подразделение «Морские котики». Народ здесь был пестрый, из самых разных мест. Встречались, конечно, и обычные бывшие спецназовцы США; но многие говорили по-английски с акцентами, каких Руфус никогда не слышал. Он в таких вещах не особо разбирался, но был уверен, что кое-кто здесь приехал из Южной Африки: слышал, как эти ребята говорили по телефону на языке, очень похожем на тот, на котором общались Саския, Виллем и Амелия, и догадался, что это африкаанс. Однако все они были белыми, все отлично говорили по-английски.

Руководил «Черными шляпами» американец лет шестидесяти (впрочем, судя по физической форме, добрую половину из этих шестидесяти он провел в отжиманиях и на турнике), которого все звали Полковник Тейтум. Разумеется, в армии он не служил: Полковник было скорее почетным прозвищем. Он был белым техасцем, но не из тех, что ненавидят цветных, а если и ненавидел, значит, во время беседы с Руфусом сумел взять себя в руки. Очевидно, Т. Р. ввел Полковника Тейтума в курс дела, и они вполне друг друга поняли.

Беседа проходила в кабинете Тейтума, в опе-

ративном центре «Черных шляп» — железобетонном здании, наполовину утопленном в землю, вблизи пересечения Арки с основной дорогой. Пожалуй, верно было бы назвать это здание бункером. Однако то же название вполне подходило половине других построек на ранчо — массивных, бетонных, большая часть которых находилась под землей, так что разница между бункером и любым другим строением была здесь довольно расплывчатой.

Тейтум, как и другие в его подразделении, одевался в то, что легко могло сойти за внутренний слой геокостюма. Внешние компоненты костюма висели в его кабинете на вешалке, постоянно подключенные к розетке, чтобы костюм можно было надеть в любой момент. Рядом стоял узкий и высокий стальной сейф, очевидно, оружейный. Те части костюма, что были на Тейтуме сейчас, по большей части выглядели как обычная одежда военного покроя. Такое легко найти в обычном магазине, в самых разных стилях и вариациях. Все в подразделении Тейтума, по понятным и разумным причинам, предпочитали пустынный камуфляж. Сам он тоже не был исключением. Так что Руфус чувствовал себя здесь словно на собеседовании перед отправкой на Ближний Восток.

— Вы не мой подчиненный. Вы и еще пара консультантов отчитываются напрямую перед Т. Р. Однако вы в моем подразделении, и не хотелось бы, чтобы из-за какого-то недоразумения вас подстрелили, так что давайте поговорим о том, как у нас все устроено, — так начал Тейтум после того, как они с Руфусом обменялись кратчайшими приветствиями.

Устроено все оказалось так: по всему ранчо расставлены камеры, подсоединенные к высокотехнологичной системе распознавания образов. Система распознает объекты в форме человека, движущиеся по территории, и проводит IFF. Это сокращение Руфус помнил из армейских времен: оно означает «Identification: Friend or Foe»[71]. При достаточно четком изображении опознать своего удавалось по лицу, однако чаще изображение бывало нечетким; к тому же на глаза машине постоянно попадались люди в геокостюмах. Так что всех сотрудников просили, выходя на улицу, надевать идентификационное устройство под названием «иффи» — нечто среднее между бейджиком и радиомаяком, какие обычно устанавливают на самолетах, чтобы диспетчеры

[71] Примечания: 71
«Идентификация: друг или враг» (англ.).

отличали сигнал одного самолета от другого. Находиться без иффи можно лишь в здании, где имеется стандартная охрана на входе. Всякому же, кто бродит по территории, необходим включенный и бесперебойно работающий иффи. Едва система обнаруживает на территории гуманоидную форму жизни, не снабженную иффи, — высылает к ней дронов, а по пятам за дронами мчатся «Черные шляпы». Разумеется, иффи есть у всех сетевиков, ловцов парашютов и так далее.

Что касается людей — касается и дронов. Руфус может запускать свои дроны куда пожелает, но все они должны быть зарегистрированы, на всех установлены радиомаяки.

— Т. Р. с большим восхищением отзывался о вашем умении обращаться с дронами, — сухо заметил Тейтум.

Руфус кивнул, подавляя улыбку при мысли о том, на что была похожа эта беседа.

— Он даже назвал вас…

— Дрон-рейнджером. Знаю, сэр.

— Что ж, в таком случае предоставляю вам самому внести в свое оборудование все необходимые изменения.

— Да, сэр.

— Т. Р. сообщил, что жить вы будете в собственном трейлере на самообеспечении. Парковать трейлер можете где хотите.

— Вы имеете в виду, и в Девятом, и в Четвертом, и в Полдне?

— Я имею в виду, *абсолютно где хотите.* Конечно, в названных вами местах жить удобнее.

— Да, сэр.

— Каким оружием пользуетесь?

— До недавнего времени я профессионально охотился на диких свиней, — начал Руфус. — В первом приближении свиньи похожи на людей.

Выражение «в первом приближении» он почерпнул от Аластера и теперь не без гордости его употребил.

— Так что, — продолжил он, — по большей части…

— Ваше оружие предназначено для убийства людей. Военное оружие. Понятно.

— Да, сэр. С ним проще.

— Ясно.

— Но всего три единицы. Автомат Калашникова. Винтовка с инфракрасным прицелом. И добрый старый девятизарядный «глок».

— Ничего необычного? Ничего полностью автоматического?

— Нет, сэр.

Тейтум кивнул.

— Мы выдадим вам радиопередатчик, работающий на шифрованном канале. Впрочем, честно говоря, почти везде здесь есть сотовая связь, и она обычно надежнее.

Осторожный вопрос Тейтума, нет ли среди его оружия чего-то «необычного», напомнил Руфусу о том, что стоит поднять тему, уже некоторое время его занимавшую. Дорога от Коталлы до «Летящей S» была долгой, Руфус о многом успел подумать — и в конце концов позвонил в Даллас адвокату Карлосу Нооме, полумексиканцу, полукоманчу, с которым познакомился в армии, где Карлос отрабатывал свой студенческий кредит военным юристом. Теперь он работал в фирме. Дал Руфусу несколько дельных советов, еще когда тот делил имущество с Мэриел, и потом, когда организовывал собственный бизнес. Поболтав несколько минут ни о чем — «как делишки, как детишки», — Руфус без обиняков рассказал Карлосу о том, что происходит на ранчо «Летящая S», и о собственной роли.

«Я смотрю, тебе без приключений не живется!» — сказал Карлос, а затем пообещал навести справки и подумать. Это заняло чуть больше

времени, чем ожидалось — Карлосу пришлось посоветоваться с коллегами, хорошо знакомыми с Федеральным агентством авиации и его правилами. Но вчера Карлос позвонил и ввел Руфуса в курс дела.

— Теперь насчет законности… — начал Руфус.

— С вами официально подпишут контракт, на ваше имя, — пожал плечами Тейтум. — Но это не ко мне.

— Да, сэр, разумеется. Это понятно.

— Тогда в чем вопрос? — спросил Тейтум.

Руфус на мгновение высунул язык, но тут же вспомнил о хороших манерах и его убрал.

— Я говорю в целом о том, чем занимается Т. Р., что обеспечивает и вам, и мне работу. Насколько я понимаю… — тут он мог только повторить услышанное по телефону от Карлоса Ноомы, — законов, запрещающих Т. Р. делать то, что он делает, не существует.

— Если бы вы встретили лично кого-нибудь из наших законодателей… — начал Тейтум.

— Не имел удовольствия.

— Скажем так: такие вещи, как Пина2бо, выше их понимания. Тем более им в голову не придет изобретать против Пина2бо какой-то специальный закон.

— Понял. Ясно, — ответил Руфус. И снова процитировал Карлоса Ноому: — И даже если бы они попробовали, вышло бы ограничение в правах.

— Рэд, понятия не имею, о чем вы.

— Эти тонкости объяснил мне мой друг-адвокат. Конгресс не может принять закон, направленный против одного конкретного человека. Это называется «ограничением в правах» и запрещено Конституцией. Можно издавать только законы общего характера, запрещающие ту или иную деятельность. И даже тогда Т. Р. сможет протестовать, заявив, что это слегка замаскированное ограничение в правах.

На лице Тейтума по-прежнему читалось полное непонимание.

— Звучит отлично. Так что вас беспокоит?

— Ну, Т. Р. все-таки нарушает правила ФАА и, возможно, что-то еще.

— Верите или нет, но он получил у них разрешение.

— На запуск моделей ракет из детского ракетного клуба.

— Верно, и разрешение ему выдали.

— Потому что не знали, что он собирается делать на самом деле, — уточнил Руфус. — Но теперь, когда знают…

— Возможно, лишь вопрос времени, когда они отзовут разрешение, — согласился Тейтум. — После этого дальнейшие операции на Пина2бо станут нарушением правил ФАА.

— Ясно, сэр. Об этом я тоже спросил своего друга-адвоката, и он посмотрел законы. За нарушения правил ФАА полагаются штрафы.

— Я об этом слышал вот что, — заговорил Тейтум. — На земле у них — у ФАА — никакой реальной власти нет. Могут только подать на тебя в суд и, если выиграют дело, слупить штраф. Причем не слишком большой, там есть ограничения. Насколько я понимаю, у Т. Р. есть юристы, и они держат порох сухим именно для такого случая. Знают, как затянуть процесс так, чтобы ФАА годами не вылезали из судов. А если Т. Р. и присудят штраф — он просто подпишет чек.

— Значит, эти расходы включены в стоимость дела?

Тейтум кивнул.

— Но к тому времени Пина2бо проработает уже пару лет, и всем станет очевидно, какую мы приносим пользу.

— А случайно поразить самолет наши снаряды не могут, потому что…

— Потому что Шестиствольник стоит непо-

движно. Какой пилот в здравом уме, увидев такую штуку, полетит прямо над дулом? А может, ФАА просто выпустит предупреждение, объявит нашу территорию бесполетной зоной.

Руфус кивнул; на мгновение его отвлекла мысль о том, что такой снаряд может сделать с самолетом, если в него попадет.

— Значит, что касается наших обязанностей…

— Прежде всего, — ответил Тейтум, — все, что мы с вами здесь делаем, совершенно законно, если вас это беспокоит. На курок Шестиствольника жмем не мы. Мы просто охраняем частную территорию. Во-вторых, самый для нас худший сценарий — это если правительство наложит на Т. Р. огромный штраф, он разорится и не сможет больше нам платить. Что ж, найдем себе другую работу. Сами понимаете, Рэд… — И Тейтум развел руками.

— Всякое в жизни случается, — подсказал Руфус.

— Вот именно.

В первую неделю Руфус держал свой трейлер неподалеку от Шестиствольника, возле Центрального, и спал внутри здания в звуконепроницаемой капсуле. Отсюда легко было добраться до любого интересующего его участка ранчо.

Все оно было испещрено дорогами, порой едва различимыми. По некоторым можно было ездить лишь на первой передаче, с черепашьей скоростью, не сводя глаз с навигационной системы, настаивающей, что вы едете по дороге, хотя все вокруг свидетельствовало об обратном. Но вдруг, перебравшись через какой-нибудь пересохший ручей или перевалив через вершину холма, вы оказывались на несомненной дороге, прямой и ровной, словно какой-то великан прочертил ее острой палкой всего полгода назад.

Такова была и Старая Мраморная дорога, пролегавшая по горам между Пина2бо и рекой, по которой Руфус решил проехаться в один прекрасный день, просто потому, что ему понравилось название. Если верить навигационной системе, заканчивалась она перед каньоном с вертикальными стенками, прямо под вершиной горы. Без навигации Руфус ни за что не нашел бы это место, даже если бы знал, где искать. Общее направление движения было на юг и немного к западу, однако по дороге как только не приходилось петлять!

Он проехал долину между двумя отрогами, выходящими из северного склона горной гряды. Дальняя часть долины была буквально завалена

сорвавшимися сверху камнями размером с буханку хлеба; они лежали впритык друг к другу, и ехать приходилось по ним. Но после какого-то момента следы камнепада прекратились; Руфус снова ехал по ровной почве — точнее, по ровному голому камню. Повернул на запад, в тень правого отрога. Напротив каньона ярко сияло солнце, подсвечивая слои осадочных пород — и один слой был белым. Поначалу этот белый слой находился высоко над головой; но дорога шла вверх, и через несколько миль Руфус поднялся на его уровень. Здесь и заканчивалась дорога — в тенистом тупичке, где плоский камень под ногами был усеян ржавыми остатками какого-то камнерезного оборудования; Руфус сразу узнал отбойный молоток. Окружающие стены состояли все из того же белого камня: судя по всему, это и был мрамор. Можно было проехать на машине и дальше, но тогда он въехал бы прямо в гору. Пещера в скале, очевидно искусственного происхождения, была, по всей видимости, входом в мраморный карьер.

Карта утверждала, что сюда ведет и еще одна дорога. Руфус видел ее отсюда — она вилась по соседней долине, дальше к западу. Видимо, по этой подвозили сюда тяжелое оборудование;

та тропка, по которой приехал он сам, таких возможностей не предоставляла. Она носила предсказуемое название «Новая Мраморная дорога». Следы шин свидетельствовали о том, что в последние несколько месяцев по ней кто-то ездил. На горном пике, нависающем над входом в карьер, на высоте, может быть, в сотню футов, виднелась новенькая стальная вышка с солнечными панелями и какой-то электроникой. Должно быть, за этим сюда и приезжали.

Руфус выбрался из грузовика, с удовлетворением отметив, что жара здесь вполне терпимая. Высота составляла около мили над уровнем моря, а прямой солнечный свет в каньон почти не попадал. Руфус проверил, что его иффи работает, и заглянул внутрь карьера. Тот вовсе не был пугающе узким. Сюда вполне поместился бы грузовик. Мышиного гуано хватало — оно везде есть, — но не слишком много; совсем непохоже на зловонную, заваленную дерьмом нору, какие часто встречаются в Восточном Техасе. Оно и понятно: не так уж много здесь насекомых, которыми питаются летучие мыши. Из-за белого пола и стен карьер выглядел светлым и чистым. Руфус мало понимал в добыче мрамора, но общая логика конструкции была ему понятна: сводча-

тая крыша и каменные колонны, оберегающие ее от обрушения. Колонны здесь были высокими и массивными, просто выдолбленными из камня — так что расширялись кверху и книзу и естественно, без единого стыка, вырастали из пола и врастали в потолок. Все помещение внизу было немного шире, чем вверху.

Руфусу вдруг подумалось, что здесь можно поставить трейлер. Новая дорога к карьеру выглядит вполне пристойно, по ней не составит труда провезти прицеп. Сотовая вышка на вершине горы обеспечивает отличную связь. Правда, никаких других удобств здесь не было. Но у него есть генератор, а воду можно привозить в баке. Неудобно будет избавляться от отходов — но и тут можно что-нибудь придумать. Тейтум ведь сказал: «Можете поселиться где хотите!»

На следующий же день Руфус перегнал свой трейлер по Новой Мраморной дороге и припарковал перед входом в карьер. Внутри карьера, в тени, поставил складной стол и стулья. Здесь было прохладно, почти не беспокоили насекомые, а солнце, отражавшееся от мраморных стен, освещало карьер так ярко, что большую часть дня в нем было удобно читать и работать. В этот первый день он устанавливал на своих дронах

радиомаячки, полученные от «Черных шляп».

Руфус прожил на ранчо уже неделю, когда Тейтум прислал ему такое сообщение: если, мол, Руфус в самом деле хочет внести свой вклад в безопасность ранчо, хорошо бы ему побыстрее подготовить свое оборудование и самому держать ухо востро на случай, если «в большой политике запахнет жареным».

Руфус просигналил в ответ «вас понял» — коротко и четко, по-военному. На самом деле он понятия не имел, что подразумевал Тейтум.

На следующее утро Руфус подключил компьютер к Интернету, используя телефон как точку раздачи, зашел на сайт видеоновостей и, раскладывая свои инструменты и детали от дронов на складном столе, включил ролики по запросу «Пина2бо».

Первые полчаса или около того он испытывал неприятное чувство, что все пропустил. Неделю назад, когда Руфус въехал на своем грузовичке в ворота ранчо, проект Т. Р. оставался секретом для широкой публики. Люди догадывались, что Т. Р. строит в пустыне нечто грандиозное — это было видно на спутниковых снимках, — но могли лишь строить предположения о том, что это и когда оно заработает. Приезд Руфуса более или

менее совпал с моментом, когда Шестиствольник «начал палить на всю катушку» — иначе говоря, система заработала как часы и больше уже не останавливалась. За эти дни он не выезжал с ранчо и совсем не смотрел новости. Так что теперь его поразило огромное количество роликов — и та широкая известность, которую получил проект Т. Р., пока Руфус ни о чем не подозревал.

Правда, люди по-прежнему ничего толком не знали. Гадали, кто во что горазд. За несколько минут Руфус услышал столько диких гипотез, что голова у него пошла кругом, и пришлось себе напомнить: о том, чем занимается Т. Р. на самом деле, он знает гораздо больше посторонних. Команда Т. Р. выпустила несколько видео с объяснениями того, что они делают и зачем, и несколько разумных людей сочли их объяснения вполне правдоподобными — но на одного разумного комментатора приходилось десять безумных, несущих невероятную чушь. Рассказывали о проекте Т. Р. и в официальных новостях; но эти новости строились так, что много из них не узнаешь, — в основном там расспрашивали разных людей, что они чувствуют по поводу глобального потепления, и крутили старые рекламные ролики Мак-Хулигана. Даже более

интеллектуальные сайты не могли отделаться от привычного им менталитета политических дискуссий: опрашивали экспертов, выясняли за и против, и так далее. Все это трудно вписывалось в категорию «запахло жареным», да еще и «в большой политике».

Так что он позвонил Аластеру. С той поездки они оставались на связи, время от времени перебрасывались парой фраз, отсылали друг другу фото. Аластер не ответил сразу, но через полминуты перезвонил.

— Извини, — сказал он, — я сидел за стойкой, там ничего не слышно.

Весь экран ноутбука Руфуса теперь занимала сцена, зеркально отражающая его собственное положение. Руфус сидел у входа в карьер: одна мраморная стена в тени, другая ярко освещена утренним солнцем. Аластер стоял у дверей одноэтажного дома в каком-то лондонском тупичке. Дома вокруг него ярко озарял закат. Виднелась пара припаркованных машин, но в основном улица была запружена пешеходами. Похоже, за спиной у Аластера был паб. В руке он сжимал бокал с пинтой жидкости карамельного цвета. Одет в темно-синий костюм, белую рубашку с расстегнутым воротом, без галстука. Примерно

так же выглядели и многие прохожие на заднем плане. Цвета и оттенки костюмов варьировались; то же можно сказать о цветах напитков в руках. Были среди них и женщины: тоже одетые по-деловому, ухоженные, самоуверенные на вид. Все улыбались и явно хорошо проводили время.

Руфус понял: он только начал работать, а в Лондоне уже конец рабочего дня. Должно быть, это и есть Сити, о котором рассказывал Аластер, — особая часть Лондона, которой управляет тот парень, лорд-мэр Боб. Хоть Аластер и стоял снаружи, вокруг было так шумно, что ему пришлось выудить из кармана наушники, надеть и только после этого сделать знак, что теперь он слушает.

— Похоже, у тебя там весело!

— До вчерашнего дня у нас стояла страшная жара. Как в Испании. А теперь можно дышать, и все высыпали на улицу.

— Неужто Пина2бо делает свое дело?

— Вот об этом сейчас все и шутят! Полминуты назад в пабе пили за здоровье Т. Р. Мак-Хулигана.

— Думаешь, это шутка? — переспросил Руфус. — А если эта штука действительно работает?

— Да нет, пока рано. Впрочем, совпадение или нет, но в Восточном Техасе последнюю пару дней

тоже прохладнее обычного. Да ты, наверное, и сам заметил.

— Я там не был.

— А где ты тогда пропадаешь? Вижу у тебя за спиной трейлер, но…

В этот миг вдали грохнул звуковой удар. Изображение на экране пошло рябью; значок на юзерпике показал, что грохот заглушил в наушниках Аластера все прочие звуковые сигналы. Аластер, явно пораженный, пытался что-то сказать, но эхо звукового удара все еще металось в каньоне, отражаясь от стен, и Руфус ничего не слышал.

— Это то, что я думаю?! — громким шепотом спросил Аластер, как только голосовая связь восстановилась. Взгляд метался туда-сюда, словно его посвятили в какой-то потрясающий секрет.

— Ну да.

— Так ты там?!

— В нескольких милях оттуда. Нашел удобное место для лагеря.

Аластер потрясенно озирался вокруг, и на лице его ясно читалось: «Если бы только они все знали, с кем я сейчас разговариваю!»

— Так, значит, люди об этом заговорили, — вернулся к теме Руфус.

— Еще как! Пока что это новость года.

— И что думают?

— Ну, пока рано говорить что-то определенное. Все слишком поражены. Много десятилетий об этом шли разговоры…

— О том, чтобы запустить в небеса серу?

— Да. Почти сразу, как только об этом зашла речь, «зеленые» прокляли эту идею. Просто анафематствовали. Настолько, что сейчас об этом невозможно даже заговорить на публике — сразу станешь нерукопожатным. Так что, я бы сказал, «зеленые» сейчас… — И Аластер, не выпуская кружку, изобразил парой выразительных жестов, как сейчас бесятся «зеленые».

Руфус кивнул, подтверждая, что понял.

— Их теперь можно не слушать, — продолжал Аластер. — Не говоря уж об их требованиях перейти к «реальным действиям» — то есть, как говорил Т.Р…

— Уговорить Китай и Индию перестать жечь дерьмо?

— Именно. Сколько их ни уговариваем, они почему-то не слушаются, — усмехнулся Аластер и продолжал: — Все наши болтуны, много лет не выглядывавшие за пределы своего информационного пузыря, теперь совершенно сбиты с толку.

Все еще не могут поверить, что такое возможно. Да что там — я сам, хотя я это видел… — Аластер потряс головой и сглотнул. — Вот почему я так отреагировал, когда услышал звуковой удар. Знаешь, на секунду захотелось развернуть телефон и показать всем вокруг.

— Ты с нидерландцами на связи? — спросил Руфус.

«Саскию» или «королеву» он упоминать не стал. Как Аластер не мог поверить в то, что видел на Пина2бо своими глазами, — так и Руфусу не верилось в то, что он всего неделю назад делал там иными частями тела.

— Ну так, видим друг друга в соцсетях, лайкаем. Завтра у меня разговор с людьми оттуда. Может быть, и с самой королевой. Но у них там случилось бедствие, она должна возложить венок или что-то такое, так что может задержаться.

— А что ты для них делаешь?

— Пишу доклад о том, что все это означает для Нидерландов.

— Разве у их правительства нет… ну, не знаю…

— Собственных экспертов, профильных комитетов и так далее? Есть, но они тоже живут в своем пузыре. Всем заранее известно, что они скажут.

— А что скажешь ты?

Аластер ухмыльнулся.

— Помнишь Эшму?

— Из Сингапура, симпатичная такая? Помню.

— Она выполняет для своего правительства расчеты по климатическому моделированию. Болтал я тут с ней пару дней назад — и знаешь что? В последнее время она не может купить «инстанции».

— Прошу прощения?

— Это термин из области облачных вычислений. Когда тебе требуется виртуальный компьютер в облаке или целый кластер виртуальных компьютеров, ты идешь на «Амазон» или к кому-нибудь из их конкурентов и заказываешь «инстанцию». — Аластер изобразил руками кавычки. — Виртуальный компьютер определенного образца. Они бывают всех возможных видов: ты просто выбираешь из списка, а потом клонируешь его столько раз, сколько тебе нужно. Для создания вычислительных моделей климата — это работа Эшмы — существует определенная модель компьютера, определенное программное обеспечение… вообще в этой области все очень стандартизовано. И лучше всего оно работает на определенной «инстанции», оптимизированной

специально для этой цели. Вернувшись из нашей турпоездки в Пина2бо, Эшма именно этим и занялась.

— Начала разрабатывать компьютерную модель, которая поможет понять, как Пина2бо подействует на Сингапур, — закончил Руфус, чтобы показать, что слушает и не потерял нить.

— Да, в первую очередь на Сингапур, но он ведь очень маленький. Так что их интересует и воздействие на Китай, Индию, Австралию.

— Из-за геополитики, — догадался Руфус.

— Разумеется. И вот что рассказала мне Эшма: все шло нормально до прошлой недели, когда Пина2бо заработало. И тогда… Руфус, помнишь, когда разразился COVID-19, из магазинов мгновенно исчезла туалетная бумага?

— Еще бы!

— То же самое случилось сейчас и с этими «инстанциями».

— Теми самыми, которые нужны Эшме, чтобы построить свою модель. Чтобы предсказать, как это повлияет на погоду.

— Да. Они продаются открыто, как любой товар. Спрос и предложение. За определенное время можно создать строго определенное число «инстанций». И вот теперь, фигурально выражаясь,

полки опустели. А цены взлетели до небес.

— Потому что не одной Эшме это срочно понадобилось?

— Вполне разумно будет предположить, — кивнул Аластер, — что коллеги Эшмы из Пекина, Дели и многих других столиц сейчас день и ночь сидят за компьютерами и задают немало работы круглосуточной доставке пиццы — или что они в тех местах обычно едят. Все хотят узнать, что это для них значит, и никто не хочет оказаться последним.

— Значит, все они исходят из того, что это надолго, — заметил Руфус.

— Ну да. А почему бы нет? — спросил Аластер, вдруг пристально взглянув на него.

— Да я ничего такого не имел в виду. Действительно, почему бы и нет? Работает все как часы. При мне ни одного сбоя еще не было.

— А как с поставками? Без перебоев?

— Каждый день приходит поезд, груженный серой. Все операции проводятся на месте, только парашюты пакуют в Хуаресе — но, думаю, если там возникнут какие-то проблемы, несложно будет и этот этап перенести сюда.

На мгновение Руфус задумался, не выдал ли лишнюю информацию. Но ведь Аластер подпи-

сал соглашение о неразглашении. Был на ранчо. И работает на королеву, которую Т. Р. надеется сделать своей союзницей.

— Чего Т. Р. от нее хочет? — спросил Руфус.

— От особы, на которую я работаю?

— Да.

— Если я что-то понимаю в его планах — хотя не скажу, что вполне понимаю его мысли, — Т. Р. надеется, что его Шестиствольник проработает несколько недель, может быть, несколько месяцев, прежде чем кто-нибудь попытается прикрыть лавочку.

— К перебоям в снабжении он готов, — заметил Руфус. — В конце дороги, рядом с Шестиствольником, серы уже целая гора, и каждый день она пополняется. Запасы еды, воды, топлива тоже есть.

— Сбить снаряд при взлете не смогут даже военно-воздушные силы, — продолжил Аластер. — А снижаются снаряды, как я слышал, в воздушном пространстве Мексики.

— Так и есть.

— И мексиканские официальные лица дают понять, что их это вполне устраивает, — заключил Аластер. — Конечно, может возмутиться штат Техас; но, если эта благословенная прохлада

задержится надолго, все, кто живет от ранчо с подветренной стороны…

— Остин, Сан-Антонио, Хьюстон, — вставил Руфус. — Избирателей там немало.

— …почувствуют, что Т. Р. оказал штату большую услугу.

— Он ведь один из них, — кивнул Руфус. — Техасский уроженец. Построил револьвер размером с дом, утер нос «зеленым» и прочим левым… да они на него молиться будут!

— Значит, вопрос в том, что сможет — и захочет — сделать федеральное правительство США. Что ж, если оно этим заинтересуется, вопрос отправится в путешествие по судам и разным комитетам и застрянет там надолго. Достаточно надолго, чтобы многие вспомнили и задумались о синдроме отката.

— Что еще за синдром отката?

— Страшилка, всплывающая каждый раз, когда заходит речь о геоинженерии, — ответил Аластер. — Точнее, не то чтобы страшилка — опасение-то вполне законное. Вкратце вопрос вот в чем: что произойдет, если, проработав некоторое время, система вдруг резко остановится?

Руфус задумался.

— В этом случае… если мы выбрасываем вверх

серу, она отражает солнечные лучи и снижает температуру на Земле…

— Если вмешается правительство и заставит Т. Р. закрыть Пина2бо, не произойдет ли резкий откат назад? Катастрофический откат — такой, что нынешнее потепление нам покажется раем? Не опаснее ли это, чем позволить Пина2бо работать дальше?

— А ответ кто-нибудь знает?

— Нет, — ответил Аластер. — И не узнает, пока…

— Пока на полки не вернется туалетная бумага. — Аластер явно его не понял, и Руфус пояснил: — Пока Эшма не получит свои «инстанции».

— Именно. А что касается твоего вопроса, Рэд… Думаю, Т. Р. нужны союзники. Те, кто готов публично поддержать его проект. И кто готов будет в нужный момент, когда придет время, заговорить о синдроме отката и о том, что этот эффект может сотворить с их странами.

— И такой союзницей станет Саския.

— Возможно. Конечно, ее поддержка будет чисто символической. Но она может повлиять на народ… а народ выбирает Генеральные штаты.

— А кому это может не понравиться? — спросил

Руфус. — Кроме тех ребят, что ненавидят всякую геоинженерию в принципе.

Аластер пожал плечами.

— Да любой стране, в которой корова сдохнет от побочных эффектов.

— На прошлой неделе я говорил с Т. Р., и он мне сказал: «Некоторые придут в ярость», — задумчиво проговорил Руфус. — Он имел в виду то же, что и ты. Страны, которые, как и Эшма, построят модель, посмотрят на результаты и за голову возьмутся.

— Несколько лет назад ученые строили модели того, что произойдет, если выбрасывать в атмосферу различные аэрозоли — в основном именно серу — из разных частей света. Что произойдет, если стрелять серой из Европы? Из Северной Америки? Из Индии? Из Китая? И результаты оказались на удивление разными. Оказывается, очень важно, *где* это происходит. И на каждую часть света это влияет по-своему. Но если бы мне пришлось отвечать прямо здесь, прямо сейчас, не выходя из паба, основываясь только на том, что знаю на данный момент, — я бы сказал: в конечном счете все сведется к конфликту Китая и Индии.

Последнее слово заглушил новый звуковой

удар. Руфус заткнул пальцами уши, показывая, что ничего не слышит, и подождал, пока грохот уляжется.

— Ты сказал, конфликт Китая и Индии?

— В этих прогнозах очень часто случается, что выгода для одной из этих стран оборачивается невыгодой для другой. Муссоны и всякое такое.

— Китай и Индия, значит. Но кто на чьей стороне? У кого из них корова сдохнет?

— Спроси через неделю. Или, знаешь, даже не спрашивай — просто смотри новости.

Руфус кивнул. Он не сказал вслух того, что сейчас думал: лучше смотреть новости, чем *быть* в новостях — и как бы дело ни кончилось тем, что они здесь, он сам и другие с ранчо «Летящая S», станут главной новостью года.

Большой Лосось

На обратном пути в автобусе к ближайшему добровольческому лагерю Пиппа нарезала видео у себя на ноутбуке, а за ужином, пока все ели чечевицу и картофельное карри, смонтировала и выложила в Интернет. Лагерь находился на берегу озера, в центре скопища каменных стен и хижин. Выцветшие дорожные знаки сообщали, что когда-то здесь находился хостел для особенно отважных искателей приключений. Наевшись до отвала и обработав боевые ранения, «братья» нашли здесь клочок земли, на который никто не претендовал, очистили его от камней и едва успели поставить палатки до наступления темноты.

Наутро Лакс проснулся, разбуженный естественной потребностью и незнакомым ароматным запахом. Странно, очень странно — для него. После ковида Лакс практически утратил способность ощущать любые запахи, кроме дурных. Врач объяснил ему, что ковид повредил нервные клетки в ткани ноздрей — те, что выступают посредниками между самими обонятельными рецепторами и нервными путями, по которым

информация о запахе поступает в мозг… или как-то в этом роде. После победы над инфекцией эти нервные клетки у всех больных пытаются восстановиться, но получается по-разному, в зависимости от того, насколько сильно они повреждены. К кому-то обоняние возвращается полностью, кто-то его теряет навсегда. А промежуточное состояние определяется важнейшей потребностью тела — потребностью выжить и сохранить способности, необходимые для выживания. Самое важное, что делает обоняние, чтобы сохранить нам жизнь, — предупреждает о том, что может нас убить: о дыме, утечке газа, об испорченной еде. Поэтому к некоторым пациентам дурные запахи возвращаются первыми. А поскольку связь с обонятельными рецепторами не восстановлена до конца, нос начинает нас обманывать: нюхаешь розу или дольку чеснока, а ощущаешь что-то опасное. Лакс так и застрял в этой фазе. Кое-какие запахи — по большей части запахи опасности — он распознавал правильно, а вот приятные ароматы его носу никак не давались.

А сейчас он ощущал запах… пожалуй, чего-то и опасного, и приятного вместе. Это определенно был дым, но не дым от горящих дров или угля,

обычный в этой части света. В нем чувствовались какие-то ароматные травы, чуть ли не благовония.

Лакс проснулся не первым. Из палатки Пиппы, Беллы и Сью уже доносились веселые голоса и взрывы смеха, в которых звучало радостное изумление.

Судя по треску огня, и костер горит в полную силу. Но откуда взялось столько дров?

Лакс выбрался из спального мешка и поплелся к ярко пылающему костру, возле которого обнаружил офицера индийской армии. Сидя на низеньком складном табурете, офицер потягивал что-то горячее из термоса, просматривал что-то на планшете — и одновременно, словно многорукое индуистское божество, умудрялся курить трубку. Трубку! Такое Лакс видел только в старых черно-белых фильмах: впервые ему встретился живой человек с настоящей трубкой в зубах! Похоже, от нее-то и исходил чудный аромат.

Офицер взглянул на Лакса поверх очков. По счастью, Лакс, готовый к тому, что придется вскакивать среди ночи, спал одетым и даже в кески на голове.

— Майор Раджу, — представился посетитель по-английски, с безупречным выговором. — Я

бы встал, но тяжело подниматься с этой штуки. Кажется, я имею честь беседовать с Большим Лососем?

— А?

— Ты можешь называть себя Лакс или Дип Сингх. Но в Интернете тебя отныне знают как Большого Лосося. Кто-то взял на себя смелость перевести ваше прозвище и превратить его в настоящий боевой клич. У всех крутых бойцов есть боевые прозвища. Тот, которому ты вчера задал трепку, — Громовый Шест. Не помню, как это будет на мандаринском. Но имя вряд ли настоящее. — Майор Раджу вытащил трубку изо рта и сделал ею выразительный жест, словно рисуя что-то на невидимой доске. — Вчера Громовый Шест рухнул со своего пьедестала в MRLB, и падение вышло… громовое.

— MRLB?

– *Meta-Ranking Leader Board*, интернет-рейтинг лучших бойцов. Те, кто зачислял Громового Шеста в свои игровые команды, теперь зубами скрежещут! — Майор Раджу сделал еще глоток из термоса и добавил: — Однако тебе, наверное, нужно облегчиться. Не буду задерживать.

Сделав свои дела и вернувшись, Лакс обнаружил, что людей у костра прибавилось. Из женской

палатки выбралась Пиппа. Поначалу, услышав голос майора Раджу, весело болтавшие девушки резко замолчали. Однако ко времени, когда Лакс вернулся, Пиппа устроилась на корточках, едва не уткнувшись лицом в острые коленки, пила чай и вела с майором профессиональный разговор, в котором Лакс мало что понимал. Ей-то, очевидно, не нужно было объяснять, что такое MRLB. Поначалу Лакс не мог понять, почему они так щедро жгут дрова, но теперь заметил, что майор приехал сюда на армейском грузовике. Выходит, топливо привез с собой. Водитель ждал возвращения майора в комфортной кабине с подогревом.

Когда Лакс подошел ближе, Пиппа с улыбкой повернулась к нему:

— Привет, Большой Лосось!

— Да, мне уже рассказали.

— Ты — номер первый в опросе «С кем вместе я хотел бы сражаться?» и на двадцать пятом месте в общем рейтинге.

— В особенном восторге Лас-Вегас, — добавил майор. — А в Макао вас не оценили, но что с них взять?

— М-м… потому что это Китай?

— Ты ничего еще не подписывал? — поинтере-

совался майор.

Видимо, у Лакса на лице отразилось такое недоумение, что Пиппа сочла нужным пояснить:

— Он о контрактах с агентами или спонсорами.

— Пока посрать ходил? Не-а.

— Очень хорошо. И ничего не подписывай, — предупредил Раджу. — Классическая ошибка парня в твоем положении.

— Сэр, а почему… зачем вы здесь? — спросил Лакс.

— То, что ты со своей командой провернул вчера, вернуло Индии 5,7 гектара территории, отнятой Китаем. Крупнейший прорыв на этом фронте за последние три недели. В Вегасе на тебя делают крупные ставки — это показатель. Тем более заинтересована в тебе индийская армия — армия страны, которой я служу.

— И когда вы говорите «заинтересована», это значит…

— Он знает, что ты из Канады, — вставила Пиппа.

— Едва ли тебя удивит, если я скажу, что добровольческие отряды по обе стороны Линии пользуются поддержкой соответствующих военных подразделений. Хотя, разумеется, на словах

обе стороны это отрицают, — заговорил майор Раджу, бросив взгляд на внушительную поленницу поодаль от костра. — Свой кислородный концентратор, который ты вчера прославил на весь мир, Громовый Шест не привез на себе из Хэбэя; его доставили сюда, когда он, приехав, обнаружил, что здесь не может дышать. А любая команда с нашей стороны, способная показать такой результат, как у вас, даже без всякой поддержки… ну, она поддержку определенно заслужила. Так что я приехал задать вопрос: в чем ты нуждаешься, Большой Лосось? Помимо агента, менеджера и адвоката.

— Мне нужны камнеметчики, которые будут мне подчиняться.

— Принято.

— И… не хочу называть это формой, но…

— Нам нужно круто выглядеть, — подсказала Пиппа.

— Мы друг друга поняли, — заключил майор Раджу.

Гаага

В характере Фредерики Матильды Луизы Саскии была любопытная черта: на новом месте она уже пару часов спустя начинала чувствовать себя как дома — настолько, что словно забывала о том, что прежде жила где-то еще. В Техасе, откликаясь на «Саскию», сплавляясь по Бразос или пробуя стейк в ресторане на мегазаправке у Т. Р. в пригороде Хьюстона, она как будто и не вспоминала, что она — отпрыск королевского рода и предки ее в течение многих поколений правили далекой заморской страной и жили во дворцах. Резала ли она сельдерей вместе с Мэри Боски, или занималась любовью с Руфусом на полу винтажного железнодорожного вагона, Саския полностью отдавалась моменту и не возражала бы, длись он вечно.

По той же причине, прилетев домой, она вернулась к прежней жизни так легко и гладко, словно и не было никакой поездки в Техас. О том, что совсем недавно она покидала Хейс-тен-Бос, напоминали только укусы насекомых, да и те скоро прошли. Порой Саския задумывалась, не

социопатка ли она. Как будто у нее по-настоящему нет ни дома, ни семьи, ни привязанностей. У Саскии множество родных, и сегодня — в третий вторник сентября — она большую часть из них увидит. Однако в Техасе единственной нитью, связывающей ее с домом, оставалась переписка с Лоттой.

Из этой странной способности где угодно чувствовать себя как дома было лишь одно исключение: Ноордейнде-Палас, официальный «рабочий дворец» нидерландской монархии. К этому месту Саския так и не смогла привыкнуть. Ноордейнде находился в Гааге, в нескольких минутах ходьбы от Хёйс-тен-Бос, однако окружали его улицы, а не деревья. Огромные залы с окнами и дверями исполинских размеров, соединенные огромными холлами и коридорами, с огромными старинными полотнами на стенах — все здесь казалось почти комически огромным, особенно в сравнении с обычной скромностью и компактностью, принятой в Нидерландах. Даже вестибюлей во дворце был не один и не два, а целых три, один за другим. Удачное решение для времен, когда посетителей во дворце принимали согласно сложному протоколу: им не приходилось мерзнуть на улице в ожидании своей очереди. Английская

идиома «пятки отморозить»[72], возможно, ведет свое начало от какого-нибудь британского дипломата, которому пришлось терпеливо ждать аудиенции у короля в далеком прошлом, когда еще не изобрели центральное отопление. В обстановке дворца царила ослепительная белизна и ледяная суровость. Двое или трое предыдущих монархов пытались оживить свое рабочее место чем-нибудь посовременнее и поярче, но вышло не очень: цветастые детали лишь подчеркивали, как голо и мрачно все вокруг. Возможно, в былые времена, когда и мужчины, и женщины носили пышные разноцветные наряды, дворец смотрелся более по-человечески. Но в наши дни костюмы и галстуки посетителей лишь усиливали атмосферу холодного отчуждения.

Сегодня — утром Третьего Вторника — во дворце было оживленно как никогда. Согласно протоколу члены королевской семьи выходили из определенной двери, под прицелом телекамер и (в основном) восторженных взглядов толпы, надежно оттесненной охранниками к массивной чугунной ограде, садились в старинные экипажи и ехали — меньше мили — до Бинненхофа,

---

[72] Примечания: 72

«To cool one's heels» — идиома, означающая «долго ждать».

резиденции нидерландского правительства. Последней покидала дворец и прибывала в Бинненхоф королева; по прибытии в сказочной золотой карете ее почтительно провожали в большой зал, так называемый *Ridderzaal* — буквально «Рыцарский зал», и там она зачитывала речь, сочиненную для нее премьер-министром. Точнее, не им одним: участвовали в этом и члены Совета министров, и их помощники, а премьер сводил воедино все черновики.

Семья Саскии в узком смысле была совсем невелика — она да Лотта; зато родни у нее было множество. Не так уж часто все эти дядюшки, тетушки, кузены и кузины собирались вместе, но когда собирались, им удавалось оживить даже Ноордейнде-Палас. Не всем предстояло отправиться в путешествие по улицам Гааги в Бинненхоф: в Риддерзале не хватило бы мест на всех, и, поскольку событие было серьезное, преимущество отдавалось политическим деятелям. Но все они собрались здесь. А немногие избранные, которым предстояло пройти по красной ковровой дорожке и занять свои места в экипажах, были одеты, причесаны, накрашены так ярко и празднично, как только позволяет этикет в наши дни. Суровый старый дворец гудел от смеха

и оживленных голосов. Гости выплескивались даже в те вестибюли и салоны, которые очень давно не видывали гостей.

Судя по смеху и счастливым восклицаниям, что рикошетом отражались от этих непреклонных стен, все здесь отлично проводили время. Однако героиней торжества оставалась королева Фредерика. И здесь как никогда была верна старая истина: на собственной свадьбе вволю не попляшешь. Ее задача на сегодняшнее утро состояла в том, чтобы вовремя спуститься по мраморной лестнице, одарить множество кузенов и кузин воздушными поцелуями, подняться в золотую карету (как-то умудрившись при этом не навернуться на каблуках), высадиться в Бинненхофе и зачитать чертову речь. В отличие от немалого числа родственников, разряженных, словно на вручение «Оскара», королева была одета очень скромно. Нет, наряжаться она любила. Но сегодня не тот случай: главная тема ее послания к парламенту — бюджет, так что модные наряды, шелк и кружева лучше отложить для какого-нибудь другого случая. На ней было длинное синее платье с проблесками оранжевого, мелькавшими в вытачках и сборках при движении. Модельер уверяла, что взяла за основу военную форму. Ни-

чего военного Саския в этом платье не замечала — но, в конце концов, модельер здесь не она.

К выходу она готовилась в одном из огромных пустынных залов на втором этаже. Фенна и модельер, ответственная за платье, распаковывали свои рабочие инструменты в одном конце зала, а в другом у Саскии шла незапланированная встреча в последнюю минуту с Рюдом.

Рюд был премьер-министром страны. Формально говоря, *ее* премьер-министром. Он проскользнул сюда через заднюю дверь, с отпечатанным экземпляром речи в руках.

— Мы не ожидали, — заговорил Рюд, — что эта штука так быстро заработает!

О чем он говорил, уточнять не требовалось; оба понимали, что «эта штука» — не что иное, как Самый Крупный в Мире Шестиствольник.

— Мы вообще многого не ожидали, — вздохнула Саския.

Она имела в виду свиней, о которых в последнее время частенько приходилось вспоминать. Все, кто знал о крушении самолета, сейчас с тревогой ждали, когда «упадет второй ботинок». Но, похоже, в Техасе запросто можно разбить самолет, поохотиться на гигантских хищников прямо на взлетной полосе, поджечь обломки и скрыться —

и никто тебе слова не скажет. Эта история просто канула в Лету. Ею никто не заинтересовался — не считая правительства Нидерландов, за восемь тысяч километров от места происшествия. Именно оно, не удовлетворившись неофициальными объяснениями королевы, начало негласное, но тщательное расследование.

Саския их понимала и винить не могла. По закону монарх стоит выше любых личных обвинений, так что отвечает за него премьер-министр. Если она пойдет и убьет кого-нибудь, отдуваться придется премьеру. Нет, в тюрьму его не посадят, но ему придется подать в отставку, а вместе с ним падет и весь кабинет. Так что сама неприкосновенность королевы ставила ее с премьером в отношения взаимозависимости. Она может погубить правительство — но и правительство может в любой миг, когда пожелает, сократить бюджет на содержание королевской семьи и еще более урезать полномочия монарха, точнее, то, что от них осталось. По сути, Саския — и монархия в целом — перед волей правительства бесправна. Если она создаст для правительства серьезные неудобства — настолько серьезные, что премьеру придется сделать харакири, а всем министрам покинуть свои посты, — самые неприятные по-

следствия не замедлят появиться и для нее. Они с Рюдом, так сказать, держат друг друга на мушке. Не потому, что любят такие развлечения — Рюд типичный евротехнократ, человек в высшей степени мирный, — а потому, что такая конструкция прописана в Грондвете.

Рюд был несколькими годами ее старше, однако, не считая нескольких морщин на лице, словно застыл в возрастном диапазоне «не больше сорока». Возможно, он седел, но скрывал это самым простым способом — бреясь наголо. Очки без стекол были почти незаметны на лице, да, кажется, и не так уж ему нужны. Строгое воздержание («не больше кружки пива в день»), периоды лечебного голодания и активная езда на велосипеде помогали ему сохранить фигуру, на которой великолепно сидели строгие черные и темно-синие костюмы, пошитые на заказ.

— Вы о самолете? — переспросил он. — Насколько я слышал, страховая компания…

— Они согласились признать свиней обстоятельством непреодолимой силы и заплатить за самолет. А если не заплатят, ликвидирую часть своих акций «Шелл» и оплачу из своего кармана, чтобы наконец покончить с этой историей. Подавать в суд на аэродром Уэйко за недоброс-

вестную установку забора они не станут.

— Какого забора?

— Того, под который подкопались свиньи, — вздохнула Саския. — Выбрались на взлетную полосу и устроили крушение самолета.

По лицу Рюда было ясно, что он отвлекся от цели нынешнего визита, на несколько секунд завороженный красочной картиной битвы свиней с самолетом. Он бросил рассеянный взгляд в окно размером с волейбольное поле, за которым волновалось оранжевое море роялистов. Должно быть, в этот миг премьерское супер-эго взывало к нему издалека: «Рюд! Очнись! Забудь о свиньях, Рюд, вернись ко мне! Сегодня, между прочим, Бюджетный день!»

И Рюд внял этому призыву.

— Сейчас я говорю о…

— Я знаю, о чем вы говорите.

— Мы думали, что все предусмотрели. До сих пор это выглядело так: вы как частная персона принимаете приглашение отдохнуть в Техасе, посетить несколько приемов и ужинов, а также осмотреть эту диковинку, которую Т. Р. конструирует у себя на ферме.

— Ранчо.

— Неважно. Потом возвращаетесь, и мы с вами,

разумеется консультируясь с Советом министров, обсуждаем и решаем, какую позицию нам занять.

— Месяц назад это казалось вполне разумным планом, — согласилась Саския.

— Но откуда мы могли знать, — воскликнул Рюд, хлопнув ладонью по отпечатанной речи, — что он сразу ее и запустит? Что эта штука начнет работать круглые сутки! И в самом деле менять климат на планете!

— Мы об этом знать не могли.

— А теперь поползли слухи. Начались утечки. Люди складывают два и два.

— То, что я там была?

— Именно. Пока это не страшно, но нам необходимо взять инициативу на себя и сделать заявление.

У Рюда была привычка — как Саския сейчас поняла, действующая ей на нервы — перемежать речь туманными английскими словечками и целыми выражениями вроде «складывать два и два» или «взять инициативу на себя». С другой стороны, подумалось ей, лучше уж говорить это по-английски, чем переводить на голландский и загромождать родной язык полубессмысленной галиматьей.

— Рюд, вы хотите, чтобы я сделала такое заявление сейчас? Через полчаса?!

Рюд покачал головой.

— Не конкретно о Техасе. Сами понимаете, тогда все только об этом и будут говорить еще месяц. Но, чтобы избежать недопонимания, если вся эта история выплывет, мы можем ее обезвредить, сделав политическое заявление о геоинженерии. — Он взмахнул листками с речью. — Такое заявление я вставил в черновик. Просто решил сообщить вам, чтобы вы не удивлялись. — Он остановился и пожал плечами. — Не знаю, репетируете ли свою речь… может быть, что-то заучиваете наизусть…

— Нет. Но ценю вашу предусмотрительность. Спасибо, что предупредили, чтобы я «берегла голову».

Последние слова она тоже произнесла по-английски — и вспомнила при этом, как грузовичок Руфуса мчится по лесному бездорожью, Руфус кричит: «Головы берегите!» — и зазевавшемуся Аластеру едва не сносит голову с плеч ветка. При этом воспоминании она с трудом подавила улыбку.

Рюд это заметил и явно не понял, чему она улыбается. На лице его отразилась легкая тень

беспокойства.

— Самое меньшее, что я мог сделать, — сказал он. — Вас это устраивает?

На формальном уровне — уровне Грондвета — вопрос был чисто риторический. Неважно, устраивает ее или нет: она обязана зачитать эту чертову речь. Но на другом уровне… это имело значение.

— Кажется, — заговорила Саския, — это первый случай, когда правительство сделает прямое и четкое заявление, осуждающее геоинженерию?

— Насколько мне известно, да.

— Нет ли тут непоследовательности? Для такой страны, как наша, значительная часть которой находится ниже уровня моря и выживает лишь с помощью… да, именно с помощью геоинженерии.

Лицо Рюда выразило легкую досаду, он взглянул на часы, словно говоря: «Нет времени объяснять вам азы». Снаружи громко загудела толпа. Первый экипаж, не такой роскошный, как у королевы, но все же богато инкрустированный сусальным золотом, въехал в ворота дворца, чтобы забрать первых членов королевского семейства. По булыжной мостовой громко клацали подковы и гремели железные ободья. Почти

описав круг — эти старинные кареты страшно неуклюже разворачиваются, — экипаж подъехал к крыльцу. Где-то рядом военный оркестр заиграл патриотический марш.

— Я догадываюсь, — продолжала Саския. — Вы хотите сказать, что поддержка геоинженерии с нашей стороны была бы, возможно, более последовательна, но невыгодна для вас и вашей партии.

Выражение досады исчезло с его лица. Он моргнул и инстинктивно покосился на окно, за которым разворачивалась сцена из наполеоновских времен. Впрочем, были в ней и проблески современности: гренадеры в алых мундирах и высоких медвежьих шапках брали на караул не мушкеты, а натовские М-16.

Рюд был лидером умеренно правой партии, которая, как правило, получала на выборах большинство голосов и в коалиции с кем-либо формировала правительство. Заключать коалицию требуется всегда — не одного рода, так другого: на выборах в Нидерландах не случается сокрушительных побед, позволяющих победителям занимать все правительственные посты. Так и партия Рюда вступала в союз то с более левыми, то с более правыми. В последние годы Рюду

удавалось получать почти все нужные голоса от партии более консервативной, чем его собственная. Радикальной ее не назовешь, однако к теме глобального потепления многие ее члены относились очень критически. В следующем году очередные выборы, и эксперты предсказывают успех умеренно левой партии. Если она вступит в коалицию с крайне левыми партиями, сосредоточенными на конкретных темах, то, чего доброго, сможет отобрать правительственные посты у партии Рюда.

Так что Рюд внимательно следил за левым флангом. И сейчас хотел бросить кость «зеленым» — открыто осудить геоинженерию, — чтобы подорвать единство оппозиции на выборах в следующем году. Быть может, он ночь напролет обновлял многочисленные открытые окна в браузере, следя за тем, как политические противники «складывают два и два» — догадываются, что визит Саскии в Техас как-то связан с сенсацией из Пина2бо. Согласно букве Грондвета, это означает, что за любой провал отвечать придется ему. И, вставив в речь королевы необходимую оговорку, он убьет сразу двух зайцев: не только Саскию, но и себя оградит от возможных последствий в случае, если техасская затея Т. Р. обернется бедой.

Саския взяла у Рюда экземпляр речи. Пока он любовался на причудливый карнавал за окном, перелистала текст, нашла раздел о *klimaatnood* — «чрезвычайной климатической ситуации». За последние несколько лет эта тема уверенно вошла в ее ежегодную речь и занимала в ней все более существенное место.

Пока стук копыт и скрип колес под окнами возвещали об отъезде первой кареты, Саския, беззвучно шевеля губами, читала этот раздел. Боковым зрением видела, как подкрадывается к ней Фенна — на цыпочках, комически размахивая руками, словно в винтажном мультике «Уорнер Бразерс»: так она делала всегда, когда понимала, что отрывает Саскию от более важных дел. За ней по пятам, словно велосипедист в фарватере автомобиля, следовала модельерша. Через несколько секунд обе наложат умелые руки на ее одежду и прическу.

— Понимаю, что вы написали это десять минут назад… — начала Саския.

— На самом деле больше часа назад. Сейчас ужасные пробки.

— Но если понимать буквально, выходит, что мы должны отключить насосы. Срыть плотины.

Снести Маслантканеринг[73]. Вот прямой смысл того, что здесь написано. Разумеется, очевидно, что вы не это имели в виду. Но вы сейчас даете правому крылу возможность над собой посмеяться. «Смотрите, он несет напыщенную чушь, которую сам не принимает всерьез!» Так что… может быть, здесь что-то исправить?

И она подчеркнула фразу в тексте свежеманикюренным ногтем, от которого еще пахло органическим растворителем.

Рюд взял у нее речь, прочитал фразу, повернув к свету, и кивнул. Между ними, словно баскетболист, огибающий защитника на пути к корзине, проскользнула Фенна с пуховкой наперевес. Приближалась Золотая карета.

Саския услышала тихий металлический щелчок — это Рюд достал из нагрудного кармана ручку. Она ее не видела, но не сомневалась в минималистическом индустриальном дизайне и в том, что ручка изготовлена из каких-нибудь редких металлов.

— Добавлю пару слов, — сказал он, — просто чтобы сами-знаете-кто не вцепился нам в глотки. — Он имел в виду Мартина ван Дэйка,

---

[73] Примечания: 73

Штормовой барьер в дельте Рейна, выполненный в виде ворот, закрывающихся в случае шторма. Подробнее о нем будет рассказано далее.

харизматичного лидера крайне правой партии, который непременно заметит то же, что заметила и Саския. И не преминет устроить из этого шоу: мол, королева Нидерландов выступает против наших мельниц и плотин! — Увидимся на месте, ваше величество.

Виллем решил пройтись пешком. Так было проще всего, к тому же ему хотелось размять ноги. От его кабинета в Ноордейнде-Палас до Бинненхофа не больше километра, и городские власти уже расчистили путь, оттеснив толпу зевак на тротуары и отгородив барьерами. Самые восторженные монархисты дежурили здесь с ночи, чтобы занять лучшие места. За свои старания они теперь получили награду: стояли в первых рядах, прижатые животами к ограждению, демонстрируя всем свои оранжевые наряды и аксессуары. Многие принесли с собой плакаты и теперь закрепили их на барьерах. Плакаты, нарисованные от руки и безобидные по смыслу, не воспрещались.

Конечно, не все готовы были ночевать на улицах Гааги лишь ради того, чтобы увидеть, как из окна Золотой кареты машет рукой королева. Для тех, кто пришел позже, на приличном расстоянии от ограждений установили переносные трибуны: эти зрители могли наблюдать за процессией сидя

и с относительным комфортом, однако издали. Вдоль всего маршрута выстроились полицейские в темной форме со светоотражающими полосами на груди. Они стояли ближе всех к ограждениям, спиной к процессии и лицом к толпе. Их усиливал внутренний слой военной охраны — в современной форме, спиной к толпе, лицом к проезжающей мимо королеве.

Процессия, двигающаяся сквозь толпу зрителей, напоминала сборище исторических реконструкторов. Многие военные, сопровождающие экипажи, а также офицеры и высокопоставленные гражданские чиновники, идущие рядом или едущие верхом, разоделись как их предки два века назад, во времена учреждения современной нидерландской монархии. Куда ни глянь — бриджи до колен, белые чулки, золотое шитье и треуголки. Многие другие, идущие в процессии — а двигалась она со скоростью неторопливого пешехода, — были одеты вполне по-современному, но очень торжественно и строго. Это касалось и Виллема, выбравшего для торжества свой самый черный костюм. С королевой Фредерикой он сегодня не общался — и не должен был. В такой день он мог понадобиться только в случае аврала. Хотя от него не укрылось, как в последнюю

минуту во дворец вбежал Рюд и вдвоем с королевой что-то исправлял в речи. Бывает и такое, пусть и не слишком часто. Именно так работает конституционная монархия.

Он понимал, что у Рюда на уме — то же беспокоило и самого Виллема, — и решение, предложенное Рюдом, ему понравилось. В сущности, понравилось настолько, что, как ни парадоксально, тревога от этого не улеглась, а стала сильнее. Они нашли решение для всей этой проблемы с Т. Р., Пина2бо и прочим. И нужно-то всего-ничего: чтобы королева зачитала по бумажке несколько слов! Правда, кто хочет ее критиковать, и после этого будет критиковать за то, что вообще поехала в Техас. Но она сможет дистанцироваться — и вместе с собой дистанцировать правительство — от затеи Т. Р., сказав, что ездила туда просто с целью самой разобраться в происходящем: и теперь, ознакомившись с фактами, полностью поддерживает позицию правительства. На том дело и кончится.

Все это произойдет меньше чем через полчаса. Но теперь, когда решение проблемы было на расстоянии вытянутой руки, Виллему казалось, что прошло уже полгода. Ну почему эти кареты еле тащатся? Странно сказать, но он скучал по вре-

менам ковида, когда от антикварных экипажей на лошадиной тяге отказались в пользу серых «ауди». Виллем сдерживал нетерпение и старался насладиться прогулкой. День был приятный, хоть и жарковатый — но, слава богу, не как в Техасе! Толпа, собравшаяся за ограждением, поголовно обожала королеву: лозунги и патриотическое пение нестройным хором были как бальзам на душу Виллема, измученную ночными встречами с троллями, сумасшедшими и сетями злобных ботов в Интернете.

Во время бедствия в Шевенингене по всем медиа разошлось и стало вирусным фото, на котором королева протирает дезинфектантом складной столик. Оно сделалось своего рода иконой — быть может, потому, что отлично укладывалось в стереотипный образ голландской женушки, драящей стены, ступени, тротуары, все и вся, что не успело убежать от ее гигиенического рвения. В то же время этот образ был современным и по-новому актуализировался в контексте внезапной и потрясшей страну трагедии. Фредерика Луиза Матильда Саския явилась своим подданным в образе Саскии, женщины из народа. Так что люди увеличивали и распечатывали эту фотографию, ламинировали, наклеивали на баннеры, делали

из нее плакаты — и теперь казалось, что сама Саския, украшенная оранжевыми гирляндами и картонными коронами, стоит среди этой возбужденной и радостной толпы.

Разумеется, было бы странно, даже как-то неправильно, если бы королеву обожали сто процентов собравшихся; так что здесь и там среди фанатского творчества — особенно на трибунах, в задних рядах — можно было заметить протестные плакаты. Одни из них относились к тем или иным действиям правительства Рюда. Другие осуждали монархию как таковую. Были и просто непонятные.

Все нормально. Все как должно быть. Тем не менее Виллем вглядывался в плакаты и не забывал незаметно их фотографировать. По большей части они отражали позиции разных меньшинств или групп влияния, уже ему знакомых. Но Виллем не хотел пропустить, если появится что-то новое.

Когда процессия дошла до последнего поворота на Бинненхоф, Виллем заметил группу протестующих — по крайней мере, так ему показалось, — которые, встав в нескольких метрах от верхнего ряда трибуны, развернули плакат, склеенный из нескольких листов формата А3, с простой надписью: «ZGL». Больше ничего. И ря-

дом грубое, мультяшное изображение какого-то животного — примитивная геральдика.

О ZGL Виллем никогда не слышал, хотя что-то в этой аббревиатуре показалось ему смутно знакомым. Буква Z заставила обеспокоиться: под ней могут подразумеваться «сионисты»[74], а радикалы, помешанные на борьбе с сионизмом, в его внутреннем рейтинге опасных психов, за которыми нужен глаз да глаз, находились на верхней строчке. Он сфотографировал плакат.

Впереди показался Бинненхоф. Толпа осталась позади, а процессия перешла по мосту через канал и начала протискиваться в узкие старинные ворота. За воротами она распалась на отдельные потоки. Здесь гостей встречала музыка — точнее, военный оркестр. Кульминацией мероприятия должен был стать вход королевы Фредерики в Риддерзал, и важно было, чтобы она вошла последней. Виллем показал удостоверение и прошел в зал через боковую дверь. Пока за дверями играл оркестр и шла предварительная церемония, он нашел свое место. Большую часть церемонии он пропустил. Под шум и обрывки музыки за окном председатель парламента от-

---

[74] Примечания: 74

В европейских языках слово «сионист» пишется как «zionist».

крыл заседание, ударив по столу молотком, и произнес короткую вступительную речь, в которой представил различных членов кабинета, а также представителей Арубы, Кюрасао и Сен-Мартена — остатков Голландской империи, до сих пор признающих Фредерику главой своих государств.

Через несколько минут после того, как Виллем вошел в зал, распахнулись двери и объявили о прибытии королевы. Все поднялись с мест. Протрубили фанфары — и в зал вошла королева, сопровождаемая спикером палаты. Она прошла по проходу, кивая разным видным лицам, которых узнавала по дороге. Поднялась на возвышение и воссела на трон — аутентичный трон королей Нидерландов, огромный и неуклюжий, с тяжелым балдахином, изукрашенный готической резьбой. Все сели, зал затих — и королева начала зачитывать свою речь: слово за словом, строка за строкой.

Речь началась с предложения почтить минутой молчания память погибших в недавнем бедствии в Шевенингене: всего восемьдесят девять жертв.

Традиционно в начале речи королева подводит итог важнейшим событиям прошлого года, особенно тем, что могут сказаться на бюджете. Этот

раз не стал исключением. А упомянуть о трагедии в Шевенингене и затем надолго отвлечься от угрозы глобального потепления было бы странно, так что эта тема прозвучала в речи первой.

Как прекрасно знали все в этом зале, за прошедший год в политических танцах вокруг глобального потепления не появилось никаких новых па. Все партии правящей коалиции — и большинство из тех, что составляли Генеральные штаты, — соглашались, что климат меняется, уровень моря растет и человечеству надо что-то с этим делать. Чем ближе к правому краю находилась партия, тем более склонна она была настаивать, что опасность преувеличена, и сопротивляться любым мерам, предлагаемым правительством и связанным с сокращением выхлопов, улавливанием углерода и тому подобным. Это была заведомо проигранная битва — и проигранная уже давно; но она обеспечивала крайне правых политической валютой, которую они тратили на другие цели. Резкие обличения в адрес правительства, душащего свободный рынок, ничего не давали в смысле прямого политического влияния, но обеспечивали правым голоса консервативных граждан и деньги консервативных доноров, которые можно было

использовать в других областях — например, добиваясь ограничения миграции или организуя райскую жизнь двум дюжинам еще сохранившихся в стране фермеров. Все крупные партии, как состоящие, так и не состоящие в коалиции, соглашались, что глобальное потепление в результате действий человека вполне реально и последствия его, особенно для Нидерландов, невозможно переоценить. Расходились только в том, насколько решительны должны быть ответные меры.

Но геоинженерия как таковая, по всеобщему молчаливому согласию, была настолько за пределами всех разумных опций, что в Бинненхофе даже не упоминалась. Крайне правые, согласно собственному учению, не принимали глобальное потепление всерьез, так что с их точки зрения такие меры были попросту не нужны. Все другие партии дружно предавали геоинженерию анафеме. Вот почему само слово никогда еще не звучало в монаршей речи в Третий Вторник.

Но сегодня, читая текст, сочиненный в ночи премьером Рюдом, королева Фредерика его произнесла. В заключение абзаца о глобальном потеплении она сказала так:

— Некоторые утверждают, что попытки из-

менить наш образ жизни и снизить выброс в атмосферу парниковых газов запоздалы и недостаточны, что вместо них мы должны обратиться к различным геоинженерным схемам как к временному решению — как в старой легенде о мальчике, который затыкал дыру в плотине пальцем, пока не подоспела помощь. Мы отвергаем этот соблазнительный, но близорукий и опасный подход. Новые геоинженерные схемы для нас неприемлемы.

Слово «новые» Рюд вставил в последний момент, во время разговора с королевой; оно было написано на полях чернилами. Вписав свою поправку, Рюд ее сфотографировал и отослал к себе в офис, чтобы в официальный текст речи внесли соответствующие изменения перед публикацией в Интернете. Королева прочла все верно. Но здесь произошла заминка — полсекунды или секунда, пока она искала глазами поправку на полях.

— Многие, знакомые с историей нашей страны, скажут, что своего рода геоинженерией мы занимаемся уже много столетий, что без нее Нидерланды, по крайней мере в нынешнем своем виде, не существовали бы вовсе и что остановка этих усилий приведет к затоплению нашей страны. Поэтому мы исключаем из этого заявления

уже существующие меры. Защита нашей береговой линии и находящихся за ней территорий остается нашим главным приоритетом.

И дальше — к куда более обычным для речи в Бюджетный день рассуждениям о том, сколько денег придется потратить на защиту береговой линии в этом году. Затем об образовании, пенсиях, общественном транспорте и тому подобных привычных материях. Закончила королева, как обычно, расплывчатым, внеконфессиональным призывом на страну Божьего благословения. Слушатели в Риддерзале поднялись с мест и прокричали: «*Lang leve de Koningin*!»[75] и троекратное «Ура!», после чего вся процессия двинулась в обратную сторону.

Обычно Виллем днем не пил, но, вернувшись в свой кабинет в Ноордейнде-Палас, налил себе скотча и сел, положив ноги на стол. На экране прикрученного к стене «бабушкиного» плоского телевизора он запустил ленту видеоновостей, на стеклах очков просматривал соцсети, на планшете — снимки, которые сделал в ходе процессии.

В телевизоре не происходило ничего такого, что вызвало бы желание включить звук. Во дворе

---

[75] Примечания: 75
«Да здравствует королева!» (голл.)

Бинненхофа расставили свою аппаратуру корреспонденты трех нидерландских телеканалов в ожидании членов парламента или каких-либо иных ньюсмейкеров, у которых стоит взять интервью на фоне здания. Переключая каналы, можно было увидеть разные говорящие головы; но все они стояли так тесно, что в интервью одного на заднем плане приглушенно раздавались голоса других. Виллем отыскал канал стримера, поставившего камеру так, что видны были все три интервьюируемых одновременно: один поближе, двое подальше. Что они говорят — он догадывался и так. К тому же Реми сейчас сидел дома, смотрел телевизор и время от времени делился насмешливыми комментариями: если на каком-то из каналов начнется что-то интересное — Реми сообщит.

Тем временем, листая галерею, он снова наткнулся на плакат с надписью «ZGL» и решил выяснить, что это означает. При быстром поиске выявилось несколько возможных кандидатов. Некоторые, как он и предчувствовал, были связаны с сионизмом. По счастью, след оказался ложным. Z здесь означало «*Zeelandsche*» — «зеландский». Зеландия — провинция Нидерландов на крайнем юго-западе страны вдоль берега Северного моря,

между Рейном на севере и бельгийской границей на юге. Плоская и малонаселенная низменность — низменность даже по нидерландским стандартам, — она состоит в основном из вытянутых, словно пальцы, островов, указывающих прочь от земли. Большая часть суши здесь отвоевана у моря. Зеландия сильно пострадала во время наводнения 1953 года — именно там отец Виллема чуть не утонул у себя на чердаке, — и теперь от подобных бедствий ее защищает, хотя бы теоретически, длинная дамба, соединившая концы «пальцев» между собой. На картах она выглядит как паутинка, в действительности это массивное сооружение из песка и камней, прочно отгораживающее Зеландию от океана.

Буквы G и L, как выяснилось, означали «*Geotechnisch Liga*» — то есть «Геотехническая (синоним геоинженерии?) лига». По-голландски звучит довольно странно. «Лига» — слово, пришедшее из испанского, употребляется оно обычно в футбольном контексте. Несмотря на странное название, ZGL, похоже, была вполне реальной организацией. И существовала уже не первый день. Об ее основателе имелась короткая, но вполне достоверная на вид статья в Википедии: родился в 1937 году, основал организацию в 1953-м, по-

сле наводнения, с целью укрепления береговых защитных сооружений и помощи жертвам будущих стихийных бедствий. Сам он уже скончался, но организация продолжала действовать. Хартия ZGL была составлена в таких выражениях, что поддерживала не только строительство плотин, но и любые другие «геотехнические» меры, способные защитить Зеландию от угроз со стороны Северного моря. В текущей ситуации это означало, что они поддерживают геоинженерию и — судя по постам и апдейтам за прошлую неделю — к проекту Т. Р. в Пина2бо относятся вполне положительно.

> А вот и наш сукин сын!

Очередное сообщение от Реми.

Виллем поднял глаза к видеостриму и обнаружил, что напротив одного из телекорреспондентов занял позицию Мартин ван Дэйк. Он защелкал пультом, переключая каналы, пока не нашел нужный.

Более-менее реальным весом в Нидерландах обладали две партии, которые можно было по заслугам назвать крайне правыми — если судить как по их открытой неприязни к мигрантам, так и по другим позициям, выходящим далеко за пре-

делы нынешнего политического окна Овертона. Одну из них, более старую, возглавлял престарелый политик, за много лет заработавший в парламенте репутацию *enfant terrible*. Второй была партия Мартина — относительно молодого, куда более гибкого и хитроумного. Излагал он фактически те же идеи, но в куда более презентабельной обертке, и считался человеком, которого стоит опасаться.

Первое, что заметил в нем Виллем, — значок с аббревиатурой ZGL на лацкане. Кроме надписи, на значке был герб Зеландии: лев, выходящий из морских волн.

Эта неожиданная деталь поначалу отвлекла Виллема от слов Мартина. Как правило, об этом беспокоиться не стоило: говорил он вещи весьма предсказуемые. Те, кто его любил, — любили за остроумие и стильность. А Виллема от этой стильности и остроумия тошнило. Так что он снова погрузился в чтение о ZGL. На веб-сайте организации нашлись симпатичные черно-белые фото 1950-х годов: вот члены организации ремонтируют плотину, вот основатель выступает в парламентском комитете…

>!!!

— пришло от Реми, и Виллем снова обратил внимание на Мартина и сделал погромче звук.

— Да, — говорил Мартин явно шокированной тележурналистке, — наша позиция в этом вопросе действительно изменилась. Прямо сейчас мы переписываем партийную платформу. — Он помолчал, глубоко вздохнул, и лицо его омрачилось на глазах. — В Шевенингене я потерял друга, — сообщил он. — На похоронах его мать подошла ко мне и со слезами умоляла пересмотреть позицию нашей партии в вопросе о *klimaatnood.*

«Чрезвычайная климатическая ситуация». Никогда до сего дня Мартин ван Дэйк не употреблял это словосочетание всерьез — только критически или с издевкой.

— Недавние исследования неопровержимо доказали, что глобальное потепление, вызванное воздействием человека, реально и представляет для нашей страны величайшую угрозу со времен Гитлера.

Виллем расхохотался и стукнул ладонью по столу. Вот дает! Услышать такое от крайне правого — все равно как если «зеленый» начнет

восхвалять убийства бельков![76]

Журналистка тоже не верила своим ушам.

— Потрясающая новость! — сказала она наконец. — Что же, это означает, что вы объединитесь с «зелеными»?

На лице Мартина отразилось недоумение, почти обида.

— С «зелеными»? Ну нет! Нам необходимо реальное решение проблемы. Эффективное решение. Расплывчатые обещания когда-нибудь в будущем сократить выбросы углекислого газа — этого слишком мало, да и слишком поздно. «Декарбонизация» — не что иное, как капитуляция в стиле 1940-х. Нет, единственный выход из этого тупика — геоинженерия. То, что мы видим сейчас в Пина2бо в Техасе. Я согласен с ее величеством королевой в поддержке таких жестких и реалистичных практических решений.

— Твою мать! — заорал в голос Виллем.

— С королевой? — переспросила корреспондентка.

— Да. Ее мнение мы все только что слышали.

---

[76] Примечания: 76

Бельковый промысел — охота на новорожденных детенышей тюленя, обладающих пушистым белоснежным мехом. В последние десятилетия подвергается жесткой критике со стороны природоохранных организаций.

— Но ведь королева сказала прямо противоположное!

— Прямо противоположное заявлено в официальном тексте, который, как все мы знаем, пишет не она. Но в таких случаях следует читать между строк. Вы видели, как она колебалась? Видели выражение ее лица, когда она озвучивала эти строчки, навязанные ей премьер-министром? Такое невозможно истолковать превратно.

— Но все же в речи сказано именно то, что сказано, — настаивала журналистка. К ее чести, она на это не купилась.

— Хорошо, давайте взглянем на то, что там сказано! — покладисто согласился Мартин и извлек из нагрудного кармана элегантного пиджака экземпляр речи королевы, видимо случайно там оказавшийся и еще более случайно заложенный на нужной странице. — «Мы исключаем из этого заявления *уже существующие меры».* — Он торжествующе взглянул на журналистку. — Что это, по-вашему? — И сунул речь обратно в карман, словно в ней больше не было надобности.

— Она говорит о плотинах. О насосах.

— Она не говорила ни о плотинах, ни о насосах — только о *существующих* мерах, противопоставляя их *новым.* Я видел ролики о Пина2бо. Могу

точно сказать, что оно *существует.* Не согласны?

Журналистка не нашлась, что ответить.

— То, что и как сказала королева, демонстрирует однозначную поддержку Пина2бо — проекта, который, как я полагаю, она посетила и увидела своими глазами, — и наша партия всем сердцем с ней! — заключил Мартин, положив руку себе на грудь.

Добрую минуту Виллем просидел неподвижно. Кровь стучала у него в ушах. На телефон дождем сыпались сообщения от Реми и других, но он этого не замечал.

Сосредоточиться. Сосредоточиться на своей рабочей задаче. Что от него сейчас требуется? Что делать?

Ответ: чем меньше, тем лучше. Это проблема Рюда. Рюд написал речь. Ему, а не гребаному Мартину, и судить о том, что эта речь означает. Опровергнуть измышления Мартина несложно: достаточно встать перед камерой и сказать жестко и однозначно, что проект Пина2бо *не включается* в категорию «существующих» геоинженерных схем и что речь означает ровно противоположное.

Но ведь Мартин уже объявил о резком изменении партийной политики…

Реакции шли отовсюду, по всем каналам. Мартин определенно стал героем дня. Лидер старейшей крайне правой партии поспешил заявить, что они тоже изменили свою позицию и теперь поддерживают геоинженерию как способ справиться со смертельной угрозой, которую представляет подъем уровня моря для самого существования Нидерландов.

> Snaparound![77]

Сообщение из одного-единственного английского слова. От Аластера. Что это означает, Виллем не понял.

На планшете обновился сайт ZGL. Поверх основной страницы появились свежие фото Мартина и Рюда. Сверху, между ними, немного поменьше — сегодняшнее фото королевы на троне. «Может быть, стоит ее найти, рассказать, что произошло?» — думал Виллем. Но остаток дня у королевы был свободен от официальных обязанностей; она собиралась посвятить вечер общению с родными и банкету по случаю семейной встречи Оранского Дома. Формально говоря, это вообще не ее проблема. Королева выше этого.

---

[77] Примечания: 77
Приблизительный перевод — «поворот кругом» (англ.).

Она ничего здесь не может предпринять — да и не должна предпринимать.

Для провинциальной некоммерческой организации, основанной в 1950-е, у ZGL был какой-то уж очень современный сайт с очень уж быстро реагирующими на новости администраторами. И Виллем не мог отделаться от ощущения, что где-то уже встречал эту аббревиатуру.

Может быть, поискать это название у себя в электронной почте? Виллем открыл «поиск»: несколько совпадений нашлось, но, очевидно, случайных. Номер пикапа, арендованного им в Уэйко, был ZGL-4737. Этот номер стоял и в договоре аренды, и в других документах, которые автоматически приходили ему на почту. Так что поиск в почтовом ящике по слову ZGL неминуемо выводил его на эти PDF-ки. И ни на что больше. Поискать в архиве? Но там хранятся мейлы за много десятилетий…

Если бы не недавняя странная история с ERDD, Виллем счел бы это совпадением и больше об этом не думал. Но сейчас он вспомнил, как беседовал с Бо в Луизиане, а рядом стоял его арендованный пикап. Бо сфотографировал жилет, вывешенный просушиться, с надписью ERDD. А еще он — теперь Виллем вспомнил и это — привел наизусть

номер его машины.

Виллем вернулся к планшету и начал изучать сайт ZGL новым, более внимательным взглядом. На страницах стояли даты их создания; у некоторых страниц это были аж 1990-е годы — но ведь даты могут быть и поддельными.

На основной странице, в тени постоянных обновлений (теперь здесь появился и чат в реальном времени — строчки в нем бежали с головокружительной скоростью), обнаружилось черно-белое фото якобы основателя группы. Виллем на него уже кликал и просматривал его биографию. Сейчас извлек ссылку из истории просмотров и перечитал заново. Биография была снабжена той же фотографией покрупнее; под ней имелось имя основателя, даты рождения и смерти.

Дата рождения: 4 июля 1937 года. 4.7.37 — так запишут эту дату цифрами везде, кроме Америки.

Он сравнил цифры с PDF из агентства по аренде автомобилей. Номер пикапа: ZGL-4737.

Виллем начал набирать в адресной строке *web.archive.org*, чтобы увидеть старые, архивированные версии сайта ZGL. Получить доказательства, что, несмотря на свой почтенный, даже антикварный вид, этот сайт не существовал в

природе до последней недели или пары недель…

И остановился. К чему трудиться? Он уже знал, что увидит.

Он снял очки, откинулся на спинку стула, прикрыв глаза и скрестив руки на груди, и попытался думать.

Зажужжал телефон. Лишь несколько людей на свете пользовались привилегией присылать ему сообщения со звуком. Виллем проверил телефон на случай, если королева Фредерика срочно хочет с ним встретиться. Но это оказался отец из Луизианы.

> СЛАВА БОГУ! НАКОНЕЦ-ТО!

Несколькими сообщениями раньше на экране виднелось загадочное «*Snaparound*» от Аластера.

> Наши договоренности на завтра в силе?

— написал ему Виллем.

> Да, как договорились. Если вы там сейчас не слишком заняты.

> Встретимся на вокзале. Счастливо тебе доехать.

На вокзал в Гааге легко было дойти пешком из обоих дворцов. Виллем вышел заранее, до прихода поезда времени было еще достаточно, так что он решил выпить кофе. Почти все столики в кафе были заняты. За одним столом мужчина в футболке и джинсах читал газету — настоящую бумажную газету, полностью закрывшую лицо. На первой странице красовалось неизбежное вчерашнее фото королевы на троне, а под ним — сияющая физиономия Мартина ван Дэйка с подзаголовком: «Крайне правые взорвали климатическую бомбу».

Когда Виллем взял свой кофе и двинулся прочь от стойки, мужчина с газетой повернулся и выдвинул вперед ногу, преградив ему путь. А затем опустил газету.

Бо.

Виллем не сразу его узнал — слишком неожиданным оказалось и место встречи, и его наряд. Особенно гирлянда оранжевых цветов на шее, разумеется, пластиковых. Осколки вчерашнего торжества. На футболке блестел значок с надписью ZGL.

Виллем вздохнул.

— У меня всего несколько минут.

— Девять с половиной, — уточнил Бо, взглянув

на табло прибытия. — Восхищаюсь вашей пунктуальностью, сэр. Всегда приходите на десять минут раньше.

— Хитро придумано, — заметил Виллем, садясь за столик, — и очень качественно исполнено. Хотел бы я взглянуть на вашу фабрику фейков.

— Фабрику? — перепросил Бо.

— Представляю себе небоскреб где-нибудь в Пекине, сверкающий стеклом и сталью. Каждое утро туда приходят гениальные хакеры и садятся за работу: где сварганить фальшивый сайт, где проманипулировать дискуссией в соцсетях, где подделать даты…

— О, все совсем не так грандиозно, — возразил Бо. — К чему нам гениальные хакеры в небоскребах? Достаточно нескольких подростков из какой-нибудь Македонии, сидящих за компьютерами в подвале родительского дома. Гениальных хакеров мы используем для другого.

— Например… для просчитывания климатических моделей?

— Например.

— И что сообщают вам эти модели?

Бо снова взглянул на табло.

— Спросите Аластера. Судя по *LinkedIn*-профилю этого человека, его модели должны показать

очень схожие результаты.

— Какого черта вы играете со мной в эти игры? ERDD, ZGL — зачем это все?

— Вы имеете определенное влияние.

— На королеву, по Конституции лишенную каких-либо прав. Чье единственное в году выступление на политической арене вчера уже состоялось.

Бо пожал плечами.

— Премьеры и правительства приходят и уходят. А ваша королева молода и здорова. Если не будет больше ронять самолеты, проживет еще много десятилетий. Она выглядит более стабильным долгосрочным вложением.

— Она вам не «вложение»! Королева не продается.

— О, я неверно выразился, — с легчайшим намеком на поклон поспешил ответить Бо, — прошу принять мои извинения. Хотел сказать, что мы вкладываемся в дружественные отношения с ней.

— И что «дружественного» вы видите в своих действиях?

Несколько секунд, собираясь с мыслями, Бо неторопливо и аккуратно складывал газету.

— У Запада есть очень любопытная черта.

Нежелание, даже неспособность говорить о реальности. О базовых фактах, очевидных любому, кто не живет в вашем информационном пузыре. Боже правый, ведь *ваша страна находится ниже уровня моря!*

— Знаете, Бо, вообще-то мы все время об этом говорим.

— А собираетесь вы что-нибудь делать с тем фактом, что уровень моря поднимается?

— В прошлый раз, когда мы с вами беседовали, — сказал Виллем, — вы были раздражены.

— Раздражен?

— Даже оскорблены тем, что Т. Р. не пригласил вас на свою вечеринку.

— Ах да, помню, — ответил Бо. — А вы сказали, что мне стоило с ним пофлиртовать. Продемонстрировать интерес, — улыбнулся он.

На мгновение Виллем запнулся, ошарашенный безумной мыслью: а вдруг вся эта чепуха с ERDD, ZGL и прочим и есть «флирт» в понимании Бо? Вдруг Бо поймал его на слове и решил показать, на что способен?

Да нет, ерунда, конечно. Китай не действует по таким мотивам.

— Это было перед тем, как я приехал на Пина2бо, — ответил Виллем, — и увидел, что все

это реальность. Теперь мы оба знаем намного больше.

— Несомненно, — согласился Бо.

— Зачем вы здесь? — спросил Виллем. — Зачем приехали в Нидерланды?

— Наблюдаю. Собираю факты, — ответил Бо. — Среди прочего когда еще выпадет возможность увидеть, как ваша страна встречает бурю из тех, что случаются раз в столетие?

— Вы о том, что произошло в Шевенингене? — не понял Виллем.

— Нет, — безмятежно ответил Бо, — о том, что произойдет через три недели.

— Мы не можем предсказывать погоду на три недели вперед!

— Можем. — Бо опустил взгляд. — Кстати, симпатичные у вас сапоги.

Ровно те же слова произнес Аластер, сошедший с амстердамского поезда несколько минут спустя.

— Я думал, надевать ли их сегодня.

Аластер моргнул.

— Боялся, что ковбойские сапоги кто-нибудь поймет как намек на поддержку Т. Р.?

Виллем кивнул и вместе с ним двинулся прочь с перрона.

— Но потом увидел, что сегодня обещают дождь, и подумал: а, черт с ними!

Двое мужчин, держась рядом, пробирались через густой поток пешеходов вдоль центральной артерии вокзала.

— Послушай, — заговорил Виллем, — а можешь ли ты — или вообще кто угодно — предсказать крупный шторм за три недели?

В кармане зажужжал телефон — сообщение от контакта Виллема в нидерландской разведке, которому он отправил срочный запрос, едва распрощавшись с Бо. Согласно иммиграционным данным, китаец прибыл в страну неделю назад.

— Даже за четыре, — поправил себя Виллем.

— Ты говоришь о гипотетическом шторме через три недели, считая от сегодняшнего дня? Или через четыре?

— От сегодняшнего — через три.

— Ну, тут могу только сказать, что примерно в эти сроки ожидаются необычно высокие приливы.

— Откуда ты знаешь?!

— А ты вспомни, чем я занимаюсь — помимо того, что по заданию королевы Нидерландов изучаю фантастические геоинженерные проекты, — ответил Аластер. — Необычно высокие

приливы повышают вероятность возведения Барьера Темзы для защиты Лондона. И мешают судоходству.

— Да, теперь ясно… — изумленно протянул Виллем. — И все же не понимаю, как тебе удается предсказывать приливы за три недели?

— Да я тебя разыгрываю! — признался Аластер. — На самом деле мои родители живут на острове Скай. Через три недели поеду к ним — последний в году визит перед тем, как пролив закроется на зиму. Вчера смотрел расписание паромов. На эти даты стоит предупреждение о высоких приливах.

— А я и попался! — улыбнулся Виллем. — Кофе?

Они как раз проходили мимо того кафе, где несколько минут назад он разговаривал с Бо. Китаец исчез. Брошенную им газету подобрала какая-то женщина и любовалась на цветное фото вчерашних дам в разноцветных нарядах и причудливых шляпках.

— Нет, спасибо, — ответил Аластер. — Так или иначе, шторм предсказать, очевидно, сложнее, чем прилив. Мы понимаем, на что может быть *похож* сильный шторм. На события 1953 года. Тогда вблизи Исландии сформировался необыч-

но интенсивный циклон и двинулся на юг, в пролив между Шотландией и Норвегией, гоня перед собой волну. А сильные дожди подлили бензина в костер, если уместно перефразировать метафоры.

— Насколько заранее можно предсказать появление такого циклона?

— Дней за десять. От силы за пару недель.

— Но не за три недели? Не за четыре?

— Может быть, какие-то новейшие модели и позволяют заглядывать так далеко. Но с большой погрешностью.

Виллем кивнул. Они вышли с вокзала и оказались в теплом, совсем летнем городе. Лишь легкие облачка, плывшие по небу, намекали на скорую перемену погоды. Виллем вместе с Аластером обошли заграждения и направились к Ноордейнде.

— Вообще-то, я думал, меня пригласили сюда предсказывать изменения климата, а не погоду, — шутливо заметил Аластер. — Для погоды у вас есть другие специалисты.

— Мне поступила информация, что через три недели разразится буря, какая бывает раз в столетие, — объяснил Виллем, — и теперь я пытаюсь понять, стоит ли принимать это всерьез.

— А у того, кто передал информацию, есть связи с серьезными научными организациями, имеющими хорошее финансирование и доступ к самым современным механизмам компьютерного моделирования?

— Есть.

— Если так, у нас проблемы. Присматривай за северной Атлантикой! — ответил Аластер. — Я тоже буду начеку: ты меня заинтриговал. Может, лучше отложить поездку на Скай?

— Кстати, — вспомнил Виллем, — у меня еще один вопрос. Что такое *snaparound*?

— Извини, если прозвучало загадочно. Это «разворот на 180 градусов». То, чего уже много лет опасаются «зеленые»: что в один прекрасный день их противники — главным образом нефтяные компании — вдруг изменят свою позицию по вопросу глобального потепления на противоположную.

— Как вчера Мартин ван Дэйк?

— Именно. Но вместо того чтобы соглашаться с «зелеными» и делать то, чего те хотят, они скажут: «Упс, поздняк метаться, сделанного не воротишь, единственный выход — геоинженерия!»

— Значит, с точки зрения «зеленых», — заметил Виллем, — сами они твердо придерживаются

своей исходной позиции, а вот их противники мечутся от одной крайности к другой.

Аластер кивнул.

— Я послал тебе сообщение, потому что очень уж обалдел от этой новости. «Зеленые» этого боятся уже много лет. Значительная часть их политической стратегии в спорах о климате связана с желанием избежать этого «разворота». Но в первый раз за все эти годы я увидел это воочию!

— Думаешь, последуют и другие такие «развороты»?

— Я думаю, — серьезно сказал Аластер, — что у Т. Р. много добрых друзей в советах директоров по всей длине Хьюстонского энергетического коридора. — Он немного помолчал, окидывая Ноордейнде-Палас одобрительным взглядом. — В том числе…

— В том числе и в «Ройял Датч Шелл», — закончил Виллем.

На встречу королева пришла с дочерью. Согласно букве закона принцессе Шарлотте следовало сейчас быть в школе. Однако она достигла возраста, когда обязанности школьника регламентируются уже не так жестко и поощряется самостоятельное получение знаний. Пока принцесса не забывала делать домашние задания,

ей дозволялось определенное число пропусков. Брать ее с собой, например, на еженедельную встречу с премьер-министром Саския бы не стала. Но в таких случаях, как сейчас — когда есть возможность узнать что-то новое и полезное, в особенности то, что поможет Шарлотте подготовиться к будущей роли королевы, — ей разрешалось пропустить школу и вместо этого посидеть рядом с матерью. Только тихо.

Многие старинные покои в Ноордейнде имели слишком большую историческую ценность, чтобы уродовать их современным офисным оборудованием; однако нашлась комната, обставленная по стандартам двадцать первого века, где Аластер смог включить проектор в розетку. Как и на любой другой конференции в мировой истории, с первого раза проектор не заработал — пришлось вызывать мастера, который умеет с ним обращаться; и, как водится, таковой нашелся далеко не сразу.

Виллем решил использовать вынужденную задержку для практических целей.

— Теперь, когда Бюджетный день и все такое наконец позади, — сказал он, — хочу сказать, что я взглянул на ваше расписание на следующие несколько недель.

— И что думаете? — спросила королева.

— Ну, оно не слишком насыщено. Мы были заняты другими делами и почти ничего не запланировали. Ничего страшного, разумеется. Но Аластер упоминал о том, что через три недели прогнозируют необычно высокие приливы. Если они совпадут с плохой погодой, могут возникнуть проблемы. Если вы не возражаете добавить в свое расписание что-то новое, может быть, акцентируем внимание на подготовке к возможным стихийным бедствиям?

Королева улыбнулась.

— Что ж, за своевременную подготовку к стихийным бедствиям меня еще никто не критиковал!

Шарлотта завела глаза к потолку, но на сей раз это относилось не к матери.

— Они будут тебя критиковать, что бы ты ни сделала! Вот увидишь…

Фредерика ласково взглянула на дочь.

— Опять читала комменты в соцсетях?

Шарлотта покраснела, словно ее застигли за воровством спиртного из бара.

— Мы ведь уже об этом говорили, — продолжала Фредерика.

— Знаю, знаю! Нечего трепать себе нервы, все

это читать — только попусту расстраиваться…

— Если я заговорю о том, что к катастрофам нужно готовиться заранее, возможно, кто-то и скажет, что я разыгрываю Умную Эльзу, — согласилась королева. — Но после трагедии в Шевенингене такой ход мысли вполне естествен. И это вытеснит из новостной повестки и Техас, и Пина2бо, и Мартина ван Дэйка. — С этими словами она повернулась к Виллему и кивнула.

— Отлично, тогда я займусь поиском возможностей, — откликнулся Виллем. — Торопиться некуда, в любом случае такую кампанию не развернешь быстрее, чем за пару недель.

Наконец видеосистема ожила; на экране высветилась заставка — герб Оранского Дома. Воспитание Фредерики Матильды Луизы Саскии помогло ей найти самые теплые комплименты в адрес техника, ни словом, ни взглядом не напомнив ему, что вообще-то проектор должен был начать работу двадцать минут назад.

Пожалуй, сейчас был бы полезен трехмерный глобус с эффектом дополненной реальности; но программное обеспечение, которым пользовался Аластер, разрабатывалось для научных исследований, а ученые — не поклонники спецэффектов. Так что то, что он хотел показать, отображалось

на простых прямоугольных картах. Помимо слайдов, он привез эти карты с собой в распечатанном виде и сейчас раздал копии Виллему и королеве. Он не знал, что на встречу придет принцесса Шарлотта, поэтому им с матерью досталась одна копия на двоих.

— Перейду прямо к делу, — заговорил он. — Если Пина2бо продолжит работать, как задумано, Нидерланды окажутся в выигрыше. Это самая важная информация, которую я планировал сообщить вам сегодня.

Королева, листавшая карты, скрестила руки на груди и взглянула на него, ожидая продолжения. Лотта, кажется, хотела что-то сказать, но прикусила язык. Она пододвинула карты к себе и разглядывала их, пока Аластер продолжал:

— Многие негативные эффекты и повышенные риски, принесенные вашей стране — как и моей, кстати, — глобальным потеплением, в ближайшие десятилетия снизятся или будут устранены. В отдельных случаях скорость улучшений будет впечатляющей. Значительно упадет температура. Снизится уровень испарения воды с поверхности океана, так что проливные дожди станут гораздо реже. Перестанут таять шапки ледников, что снизит вероятность внезапного

и резкого изменения Северо-Атлантического течения, которое стало бы катастрофой для всей Европы…

— У которой климат может стать как в Сибири? — поинтересовалась Шарлотта.

— Совершенно верно, ваше королевское высочество. — В Техасе Аластер постепенно привык называть королеву Саскией и общаться с ней неформально. Но пара недель в Британии вместе с подавляющим величием Ноордейнде вернули ему уважение к этикету. — В этом случае климат у нас станет таким, какой мы, можно сказать, заслужили, живя так близко к Северному полярному кругу. А не таким умеренным, какому мы радуемся на всем протяжении письменной истории человечества. Вы, очевидно, уже понимаете, о чем речь, так что я не стану…

— Занудствовать? — тихонько подсказала королева.

— Да, но раз уж принцесса подняла эту тему: трудно переоценить кошмар, которым такое похолодание обернется для всей Европы. Таяние Гренландии повышает вероятность этого, Пина2бо снижает. Но даже если оставить это в стороне, на странице четвертой вы видите предсказания относительно воздействия Пина2бо на полярные

льды. Таяние ледников замедлится, вследствие чего остановится подъем уровня моря.

— А погода станет холоднее?

— Да. Но не таким катастрофическим образом, как в случае, упомянутом принцессой. Скорее это вернет вашу страну к… — Он развел руками. — Я бы сказал, к временам Ханса Бринкера[78].

Королеве шутка явно понравилась.

— Неужто сможем, как в старые времена, кататься по каналам на коньках?

— Сможете. Вашим фермерам придется немного адаптироваться: перейти на более морозоустойчивые сорта, изменить график сельскохозяйственных работ. Но ничего катастрофического. И либо это, либо все скроется под десятью футами соленой воды.

— Во всем этом не учитывается тот факт, что в атмосфере по-прежнему будет избыток CO_2, — заметила королева.

— Верно, ваше величество. И, как мы обсуждали в Техасе, верхние слои океана впитывают углекислый газ из воздуха и окисляются. Это очень

---

[78] Примечания: 78

Герой романа Мэри Мейп Додж «Серебряные коньки», написанного в середине XIX века. Зимняя Голландия в романе предстает морозной, окованной льдом страной, по которой легко передвигаться на коньках.

вредно для коралловых рифов. Но если мыслить прагматично… — Тут Аластер остановился.

— В Нидерландах нет коралловых рифов, — сказал Виллем, чтобы это не пришлось говорить никому другому.

У принцессы заметно вытянулось лицо.

— Это необходимо сказать вслух, — продолжал Виллем, — потому что другие — вроде Мартина ван Дэйка — уже говорят это перед камерами и микрофонами. Это не значит, что нам наплевать на коралловые рифы. Но королева должна заранее услышать этот вопрос и знать, что на него отвечать.

— Существуют и другие технологии, направленные именно на борьбу с окислением океана, — ответил Аластер. — Но в мою область компетенции они не входят.

— Иные скажут, — добавил Виллем, — что мы пытаемся геоинженерией решить проблемы, созданные предыдущей итерацией геоинженерии.

— Аластер, подождите минуту, — заговорила королева. — Те перемены, о которых вы говорите, — верно ли я поняла, что всего этого добьется один Т. Р. с одним-единственным Пина2бо?

Аластер кивнул.

— Этот метод очень серьезно меняет уровень

SO_2 в стратосфере. Этим-то он и привлекателен для людей вроде Т. Р.

Саския только головой покачала.

— Работа нынешнего Пина2бо уже достигла масштабов, необходимых для серьезного изменения ситуации. Если же заработают одновременно два, три, четыре Пина2бо — изменения будут резкими. И очень быстрыми.

— Вы хотите сказать, если он построит на ранчо «Летящая S» другие Шестиствольники? Или если первый Шестиствольник начнет стрелять чаще? — уточнила королева. — Или… может быть, вы говорите о таких же устройствах в других частях света?

— Вы задаете интересный вопрос, *mevrouw.* В сущности, *главный* вопрос. Как изменятся наши прогнозы, если их развести по регионам? С одной стороны, относительно источника: что было бы, если бы Т. Р. выстроил свою геоинженерную машину не в Западном Техасе, а в провинции Альберта или в Эквадоре? С другой стороны, относительно последствий: как работа Пина2бо отразится на разных частях света?

— Держу пари, ответ будет сложным, — сказала королева.

— Если речь только о Нидерландах, нет. Вам

в любом случае это пойдет на пользу. Еще один несомненный бенефициар — Китай. Для него здесь чистая, однозначная выгода на нескольких уровнях сразу.

Виллем почувствовал, что краснеет.

— А можете привести пример страны, которой станет хуже? — робко спросила Шарлотта.

— Возможно, Индия, — не колеблясь ответил Аластер. — Нет, ее сосед Бангладеш будет очень доволен. Бангладешцев это просто спасет. Как и те районы Восточной Индии, у которых проблемы схожи с бангладешскими, — у них все будет хорошо. А вот Западной и Южной Индии, возможно, придется испытать на себе… как бы это сказать… у них серьезно изменится характер муссонов.

— Боже мой! — вырвалось у Саскии.

Аластер помолчал несколько секунд, ожидая, пока королева переварит эту мысль и к ней притерпится. С самого начала переговоров с Т. Р. все они понимали, что солнечная геоинженерия — метод «спорный», при котором возможны «серьезные побочные эффекты, требующие дальнейшего изучения»; но за этими водянистыми словами, звучащими на презентациях в Брюсселе, не стояло ничего конкретного. Теперь, сфокусировавшись на одном конкретном регионе, они

куда лучше понимали, чем может обернуться эта затея, — и испуг королевы, возможно, был вызван тревогой не только о судьбе Индии, но и о судьбе Нидерландов, если они открыто поддержат этот проект.

Принцессу реакция матери встревожила, кажется, больше самих слов Аластера; она торопливо набрала в Интернете «муссоны» — скоро и она поймет, что стоит на кону.

Когда Саския снова встретилась с ним глазами, Аластер продолжил:

— Я не говорю, что муссоны *прекратятся*. Не прекратились же они в 1990-х, после извержения Пинатубо. Их причины головокружительно сложны: там задействовано и положение солнца в небе, и топография Гималаев, и отражательная способность земли, воздушные потоки, эффект Кориолиса, океанические течения и много что еще. Даже Эль-Ниньо[79] в этом участвует. В последнее время в Индии стоит необычно сухая погода, хотя на большей части Земли становится все более влажно. Сильные муссонные ливни вызывают локальные наводнения, которые могут привести к бóльшим смертям и разрушениям,

[79] Примечания: 79

Колебание температуры поверхностного слоя воды в экваториальной части Тихого океана, оказывающее заметное влияние на климат.

чем засуха. Словом, все сложно.

Королева потянула к себе распечатанные карты и принялась нервно их листать.

— То, что вы ищете, находится на двадцать третьей странице, — подсказал Аластер и вывел карту на большой экран.

Это была очередная прямоугольная карта мира, с черными контурами стран и континентов. Вся окрашена в разные оттенки между красным и синим. Большая часть мира оставалась младенчески-розовой или пастельно-голубой — это означало, что изменения в годовом количестве осадков останутся незначительны; но некоторые районы привлекали внимание более насыщенной окраской. Многие из этих мест были относительно малонаселенными: Гренландия, Сахара, Гималаи. Полуостров Индостан в целом выглядел не так уж страшно. Но в его северо-западной части, между Гималаями к востоку и Пакистаном к западу, полыхало тревожное красное пятно.

— Пенджаб, — пояснил Аластер, подсвечивая пятно лазерной указкой. — «Житница Индии». В целом это крайняя точка, которой достигают муссоны, в конце весны — начале лета приходящие со стороны Шри-Ланки. Сюда они доходят в

последнюю очередь — и через несколько месяцев в первую очередь отсюда уходят.

— То есть изменения в паттерне муссонов могут повлиять на эту область сильнее, чем на остальные, — закончил Виллем.

— Верно. К тому же с этой областью связаны известные политические осложнения. — В этой компании Аластеру не требовалось рассказывать о бесконечных пограничных спорах Индии как с Пакистаном, так и с Китаем — или напоминать, что у всех трех стран имеется ядерное оружие.

Несколько мгновений королева смотрела на Шарлотту так, словно думала: «Не стоило брать ее с собой». Принцесса этого не замечала: она углубилась в телефон, листала там ссылки на какие-то видео, связанные с Пенджабом, и жала на кнопку «Подписаться».

— Что вы можете сказать о вероятности голода или засухи? О возможном количестве жертв? — спросила Саския.

— В сущности, почти ничего, — ответил Аластер. — С определенной уверенностью могу говорить только об одном: карты, очень похожие на эту, сейчас внимательно рассматривают люди в Дели. И в Пекине. И во многих других местах.

— Да и неважно, — вставил Виллем. — Прошу

прощения за цинизм, но, едва такую карту увидит широкая публика, научный, фактологический подход к делу станет невозможен.

Саския кивнула.

— Помните, мы обсуждали это в поезде? Неважно, что происходит, — важно, как это воспринимают.

— Именно. Публика уже верила, что какие-то большие шишки манипулируют погодой, даже когда никто ничего подобного не делал. А теперь Т. Р. в самом деле что-то делает! Все, что произойдет с климатом дальше — и хорошее, и дурное, — будут относить на его счет.

— Или на счет тех, кто его поддерживает, — снова кивнула Саския, а затем подтолкнула локтем Лотту. Что толку приглашать ее на такие встречи, если она сидит в телефоне, занятая чем-то своим? — Милая, а ты что скажешь? Ты у нас неожиданно стала специалистом по Пенджабу. Как там настроения? Люди злятся на Т. Р. Мак-Хулигана?

— Кое-кто, наверное, злится, — ответила Лотта, — только им сейчас не до того. Они там фанатеют от Большого Лосося!

— Что за Большой Лосось?

Вместо ответа Лотта кликнула на ссылку и раз-

вернула телефон экраном к матери. На экране, в обрамлении кричащих надписей неизвестным алфавитом (видимо, на пенджаби), красовался на фоне невероятно высокой горы полуголый молодой великан, в воинственной позе и с шестом в руке.

— Смотри!

Саския не сразу смогла оторвать взгляд от экрана. Там, где снимался этот парень, похоже, было холодно: соски на смуглой мускулистой груди затвердели и торчали, словно остроконечные гималайские скалы.

— А чем он занимается — кроме того, что так выглядит?

— Лупит китайцев своим шестом!

Даже на Саскию, зрелую женщину, обремененную серьезными обязанностями, зрелище произвело впечатление. Не помогало и то, что Лотта открывала все новые треды о Большом Лососе на «Пинтересте». Так… так… нет, надо сосредоточиться! О чем шла речь? Ах да: важно не то, что происходит, а то, как люди это воспринимают.

— Мы наняли Аластера не для определения официальной политики государства, — заметил Виллем. — Это забота Рюда. Нам следует беспо-

коиться лишь об одном: какую позицию в этом вопросе должна занять королева.

В какой-то момент он перешел на голландский, и Аластер потерял нить. Однако он явно хотел что-то добавить — и, едва Виллем закончил, заговорил снова:

— Ранее я упомянул, что региональная разбивка возможна не только по последствиям проекта, но и по его источникам — то есть откуда производится выброс серы. Множество исследований показывают: результаты для разных регионов мира очень сильно зависят от того, где именно извергается вулкан — или осуществляется геоинженерный проект. Уже давно известно, например, что от извержений вулканов в Южном полушарии дожди в сезон муссонов усиливаются, а извержения вулканов в Северном полушарии обладают обратным действием.

— Выходит, если бы Т. Р. построил свой Шестиствольник в Аргентине… — начал Виллем.

— Для Индии и Китая последствия были бы ровно обратные, — подтвердил Аластер.

Саския слушала даже более внимательно, чем обычно.

— А как насчет… — начала она, но осеклась и бросила взгляд на Лотту.

— Я так и знала! — вздохнула Лотта и встала.

Виллем и Аластер, как благовоспитанные джентльмены, также поднялись со своих мест.

— Должна признать, занятие по климатической геополитике вышло куда более информативным, чем я ожидала, — сказала Саския. — А теперь, юная леди, можете идти к себе и погрузиться в изучение этого… Большого Лосося.

— Обязательно, мама! За ужином расскажу…

— Иди-иди. — Она поцеловала дочь в щеку, и Лотта вышла из комнаты.

— Я хотела поговорить о наших друзьях из Венеции, — начала Саския.

И Виллема, и Аластера несколько удивил такой поворот беседы. По крайней мере, Виллем считал, что никогда больше не увидит венецианцев и ничего о них не услышит. Они представлялись ему любопытным историческим курьезом, не более.

— Кажется, уже можно присесть! — пошутил Аластер и сел. Так же поступил и Виллем.

— После Техаса, — начала Саския, — я время от времени поддерживала связь с Корнелией. Ничего особенного, просто дружеские сообщения и фотки. Она все это время провела в отпуске. По крайней мере, так я полагала — до недавнего времени, — основываясь на селфи, которые она

мне присылала. Скажите, можно вывести фотографии с телефона на большой экран?

Оказалось, что можно. И даже несложно: они втроем разобрались сами, без помощи техника.

Корнелию на снимках было не узнать: вместо подчеркнуто элегантных нарядов, в каких ее привыкли видеть в поезде, теперь на ней было обычное туристическое тряпье. Широкополая соломенная шляпа, большие солнечные очки, белая рубашка поверх топа. Она плыла на корабле. Корабль, впрочем, в кадр почти не попал, но некоторые детали позволяли предположить, что это яхта. За спиной у Корнелии виднелось синее море, остров, а подальше, в туманной дымке, — очертания какой-то более крупной суши, видимо, материка. И остров, и материк были скалистыми и гористыми. Море напоминало Эгейское, однако лес на острове выглядел гуще и темнее, чем в Греции или в Турции.

— Черное море? — предположил Аластер.

Виллем же подумал о Корсике.

Саския показала еще несколько фото. Были среди них селфи — но далеко не все. Фотографии рассказывали историю. Вот яхта стоит у островного причала. Причал выглядит довольно мрачно. Вид у него то ли индустриальный, то ли

военный, он полузаброшен и давно не ремонтировался: выбоины в пирсе, такие здоровые, что в них легко провалится автомобиль, огорожены новенькой желтой лентой. Кое-где видны суровые на вид надписи массивным квадратным шрифтом: алфавит латинский, но язык совершенно непонятный. Изредка надписи чередуются с греческими и кириллицей.

— Сдаюсь! — признал Аластер.

— А вы, Виллем? — спросила Саския.

— Бывшая Югославия? Македония?

— Албания! — гордо объявила Саския и с комической укоризной покачала головой, как бы говоря: «Да за что я вам плачу, если вы Албанию от Македонии отличить не можете?» Пролистнула еще пару снимков, свидетельствующих о бедственном состоянии порта. — Страна на побережье Адриатики, прямо напротив каблука «итальянского сапога».

— Да там полная разруха! — заметил Аластер. — Место совсем не для Корнелии.

— И тем не менее… — ответила Саския и вывела на экран новое фото: древние каменные развалины, в которых с трудом угадывалась церковь.

Виллем торопливо что-то гуглил.

— Албании принадлежат всего два острова, —

объявил он. — И оба прежде были частью…

Но в этот момент Саския увеличила масштаб, и на экран выплыло крыльцо церкви крупным планом. Над пустующим дверным проемом, едва заметный на источенной временем притолоке, виднелся вырезанный в камне венецианский лев.

— …Венецианской империи! — закончила она. — Разумеется, только до 1800 года. После этого острова забрала Австро-Венгрия, потом их потеряла. Со временем они попали под советский контроль.

— Но, как мы убедились, у Корнелии и ее друзей память долгая, — сухо заметил Аластер.

— И они умеют поддерживать старые связи, — согласилась Саския.

— Если это тот остров, о котором я сейчас читаю, — заметил Виллем, не отрываясь от планшета, — то во время холодной войны Советы построили там химический завод.

— И это многое объясняет, — подхватил Аластер.

Действительно, все снимки, кроме развалин церкви, вполне отвечали заголовку «брошенное военное производство и свалка токсичных отходов на каком-то богом забытом островке».

— Албания нечасто появляется в новостях, — заметил Виллем.

— В последнюю пару десятилетий они довольно активны, — ответил Аластер. — Ищут иностранные инвестиции, пытаются развивать собственные технологии — все в таком роде. Время от времени появляются в Сити с какими-нибудь предложениями по продаже акций или недвижимости.

— Что ж, похоже, Корнелия и ее друзья готовы инвестировать в албанское производство, — задумчиво проговорила Саския. Она листала следующие фотографии, изображавшие путешествие «ленд ровера» вверх по извилистой горной дороге.

— Ничего удивительного, — ответил Аластер. — В Лондоне и на Уолл-стрит опасаются иметь дело с Балканскими странами: этот регион им мало понятен. Выглядит нестабильным, история у него какая-то головоломная. Но если ты венецианский аристократ, Балканы для тебя… ну, как Ирландия для Англии.

Дорога привела к месту, где зрители наконец увидели какие-то признаки жизни: вертодром, контейнеры, ряд бытовок. Похоже, здесь шло строительство или нечто подобное. В центре от-

крытой площадки виднелся бурильный станок и рядом аккуратно сложенные буровые колонны.

— Бурят разведочную скважину, — догадался Аластер. — Первый шаг к шахте побольше.

Саския взглянула на него.

— Возможно, вам стоит поболтать с Виллемом о продлении контракта.

— О, — отвечал Аластер, — я бы просто не вынес, если бы пришлось уйти сейчас и не узнать, что будет дальше!

Саския еще раз перелистала карты.

— Любопытно, как будут выглядеть все эти карты и схемы год спустя, когда на албанском побережье заработает двойник Пина2бо! — Она подняла взгляд. — Не сомневаюсь, Корнелия твердо решила спасти свой город от гибели. И помоги Бог всякому, кто встанет у нее на пути!

Синие Журавли

Вфильмах о боевых искусствах есть троп, о котором даже Лакс, в литературоведении совсем девственный, понимал, что это троп, и даже знал, что это именно так называется. Будь Лакс вымышленным героем низкобюджетного боевика под названием, например, «Большой Лосось» — именно этот троп применил бы сейчас режиссер. Называется это «монтаж». На этот раз не монтаж тренировок — дни тренировок для Лакса остались позади. Скорее в этих смонтированных сценах режиссер показал бы коротко, но емко, как его герой осваивает азы реального боя — и стремительно взлетает к славе. А в последней сцене Лакс, в безупречном тюрбане стиля «Чанд Тора Думалла», выходил бы из лимузина где-нибудь в центре Бомбея, устало улыбаясь папарацци и аппетитным юным поклонницам.

Такой монтаж состоял бы из быстрой нарезки разнообразных боев вдоль Линии Фактического Контроля, в которых победы чередовались с поражениями. Но побед было больше.

Создатели боевиков используют монтаж, чтобы

за пару минут экранного времени рассказать целую историю. То, что произошло дальше с Братством, в каком-то смысле казалось даже более стремительным, более сжатым. Хронологически, очевидно, это было не так: прошло несколько недель. Но просто не было времени остановиться, передохнуть, поразмыслить над тем, куда несет их течение. Они метались, как безумные, из одного места в другое. Все это были горячие точки вдоль Линии, где людям вроде майора Раджу остро требовалась помощь Большого Лосося и его быстро растущей команды.

Однако если бы рядом находился какой-нибудь зритель с холодной головой, внимательно наблюдал за происходящим и все записывал, он мог бы сообщить, что к концу сезона команда (точнее, уже «Школа») Большого Лосося состояла из: дюжины бойцов на шестах, мастеров гатки в подобранных по цвету тюрбанах — Гопиндер был среди них; такого же количества гуркхов, ловко кидающих камни; а также разнородного иррегулярного контингента, мало проявляющего себя на поле боя, зато чрезвычайно полезного в соцсетях. В эту категорию вошли Сэм, Джей и Рави. Сэм и Джей сделались популярны среди англичан восточноазиатского происхождения. Научились

наматывать тюрбаны так, чтобы скрывать свои непристойные с точки зрения благочестивого сикха бритые фанатские головы. Каких-то определенных цветов у Школы поначалу не было; Сэм и Джей пошли по пути наименьшего сопротивления, выбрав красный и желтый — цвета футбольной команды, за которую болели в Англии. У Рави тоже нашлись поклонники из числа индийцев-индуистов; опуская подробности, заметим, что в основном это были *поклонницы* и что Рави, судя по всему, внес значительный вклад в индийскую демографию.

Белла в какой-то момент объявила, что свою миссию считает выполненной, и улетела домой в Аргентину. Сью приняла на себя важную роль связной между командой Большого Лосося и онлайн-сообществом фанатов *К-pop*[80]. Пиппу постепенно оттеснили индийские стримеры, отобранные военными. Лакс пытался протестовать, но Пиппа уверяла, что не возражает. В любом случае у нее нет задачи стать пропагандисткой на индийской службе. Жизненные цели у нее совсем иные: их сложно объяснить тому, кто не

[80] Примечания: 80

Южнокорейский жанр популярной музыки, превратившийся в масштабную субкультуру с миллионами поклонников среди молодежи во всем мире.

погружен в мир киноиндустрии, но, в общем, речь идет о съемках боевиков в развивающемся сейчас трехмерном формате, в жанре «перформативной войны» — термин, который бесполезно гуглить, потому что она его и придумала и все немногочисленные ссылки ведут на нее. Как видно, она достигла взаимопонимания со своими преемниками: они охотно согласились тегать ее в роликах и собирать нужные ей материалы, если она не будет путаться у них под ногами. Так что Лакс теперь видел ее все реже и реже. Печально — но, пожалуй, это и к лучшему: он отчаянно хотел с ней переспать, а ничего хорошего из этого бы не вышло. Проблема с просроченной визой Лакса решилась как-то сама собой — и, мало того, ему уже намеками предлагали индийское гражданство.

Ильхам исчез без объяснений; но когда — к стыду своему, довольно долгое время спустя — Лакс заметил его отсутствие, то услышал, что проблемы Ильхама и его семьи, как минимум в вопросах регистрации, еды и крыши над головой, остались позади. Стоило немного подумать, и стало ясно, почему Ильхам, у которого в Синьяне остались родные, не хочет прославиться на весь мир как соратник Большого Лосося.

Разумеется, китайцы тоже были не лыком шиты. Таких легких побед, как над Долбанутыми, у Большого Лосося больше не случалось. Лакс проиграл несколько боев бойцам ушу, которые прекрасно понимали его технику — и, как догадался он потом, немало времени провели за просмотром его предыдущих дуэлей. «Подготовка к бою против конкретного противника», — так назвал это майор Раджу. И если Лакс не хотел вылететь из топа лидеров, ему тоже следовало освоить это искусство.

Тем временем становилось все холоднее, и даже в этих безводных высокогорных краях пошел снег. Приближалось время, когда Линия Фактического Контроля застынет на своих текущих позициях до весны. Разумеется, ее будут патрулировать военные на лыжах и на снегоступах, переругиваться через Линию с противниками, быть может, перебрасываться снежками — но почти все волонтеры до весны разъедутся по домам.

Иными словами, приближалась финальная серия нынешнего сезона. И где она состоится, догадаться было несложно. Когда на доске осталось всего несколько фигур, не так уж трудно угадать ход противника.

Местом последнего сражения оказалась долина между двумя горными отрогами, летом голая и пустынная, сейчас покрытая слоем снега в метр высотой. В конце этой долины, на высоте примерно 5800 метров, начиналось подножие ледника; таяние его образовало реку, протекающую по долине и затем впадающую в соленое озеро Пангонг-Цо. У подножия этого ледника в 1962 году, после прекращения огня, индийская армия устроила себе базу и выстроила несколько зданий, из которых до нашего времени дожило лишь одно — казарма. Это была трехэтажная коробка: на двух верхних этажах должны были жить солдаты, на нижнем располагалась столовая и разные общие помещения. Из-за таяния ледника (которого, впрочем, из-за изгиба долины было даже не видно из окон) база была давно покинута. Горная цепь к западу от нее почти всегда оставалась на индийской стороне Линии. Если бы вы взглянули с крыши казармы на запад, вам предстала бы, несомненно, индийская территория. А хребет с восточной стороны был китайским, и, взглянув туда, вы увидели бы, как солнце восходит над Китаем.

Индийский гарнизон оставался в казарме почти до конца нынешнего сезона, когда китайские

добровольцы ворвались на первый этаж и оккупировали его. Жившие здесь индийцы отступили по лестнице на второй этаж, затем на третий и, наконец, на крышу. Несколько дней просидели там — припасы им доставляли дроны по воздуху; затем предприняли яростную контратаку по пожарной лестнице и сумели захватить плацдарм на втором этаже, однако три четверти его по-прежнему оставались в руках китайцев. Обе стороны укрепили линию фронта баррикадами. Иными словами, Линия Фактического Контроля здесь превратилась в трехмерное Пространство Фактического Контроля, во всех хитросплетениях которого без очков с функцией дополненной реальности не разберешься.

И это была не просто фигура речи. Армия предоставила Лаксу и его команде доступ к такому оборудованию. Теперь, сидя вдали от фронта, можно было вывести на стекла очков трехмерную карту типа «Гугл-Земли» и разглядывать Линию по всей длине, меняя масштаб, то приближая, то отдаляя, — хоть целый день или пока у тебя в глазах не зарябит. На расстоянии картинка выглядела вполне реалистичной, но при увеличении начинала распадаться. Этот эффект напоминал Лаксу школьные уроки рисования,

где его учили вместо одной линии, простой и четкой, проводить множество мелких штришков, а затем обводить те из них, что проведены в нужных местах. Так же выглядела и Линия на виртуальных картах — с той поправкой, что каждый штрих на ней отражал не сегодняшнюю реальность, а ситуацию примерно трехнедельной давности.

Переключенное в режим дополненной реальности, устройство ничего не показывало, пока ты не оказывался на месте и нужная «картинка» не попадала в зону твоей прямой видимости. За день до сражения майор Раджу отвез Лакса на снегоходе на вершину западного хребта, чтобы тот взглянул на будущее поле боя сверху. Казарма в нескольких сотнях метров под ним казалась затянутой тускло-багровой паутиной. С помощью пользовательского интерфейса Лакс отфильтровал все данные до последнего месяца. Затем включил режим пошагового воспроизведения — и увидел, как линия фронта сползает с противоположного хребта, подступает к казарме, формирует выступ, похожий на кулак, после чего змеей извивается по речной долине и обрушивает этот кулак на дверь казармы. Несколько дней этот плацдарм соединялся с основными китайскими

позициями лишь тоненьким «стебельком»; но, пока индийские защитники казармы тратили все силы на то, чтобы удержать второй этаж, «стебелек» расширился и окреп.

Индийцы тоже без боя не сдавались. Некоторое время — пока китайцы держали под контролем все здание — они оставались полностью отрезаны от мира. Все снабжение вели дроны. Никакой возможности кого-то туда прислать или эвакуировать персонал не было. Но стена долины с западной, индийской, стороны казармы отличалась крутизной; в сущности, казарма почти упиралась в отвесный утес, высотой чуть выше крыши здания, который затем переходил в намного более пологий склон, продолжавшийся до того места, с которого смотрел сейчас Лакс. За последние пару недель ущелье между утесом и стеной казармы наполовину засыпал снег. Добровольцы выше по склону устраивали рукотворные лавины и таким способом сумели полностью засыпать ущелье. Крышу казармы, прежде одинокую, словно остров в океане, теперь соединял со склоном снежный мост: узкая утоптанная тропа, по которой добровольцы пробирались по одному на снегоступах. По обе стороны тропы снег образовывал своего рода крепостные валы,

поднимавшиеся со дна долины.

Китайцы, занявшие нижний этаж, теоретически могли выйти наружу и взобраться по этим «крепостным валам», но на практике это оказалось почти невозможно; свежие и хорошо экипированные индийские добровольцы, засевшие наверху, бомбардировали их плотными снежками величиной с арбуз. Китайцы попытались сделать под тропу подкоп, но добровольцы на вершине горы засыпáли подкопы направленными лавинами быстрее, чем китайцы успевали копать.

К этому моменту дополненная реальность больше мешала, чем помогала. Лакс отключил электронику и перевел устройство в режим обычных солнечных очков, чтобы лучше разглядеть прибытие Лань Лу.

В военном деле двадцатого века важнее всего было скрыть передвижение частей; но «перформативная война» (пользуясь термином Пиппы) следовала прямо противоположной логике. Индийцы точно знали, когда с восточного хребта спустятся Лань Лу. Их движение фиксировали в реальном времени с разных углов четыре стримера, в бегущих строках под видео мелькали ставки, сделанные в Вегасе и Макао, и потоки

комментариев на четырех разных алфавитах. Ибо Лань Лу уже три месяца занимали в топе лидеров первые места.

Единственная причина, по которой Лакс наблюдал за ними не из теплой палатки в нескольких километрах от фронта, состояла в том, что ему тоже следовало появиться на экране. Вот он стоит на утесе над казармой, наблюдая, как противники гордо входят в захваченное здание, — и, судя по всему, готовит им страшную участь. Кто же победит?

Структуру мандаринского языка Лакс пока не понял, но, судя по всему, «Лань Лу» могло быть как единственным числом, так и множественным, в зависимости от употребления. В единственном числе это прозвище одного человека, означающее «Синий Журавль». Во множественном — целая команда «Синих Журавлей», или попросту Стая. Журавли носили синие чаншанские халаты до колен из крученого шелка, рельефные и блестящие, с огромными белыми обшлагами, и серые брюки. Родом они были из Гонконга. Практиковали стиль ушу, созданный в Тибете, но в конце двадцатого века как-то попавший в Цзюлунь и там сильно изменившийся под влиянием местных школ. Китайские пропагандисты много кричали о его

тибетских корнях — пытались сделать из этого пример благотворной культурной интеграции. Однако для самого лидера команды по прозвищу Лань Лу родным языком был кантонский, вторым — мандаринский. Да и ни в ком из Стаи, сколько ни всматривался, ничего тибетского Лакс не заметил. Стиль «журавлей» основывался на охватывающих движениях руками (наподобие журавлиных крыльев), под прикрытием которых наносились резкие точечные удары, вроде тех, какими журавль пронзает и накалывает на клюв лягушек и прочую мелкую добычу. При удачном попадании в нервный центр такой удар, даже несильный, может вызвать ошеломляющую боль и надолго вывести противника из строя.

Лакс прекрасно понимал, насколько эффективна такая система боя в казарме. Много часов он изучал это место в очках дополненной реальности. Казарма тесная, с низким потолком — не лучшее место для длинного шеста. У Лань Лу здесь есть все шансы сблизиться с врагом и начать бой врукопашную, в котором они получат преимущество.

Нельзя сказать, что бойцы гатки совсем не умеют хватать противника. А в кабадди схватить нападающего — уже половина победы. Но в тре-

нировочном бою или спортивной игре всегда действуют определенные правила, и одно из них — не целить в нервные центры. Так что в мышечной памяти Лакса и его команды не было навыков подобной обороны. А в разгар боя, когда по мозгам шарашит адреналин, полагаться можно только на мышечную память.

Лакс размышлял целых шестьдесят секунд, прежде чем придумал план атаки. План был прост, даже очевиден; но чем больше он рылся в исторических источниках, исследуя тактику своих предков в Пенджабе, тем более убеждался, что в девяноста процентах случаев простое и очевидное берет верх над излишне замысловатым.

— Поиграем в кабадди, — сказал он и добавил: — Какое-то время.

Мраморный карьер

К своему новому жилищу и обратно Руфус ездил по Новой Мраморной дороге: после того как он первый раз проехал по ней из конца в конец, убрал на обочину несколько валунов и засыпал гравием крупные ямы, она сделалась вполне проходима даже для обычных легковушек. Дорога шла параллельно тому, что теоретически было руслом реки, — Т. Р., пожалуй, назвал бы его «стохастической рекой». В верхнем своем течении, за милю от карьера, «река» была суха и безжизненна, как и любая другая часть пустыни Чиууа. Дальше в нее впадали еще несколько таких же *арройо*[81]. Здесь «река» протекала по впадине, в которой, происходи дело в любой другой части света, давно образовалось бы озерцо или хотя бы болото. Но в Чиууа на этом месте росла лишь полоска чахлой пожелтелой травки, должно быть, добывающей воду откуда-то из недр земли. С травой соседствовали кактусы и другие подобные растения. В нескольких глубоких расселинах изредка и вправду попадалась стоячая вода,

[81] Примечания: 81
Сухое русло реки (исп.).

особенно теперь, когда сентябрь уступал дорогу октябрю и в пустыне становилось холоднее.

Единственная проблема жизни в карьере состояла в том, что ни одна служба доставки не повезла бы сюда товары, так что почти каждый день Руфусу приходилось гонять машину в Полуденный. Однажды утром — он как раз проезжал мимо травяной полосы на обочине — дорогу ему пересекли две лошади, мчащиеся галопом. Все произошло очень быстро, но он мог бы поклясться, что у одной лошади бок в крови.

Руфус притормозил и вышел оглядеться. В самом деле, в пыли рядом со следами колес виднелись капли крови и следы неподкованных копыт. Разумеется, неподкованных: бегать по прерии без присмотра в этих краях могут только мустанги.

А затем до Руфуса донесся очень знакомый звук: визг дикой свиньи, всего в какой-нибудь сотне футов.

Пригорок перед ним загораживал обзор; но Руфус залез в кузов своего пикапа и оттуда увидел, как еще один конь отбивается от какого-то низкорослого врага, мелькающего сквозь траву и колючий кустарник. Руфус сразу все понял.

Он прыгнул в кабину и, съехав с дороги, поднялся на пригорок. Затем выхватил из-за сиденья

винтовку, снова залез в кузов и зарядил. Отсюда ему был хорошо виден дикий кабан, что кружил вокруг мустанга и старался вонзить клыки ему в ногу. Мустанг пятился и бил по врагу передними ногами или, развернувшись, лягал задними. Оба зверя были забрызганы грязью. Нетрудно было догадаться, что идет спор за источник воды. Должно быть, лошади пришли попить к одной из канав со стоячей водой, где уже обосновался кабан.

Звери явно дрались уже долго, оба устали. Время от времени останавливались и просто смотрели друг на друга. В одну из таких передышек Руфус выпустил кабану в сердце патрон 30-го калибра, и тот повалился, словно один из булыжников, что иногда с грохотом слетали со стены каньона.

Можно было ожидать, что при звуке выстрела мустанг стрелой помчится наутек. Нет: он вздрогнул, но не тронулся с места. Внимательно оглядев его через прицел, Руфус обнаружил, что это холощеный жеребец. Крайне странно для мустанга: как правило, дикие звери в прерии не делают друг другу хирургических операций. Более того, с шеи у коня свисал недоуздок. Старый, грязный, оборванный. Вот это уже нехорошо: он может за

что-то зацепиться и обречь животное на долгую мучительную смерть.

Руфус понимал, что подходить к коню пока не стоит. Вместо этого сел в свой пикап и уехал прочь. К списку своих задач добавил новую — и, совершив экскурсию в ту часть ранчо, где все еще держали кое-какой скот, позаимствовал там несколько вязанок сена. По дороге домой на Мраморный карьер выбросил одну вязанку из грузовика на дорогу возле того места, где пристрелил кабана. Лошадей было не видно, но, вернувшись туда на следующий день, он обнаружил, что сено съедено. Поэтому оставил следующую вязанку в нескольких сотнях ярдов дальше по дороге, уверенный, что мустанги ее найдут. И действительно, как минимум один ее нашел.

Неделя таких упражнений, и наконец жеребец подошел так близко к Мраморному карьеру, что Руфус его увидел. Пялиться на него не стал — это бы все испортило; спокойно повернулся к нему спиной и занялся своими делами. Пусть конь сам сообразит, что эти чудесные дары не с неба падают, а исходят от хозяина пикапа.

Двое суток спустя конь и человек уже мирно делили тенистое убежище у входа в карьер, и

Руфус размышлял о том, чем и как поить коня. Наверное, придется раздобыть бак побольше.

Коню, казалось, было все равно, скакать ли диким мустангом по полям или жить рядом с человеком. Он был пегий, в основном орехового окраса, с белыми пятнами на брюхе и на ногах. У мексиканцев, индейцев и лошадников есть десятки названий для разных типов пегости, в зависимости от расположения пятен, но Руфус в этом не разбирался. Холодное тавро — ряд белых иероглифов на шее слева — указывало, что конь родился диким, затем был пойман, объезжен и продан с аукциона. Второе тавро, на плече, сообщало, что он принадлежал к одному из трех старых ранчо, в последние годы скупленных Т. Р. и влившихся в ранчо «Летящая S». Видимо, в какой-то момент, пока ранчо переходило от одного хозяина к другому, конь вырвался на волю и вернулся к дикой жизни. Отсутствие подков и состояние копыт намекало, что произошло это не меньше нескольких месяцев назад.

С лошадьми хорошо то, что их, в отличие от некоторых других домашних животных, нет нужды развлекать. Есть еда, есть вода — и конь пасется себе, довольный жизнью, а ты спокойно занимаешься своими делами. Так что пару

недель Руфус занимался конем, как сайд-проектом, только в свободное время. Вызвал кузнеца, чтобы тот осмотрел копыта и подковал коня, и ветеринара, чтобы тот порекомендовал витамины и прививки и осмотрел раны, по всей видимости нанесенные убитым кабаном. На ранчо имелся запас седел и другой сбруи, которой теперь почти не пользовались. Объявив, что намерен взять заботу о коне на себя, Руфус получил ко всему этому доступ. То, чего не нашлось на ранчо, отыскал в интернет-магазинах и заказал доставку в поселок Полуденный. День или два конь привыкал к виду и запаху сбруи; затем Руфус взнуздал его, оседлал — и тот отреагировал так спокойно и доброжелательно, что стало ясно: это ему не впервой.

Прежде чем в первый раз сесть на коня, Руфус задумался о том, что надо бы подобрать ему имя. Коня Одинокого рейнджера звали Сильвер — «серебряный». А этот в основном коричневого цвета. Может быть, Коппер — «медный»? Ну нет, такое имя могла бы дать коню двенадцатилетняя девочка. Наконец Руфус остановился на Билдаде: так звали в «Моби Дике» одного из троих владельцев «Пекода». А в Библии Билдад — один из трех друзей Иова, тех, что проделали долгий путь через пустыню, чтобы сообщить страдающему

другу, что он сам во всем виноват.

У Т. Р. была привычка, всегда удивлявшая Руфуса: раз в пару недель он отправлял короткие сообщения, обычно что-то связанное со свиньями или с дронами. Чаще всего просто ссылки или картинки. Руфус не тешил себя мыслью, что как-то выделяется среди прочих наемных сотрудников. Скорее объяснял это так: Т. Р. держит в голове несколько сот человек, к которым нужно время от времени проявлять внимание, и отсылает им ссылочки по очереди, по расписанию, всякий раз, как появится свободная минутка. Если начать отвечать на каждую, полагал Руфус, Т. Р. тут же его заблокирует, а то и уволит. Так что он по большей части помалкивал. Однако Билдада следовало «легализовать» — этого требовало уважение к чужой собственности, — так что он отправил Т. Р. пару фотографий с клеймами и несколько снимков коня целиком, показывающих, что на Мраморном карьере животное в безопасности и о нем хорошо заботятся. Т. Р. остался доволен — очень доволен, даже как-то несоразмерно реальной стоимости приблудной лошади. Руфус вспомнил их разговор о том, как важно, чтобы на твоей территории работали надежные люди, умеющие самостоятельно решать проблемы, — и

пришел к выводу, что если Т. Р. о нем вообще вспоминает, этот случай показывает Руфуса в благоприятном свете.

Пока что все шло нормально; но с Т. Р. никогда не знаешь, чего ожидать. Однажды в начале октября тишину Мраморного карьера огласили звуки «На тебя смотрит весь Техас» — мелодии, которую Руфус поставил на телефон для звонков от Т. Р., и только от него. Это был видеозвонок, так что Руфус поставил телефон вертикально, прислонив к стопке аккумуляторов для дронов на рабочем столе.

— Мне тут звонил кое-кто из наших нидерландских друзей, — объявил Т. Р.

— Кто?

— Та, что накоротке с самолетами.

Руфус на мгновение пожалел, что включил видеосвязь: сердце у него заколотилось, и он испугался, что это отразится на лице. Что ж, если его сейчас уволят за прелюбодеяние с королевой — останется только собраться с духом и мужественно это принять.

— Как она?

— Все хорошо. Передает привет. Спрашивала, как ты.

— О. Спасибо.

— Я ей рассказал, чем ты у меня занимаешься, и у нее появилась идея.

Только-только Руфус успокоился!.. Теперь он ясно ощутил, что краснеет. Что за идея может быть у Саскии — такая, что прямо его касается? Может быть, хочет продолжить начатое? А вдруг, наоборот, она его возненавидела?

Услышал он нечто совсем неожиданное.

— Скажи, ты здесь орлов видел?

— Хотите сказать, типа F-15[82]?

— Да нет, Рэд. Настоящих орлов. Ну, знаешь, птицы такие.

— Канюков здесь много. — Руфусу вспомнилось, как целая стая пировала недавно на останках кабана, от которого он защитил Билдада.

— Это я знаю, — со вздохом ответил Т. Р., явно удрученный его непонятливостью. — Мы же в Техасе! Разумеется, здесь есть канюки. Я не о падальщиках говорю, а об орлах.

— Кажется, несколько раз их видел. Дальше по реке.

— Так вот, несколько лет назад в Нидерландах была такая программа: орлов обучали сбивать дроны. Они там беспокоились о безопасности

---

[82] Примечания: 82

F-15 Eagle — знаменитый американский самолет-истребитель, взятый на вооружение в 1976 году.

воздушного пространства в аэропорту. И решили, что можно научить орлов нападать на дроны и сбивать прежде, чем дрон засосет в самолетную турбину или что-нибудь в таком роде.

— И это сработало?

— Нет. Точнее, сработало отчасти. Орлы действительно нападали на дроны. Но контролировать их оказалось очень сложно. Орлы, сам понимаешь. Тут же и защитники животных подняли вой. И в конечном счете…

— Решили обойтись без орлов?

Т. Р. кивнул.

— Есть же и другие способы сбить дрон. Да что я тебе объясняю, ты и сам в курсе.

— Конечно, — ответил Руфус, — если знаешь, где он.

— Вот именно. А в аэропорту Схипхол ты, разумеется, знаешь, где он: этот чертов дрон там торчит, словно шершень на бильярдном столе!

— А здесь все сложнее, — вставил Руфус.

— Именно, Рэд. Ее величество любит авиацию, так что в этой программе она принимала большое участие и даже после того, как программу свернули, поддерживала связь с несколькими сокольниками.

— Сокольниками?

— Так называют людей, которые умеют дрессировать хищных птиц. Тут, может быть, лучше сказать «орлятники».

— А что, много сейчас в Нидерландах безработных сокольников?

— Один точно есть, — ответил Т. Р. — Точнее, одна. Но больше не безработная — я ее только что нанял.

Пока Руфус переваривал эту информацию, Т. Р. что-то подсказал человек, едущий в машине с ним рядом, видимо, помощник.

— Ах да, меня тут поправляют, — добавил он. — Она не нидерландка — она из Исландии.

— В Исландии, кажется, для сокольников не так уж много работы, — заметил Руфус, размышляя вслух. — Значит, она работала на этот нидерландский проект, потом ее уволили, но Саския осталась с ней на связи…

— У Тордис — так ее зовут — роман с некоей Кармелитой, тоже сокольницей. Она сейчас работает в Южной Калифорнии, но говорит, что ей надоело возиться с мусорными баками.

— А при чем тут мусорные баки?

— Так в этом состоит ее работа. Вороны роются в мусорных баках в поисках еды, выуживают оттуда куриные кости и прочее и разносят на мили.

Ассоциация домовладельцев и риелторов наняла Кармелиту, чтобы ее птички гоняли ворон.

— Да, понимаю, такая работа легко может наскучить.

— Так вот: я тебя попрошу завтра к полудню приехать на наш аэродром и забрать Тордис, Кармелиту и Нимрода.

— Нимрода? — Это имя звучало для Руфуса совершенно на одной доске с «Билдадом». Имя из «Моби Дика».

— Это орел. Не беспокойся, Нимрод путешествует в ящике.

Легко и просто ничего не бывает, так что Руфусу пришлось потратить на эту задачу весь следующий день. Первой появилась Тордис; Кармелита и Нимрод запаздывали из-за каких-то сложностей с перевозкой Нимрода. Ничего похожего на настоящий аэродром на ранчо «Летящая S» не было, так что обе летели на маленьких чартерных самолетах, зафрахтованных людьми Т. Р. В результате Руфус часа полтора проторчал в модульном стальном здании рядом со взлетной полосой, по всем признакам возведенном минут десять назад. Снаружи оно напоминало склад, но внутри было снабжено всеми удобствами. Была здесь комната отдыха или зал ожидания с видом

на взлетную полосу и на горы за ней. Вокруг — туалеты, пара офисов, конференц-зал. Когда Руфус прибыл, в конференц-зале вокруг стола сидели с полдюжины людей, явно только что прилетевших сюда из разных мест на паре самолетов, которые сейчас заправлялись и готовились к отлету снаружи. Что они обсуждают, Руфус не слышал, да его это и не касалось. Но заметил, что во главе стола вместо живого председателя — большой экран, разделенный надвое, и на нем две говорящие головы. Одна была деловая дама лет сорока, второй — известный ему Микьель, бывший футболист из Венеции. Хоть Руфус и не расслышал ни слова, общий смысл понял. Все эти люди вокруг стола прибыли сюда с одной целью. Руководит ими Микьель. Точнее, вполне возможно, что руководит его тетушка Корнелия, но она на экране не появлялась. Микьель сидел в шикарно обставленной комнате среди разного антиквариата. На его стороне земного шара солнце уже зашло, так что красивое лицо освещал теплый электрический свет. У дамы вид был строгий, деловой, обстановка за спиной куда более скучная и нейтральная. Понятно было, что Микьель здесь задает тон и осуществляет общее руководство, а конкретными вопросами

занимается женщина. Он расслаблен, улыбается и шутит — ей приходится быть строгой и сдержанной, чтобы все мероприятие не превратилось в вечеринку.

Скоро совещание завершилось, большой экран погас. Мужчины в конференц-зале поднялись с мест, начали отключать свое оборудование и собирать вещи. Один с тележкой на колесиках вышел на взлетную полосу и сразу сел в самолет. Другие загрузились в большой внедорожник с эмблемой «Летящей S» на борту и покатили в сторону Пина2бо. Все говорили по-английски, но с акцентом, и Руфус предположил, что они из разных европейских стран.

Имя Тордис наводило на мысль о мускулистой валькирии; однако Руфус ошибся. Верно, она была именно настолько блондинкой, как он ожидал, и старательно пряталась от солнца. Однако росту в ней было не больше пяти футов и пяти дюймов, и телосложение вовсе не как у толкательницы ядра — скорее уж как у бадминтонистки. Едва поздоровавшись с Руфусом, она устроилась в углу кушетки, обложившись подушками и укрывшись за баррикадой из багажа, минут пять просидела в телефоне, а потом надвинула на глаза огромную панаму и задремала.

Как и следовало ожидать, Кармелита, носительница куда более нежного имени, с виду оказалась крутой девицей. Она носила майку с открытыми плечами, выставляющую напоказ татуировки — в основном простые черные прямоугольники, — а длинные черные волосы заплетала в косу. Из вежливости Руфус встретил ее у трапа и предложил помочь с ящиком Нимрода, однако с первого же взгляда стало ясно, что Кармелита сама справится и чужих к своему орлу не подпустит. Кончилось тем, что «ящик» (не совсем верно называть его ящиком — это была целая система жизнеобеспечения) она несла сама, а Руфус тащился в фарватере с ее чемоданом. При второй ходке в багажное отделение они забрали огромную сумку, в которой, как видно, хранились прочие рабочие инструменты сокольника. Руфус загрузил все это в кузов пикапа, пока Тордис и Кармелита громко радовались встрече. Руфуса обе держали на расстоянии вытянутой руки. Он не возражал.

Когда дамы немного свыклись с мыслью, что они снова вместе, а Руфус разместил в кузове весь их багаж, перед ними встал любопытный вопрос: как разместиться самим? У пикапа имелся задний ряд сидений: к ним вели отдельные двери,

и Руфус приоткрыл их обе, надеясь, что это будет воспринято как приглашение. Кармелита мгновенно запрыгнула внутрь и удобно устроилась сзади, но Тордис — сколько можно было понять по выражению ее лица, скрытого за авиаторскими солнцезащитными очками, капюшоном из спандекса, панамой и полудюймовым слоем крема от загара, — подумала, что будет как-то невежливо, если обе гостьи сядут сзади и оставят водителя в одиночестве. Она сказала, что сзади ее может укачать, и заняла переднее сиденье. Руфус принимал все как должное. Общение с этими дамочками чем-то напоминало налаживание отношений с Билдадом. Все, что от него требуется, — спокойно делать свое дело и позволить им за собой наблюдать. Все время поездки они так и делали — и по их взглядам Руфус понял, что они предварительно его погуглили и почитали хронику происшествий в старых газетах.

Утром по дороге на аэродром он завернул в контору и забрал пятиколесный жилой прицеп, в котором, как предполагалось, поселятся Тордис, Кармелита и Нимрод, пока для них не найдется жилье получше. Теперь, когда приблизились горы и дорога стала хуже, прицеп с грохотом подпрыгивал на ухабах позади грузовика. Руфус

держался на первой передаче, пока впереди не показался Мраморный карьер и навстречу не выбежал Билдад посмотреть, что это там за грохот. Тут у дам наконец нашлась тема для разговора! Тордис, как оказалось, обожала лошадей. В Исландии, должно быть, они нечасто встречаются! Так что, когда Билдад просунул морду в кузов в поисках сена и задел ящик с Нимродом, вся процессия затормозила. Кармелита хотела немедленно пойти убедиться, что с Нимродом все в порядке; для этого Тордис пришлось выйти первой и ее выпустить — так были устроены здесь кресла и двери. Сама Тордис не могла отвести глаз от Билдада. После некоторой задержки оставшуюся часть пути они проделали в таком порядке: Тордис рядом со своим новым четвероногим другом, за ними на некотором расстоянии Кармелита с Нимродом на руке (для этого она надела специальную перчатку) и, наконец Руфус в грузовике с прицепом на самой малой скорости. Таким манером он отконвоировал гостий на заранее подобранное место, в тени и достаточно далеко от собственного трейлера, чтобы своим присутствием не смущать дам. Он заметил, как чуть раньше они громко радовались друг другу, но, заметив Руфуса, сразу умолкли и посмотрели

на него с опаской. То, что Руфус обращался с ними как с Билдадом, казалось, действовало на них ободряюще. Все бы хорошо, вот только и самому Руфусу толика ободрения сейчас не помешала бы: переселяясь в Мраморный карьер, от людей подальше, он никак не ожидал, что его уединение нарушит сперва конь — это бы еще ладно, — а потом две девушки и орел!

Найти ровную площадку для прицепа, как следует его закрепить и так далее — на эти задачи ушла большая часть дня. Когда стало попрохладнее, Руфус показал девушкам, как, пройдя пару сотен ярдов пешком, выйти на дорогу, а затем свернуть на тропу, идущую круто вверх, к верхушке горы, нависающей над входом в карьер. Ремонтники, приезжающие сюда время от времени проверить работу сотовой вышки или солнечной батареи, преодолевали эту часть пути на внедорожниках. Тордис поехала на Билдаде: он ступал по горной тропе так уверенно, как и следовало ожидать от лошади, большая часть жизни которой прошла на воле. Руфус и Кармелита тащились позади, взвалив на себя ящик с Нимродом: несли его вдвоем на шесте, продетом сквозь ручку на крышке ящика. Когда впереди показалась вершина горы, Тордис пустила Билдада

вскачь, и Руфус ощутил укол ревности — словно конь ему изменил.

— А сколько весит старина Нимрод? — поинтересовался он, поправляя шест на плече.

— Шесть килограммов пятьсот восемьдесят граммов, — послышался ответ с другого конца шеста.

Еще несколько часов назад такая точность изумила бы Руфуса, но он уже насмотрелся достаточно и понимал: когда речь идет о выноске ловчих птиц, ничему удивляться не стоит. Мысленно он перевел шесть с половиной килограммов в фунты — в армии научился делать это автоматически. Вышло что-то побольше четырнадцати фунтов.

Руфус покачал головой. Даже, пожалуй, присвистнул бы, если бы не пересохли губы.

— Вроде не слишком много. Но долго носить такой вес на одной руке… — И рискнул бросить на Кармелиту прямой взгляд.

Та, усмехнувшись, молча продемонстрировала бицепс. Сейчас, под яркими солнечными лучами, Руфус заметил, что сквозь темные «кирпичи» у нее на руках просвечивают замазанные старые татуировки. Может, спросит, что у нее там было, недели через три… если она еще будет здесь. Те-

перь же он просто постарался выказать должное восхищение ее физподготовкой, без фамильярности и без излишнего энтузиазма.

— Ее лучше держать ближе к телу, так лучше распределяется вес, — объяснила Кармелита.

— Ее? Так Нимрод — самка?

— Ага. Самки примерно вдвое больше самцов.

— Приятно слышать.

— Правда, когда держишь близко к телу, она все время лупит тебя по лицу.

— Лупит по лицу?

— Ну да, крыльями.

— Что ж, наверное, во всякой работе есть свои неприятные стороны.

— Руфус, а что неприятного в вашей работе?

— Моя задача — сидеть и ждать, когда упадет второй ботинок.

На вершину он поднимался всего пару раз — и теперь, глядя свежими глазами вместе с Тордис и Кармелитой, должен был признать, что вид отсюда потрясающий. С горы было видно почти все ранчо, но лучший вид открывался на юг, через Рио-Гранде и дальше в Мексику. Заходящее солнце окрасило все красно-оранжевым. Говорят, одним из эффектов Пина2бо станут невероятно красивые закаты по всему миру — может быть,

уже началось? Как бы там ни было, заходящее солнце бросало на берега Рио-Гранде какие-то невероятные отсветы; и то, что эта земля была почти лишена растительности, делало картину только краше.

— Мамочки! — восторженно ахнула Тордис.

Глядя ее глазами, Руфус понимал, как похоже это на вестерн — и не какой-нибудь низкобюджетный спагетти-вестерн, а настоящий блокбастер для широких экранов.

— Класс! — чуть более сдержанно высказалась Кармелита.

Она возилась с ящиком, выпуская Нимрод. Даже Руфус, ничего не понимающий в ловчих птицах, не сомневался, что для орла здесь место идеальное. Тордис спешилась и подошла помочь, и скоро они вдвоем извлекли Нимрод из ее временного пристанища.

Поначалу ее голова была закрыта колпачком. Но, закончив подготовку к полету и развернув несколько ломтиков сырого мяса (очевидно, своего рода поощрение), сокольницы сняли колпачок с орлиной головы, и немигающий взгляд орлицы устремился на юг.

Когда Т. Р. упомянул, что на ранчо появится орел, Руфус вообразил себе привычного бело-

голового орлана. Однако Нимрод оказалась беркутом с коричневым оперением, которое солнце подсвечивало золотом. Ярко-желтая каемка, очерчивающая клюв: «губы», подумал Руфус. Золотистые глаза. Желтая чешуйчатая, словно у динозавра, кожа на ногах. Длинные серые когти. Каждый палец с когтем вместе — длиной с палец Руфуса.

На «лице» Нимрод, как ему показалось, отражался глубокий интерес. Хотя, возможно, у орлов всегда такие лица. Она расправила крылья, мазнув Кармелиту по лицу; миг — и уже летела, почти сразу нашла восходящий поток и теперь, раскинув крылья, парила к югу.

— Если посмотрите в ту сторону, — сказал Руфус, вытянув руку в том же направлении, — увидите, как парашюты опускаются на землю и попадают в сети.

С такого расстояния парашюты казались не больше мошек в солнечном луче; но, сфокусировав взгляд, легко было отличить их по аккуратному, упорядоченному движению по спирали вниз.

Тордис и Кармелита не ответили. Бросив на них взгляд, Руфус обнаружил, что они полностью поглощены друг другом, и деликатно отвернулся. За последние несколько минут у него несколько

раз пищал мобильник, и теперь выдалась удобная минута его проверить.

> В Северном море беда!

От Аластера. У него сейчас глубокая ночь. К сообщению Аластер приложил ссылку, ведущую на какой-то научного вида сайт. Здесь Руфус обнаружил карту моря между Британией и западным побережьем Европы — не разноцветную карту для простых смертных, а простую и строгую, наводящую на мысль о военной документации. По карте разбросаны пронумерованные точки. Прокрутив страницу вниз, Руфус обнаружил таблицы с номерами — и больше ничего.

> На что смотреть?

В ответ Аластер прислал пятизначный номер. Он соответствовал одной из точек в Северном море, между Англией и Норвегией. Руфус увеличил масштаб и кликнул на точку. В ответ перед глазами снова развернулась таблица. Будь Руфус в тени и напротив большого экрана, наверное, он скоро разобрался бы сам — но на экране размером в ладонь и когда солнце бьет в глаза, не так-то легко понять, что видишь. Он потыкался туда,

сюда, наткнулся на какой-то график. В левой части экрана кривая шла волнообразно, но в целом двигалась вверх; в правой части, ближе к концу, вдруг взлетала стрелой, а затем превращалась в прямую линию.

Телефон снова пискнул, и в верхней части экрана высветилось новое сообщение от Аластера:

> Четверть часа назад это был метеорологический буй.

> А теперь?

> Теперь это катастрофа.

Буря

Бурю обещали через несколько часов. Отправляясь на завтрак с Идиль Варсаме в центре Гааги, Виллем нанес на свои ковбойские сапоги толстый слой водонепроницаемого (как обещала реклама) крема. Идиль, как видно, тоже посмотрела прогноз погоды и надела практичные ботинки на плоской подошве. Однако даже без каблуков, здороваясь с Виллемом, она возвышалась над ним на голову: в женщине было больше шести футов роста. Лицо классическое для Восточной Африки: смесь черт, характерных для Черной Африки и для давних пришельцев с Ближнего Востока. Она составляла яркий контраст со своей спутницей, куда менее высокой и более плотной. Заметив их обеих через окно ресторана, уже замутненное струйками дождя, Виллем предположил, что подруга Идиль тоже из Африки; но, войдя и приблизившись к их столу, обнаружил перед собой папуаску. Что ж, не он первый так ошибся. Имя Новая Гвинея остров Папуа получил именно потому, что много столетий назад испанский капитан, приплывший туда первым,

принял островных жителей за африканцев.

Сестра Катерина (как выяснилось, католическая монахиня) и Идиль заняли столик в задней части ресторана, рядом с запасным выходом, — несомненно, заранее забронированный охраной Идиль. Самих охранников сторонний человек бы не заметил — они не носили гранатометы или что-нибудь в таком роде, — но Виллем, опытный в таких вещах, сразу их распознал. Физически крепкие, тренированные мужчины и женщины ненавязчиво расположились веером за соседними столами, отрезав потенциальному противнику все подходы к столику, за которым потягивали кофе сестра Катерина и Идиль.

Монахиня, видимо, принадлежала к одному из тех модернистских орденов, что не настаивают на строгих одеяниях, хотя волосы она прикрывала платком. Рассмотрев ее вблизи и при ярком свете, Виллем заметил характерные черты, благодаря которым, не знай он правды, принял бы ее за австралийку. Втроем за столом они составляли идеально космополитическую компанию. Впрочем, для Гааги в этом не было ничего из ряда вон. В город, где расположен Международный уголовный суд и другие мировые правозащитные организации, постоянно приезжают люди со

всего света. По большей части это представители народов, с которыми так или иначе обходятся несправедливо. А папуасы знакомы с несправедливым обращением не понаслышке.

Виллем взглянул на Идиль, она на него, а потом оба разом произнесли:

— Беатрикс передает вам привет!

Это сразу разбило между ними лед. Для Виллема, который был вдвое старше Идиль и представлял сливки нидерландского истеблишмента, к тому же много лет провел в умеренно консервативной партии, а потом стал личным помощником королевы, такое начало оказалось очень кстати.

Больше всех обрадовалась сестра Катерина; по ее лицу было сразу понятно, что троюродную внучку Виллема она знает и любит.

— Вам стоит ею гордиться! — воскликнула монахиня. — Что за девушка! Просто огонь!

По-английски она говорила с каким-то странным акцентом, который Виллем понимал с трудом, пока не сообразил, что это австралийский. После этого все встало на свои места.

— Вам придется простить мне мой голландский, — добавила она, наклонившись вперед и дотронувшись до руки Виллема. — Там, где я

выросла, изучение голландского не поощрялось.

Виллем предположил, что ей сейчас лет сорок-пятьдесят. Выходит, ко времени ее рождения Папуа уже превратился из нидерландского протектората в индонезийскую провинцию. Все верно: учителя ее, должно быть, знали голландский как родной, но, если бы вздумали учить ему детей, это бы сильно испортило им биографию.

— Значит, говорим по-английски, — отрезала Идиль тоном, однозначно гласящим, что и обсуждать тут нечего. Виллема уже предупреждали, что деликатности от нее ждать не стоит. — На эту встречу у меня отведен час, и десять минут из него уже прошли. Доктор Кастелейн, вы ограничены во времени?

— Боюсь, что да. Сами видите — погода.

— Время и прилив никого не ждут, — добавила сестра Катерина.

Идиль открыла было рот, чтобы продолжить, но тут к столу подошел официант, и она с досадой поджала губы. Пока Виллем делал заказ, Идиль кивнула сестре Катерине, и та принялась доставать из вместительной хозяйственной сумки — судя по виду, изготовленной в Папуа вручную — папки с документами.

— Незачем ходить вокруг да около, — загово-

рила Идиль, как только официант отошел. — Очевидно, Т. Р. Шмидт со своим геоинженерным проектом что-то затевает.

— О чем вы? — осторожно поинтересовался Виллем. Делиться с ней информацией он не собирался.

— О Снеуберге. Высочайшей вершине на острове Папуа. Похоже, он собирается запускать в стратосферу свои снаряды еще и оттуда.

Во время путешествия в Техас, общаясь с родней и друзьями Боски, Виллем почерпнул от них немало простецких американских выражений, и одно из них было: «Ну ты мне дал прикурить!» Так вот: сомалийка, уверенно объявившая, что Т. Р. строит в Новой Гвинее второй Шестиствольник, определенно дала Виллему прикурить! А он-то гордился, что в этой теме он впереди всей планеты, что там, где прочие ориентируются по слухам, он все знает из первых рук!

Идиль, должно быть, прочла на его ошарашенной физиономии: «Поверить не могу, что вам это тоже известно!», а не: «Черт возьми, впервые об этом слышу!»

— Вообще-то мне плевать, — продолжала она. — Защита окружающей среды меня не заботит — по крайней мере, пока не пересекается с

тем, что для меня важно. Когда все девушки в развивающихся странах начнут получать достойное образование и смогут сами распоряжаться своим телом — тогда, *может быть,* я озабочусь тем, что там вытворяет с серой Т. Р. Мак-Хулиган и какие у этого могут быть побочные эффекты.

— Некоторые считают… — начал Виллем.

— Что климат влияет на благосостояние, а благосостояние помогает достичь моих целей, — закончила Идиль. — Несомненно. Но климат у нас лучше не становится, верно? Что ж, если какой-то миллиардер в Техасе решил его улучшить, я только за.

— Вот и хорошо, — откликнулся Виллем. — Рад, что в этом вопросе мы достигли взаимопонимания.

— Теперь скажите, ваша племянница…

— Строго говоря, троюродная внучка.

— Беатрикс рассказывала вам, чем занимается у меня в фирме?

Где есть суды, нужны юристы; где есть международный суд по правам человека — нужны юридические фирмы именно с такой специализацией. Виллем знал, что у Идиль нет юридического образования. А вот правозащитная контора, созданная на пожертвования какого-то денежного

мешка из Сан-Франциско, — есть.

— Нет, не рассказывала, — ответил Виллем. — Но догадаться несложно. Видите ли, эта ветвь нашей семьи переехала в Туабу во времена, когда там только начиналась добыча полезных ископаемых, и занялась перевозками грузов.

— Импорт горно-шахтного оборудования из Австралии, Сингапура, Тайваня, — подхватила Идиль. — А также транспортировка немецкого оборудования через Роттердам.

— Вижу, вы заранее навели справки.

Сестра Катерина сочувственно закивала.

— Для таких людей, как Куоки, это способ выжить. Найти себе применение в проекте, сулящем его создателям большие деньги и власть.

Виллем кивнул.

— До войны Куоки вкладывали деньги в нефтяную промышленность на Яве. После войны — в крупный медный рудник у вас на родине. И бизнес как таковой шел отлично, но политический климат… впрочем, не мне вам об этом рассказывать.

Сестра Катерина поджала губы и скорбно вздохнула.

— И теперь, — продолжал Виллем, — сообразительные молодые люди вроде Беатрикс стараются

убраться с острова, прежде чем впутаются в какую-нибудь политическую передрягу.

— Это еще в лучшем случае, — добавила сестра Катерина.

Какие бывают «худшие случаи», оба знали: тебя могут просто убить. Борцы за независимость Папуа, или индонезийская тайная полиция, или агенты индонезийской тайной полиции, притворяющиеся борцами за независимость.

— Очень хорошо характеризует Беатрикс то, что, едва выбравшись и обосновавшись в Америке, она начала работать на благо тех, кто остался.

— Я не так уж много знаю о сути этой работы, — признался Виллем. — Знаю, что народ Папуа уже долгое время стремится к независимости. Но существование рудника осложняет эту задачу. Рудник приносит большие деньги. И власти Индонезии не готовы от них отказываться.

— Такое постоянно происходит в колониях, обладающих природными ресурсами, например нефтью, — заметила Идиль. — Положение Папуа необычно тем, что его колонизовала страна — Индонезия, — которая сама в прошлом являлась колонией. Так что ваше правительство, как бывшая метрополия Индонезии, может сыграть

в этом деле особую роль.

— Вот здесь сделаю стандартный дисклеймер: я работаю не на правительство, а на королевскую семью, — вставил Виллем.

— И одна из причин, по которым вас выбрали на эту роль, — связь вашей семьи с колониальным прошлым, — невозмутимо заметила Идиль.

— Что ж, это справедливо, — признал Виллем. — Скажите, сестра Катерина, могу ли я чем-либо помочь в работе, которой вы занимаетесь вместе с моей кузиной?

— Мы хотим независимости, — ответила сестра Катерина. — До недавних пор рудник «Бразос РоДаШ» стоял у нас на пути. Как и все рудники, со временем он истощается — и чем менее ценным становится, тем легче совладать с этим препятствием. А если вместо рудника на этом месте появится геоинженерный комплекс — что ж, для нас это открывает новые возможности.

Логики этого рассуждения Виллем не понял.

— Но как? Мне казалось, верно обратное. Как вы и сказали: чем меньше дохода приносит рудник, тем менее Индонезия им интересуется. И тем более она готова выпустить Папуа из своих когтей. Но, мне кажется, если это место получит новую жизнь, вместе с ней возродятся и старые

проблемы.

Сестра Катерина смерила его долгим взглядом. В этот миг Виллем подумал: а она не из тех, с кем он хотел бы сыграть в покер!

— Все дело в интересах. *Cui bono?*

— «Кому выгодно?» — перевел Виллем.

— Все те независимые государства — в том числе и очень далекие от моей родины, — что выиграют от выброса в стратосферу аэрозолей с высокой горы возле экватора, выступят на нашей стороне. Даже если до сего дня не умели найти Папуа на карте.

На снимках из космоса двойные ворота Масланткеринга — крупнейшего в мире движущегося инженерного объекта — немного напоминают клиновидные крылья, какие царапает ребенок палкой на свежевыпавшем снегу, когда хочет нарисовать ангела. Закругленные края обоих «клиньев» — не что иное, как барьеры, задача которых — выдерживать шторма Северного моря во всей их мощи и ярости. Каждый затвор-батопорт[83] закрывает половину ширины

[83] Примечания: 83

Плавучий гидротехнический затвор, чаще всего служащий для запирания входа в док. Для перекрытия прохода батопорт заполняется водой и садится на дно дока, прижимаясь особыми выступами к сделанным по обводам батопорта уступам в стенках и в дне.

канала, соединяющего Роттердам с морем. Посредине они сходятся: обе створки поворачиваются на осях, вделанных в береговую насыпь. Весь «клин» — треугольник радиусом в двести сорок метров от закругленного края до оси — состоит из массивных стальных труб, сваренных вместе и образующих жесткий каркас. Эта структура передает силу шторма от закругленного края к шарниру, который можно назвать плечевым суставом ангельского крыла. Размеры шаров в обоих шарнирах — десять метров в диаметре. Шары покоятся в муфтах, сделанных в основном из железобетона, вкопанных глубоко в почву и передающих силу шторма окружающей земле через длинные бетонные опоры, растопыренные, словно гигантские пальцы, и уходящие глубоко под землю, где они соединяются с массивным фундаментом всей конструкции.

В обоих берегах пролива высечены изогнутые желоба, по форме точно соответствующие закругленным концам «крыльев»: в них покоятся затворы на протяжении долгих лет и десятилетий, когда в них нет необходимости. Как бывает в сухих доках, эти желоба находятся ниже уровня воды, однако большую часть времени остаются пустыми, сохраняя доступ к воротам для осмотра

и ремонта. Сами арки ворот представляют собой полости, обычно заполненные воздухом. А выдвинутые из желобов, «в свободном плавании», они быстро заполняются водой, опускаются на дно и образуют прочный заслон стихии на всю глубину канала.

Весь этот комплекс был формально открыт в 1997 году, при бабке Саскии, а впервые понадобился лишь десять лет спустя. После этого он простоял сухим и недвижимым (не считая ежегодных проверочных закрытий и открытий с целью убедиться, что все по-прежнему работает) еще шестнадцать лет, до следующего шторма. И сегодня — третий раз в истории — Маслантккеринг планировалось закрыть, защищая Нидерланды от грядущей бури, какой, если верить метеорологам, Северное море не видывало с катастрофы 1953 года. В правление Саскии Маслантккеринг закрывался впервые.

Через несколько дней после выступления в Генеральных штатах Виллем запустил свою программу, так что последние три недели королева Фредерика по большей части провела в дороге: объезжала страну и призывала нидерландцев готовиться к грядущим испытаниям. Вообще-то призывать нидерландцев заранее готовиться

к стихийным бедствиям — все равно что уговаривать англичан чаще смотреть по телеку футбол или американцев — покупать побольше огнестрела. Сограждане откликались на призыв с такой готовностью, что скоро все усилия королевы стали выглядеть совершенно излишними. Именно в таких ситуациях антироялисты закатывают глаза и разражаются ядовитыми тирадами о том, что с монархией давно пора прощаться — сами видите, какой это тупой и бесполезный институт! В самом деле, хоть ничего плохого королева Фредерика и не делала, с тем же успехом она могла бы остаться дома и публиковать в твиттере рецепты маффинов. И все же, учитывая проблемы королевы в последний месяц, решение оказалось мудрым. Всякий монархоненавистник или монархоскептик, всякий «бульварный» журналист, еще пару недель назад бежавший на запах тайны и скандала, исходящий слюной от загадочного визита королевы в Техас и странной оговорки в Бюджетный день, теперь изнывал от скуки. Двадцать дней подряд ему приходилось наблюдать, как ее величество предупреждает зеландских стариков и старушек, чтобы не вздумали прятаться от наводнения на чердаках. Ездит по прирейнским городкам и де-

ревням и проверяет состояние плотин. Позирует под дождем, опираясь царственной ногой в резиновом сапоге на царственную лопату. Задумчиво кивает, осматривая схемы эвакуации. Возлагает венки на могилы утонувших в 1953-м.

Первая половина этого трехнедельного турне граничила с самопародией. Даже верные фанаты Оранского Дома склонялись к мнению, что это перебор. Тем более погода стояла как в раю и никакие бедствия стране не угрожали. Но к третьей неделе похолодало. Лето сменилось осенью — и вовсе не уютной золотой осенью. От проливных дождей в глубине страны начал подниматься уровень воды в реках. А долговременные прогнозы погоды, основанные на компьютерных моделях, предупреждали об образовании в Северной Атлантике, к югу от Исландии, опасного циклона. Он усиливался и двигался к проливу между Шотландией и Норвегией. Легкое любопытство переросло в возбуждение, возбуждение — в тревогу, тревога — в страх. К тому же по какому-то неудачному совпадению приливы в эти дни сделались необыкновенно высоки. Все вместе предвещало невиданный шторм.

О том, что великие врата Масланткеринга закроются, было известно за много дней вперед.

Ту же предосторожность собирались предпринять и соседи за морем, закрыв Барьер Темзы на входе в Лондон. Вопрос был лишь в том, когда компьютерные модели, отслеживающие развитие и передвижение циклона, решат, что пора действовать. Ибо из всех эпитетов в превосходной степени, описывающих Маслантке­ринг, не последнее место занимало: «Крупнейшая в мире автоматизированная система».

Когда это произойдет, все более или менее себе представляли. И закрытие ворот требовало некоторого времени. Моряки заранее получили извещения, чтобы быть готовыми и успеть до закрытия вывести свои корабли наружу, за ворота, или завести внутрь. Саския тоже хотела там присутствовать — хотя бы при части процедуры: пусть это станет кульминационным пунктом ее джихада против стихии! Поэтому выехала она заранее и, чтобы убить время, решила сначала проехаться по соседнему Маасфлакте.

Маасфлакте — насыпной полуостров, бородавкой торчащий из побережья Северного моря. Главная его задача — служить дополнением и расширением огромного Роттердамского порта. Во времена парусных судов океанские корабли входили в канал и беспрепятственно сколь-

зили к центру Роттердама, все двадцать пять километров вглубь суши. Но шли века, корабли становились все больше — и останавливались все ближе к морю. Соответственно, и порт рос в этом направлении. Кульминацией этого роста стало создание Маасфлакте, искусственного хаба, позволяющего грузиться и разгружаться, вообще не входя в канал. В результате Роттердамский порт начал обслуживать крупнейшие в мире грузовые суда: абсурдно огромные, вдвое шире Панамского канала, исполины, от одного вида которых у Саскии голова шла кругом. В ширину на таком корабле свободно размещалось две дюжины контейнеров, осадка при полной загруженности составляла двадцать метров. Именно здесь китайская экономика прямой пуповиной соединялась с европейской. Иные из этих кораблей, приходящие прямо из Азии, оставляли часть груза в Роттердаме — и, немного поднявшись из воды, отправлялись в другие, более тесные и мелководные европейские порты.

Маасфлакте включал в себя несколько доков. Один из них носил имя принцессы Фредерики — чей-то откровенно политический жест, из-за которого, однако, Саския ощущала какую-то иррациональную связь с этим местом. К докам

вела отдельная асфальтированная дорога для легковушек, не пересекающаяся с путями доставки грузов; так что королевский караван из трех автомобилей отправился туда, просто чтобы полюбоваться морем и убить время прежде поездки в Маслантккеринг, расположенный несколькими километрами выше.

Статус Маслантккеринга — крупнейшей в мире автоматизированной конструкции — не выглядит таким уж исключительным, когда смотришь из Маасфлакте. Что такое весь Роттердамский порт, как не гигантская машина? Дело не в том, что здесь мало зелени — ее хватает, на местной почве все растет и цветет вволю; но и сама эта почва — просто еще одна деталь машины, просеянная, утоптанная, укрепленная таким образом, чтобы пропускать воду или поддерживать невероятно тяжелые предметы. У зелени тоже есть своя цель: она защищает почву от вымывания. Несколько десятилетий назад здесь можно было встретить длинные травяные газоны вдоль дорог, рельсов, каналов, трубопроводов, обслуживающих доки. Газоны по-прежнему на месте, но теперь все они превратились в пикеты перед ветряными турбинами, вестницами штормов, что обращены к северным ветрам и в минуты

непогоды вращаются так быстро, как только позволяют им системы автоматического контроля. На фоне неба их очертания соперничают с погрузочными кранами, нефтяными вышками и очистительными установками. Расположены они послойно, «лестницей», турбины разной высоты чередуются — и тянутся до горизонта, постепенно растворяясь в серебристом тумане.

Все операции в доке Принцессы Фредерики и в его собратьях на Маасфлакте автоматизированы настолько, насколько позволяют прогресс и профсоюзы. Сейчас Саския вспоминала, как подростком присутствовала на открытии этого дока и сама перерезала красную ленточку. Какой-то старший менеджер, удостоившийся чести с ней отобедать, за едой начал рассказывать, как прежде сам занимался распределением груза: именно он решал, в каком порядке расставить контейнеры на судне, какой куда поместить, как их сбалансировать так, чтобы судно сохраняло равновесие и при разгрузке, не забывая, что ему, возможно, придется делать несколько остановок в разных портах. «Без картотеки тут не справишься!» — заключил он. Придворные пытались заткнуть бедолагу, опасаясь, что принцессе станет скучно, но принцесса слушала как

зачарованная. Теперь, разумеется, всеми этими расчетами занимаются компьютерные программы. Когда большое судно из Китая входит в канал Янцзы — самый глубокий на Маасфлакте и самый близкий к морю — и вездесущие краны снимают с него контейнеры, грузят в кузова грузовиков или в железнодорожные вагоны, этими кранами управляют роботы, точно знающие, что в каждом контейнере и куда его нужно отправить. И сами грузовики, что возят контейнеры туда-сюда, по большей части обходятся без водителей. Саския — однажды в детстве ее прогнали через батарею тестов на РАС[84], не находя иного объяснения ее эксцентрическим интересам, — любила приезжать сюда и просто смотреть, как работают машины, точь-в-точь как иные монархи былых времен забавлялись игрой в солдатики.

Сегодня здесь царила необычная суета; из опасения, что шторм затопит часть Маасфлакте, самые уязвимые грузы перевозили подальше от моря, на Большую землю. Что же до кораблей — они спешили поскорее выйти в море. Посредине канала красовалась «Андромеда», одна из китайской флотилии грузовых судов, по праву

[84] Примечания: 84

Расстройства аутистического спектра; ментальные нарушения, один из возможных признаков которых — необычные увлечения ребенка.

носящих звание крупнейших в мире. Она, как видно, закончила все дела на суше, и теперь стая буксиров тянула ее к выходу. В портах старой школы ей понадобилось бы несколько часов; но на Маасфлакте, в широком, глубоком и прямом, как стрела, канале Янцзы, фигурально выражаясь, достаточно было нажать на газ. Между берегом и боковой дверью в корпусе «Андромеды» сновали несколько шлюпок — видимо, в последнюю минуту доставляли на борт персонал и вещи, которые требовалось забрать с собой, не дожидаясь бури.

— Схожу посмотрю на расположение сил противника, — объявила Саския и зашагала в направлении, где виднелось нечто вроде невысокой серой насыпи, тянущейся по прямой вдоль края порта и отделяющей его от пустоты на другой стороне. Любой нидерландец с первого взгляда узнал бы в этой насыпи дамбу, хотя обычно на дамбах высаживают траву. Эта же, если не считать пары береговых птиц, была бесцветна и безжизненна, словно лунный пейзаж. Поняв намерение Саскии, охрана выбралась из машин и поспешила следом.

Начиналась дамба как плоскость, усыпанная мелким мокрым песком. Затем плоская песчаная

почва вдруг круто заворачивала вверх; дальше приходилось лезть по склону с легкими неровностями, быть может, в тех местах, где экскаватор опустошал свой ковш. Дамба была совсем новая, неровности на ней еще не сгладились, склон не приобрел пологость. Саския карабкалась вверх, оставляя за собой песочные мини-лавины. Плотина была выше, чем казалось издали, — в такой день, как сегодня, это ободряло. Наконец Саския добралась до точки, откуда могла посмотреть, что же там дальше. Но вместо «сил противника» не увидела почти ничего. Видимость была не больше километра, дальше море скрывал густой туман. Серые волны с ворчанием бились о берег, однако были невысоки, и даже те немногие, что обрушивались на дамбу, бесславно отступали, разбившись о внешний слой ее доспехов. Ибо лишь внутренний слой дамбы состоял из мягкого песка: другая ее сторона, обращенная к морю, представляла совсем иную картину. Мельчайшими и легчайшими предметами, которые встречал здесь взгляд, были железобетонные кубы со стороной в два с половиной метра. И это — как объясняли Саскии в таких подробностях, которые привели бы в ступор любого другого короля, — был лишь самый верхний слой слож-

ной инженерной системы, уходящей глубоко под воду.

И все же волну-убийцу такая плотина не остановит. В любой миг великанская волна может вылететь из тумана и смыть королеву с дамбы, словно детскую игрушку: об этом знает и она сама, и охрана. Покосившись направо, Саския заметила Амелию — при мысли, что в таком случае Амелия разделит ее судьбу, странным образом, стало спокойнее. Слева стоял Виллем и демонстративно поглядывал на часы. Впрочем, он смягчился, когда на дамбу наконец залез королевский фотограф и принялся щелкать фотоаппаратом. Саския взобралась сюда не для того, чтобы позировать, — но понимала, что это неизбежно. И что снимок получится отличный.

Будь Нидерланды за́мком, а море — врагом, искусственный остров, где они сейчас стояли, можно было бы уподобить бейли — легко укрепленному хозяйственному строению, не рассчитанному на то, чтобы выдержать серьезную атаку. Теперь же для королевы Фредерики

настало время отступить в мотт[85] — на холм, увенчанный оборонительной башней, где легче защищаться при штурме. И, отступая, она захлопнет за собой ворота. Или, точнее сказать, найдет себе какую-нибудь фотогеничную локацию, встанет там и ничего не будет делать, а ворота захлопнет сверхмощный компьютер. Путь в комплекс Маслантккеринг — точнее, в ту его половину, что на южном берегу канала, — занял всего несколько минут. Однако, когда все вышли из машин, Саския заметила, что ветер определенно усилился. Еще одно напоминание о том, как стремительны и непредсказуемы бывают шторма.

Комплекс окружали такие защитные барьеры и системы наблюдения, какие в других странах устанавливают разве что по периметру базы атомных подлодок. Маслантккеринг — не военная цель в прямом смысле; однако, если какой-нибудь безумный диверсант прорвется сюда и взорвет ключевой узел системы, починить его будет сложно и дорого. А если это произойдет прямо накануне шторма и каким-то образом по-

[85] Примечания: 85

Термины средневековой фортификации. Раннесредневековый замок состоял из бейли — внутреннего двора, обнесенного частоколом, на котором располагались жилые и хозяйственные постройки, и мотта — насыпного холма с оборонительной башней, где укрывались жители замка при осаде.

мешает закрыть ворота, возможный ущерб будет сравним с ядерным взрывом.

Разумеется, сам канал так же контролировать невозможно; и страшнейший из кошмаров руководства Маслантккеринга — что в самый ответственный момент какой-нибудь корабль пойдет на дно прямо между воротами. Извещение прозвучало несколько часов назад, но и сейчас по каналу сновали в обоих направлениях большие и малые суда. Военные и полиция наблюдали за каналом с моря, с воздуха и с земли и готовы были в любой момент выслать буксиры, чтобы подтолкнуть или подтянуть застрявшего, — но и они не могли уследить за каждым.

Пройдя через кордоны безопасности, королева и ее свита оказались в совершенно неголландской атмосфере — в мире объектов столь сказочно огромных, что даже техасец, завидев их, сдвинул бы на затылок шляпу и, присвистнув, проговорил: «Мать честная, вот это масштабы!» Для начала — гигантский ровный пустырь треугольной формы, единственная задача которого — чтобы на нем ничего не было: по этой зоне шла створка ворот, когда начинала двигаться. Сами стальные трубы, из которых сварена створка, — размером с семидесятиэтажный небоскреб, опрокинутый на-

земь. Нервный центр — здание в форме подковы такой высоты, чтобы никакой шторм был ему не страшен, глядящее на канал множеством окон. Над ним возвышается железобетонная башня, утыканная радарами и антеннами. В красной «коробочке», в сравнении со всем прочим маленькой, находится мотор, отвечающий за движение ворот. Само собой понятно, что в последние дни команда техников уделяла ему особое внимание. Выйдя из машины и направившись к центру управления южной створкой, Саския по дороге ловила на себе взгляды техников и махала им рукой.

Когда перед ней выросла неоглядная белая стена самого барьера, на миг закружилась голова. Ей пришлось схватиться за поручень, чтобы не упасть. Но в следующую секунду она осознала, что твердо стоит на земле. Движется сам барьер. Его пустой док уже затоплен, и барьер держится на воде, слегка покачиваясь на волнах. 240-метровые «руки» удерживали его на месте, но шарниры позволяли качаться вверх-вниз.

Сама аппаратная оказалась просторной, словно палуба корабля. Разумеется, все здесь были заняты. Но возле панорамных окон, откуда открывался вид на канал, было свободно и пусто:

оттуда Саския могла наблюдать, никому не мешая. Виллем и фотограф вошли вместе с ней. Остальная свита осталась снаружи и любовалась закрытием ворот с зеленой прибрежной насыпи, поливаемой дождем. Королеву на дамбе, растрепанную и насквозь промокшую, фотограф уже щелкнул. Это готово. Следующий снимок — более официальный. Фенна в машине быстренько привела королеву в порядок, и пока бежала под дождем в аппаратную, та не успела безнадежно промокнуть. Кое-что в прическе и макияже попортилось — но ничего такого, что она не смогла бы исправить сама в дамском туалете.

Само закрытие ворот происходило гладко и плавно: Саския непременно все пропустила бы, если бы смотрела в другую сторону. О том, что происходит, она догадалась лишь по тому, что слегка усилился хтонический рокот мотора, заточенного в красном «карцере». Подойдя к окну, увидела, что батопорт движется к центру канала — а с противоположного берега, в километре отсюда, так же плавно и неторопливо плывет навстречу его двойник. Батопорты покачивались вверх-вниз, отвечая волнам и течениям канала, но по горизонтали двигались размеренно и целеустремленно, словно стрелки гигантских

часов. Фотограф плясал вокруг, пытаясь заснять картинку под нужным углом; наконец взобрался на стол и оттуда снял одним кадром и королеву, и ворота ее королевства.

Тем временем батопорты медленно и неуклонно отрезали канал от моря. Слева, на противоположном берегу, виднелся терминал Хук-ван-Холланд, откуда ходят паромы в Англию. Эту полоску земли на самом берегу моря заволакивал туман — влажная серая взвесь, на нее обрушивались и разбивались волны в белых пенных шапках. Но справа, за воротами, волнение уже улеглось. Мощные волны бились о барьер, пытаясь прорваться в Нидерланды, но многотонная сталь выдерживала их атаки с тем же спокойным презрением, с каким ветровое стекло пикапа Руфуса встречало бьющуюся о него мошкару. Если положить руку на семисоттонный шарнир, подумала королева, быть может, ощутишь легкое покалывание в кончиках пальцев.

Пожалуй, ее бы порадовал громкий удар или оглушительный щелчок при соприкосновении створок; но это означало бы плохую работу инженеров. Вместо этого низкий рокот мотора просто затих. Конец. Инженеры, чья задача — поддерживать комплекс в рабочем состоянии, сегодня

вечером спокойно пойдут домой и выпьют пива. Дальше запустились другие механизмы, отвечающие за открытие клапанов и затопление батопортов. Что происходит, можно было догадаться лишь по створкам, которые постепенно погружались в воду. Их стальные трубы, прежде параллельные земле, теперь слегка наклонились вниз. Можно было напрячь воображение и представить, как батопорт опускается на дно канала — выскобленное, отполированное, плоское, словно хоккейное поле. Ворота не вполне герметичны — полной водонепроницаемости вообще не существует; но на сутки их защиты вполне хватит, а дольше суток не длится ни один шторм.

То, что и эта фаза успешно завершена, Саския поняла лишь по изменению атмосферы в комнате: как-то словно посветлело, изменился тон разговоров вполголоса, послышались смешки. Она взглянула на Виллема, желая разделить момент с ним — но он уткнулся в свой планшет.

Снимая на ходу наушники и приглаживая седоватые волосы, подошел старший инженер. Нидерланды в самом деле конституционная монархия, и, строго говоря, королеве здесь делать было нечего. Могла бы и совсем не приходить. Если бы волна-убийца смыла ее с дамбы, здесь

все прошло бы точно так же, в те же сроки. Этот человек совершенно ничем не был ей обязан. И все же… Все же он счел нужным это сказать.

— Ваше величество, — сказал он. — Счастлив доложить вам, что Маслантккеринг закрыт.

За годы в политике у Виллема развилось острое и тонко откалиброванное чутье, подсказывающее, когда что-то идет не так. Бывало, конечно, и его заставали врасплох. Например, свиньи на взлетной полосе в Уэйко стали для него полной неожиданностью. Но чаще чутье помогало ему ориентироваться и подсказывало верный путь, как сообщают о препятствиях трепещущие кошачьи усы в темном лабиринте.

Впервые это ощущение посетило его в машине, на коротком обратном пути с Маасфлакте к Маслантккерингу. От контакта из госбезопасности по шифрованному каналу пришло сообщение:

> Вы встретились?

И несколько секунд спустя:

> Жду не дождусь новостей!
> С кем встретились?

— спросил Виллем, уже встревоженный.

> С Виннебаго.

Такое кодовое имя они придумали для Бо.

> Я на Маасфлакте с пилотом. Просто убиваем время.
> А с Виннебаго не пересеклись?
> Вы хотите сказать, он здесь? На Маасфлакте?
> LOL я-то думал, вы знаете и поехали с ним встречаться!
> Нет.
> Ну так вот, утром он там был.
> Может, увижусь с ним позже, когда вернусь.
> Не выйдет. Виннебаго уже покинул страну.
>???
> Сегодня утром приехал на такси на Маасфлакте и сел на китайское грузовое судно, стоявшее в канале Янцзы.
> На «Андромеду»?
> Да.
> Корабль я видел,

— написал Виллем.

Такое судно невозможно не заметить. Ему вспомнились снующие вокруг «Андромеды» шлюпки: быть может, на одной из них плыл Бо? Может, Виллем смог бы разглядеть его в бинокль?

> А Виннебаго нет,

— добавил он.

Да и не ожидал его здесь увидеть! Что за странный способ путешествовать? Впрочем, когда дело касалось Бо, Виллем уже ничему не удивлялся. Вместимость «Андромеды» — более двадцати тысяч контейнеров. Может, у Бо там личный контейнер, обставленный как пентхаус? Черт, может, ему принадлежат пятьдесят контейнеров? Или все двадцать тысяч?

> Вы еще с пилотом на Маслантккеринге?
> Да.
> Ладно, свяжемся после бури.

На обратном пути они застряли в пробке. Саския — она сидела рядом с Виллемом на заднем сиденье и рассеянно листала сообщения в план-

шете — вдруг спросила:

— Что вам известно о Новой Гвинее?

Виллем едва не подскочил на месте.

— А что?

— У вас там родственники, верно?

Он нахмурился.

— Это связано с Идиль Варсаме?

— Она из Сомали.

— Знаю, но…

— Совсем другое место! Я говорю о *Папуа.*

— Понимаю, но к чему вы об этом заговорили и именно сейчас?

— Помните, несколько недель назад я показывала селфи, которые прислала мне Корнелия?

— С острова в Албании? Помню.

— Так вот: селфи продолжаются. Похоже, это был не просто недельный круиз по Атлантике. Яхта у нее мощная: крейсерская скорость — тридцать узлов. А если не боишься качки, можно и быстрее.

Саския повернула планшет так, чтобы и Виллем видел экран, и начала листать фотографии, видимо присланные Корнелией за три недели. Снимки рассказывали целую историю — правда, изобилующую пробелами.

Вот яхта проходит через канал, узнаваемый

с первого взгляда, — Суэцкий. Вот Корнелия на верблюде.

Фото живописных пейзажей по обоим берегам Красного моря. Лазурные волны, коралловые рифы. Какие-то местные в костюмах, судя по всему, важные птицы, устраивают Корнелии экскурсию.

— Мальдивы, — объяснила Саския. — Одна из стран, которым предстоит в ближайшие десятилетия полностью уйти под воду.

— Почему они с ней так нянчатся? Она же не посол какой-нибудь великой державы.

— Любой, кто приплывет на такой яхте и проявит интерес к их беде, для них ничем не хуже посла, — объяснила Саския. — Тем более что настоящим великим державам на этих бедолаг наплевать.

— Что ж, справедливо.

На следующем фото Корнелия уже восседала на слоне. Шри-Ланка.

— Похоже, ей нравится поза наездницы, — усмехнулся Виллем, и Саския пихнула его в бок.

На следующем снимке Виллем удивленно хмыкнул. Здесь Корнелия стояла в месте, хорошо ему знакомом. Индонезия, памятник нидерландцам — жертвам войны.

— И правда, — заметил он, — похоже, она на этой своей яхте объехала полсвета!

— О, это только начало!

Следующее селфи: закат, палуба яхты, Корнелия пьет коктейли с Сильвестром Лином и Эшмой. На заднем плане высятся сингапурские небоскребы. Виллем невольно ощутил укол обиды: его-то не пригласили!

Прошвырнувшись по Индонезийскому архипелагу, яхта бросила якорь в порту современного города довольно скромных размеров, может быть, масштаба Уэйко.

— Не трудитесь угадывать, — сказала Саския. — Это Дарвин, Австралия.

На следующем фото — ни зданий, ни других признаков человека. Только сухая дельта реки, серым топором разрубающая надвое стену тропического леса.

— И-и-и… это, должно быть, Новая Гвинея! — догадался Виллем. — Теперь понимаю, к чему все клонится.

— Тогда поспешим к финалу, — улыбнулась Саския и принялась листать фотографии быстрее.

Вертолетная площадка (да, все на той же яхте Корнелии!), и на ней вертолет, выкрашенный в яркие корпоративные цвета «Бразос РоДаШ».

Следующие несколько снимков сделаны из окна вертолета. Далеко внизу раскинулись джунгли. Среди джунглей — скромный городок.

— Туаба, — определил Виллем. Саския удивленно на него взглянула.

Вдалеке из зеленого растительного моря вздымаются высокие горы. И наконец, огромный котлован в земле. Дорога, врезанная в его крутые склоны, спиралью спускается вниз. О размерах котлована позволяли судить лишь какие-то соринки или черные мошки на дороге — если знать, что это крупнейшие на земле грузовики.

— Знаменитый медный рудник, — объяснила Саския. — Даже я его узнаю.

– *Ваш* знаменитый рудник.

— И то верно.

Вертолет опустился на площадку. По периметру ее стояли белые в камуфляже, с автоматами наперевес. Это, как и пулеметное гнездо с краю площадки, ясно давало понять, каков в этих краях уровень безопасности.

Последнее селфи запечатлело Корнелию на фоне высочайшей горы в Новой Гвинее, рука об руку с Т. Р. Шмидтом. На головах у обоих красуются бейсболки с «Летящей S». На левом боку у Т. Р. — крупный полуавтоматический пистолет,

с другого бока уравновешенный разгрузочным комплектом.

— Конец, — объявила Саския.

— С ума сойти, — сказал Виллем. — И когда вы получили это фото?

— Вчера.

— Что ж, это объясняет мой сегодняшний завтрак.

Было в этом то сладкое ощущение, которое испытываешь, закрывая за собой дверь и запирая ее на все замки и засовы. Убедившись, что королева благополучно доставлена в Хёйс-тен-Бос, Виллем поехал на правительственной машине домой, в Лейден. Через блютус подключил телефон к аудиосистеме и, извинившись перед водителем, нашел и включил на полную громкость *Riding the Storm Out* группы *REO Speedwagon* — любимую композицию своей бурной юности. Много лет прошло, но хард-рок вставлял, как в молодости. Приехав домой, нашел на «Ютубе» канал «Огонь в камине», заказал пряный ужин из индонезийского ресторана и поужинал при свете искусственного огня. Выпив на ночь бокал новозеландского совиньон-блан, он отправился в постель.

В четыре утра Виллема разбудил звонок из

Луизианы. Отец сообщил: один из батопортов Маслантккеринга сорвало с места, и сейчас море затапливает Роттердам. Уже пропали без вести сотни людей. Большинство, скорее всего, погибли. Вода идет дальше. А шторм еще даже не достиг пика.

Виллем уже оделся и сбегал вниз по лестнице, когда ему пришло в голову: ведь они с Реми тоже могут быть в опасности. Реки и каналы Нидерландов — настоящий лабиринт. Что, если, опустошив центр Роттердама, вода двинется на север и затопит Лейден?

Этот важный вопрос, прямо связанный с перепадами высоты, не случайно пришел ему в голову посреди лестницы. Он обернулся. Ремижиу, вышедший его проводить — он в шортах и халате стоял на верхней площадке, — не спускал с него вопросительного взгляда.

— Так, а нас здесь… не затопит?

Есть свои преимущества в том, чтобы быть соседом университетского профессора. Реми покачал головой.

— Лейден основан до осушения Харлеммермера[86].

---

[86] Примечания: 86

Залив, осушенный в середине XIX века; сейчас на этом месте находится город Харлеммермер.

— Разумеется.

— В то время он был выше уровня моря. И сейчас выше… наверное.

— Уровень моря! — проговорил Виллем, изобразив руками кавычки. И взглянул на свои ковбойские сапоги. После путешествия в Техас он уже не мог говорить об «уровне моря» всерьез.

Реми вздохнул, соглашаясь с ним.

— Да, все так. Но если бы я выбирал, где переждать, остался бы здесь. Теперь поезжай. А я останусь «выше уровня моря». Береги себя.

— Только не вздумай…

— Прятаться на чердаке? Конечно, я тоже читаю твиттер королевы.

Несколько минут Виллем сравнивал время ожидания в разных транспортных приложениях. Прогнозы — один другого хуже. Попытался разобраться в расписании электричек, но там царил хаос. В конце концов просто проехал эти несколько километров на велосипеде. Крутить педали почти не приходилось: его подгонял дующий в спину ветер. Виллем отправился прямиком в Ноордейнде-Палас: по уровню серьезности ситуация была как раз для этого места. У себя в кабинете переоделся в сухое и включил телевизор. По всем программам показывали одно и то же: ворота

Маслантккеринга. Перекошенный северный батопорт, смятые трубы, щель между створками — и Северное море, рвущееся в эту щель с такой силой, что южный батопорт содрогается и трясется под его ударами. По дороге сюда Виллем припомнил схему рек и каналов вокруг Роттердама и пришел к выводу, что оттуда вода двинется в основном на юг. Частично затоплена окажется Зеландия. Как будто мало потопа в самом Роттердаме!

Переключая каналы, он наткнулся на новости Би-би-си. Шторм каким-то образом прорвал или обошел Барьер Темзы, и в Лондоне сейчас тоже поднимается вода. Системы водоотвода к северу от города, не рассчитанные на такую нагрузку, переполнены; ситуация грозит затоплением и внутренним районам страны. Виллем понимал, что с такой проблемой скоро столкнутся и Нидерланды. Нет, черт возьми, никакой возможности остановить крупные реки, текущие из Германии! Они по-прежнему впадают в Северное море. А один из крупнейших выходов в море теперь перекрыт, и вода течет по нему в обратную сторону! И прочие перегорожены на время шторма.

Теперь, когда Виллем добрался до своего кабинета, переоделся, включил телевизор и получил свежую информацию, встал вопрос: что же де-

лать? Правильный ответ: ничего. Генеральные штаты, в которых он работал в прошлом, отвечали на стихийные бедствия заседаниями разных комитетов. А теперь Виллем — помощник королевы, не имеющей (по крайней мере, теоретически) никакой власти. Все, что могла, она уже сделала — три недели разъезжала по стране, убеждала людей быть бдительными и напоминала о правилах поведения в случае беды, которая сейчас разразилась. Повторить импровизированный перформанс на залитом морской пеной берегу в Шевенингене не удастся, да и не нужно. В такой ситуации, как сейчас, у королевы две задачи: сидеть тихо и помалкивать. Разве что, может быть, ближе к концу дня выпустить краткое заявление. А когда кризис утихнет (самое раннее, завтра), можно будет организовать пару фотосессий и возложить венки.

Так что заняться ему сейчас совершенно нечем. Зря вылез из постели. Смотреть телевизор можно было и дома.

> ПОЧЕМУ ТАК ЛЕГКО ПРОРВАЛАСЬ ПЛОТИНА?!

— пришло взволнованное сообщение от отца.

Виллем знал: тот же вопрос будут задавать и

другие. Смутная догадка у него была; но она требовала подтверждения.

На столе у Аластера лежал камень. Виллем видел его всякий раз, когда они разговаривали по видеосвязи. Будь камень чуть поменьше, его можно было бы принять за пресс-папье. Ничего выдающегося: гладкий, обточенный волнами булыжник неправильной формы. Как-то раз Виллем спросил, что это за камень, и Аластер ответил, что привез его с одного маяка в Орегоне. Однажды ночью смотритель маяка проснулся от какого-то грохота и поднялся по лестнице выяснить, в чем дело. На середине пути он обнаружил, что окно в маячной башне разбито камнем. Окно находилось в сотне футов над уровнем моря. Как попал сюда камень? Объяснение было только одно: его принесла гигантская волна, разбившаяся об утес, на котором стоял маяк. Аластер купил или просто выпросил этот камень у смотрителя и использовал как «мементо мори» — наглядный ответ хозяевам судоходных компаний, желавшим знать: а) почему за страховку судов с них дерут такие деньги; б) как так получается, что даже огромные корабли иногда без причин и объяснений исчезают в океане.

Вид у Аластера, как и следовало ожидать, был

взъерошенный, если можно так сказать о человеке с почти под ноль стриженными волосами. Прическа Аластера особых забот не требовала, однако он уже давно не брился и сидел в толстовке поверх заношенной футболки.

— И ты, небось, хочешь узнать, почему прорвался Маслантккеринг, — так он начал разговор. Это «и ты…», вместе с нескрываемой усталостью, подсказывало: Виллем далеко не единственный, кто сегодня обратился к Аластеру за разъяснениями. — И раз звонишь мне, значит, главный подозреваемый у тебя — волна-убийца.

— А ты что скажешь? — спросил Виллем.

— Скажу, что ты прав. Просто методом исключения.

— То есть?

— Эти ваши ворота спроектированы так, чтобы выдерживать большие нагрузки. Статические нагрузки. Море давит на барьер с определенной силой; штормовые волны становятся выше — давление усиливается. При слове «шторм» мы представляем себе что-то дикое и стремительное, но это неверно. Шторм развивается медленно и предсказуемо. Его силу можно спрогнозировать и рассчитать с точностью до запятой. Конечно, инженеры добавляют к этим расчетам «запас»

на случай аномальной волны. Но и это стохастическое число в большинстве случаев остается в предсказуемых пределах. А то, что обрушилось на Маслантккеринг пару часов назад, судя по всему, вышло за пределы допуска, заложенного его создателями… когда там? — сорок лет назад. И это была динамическая нагрузка, что со структурно-инженерной точки зрения намного хуже. Волна просто сломала затвор. Больше тут и сказать особо нечего.

— Значит, просто не повезло, — сказал Виллем.

— Это и есть моя специальность. Разбираться в невезении. Предсказывать невезение. Чертов Гэндальф-Буревестник.

— Такая волна могла ударить куда угодно, — медленно проговорил Виллем; в уме он уже составлял пресс-релиз. — И сегодня по чистой случайности ударила в Маслантккеринг.

— Возможно, на входе в канал она сосредоточилась и усилилась. Точнее узнаем позже, когда будет больше информации. Могла сначала боком задеть Хук, при этом изменив направление, потом отразиться от плотины Маасфлакте, войти в канал и двинуться по нему, набирая энергию по мере того, как канал сужался. Предсказать такое, к сожалению, невозможно. Все, что нам

остается, — так сказать, сделать вскрытие. Так же, как нельзя предсказать автокатастрофу, но легко ее реконструировать по следам на машинах и на дороге.

— Ладно, тогда отключаюсь. У тебя и без того день будет хлопотный, — сказал Виллем. Он еще не договорил, а Аластер уже потянулся к красной кнопке, чтобы закончить звонок.

> Волна-убийца, папа. Такое невозможно предсказать. Или предотвратить.

> А КАК ЖЕ ДУБЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА?!

> Ты же знаешь, нет там никакой дублирующей системы. И быть не может.

> ЗНАЧИТ, ЗАЩИТА УСТАРЕЛА.

Виллем счел, что на это можно не отвечать. Скоро отец сам узнает, что другие защитные системы, столь же «устаревшие», отлично справились со своей задачей. Разве только одной плотине в Северной Голландии теперь требуется ремонт.

Повинуясь какому-то порыву, он набрал сообщение Т. Р.

> Как вы объясняете людям понятие случайности? Стохастичности?

> Никак. Людям это объяснять беспо-

лезно,

— ответил Т. Р. сразу, словно сидел и ждал сообщения.

> Мне тоже? ☹

> Хорошее объяснение придумали китайцы. Мандат Неба и все такое.

> То есть… дождаться стохастического события… и использовать в своих целях?

> У них получалось.

Виллем хотел ответить, что императоры, которым приходилось отрекаться от престола, были об этом другого мнения, но вдруг остановился. Упоминание Китая заставило его вспомнить о Бо, вчера в спешке — и очень странным путем — покинувшем страну. Бо. Он предупредил, что близится буря, когда никто в Нидерландах еще об этом не подозревал… Виллем ощутил, как покалывает кожу на голове; не брейся он наголо — волосы встали бы дыбом.

> Соболезную беде вашей страны. Пожалуйста, передайте наилучшие пожелания королеве,

— написал Т. Р.

> Спс,

— вот и все, что Виллем сумел напечатать в ответ.

Казарма

Еще одна выгода от того, что тебя поддерживает индийская армия, — доступ к данным индийской военной разведки. Иногда это значит, что на твои очки с ДР-функцией поступают спутниковые снимки, а в других случаях — что-то древнее, словно «Бхагавад-Гита»: например, разговор с бывшим сторожем о том, как проскользнуть в казарму, чтобы тебя не сцапали.

Дело в том, что пару десятилетий на рубеже веков казарма простояла пустой. На это время армия наняла одного местного тибетца, чтобы он заходил время от времени и проверял, все ли в порядке. Теперь майор Раджу нашел этого парня, а тот поделился информацией, что в казарме имеется угольный лаз. В наше время большинство людей решили бы, что лаз для человека, ведущий в канализацию или к электрощитку. Лаз был проделан в фундаменте совершенно неприметельной во всех прочих отношениях стены, обращенной к долине; предполагалось, что уголь будут сгружать из кузова грузовика по желобу в бойлерную, расположенную в подвале. По-

следняя порция угля сгорела здесь лет двадцать назад, бойлер превратился в груду ржавчины. Китайские добровольцы, если чем-то и грелись, то пропаном, который принесли с собой.

Одна из причин, по которой Лакс взобрался сейчас на гору и обозревал казарму в бинокль, состояла в том, что он хотел получше разглядеть угольный лаз, не привлекая к нему внимания. Отсюда лаз был хорошо заметен. Хоть температура теперь редко поднималась выше нуля, солнце растопило снег с этой стороны здания и обнажило прикрытый стальной крышкой люк.

Китайские захватчики забаррикадировали и укрепили на первом этаже все, что хоть немного напоминало двери или окна, однако угольный лаз не трогали. Он был небольшого диаметра, и, возможно, они полагали, что человек туда не пролезет. Что ж, Лакс в самом деле не пролезет. А вот гуркхи…

День пришлось подождать — шел сильный снег. За это время Раджу добыл для Лакса один эксклюзивный предмет. За ним послали вертолет в магазин в Кашмир, за четыреста километров; но дело стоило потраченного топлива.

В ту же ночь, под покровом темноты, гуркхи Школы Лосося — обычно метатели камней, но на

этот раз у них была другая задача — прокрались в долину кружным путем. По пятам за ним шли нерегулярные части. После метели выглянула луна и осветила западный склон призрачным голубоватым светом, так что любую попытку спуститься с горы китайцы сразу бы заметили.

Впрочем, незадолго до того, как солнце озарило противоположный склон, бойцы на шестах из Школы Лосося предприняли ложную атаку (майор Раджу, ходячий словарь военного жаргона, назвал это «отвлекающим маневром»). Лакс остался на месте: растянувшись пластом на спальном мешке, он наблюдал из-за валунов, как его бойцы в красных тюрбанах спускаются на снегоступах в долину. Шли они медленно, неуклюже, совсем не прячась. Но то, что происходило это за час до рассвета в последний рабочий день года (назавтра обещали снегопад, потом еще снегопад, и еще, и ясно было, что на этом все бои закончатся), заставляло им верить. Во всяком случае, поверили китайские часовые, что заметили их в бинокли и выпустили на них свои дроны.

На полпути бойцы с шестами «внезапно застряли» — снег оказался «глубже, чем они думали». Вместо того чтобы, скоординировавшись с осажденным индийским гарнизоном, напасть с

крыши (таков якобы был их план), они теперь беспомощно барахтались в сугробах. Впрочем, осажденные все равно предприняли атаку. Не привела она ровно ни к чему, но в сочетании с явной угрозой от Школы Большого Лосося, очевидно, убедила Лань Лу, что все это всерьез.

Впрочем, как знать? Что у Лань Лу на уме, не догадаешься. Судить можно лишь по тому, что видишь. А Лакс видел сейчас, как в глубоких тенях вокруг казармы — теперь, в рассветный час, здесь стало темнее, чем при свете луны, — крадутся незримые для оккупантов гуркхи, всего с полдюжины. Вот отодвигают стальную крышку лаза и, один за другим, рыбками ныряют внутрь. Прекрасная деталь: последний из них закрыл люк за собой.

На минуту все стихло. Лакс перевел бинокль на бойцов с шестами — и убедился, что те чудесным образом выпутались из своих затруднений.

Где-то в Интернете, должно быть, идут сейчас стримы с китайских веб-камер, установленных на первом этаже. Попозже он непременно их посмотрит. Но сейчас Лакс видел лишь, как несутся через стоянку к боковой двери его иррегулярные бойцы, возглавляемые Сэмом и Джеем. А это значило, что гуркхи выполнили свою следую-

щую задачу: выбрались из бойлерной и — по возможности, наскоком, если понадобится, силой — добрались до двери и открыли ее.

Так начался рейд, в том смысле, как это слово употребляется в кабадди. Нападающие пересекли черту, оказались на вражеской стороне и теперь должны «осалить» столько врагов, сколько успеют, пока не кончится время. А это, скорее всего, случится, едва «Синие Журавли» поймут, что происходит, и начнут отбиваться всерьез.

На стадии планирования труднее всего было внушить Сэму и Джею концепцию тактического отступления. Очевидно, футбольных фанатов жизнь к отступлениям не готовила. Лаксу пришлось углубиться во тьму веков и припомнить битвы, в которых именно этот прием приносил сикхской кавалерии сокрушительный успех. Только когда у Сэма и Джея уложилось в голове, что, выманив врага на открытую местность, можно будет *драться дальше,* — они неохотно согласились.

Так и случилось. Возвращаясь к терминам из кабадди, нападающие осалили всех, кого могли, и со всех ног бросились на свою половину поля. Они вылетели из дверей казармы; одни просто помчались наутек, довольно убедительно изоб-

ражая панику, другие вели арьергардный бой, прикрывая товарищей.

В битве человек повинуется инстинктам. А инстинкт погони сильнее многих прочих. Следом за Школой на улицу высыпала вся Стая. Единственным, кто не поддался угару возмездия, остался сам Лань Лу, заметный издалека благодаря своему шесту, кобальтово-синему с золотым напылением на концах. У прочих членов Стаи шесты были красные или черные, в соответствии со старшинством.

В этот миг Лакс вскочил на сноуборд, который добыл для него майор Раджу, и помчался вниз по склону. Огромный шест, сделанный из многослойного кевлара на космическом заводе близ Дели и украшенный корпоративными логотипами, служил ему отличным балансиром. Воины в тюрбанах, преодолевшие уже большую часть пути, услышали в наушниках о его приближении, взглянули вверх — приветственно подняли шесты и расступились, освобождая для Лакса место в своем ряду.

Доска была отличная, снег тоже высшего качества — куда лучше, чем на лыжнях под Ванкувером. По просьбе Лакса майор Раджу купил в кашмирском секонд-хенде подержанный сно-

уборд, и накануне они его еще малость ободрали, чтобы не бросался в глаза и не выдал себя раньше времени.

Лань Лу, очевидно, приближения Лакса не заметил. Или заметил, но не понял, насколько быстро тот движется. Не сильно-то он разбирался в зимних видах спорта. Так или иначе, не успел Лань Лу оглянуться, как Лакс был уже рядом. Проезжая мимо, одним движением шеста вышиб из-под Синего Журавля ноги, затем сделал широкий разворот на равнине и вернулся к поверженному врагу. Впрочем, остановился на секунду сбросить тяжелые пластиковые ботинки — не лучшую обувь для гатки, в которой требуется прыгать и скакать. При этом он взглянул Лань Лу за спину, на западный склон, озаренный восходом дивной красоты — в последнее время восходы и закаты были просто умопомрачительные, — чтобы проверить, как там его Школа. Бойцы уже почти спустились, а Стая бежала им навстречу.

В носках, проваливаясь в снег по колено, Лакс побрел к Лань Лу. Синий Журавль уже встал, отряхивая снег с длинного чаншанского халата. Ноги целы — вот и отлично. Не спуская глаз с Лакса, враг осторожно повернулся, увидел, где лежит его синий с золотом шест. Подхватил его

одним плавным движением. Скользнул глазами Лаксу за спину — и поднял руку, останавливая троих Синих Журавлей, бросившихся на выручку командиру. Взглядом указал им на казарму. Оттуда уже показался индийский гарнизон, спустившийся с верхних этажей; ловушка готова была захлопнуться.

Лань Лу поднял шест и повернулся к Лаксу лицом в гордой оборонительной позе — той самой, которой Лакс не раз восхищался, просматривая ролики с ним на «Ютубе».

Из-за того, что произошло дальше, посмотреть нарезку этого боя, смонтированную Пиппой, Лаксу удалось очень нескоро. А в самом бою почти до конца не оставляло ощущение, что ему вот-вот надерут задницу. Именно по этой причине Лань Лу большую часть года держался в тройке лидеров. Лакс готовился обороняться против его техник ближнего боя — и не ожидал, что вместо этого развернется полномасштабный поединок на шестах, в котором противники, кажется, ближе чем на два метра друг к другу не подходят. Лань Лу сейчас вообще не использовал обычную технику работы с шестом — он дрался шестом как копьем. И у него чертовски хорошо получалось! Каким-то образом ему удавалось обходить все

защиты Лакса и то колоть его под ребра, то задевать по уху. Это злило и сбивало с толку: никак не ждешь, что тебя ударит в бок или даже в спину противник, стоящий перед тобой футах в шести.

Но слабость всех техник работы с копьем обнаруживается, когда враг подходит ближе — на расстояние, где наконечник копья уже бесполезен. Лаксу вспомнился первый бой с Долбанутыми на берегу Пангонг-Цо — как Сэм рвался к врагу, не обращая внимания на удары, пока не подобрался к нему вплотную. И теперь Лаксу удалось сделать то же самое. Он даже начал блокировать и отклонять удары своим большим стальным *кара.* Теперь его нервные центры сделались уязвимы для опасного китайского кун-фу; однако и Лань Лу, сам того не зная, стал уязвим для коротких и мощных ударов, которые Лакс включил в традиционную гатку. Лань Лу удалось так ткнуть Лакса под челюсть, что тот едва не рухнул; вся левая сторона лица мгновенно онемела. Но падать Лакс начал не назад, а вперед, на врага, — должно быть, это и решило исход поединка. В столкновении, используя последние шесть дюймов своего шеста как силовой ключ, Лакс сумел нанести несколько ударов, от которых Лань Лу завопил и повалился на снег. А потом

поднял руку. Бой был окончен. Большой Лосось победил. В Вегасе деньги перешли из рук в руки — а здесь из рук в руки перешла территория.

Эйндховен

Много лет прошло с тех пор, как Виллем в последний раз читал официальный документ, напечатанный на пишущей машинке.

На документе стояла дата: 14 августа 1962 года. Автором значился Фримен Дайсон[87]. Каждая страница проштемпелевана сверху и снизу печатью «СЕКРЕТНО», однако затем кто-то прошелся по каждому штампу бритвенным лезвием; по всей видимости, это означало, что гриф секретности с документа снят.

Впрочем, в данном случае это не имело значения. И сам Виллем, и все, кто собрался на совещание в корабельном контейнере, по умолчанию имели допуск к подобным бумагам, как секретным, так и нет.

> «ПРОГРАММА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
> Значение новой системы вооружений для стратегической политики и разоружения»

---

[87] Примечания: 87

Американский физик-теоретик, один из создателей квантовой электродинамики (1923–2020).

Далее, в виде эпиграфа, шла цитата из «Изменчивости» Уильяма Вордсворта — пожалуй, именно то, чего ждешь от Фримена Дайсона и от 1962 года.

На первый взгляд — а у Виллема, пока участники представлялись друг другу, нашлось время не только на один взгляд — это был обзор восьми гипотетических новых систем вооружений, беспокоивших военное командование США во время президентства Кеннеди. Некоторые из них (сверхзвуковые низковысотные ракеты, переносные баллистические ракеты) вполне адекватно выглядели и сейчас. Возможно, это объясняло, почему парень из М-16 потрудился распечатать документ в нескольких экземплярах и раздать всем копии. Он прилетел из Лондона сегодня утром и через несколько часов снова улетал. Обращался он к группе из полудюжины нидерландских коллег, уединившись с ними в SCIF — *Sensitive Compartmented Information Facility*, помещении для работы с секретными документами, — вблизи аэропорта Эйндховен. К сожалению, данный SCIF представлял собой переносной блок, встроенный в грузовой контейнер. Ширина его составляла всего восемь футов, и приглашенные участники с трудом в нем помещались. По боль-

шей части это были военные или разведчики. Виллем не относился ни к тем ни к другим; зачем его пригласили, он сам пока не понял.

— Вы, возможно, слышали о Царь-бомбе, — начал англичанин, представившийся Саймоном.

— Крупнейшая взорванная водородная бомба за всю историю, — ответила министр обороны.

Саймон кивнул.

— Русские взорвали ее примерно за десять месяцев до того, как мистер Дайсон написал вот это. — Он положил ладонь на документ. — Любопытно, что при весе в пятьдесят мегатонн бомба принесла гораздо меньше разрушений, чем ожидалось. Почему? Потому что земля твердая, а воздух податливый — и чем выше, тем более разрежена и податлива атмосфера. От земли взрыв, так сказать, срикошетил; дальше направился единственным путем, который был ему доступен, — и, попросту сказать, пробил в атмосфере дыру и рассеялся в космосе. Те, кто этим занимался, сделали вывод, что бессмысленно делать бомбы все больше и больше, что это пустая трата ресурсов. Но Фримен Дайсон понял: крупные бомбы все же могут иметь военное значение, если найти способ взрывать их в такой среде, которая будет контейнировать взрыв

и поглощать его энергию, а не выталкивать в межпланетное пространство. Такую среду мы знаем: это вода. Сценарий, который Дайсон здесь описывает, — начинается он где-то на шестой странице — состоит в том, что мы помещаем очень большую водородную бомбу, куда больше Царь-бомбы, на дно океана вблизи от берега, который хотим атаковать. Это легко сделать незаметно — доставить ее на подводной лодке или просто сбросить с корабля. Когда бомба сдетонирует, вся ее энергия передастся окружающей воде и создаст искусственное цунами, которое обрушится на ближайший берег и, как выражаются наши друзья янки, «кучу народу перебьет и кучу всего снесет к чертям». А «куча» в плане Дайсона — это действительно *много,* можете мне поверить. Мыслил он масштабно.

— Вы что, хотите сказать, что у нас под боком кто-то взорвал атомную бомбу? — недоверчиво улыбаясь, спросил кто-то из нидерландских разведчиков.

— Нет. Как вам известно, атомные взрывы оставляют изотопный след. Кроме того, ядерный взрыв причинил бы куда больший ущерб, чем одна сломанная створка Масланткеринга.

— Тогда к чему здесь этот старый документ?

— Если вы посмотрите на последний абзац на странице седьмой, то прочтете там: Дайсон говорит, что ту же технологию можно применять с использованием не ядерных зарядов, а ДВВ — дробящих взрывчатых веществ. — Саймон поправил очки и зачитал соответствующую цитату: — «*Эта часть предприятия недорога и не требует высокоуровневых технологий. Более того, и установка, и тестирование легко могут быть замаскированы и сохранены в тайне*».

Саймон перевернул документ и хлопнул по нему ладонью, как бы подчеркнув, что дальше отходит от сценария Дайсона.

— Итак. О ядерных бомбах забудем, поговорим об «этой части предприятия», как выражается Дайсон. Он предложил относительно небольшую по масштабу и дешевую пилотную программу, суть которой в следующем: начиняем корабельный грузовой контейнер игданитом или тротилом и сбрасываем с корабля в море.

Наступило короткое молчание. Встреча происходила именно в корабельном контейнере — так что теперь все оглядывались вокруг и пытались вообразить, что это помещение от пола до потолка начинено взрывчаткой.

— Далее, — продолжал Саймон, — детонируем и

измеряем результат. А что считать результатом? Очевидно, вода над местом взрыва вспучится вверх, и оттуда начнут во все стороны распространяться волны. Чтобы вы представляли себе масштаб: стандартный судовой контейнер, начиненный тротилом, обладает взрывной силой более чем в одну десятую килотонны. Если считать округленно, чтобы устроить взрыв масштаба Хиросимы, таких контейнеров понадобится сотня. Но даже один, если море в этом месте не слишком глубоко, может создать вздутие на поверхности воды и систему волн.

— Распространяющихся из этой точки во всех направлениях, — добавил Виллем, — если я верно вас понял.

— Совершенно верно, доктор Кастелейн, — подтвердил Саймон.

— Но в таком случае, мне кажется, волны просто разойдутся в разные стороны и постепенно затихнут.

— При единичном взрыве — да, — ответил гость. — Однако мистер Дайсон, как и любой физик, окончивший хотя бы первый курс, знал о конструктивной интерференции — феномене, при котором две волны, встретившись в определенный момент в определенном месте, создают

третью, намного более высокую волну. В мире математической физики это обычное дело. Но что изменилось по сравнению с 1962 годом? Да то, что теперь у нас есть компьютеры. Системы высокоточного наведения. Расчет времени с точностью до долей секунды, коммуникационные технологии. И так далее. Изменились сами наши представления о том, каким должно быть оружие. Во времена Дайсона, в эпоху холодной войны штабной генерал мог планировать сбросить ядерную бомбу на город и уничтожить его целиком, чтобы избавиться от одного какого-нибудь завода. Конечно, это средство избыточной мощности, но без самонаводящихся боеголовок ничего другого не оставалось. А сейчас мы можем одной крылатой ракетой поразить ключевой элемент этого завода — будь то, допустим, трансформатор или конференц-зал, где проходит совещание руководства, — с точностью даже не до метра, а до сантиметра. Намного чище, намного меньше сопутствующих потерь — и гораздо дешевле. Так что в современном подходе к сценарию Дайсона мы прежде всего избавляемся от ядерной бомбы и остаемся только с контейнерами, полными взрывчатки. Разбрасываем их в точно установленных местах неподалеку от

цели. Детонируем по очереди, в установленной последовательности, рассчитав время до секунды. Индивидуальные волны от одной детонации погоды не сделают. И это, кстати, не баг, а фича. Во время шторма их даже никто не заметит. Они не выйдут за пределы шумового фона. Но, если все верно рассчитать, в одном-единственном месте все эти волны встретятся и создадут волну-убийцу огромных размеров. И если это произойдет прямо перед Маслантккерингом… что ж, в образовавшийся пролом хлынет Северное море и сделает всю работу за нас.

Саймон остановился; наступило молчание. Виллем огляделся вокруг. Он видел, что некоторые нидерландские коллеги все это уже знали, но другие слышали впервые и были поражены. Сам он относился к последним. Чтобы все это переварить, ему потребовалось несколько минут.

Ну что ж, по крайней мере, понятно, зачем его сюда пригласили. Очевидно, вся эта история как-то связана с Бо и с его поспешным отъездом из Маасфлакте в день шторма. Иными словами, Виллема позвали сюда не для того, чтобы ввести в курс дела. Он вызван как свидетель.

— Вы полагаете, наводнение в Роттердаме и Зеландии — результат военной атаки какой-то

иностранной державы? — недоверчиво спросил один армейский генерал.

Его-то явно ни о чем не предупредили, и теперь он был удивлен не меньше Виллема. Однако у Виллема имелось преимущество — несколько странных встреч с Бо в предыдущие несколько недель.

— Вот именно, — ответил Саймон. — Мы считаем, что попытка подобной диверсии была проведена и в устье Темзы, но там оказалась не столь успешной, поскольку подходы к Темзе лучше защищены. У вас нет возможности наблюдать за каналом со стольких углов.

Все, включая и Виллема, понимали, что Саймон несколько приукрашивает действительность. В устье Темзы тоже произошло наводнение, и достаточно сильное.

— Есть какие-нибудь доказательства? Кроме этого? — поинтересовался генерал, хлопнув ладонью по докладу Дайсона.

Отвечая, Саймон не смотрел ему в глаза — и Виллему, быть может, слишком подозрительному, это показалось свидетельством того, что доказательства-то есть, но делиться ими британская разведка не желает. Видимо, тут задействованы конфиденциальные источники и еще более кон-

фиденциальные методы. Однако на этот вопрос у Саймона был готов ответ.

— Должно быть, вы имеете в виду сейсмографические свидетельства взрывов, — заговорил он. — Да, мы их видели. Все вполне очевидно. Сейсмография показывает, где искать улики — обломки контейнеров и другие «следы преступления», лежащие сейчас на дне морском. И мы, несомненно, их найдем. Само собой разумеется, объединив усилия с Королевским флотом Нидерландов. Только искать их, в сущности, *не обязательно*. Пики сейсмографических диаграмм оставляют не больше места для сомнений, чем стрельба перед Букингемским дворцом.

— Выходит, они — кто бы это ни был — знают, что мы знаем.

— Безусловно.

— Но какой у них мотив? — спросила женщина из нидерландской контрразведки. — Я хочу сказать, если они — кем бы они ни были — не собираются дальше вторгнуться в нашу страну. Взрыв не имеет никакого военного смысла. Выглядит как чистый акт вандализма.

Ответил ее коллега Янно, сидящий напротив, которого Виллем знал уже несколько десятилетий. Ему-то, очевидно, обо всем сообщили

заранее.

— Мы считаем, что это политический гамбит. Попытка раскачать публичную дискуссию о глобальном потеплении.

— Но о глобальном потеплении и так все знают! Даже правое крыло по-другому запело после… — она бросила взгляд на Виллема, — после выступления королевы. О геоинженерии.

Поскольку теперь на Виллема смотрели все — кто с неловкостью, кто виновато, — он почувствовал, что пора заговорить.

— Главный вопрос в наше время уже не в том, существует ли глобальное потепление, а в том, что с ним делать. Правые недавно перешли на жесткую прогеоинженерную позицию. После этого мы видели некоторые намеки на то, что так же могут поступить «Шелл» и другие нефтяные компании. Лично мне за последние несколько недель стало очевидно, что тех политических акторов в нашей стране, которые поддерживают агрессивные геоинженерные схемы, вроде той, которая осуществляется сейчас в Техасе, тайно поддерживает Китай. Катастрофа с Маслант-керингом только усиливает их политическую позицию. Что теперь будет с Рюдом Флитстра, я и представить себе не могу.

— Раз уж вы упомянули премьер-министра, — заговорила министр обороны, — у меня есть новость, которую вы все еще не знаете, поскольку мы в SCIF и здесь не работают телефоны. Примерно… — Она взглянула на часы на стене. — Да нет, ровно десять минут назад я стала *исполняющей обязанности* министра обороны. Рюд вышел в отставку. Коалиция распалась. Он известил королеву о необходимости сформировать новое правительство.

— А Рюду обо всем этом сообщили? — спросила женщина из контрразведки, взяв в руки доклад Дайсона. — Он знает, что его — что нас — подставили?

— Знает, — ответила бывшая министр обороны. — Но что толку? Это ничего не меняет.

— Значит, у нас будет новое правительство, — задумчиво проговорил Виллем. — Его формирование может занять несколько месяцев. «Зеленым» и им подобным, партиям, известным своей антигеоинженерной позицией, придется заткнуться — ведь электорат теперь будет требовать решительных мер. Значит, в парламент вполне может войти Мартин ван Дэйк со своими сподвижниками. Простая арифметика.

Многие повернулись к Саймону, который всем

видом показывал, что со своими внутренними делами нидерландцы должны разбираться сами.

— Возвращаясь к вопросу о мотиве, — снова заговорил Янно. — Как видим, китайцы — а это, очевидно, Китай — ценой достаточно скромных расходов и небольшого риска сняли скальп с нидерландского правительства.

— Возможно, и с британского, — добавил Саймон. — У нас все развивается в том же направлении.

Янно кивнул.

— Следующие правительства обеих стран, скорее всего, будут выступать за геоинженерию с таким жаром, какой еще несколько дней назад сделал бы их изгоями в политическом смысле. Т. Р. Мак-Хулиган в Техасе достиг схожего результата — заставил всех заговорить о геоинженерии — просто тем, что занялся ею на практике. И что это все означает для Китая? Да то, что теперь они спокойно продолжат топить свою экономику углем, подавляя самые неприятные побочные эффекты собственными геоинженерными схемами, — под политическим прикрытием нескольких западных стран, которые еще недавно первыми подняли бы крик. Очень недурной результат за скромные деньги, скажу я вам.

Линия Фактического Контроля

Проще всего китайцам было отступить по долине к леднику, что они и сделали. Пуститься за ними в погоню, сдвигая Линию Фактического Контроля в эту сторону, с точки зрения общей стратегии было не слишком разумным решением. Лучше всего было их проигнорировать и вместо этого неторопливо двинуться на восток вверх по правому склону, прежде занятому Китаем. Тогда Линию удалось бы зафиксировать на позиции, более удобной для обороны, по крайней мере, в зимние месяцы. Кроме того, если смотреть на цифры, занятая территория была бы просто больше. Индийцам удалось бы сравнять счет. Так что, разобравшись с казармой, подсчитав раненых и оказав им первую помощь, все, кто мог идти и сражаться дальше, начали взбираться на гору. Лакс, позаимствовавший у одного бойца со сломанной скулой снегоступы, шел впереди. По правую и по левую руку от него двигались бойцы на шестах, камнеметчики, дюжина выживших защитников казармы, а по краям — пестрая толпа иррегулярных бойцов, стримеров и группы

поддержки. Сейчас эта человеческая шеренга и воплощала в себе Линию разграничения. И двигаться на восток быстрее этой живой Линии мешали только снег, крутизна склона и недостаток кислорода, на высоте шести тысяч метров над уровнем моря уже очень заметный. Но еще во время первого утомительного подъема на перевал Рохтанг Лакс уяснил для себя: главное — не останавливаться. Просто идешь себе и идешь. Левой, правой, левой, правой. Станет совсем невмоготу — остановись, сделай десять глубоких вдохов, не больше, и иди дальше.

Лакс прекрасно понимал, что гуркхи легко могли бы его обогнать и взобраться на вершину первыми, что держатся позади только из вежливости. Вместо бега они тратили кислород на обмен впечатлениями от битвы — громко болтали и смеялись. Так что Лакс взошел на гору первым — если не считать троих видеодронов от трех конкурирующих индийских телеканалов, зависших над вершиной, чтобы зафиксировать и передать в прямой эфир установку флага.

Некоторые горы и хребты любят дразнить ложными вершинами. Но не эта. Вершина у нее была одна, и несомненная: скульптурная форма, высеченная ветром из заснеженного камня, с острым

краем, напоминающим топор. Только что Лакс не видел ничего, кроме снега, — и вдруг перед ним, на сотню километров вглубь, открылся Китай.

А совсем близко, можно сказать, под ногами, распахнулась еще одна долина, очень похожая на ту, откуда они пришли, также оставленная растаявшим ледником. Иными словами, еще кусок территории, которую можно оспорить и завоевать. И там, внизу, никого не было.

Или… подождите-ка минуту! Что это за шеренга грузовиков — кажется, всего четыре? До этой секунды невидимые — их замаскировали под сугробы. А теперь из обтянутых брезентом кузовов торопливо выбирались люди. Люди в широкополых, подбитых мехом шляпах с наушниками — китайская зимняя форма. Определенно не добровольцы, а регулярная армия! На миг Лакс испугался, что непонятное оборудование в задней части кузовов — это ракетные установки или что-то в таком роде. Что перемирие подошло к концу, китайцы готовы нарушить соглашение о прекращении огня — и в новой полномасштабной войне он падет первой жертвой. Однако оборудование не походило на оружие. Плоские круглые панели на ножках… солнечные батареи? Но нацелены они не на солнце.

Они целятся в него.

Пожалуй, звук не походил на стрекот сверчков. Пение сверчков тихое, мирное и доносится всегда откуда-то издали. По крайней мере, не из тебя самого. А этот сверчок вылупился прямо у него под черепом — и теперь пилил зубчатой ногой по барабанной перепонке. Перед глазами поплыл туман; Лакс попытался смахнуть слезы, но слез не было. Китай, долина, грузовики — все схлопнулось, как дверца западни, когда он рухнул на спину и потерял сознание.

Informateur

Последним ошметком реальной власти, отобранным у нидерландских монархов, стало право назначать *informateur*'а. После роспуска правительства необходим посредник — человек, который побеседует с лидерами всех значительных политических партий, выяснит их планы, прикинет шансы и постарается примерно определить очертания будущей коалиции. Выполнив эту задачу, *informateur* с поклоном удаляется, а его место занимает *formateur* — как правило, будущий премьер-министр.

Informateur попросту не сможет выполнить свою задачу, если будет проводить встречи публично, под камеру, или официально о них отчитываться. Это придает его работе старомодный дух прокуренных кабинетов, не вяжущийся с общей атмосферой нидерландской политики. Отказаться от *informateur*'а и его роли невозможно: без него не сформируешь новую коалицию. Но можно хотя бы изъять ее из рук монарха. Как и поступили Генеральные штаты в 2012 году, и тогдашней королеве, разумеется, пришлось

смириться с этим обрезанием ее и без того минимальной власти. Для тех, кто хотел бы видеть монархию более полноправной, тема до сих пор неприятна. Зато новый закон вполне удовлетворил тех, кто взирал на королей и королев с подозрением, и укрепил позиции противоположной стороны. Смотрите, говорили они теперь, король действительно не обладает ни малейшей политической властью — так почему бы и не сохранить институт монархии, раз он совершенно безвреден?

Результатом всего этого стало то, что падение правительства Рюда Флитстра не нагрузило королеву Фредерику ровно никакими дополнительными обязанностями. На следующий день после его отставки она могла спокойно заняться тем, чем и планировала и чем занимается перед лицом стихийного бедствия всякий монарх: посещать убежища и разливать суп людям, которых, происходи все это в третьем мире, назвали бы беженцами. Фотограф, ходивший за ней по пятам, запечатлел, как она качает головой, глядя на сломанный батопорт Маслантккеринга, как читает детям сказку, сидя на ковре в каком-то сухом и уютном месте, как успокаивает перепуганных, утешает горюющих — словом, служит ходячей

рекламой коалиции нидерландских благотворительных организаций.

Отсутствие неотложных дел вкупе с тем, что королева не хотела давать комментарии телевидению, привело к тому, что почти целый день она не включала телефон. Только по дороге домой с разрушенной плотины в восточной части страны включила — и обнаружила целую серию сообщений от Лотты, пришедших за последние полчаса:

> OMG ТЫ ЧТО, РЕХНУЛАСЬ???!!

>?????

> Не могу поверить, что ты такое сказала!!

> [плачущий смайлик]

> Наконец загрузился, сейчас посмотрю. И никогда больше не буду с тобой разговаривать!!!

>???

> WTF?!

> Я такого не помню.

> ДА ЧТО ЗА ХРЕНЬ.

> ЭТОГО ЖЕ НЕ БЫЛО!!

> Я ЧТО, С УМА СХОЖУ?

> Ничего себе! Извини, что я на тебя наорала, ладно?

>
ПОСМОТРИ ОБЯЗАТЕЛЬНО И ПЕРЕЗВОНИ!

Дальше шла ссылка на видео.

Продравшись через все это, Саския увидела сообщение от Виллема.

> Нам нужно переговорить об этом видео. Уже 850 000 просмотров.

Больше всего ее встревожило, что Виллем, неизменно хладнокровный и внимательный к деталям, не потрудился ни прислать ссылку, ни хотя бы сообщить об «этом видео» что-то конкретное. Видимо, полагал, что Саския уже в курсе.

Саскии страшно не хотелось заниматься этим в машине. Она предпочла бы сейчас смотреть в окно и наслаждаться покоем. Но похоже было, что долг зовет, — и она выудила из сумки планшет и, борясь с подступающим страхом, вбила ссылку, присланную Лоттой.

Похоже, видео снималось на телефон. Почти сразу Саския узнала время и место: дюны за пляжем в Шевенингене, в день «пенного бедствия» несколько недель назад. Должно быть, одно из множества видео, которые, узнав Саскию и Лотту, снимали в тот день случайные прохожие и сразу

выкладывали в Сеть. На этом Саския пожимала руки родственникам жертв, которые ждали новостей о своих близких, собравшись под навесом. Стример, похоже, продирался через толпу, держа телефон над головой и стараясь не выпускать королеву из кадра — с переменным успехом. Но в какой-то момент ему удалось снять Саскию вблизи и крупным планом. Она даже смотрела почти в камеру, разговаривая с каким-то невидимым собеседником.

— Ужасно говорить «я был прав!», когда речь идет о такой трагедии, — говорила она, — но, как ни печально, именно о такой опасности я пыталась предупредить премьер-министра. Если бы он только ко мне прислушался! Боюсь, следующее подобное бедствие может оказаться много хуже.

Разумеется, ничего подобного Саския никогда не говорила.

Даже голос на видео… нет, это ее собственный голос, и лицо ее, но дикция другая. Как будто запись речи королевы Елизаветы пятидесятилетней давности, пропущенная через англо-голландский синхронный переводчик.

Фальшивая королева выслушала неразборчивый ответ со стороны камеры и закивала.

— Об этом и речь. Наш нынешний кабинет

принадлежит к поколению, свято верящему, что единственный возможный ответ на экологические вызовы — пересесть на велосипеды и собирать макулатуру. Они безнадежно оторваны от реальности. Если бы они увидели то, что обнаружила я, самостоятельно изучив этот вопрос, то поняли бы: климатический кризис — это зияющая рана. Мы истекаем кровью. И прежде всего необходимо наложить жгут. Навсегда? Конечно, нет. Но жгут сохранит раненому жизнь, пока мы не доставим его в больницу и не зашьем рану как следует.

Еще немного послушала, снова кивнула.

— Да. Да. Разумеется. Я говорю о геоинженерии. Это «жгут». Он позволяет выиграть время и применить более долгосрочные решения — улавливание углерода, сокращение выбросов. Но все, кто считает, что срочные меры нам сейчас не требуются, просто не могут выйти из своего идеологического пузыря.

Настоящая Саския, докрутив видео до конца, просмотрела его с начала еще раз. И еще. Телефон разрывался; она его выключила.

Ей случалось читать об опыте выхода из тела — когда человек на пороге смерти или накачанный лекарствами вдруг обнаруживает, что

покинул собственное тело и смотрит на себя откуда-нибудь из угла. Очень похоже, подумалось ей. Даже то, что в описаниях этого опыта упоминается эйфория. Царствующая королева прямо вмешивается в политику, заявляет, что избранное правительство себя не оправдало, фактически агитирует против него — да это величайший скандал за несколько десятков лет. Саския должна быть в ужасе! Но вместо этого ее подмывало рассмеяться — настолько все это было фантастично и нелепо.

Однако к делу. Прежде всего написать Лотте:

> Милая, ты все помнишь правильно. Ничего подобного не говорила. Не обижаюсь и понимаю, как ты была расстроена. Выглядит и вправду убедительно.
>
> Это дипфейк[88]!

— написала Лотта в ответ.

Саския слышала этот термин и знала, что он означает. Но ей никогда и в голову не приходило, что кто-то решит применить эту технику к ней.

---

[88] Примечания: 88

Технология замены одного изображения в видеозаписи другим, позволяющая создавать высококачественные и трудноопределимые фальшивые видео.

К президенту США, возможно. К главе какой-нибудь крупной компании. Но к ней?!

> Посмотрела,

— написала она Виллему.

> Встретимся в ХТБ?

— ответил он.

> Да. Уже еду.
> Я вызвал нашего оператора со всей командой. Сможем записать обращение в течение часа. Пока почитаю о дипфейках и набросаю текст. Фенна с вами?
> Во второй машине, едет сразу за мной.
> Свяжусь с ней.
> Увидимся.

Не так уж часто ворота Хёйс-тен-Бос осаждали фотографы, напор которых сдерживала полиция. Такие сцены привычнее для Букингемского дворца. Но сегодняшний день стал исключением. Кортеж въехал в ворота; Саския сидела прямо и с каменным лицом смотрела вперед. Не хотела,

чтобы ее случайный жест или выражение лица подхватили СМИ и приписали ему какое-нибудь безумное значение. Но, когда автомобиль въехал в ворота и оказался на частной территории дворца, ей вдруг пришло в голову: такие предосторожности больше не имеют смысла. Она мыслит как в 2010 году. А сейчас не имеет значения, что ты делаешь и чего не делаешь: надо будет — неведомый противник сам сфабрикует все что угодно.

По крайней мере, Виллему ничего объяснять не пришлось. Он знал правду. Был с ней в Шевенингене, под тем самым навесом. Он даже мелькает пару раз на заднем плане фейкового видео. Только что он рука об руку с Саскией вошел во дворец; замыкала процессию Фенна с рабочей сумкой через плечо. Все согласно направились в сторону известной комнаты, с книжными полками, сувенирами и картинами на стенах, с окнами, выходящими в уединенный садик. Королева всегда снималась в этой комнате, когда хотела обратиться к народу. У оператора и его команды все было уже готово. Они много раз здесь работали — и знали, как расположить свет, к каким розеткам подключить аппаратуру, чтобы не запутаться в проводах, что делать со

шторами, как поставить рассеиватели и софтбоксы, чтобы убрать блеск и лишние отражения. Тут же рядом была ванная, где могла заняться своим делом Фенна. Из королевской гардеробной уже принесли несколько костюмов и разложили их на диване, чтобы королева могла выбрать. Однако, пока Фенна рисовала Лицо Номер Два, обычно использовавшееся для студийных видео, все пришли к согласию, что обращение будет выглядеть аутентичнее, если Саския останется в том же, в чем ее фотографировали сегодня возле пострадавшей плотины и видели только что у ворот. Покончив с этим вопросом, Саския переключилась на набросанный Виллемом текст и, как могла, постаралась его просмотреть, поворачивая голову туда-сюда по командам Фенны.

В конечном счете говорить-то было особо и нечего. Только самое основное. Подготовка к съемке заняла больше времени, чем сама съемка. Привычное кресло поставили на привычную позицию, отрегулировали освещение, чтобы оно не диссонировало с пасмурным днем за окном. Саския села в привычно-скромную позу, подняла подбородок, повернулась к бегущей строке телесуфлера. Фенна, смотревшая на ее лицо на мониторе, бросилась к королеве, поправила

выбившуюся прядь, припудрила блестящее пятнышко на скуле. А затем Фредерика Матильда Луиза Саския одним махом прочла свою речь с листа.

— Сегодня, несколько часов назад, в Интернет был выложен видеоролик, якобы запечатлевший меня за разговором о кабинете министров и его позиции по вопросу геоинженерии. Этот ролик — фальшивка. Искусная и умело сделанная фальшивка: взяв реальную видеосъемку, сделанную в Шевенингене в день катастрофы, неизвестные лица изменили ее с помощью цифровых технологий, очевидно стремясь подорвать нормальную работу нашей демократии. Сейчас мы не знаем, кто выпустил эту подделку и с какой целью. Начато расследование, но определенные результаты, возможно, появятся очень нескоро, если появятся вообще. Пока же хочу заявить, что моя преданность базовым принципам нашей демократии остается неизменной и что ни при каких обстоятельствах ни я, ни какой-либо иной нидерландский монарх даже не подумает вмешиваться во внутреннюю политику нашей страны таким образом, какой отражен на этом поддельном видео.

Как известно всем, кто следит за политикой Ни-

дерландов, правительство страны вчера вышло в отставку и теперь лишь временно исполняет свои обязанности. Это произошло в согласии с нашими конституционными нормами, без какого-либо моего вмешательства или влияния. В процессе формирования нового правительства, который займет ближайшие недели и месяцы, я также останусь исключительно наблюдателем. В согласии с нашими нормами я буду ждать вердикта законно избранных политических партий и с уважением отнесусь к любому исходу процесса, как и всегда происходило в Нидерландах с момента создания нашей политической системы в нынешней ее форме. Пока же предупреждаю всех граждан Нидерландов о возможности подделок и прошу их с осторожностью относиться к любым видео, на которых, как кажется, я или другие значимые персоны выступают с какими-либо политическими заявлениями.

— Отлично, — высказал свой вердикт Виллем.

— Кажется, в середине я пару раз запнулась.

— Тем лучше. Аутентичнее.

— Что это значит?

— Изготовитель дипфейка постарался бы, чтобы все прошло идеально.

— И что, теперь нам всегда придется об этом

беспокоиться?

Виллем промолчал — видимо, вопрос был дурацкий. Вместо ответа кивнул оператору, и тот вытащил из камеры карту памяти.

— Все почищу, — сказал он, — приделаю заставку и концовку — и через полчаса увидите беловой вариант.

— Чем быстрее, тем лучше, — с нехарактерной для него резкостью ответил Виллем.

— Мусорное любительское видео с хреновым цветом и звуком не решит проблему, которую мы пытаемся решить! — с видом оскорбленной гордости отрезал оператор и вышел из комнаты.

На это у Виллема ответа не нашлось. Но когда видеокоманда начала гасить свет и сворачивать свою аппаратуру, старательно делая вид, что не видят и не слышат «клиентов», Виллем обернулся к Саскии и едва заметно мотнул головой — движение, означавшее: «Нужно поговорить наедине».

За четверть часа он вкратце изложил все, что узнал вчера на совещании в Эйндховене.

— Простите, что вываливаю все это на вас, — закончил он, — да еще и сейчас, в разгар другого кризиса. — И он кивнул в сторону комнаты, где они снимали видео.

— Вы действительно думаете, что это *другой* кризис?

— Нет. Конечно, нет.

— Потому что все явно скоординировано.

— Верно.

— Дипфейк, видимо, изготовили уже некоторое время назад. Они — его изготовители, кто бы это ни был, — могли выложить его и раньше. Но придержали, пока правительство не рухнуло без моего участия.

— Об этом я не подумал, — заметил Виллем. — Вы правы.

— Почему они придержали ролик? Потому что если бы выложили его раньше, до падения правительства, в этом падении обвинили бы меня. Это действительно привело бы к конституционному кризису — и заслуженному.

Виллем кивнул.

— Но, — продолжала Саския, — если видео вышло после того, как совершилась отставка правительства, обвинить меня в антиконституционном вмешательстве невозможно…

— Разве что в излишней прямоте и откровенности. В том, что вы озвучили вслух мысли обычных разумных людей.

— Глас народа, — ответила Саския. — Вот уж

на какую роль я никогда не претендовала! Но, похоже, ее мне навязывают. Скорее всего, те же, кто устроил диверсию на Маслантккеринге.

— Маслантккеринг был гордостью нации, — заметил Виллем. — Символом нашего инженерного мастерства. Его разрушение — огромный психологический шок. Одно из тех событий, что заставляют человека сесть и все переосмыслить. Кто бы это ни сделал — он создал возможность коренным образом переориентировать нашу политику. Да, нас подставили. Но не для того, чтобы навредить. Скорее наоборот.

— Что ж, кто бы это ни был и чего бы ни желал, боюсь, его ждет разочарование, — отрезала Саския.

Кто-то постучал в дверь.

— Готово! — послышался голос Фенны. — Получилось просто отпад!

— Идем! — крикнула Саския. И, вставая, сказала Виллему: — Будем решать проблемы по порядку. Сначала закончим с обращением, потом продолжим наш разговор.

В комнате дальше по коридору оператор и его команда уже включили ноутбук, вывели изображение с него на большой экран и теперь запустили отредактированное видео. Как и все

официальные видеозаявления королевы, начиналось оно с заставки, изображающей королевский дворец с наложенным на него гербом Оранского Дома. Заставка плавно перешла в изображение королевы Фредерики, сидящей за столом. Она произнесла свою речь, и изображение так же плавно перетекло в «концовку».

Все повернулись к Саскии. Однако она едва смотрела на экран. Глазами смотрела, но мысли ее витали в другом месте.

— Все отлично, — сказала она наконец, — выкладываем.

Этот приказ был обращен к королевскому вебмастеру. Название сильно устаревшее — куда вернее было бы называть эту должность «координатор социальных сетей», — но осколки былых эпох постоянно встречаются при королевских дворах. Если Саскию охраняет стража в медвежьих шапках и верхом на конях, почему бы у нее не быть веб-мастеру?

Так что все повернулись к женщине, занимающей эту должность.

Но та ничего не видела и не слышала.

Она неотрывно смотрела в собственный планшет, пораженная каким-то новым ужасом. По правде говоря, у людей, занимающихся пиаром в

соцсетях, это обычное эмоциональное состояние и обычное выражение лица. Но даже по этим стандартам она выглядела глубоко потрясенной.

Наконец, заметив, что все взгляды в комнате обращены к ней, веб-мастер попыталась что-то сказать, но не смогла издать ни звука. Вместо этого пощелкала пальцами перед экраном планшета и развернула его лицом к остальным, чтобы все они увидели то же, что и она.

На экране шло видео. То самое, что они только что сняли, — по крайней мере, так казалось по заставке. Вот заставка померкла, появилась королева Фредерика, скромно сидящая в кресле… только одета она была по-другому. На ней было платье, которое она не раз надевала, выступая перед камерами. Но не здесь. В этой комнате и в этом платье она не снималась ни разу.

И, разумеется, никогда не говорила того, что начала говорить сейчас, в этом видео.

— Сегодня я хочу извиниться перед вами, а затем дать обещание.

— Откуда это? — спросил Виллем.

— Появилось на «Ютубе» четверть часа назад!

На них все зашикали.

— Несколько часов назад было опубликовано видео, на котором меня засняли без моего ведома.

В этом видео я высказываю такие взгляды на премьер-министра и кабинет, какие не следовало бы высказывать вслух правящему монарху. За это я прошу прощения. При всем недовольстве, которое я — как и все прочие граждане Нидерландов — время от времени испытываю по поводу нашего политического процесса, мое положение не позволяет мне об этом говорить. Я позволила себе высказаться, думая, что всего лишь выражаю свои личные чувства в беседе с несколькими убитыми горем людьми, потерявшими в Шевенингенской катастрофе родных и близких. Я поступила наивно, не подумав о том, что мои слова могут услышать, зафиксировать и выложить в Интернет, где они приобретут силу публичного заявления. Еще раз прошу за это прощения.

Теперь, задним числом, ясно, что несчастье, пережитое нами в тот день, было лишь предвестием куда более ужасающих событий на прошлой неделе — событий, которые, среди прочих печальных последствий, привели к отставке правительства. Теперь нас ждет период, когда в течение нескольких месяцев повседневными делами страны будет управлять команда «исполняющих обязанности», в то время как парламентские партии будут формировать новую коалицию.

По традиции в такие периоды временное правительство избегает серьезных политических решений и не вносит поправок в бюджет. Все это хорошо и правильно — в нормальные времена. Но нынешние времена нормальными не назовешь. Мы в эпицентре кризиса, и без серьезных решений нам не обойтись. Я не верю, что мы можем себе позволить сидеть сложа руки в течение нескольких месяцев бесконечных переговоров, какие требуются в нормальные времена для образования новой правящей коалиции. Поэтому даю вам обещание: я сделаю все, что в моей власти — хоть моя власть как конституционного монарха строго ограничена, — чтобы ускорить этот процесс и побудить враждующие партии объединиться и действовать. Для этого я предлагаю на роль *informateur* Виллема Кастелейна. У меня отсутствует официальное право назначать кого-либо на эту должность, однако ничто в Грондвете или в законодательстве не мешает мне высказать личное мнение о том, кто, на мой взгляд, наиболее квалифицирован для выполнения этой задачи. Надеюсь, лидеры политических партий согласятся со мной и безотлагательно назначат его на эту позицию, с тем чтобы запустить процесс как можно скорее. Если это будет

сделано, я верю, что доктор Кастелейн сумеет сформировать новое эффективное правительство не за несколько месяцев, как обычно бывает, а за несколько недель или даже дней. Благодарю вас, всем доброго вечера.

Чувствуя, что все взгляды устремлены на него, Виллем решился наконец проверить телефон. Звук он выключил полностью. Однако само количество сообщений ясно указывало: все это им не померещилось и не приснилось. Сообщения сыпались, словно монеты из игрового автомата, где выпал джекпот.

— Нужно выпустить заявление… — начала Саския.

— Объявить, что вполне правдоподобное извинение, которое мы только что видели, — на самом деле фейковое извинение за другое видео, которое тоже фейк? — поинтересовался оператор.

Быть может, ему это только казалось; но Виллем не мог отделаться от ощущения, что кое-кто из присутствующих смотрит на него… не совсем дружелюбно. То же ощущение возникло у него вчера в Эйндховене. Для некоторых нидерландцев он остается чужаком: какой-то непонятный полуамериканец, полукитаец. Его семейные связи с Китаем, свободное владение мандаринским,

недавние контакты с Бо — которые он старался изложить на бумаге как можно подробнее, чтобы избежать даже намека на что-либо недолжное, — все это теперь, после выхода второго дипфейка, начало вдруг выглядеть подозрительно.

Удостоверение на шее — белая карточка на оранжевом шнурке, открывавшая Виллему двери в этот дворец и во многие другие помещения, куда «людей с улицы» не допускали, — вдруг показалось ему непомерно тяжелым. Не давая себе времени задуматься, он снял с шеи шнурок, и удостоверение повисло в воздухе.

— Пока эта ситуация не будет разрешена, — объявил он, — дабы избежать даже намека на какой-либо конфликт интересов, я ухожу в бессрочный отпуск.

Уронил удостоверение на стол и повернулся к дверям.

Взгляд его скользнул по лицу королевы — потрясенному, убитому лицу. Первое желание Виллема, порожденное давней привычкой, было броситься ей на помощь. Хладнокровно проанализировать ситуацию, предложить несколько решений на выбор, составить план. Все уладить, все загладить…

Но порой складываются ситуации, в которых

король, даже лишенный власти, должен быть настоящим королем. И принимать решения самостоятельно. Сейчас как раз такой случай.

— Прекрасная нынче погода, — сказал он. — Разрешите, я одолжу велосипед?

Восемь месяцев спустя

Есть старый анекдот о человеке, который ехал куда-то с аккордеоном на заднем сиденье. Остановился возле забегаловки в сомнительном районе, зашел перекусить; выходит — а у него заднее стекло вдребезги. Как так? Что украли? Бежит к машине — и видит, что, пока его не было, какой-то сукин сын подбросил ему второй аккордеон и смылся!

В прошлой жизни, когда Руфус пытался управлять фермой, он обнаружил, что этот анекдот объясняет многое в фермерском и ранчерском быте. Едва кто-то узнает, что у тебя имеется пятьдесят акров земли, — тут же вспоминает, что племянник сдуру завел огромного пса, которому тесно в квартире, или что у кого-то собака ощенилась, а топить лишних щенков жалко. И решает, что твоя ферма — самое подходящее для них место. Или заводит разговор о том, что старая машина, которую он все никак не починит, занимает много места в гараже, и хорошо бы ей до починки перекантоваться где-то еще — а ведь на пятидесяти акрах найдется куда ее пристроить,

верно?

Именно этим и объясняется состояние великого множества ферм и ранчо, которые повидал Руфус за свою жизнь. Начинаешь с простыми и чистыми намерениями — а через пару десятков лет вдруг обнаруживаешь, что живешь на помойке, совмещенной со зверинцем и кладбищем автомобилей. Если только не научишься говорить «нет» и не побоишься прослыть неприятным человеком.

Но Мраморный карьер Руфусу не принадлежал, так что он не обладал здесь правом вето. Когда по ранчо «Летящая S» разнеслась весть, что Руфус приютил у себя Билдада, поставил для него бак с водой и запасся сеном, он оглянуться не успел, как Билдаду составила компанию престарелая кобыла Голди и двое мулов, Тракер и Пэтч. Работники ранчо, привезшие весь этот табун в трейлерах, пообещали, что ненадолго. Просто весь скот время от времени переводят на новое место, чтобы отремонтировать и переустроить старые конюшни. Пусть пока поживут здесь, это чисто временная мера.

Руфус насквозь видел всю фальшь этих заверений. Но спорить не стал, ибо не хотел терять работу, просто заказал в Интернете дополнитель-

ные товары и услуги для новых жильцов.

Присутствие всех этих животных и запах сена привлекли мустанга, по всей видимости, старого товарища Билдада. Руфус назвал его Пелег — еще одно имя из «Моби Дика». Но все вокруг стали звать коня Пеглег — «деревянная нога», из-за того, что на одной из передних ног у него был белый «чулок». Руфусу скоро надоело поправлять и объяснять, что деревянная нога была вовсе у Ахава, и мустанг так и остался Пеглегом. Тордис сеном соблазнила его зайти в загон, а Руфус успокоил настолько, что ветеринар сумел подойти к нему вплотную, вколоть наркоз и отрезать яйца, которые этому коню явно жали. От операции Пеглег быстро оправился и стал примерным членом общества, так что Руфус без особого труда приучил его к седлу и узде.

Что верно для лошадей и мулов, верно и для орлов. Этим птицам требуется разное специальное оборудование, частое кормление сырым мясом, экзотические ветеринарные препараты; но, если уж все это есть, нет особой разницы, одного орла держать или нескольких. А где орлы — там и сокольники; ведь орел привязывается к конкретному человеку и не желает работать ни с кем другим.

С Тордис — как и с Руфусом, как и еще примерно с тысячей человек — Т. Р. обменивался личными сообщениями. И она — как и сам Т. Р., и Руфус, и все прочие, кто не вылетал из этого списка через три дня, — понимала, как этим каналом пользоваться. Писать нечасто, делиться только хорошими новостями или какими-нибудь интересными идеями, которые порадуют и развлекут великого человека в свободную минуту. В результате этой переписки, по причинам, которые Руфусу так никто толком и не объяснил, на ранчо появилась маленькая монголка по имени Цолмон с огромным беркутом Чингисханом. А три недели спустя к ним присоединился нидерландец Пит, работавший над изначальным проектом в аэропорту Схипхол. И с ним Скиппи, еще одна самка беркута, названная в честь аэропорта.

Приблизительно в то же время Руфус начал спрашивать себя: какого черта он здесь вообще делает? Уже довольно давно он понял: Т. Р. — ходячее воплощение того, что в наши дни называется СДВГ[89]. Хватается то за одну идею, то за другую; какой-то (небольшой) процент этих идей приносит деньги. Словно те-

[89] Примечания: 89
Синдром дефицита внимания с гиперактивностью.

хасский нефтеразведчик былых времен, из тех, что просто ездили по Техасу и бурили наудачу, надеясь где-нибудь наткнуться на нефть, чудом перенесся в наше время. Те инициативы, что быстрых денег не приносили, в бухгалтерии Т. Р. переходили в категорию «особых проектов», продолжали финансироваться — нерегулярно и по малопонятным принципам — и вели жалкое существование, пока кто-нибудь не решался положить им конец. Как правило, пока Т. Р. смотрел в другую сторону. Обитая в сей юдоли скорби, «особые проекты» бродили во тьме, порой сталкивались друг с другом и вступали в сложные отношения. И сам Руфус, «дрон-рейнджер», был не более чем одним из таких особых проектов. Весь полезный выхлоп от него пока состоял в обустройстве карьера и приручении одичалой лошади, которой цена доллар в базарный день. Сказать, что Т. Р. планировал поселить на карьере целую компанию орлов вместе с сокольниками, значило бы сильно преувеличить. Просто Тордис слала ему в мессенджер что-то такое, что, похоже, Т. Р. нравилось. Руфус не знал, получали ли Цолмон и Пит зарплату или им просто позволили здесь жить. Но, как видно, их все устраивало. Да и его тоже. Молчаливая Цолмон оказалась

любительницей и знатоком лошадей и сразу взяла над ними шефство. Пит, лет сорока, но с фигурой пятнадцатилетнего циркового акробата, неустанно практиковался в ракинге — попросту говоря, в ходьбе по пересеченной местности с тяжелым рюкзаком за плечами. Словом, все эти новые жильцы не доставляли ему хлопот и почти ничего не стоили.

Постепенно Руфус пришел к выводу, что его работа на ранчо может окончиться в любой момент, без предупреждений и объяснений; но, пока топор не просвистел над головой, можно попробовать сделаться полезным для сокольников, которые, по-видимому, у Т. Р. сейчас в фаворе. Для этого следовало отказаться от мысли, что он со своими дронами может как-то усилить охрану ранчо — сделать то, чего еще не делают «Черные шляпы». Все свое знание дронов он поставил на службу специальному проекту, ради которого прибыли сюда Скиппи, Чингиз и Нимрод: идеи — выдвинутой много лет назад Питом, развитой Тордис, принявшей ценные поправки и дополнения от Кармелиты и Цолмон, — что специально обученные орлы смогут защищать территорию от вражеских дронов. Проект «Схипхол» был свернут в значительной мере из-за протестов

зоозащитников. Но на ранчо «Летящая S» — как и на любом другом ранчо в Западном Техасе — зоошизу в глаза не видывали, а если бы и увидели, то не оценили.

Для начала, однако, Руфусу требовалось разрешить одно сомнение, беспокоившее его с той минуты на вершине горы, когда сокольница стянула с головы Нимрод колпачок и вместо орлана Руфус увидел перед собой беркута. Это сразу превратило затею из личного в семейное дело. По определенным причинам Руфусу пришлось вернуться в Лоутон и удостовериться, что, участвуя в программе, превращающей орлов в оружие, он не станет изгоем в собственной семье. Так что он попросил отгул на пару дней, сел в пикап и проехал пятьсот миль на востоко-северо-восток — туда, где родился и рос до восемнадцати лет.

Как обычно, он ехал по улицам, по которым бегал мальчишкой, и каждый поворот вызывал новые воспоминания из прошлого. Лоутон и огромная военная база Форт-Силл сплелись друг с другом, словно двое борцов на татами. Большинство жителей города были военными: бывшими, настоящими, будущими. Была здесь пара четко очерченных трущобных кварталов, встречались изредка люди, не стригущие лужайку перед

домом, но это лишь подчеркивало общую аккуратность и чистоту.

Город был просторный — все здесь выстроено задолго до возникновения современной моды на тесноту, на дома-коробки и узенькие проходы между ними. Со времен его детства изменились только старые дорожные знаки: стали, как везде, электронными, и в нижней части табло теперь бежали рекламные объявления о вакансиях или обновленном меню. Этакий глазок в виртуальный мир прямо посреди улицы. Булочная ищет надежного пекаря. Две мили спустя: в магазине автозапчастей имеется вакансия для надежного продавца. Надежность — вот главная добродетель в глазах лоутонских менеджеров. Интересно, сколько из тех, что ходят пешком, ездят на велосипедах или на скейтбордах по этим улицам, выдержали проверку на надежность?

В молодости Руфус полагал, что недостаток надежности присущ именно Лоутону, однако, завербовавшись в армию, обнаружил, что этот феномен распространен повсеместно. Если ты один из немногих, кого судьба одарила благословением (или проклятием, как посмотреть) надежности — тебе открыты все пути. Мир, жаждущий надежности, то и дело будет втягивать

тебя в ситуации, которые юнцу, еще вчера грузившему репу в Лоутоне, покажутся пределом мечтаний, — но скоро ты поймешь, что стоит подумать, прежде чем отвечать «да». Из-за этого в конечном счете Руфус и оказался здесь. Т. Р. поставил напротив его имени галочку в графе «надежный». Это повод порадоваться — но и быть начеку.

У Руфуса имелось племенное удостоверение, но сам он редко называл себя команчем. Не хотел показаться самодовольным индюком или — того хуже — одним из тех позеров, что выдают себя за индейцев. Стоит получить такой ярлык — потом не отмоешься. Однако так уж вышло, что именно команчская ветвь его семьи, когда Руфус приезжал в гости, встречала его гостеприимнее, радостнее… да, попросту говоря, с большей любовью, чем другие родственники. Быть может, потому что приезжал он нечасто.

Он свернул на север, к Команчской реформатской церкви. Это массивное здание из красного кирпича стояло здесь всегда. Здесь он впервые услышал имена вроде Билдада и Пелега — из Библии, которую пастор зачитывал с кафедры. Но до недавнего времени не придавал никакого значения тому, что церковь основана голландскими

миссионерами. Недавние события заставили его об этом задуматься. Да, формально это ответвление Нидерландской реформатской церкви, к которой принадлежит Саския. Он бывал здесь на всех положенных крестинах, свадьбах и похоронах, но никогда не думал, что это связывает его с Нидерландами, и уж конечно, даже вообразить не мог всю эту историю с Саскией. Чем дальше, тем больше все происшедшее казалось ему каким-то сном.

К северу от военной базы местность стала чуть более холмистой; появилось немало молодых деревьев, дающих тень, но и пропускающих достаточно света, чтобы трава продолжала расти и кормить коров и лошадей. Везде здесь были дороги: пересекали ручьи и реки, огибали озера, взбирались на холмы и спускались в низины — а вдоль дорог, словно бусины на нитку, были нанизаны участки в сто шестьдесят акров, именуемые *наделами*.

Надел, которым владела сейчас его бабка Мэри, был чуть меньше остальных: несколько десятилетий назад часть его скрылась в водах рукотворного озера. Однако потеря обернулась приобретением — земля на берегу озера выросла в цене. Как часто случается, со временем права

на надел оказались поделены между десятками потомков первого хозяина, получившего его когда-то от правительства. Из-за этого им стало сложно управлять. Часть надела сдавалась в аренду под добычу торфа. Часть низины возле озера поросла можжевельником, кедром и мескитовым деревом: всё инвазивные виды. В старые времена их сдерживали бизоны, поедавшие молодые ростки, но теперь деревья заполоняли все вокруг. Пятнадцать лет назад Мэри и еще трое родственников, поднапрягшись, выкупили землю у всех остальных; Руфус тоже в этом участвовал. По выходным порой появлялся здесь с бензопилой и помогал очищать озерный берег от разросшегося кустарника. На очищенном берегу поставили трейлерный парк на семьдесят пять мест. У половины трейлеров были постоянные жильцы, в основном отставные военные со слабостью к рыбалке. Другая половина предназначалась для отпускников. Трейлеры располагались буквой L вокруг сборного домика, служившего и офисом, и резиденцией для Мэри и некоторых ее потомков — дядюшек, тетушек, двоюродных братьев и сестер Руфуса. Чтобы туда попасть, нужно было проехать по краю бывшей торфяной разработки, ныне огороженной и служащей загоном для трех

лошадей и ослика. О лошадях рассказывали: это потомки тех, что пережили зверства армии США во время Войны на Красной реке. Тогда, видя, что команчей не удается победить в бою, белые перебили всех бизонов, а табуны коней загоняли на утесы и заставляли бросаться вниз. Индейцы остались без пищи — и голод принудил их сдаться.

– *Weh! Weh!* — таким призывом встретили Руфуса родные. Это означает «заходи, заходи!» Можно было подумать, его ждали — хотя, вернее всего, кто-то из кузенов заметил его на заправке в Лоутоне и возвестил о его прибытии в соцсетях.

Руфус вошел в трейлер, и все дальнейшие беседы велись уже по-английски. За одним исключением: бабушка всегда называла его *Eka*. На языке команчей это значит то же, что по-английски Рэд — «рыжий». В детстве волосы у него отдавали рыжиной, и теперь при каждом визите бабушка приподнималась на цыпочки и дергала Руфуса за курчавую шевелюру, делая вид, что ищет рыжие корни.

Тянуться ей приходилось высоко. Как и многие в племени, Мэри была крепкой и коренастой, но ростом не могла похвастаться даже в молодые годы. А теперь ее согнуло время — ведь ей было

уже почти девяносто. Генетическую базу относительно высокого роста Руфуса следовало искать в других ветвях семейного древа. Быть может, у прапрапрадедушки Хопвелла (хотя никто и никогда не измерял его рост), но скорее у Боба Стейли, деда с материнской стороны, метиса из осейджей. Осейджи славятся высоким ростом так же, как команчи — низкорослостью; поговаривали, что, если заглянуть в глубину веков, среди осейджских предков Руфуса найдутся Бегуны — прославленные воины, что могли в разгар боя догнать низкорослую команчскую лошадку, схватить за хвост и опрокинуть наземь. Вот почему команчи, готовясь к войне с осейджами, подрезали или подвязывали своим лошадям хвосты.

Большой Боб служил в ВМС и всю корейскую войну провел на фронте. Оттуда привез себе невесту-кореянку и поселился вместе с ней поблизости от Форт-Силла, где было немало корейцев, чтобы молодая жена не чувствовала себя отрезанной от мира. Их старшая дочь встретила отца Руфуса и вышла за него замуж, но брак оказался коротким и несчастливым. Все это поколение вышло каким-то неудачным — хилой, малоплодной ветвью семейного древа. Мать Руфуса погибла молодой в автокатастрофе, а отец,

выражаясь вежливо и обтекаемо, «в семейной жизни не участвовал»: обаятельный лгун и азартный игрок, он исчез с горизонта, когда родным и близким надоело терпеть его художества. Руфус тогда был подростком. Все это объясняет, почему сразу после школы он завербовался в армию, объясняет и то, почему, отслужив свои двадцать лет, вышел в отставку еще вполне здоровым и крепким.

Материнская ветвь семьи, та, где кровь белых и осейджей смешалась с корейской, всегда отличалась наклонностью к пламенной религиозности. Она произвела на свет многочисленных кузенов и кузин, которых Руфус знал не слишком хорошо: бесконечная болтовня об Иисусе нагоняла на него тоску. Так что — методом исключения — всякий раз, возвращаясь в эту часть страны, он шел повидать свою девяностолетнюю бабку Мэри, двух ее дочерей и их потомство, тесными семейными и социальными связями сплетенное с индейской общиной Лоутона, так называемой ККА — «кайова/команчи/апачи».

Едва разнеслась весть, что приехал Руфус, как к Мэри со всех концов начали съезжаться дальние родственники и знакомые. На берегу озера затеяли барбекю. Руфусу, привыкшему к уединению,

приходилось подавлять инстинктивную реакцию «бей или беги», когда к нему один за другим подходили поздороваться смутно знакомые и даже вовсе незнакомые люди. Разговоры вертелись вокруг двух тем: 1) дружеское подшучивание над высоким ростом, необычным видом, странным образом жизни Руфуса, часто смягчаемое восклицанием: «*Кее!*», что означает: «Шутишь!» или «Да ладно!», и 2) более серьезные поздравления с победой над Пятачком. Эта история — в которой, однако, не упоминалось, что большую часть работы за Руфуса выполнил самолет, — каким-то образом сделалась всем известна и вошла в семейные предания. Разумеется, первая часть — то, что случилось с Аделью, — всем была давно известна. Потом как-то разнеслась новость, что Пятачка больше нет и что Руфус имеет к этому прямое отношение. А дальше воображение родственников заполнило лакуны деталями, представляющими Руфуса в самом героическом свете. Объяснить, что произошло на самом деле, было нереально, да и незачем — так что Руфус просто кивал и принимал комплименты.

Все это оттягивало серьезный разговор, ради которого он приехал, — разговор с Мэри. Точнее, с Мэри и тетей Бет, основной ее помощницей и

хранительницей семейных преданий. Наконец барбекю было съедено, все разошлись по домам, детей уложили спать — и Руфус обнаружил вдруг, что сидит у догорающего костра в вечерней прохладе и никого, кроме Мэри и Бет, больше нет рядом. Тогда-то он и рассказал им все, не считая того, что подписал обязательство не разглашать.

— Я не хочу с вами ссориться и не хочу впутываться в то, что в ваших глазах выглядит святотатством, — сказал Руфус. «Вы» означало тех его родных, что жили в Лоутоне и считали себя команчами. — Но дело в том, что я участвую в проекте, в который вовлечены орлы.

— «Орлы»? Военные самолеты? — переспросила Бет.

— Нет, мэм. Птицы. В Западный Техас съехались несколько сокольников — это люди, приручающие хищных птиц, — из разных стран света. Все это часть работы, о которой я не имею права говорить. Но суть в том, что эти орлы выращены людьми, они ручные, и люди приучают их использовать свою орлиную силу определенным образом…

— Орланы? — требовательно спросила Мэри.

— Нет, беркуты.

— Хорошо! — кивнула Мэри.

Бет тоже кивнула.

— Правильно, к черту их!

С патриотической символикой США, список которой возглавляют белоголовый орлан и звездно-полосатый флаг, индейцев связывает долгая история и в лучшем случае противоречивые чувства. Многие индейцы в этой части страны служили в армии и отдавали честь флагу; но никто не забывал, что изображение белоголового орла и красно-сине-белый флаг были последним, что многие их предки видели в своей жизни.

— Это я понимаю, — торопливо ответил Руфус. — Когда команчи говорят об орлах — разумеется, это всегда беркуты. Орланы команчей не интересуют.

Мэри снова кивнула. Бет вполголоса обменялась с ней несколькими словами, среди которых Руфус расслышал *pia huutsu* и *kwinhai.* Второе, как он точно знал, обозначало беркута, первое, как предположил, — белоголового орлана. Затем обе старухи выжидательно на него уставились.

— Но это не проясняет мое положение, мэм, — продолжал Руфус. — Понятно, что вам дела нет до *pia huutsu* и вы почитаете *kwinhai*. Но от этого, возможно, все становится только хуже. Видите ли, я участвую в проекте, в котором *kwinhai*… ну,

за неимением лучшего слова, их используют.

Бет кивнула; ей все стало ясно. Затем повернулась к Мэри, и минуту или две они что-то оживленно обсуждали вполголоса на смеси команчского и английского с тягучим оклахомским выговором.

— Наши предки никогда не делали того, что делают эти… сокольники. Мы орлов ничему не учили. Просто ловили их и держали в плену, — сказала Мэри. — Ради орлиной магии — ты ведь знаешь, что некоторые люди обладают орлиной магией, — и ради перьев.

— Конечно, знаю! Значит, вы считаете, можно…

— Ты говоришь, эти сокольники съехались туда со всего света, — заговорила Бет. — Команчей среди них нет, верно?

— Разумеется, нет.

— Тогда мы не можем судить о том, можно ли им приручать и тренировать орлов. Другой народ, другая вера… это не наше дело.

— Да, но я тоже с этим связан. Не хотелось бы проявить неуважение к нашим традициям.

— А для чего используют этих *kwinhai?* — спросила Мэри. — Что они делают?

— Охотятся на кроликов? — подхватила Бет. —

Разве не для этого сокольники тренируют хищных птиц?

— Они сражаются, — ответил Руфус. — Учатся отбивать нападения. Думаю, это я вправе сказать.

— Тогда все в порядке! — улыбнулась его бабушка.

Сокольники опасались, что вращающиеся пропеллеры повредят птицам когти. Пит, как и Цолмон, был не любитель поболтать, но на «свою» тему мог говорить бесконечно. Однажды он предложил Руфусу взяться за насест Скиппи и сравнить размер своей ладони с орлиной лапой. Пальцы у птицы — если считать и длинные изогнутые когти — оказались почти такой же длины.

Не то чтобы Руфусу нравилось совать пальцы в пропеллер дрона во время полета. Лопасти у этих пропеллеров очень легкие, но крутятся быстро. Палец не сломают, но порезать могут серьезно.

Теперь он начал понимать, чем может быть полезен. Само по себе приручение и тренировка орлов явно не для него. Целый мир сложных ветеринарных процедур, странное общение человека и птицы, постоянная возня с дохлыми грызунами — все это его не прельщало. И даже если каким-то

чудом он всему этому научится, что толку? Орел слушается только одного человека: и у всех орлов на Мраморном карьере свои люди уже есть.

Но если цель этого «особого проекта» — возродить начатую и брошенную в Схипхоле затею по борьбе с дронами, кое-чем помочь Руфус все-таки может. Для начала может собирать обучающие дроны, единственная задача которых — чтобы орлы рвали их в воздухе: пропеллеры для них можно делать с круглыми лопастями, не столь опасными для лап атакующего орла. Так у сокольников появится возможность безопасно тренировать своих подопечных.

Впрочем, не стоит ожидать, что враги — кто бы они ни были — позаботятся сделать свои дроны безопасными для орлов. Поэтому вторую часть своей задачи Руфус видел в том, чтобы сконструировать для птиц «перчатки»: легкие, но крепкие чехлы, как в средневековых рыцарских доспехах, которые можно надеть орлу на лапы для защиты от вращающихся пропеллеров. Наткнувшись на «доспех», пропеллер останавливается, а орел обхватывает дрон лапами, протыкает когтями и крушит, словно грудную клетку какого-нибудь зазевавшегося кролика.

В эпоху до изобретения 3D-принтеров создание

«орлиных перчаток» стало бы сложной задачей; теперь ничего сложного в этом не было. Более того, у Руфуса появился повод заказать 3D-принтер подороже, способный изготавливать более легкие и прочные вещи. Постепенно Руфус понимал: такие начальники, как Т. Р., любят, когда тратишь их деньги — в разумных пределах, конечно. Это показывает, что ты чем-то занят.

Короче говоря, Руфус бросил — или, по крайней мере, отложил на будущее — претензии на то, что патрулирует воздушное пространство над ранчо своей личной армией дронов, и все силы направил на помощь Тордис, Кармелите, Цолмон и Питу в тренировке орлов. На военном жаргоне они были «командой синих», готовящейся защищать ранчо от врага, он — «командой красных», симулятором противника, к сражению с которым готовились «синие». И прозвище Рэд, которым здесь его звали все, отлично сюда подходило. У Руфуса снова появилась история, которую он мог рассказывать самому себе, сидя в прохладной тени карьера и латая дроны, распотрошенные разъяренными хищниками, — история о том, зачем он здесь и какой во всем этом смысл. Эту историю он рассказал бы и Т. Р., если бы тот спросил. Но Т. Р. не спрашивал.

Киберабад

— Мы считаем, что ты готов ходить, — сообщила доктор Банерджи, когда его извлекли из резервуара, сняли с головы прозрачный шар, отсоединили провода за ушами и дали возможность принять душ и одеться.

В первые дни после того, как к нему вернулось сознание, «одежда» для него означала больничную рубаху-распашонку. Теперь он носил футболки, тренировочные штаны и простую повязку на голове. Ни одну футболку не приходилось надевать дважды: каждый день появлялись чистые. В основном с названиями и логотипами команд кабадди, изредка упоминался и хоккей. Что такое кабадди или хоккей, он теперь представлял себе очень смутно; но, как видно, их любители были готовы делиться одеждой.

Что до повязки, первое время он не совсем понимал, что это: то ли какое-то медицинское приспособление — с его головой чего только не делали! — то ли просто головной убор. Некоторые из тех, кто его навещал — в основном они называли себя его родными и друзьями, — тоже носили

повязки на головах. Как правило, намного сложнее, чем у него. Ему почти всю голову выбрили по медицинским причинам, а они отращивали длинные волосы, закручивали их в этакий узел надо лбом и обвязывали сверху повязкой, которую называли «тюрбаном». На правом запястье они носили такие же металлические браслеты, как у него, и это тоже что-то значило.

Сейчас он сидел в кресле-каталке в своей «гостиной», а напротив за столиком устроилась доктор Банерджи, симпатичная женщина лет сорока. И по обеим сторонам от нее обычная свита: пара… трудно сказать, кто они такие. Помоложе, на вид сообразительные и энергичные, всегда улыбаются.

— Я уже несколько недель хожу, — сказал он.

— Я имею в виду, без ходунков, — уточнила она.

«Ходунками» у них называлась кубическая рама на колесиках, внутри которой передвигался он до сих пор, когда ему случалось ходить. Рама предотвращала падение и серьезные травмы, когда он терял равновесие.

— Сегодняшние результаты более чем обнадеживающие. За последние несколько недель проприоцепция у тебя стабильно улучшается,

но в последние дни это что-то фантастическое. Нам наконец-то удалось прочно подключить твой мозг к гироскопам! И одновременно начали «схватываться» нейронные цепи. То и другое вместе позволяет сказать, что чувство равновесия у тебя сейчас лучше, чем у олимпийских гимнастов, проприоцепцию которых измеряли в ходе контролируемых экспериментов…

— Ладно, тогда к черту все это, — сказал он.

Одним движением отстегнул ремень, приковывающий его к креслу, и встал. Кресло, оттолкнувшись от его ног, покатилось прочь и с металлическим звоном ударилось о стену. Доктор Банерджи ахнула от ужаса. И зря. Где он находится *в пространстве* — он знал точно.

— Не так резко, Лакс! — воскликнула она.

Лакс. Еще одно из его имен.

— Пожалуйста, сядь! Сначала нужно провести проверку в контролируемой среде…

Доктор Банерджи вскочила, словно хотела удержать его силой. Забавная мысль: весила эта женщина вполовину меньше Лакса. Потеря равновесия не мешала ему заниматься на тренажерах, и он быстро нарастил мышечную массу, потерянную за те несколько месяцев, пока лежал без сознания.

А вот ее коллеги только радовались. Переглядывались с улыбками, жестами поздравляли друг друга. Один даже достал телефон и сделал фото.

— Вот так вы можете? — спросил Лакс. Оторвал ногу от пола и, стоя на одной ноге, закрыл глаза. — Считайте! — потребовал он.

Кто-то начал считать:

— Миссисипи-один, Миссисипи-два, Миссисипи-три…

Услышав цифру «тридцать», Лакс открыл глаза. Стоит. Недвижимо, как скала. Не качается, не взмахивает руками.

— Не могу, — признала доктор Банерджи. — Так могут очень немногие.

Те полминуты, что простоял на одной ноге с закрытыми глазами, он переваривал имя Лакс. Оно вызвало одно воспоминание — недавнее.

Он подошел к широкому, от пола до потолка, окну. «Номер» располагался, должно быть, этаже на тридцатом, так что из окна открывался потрясающий вид на залитый солнцем городской пейзаж, по большей части из новых офисных зданий от пяти до пятидесяти этажей. На некоторых сияли логотипы и странные слова — должно быть, названия компаний. Все это место называлось

Киберабад[90]. Район намного более крупного и старого города под названием Хайдерабад. Все эти детали он выхватил из разговоров, разбросанных по последним нескольким неделям, — разговоров, которые едва помнил; но теперь все вдруг сложилось в единую картину. Начало «схватываться», как выразилась доктор Банерджи.

Когда Лакс подошел к окну, доктор Банерджи резко втянула в себя воздух. Должно быть, испугалась, что он завалится вперед и вылетит, разбив стекло. Ну и зря. Чувство собственного положения в пространстве было у него сейчас превосходным. Он даже точно знал, в каком направлении смотрит: около 325 градусов от севера.

Внизу и напротив, через улицу, располагалось здание этажей в десять. Плоская крыша находилась от него в пятидесяти семи метрах: откуда ему это известно, Лакс не знал. На этой крыше с покрытием из скучного серо-коричневого бетона кто-то вывел белой краской огромные слова: «ЛАКС, ПОПРАВЛЯЙСЯ СКОРЕЕ!». Буквы в несколько метров высотой — и вокруг разбросана какая-то порыжелая растительность, тут и там испещренная пятнами разных, но равно

[90] Примечания: 90

Район Хайдерабада, в котором сосредоточены самые известные в Индии хай-тек компании, нечто вроде «индийской Силиконовой долины».

приглушенных оттенков. Цветы, давно увядшие и засохшие. Тысячи букетов. Целые тонны старых мертвых цветов.

В этот миг вид на Киберабад отрезала от него занавеска, опущенная одним из адъютантов доктора Банерджи.

— Извини, — сказал он. — Дни, когда у тебя под окнами рыскали дроны, к счастью, миновали. И все же если кто-нибудь заметит тебя у окна — шуму не оберешься. Социальные сети просто взорвутся. А мы не хотим внушать людям необоснованные надежды.

Несколько секунд Лакс молча переваривал информацию. Слова «социальные сети» прозвучали для его ушей — точнее, для сенсоров, ввинченных в кости черепа за ушами и с успехом заменивших ему уши, — как нечто незнакомое. Однако он чувствовал, как эти слова мчатся по нейронным цепям, пробуждая спящие связи, восстанавливая оборванные нити.

В те месяцы, когда он неподвижно лежал на спине в темноте, стараясь не умереть от головокружения, порой из-за облаков выходило солнце. За непроницаемыми черными шторами, отгораживающими от мира больничную кровать, он, разумеется, не мог его увидеть — но все же

чувствовал. Не столько свет сквозь щели, сколько тепло, сочащееся сквозь черную завесу со всех сторон. И сейчас было немного на это похоже. С темной стороны неврологической завесы — Лакс, мучительно пытающийся вспомнить значение слов «социальные сети». С другой стороны — бóльшая часть его мозга. Однако завеса не совсем непроницаема: в ней есть червоточины, сквозь них проникают отдельные образы, ясные и яркие. Веснушчатая девушка с камерой. Заснеженная вершина горы. Китаец с шестом.

— Объясни еще раз, — попросил он того, что задернул занавеску.

Он был уверен, что уже видел этого парня. И не в больничном халате — скорее в футболке и джинсах. Длинные волосы, собранные резинкой. Бейджик с именем Кадар. Рифмуется с «радар». Сейчас Кадар выглядел неуверенно, что вообще-то на него не похоже. Кажется, не понял вопрос.

Так что Лакс пояснил:

— Что случилось с моим мозгом?

Парень вздохнул с таким видом, словно хотел сказать: «Да сколько ж можно объяснять одно и то же?» Огляделся вокруг. Взгляд его упал на микроволновку и кофеварку на стойке в углу; ими пользовался и сам Лакс, и множество людей,

что приходили к нему и вели с ним эти странные разговоры. Под стойкой мини-холодильник, на нем блюдо с фруктами и корзинка с печеньем. Видимо, что-то надумав, Кадар подошел туда.

— Ты пострадал от воздействия направленным пучком энергии, которое, вступив во взаимодействие с некоторыми тонкими структурами твоего мозга, подействовало разрушительно… — говорила тем временем доктор Банерджи.

— Вот это твой мозг, — сказал Кадар, взяв с блюда крупную зеленую виноградину.

Достал из ящика со столовыми приборами нож для мяса и разрезал виноградину пополам, но не до конца. Лакс подошел поближе. Кадар открыл виноградину, словно книгу. Две разделенные половинки держались, словно на шарнире, на неразрезанной кожице.

— Для большинства людей — просто ягода, разрезанная не до конца. Для радиоинженера — антенна-бабочка.

— Антенна?

Кадар серьезно кивнул и положил виноградину в микроволновку. Захлопнул дверцу, поставил палец на кнопку «Напиток».

— Последнее, что ты видел перед тем, как рухнул без сознания на вершине горы, была

китайская система поражения, излучающая электромагнитные волны на определенной частоте. В чем-то похоже на эту микроволновку.

Он нажал кнопку, жестом приглашая Лакса смотреть внимательно. Лакс наклонился и стал всматриваться сквозь дырчатый металлический экран за прозрачной дверцей. Еле видимая виноградина крутилась на стеклянной подставке и, должно быть, нагревалась. Но вдруг сверкнула вспышка, словно крохотная молния, раздалось какое-то шипение. Кадар выключил микроволновку, открыл дверцу и достал две половинки виноградины, больше не соединенные.

— Еле теплая, — сказал он. Повернул тарелку, показывая Лаксу места былого соединения половинок, теперь испещренные крохотными черными точками. — Но в одном этом месте — и всего на одно мгновение — стало горячо, словно на поверхности солнца.

— Откуда ты знаешь?

— По цвету вспышки. — Кадар достал обе половинки винограда, положил Лаксу на ладонь. В самом деле, они были чуть теплее тела. — В этом-то и проблема. На большую часть твоего тела излучение китайского оружия подействовало слабо, а вот на некоторые хрупкие участки

— сильно. Повредило их. Мы пытаемся их восстановить — а там, где это невозможно, найти им замену.

Лакс бросил взгляд на доктора Банерджи. Та, похоже, готова была провалиться сквозь землю: должно быть, ей казалось, что Кадар выражается с излишней прямотой. Но Лакс не возражал.

— Эту виноградину я оставлю у себя, возле кровати, — сказал он. — Как напоминание. Чтобы больше тебя не спрашивать.

Кадар, кажется, слегка смутился.

— Нет, я вовсе не хотел… мы готовы отвечать на любые твои вопросы…

— Тогда у меня еще один вопрос.

— Валяй.

— Почему вы так со мной возитесь? — Лакс окинул взглядом свои апартаменты. — Я хочу сказать… для больничной палаты это ведь очень прилично, правда?

— Очень! — с чувством подтвердила доктор Банерджи. Ясно было, что большинство больничных палат, виденных ею в жизни, выглядели совсем иначе.

— Это потому, что ты герой Индии, — серьезно ответил Кадар. — И потому, что Индии ты все еще нужен.

«Бивер»

От реки Эй в сердце Амстердама до Венецианской лагуны «Бивер» без заправки бы не долетел. Так что бывшая королева остановилась на озере Комо, чтобы заправиться, сходить в туалет, выпить чашку кофе и высадить второго пилота. До места назначения она долетит одна. Отчасти ради «картинки». В последние месяцы всякий раз, увидев в летной кабине двоих, циники уверяли, что это очередной фейк: на самом деле Фредерика Матильда Луиза Саския, быть может, вовсе не умеет водить самолет!

Кроме того, ей нужно побыть одной. Первое, что она сделала сегодня утром, — подписала отречение от престола в пользу Лотты; и после этого ей почти не удавалось остаться в одиночестве. А если все же удавалось, Лотта принималась бомбардировать мать сообщениями, прося совета и поддержки.

На пару самых неотложных вопросов она ответила, потягивая кофе на веранде с видом на озеро. Со времен Древнего Рима на берегах Комо селились цари и князья, часто желая зализать

раны после падения с колеса Фортуны. Так что теперь по берегам были разбросаны живописные старинные здания с долгой, сложной и не особенно веселой историей. Со многими из их прежних владельцев Саския обнаружила бы семейные связи, если бы удосужилась как-нибудь покопаться в корнях своего родословного древа. Так что чашка кофе здесь, в кафе у пристани, под боком у отеля-люкс, во время оно бывшего частной виллой какого-нибудь ее четвероюродного прапрапрадеда, напоминала: и она, если пожелает, сможет провести остаток жизни в таком месте. Как многие другие свергнутые, низложенные, лишенные сана, впавшие в немилость важные персоны былых веков. Для иных это прозвучало бы зовом сирены, но у Саскии от одной лишь мысли мурашки по спине побежали, и она постаралась поскорее допить свой кофе. Сидя в этом райском месте и наслаждаясь легким ветерком с озера, она подумала вдруг: если глобальное потепление завершится апокалипсисом, этот бастион падет последним. Но теперь, уже лишившись трона из-за климатических войн, Саския не хотела прятаться в бастионе. Она собиралась сражаться в первых рядах.

Так что она встала и отодвинула чашку с кофей-

ной гущей, едва рабочие на заправке закончили с ее самолетом. Написала своему контакту в Венеции: «Скоро буду» — и выключила телефон. Под стеклянными взглядами нескольких дронов-папарацци спустилась к пристани, взошла на борт своего гидроплана и начала обычные приготовления к полету. Несколько минут спустя она уже была в воздухе, летела на юг над горной долиной в форме буквы Y, охватывающей озеро с двух сторон. Дальше под ней развернулись равнины Ломбардии. Саския повернула на восток, к Адриатическому морю километрах в двухстах пятидесяти отсюда — и примерно час полетного времени на ее стареньком понтонном гидроплане. Можно найти и побыстрее, и покруче, но это же *De Havilland Beaver* — канадская классика. У ее семьи еще с войны были теплые связи с Канадой, поэтому она и выбрала этот самолет.

Перейдя в горизонтальный полет и установив правильное направление, она позволила себе минут десять поплакать. Не то чтобы особенно огорчалась. Просто когда в жизни происходят глобальные перемены, требуется время, чтобы это осознать и пережить, — и такого времени у нее сегодня еще не было. Нидерландцы не проводят официальной коронации, так что новой

королевой Лотта стала в ходе вполне светской церемонии в амстердамской *Nieuwe Kerk*[91] — церкви только по названию. Никто не возлагал ей на голову корону. Да у нее и короны-то не было. Присутствовали все значительные лица плюс пестрый набор членов иностранных королевских семей и международных дипломатов. Очень удобно для Саскии: ей удалось разом со многими и поздороваться, и попрощаться. Но когда отрекаешься от престола, нужно уехать из страны. Прямо и честно со всем порвать, освободить площадку для наследника. Так что, быстро переодевшись в амстердамском королевском дворце, за десять минут до того ставшем официальной резиденцией ее дочери, Саския дошла пешком до Эй в толпе других пешеходов, села в ожидавший ее гидроплан. И улетела.

Ее королевское высочество принцесса Фредерика Нидерландская — так она теперь именовалась — появилась в небесах над Венецией в тот час, который киношники называют «золотым»: когда все залито теплым светом уходящего на запад солнца. В жизни, оставленной позади, это не было бы случайностью: время прилета точно рас-

---

[91] Примечания: 91
«Новая церковь» (голл.).

считал и подгадал бы Виллем вместе с Фенной. Но сегодня это в самом деле была случайность. Разве что Пина2бо поспособствовал: он уже выбросил в стратосферу столько серы, что закаты в Северном полушарии разительно изменились. Говорят, в «золотой час» освещение благоволит дамам известного возраста. Саския предпочитала думать, что этого возраста еще не достигла; а вот Венеция определенно была зрелой дамой. И едва ли можно было вообразить себе лучший час, лучшее освещение, чтобы увидеть *La Serenissima*[92].

На малой скорости и на небольшой высоте ее «Бивер» был в своей стихии. Маршрут полета, загодя составленный Саскией, проходил вдали от оживленного коммерческого трафика вокруг аэропорта Марко Поло на Большой земле, к северу от города. Она пролетела над городом-островом, плавно сбрасывая высоту, борясь с искушением помахать многочисленным зрителям, наблюдавшим за ее полетом с мостов, балконов, набережных и площадей. Развернулась по направлению легкого северо-западного бриза и плавно опустилась в ласковые воды Лагуны, с Джардини делла Бьеннале по правую руку и красной башенкой

[92] Примечания: 92
«Светлейшая» (ит.) — прозвище Венеции.

Сан-Джорджо по левую. Пусть и для венецианцев, и для нидерландцев вода таит в себе угрозу — Саския любила садиться на воду. После Уэйко она начала нервничать в ожидании рокового момента, когда резина шасси соприкасается с твердой землей. Но на гидроплане из полета в заплыв переходишь плавно, даже не замечая, в какой миг одна стихия сменяется другой.

Направление ветра помогло ей легко подвести гидроплан к причалу в парке возле площади Святого Марка. Надо было только следить, что происходит по бокам, чтобы не задеть пропеллером какое-нибудь соседнее судно. Когда маневрировать между судами стало слишком нервно, Саския заглушила мотор, отключила все, отстегнула ремень безопасности и вышла на понтон. И сразу заметила, что к ней приближается прогулочный катер. За штурвалом стоял Микьель и белозубо улыбался, блестя солнечными очками, сто́ящими, должно быть, не меньше ее гидроплана. Впрочем, Микьель не зря за них заплатил: выглядел он шикарно. Как и его катер — разумеется, один из тех, что сделаны вручную, в единственном экземпляре, с переборками из красного дерева. Никакого стеклопластика: в мире Микьеля его просто не существовало. Быть

может, венецианцы и мечтают отделиться от Италии, но определенно не готовы расстаться с итальянским стилем!

С помощью нескольких друзей на катере Микьель взял самолет Саскии на буксир и провел несколько последних метров к швартовым тумбам у края причала. Саския, разом освобожденная от всякой ответственности, могла просто стоять на понтоне, положив руку на крыло; другой рукой она время от времени махала людям, собравшимся в парке, чтобы ее приветствовать, о ней посплетничать или просто на нее посмотреть. Пестрели привычным разнообразием плакаты и баннеры. Фредерика, проснувшаяся сегодня утром в Амстердаме королевой Нидерландов, обратила бы на них самое пристальное внимание; Саския Оранская могла скользнуть по ним равнодушным взглядом и пожать плечами. И, если честно, пожалуй, чувство было взаимным. Чего только не видела Венеция за свою историю! Приезд развенчанной королевы ее едва ли поразит.

Парк отделяла от пристани каменная балюстрада. Кто-то вывесил на ней баннер с английским приветствием: «Добро пожаловать, королева Нижнемира!».

Саския прекрасно умела отличать настоящие

любительские плакаты, сымпровизированные простыми гражданами на кухонном столе, от профессиональных подделок «под любительские». Этот явно принадлежал ко второй категории. Не ускользнуло от ее внимания и то, что, когда Микьель сошел со своего шикарного катера на пристань и протянул ей руку, помогая сойти с понтона, все это произошло на фоне этого баннера. Именно такой образ облетел мир, прежде чем ее нога коснулась того, что в Венеции сходило за сухую землю.

Со словом «Нижнемир» Саския раньше не сталкивалась, но поняла, что оно означает. Схожее название носит ее страна: *Nederland* — буквально «нижняя земля». Провинциальная Северная Европа никогда не видывала других земель, расположенных ниже уровня моря, так что за Нидерландами закрепилось это прозвище. Но с глобальной точки зрения мест, где люди живут с морем наравне, всего на несколько метров выше или даже ниже моря, на земле множество. Еще сто лет назад все эти места казались очень разными: что общего у Венеции с Хьюстоном или у Зеландии с Бангладеш? Но когда уровень моря начал повышаться, оказалось, что в главном они едины. Целый архипелаг хрупких и уязвимых

«нижнемест», опоясывающий всю планету. Почему бы не назвать его Нижнемиром? Нужна ли ему королева — другой вопрос.

Все понимали, что у королевы был трудный день, так что формальности у причала свелись к минимуму: Саския приняла букет и официальное приветствие от мэра города, а также от лидера организации под названием «Векзиталь». Помахав толпе и попозировав для нескольких фото, она поднялась на борт шикарного катера Микьеля, и они помчались через Лагуну на личный остров Корнелии.

Вокруг Венеции разбросаны десятки островков, каждый со своей долгой историей: остров-монастырь, остров-кладбище, остров-тюрьма. Многие необитаемы и никак не используются — примечательный факт для Саскии, которая полагала, что очаровательный частный островок в нескольких минутах ходьбы на катере от Гранд-Канале покупатели должны с руками рвать. Должно быть, рынок угнетало то, что всем этим островкам грозила нешуточная опасность затонуть. Тот, куда они направлялись, был меньше ста метров в ширину. Почти квадратный, если не считать выемки с одной стороны: там находилась пристань. Несколько минут назад Саския пролетала

над этим островом и хорошенько рассмотрела его из бокового окна. Вдоль трех его сторон тянулись старинные постройки — в былые времена галереи монастыря. В Средние века они поднимались прямо из воды; затем подъем уровня моря вынудил владельцев острова расширить его территорию, подсыпав земли на мелководье и окружив остров плотиной. Защитники природы подняли крик, и возникший скандал подозрительно удачно сыграл на руку Векзиталю — местному движению, выступающему за выход Венеции не только из Европы («Векзит»), но и из Италии («Векзиталия»).

Сама Венеция, протяженностью менее четырех миль, кажется маленькой, почти игрушечной; трудно предположить, как могла возникнуть и зачем понадобиться ее миниатюрная копия. Но именно такой Венецией в миниатюре стала Санта-Либерата — так назывался этот остров. Саския видела отлично продуманный и сделанный ролик, в котором Корнелия, владелица Санта-Либераты, бродила босиком по затопленным коридорам древнего монастыря, грустно смотрела сквозь шестидюймовый слой воды на прекрасные мозаики, возводила взор к фрескам, которым предстояло раствориться под напором

соленой воды.

Так или иначе, за новыми плотинами, возведенными в нарушение требований ЕС, Санта-Либерата пока была в безопасности. Семья Корнелии сотворила со своим жилищем настоящее чудо, совместив все удобства отеля-люкс с атмосферой седой старины. По прибытии Саския пошла освежиться в ванную, полную ультрасовременного, элегантного, сверкающего хромом и сталью сантехнического оборудования — и далеко не все приборы здесь узнала и поняла, как ими пользоваться; а потом вышла в патио, освещенное алым закатом производства Пина2-бо, и здесь, меж тысячелетних каменных плит, выпила по бокалу вина с Дейей Каур Чанд.

— Ну что, ваше королевское высочество, каково быть экс-королевой?

«Чудесно!» — едва не сорвалось с губ, но Саския удержалась. В последний раз она виделась с Дейей на ранчо «Летящая S», и там Дейя присутствовала не как журналистка — она сопровождала мужа, лорд-мэра. Сейчас ситуация другая — они беседуют не под запись. Но это своего рода репетиция настоящего интервью, которое Саския даст Дейе завтра для Би-би-си. Так что с привычкой всегда быть настороже, пожалуй, расставаться

еще рано.

— Приятно освободиться от некоторых обязанностей, — с мягкой улыбкой ответила она, — но я, разумеется, не могу не думать о королеве Шарлотте — ведь все эти обязанности теперь легли на ее плечи.

Дейя едва заметно усмехнулась, слушая этот гладкий, тщательно выверенный ответ. Если она надеялась неформально поболтать, то, как видно, зря.

— Сильно отличается от британской монархии, верно? Нам нужно будет проговорить это вслух для зрителей.

— Что, традиция отречения?

— Британские монархи — за одним знаменитым исключением — никогда не отрекались от престола.

— Верно, в Нидерландах это скорее правило, чем исключение.

— Вроде как выйти на пенсию?

— Да. И некоторые уходят раньше других.

— Достаточно рано, чтобы… например, сделать другую карьеру?

— Посмотрим. Сейчас об этом думать рановато.

— Как вы полагаете, вы остались бы на троне,

если бы не осложнения? Кампания дипфейков, споры вокруг геоинженерии?

— Да, почти наверняка. Меня ведь с детства готовили к этой работе. И у меня хорошо получалось. Народу — даже антимонархистам — я нравилась. Да и для Шарлотты это тяжелое бремя, она ведь еще так молода. Но когда твоя персона начинает отвлекать страну от реальных забот, пора уходить. Мне пришлось поставить Шарлотту перед выбором: мы уходим вместе и кладем конец монархии — или я передаю престол тебе. Она свой выбор сделала.

За последнюю минуту у Саскии несколько раз звонил телефон. Сообщения от Лотты. Она проверила телефон, ожидая новой отчаянной мольбы посоветовать и поддержать, но вместо этого увидела селфи, на котором Шарлотта, очень довольная, стояла рядом с невероятно красивым принцем из норвежской королевской семьи. Саския переслала снимок Дейе, и та рассмеялась.

— Кажется, королева Лотта быстро освоилась в новой роли!

Наступило короткое молчание, знаменующее смену темы. Обе женщины потягивали вино и смотрели через ровные воды Лагуны на Венецию, всего в километре отсюда.

— Ваше королевское высочество, — начала Дейя, — завтра острые темы у нас не планируются, но есть вопрос, который я не могу не задать. Это неизбежно, учитывая, кто я и где живет мой народ.

Саския кивнула. Она знала, что этой темы не избежать. Дейя принадлежит к народу сикхов. Ее дед и бабка приехали в Англию из Пенджаба. Она не религиозна — по крайней мере, не покрывает голову, — но на всех семейных фотографиях Чандов можно увидеть немало тюрбанов. Саския слышала, что на пенджаби Дейя говорит не хуже, чем по-английски.

— Я слушаю, — ответила она.

— Сейчас идет вторая неделя июля, — медленно начала Дейя. — А сезона дождей все нет. Муссоны запаздывают так надолго, что некоторые пенджабцы спрашивают себя, будут ли вообще в этом году дожди.

Саския кивнула.

— А что говорят прогнозы погоды? Я слышала, надежда есть.

— Слава богу, долговременный прогноз дает кое-какую надежду.

— Но ведь и раньше случалось, что муссоны запаздывали?

— Разумеется. Бывают и годы, когда дождей нет вовсе. Только дело не в этом. Дело в том, что люди смотрят на это… — и Дейя указала на запад, где полыхал редкостной красоты закат, — смотрят на то, что дождей все нет и нет…

— И не могут не думать о том, что одно с другим связано, — заключила Саския.

Они прошли через внутренний дворик и присоединились к Микьелю, Кьяре и Корнелии за легким неформальным ужином в бывшей монастырской трапезной. С ними сидел за столом и Марко Орсини, лидер движения «Векзиталь», которого желтая пресса порой называла «Дожем». Это был человек лет сорока, консервативно одетый, с серьезными и доброжелательными манерами, быть может, естественными для того, кто пытается продвинуть в умы и сердца сограждан идею… как минимум смелую. С собой Марко привел своего друга Пау, активиста из Барселоны — города, который, как и Венеция, искал способа освободиться от государства, куда его впихнули против воли.

Столу, казалось, не меньше тысячи лет, а блюда молекулярной кухни, поданные на ужин, готовились на оборудовании, словно попавшем сюда прямо из NASA. Стены — в тех местах, где они не

были покрыты трещинами или потускневшими фресками, — украшала живопись, в основном очень старая. Можно было только воображать объем и состав всего семейного собрания! Саския заметила полотна, которые сперва приняла за искусные подражания Тициану и Тинторетто, и лишь некоторое время спустя сообразила, что они настоящие.

Более всего привлекало к себе взор полотно эпохи Возрождения, изображающее Цереру на крылатой колеснице. Богиня плодородия — та самая, от имени которой происходит слово *cereals* (злаки), — парила над идеализированным тосканским ландшафтом, разыскивая свою дочь Прозерпину. Саския прекрасно помнила эту историю. Горе Цереры от разлуки с дочерью, которую похитил Плутон и против воли сделал царицей подземного мира, привело к появлению времен года. От горя и гнева Цереры землю охватывает холод, увядают растения, прекращается цветение и рост. Но потом богиня плодородия смягчается — и вся зелень на земле вновь начинает цвести и давать плоды. Выбор такого полотна над обеденным столом, разумеется, был не случаен — не более случаен, чем баннер с «королевой Нижнемира».

— Интересно знать, — заговорила Саския, — что сделали бы из этого мифа древние римляне, если бы понимали, как связаны два полушария, и знали, что когда на севере зима — на юге лето? И что одно без другого невозможно?

Она рассчитывала начать этим легкую неформальную беседу, но Дейя сразу повернула разговор в ином направлении.

— Давайте прямо скажем, что вы имеете в виду, — сказала она. — Спасение Венеции от затопления может означать голод в Пенджабе.

— Вообще-то я имела в виду не это, — заметила Саския.

— Никто не хочет голода ни в Пенджабе, ни где-либо еще, — ответила Корнелия. — По счастью, такие представления ошибочны.

— Индийская Академия наук опубликовала свои расчеты климатических изменений — они говорят иное.

— В сценарии, при котором Пина2бо остается *единственным* местом, где идет выброс серы в стратосферу, — вступил в разговор Микьель, — и работает на максимальной мощности круглый год. Вот почему в этом году мы запускаем второй проект в Вадане. Вот почему Т. Р. начал работу на Папуа. Так появится еще одно место, в Южном

полушарии.

— И чем это нам поможет?

— Установлено, что в прошлом извержения вулканов к югу от экватора приводили к усилению муссонов.

Выяснилось, что о Вадане Дейя ничего не слышала. Едва ли можно ее винить: Саския тоже ничего бы об этом не знала, если бы ей не сообщила Корнелия. Так что они потратили минуту на объяснение Дейе основ: скалистый остров неподалеку от берегов Албании, когда-то форпост Венецианской империи, затем советский завод химического оружия и, наконец — по решению, принятому около года назад, — место, где будет возведен клон Пина2бо. Вадан лежит километрах в восьмистах к юго-востоку от Венеции. Именно там через несколько дней состоится конференция, которую, вместе с другими сидящими за столом, собирается посетить и Саския.

— Да уж, вы умеете удивить! — улыбнулась Дейя. — Кто бы мог подумать, что в числе игроков окажется Албания?

— Возможно, Северная Македония догадывалась, — заметила Кьяра.

— Вы шутите; но что, если Северная Македония позавидует Албании и захочет построить свой

Шестиствольник?

— Им это не понадобится. Воздействие Шестиствольника охватывает большие территории, — напомнил Микьель. — Северная Македония получит все удовольствия бесплатно. Что хорошо для Албании, хорошо и для них, и для других стран, расположенных с подветренной стороны.

— В нашем полушарии господствуют ветры, дующие с запада на восток, — заметила Дейя. — Тогда, выходит, Венеция расположена не в том направлении от Вадана?

— Если бы мы заботились только о том, чтобы здесь стало прохладнее, то да, — ответил Микьель. — В этом Вадан нам не поможет. Он будет охлаждать Турцию, Сирию и Ирак — страны, которым из-за повышения температур грозит опасность стать необитаемыми.

— Как Пина2бо уже заметно изменил к лучшему погоду в Остине и Хьюстоне, — добавила Кьяра.

— Я начинаю догадываться, как вы профинансировали Вадан, — заметила Дейя.

Саскии такая мысль до сих пор не приходила в голову. Ей-то казалось, что Вадан строится на деньги таинственных венецианских олигархов. Но по лицам Микьеля и Кьяры она поняла, что

догадка Дейи верна.

— Выгода для Венеции здесь… косвенная, — вступил в разговор Марко. До сих пор он в основном помалкивал, а Пау, его друг из Барселоны, и вовсе не произнес ни слова — только наслаждался едой, вином и обменивался нежными взглядами с Кьярой.

— Да-да, понимаю. Уровень моря, — ответила Дейя. — Итак, экзистенциальная угроза со стороны моря для Венеции создает естественный союз между вами и перегретыми странами Персидского залива, расположенными с подветренной стороны от острова Вадан, до недавнего времени — просто свалки советских токсичных отходов, для Албании совершенно бесполезной, но желанной для Венеции, которая хочет с него начать восстановление своей сферы влияния в Адриатике. Бывают же странные сближенья!

— Такие странные политические комбинации, — заметила Корнелия, — мы встречаем на протяжении всей истории.

— Глобальное потепление лишь изменило их очертания, — добавила Саския.

— А чтобы охладить эту часть мира, нужно построить еще один Шестиствольник с наветренной стороны, — продолжала Дейя. — Где-то

на западном краю Европы. Может быть, у вас, *mevrouw?*

— Т. Р. присмотрел угольные шахты на юго-востоке Нидерландов, — ответила Саския, — но там звуковые удары будут слышны с германской стороны границы и создадут проблемы нашим соседям. Нет, если мы хотим выбрасывать серу в небеса над Северной Европой, придется строить специальные самолеты.

— Давайте вернемся к Пенджабу, — снова вступила Дейя. — Житнице Индии. Может быть, мне следует так его называть, чтобы все поняли, насколько все серьезно. Пенджаб — место, где выращивают еду. И компьютерные модели…

— Компьютерные модели основаны на другом сценарии. Один лишь Пина2бо, — нетерпеливо вставила Корнелия. — Не учитываются ни Вадан, ни Папуа.

— А что говорят модели, в которых эти факторы учитываются?

Корнелия не была образцом дипломатии: она отвела взгляд, и на лице ее отразилось нетерпение, почти раздражение. Микьель поспешил сгладить ситуацию и вклинился между ними, словно футболист, перехватывающий пас.

— Это немного похоже на вопрос: «Каков

результат акупунктуры?». Единого ответа не существует.

— Не поняла.

— У меня бывали синусовые головные боли, — начал рассказывать Микьель. — Очень неприятная штука. И ничего не помогало. Я пошел в клинику иглоукалывания. Доктор начала втыкать иголки мне в лицо — ну, этого можно было ожидать — и еще в ладони и в стопы! Представляете? Почему от иголки между пальцами ног перестали болеть носовые пазухи? — Он пожал плечами. — Все это связано с тем, как циркулирует в организме энергия.

— И пути ее неисповедимы, — вставил Марко.

— Но в иглоукалывании все известно точно, — ответила Дейя. — У них есть схемы активных точек, тут все выверено… им можно доверять.

— В нашем случае, — продолжал Микьель, — возможно, хватит всего трех точек. Пина2бо, Вадан, Папуа. Достаточно воткнуть наши иглы сюда. Быть может, потом появятся новые. Что это будет значить для Пенджаба? *Однозначного ответа нет.* Все зависит от того, как их использовать. И как они будут взаимодействовать друг с другом.

— Вот почему мы начали проект в Вадане, —

поддержал Марко. — Возможно, мы обнаружим, что если закрывать Пина2бо на два зимних месяца, а Папуа включать на полную мощность в течение шести недель весной — сезон дождей в Житнице Индии начнет проходить идеально!

— Но тогда начнет голодать Китай, — возразила Дейя.

— Вот уж о Китае я бы не беспокоилась! — сухо заметила Корнелия.

Дейя переглянулась с Саскией; в ее взгляде читалось: «Вы понимаете, о чем она? Я — нет».

— Что вы имеете в виду, Корнелия? — спросила Саския.

— Это все равно что сказать: а вдруг США решит сбросить бомбу на Пекин и убить миллион китайцев? Что им помешает? Да то и помешает, что Китаю это не понравится, и он найдет, чем ответить.

— И кроме того, — вставила Кьяра, бросив нервный взгляд на тетушку, — просто глупо убивать людей без причин!

— Что? Ну да, и это тоже. А теперь представьте себе, что бомбу из Америки в Пекин придется везти полгода, и скрыть это будет невозможно.

Дейя кивнула.

— Да, здесь не получится внезапной атаки.

Климатического Перл-Харбора.

— Аластеры и Эшмы мира сего слишком хорошо знают свое дело.

— Но их голоса — голоса вопиющих в пустыне, — заметила Саския, — пока за ними не стоит какая-то сила. И Китай, и Индия — сверхдержавы. Но можно ли назвать серьезной силой… ну не знаю… Исландию? Мьянму? Чад?

— Венецию? — добавил Марко.

— И Каталонию! — вставил Пау.

— Все это сводится к тому, — подытожила Корнелия, — что сильные страны сильны, а слабые слабы. Так и было — до сего дня. — Она взяла свой телефон и начала листать фотографии. — Знаете, в прошлом году я предприняла морское путешествие. Мы прошли через Суэцкий канал. Баб-эль-Мандеб. Малаккский пролив. Все знаменитые «бутылочные горлышки» морской коммуникации. Много столетий люди вели войны за эти места. А когда не воевали — разыгрывали политические шахматные партии, пытаясь определить, кому же должны принадлежать эти «акупунктурные точки» на теле цивилизации. И здесь то же самое. Местам, о которых большинство людей сейчас никогда не слышало, предстоит стать Суэцкими каналами будущего.

Великие и малые мира сего будут претендовать на них, отмечать на своих шахматных досках, возможно, даже готовиться к конфликту. Но если думаете, что такое происходит впервые, — вы попросту не знаете историю.

Вадан

Лицензии пилота у Микьеля не было; однако он принадлежал к тому классу людей, которые, постоянно имея дело с яхтами и частными самолетами, приобретают некоторые познания об их устройстве. Во времена молодости Саскии мужчин такого типа называли плейбоями. В европейских королевских домах таких хватало тогда — хватает и сейчас, хотя в наше время, разумеется, ни один уважающий себя мужчина с таким определением в свой адрес не согласится. Так или иначе, венецианец явно не был обременен ни работой, ни семейными обязательствами. Когда настало время лететь в Вадан, он спросил, не сможет ли Саския взять его на борт в качестве второго пилота, и та без колебаний согласилась. Общество Микьеля не обременяло, даже наоборот. Поднимать в воздух или сажать «Бивер» она бы ему не доверила, но, если ей понадобится отдохнуть в дороге, с горизонтальным полетом он справится.

Путешествие оказалось недолгим и приятным, словно увеселительная поездка. В сущности,

они пролетели Адриатическое море из конца в конец. Двигаться решили вдоль итальянского, а не балканского берега. Почти в любом месте здесь можно было сесть — и везде открывались новые красоты и удовольствия. Микьель, много лет ходивший вдоль этого берега на катере, знал отличные места, где можно выпить кофе или закусить, пока «Бивер» заправляется. Раз, примерно на середине пути, они остановились в старинном городке, не испорченном туристами, однако богатом кафе и ресторанами — здесь проходил местный фестиваль искусств. После следующего перелета остановились в окрестностях Бриндизи, на «каблуке» итальянского «сапожка», в самом узком месте Адриатики. Этот город, из-за морских коммуникаций с Албанией и Грецией, был более современным и куда более шумным; но Микьель, как оказалось, знал здесь фантастический бар на берегу, стильный и уютный, посещаемый как местными жителями, так и моряками из разных стран. Он находился сбоку от рыбацкого причала, через бухту от доков, где веселые албанские иммигранты заправляли «Бивер». В самолет они влюбились с первого взгляда и засыпали Микьеля всевозможными вопросами, уверенные, что владелец и пилот — он, а не женщина. В иных

обстоятельствах Саския не стала бы молчать, но сейчас наслаждалась этой недолгой анонимностью. Никто из них не подозревает, что она — ее королевское высочество принцесса Фредерика Матильда Луиза Саския Нидерландская. Для них она жена или подруга этого крутого итальянского парня, что называет ее просто Саскией. И ей ничего не надо делать. Ни думать на дюжину шагов вперед, ни предвидеть, как отреагируют на каждое ее слово и каждый жест социальные сети. Совсем ничего.

Они сели в баре за столик у воды, и официант поставил перед ними два бокала белого вина и блюдо устриц. Микьель сощурился на сверкающую гладь бухточки, на другом берегу которой виднелись доки, затем сдвинул солнечные очки на нос, взглянул на Саскию поверх них и сказал:

— Эти парни в восторге от твоего «Бивера». И, знаешь, я тоже.

Благодаря Лотте Саския была уже осведомлена о том, что иначе ей бы и в голову не пришло, — а именно, что на английском сленге слово *beaver*, то есть «бобер», означает женские гениталии. С тех пор этот каламбур несколько раз всплывал в разговорах. Так что к двойному значению этого названия Саския была готова — и вполне

могла предположить, что за невинным на вид замечанием о самолете кроется откровенное заигрывание.

Как и с любым двойным посланием, здесь следовало проявить осторожность. Вдруг речь действительно только об авиации? Хотя Саския сильно сомневалась. В кабине «Бивера» во время полета шумно, там не поговоришь — так что они с Микьелем в основном поглядывали друг на друга и улыбались; но Микьель всячески давал понять, как ему нравится то, что он видит.

— Тебе стоит учитывать, — сказала она, — что мой «Бивер» — старая и довольно сложная модель. Ему нужно время, чтобы разогреться и набрать скорость. Он непохож на новые модели, к которым, должно быть, ты привык.

— С новыми моделями своих сложностей хватает, — заметил Микьель. — И утомительны, и требуют больших расходов на обслуживание.

Саския задумчиво подцепила вилочкой устрицу.

— Что ж, — сказала она, — «Бивер» принадлежит мне, и мы можем лететь куда пожелаем.

Еще один короткий перелет через Адриатику — и впереди показался Вадан. Он располагался километрах в пятнадцати от гористого побере-

жья Албании и, будь уровень моря немного ниже, сам был бы горой. Солнце стояло еще высоко, и Саския, снизившись, сделала круг над самой высокой точкой острова, чтобы посмотреть, как продвигается работа. Со времени тех фотографий, что присылала ей Корнелия прошлой осенью, здесь многое изменилось. На дороге, зигзагами ведущей к вершине, появился асфальт. Вокруг готового копра стояли аккуратными рядами бытовки. Внушительная гора пустой породы давала представление о глубине шахты. Побывав на Пина2бо, Саския знала, что еще должно здесь быть: желтая пирамида серы, трубы для подачи природного газа и немного поодаль, километрах в двух ниже по дороге, — отдельный комплекс новых зданий, где люди смогут жить и работать хоть на некотором отдалении от звуковых ударов.

Приличная пристань на острове была только одна, в скалистой бухте на северном берегу. Даже если бы у Саскии с Микьелем не было карты, они нашли бы пристань, просто летя вдоль дороги — *единственной* дороги на этом острове, — пока не увидят воду. Параллельно тянулась новая на вид инфраструктура, скорее всего, газопровод. То и другое заканчивалось пристанью, которую выстроили тысячелетие назад венецианские

купцы, чтобы останавливаться здесь по пути в Константинополь и обратно, а потом Советы превратили ее в военную базу. Разумеется, те дни давно остались позади, и все, что осталось от этой инфраструктуры, имело ожидаемо плачевный вид. Но за последний год пирс был отремонтирован и перестроен по современным стандартам, да и прочие строения менялись на глазах, стряхивая с себя пыль Варшавского договора. Скоро к этой пристани начнут пришвартовываться массивные грузовые суда, везущие серу и газ для нового Шестиствольника.

Однако сегодня здесь стояли на якоре только яхты — всего две, пришвартованные к противоположным сторонам пирса. И обе привлекали к себе внимание. Уж очень они были несхожи. Ту, что крупнее — *намного* крупнее, — если бы не ее щегольские обтекаемые формы, легко было бы спутать с туристическим лайнером. Вертолетных площадок на ней было *две*, и обе заняты, а между переборками легко разместилась бы вторая суперъяхта, поменьше и поскромнее.

Вторая яхта, с другой стороны пирса, могла бы показаться крупной в иных гаванях, но не здесь. Она была вполовину меньше своей соседки, но почти такая же высокая, ибо из средней ее части

поднимались два паруса, словно направленные вверх крылья.

Саския описала круг, сбрасывая высоту, развернулась над входом в бухту, сдала назад, а затем плавно приводнилась. «Бивер» затормозил в нескольких сотнях метров от большой яхты. На боку ее сверкала надпись «Полумесяц», выведенная латинским и арабским шрифтами. Подведя «Бивер» к концу пирса, Саския смогла прочесть и название второй яхты: эту окрестили «*Bøkesuden*»[93]. На причале уже стояли люди, готовые помочь ей пришвартовать самолет, разгрузить багаж и так далее, но и на палубах яхт появились матросы, чтобы ее поприветствовать. Команда «Полумесяца» состояла из арабов и турок, команда «*Bøkesuden*» — из норвежцев. Народы, не имеющие между собой почти ничего общего — не считая того, что благосостояние тех и других зиждется на нефти.

На этом сходство заканчивалось. А различия ярко проявились уже в том, как те и другие встречали почетную гостью. Капитаны обоих судов спустились на берег, чтобы приветствовать Саскию. Норвежский капитан, женщина лет сорока,

---

[93] Примечания: 93

Название исторического корабля, на котором плавал норвежский конунг Инге Харальдссон (XII век).

обращалась к ней уважительно, но свободно и просто, как и нидерландцы. Почему — Саския поняла, когда, пройдя по пирсу, увидела на боку «*Bøkesuden*» герб норвежского королевского дома. Так это королевская яхта! Саския о ней слышала. Абсолютно «зеленая», от киля до парусов работает лишь на ветряной и солнечной энергии, — плавучее воплощение и новейших тенденций в энергетике, и традиционного для Норвегии искусства кораблестроения. Однако на флагштоке у нее не реял королевский вымпел: это означало, что его величества нет на борту.

Капитан «Полумесяца» был англичанином и обращался к Саскии с таким почтением, с каким мог бы приветствовать правящего монарха собственного королевства. За спиной у него толпилась команда: в первых рядах турки, на уровне палубных матросов, уборщиков и официантов уступающие место филиппинцам и бангладешцам.

Саския не любила яхты. Однако друзья-фанаты яхт у нее были; от них она получила представление о том, что яхта, достигшая определенного размера, превращается в мини-курорт — и подбор персонала, и управление им здесь требуются такие же, как на курорте. Если хочешь предоста-

вить гостям игрушки — водные лыжи, водные парашюты, снаряжение для рыбной ловли и подводного плавания, — тебе понадобятся инструкторы, которые знают, как все это работает, смогут показать гостям, всему их научить и проследить, чтобы никто не убился. А команде нужно что-то есть и где-то спать, разумеется, подальше от гостевых кают. Добавьте полноценную службу безопасности — и увидите, что только ради выполнения базовых функций яхта должна стать огромной.

Одной из таких огромных яхт-курортов и был «Полумесяц». Принадлежал он принцу из Саудовской Аравии. Само по себе это ни о чем не говорит: принцев там пруд пруди. Насколько могла судить Саския, этот принц — Фахд бин Талаль — был не из тех, кто часто бросает кости журналистам. В длинной белой дишдаше, с красно-белой куфией, дополненной темными очками с позолоченной оправой, он встретил Саскию у сходней в сопровождении полудюжины слуг в форме и вручил ей букет, а затем сопроводил на свою яхту, где уже ждала женщина, готовая принять букет, чтобы Саския не мучилась вопросом, куда его поставить. После краткой обзорной экскурсии Саскию проводили в королевскую каюту — по крайней мере,

выглядела она как королевская! — и представили ей целую фалангу стюардов, лакеев, горничных, готовых мгновенно откликнуться на любое ее пожелание.

Для королей и королев подобные вещи не в новинку. Однако нидерландская монархия от этого давно отказалась, и Саския чувствовала, что на норвежской экояхте ей было бы уютнее.

За всей этой суетой где-то потерялся Микьель. На вечер никакие мероприятия были не запланированы. Саския сполоснулась, переоделась и вышла на палубу, заранее готовясь к новой серии изнурительного гостеприимства. Микьель отправил ей селфи — намек, где его искать. Солнце уже опускалось за горизонт, когда Саския обнаружила его в одном из баров на открытом воздухе, возле бассейна. Для чего, спрашивается, плавательный бассейн на яхте, которая и так плывет по воде? Быть может, только для того, чтобы рядом с ним устроить бар. Так или иначе, Микьель, заселившийся в чуть менее царственную резиденцию, сидел сейчас в гавайской рубашке и белых слаксах, наслаждаясь коктейлем на пару с еще одним молодым человеком — совсем без рубашки, еще красивее и невероятно похожим на…

При виде Саскии он поднялся с места.

— Добрый вечер, мэм, — проговорил он. И на случай, если она его не узнала, добавил с улыбкой: — Я…

— Жюль! Ну конечно же! Как я рада снова вас видеть!

Он, кажется, смутился. Микьель, расслабленный и всем довольный, с широкой улыбкой поглядывал на них обоих.

— Вы, должно быть, не ожидали, — снова заговорил Жюль. — Я, видите ли, искал работу по эту сторону пруда, чтобы…

— Чтобы оказаться поближе к Фенне!

Он кивнул, улыбаясь во весь рот.

— В нефтянку или еще что-нибудь такое в Европе трудно устроиться: тут тебе и профсоюзы, и сертификаты, и прочая хрень. Но…

— Нашлась вакансия на яхте. Для приятного во всех отношениях молодого человека, готового стать инструктором по подводному плаванию для гостей.

— Точно, мэм.

— Отлично! Это объясняет…

— Почему Фенна так рвалась помочь вам подготовиться к завтрашнему банкету! — с улыбкой до ушей закончил Жюль.

— Да, буквально напрашивалась. Я-то думала,

она ради меня так старается!

— Для всех удачно сложилось.

— А для некоторых еще и не так сложится.

Если для человека с таким сильным и безупречным загаром, как у Жюля, возможно покраснеть — он покраснел.

Сознание, что уже завтра Жюль с Фенной будут трахаться как кролики, словно в старые добрые техасские времена, странным образом подтолкнуло Саскию к мысли, что им с Микьелем нужно успеть первыми. После того как Жюль откланялся и оставил их вдвоем, они заказали ужин и поели вместе у бассейна, в обстановке настолько романтичной, насколько возможно на фоне полуразрушенного советского завода по производству нервно-паралитического газа. Потом отправились в номер к Саскии, сели в «Бивер» и взлетели на небеса. А с утра повторили полет. Немного вздремнув, Микьель вылез из постели и отправился в душ, а Саския накинула один из предложенных гостям халатов, заказала кофе и просто сидела на кровати, утомленная и счастливая, когда раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнула она.

Дверь отворилась; показался официант с серебряным подносом. А прямо за ним какой-то

молодой человек. Блондин, красивый, с короткой бородой. Явно не слуга — и кажется странно знакомым. На лицах обоих мужчин читалось, что произошло неловкое совпадение. Блондин вежливо придержал дверь для официанта, отвел взгляд от Саскии и попятился назад, в коридор.

Чтобы понять, кто это, Саскии достаточно было повернуть голову и взглянуть в иллюминатор, на другую сторону пирса. «*Bøkesuden*» по-прежнему стояла здесь. Но сегодня утром на ней развевался новый флаг, с королевским гербом. Не пурпурный, принадлежащий только королю, а красный, сообщающий о том, что на судне плывет наследный принц.

Саския встала, прошла мимо удивленного официанта и посмотрела в дверной глазок. Принц Бьерн Норвежский нерешительно мялся под дверью. Когда Саския распахнула дверь, он едва не бросился наутек. Не помогло делу и то, что от резкого движения у нее распахнулся халат. Саския вовремя поймала полу халата свободной рукой и подвязала поясом, пока молодой принц старательно смотрел в другую сторону. На нем был синий блейзер, элегантная классическая рубашка и брюки цвета хаки — и чувствовалось, что где-нибудь в горах на лыжах ему было бы

комфортнее.

— Принц Бьерн! — воскликнула Саския.

— Ваше королевское высочество! В прошлый раз мы встречались…

— На похоронах моего мужа. Вы были тогда совсем ребенком. Как вы выросли! Хотите поговорить о моей дочери?

— М-м… ну да.

— Тогда заходите.

Они сели за кофейный столик, друг напротив друга. Официант налил обоим кофе. Саския воспользовалась заминкой, чтобы разыскать у себя в телефоне и показать Бьерну фотографию — селфи, присланное Лоттой: в день провозглашения ее королевой Нидерландов, на балу, Лотта в вечернем платье подмигивает в камеру рядом с Бьерном, который, кажется, в костюме с черным галстуком смущается еще сильнее, чем сейчас. При виде этого фото Бьерн покраснел не хуже Жюля; однако, поскольку он не забывал пользоваться солнцезащитным кремом — в стране, где большинству людей не хватает меланина, наследному принцу не подобает сверкать южным загаром, — румянец у него на лице был куда заметнее.

— Что ж, тогда перейдем сразу к делу, — сказал

он, едва за официантом закрылась дверь.

— О боже, она беременна?!

Бьерн выдавил нервный смешок.

— Что вы, конечно, нет! Боже мой! Мы… мы еще даже ничего *такого* не делали!

— Да я шучу! Даже будь она беременна, так быстро мы бы об этом не узнали.

— Дело в том, что… ей ведь семнадцать.

— Я в курсе.

— А мне двадцать два. — Он пожал плечами. — Возможно, небольшая разница для…

— Для старухи вроде меня? Все нормально, продолжайте.

— Но я просто хотел сказать… поскольку в Интернете уже пошли разные слухи…

— В Интернете кто-то неправ? Быть того не может!

— Так вот: ничего *такого* не произошло. И не произойдет, пока она не станет совершеннолетней. Но… — Тут Бьерн снова завис.

— Но вы бы хотели, чтобы это произошло?

— Ну… да. Я… мне кажется, у нас с ней есть потенциал.

— Потенциал? Звучит очень технологично. Должно быть, на инженера учитесь?

— Учился. Уже получил степень.

— О, поздравляю!

— Буду работать над улавливанием углерода.

— Что ж, по-моему, вы просто чудесный молодой человек. Серьезный, ответственный. С уважением относитесь к женщинам. Я бы не хотела, чтобы кто-нибудь из моей семьи связался с плейбоем!

По лицу Бьерна было ясно, что этот термин ему решительно незнаком, — и снова Саския ощутила себя старухой.

— Так говорили в мое время, а сейчас это называется… даже не знаю… пикапер?

В этот момент дверь ванной растворилась, и оттуда, уткнувшись в свой телефон, показался Микьель. Халат на нем был распахнут, выставляя напоказ мускулистый живот, блестящий капельками воды, и торчащий, словно бушприт королевской яхты, эрегированный член.

— Так, что это тут мне пришло? — пробормотал Микьель себе под нос, листая сообщения в телефоне, — и поднял взгляд.

— Его королевское высочество принц Бьерн Норвежский, — представила гостя Саския.

Но прежде чем Бьерн успел вскочить на ноги, Микьель ретировался в спальню.

— Вот это и называется плейбой, — невозмути-

мо пояснила Саския. — Не будьте как он — и мы с вами поладим.

Тут ей пришло в голову, что если она поторопится, успеет присоединиться к Микьелю в спальне.

— Что ж, Бьерн, увидимся на вступительной сессии — кажется, через полтора часа?

— На самом деле через тридцать минут, — извиняющимся тоном ответил Бьерн, вставая со стула. Взгляд его метнулся к двери спальни. — Но… вы же королева.

— Теперь скорее королева-мать.

— Неважно, вы можете подойти, когда пожелаете.

— Буду через сорок пять минут, — пообещала Саския. — Скажите там, что я пошла попудрить носик!

При всех своих достоинствах «Полумесяц» оставался всего лишь прогулочной яхтой. Самым большим помещением на ней был танцзал, где и собирались проводить конференцию, если подведет погода. Однако погода не подвела, так что все встретились под навесом, поставленным организаторами чуть выше по дороге от пирса, среди развалин крепости, построенной здесь венецианцами тысячу лет назад. Отсюда были видны

руины церкви и над зияющим дверным проемом — изуродованный временем крылатый лев, символ этого города и его давно забытой империи. Напротив церкви болтался на шесте динамик, из которого муэдзин пять раз в день призывал мусульман на молитву. На строительстве Шестиствольника работала пара сотен албанских рабочих с материка — по большей части мусульман; динамик был временным решением, пока неподалеку возводили настоящую мечеть.

На пирсе принцессу Фредерику ожидал «ауди», однако она не видела смысла садиться в машину и просто дошла до места пешком — как раз вовремя, к окончанию предварительного кофе-брейка и началу первой сессии. Микьель сказал, что подойдет немного позже; ему требовалось что-то обсудить с Корнелией, прибывшей из Бриндизи. День был солнечный и, кажется, обещал быть умеренно теплым, с Адриатики дул прохладный бриз; однако организаторы заготовили гору электровентиляторов, которые собирались раздать гостям, если увидят, что гости обмахиваются программками. За исключением норвежцев и делегации из лондонского Сити, включавшей в себя и Аластера, большинство здесь прибыло из жарких стран. Много арабов. Несколько турков.

Техасцы, луизианцы. Делегации из Бангладеш, Западной Бенгалии, с Мальдивов, Лаккадивов, Маршалловых Островов. Индонезийцы, встревоженные наводнением в Джакарте, австралийцы из той части страны, что несколько месяцев назад две недели удерживала звание самого жаркого места в мире. Найдется ли аудитория, более способная оценить прохладу?

Называлась конференция «Нижнемир». Разумеется, был у нее и логотип, и сувениры с этим логотипом. Стилизованная карта мира, на которой отмечены лишь те земли, что Т. Р. назвал бы «стохастическими»: все, что находится в паре метров над уровнем моря или еще ниже. И глубокие воды, и внутренние части континентов оставались незакрашенными. Так вместо привычной карты мира перед глазами протягивался опоясывающий Землю кружевной архипелаг: местами, как в Нидерландах, он утолщался, местами, как в Норвегии или на Западном побережье Америки, где суша резко выступает из воды, становился тоньше паутинки.

Всегда приятно работать с коллегой-профессионалом. Правила поведения для царственных особ на таких мероприятиях принц Бьерн знал в совершенстве. Не хуже Саскии он понимал, что

его задача здесь — произнести несколько слов (ровно столько, чтобы слушатели ощутили на себе некое королевское благословение, словно россыпь колдовской пыльцы), а после этого сесть и заткнуться. Улыбаться, кивать, вовремя хлопать. Так что он произнес свои волшебные слова, принцесса Фредерика — больше не королева, но все же особа королевской крови — свои, затем оба сели рядом в первом ряду и занялись своим делом. Принц Фахд бин Талаль играл более активную роль — но он и происходил из мест, где кое-какая власть у королей и принцев еще оставалась.

За вступительными словами последовала серия панельных дискуссий и сольных выступлений, искусно срежиссированная так, чтобы представители Маршалловых Островов и им подобные не чувствовали себя обделенными. Однако деньги здесь принадлежали норвежцам и саудитам. Бьерн выступал в качестве декоративной фигуры: реальной властью обладало трио, представляющее три восьмых совета директоров Нефтяного фонда. Название неофициальное — но так называли его все, ибо именно это он собой и представлял: суверенный инвестиционный фонд, в который Норвегия вкладывала всю прибыль

от продажи добытой в Северном море нефти за последние полвека или около того. В последний раз, когда Саския узнавала, в фонде насчитывалось более триллиона долларов — крупнейшая сумма в мире. А ей следовало это знать: ведь нефть с норвежских вышек поступала по морю в Роттердам.

Делегация от Нефтяного фонда состояла из двоих мужчин и одной женщины. Все они были лет пятидесяти-шестидесяти, одеты в повседневно-деловом стиле, ничем не знамениты и не примечательны. Вполне могли бы быть лекторами в Скандинавском университете или научными сотрудниками музея. Однако эти люди распоряжались триллионом долларов, заработанным на выбросах углекислого газа в атмосферу. Не случайно принц Бьерн посвятил свои инженерные таланты технологиям улавливания углерода; вполне возможно, он стремился продемонстрировать своим подданным достойный пример.

Саудиты выручали на продаже нефти намного больше норвежцев, однако выручку распределяли между фондами, компаниями и отдельными людьми сложными путями, в которых чужеземцам с Запада нелегко было разобраться. Впрочем,

разумно было предположить, что любезный хозяин «Полумесяца» владеет состоянием, сравнимым с объемом Фонда, — и, в отличие от руководителей Фонда, наверняка сам может решать, на что его тратить.

Принц Фахд оказался искусным оратором: не зря он получил степени в Оксфорде и в Йеле.

— Некоторые из нас живут в местах, расположенных слишком низко, — начал он с любезным жестом в сторону Саскии и кивком в сторону представителя Маршалловых Островов, — а я живу там, где слишком жарко. Возможно, у нас найдутся общие цели. Те из нас, кто получает прибыль, ухудшая ситуацию… — взгляд в сторону норвежцев, — возможно, хотели бы посодействовать в ее улучшении. Один из нас — тот, кто сегодня не смог приехать, — уже поразил мир, предприняв решительные меры для защиты Земли от ярости солнца. Немного позже мы поднимемся на вершину горы и увидим, как второй такой же агрегат, возведенный здесь, запускает в стратосферу над Албанией свой первый снаряд. Защитный покров, переносимый ветром, надеюсь, принесет некоторое облегчение нашим братьям и сестрам в Турции, Сирии и Ираке. Сейчас рассматривается возможность установ-

ки других подобных агрегатов намного южнее: надеюсь, это поможет и моей родине в борьбе с жарой, и всему Нижнемиру в борьбе с подъемом уровня моря.

Таково было первое публичное, хоть и довольно туманное упоминание о том, о чем Саския уже слышала от венецианцев: что саудиты разрабатывают какой-то собственный проект.

— Многие скажут — да уже и говорят, и достаточно громко, — что это в наилучшем случае временное, аварийное решение. Уверен, наши друзья с Мальдивов, Лаккадивов или Маршалловых Островов придерживаются иного мнения! Но, разумеется, в словах скептиков есть здравое зерно. Безусловно, мы не сможем долго выживать на программе, состоящей исключительно в том, что тонкий слой газа отбрасывает солнечное излучение назад в космос. Необходимо использовать краткую передышку, которую даст нам эта технология, чтобы *удалить из атмосферы углекислый газ.* — Он сделал выразительную паузу — и зал предсказуемо разразился аплодисментами. — И мы должны сделать это, — продолжал он, повысив голос, — в таком масштабе, который будет отвечать — или нет, даже превзойдет — объемы операций мировой угольной и нефтяной

промышленности за последние сто пятьдесят лет. Полтора столетия мы выбрасывали в атмосферу углекислый газ — а на то, чтобы убрать его оттуда, нам дано лишь несколько десятков лет. Это будет дорого. Но деньги у нас есть. Авраам Линкольн в своей второй инаугурационной речи сказал так: «Однако если Бог пожелает, чтобы Гражданская война продолжалась, пока не исчерпаются все богатства, собранные за двести пятьдесят лет и лежащие мертвым грузом, и пока за каждую каплю крови, пролитой кнутом, не будет заплачено каплей крови, пролитой мечом… и тогда следует сказать: верны и праведны решения Господа». Если в конечном итоге бенефициары в богатых нефтью странах перестанут купаться в роскоши, если жизнь их сделается скромнее благодаря переходу на современную экологически чистую промышленность — что ж, мы будем знать, что наши средства истрачены не напрасно.

Сильное заявление! Саския улыбалась, кивала, в нужных местах аплодировала. Собственного мнения о Фахде бин Талале у нее пока не было. Может быть, он искренне верит каждому своему слову; а может, и нет. Если верит — скорее всего, глубоко заблуждается. Может быть, завтра улетит в Рияд, и она никогда больше его не увидит

и ничего о нем не услышит. Но важная часть ее работы состояла в том, чтобы кивать и улыбаться откровенным мошенникам или безумцам (а также тем и другим вместе, в разных пропорциях), так что на данный момент это не имело значения. Он предлагает вложить крупную сумму в улучшение климата. С чем тут спорить?

Ключевая речь вышла настолько сильной, что остаток конференции на ее фоне показался почти излишним. Принц Бьерн модерировал экспертную панель, где обсуждались за и против различных схем по улавливанию углерода. Один делегат из лондонского Сити остудил пыл обсуждающих, заметив с места, что ни одну из этих схем не удастся оплатить. Потом все посмотрели высокобюджетную презентацию о предложении вымостить значительную часть Сахары солнечными батареями. Еще один докладчик утверждал, что все, что делает Т. Р., в один прекрасный день заменит облако зеркал между Землей и Солнцем.

После обеда планировалось разделить конференцию на секции, где будут обсуждаться различные темы. Но сначала долгий перерыв на ланч. Все погрузились на автобусы и доехали до вершины горы. Здесь, снова под навесом, гости

ели сухой ланч и запивали водой из бутылок, пока министр инфраструктуры и энергетики Албании произносила короткую речь, а затем хлопнула ладонью по большой красной кнопке на декоративной контрольной панели. Сверкнула вспышка, вылетел снаряд, и звуковой удар — о котором предупредили и заранее раздали беруши — перепугал всех до полусмерти. Точнее, всех, кроме тех, кто уже слышал этот грохот в Западном Техасе: Саскии, Аластера, Микьеля и Корнелии, в этот раз как-то необычно незаметной. Естественно, это заставило Саскию вспомнить и тех, кого сейчас с ней не было. Фенна, должно быть, едет сейчас сюда из аэропорта Тираны. Возможно, она тоже слышала гром. Виллем наслаждается продолжительным отпуском на Лазурном Берегу, а Амелия перешла в частную охранную фирму с головным офисом в Лондоне… Саския достала телефон и отбила сообщение Виллему:

> Только что запустили. Как жаль, что вас здесь нет!

> Счастлив, что меня там нет. ☺

Для наглядности Виллем приложил фотографию Реми, нежащегося у бассейна с коктейлем в руке.

В тот же день, ближе к вечеру, возникла неловкая ситуация, когда принц — не норвежский, а саудитский — попытался подарить Саскии самолет.

К счастью, ему хватило такта сделать это хотя бы не при всех. По завершении послеобеденной программы, но перед коктейлями, за которыми должен был последовать банкет, принц спросил Саскию, не возражает ли она сопроводить его на местный аэродром? Там, мол, найдется нечто такое, на что ей, возможно, интересно будет взглянуть. «Аэродром» — наверное, слишком сильно сказано для одной взлетной полосы в четыре километра, на которую в советские времена садились тяжелые военные самолеты. Но спорить было незачем. Саския лишь отправила сообщение Фенне, которая уже ждала ее в королевских покоях на яхте бин Талаля, готовая приложить руку к ее лицу и прическе, и предупредила, что немного задержится. И они отправились на «аэродром» кавалькадой из трех автомобилей: первый — для джентльменов, второй — для дам, третий для коротко стриженых парней с рациями и пистолетами.

В конце взлетной полосы стояли несколько припаркованных бизнес-джетов и пара 737-х,

зафрахтованных, чтобы доставить на конференцию делегации с разных концов света. Но лишь один самолет был украшен гигантской гирляндой. Да, гирляндой — точь-в-точь как на новом внедорожнике, который показывают по телевизору в рекламе Суперкубка! Только эта была ярко-зеленой: один бог знает, имелся ли в виду символ ислама или экологического движения. Самолет был необычной конфигурации, моторы тоже выглядели странно. Из открытой двери на полосу спускался трап, а у трапа ждали пилот в форме и мужчина в костюме — и все старательно делали вид, что ровно ничего особенного здесь не происходит.

Хорошо, что в автомобиле для дам она ехала одна: это позволило Саскии открыто проявить свои чувства. Когда ты королева, тебе то и дело что-нибудь дарят. Иногда странные вещи. Даже очень странные. Иногда неподобающие — в том смысле, что они наводят на мысль о конфликте интересов или о недолжном влиянии. Ей казалось, что стоило отречься от престола, и все это осталось позади. Видимо, нет. Наоборот, теперь, когда каждый ее шаг не разглядывают под микроскопом, стало только хуже! Саския засмеялась, застонала, закрыла лицо руками,

поежилась от почти физического дискомфорта, а потом собралась с духом и натянула на лицо благостную королевскую улыбку как раз в тот момент, когда шофер обогнул «бентли» и открыл перед ней дверь.

Одного она сделать не могла — сразу отказаться. Фредерика Матильда Луиза Саския должна играть свою роль. Придется осмотреть самолет. Сесть за штурвал, изобразить восторг, выслушивая объяснения пилота по имени Эрвин и мужчины в костюме по имени Клайд. Оба американцы. Клайд — основатель компании, которая производит такие самолеты: бизнес-джеты на водородном топливе, питающем мощные электромоторы. Деньги в производство инвестировал принц. И теперь все они вместе хотят всучить этот самолет ей!

— Когда вспоминаю Уэйко, — говорила она Аластеру несколько часов спустя, — так и подмывает ответить: «А, ладно, беру!»

Аластер в черном галстуке — на мероприятие такого класса даже он надел черный галстук — смотрел на дно своего стакана с виски и очень старался не ухмыляться. Неизбежное замечание, что ему почему-то никто никогда не дарит самолеты, он уже сделал. Было бы скучно и попросту

глупо дальше развивать эту тему.

— Это как карма. Хорошая карма, разумеется, — ответил он.

— Ну конечно. Особенно если вспомнить, что предыдущий самолет я разбила.

— Возможно, в этом следует винить свиней? — поднял брови Аластер.

— Или аллигатора, который гнался за свиньями. Или беженцев, преследовавших аллигатора. Или огненных муравьев, которые пережгли реле во всех кондиционерах. Так можно бесконечно перекладывать вину. Но за штурвалом сидела я. Все оправдания начинаются и заканчиваются в кресле пилота.

— Формально это была ваша ответственность, — согласился Аластер. — И все же в глубине души вы чувствуете, что Вселенная должна вам бесплатный самолет.

— Никогда не скажу этого вслух, но… черт возьми, да.

— А водить такой вы умеете?

— Абсолютно нет! После крушения летаю только на «Бивере». Но Клайд обещает одолжить мне Эрвина, пока не получу сертификат.

— Значит, вам дарят самолет вместе с пилотом… — Тут Аластеру пришла новая мысль: — А

где он заправляется? Разве водород можно купить в аэропорту?

— Понятия не имею… О! Норвежский наследный принц может знать!

Принц Бьерн уже придвинулся ближе, ожидая возможности вклиниться в беседу.

— Ваше королевское высочество, — начал он, — весь вечер сегодня восхищаюсь вами с другого конца стола. Вы великолепны.

Оказывается, Бьерн — в отличие от Аластера, не сказавшего ни слова о ее платье или прическе, — знает, как обращаться с дамами! Саския подмигнула ему в ответ, а затем представила Аластера как своего доверенного советника. Строго говоря, это было уже не так, но какая разница? Она просто хотела показать Бьерну, что здесь он может чувствовать себя свободно и говорить о чем хочет, ничего не опасаясь. Если захочет, конечно.

— Я слышал, — заговорил он, — о вашем новом самолете.

— Он не мой, пока я не приняла подарок, — предупредила она.

— Что ж, надеюсь, вы в настроении принимать дары, — улыбнулся он, — поскольку я уполномочен от имени своего отца предложить вам

королевскую яхту «*Bøkesuden*» в неограниченное пользование.

— Правда?!

— Правда. Безусловно, самолет на водородном топливе во многие места доставит вас куда быстрее…

— Вот только улететь оттуда я не смогу, пока не появится грузовик с водородными баллонами в кузове. А этого можно долго ждать!

— Вот и я о том же. Для некоторых миссий вам будет полезнее именно яхта.

— А что, мне предстоит ездить в какие-то *миссии?* — подняла брови Саския.

— Возможно, я неверно выбрал слово. Вы это уже отмечали. Иногда я мыслю слишком… слишком как инженер.

— Хорошо, Бьерн. Человеку, готовому подарить мне яхту, я готова простить любые неточности.

— Пользование яхтой, — поправил он ее.

— А что, если его величество король Норвегии захочет отправиться порыбачить? В то самое время, когда на его яхте буду я с какой-нибудь *миссией?*

— Мы же в Норвегии. Построим другую яхту!

Ложась спать, Саския думала, что все это просто смешно. Несколько друзей с самыми добрыми

намерениями и избытком денег слишком уж всерьез приняли шуточку про «королеву Нижнемира»… Завтра, во второй и последний день конференции, надо будет поговорить с каждым по отдельности и как-то аккуратно отшить вместе с их подарками.

Однако наутро Саския пришла к прямо противоположным мыслям. Глядя на безмятежно посапывающего рядом Микьеля, она поняла, что аккуратно отшить следует *его.* А вот остальных лучше начать принимать всерьез.

Что изменилось? Свежие новости и серия сообщений, пришедших, пока она спала. Похоже, и в Новой Гвинее, и в Западном Техасе происходит много интересного. И не только там. Индия выпустила заявление о «необходимости климатического миротворчества» и осудила вчерашний запуск снаряда в Албании, при этом намекнув, что оставляет за собой право на асимметричные действия. Китай в столь же угрожающем тоне заговорил о нестабильности на Папуа. Притязания Индонезии на западную часть Новой Гвинеи, заявили китайцы, — не что иное, как рудимент нидерландского колониализма, давно дискредитированный образ мысли. Соединенные Штаты, которые прежде вмешивались в подобные ситу-

ации по всему миру, сейчас находятся на грани краха и превратились в мировое посмешище; Организация Объединенных Наций не способна действовать быстро; однако необходимо как-то защитить страдающих жителей Папуа, а заодно обеспечить безопасность месторождения меди, имеющего мировое значение. И во всех новостных потоках мелькали слова «Снеуберг» и «РоДаШ» — неприятные напоминания о том, что все это прямо связано с Нидерландами.

Вчера, во время разговора о выбросах углекислого газа в атмосферу, Норвегия приняла на себя удар, который с тем же успехом мог быть направлен и в родину Саскии, и даже в нее лично. «Ройял Датч Шелл» была прежде одной из крупнейших нефтяных компаний мира. В течение двадцатого века она аккумулировала огромные богатства. Только в последние пятьдесят лет, когда Нидерланды утратили свои колониальные владения, на нефтяном олимпе их затмила Норвегия. Операции фондовых рынков распространили владение «Шелл», вместе и с доходами, и с ответственностью, среди акционеров по всему миру. Теперь родина Саскии тихо принимала у себя в Роттердаме сырую норвежскую нефть, очищала, перегоняла по трубам вверх по Рейну

— и этим довольствовалась.

Аластер называл все это «мусором». Метафора из программирования: речь идет о разрозненных остатках старых, нефункционирующих программ и кодов. Вот и здесь такой же мусор, только геополитический. Однако «мусор» реален, у него бывают последствия. С ним надо что-то делать. Тем, кто намусорил, придется убрать за собой. И, похоже, мир ждет, чтобы Саския взяла на себя хотя бы часть этой задачи.

Линия

Разумеется, подарок оказался с условием. А что нам в жизни достается без условий? Во время расслабленной болтовни после ужина принц Фахд вновь заговорил о самолете. Извиняющимся, почти виноватым тоном, словно упрекая себя за то, что преподнес принцессе Фредерике нечто неподходящее, упомянул, что дальность полета у него, конечно, не такая, как у современных бизнес-джетов. О беспосадочных перелетах из Схипхола в Сидней можно забыть. В этом отношении его подарок больше похож на «Бивер»: короткие перелеты, частые остановки. Мало того, и останавливаться можно далеко не везде: много ли найдется мест, где доступен водород? Очень немногие аэродромы готовы использовать такое топливо. Однако в самых технологически продвинутых странах эта проблема решается так: прямо к взлетной полосе подъезжает грузовик со сжатым водородом и закачивает свой груз напрямую в топливные баки самолета. Конечно, это требует чуть более сложного планирования, однако люди принца с радостью ей в этом помо-

гут, пока принцесса Фредерика и ее команда сами всему не научатся.

Саския подавила желание признаться, что «команды» — в том смысле, в каком он употребляет это слово, — у нее больше нет. Наверное, рано или поздно снова появится. Небольшой штат помощников она сможет себе позволить. Но не сейчас, когда наконец-то никем больше не распоряжается — и радуется простоте и свободе жизни без слуг.

— Если вам будет интересно отправиться в пробный круиз, — продолжал принц Фахд, — я бы предложил вашему королевскому высочеству обратить внимание на Линию. Она не так уж далеко отсюда, расстояние позволяет прямой перелет. И, в соответствии с нашей программой декарбонизации, аэродром там, разумеется, оборудован всем необходимым для хранения и транспортировки водорода. Не побоюсь сказать, на сегодняшний день этот аэродром лучше всех в мире приспособлен для самолетов на водородном топливе.

О Линии Саския уже слышала. Абсолютно новый город, длиной в сотню миль, но шириной всего в несколько кварталов, построенный саудитами на необитаемой прежде территории.

Западный его конец выходит на залив Акаба на севере Красного моря, восточный уходит далеко в пустыню. Проект был начат несколько лет назад, под фанфары и с большими надеждами, однако затормозился после убийства Хашогги, приведшего к уходу многих международных партнеров.

Описание, данное принцем, звучало вполне правдоподобно. Когда строишь с нуля аэродром и в распоряжении у тебя бесконечный фонд нефтедолларов, почему бы не оснастить его хранилищем водорода? Да ты можешь хоть взлетные полосы золотом вымостить!

На мгновение она задумалась, не будут ли ее там ждать папарацци. К чести Фахда, он догадался о ее сомнениях и тут же их развеял.

— Это ни в коей мере не официальный визит, — поспешил добавить он. — Напротив, любая публичность здесь будет контрпродуктивна! К счастью, воздушное пространство контролируем мы.

После такого обещания принцесса Фредерика согласилась совершить завтра пробный полет на Линию при условии, что позже сможет вернуться и воссоединиться со старым добрым «Бивером». Принц воспринял это как безоговорочное согласие и кивнул.

— Завтра все будет готово, — объявил он. — Вылетим, разумеется, когда вам будет удобно; но могу ли я осмелиться попросить вас быть готовой к девяти утра?

Принц был не из тех, кому легко отвечать «нет». Он точно знал, чего хочет, привык добиваться своего, и его любезность напоминала покрывало из тончайшего шелка, под которым скрывался гранит. Вот так принцесса Фредерика вдруг оказалась обязанной не только принять дорогой подарок, но и назавтра, в девять с небольшим, сидеть в кресле второго пилота, наблюдая за тем, как Эрвин ведет ее новый самолет к Линии.

«Напротив, любая публичность здесь будет контрпродуктивна!»

Саскии следовало бы сейчас сосредоточиться на особенностях и принципах управления самолетом на водородном топливе. Эрвин с готовностью все ей рассказывал и показывал, исходя из того, что в будущем ей предстоит управлять самой. И ей даже удавалось изображать вполне пристойный уровень интереса — но лишь благодаря многолетним тренировкам в необходимом для всякого монарха искусстве вежливо симулировать интерес к чему угодно. Эрвин, кажется, остался разочарован — как минимум немного

обескуражен тем, как легко она погружалась в молчание, снова и снова обдумывая слова принца.

Фахд хочет показать ей нечто, находящееся на Линии или поблизости. Нечто, связанное с глобальным потеплением. Нечто такое, что пока требуется держать в тайне.

И еще это странное замечание в конце: «Воздушное пространство контролируем мы» — с ударением на «мы». Но это же очевидно! Разумеется, воздушное пространство Саудовской Аравии контролирует Саудовская Аравия. К чему это подчеркивать?

Видимо, он намекнул на контраст между саудитами и кем-то еще, кто *не контролирует* свое воздушное пространство. Может быть, Т. Р.? У него ведь вся система построена на запуске снарядов в воздушное пространство, на которое он по закону не имеет никаких прав. Если хочешь делать то же, что Т. Р., но беспокоиться о правилах ФАА тебе не приходится — что ты используешь вместо гигантских Шестиствольников?

Пролетая на крейсерской высоте над бесплодными горами Синая, было почти невозможно разглядеть два растопыренных «зубца» Красного моря, загибающихся вдоль горизонта влево и

вправо. Правее — Суэцкий залив: даже с такого расстояния заметно, что он полон кораблей и воздух над ним черен от дыма и копоти. Саския знала: множество этих огромных грузовых судов идут из Маасфлакте или в Маасфлакте — единственный порт, способный их принять. Слева распростерся залив Акаба: он шел вдоль восточного берега Синая, отделяя Саудовскую Аравию от Египта. Здесь кораблей было куда меньше, ведь это тупик. На северной оконечности залива устроили свои опорные базы израильтяне и иорданцы — отсюда выходили в Красное море и далее на восток их суда.

А к югу от этих портов, словно прикрепленная одним концом к восточному берегу Акабы с саудовской стороны, начиналась Линия. От самого берега — вперед через пустыню, более чем на сотню миль. При взгляде сверху спинной хребет города — пара тоннелей, проходящих по нему из конца в конец, по которым стремительно мчались магнитопланы[94] с людьми и грузами, — казался в целом завершенным. Почти на всем своем протяжении он выглядел не более чем неглубоким шрамом на безжиз-

[94] Примечания: 94

Поезд, движимый силой электромагнитного поля без соприкосновения с рельсами. Развивает скорость, сравнимую со скоростью самолета.

ненном лице пустыни. По всей длине тоннеля, через равные промежутки, виднелись наметки будущих станций и жилых кварталов. Дальний конец, в ста семидесяти километрах от моря, был едва виден. Однако, приглядевшись, Саския различила строгие фаланги черных квадратов, марширующие через пустыню, — солнечные панели, извлекающие энергию из того, что в этом жарком королевстве в избытке и ничего не стоит: солнечного света. Гораздо проще — поскольку аэродром находился ближе к западному концу Линии — было разглядеть порт и корабли в порту. У причала разгружались два китайских контейнеровоза; еще один ждал своей очереди, выбрасывая в жаркий, напоенный солнцем воздух клубы черного дыма. В отличие от кораблей в Роттердаме, груз которых представлял собой пеструю мозаику цветов и логотипов, здесь все было одноцветным. Почти все контейнеры, за редкими исключениями, желтые с зелеными логотипами. Саския догадывалась, что во всех — солнечные панели или комплектующие к ним, все от одного производителя, и что конечный пункт их назначения — все то же белое пятно на карте, на противоположном конце Линии.

Приземлился самолет очень аккуратно. Как

выяснилось, его моторы могут изменять направление тяги и эффективно тормозить, так что длинная посадочная полоса ему ни к чему, особенно когда водородные топливные баки почти пусты. Посадка не сопровождалась никакими таможенными процедурами. И не только потому, что прилетела особа королевской крови, а у трапа ее встретил принц. Линия пользовалась своего рода экстерриториальным статусом: визы и все прочее, что мешает иностранцам путешествовать по Саудовской Аравии, здесь не требовались.

Не задержавшись на раскаленной полосе ни секунды дольше необходимого, принц усадил принцессу в холодный как лед «бентли» и сам, к ее удивлению, сел рядом. В Вадане он соблюдал традиционное разделение транспорта на женский и мужской — здесь, как видно, считал это излишним. Или, быть может, двух «бентли» просто не нашлось в гараже. Ехать было совсем недалеко: к колоссальному, но безликому ангару по другую сторону паутины взлетно-посадочных полос.

— Видели контейнеровозы? — спросил Фахд, когда они обогнули подъезжающий водородный танкер и направились в конец аэродрома по подъездной дороге для такси.

— Да, похоже, китайцы проявляют большой интерес к этому проекту. — С другим собеседником она бы добавила: «А вот западные компании что-то зевают!» — но сейчас решила промолчать.

Фахд поморщился и махнул рукой.

— Покупаем то, что они продают, не более того. Свою помощь Китай предлагает по высокой цене — цене, которую нам нет нужды платить.

— И какую часть Пустой Четверти[95] вы планируете вымостить фотопанелями?

— Знаете ли, — заговорил он, поставив локти на колени и наклонившись вперед, — мы уже привыкли выручать большие, очень большие деньги на продаже энергии. И намерены продолжать и после того, как у нас закончится нефть. Скажу без обиняков: мы установим столько фотопанелей, что это изменит климат!

— Потому что панели предотвратят выброс в атмосферу огромного объема CO_2, — кивнула Саския.

— И это тоже, но я сейчас не об этом.

— А о чем же?

— У пустыни, почти на всей ее территории, вы-

---

[95] Примечания: 95

Пустая Четверть (Руб-эль-Хали) — обширная песчаная пустыня на Ближнем Востоке, занимающая южную треть Аравийского полуострова, одна из крупнейших пустынь в мире.

сокая отражающая способность. Солнечный свет отражается от почвы светлых тонов и возвращается обратно во внешние слои атмосферы, откуда не может нагревать планету. Солнечные панели, наоборот, темного цвета. Они ведь предназначены для того, чтобы поглощать солнечные лучи, а не отражать. Они нагреваются. Нагреваются сильнее светлого песка, на котором установлены. Горячий воздух быстрее поднимается вверх, значит, увеличивается конвекция. А это прямо влияет на погоду.

— Вы уже строили модели?

— Мы — нет. Модели строят вон те ребята. — И Фахд указал на ряд передвижных офисов без опознавательных знаков, сгрудившихся на узкой полосе в тени у северной стены огромного ангара. Немногочисленные окна в офисах были затянуты зеркальной пленкой. Установленные на крышах кондиционеры выбрасывали в воздух струи горячего пара.

— А что за «ребята»?

— Израильтяне.

Смешно сказать, но после такого предисловия ей представилось, что ангар полон компьютеров и все трудятся над расчетами климатических моделей.

Разумеется, нет. Заниматься этим прямо здесь израильтянам было вовсе не нужно. Ангар, как оказалось, целиком занимал один-единственный самолет. Очень странный самолет — таких она никогда прежде не видела. Он был закончен — в том смысле, что к фюзеляжу приделаны крылья и хвост, — но окружен паутиной лесов. По ним сновали рабочие в касках и светоотражающих жилетах. Рабочих не так уж много, и они явно не слишком заняты. Вся сцена напоминала не сборочный цех середины двадцатого века, а скорее сборку современного космического корабля — дело, в котором требуется не быстрота и напор, а вдумчивость и точность.

Однако очертания гигантского самолета ничем не напоминали плавные линии ракеты. По виду он скорее вышел не из научно-фантастического фильма, а из детского мультика. В самом деле, словно игрушечный самолетик, увеличенный во много раз! Необычайно длинные крылья торчат из боков под прямым углом. Ничто не отклонено назад, ничто не сглажено, не оптимизировано ради скорости или маневренности. Похож на планер, на глайдер — только с двигателями.

Рабочий в каске, судя по лицу, из Восточной Африки, ждал их за рулем машинки для гольфа.

Саскии уже начинало надоедать, что ее возят, как мешок, с места на место. В конце концов, не случайно она выбрала профессию пилота! В Нидерландах, перед камерами, она отказалась бы и пошла пешком. Но, как говорится, в чужой монастырь… Она нацепила обязательные защитные очки, и их с Фахдом повезли на малой скорости вокруг самолета.

— С любым другим гостем я пустился бы в долгие подробные объяснения, — сказал Фахд, когда машина обогнула по широкой дуге изящный обтекатель крыла. — Но с вами…

— Сконструирован по образцу самолета-шпиона U-2, — сказала Саския. — А тот, в свою очередь, по образцу глайдеров. Конструкция рассчитана на полет на экстремальных высотах, от семидесяти до восьмидесяти тысяч футов. Из-за разреженного воздуха такой самолет трудно сбалансировать и еще труднее удерживать равновесие в полете. Возможно, он вообще не смог бы стабильно держаться в воздухе, если бы не компьютеры в управляющей цепи.

— Очень хорошо, — сказал Фахд. — А груз?

— Весь фюзеляж заполнен цистернами. Разделен на несколько отделений, чтобы контролировать перемещение груза во время полета и

распределение веса. В цистернах на взлете сернистый газ, а при посадке они пусты. Поскольку единственная цель полета — впрыснуть побольше SO_2 напрямую в стратосферу.

— Мое присутствие как гида здесь явно излишне! — воскликнул принц, и маска невозмутимого достоинства у него на лице на миг треснула, озарившись широкой улыбкой.

Саския приняла и оценила комплимент; однако она умела распознавать лесть. Создание такого самолета обсуждалось уже несколько десятилетий. Ей случалось видеть компьютерную анимацию очень похожих моделей — в основном в видеопрезентациях, рассказывающих о том, к добру или к худу способна изменить климат солнечная геоинженерия. В зависимости от того, что думали об этом авторы, анимация сопровождалась тревожным рокотом ударных или оптимистическими фанфарами и напоминала либо конец света, либо рассвет новой эры. В любом случае не понять, что это такое, мог лишь очень плохо информированный человек.

— Корпус самолета спроектирован… профессионалами, — продолжала она. — Крылья составные, их явно изготовили специалисты по лопастям ветряных турбин. Двигатели я узнаю, но вы их

модифицировали для экстремальной высоты. Корпус готов: это самая легкая часть. А теперь наемные инженеры со всего света устанавливают на самолет системы управления.

Она заметила, что комбинезоны рабочих украшены самыми разными логотипами, и большинство из них ей знакомы. Впрочем, все логотипы невелики и выглядят очень скромно, так что разглядеть их можно, лишь подойдя поближе. Американцы, немцы, израильтяне, японцы — кто только не работал над функциональными компонентами этого самолета, пользуясь очками с ДР-функцией, чтобы представлять, как будет выглядеть вся система целиком!

— При всем уважении к доктору Шмидту, которому действительно удалось совершить нечто выдающееся, — заговорил Фахд, — мы полагаем, что будущее солнечной геоинженерии — за нами. Вторая волна, если хотите. Первая волна — это паллиативная мера. Просто выбросить в атмосферу столько SO_2, чтобы почувствовать разницу. Для первого шага разумно: когда в доме пожар, мы заливаем его водой. Но вторая волна поставит себе задачу настроить распределение серного слоя так, чтобы достичь результатов…

Саския внимательно смотрела на него. Ей

показалось, что он хотел закончить словами «результатов, которые нам нужны», но после кратчайшего колебания изменил формулировку:

— …результатов, благотворных для всех.

Путешествие вокруг мегасамолета окончилось в кафетерии, установленном в дальнем углу ангара. Несколько рядов складных столиков, персонал, состоящий, как догадалась Саския, из филиппинцев и бангладешцев, суперсовременные кофейные автоматы.

— Вы, должно быть, умираете от голода, — сказал принц Фахд, протягивая ей руку и помогая выйти из машинки для гольфа, хотя его помощь здесь вовсе не требовалась.

Саския согласилась, что чашка кофе и, возможно, круассан были бы сейчас очень кстати.

Обеденный перерыв уже закончился. Кое-кто из рабочих сидели здесь, обедая в одиночестве или что-то обсуждая друг с другом. У кофейного автомата остановился мужчина с коротко подстриженными волосами песочного цвета и дочерна загорелой шеей. Он умело управлялся с интерфейсом кофемашины; Саския наблюдала, заглянув ему через плечо, и когда до нее дошла очередь, без особых мучений сделала себе вполне приличный макиато. Повернувшись и обведя

взглядом столики, нашла принца Фахда; он устроился подальше от остальных и просматривал сообщения в телефоне. Саския села напротив и принялась за кофе и булочку.

— Тысяча извинений, — пробормотал принц. — Знаете, как это бывает: вдруг я всем срочно понадобился.

— О, не стесняйтесь, я пока спокойно поем.

Спокойно поесть ей удалось не больше тридцати секунд — после этого телефон Фахда издал пронзительный звон.

— Простите, мне придется ответить, — проговорил он, встал и отошел, на ходу начав разговор на английском, но почти сразу перейдя на арабский.

Саския перевела взгляд с его опустевшего стула на соседний столик. Мужчина с песочными волосами устроился там и беззастенчиво ее рассматривал. Зеленые глаза его смотрели спокойно и пристально: ни следа атавистического преклонения, охватывающего многих при виде царственных особ.

— Ваш друг Т. Р. — человек незаурядный, — сказал он.

По-английски незнакомец говорил не совсем правильно, с незнакомым мелодичным акцен-

том, который Саския сочла восточноевропейским. Впрочем, по косвенным свидетельствам было ясно, что перед ней израильтянин.

— Друг? Сильно преувеличено, хотя его, безусловно, есть за что уважать.

— Хорошо, пусть не друг, но человек, в чьем обществе вас время от времени видят.

— Разве что наблюдатели со сверхъестественно острым зрением. Но продолжайте.

— Возможно, он неправ, возможно, безумен; но нельзя не восхищаться его целеустремленностью. — Израильтянин сделал ударение на последнем слове. Целеустремленность была ему явно по душе. — Очень важно. Великий дар! Но иногда целеустремленность начинает мешать. Возникает тоннельное зрение. Сосредоточившись на своей цели, вы не видите полной картины.

— Что вы имеете в виду?

— То, что может незаметно подкрасться сбоку и нанести удар.

— Я уже некоторое время не видела Т. Р., но при встрече непременно ему это передам.

— В Вадане его не было.

— Верно.

— Странно, не правда ли? Неужто ему не

хотелось посмотреть, как заработает второй Шестиствольник?

— Немного неожиданно. Но, видимо, он сейчас очень занят в какой-нибудь другой части света.

— В другой — мягко сказано! — фыркнул израильтянин. — Похоже, он просто фанат странных и опасных частей света! — Он отпил кофе. — Послушайте, что я скажу. Возможно, вам стоит поговорить со своим другом. Сказать, что ему пора поднять голову от своей дыры в земле и оглядеться вокруг. И быть осторожнее.

— Не объясните ли поконкретнее?

— Источники и методы, — значительно ответил он. Профессиональный жаргон разведчиков; это означает: «Если я расскажу вам то, что знаю, вы неминуемо поймете, откуда я это узнал». — Может быть, ему стоит взглянуть на север.

— Куда на север? В Оклахому? В Канаду?

— Так вы не знаете, где он? — понял израильтянин. — Т. Р. сейчас в Новой Гвинее.

Эта новость поразила Саскию. Не то чтобы она была сильно удивлена — скорее ее охватило чувство какой-то неотвратимости. «Бразос РоДаШ», селфи от Корнелии, контакты Виллема с папуасскими борцами за независимость…

— Думаю, это следовало предвидеть.

— Как держатель акций компании, я бы на вашем месте присмотрел за своими инвестициями, — скучающим светским тоном заявил израильтянин. — Послушайте, нам нравится Т. Р. Нравится то, что он делает. Он нам помогает, — его взгляд скользнул к огромному самолету, — делать то, что делаем мы. Но у нас есть причины думать: наступило время, когда ему стоит быть начеку.

— И сообщить ему об этом почему-то должна именно я.

— Техасцы! — развел руками израильтянин. — Очень трепетно относятся к личным отношениям — я бы сказал, как и некоторые другие этнические группы. Вас он уважает. И к вам прислушается. Вот и все, что я могу сказать.

Саския кивнула.

— Хорошо, но вам-то во всем этом какой прок?

— Никогда не спрашивали себя, зачем библейские народы сотни лет сражались за наш клочок земли? Почему он так волновал даже римлян? В то время Израиль был ценным приобретением. Земля, текущая молоком и медом. А теперь из-за потепления превратился в сущую дыру.

— Значит, вы хотите вернуть молоко и мед?

— Именно.

— И ничего больше?

— А вы о чем подумали?

— Возможно, я чересчур цинична, — начала Саския, — но мне пришло в голову, что вы с саудитами можете объединиться, чтобы вместе покончить с Ираном.

Израильтянин пожал плечами:

— Лично мне это доставило бы большое моральное удовлетворение. Но… климатические модели сложны, знаете ли.

— Аравийский полуостров сам по себе огромен. Добавив к нему на севере Израиль и Иорданию, мы получим территорию огромной протяженности. Если эти самолеты будут летать на юг… не думаю, что у Сомали найдутся технологии, позволяющие сбивать их в стратосфере. Вы сможете долетать до экватора и дальше. Сможете посылать самолеты в любую точку в этом огромном диапазоне. Выбрасывать SO_2 именно там, где хотите. Лечить региональный климат акупунктурой.

Израильтянин сделал еще глоток и встал со вздохом, словно сожалея о том, что приходится прерывать интересную беседу и покидать недопитый кофе.

— Мне нравится сравнение с акупунктурой.

Если позволите, я его украду.

— Оно не мое.

— Благодарю за то, что уделили мне время, ваше королевское высочество.

Саския подождала, пока он скроется, затем обвела взглядом кафетерий в поисках Фахда бин Талаля. Он еще разговаривал — или делал вид, что разговаривает, — по телефону, искоса присматривая за ней.

Она достала свой и написала сообщение Виллему.

> День настал. Примерно на год раньше, чем я думала.

Виллем знал, что это значит. Окончен ее «отпуск», и он снова ей нужен.

> Ха! Даже быстрее, чем я ожидал. И что от меня требуется?

Туаба

Виллем мог позволить себе номер в любом из современных отелей, выросших за последние десятилетия вокруг однополосного аэродрома в Туабе. Но вместо этого спал на матрасе в задней комнате у дядюшки Эда.

Если смотреть с воздуха — даже с такой высоты, откуда видны целиком Австралия, Индонезия и весь Индокитай, — это место несложно найти. Оно похоже на серый шрам на южной стороне Новой Гвинеи. Аллювиальное русло реки, впадающей в Арафурское море, истоки которой находятся в ледниках на хребте острова — горной цепи, по высоте уступающей лишь Андам и Гималаям. В отличие от прочих рек, стекающих с этих склонов — а их немало, учитывая, что ледники тают, а осадки в этих краях порой превышают десять метров в год, — река, протекающая через Туабу, серого цвета, поскольку несет с собой те осадочные породы с медного рудника, что не выветрились естественным путем и не успели окислиться.

Дядюшку Эда звали вовсе не Эдом, да и Вил-

лему он приходился совсем не дядей. Приехал он в эти края в 1970-х и открыл здесь то, что изобретательно назвал «логистическим депо», а попросту говоря, магазин-склад запчастей для бульдозеров. Позже в его бизнесе появились новые направления: ремонт вертолетов, поставка буровых установок и труб для трубопроводов. Место для жилья он себе обустроил так: соскреб бульдозерным ковшом все живое с клочка земли на речном берегу, а потом продал этот бульдозер «Бразос РоДаШ». Вокруг рос и обретал форму город Туаба, побуждая Эда время от времени укреплять периметр безопасности. В ранние годы он довольствовался земляной насыпью с колючей проволокой наверху; в наши дни его жилище окружали старые ржавые контейнеры, поставленные в два этажа, а поверху тянулись острые, как бритвы, стальные ленты. За этими стальными стенами по неасфальтированному участку, в любой момент времени наполовину состоящему из серой грязи, ездили туда-сюда грузовики и прочий тяжелый колесный транспорт. Когда грязи становилось столько, что она начинала мешать коммерции, дядюшка Эд выбирался из своей норы — полудома, полуофиса, — шел на ближайший к улице край своих владений,

заводил какой-нибудь из ржавых бульдозеров, выстроившихся там рядком, и ехал решать проблему. Вьющиеся растения, успевшие густо оплести бульдозер за время бездействия, трещали и хрустели под гусеницами. Дядюшка Эд скреб ковшом грунт где-нибудь на возвышенности и засыпал этим грунтом яму. Потом ставил бульдозер на место, шел обратно в дом и возвращался к своим обычным занятиям: смотрел по телевизору баскетбол и вел со случайными собеседниками в соцсетях пламенные дискуссии на самые разные темы. Время от времени на экране камеры слежения, установленной на воротах, появлялось знакомое лицо: Эд нажимал на кнопку, дверь открывалась, и гость проходил внутрь. Чаще всего старые друзья приходили поиграть в бадминтон. Для этой цели у дядюшки имелся прямоугольный искусственный газон, привезенный сюда в 1982 году: тогда в него был завернут карданный вал для самого большого в мире грузовика, доставленный в город по реке от самого Арафурского моря. Должно быть, приверженность бадминтону нейтрализовала последствия курения и обеспечила Эду долгую жизнь.

Естественно предположить, что Туабу приезжие отжали у коренного населения; на самом же

деле до того, как в этих краях поселились дядюшка Эд и ему подобные, здесь вообще никто не жил. Дальше на юг, вдоль берега моря, люди испокон веков бороздили болотистые озера и устья рек на своих долбленках, питались рыбой, креветками, птицами и плодами саговой пальмы, с переменным успехом спасались от малярии. На севере — другие племена: эти жили в горах, повыше болот, но ниже верхней границы леса, ели бататы, диких свиней и мелких сумчатых, страдали от фрамбезии, анемии и нападений соседних племен. Но этот срединный пояс, соединивший в себе все худшее из обоих миров, попросту не стоил того, чтобы здесь жить. Разумеется, если вы не работаете на техасскую компанию, задавшуюся целью соорудить на вершине высочайшей горы этого острова крупнейший в мире открытый медный рудник.

Туаба была самой высокой точкой на реке, до которой доходили баржи из устья. Располагалась она всего в нескольких метрах над уровнем моря. В Туабе баржи приходилось разгружать и оставшиеся сто километров везти груз по суше. Ключевая деталь: конечная точка пути находилась на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. Поскольку дороги поначалу не

существовало, первым наверх доставили все необходимое для дорожного строительства. Древние проржавелые бульдозеры, выстроенные в ряд (кое-кто, пожалуй, сказал бы «похороненные») на дворе у дядюшки Эда, представляли собой своего рода археологический памятник тех давних времен. Впрочем, неполный: многие бульдозеры без следа канули в болотах.

В настоящее время в городе, занимающем пару миль на западном берегу реки и растянувшемся на милю в сторону бывших джунглей, проживало около ста пятидесяти тысяч человек. Его окружали пригороды: туда переселялись те, кому не нравилась скученность и теснота. Многие приятели Эда по бадминтону переехали подальше от центра, но самого Эда его место обитания вполне устраивало. Кажется, он полагал, что стоит ему покинуть свою берлогу больше чем на несколько часов — и она немедленно падет под натиском черной плесени вкупе с городскими вандалами. Бизнес давно уже вели более молодые члены клана; многие из них работали из офисов в Сингапуре, на Тайване или в городе Дарвин на севере Австралии. Этим людям случалось месяцы, даже годы не ступать на землю Новой Гвинеи.

Суть бизнеса была проста: находить по зака-

зу очень специфические предметы и детали, поставлять туда и тогда, где и когда они требуются, и, главное, не подводить. Рудник вместе со всем, что к нему прилагалось, пожирал в общей сложности десятки тысяч галлонов топлива в час. Моторы, работающие на таких мощностях, требовали разнообразных запчастей и оборудования, как стационарного, так и мобильного. И почти ничто из этого оборудования не сходило с конвейера готовеньким. Типовые механизмы, как правило, неспособны работать на высоте четырех тысяч метров и на одном из сложнейших в мире рельефов. Все здесь должно быть особенным. Вертолеты — со специальными лопастями для разреженного воздуха. Сгоревший мотор или сломанный карданный вал нужно заменять немедленно: простой машины сто́ит на много порядков дороже ремонта. Не одна компания дядюшки Эда оказывала здесь подобные услуги, однако конкуренцию она выдерживала отлично — настолько, что младшие члены клана, как Беатрикс, имели возможность получать первоклассное образование и становиться гражданами первого мира.

По большей части бизнес велся по Интернету. Но нужен был и физический склад. Так что

дядюшка Эд, так сказать, обслуживал оба конца гауссовой кривой. Он был основателем и директором фирмы — и он же заделывал ямы вокруг склада при помощи ржавого экскаватора. А все, что между этими двумя крайностями, перепоручил молодежи. Конечно, мог бы переехать и провести остаток жизни в каком-нибудь более политически стабильном месте. Но, навидавшись всякого дерьма в Индонезии, дядюшка Эд пришел к выводу, что политическая стабильность *где угодно* — иллюзия, верить в которую может лишь конченый простак. Точнее сказать (здесь он фактически применял антропный принцип), простаки верят в стабильность, поскольку живут в местах, где она, по какой-то счастливой случайности, пока держится. Но лучше уж жить там, где откровенно опасно, — по крайней мере, знаешь, чего ждать. В молодости Виллем считал это чушью, но после Трампа и QAnona понял, что дядюшка-то, пожалуй, прав.

Итак, первыми здесь поселились техасцы. На хвосте у себя привезли выходцев из Нидерландов и из Австралии. Довольно скоро начали появляться и люди вроде Эда. По документам Эд был гражданином Индонезии, по культуре — хуа-

цяо[96]; бизнес вел по-английски, когда надо, мог объясниться по-мандарински, во всех прочих случаях говорил на фучжоу. В Ириан-Джайе (так называлась в те дни Западная Новая Гвинея) он делал для «Бразос РоДаШ» то же, что до войны делали его предки для «Ройял Датч Шелл» на Яве.

Рудник привлек внимание индонезийцев: почти все они были мусульманами, иными по расе и культуре, чем местное население — папуасы. Итак, во вторую очередь поселение приросло индонезийскими кварталами, мечетями, школами, футбольными полями, а также выросшими вокруг аэродрома магазинами, отелями, барами, офисами, без которых не может жить белое население. Начались попытки обучать и нанимать местных жителей; платили им, по местным меркам, очень серьезные деньги — и местные толпами двинулись в город. По договоренности с индонезийским правительством «Бразос РоДаШ» строила здесь школы, поликлиники, современные дома, вертолетные площадки. Число их росло, поскольку росло и население — все больше местных жителей, привлеченных всеми благами цивилизации, мигрировали из окрестных райо-

[96] Примечания: 96

Буквально «китайские эмигранты» — выходцы из Китая, проживающие в других странах.

нов в Туабу.

Согласно неформальной договоренности, восходящей еще к колониальным временам, половина Новой Гвинеи к северу от гор была вотчиной протестантских миссионеров, а половина к югу — католических. Этим объясняется существование в Туабе нового католического собора и связанного с ним комплекса из нескольких католических школ, монастыря, больницы и так далее. Разумеется, в эту церковь могли ходить и белые католики из Европы; но в первую очередь она предназначалась для папуасской паствы, которую обратили и продолжают обращать миссионеры. Отсюда и явилась сестра Катерина, папуасская монахиня, с которой Виллем преломил хлеб в Гааге в день великой бури, произошедшей словно в прошлом веке и за сотню световых лет.

Можно вполне рационально объяснить (что многие и делают), почему всем этим разнородным группам нелегко ужиться вместе. С точки зрения индонезийских националистов, рудник, принадлежащий белым и руководимый белыми, — чистый рудимент колониализма, существующий лишь потому, что в 1970-х годах тогдашнее правительство Индонезии решило

привлекать в страну иностранные капиталы. Даже усилия «Бразос РоДаШ» по подготовке индонезийских инженеров и менеджеров, благодаря которым руководство рудником постепенно приобретает национальный окрас, с определенной точки зрения кажутся особенно коварным и злостным проявлением культурного империализма.

Для папуасов же иноземные колонизаторы — не кто иные, как индонезийцы: это они понаехали десятками тысяч в Туабу и другие подобные места, понастроили здесь свои мечети и так далее. Белые христиане в принципе не лучше; но у них есть выходы на СМИ, правозащитные организации и даже на ООН — механизмы, способные помочь папуасам вернуть свою землю себе. А в пребывании в составе Индонезии никакие положительные стороны не просматриваются. Большинство папуасских националистов действуют систематически и упорядоченно, в рамках закона: к таким относятся Беатрикс и сестра Катерина. Но в горах хватает и рассерженных молодых людей с огнестрелом, мачете и динамитом. Много ли? Достаточно, чтобы оправдать постоянное присутствие в Туабе сотрудников индонезийской госбезопасности. Очевидные ми-

шени хорошо защищены (в этом убедится всякий, кому вздумается незаметно пробраться в берлогу дядюшки Эда), так что террористы целят в слабые, незащищенные звенья. Убийцы на мотоскутерах расстреливают на улице людей, идущих по своим делам. Взрывают пульпопроводы[97] где-нибудь в непроходимых болотах. Закладывают бомбы под капоты грузовиков. К общему страху и паранойе добавляет красок распространенное мнение — неважно, верное или нет, — что некоторые из этих злодеяний совершают не папуасские националисты, а сами индонезийские копы, дабы оправдать свое присутствие и выбить себе дополнительный бюджет. И совсем отдельный от всего этого маленький мирок составляют белые экспаты — в своих закрытых поселках, со своей частной охраной, набранной по большей части из отставников разных западных армий.

— Ну и какого черта ты здесь делаешь? — поинтересовался дядюшка Эд, дав Виллему приличную паузу на распаковку вещей и обустройство.

— Напиваюсь, — ответил Виллем. И не соврал.

Он выбрался на своего рода внутренний дворик

---

[97] Примечания: 97

Гидравлические транспортирующие установки; трубы, по которым насыпные грузы перемещаются в струе жидкости (как правило, воды).

под навесом рядом с площадкой для бадминтона и раскупорил бутылку виски, приобретенную в дьюти-фри на пересадке в Джакарте. Не в старом аэропорту, который теперь под водой, а в новом, построенном повыше. Эд тем временем заканчивал утомительный парный матч с обычной командой своих дружков — старых китайцев. Стояло самое холодное время года: температура чуть выше комнатной, но страшная сырость. В рубашке с закатанными рукавами Виллем чувствовал себя почти комфортно. Прямо сейчас по жестяной крыше не стучал дождь — но совсем недавно он шел, и ясно было, что скоро пойдет снова.

— Я-то думал, ты станешь премьер-министром Нидерландов или кем-то в этом роде!

— Был момент, когда это казалось возможным, но… — Виллем отпил виски и попытался припомнить тот момент. При всей своей внешней стабильности и нидерландская политика порой бывает запутанной. Когда же это было — в декабре? Нет, после праздников… Он тряхнул головой. — Ладно, не хочу об этом говорить.

— Вместо этого вышел в отставку. И приехал… сюда? — Эд огляделся вокруг. — Пойми правильно, я всегда рад тебя видеть. Может, чаю хочешь?

Или тебе хватит виски?

— Хватит виски, спасибо.

— А я тогда покурю.

Эд достал из пачки сигарету без фильтра, какую-то китайскую марку, и переломил ее пополам, надорвав бумагу. Сунул надорванной серединой в рот и зажег с обоих концов. На Папуа многие так курят, но для Виллема такой способ был в новинку.

— Ты сказал, прилетит кто-то еще? Женщина? — спросил Эд. Он знал, что Виллем не проявляет интерес к женщинам, так что вопрос был с подтекстом.

— Амелия Леефланг. Бывшая военная, затем служила в охране королевы.

— А теперь тебя охраняет?

— Мне говорили, что здесь без охраны не обойтись.

Виллем бросил взгляд через плечо на берлогу Эда. Вокруг нее, старательно обходя лужи, бродили в некоем подобии броуновского движения двое с винтовками через плечо. На вид папуасы, высокие — должно быть, из какого-то прибрежного племени. Виллем видел двоих, но, возможно, их было больше.

— Амелия тоже ушла с госслужбы и теперь

работает на частных клиентов.

— Хочешь сказать, ее уволили?

— В Нидерландах очень высокие требования к политикам. В том числе к членам царствующего дома. И к их окружению.

— То есть к людям вроде тебя.

— Иногда ясно, откуда ветер дует, и не стоит ждать увольнения, чтобы отправиться на поиски других возможностей. Вот и Амелия перешла в частную фирму.

— Стала наемницей?

— Вроде того. Я обратился в эту фирму и сказал, что мне нужна именно она.

— Она тоже здесь поселится?

— А это возможно?

— Могу поставить трейлер где-нибудь там, — и Эд махнул рукой в сторону дальнего угла своих владений. — И ей надо будет поговорить с местными — с теми, кто знает, что здесь и как. Я тебя сведу с нужными людьми.

— Ты о папуасах?

Эд поднял брови.

— Об австралийцах!

Некоторое время оба молчали. Виллем прихлебывал виски, Эд дымил своей двойной сигаретой. Наконец, выпустив клуб дыма, он спросил:

— Ты ведь не уволился по-настоящему, так?

— Знаешь, когда любишь свою работу, уволиться по-настоящему просто невозможно.

— Признавайся, привез с собой проблемы? Для меня, для семейного бизнеса?

— Я смотрел данные по руднику. — Виллем кивнул в ту сторону, где, по его представлениям, находился север. Горы на фоне бледного туманного неба, как обычно, оставались невидимыми. — Рано или поздно руда закончится. Или уйдет так глубоко, что рудник станет неконкурентоспособен на мировом рынке.

— До этого еще десятки лет! — отмахнулся Эд.

— Ты здесь прожил уже десятки лет. Это, знаешь ли, не так уж долго. И что будет тогда с семейным бизнесом?

Готового ответа у дядюшки не нашлось.

— Переедете в какую-нибудь другую часть света? Или останетесь здесь?

— С какой стати нам оставаться в этой чертовой дыре?

Словно иллюстрируя этот риторический вопрос, вдалеке прогремел выстрел, затем еще два. Охранники с винтовками, по всей видимости, сочли эти звуки не заслуживающими внимания.

— Возможно, здесь появится что-то новое.

— Где?

— Там, наверху. — И Виллем снова кивнул в сторону севера.

— Да что здесь может появиться, кроме медного рудника?

Виллем встал, прошел несколько шагов по мощеному дворику и вышел на гравий. Наклонившись, зачерпнул ладонью пригоршню серого грунта на краю грязной лужи. Предъявил ее скептическому, даже обеспокоенному взгляду дядюшки Эда.

— Знаешь, что это такое?

— Отвалы из рудника. Пустая порода. В ней слишком мало меди, чтобы трудиться ее перемывать.

— А знаешь, что еще в ней содержится, кроме меди?

— Золото. Сущие крохи.

— А еще?

— Не знаю, я не геолог.

— Сера.

Эд фыркнул.

— Серу можно добывать в куда более удобных местах, это даже мне известно!

— Другого места, настолько близкого к стратосфере, ты не найдешь.

Кулаттин, Британская Колумбия

— На этот раз, дядя, — сказал Лакс, — я поплыву по реке. Вниз по течению. Как мальки, когда становятся смолтами[98].

Дядя Дхармендер, скрестив руки на обширном животе, смотрел на Лакса… пожалуй, правильнее всего сказать, с беспокойством.

— Это что, какое-то рыбацкое словцо? Ты забыл: я вообще-то не по рыбной части! — Он развел руками, словно говоря: «Ты только оглядись вокруг, мальчик мой!» — а затем снова скрестил их на груди.

Лаксу не было нужды оглядываться. Почти все воспоминания к нему вернулись, и теперь он точно знал, где находится: в городке в Британской Колумбии, на берегу реки Колумбия, в двадцати милях к северу от границы между Канадой и США. Когда Лакс был маленьким, владения дяди Дхармендера ограничивались заправками; но несколько лет назад, когда из-за ковида туристический бизнес пришел в упадок, дядя прикупил по соседству обанкротившуюся турбазу и с тех

---

[98] Примечания: 98
Рыбоводческий термин, означающий молодь лосося.

пор постепенно приводил ее в порядок.

«Турбаза», наверное, громко сказано. Просто десяток деревянных домиков, разбросанных по лесу, и в центре здание покрупнее — одновременно ресепшен, кухня, прачечная и банкетный зал. Именно в последнем тетя Гурмит, жена Дхармендера, и пестрая толпа родных и друзей семьи устроила Лаксу праздник. Полномасштабное «возвращение героя»: ломящиеся от угощения столы и танцы, ради которых выписали команду пенджабских диджеев из Ванкувера.

Когда гости разошлись, тетя Гурмит и ее помощницы стали убирать со столов, а Лакса и Дхармендера, чтобы не путались под ногами, выставили в конференц-зал. Здесь царил дух классической Канады: рогатая оленья голова над камином, винтажные шторы в стиле «северных лесов» — с утками, лосями и лесорубами в клетчатых рубашках, гребущими на каноэ.

По случаю праздника и дядя, и племянник были в выходных тюрбанах. Непонятно даже, что более экзотично: обстановка или хозяева? Во всяком случае, Дхармендер здесь явно чувствовал себя как дома. Будь олень над камином жив, черные щели его ноздрей раздувались бы сейчас от аппетитных запахов пенджабской кухни и от

благовоний, которыми — опять же, ради особого случая — умастили себя некоторые из гостей.

Лакс ничего этого не чувствовал. Его нос был мертв, как у оленьей головы. Но благодаря имплантам, вмонтированным в мозг, в доме у дяди он ощущал иной запах — запах *безопасности.*

С противоположного конца длинного стола для переговоров висело на стене чучело королевского лосося в лакированной раме. На потемневшей от времени латунной табличке значился вес усопшего и обстоятельства его кончины. Дхармендер время от времени на него поглядывал, словно надеялся, что чучело разъяснит ему загадочное замечание Лакса насчет мальков и какого-то «смолта». Но рыба отвечала ему холодным, безжалостным взглядом стеклянных глаз.

— Какого черта, Лакс? Что ты этим хочешь сказать?

— Если подбросишь меня до Трейла или чуть дальше завтра перед рассветом я…

— Мы же практически на Северном полюсе!

Очевидная гипербола; но Лакс не стал поправлять дядю. Или уточнять, что, как ясно без всякой карты, они находятся на 49,3196 градусе северной широты — куда ближе к экватору, чем к полюсу.

— Сейчас середина лета, солнце встает в три

часа утра! — продолжал Дхармендер. Снова преувеличение: точное время завтрашнего восхода — 5:09. — Если ты собрался так рано выехать, нам следовало лечь спать часов пять назад!

— Прости, что я тебя так выдергиваю.

— И ты не шутишь? Собираешься в прямом смысле сплавляться вниз по реке? В Соединенные Штаты?

— У меня есть гидрокостюм, — вставил Лакс на случай, если дяде вздумается прочесть ему лекцию о переохлаждении.

— Но почему нельзя перейти границу по суше, как все нормальные люди? Конечно, Соединенные Штаты сейчас не в лучшей форме, но все-таки это не Северная Корея!

— Я не имею права объяснять, но…

— У тебя какое-то секретное задание?

Увы, Лакс никогда не умел врать.

— Гурмит! — взревел дядя Дхармендер. Жена была в двух комнатах отсюда и за звяканьем и бряканьем посуды едва ли его слышала. — Гурмит! Гурмит!!! Наш племянник отправляется на секретное задание!

Все звуки на кухне оборвались. А в следующий миг в комнате появилась Гурмит, вытирая руки о фартук, повязанный поверх впечатляющего

сикхского наряда, делавшего ее в глазах соседей-канадцев похожей на жену ромуланского[99] посла. По пятам за Гурмит бежала ее мать и несколько юных кузин Лакса, также разряженных по-праздничному.

— Задание? Чье? Индийского правительства?

— А чье же еще, как ты думаешь?

— Так, тебе нужно взять с собой поесть!

— Гурмит, он едет в США. Еды там пока хватает.

— И что они едят? Один фастфуд!

— У него наверняка с собой охапка наличных. Найдет, где купить нормальную еду. — Дхармендер взглянул на племянника. — Тебе же выдали командировочные, верно? В долларах? Или в биткойнах?

— Конечно, дядя, — рассеянно ответил Лакс. Внимание его привлекла кузина Тавлин, которая торопливо набирала что-то в телефоне.

— Тавлин! — заорал Лакс. — Ты что, пишешь об этом в фейсбук?!

Тавлин, ничуть не смущенная, бросила на него раздраженный взгляд, означающий примерно: «Если сам видишь, зачем спрашиваешь?»

---

[99] Примечания: 99

Вымышленная инопланетная раса из сериала «Звездный путь».

— Прошлая секретная миссия сделала тебя суперзвездой Интернета. А сейчас я даю тебе первый толчок к новой раскрутке!

— Но это действительно секрет! — запротестовал Лакс.

— Если выложишь это в соцсети, — объяснил Дхармендер, — его арестуют за нелегальный переход границы и закуют в наручники.

— Тогда зачем же ты нам рассказал? — изумилась Гурмит.

Дхармендер взглянул на массивные золотые часы: уже много лет носил их, не снимая, на всякий случай — чтобы, если вдруг дела пойдут худо, обменять их на места в самолете.

— Потому что сейчас мы уезжаем на всю ночь. Я подумал, что ты так и так заметишь.

Снеуберг

Помощники Т. Р. уже предупредили Виллема: для того, чтобы оставаться на ногах и в сознании, на руднике ему может понадобиться кислород. Эта информация дошла до него в виде ссылки в конце электронного приглашения. Амелии такую ссылку не прислали — возможно, решили, что молодой женщине кислородное голодание не грозит. Но Виллема поспешили заверить, что на вертолетной площадке наверху будут ждать кислородные баллоны, так что пусть он не стесняется, проходя мимо, взять один себе.

После такого вступления вертолетный перелет из Туабы не разочаровал. За несколько секунд город остался позади; они летели над такими густыми джунглями, каких Виллем никогда еще не видывал. Основной задачей вертолета было лететь не вперед — расстояние по прямой здесь составляло какую-то сотню километров, — а вверх, так что на всем протяжении полета он неуклонно набирал высоту. Джунгли вскоре остались далеко внизу и затянулись покровом тумана. Сквозь туман серой паутинкой просве-

чивала дорога; часто она совсем скрывалась за покровом листвы, но порой вновь попадалась на глаза, когда шла по насыпи через болото или пересекала реку.

Глядя вперед, на север, пассажиры видели перед собой горную гряду. На полчаса вертолет погрузился в облака, затем вынырнул из них и оказался над горами. Здесь влияние «Бразос РоДаШ» распространялось от дороги на ближайшие окрестности: внизу виднелись поселки для шахтеров, по прямой ровно на том расстоянии от рудника, какое показано на карте, по высоте все еще на несколько километров ниже. Дорога ветвилась, от нее отходили подъезды к складам и каким-то индустриальным сооружениям, суть и задачи которых Виллему оставались недоступны. Он понимал лишь общий ход работы: медную руду измельчают в пыль, затем при помощи какого-то химического процесса с участием воды сгущают в жидкую кашицу, по пульпопроводу, бегущему через джунгли параллельно дороге, доставляют на берег и грузят на огромные суда, идущие в те края, где из этой кашицы выплавляют красный металл. Инстинкты «зеленых», впаянные в сознание Виллема многими годами жизни в западной социал-демократической

стране, требовали возмутиться тем, во что превращают рудокопы эту часть планеты. Но он знал: ни одна турбина в Нидерландах, вырабатывающая экологически чистое электричество, не сможет работать без медных кабелей и медных катушек в генераторе. И вся медь, из которой они сделаны, поступает отсюда.

Никогда в жизни Виллем не видел такого ландшафта. Земля здесь словно шла волнами: гора за горой, хребет за хребтом, каждая головокружительная вершина выше предыдущей — а между ними ущелья, глубиной не уступающие Большому Каньону. Но рудник, соединенный с этой местностью почти вертикальными подъемниками и трубопроводами, все еще оставался далеко вверху.

Наконец, когда небеса над головой уже потемнели, словно вертолет приближался к земной орбите, Виллем увидел место, где вершина крутой горы была как будто сколота. С одной стороны скола вырастали огромные каменные ступени, соединяющие гору с соседним плато; по этой исполинской ступенчатой дороге сновали высокогорные грузовики и экскаваторы из тех, что продавал дядюшка Эд. Само плато находилось почти вровень с высочайшей вершиной Новой

Гвинеи, лежащей отсюда в нескольких километрах вглубь страны. Пока вертолет садился, Виллем успел бросить взгляд на рудник внизу: яма, в которой уместился бы весь центр Амстердама, дорога, вьющаяся по ее стенам до самого дна, и пыхтящие на этой дороге грузовики — каждый из них, знал Виллем, размерами с семиэтажный дом, но сверху они казались не крупнее мошек.

Все эти исполинские сооружения не дали Виллему сразу заметить то, ради чего он прилетел. В пустыне Западного Техаса Самый Большой в Мире Шестиствольник выглядел в самом деле большим: просто потому, что никаких иных признаков деятельности человека, не считая заборов с колючей проволокой, на мили и мили вокруг не было. Но здесь копер Шестиствольника легко было не заметить или принять за элемент инфраструктуры рудника. То же и с пирамидой серы: на фоне исполинских гор грунта она терялась и привлекала взор лишь своей яркой желтизной.

Как и обещало приглашение, с боковой стороны вертолетной площадки выстроились тележки с переносными кислородными баллонами. Была здесь и вешалка с лыжными куртками, чтобы тем, кто летел сюда из экваториальных джунглей, не приходилось тащить с собой теплую одежду. У

площадки стоял, приветственно распахнув двери в форме крыльев чайки, внедорожник «тесла» (не жжет бензин, не нуждается в воздухе), а рядом с ним гостеприимно улыбался сам Т. Р. Так что Виллем просто быстро дошел до машины, сел, откинулся на спинку сиденья и стал ждать, пока легкие и сердце освоятся в новой атмосфере и организм вернется к какому-то подобию нормы. И сиденье, и воздух в машине были теплыми. Т. Р. тоже сел и захлопнул за собой дверь. Будь здесь шофер, они с Т. Р. устроились бы на заднем сиденье, а Амелия впереди; но шофера не было, так что мужчины сели впереди, а Амелия сзади.

— Я смотрю, вы просто обожаете странные и неудобные для жизни регионы, — выдохнул Виллем, когда паника от нехватки кислорода немного улеглась.

Т. Р., казалось, всерьез задумался над его словами.

— Когда работаешь в нефтяном или горном бизнесе, — Т. Р. произносил «биднес», и Виллем не мог понять, пародирует ли он техасский выговор или в самом деле так говорит, — быстро понимаешь вот что: почти все места на земном шаре странные и неудобные. Просто мы обычно их не видим — предпочитаем селиться в

более гостеприимных уголках планеты. А ведь гостеприимные уголки встречаются не так уж часто. Мы привыкли к Коннектикуту, Флориде, Франции — и думаем: весь мир таков. А все, что непохоже на Коннектикут, — ну, это какие-то отклонения. Проблема в том, что геологию наше удобство не заботит. Нефть и другие ценные ископаемые размещены под землей случайным образом — действительно случайным, доктор Кастелейн…

— Виллем, пожалуйста.

— Представьте: вы бросаете дротики во вращающийся глобус. Каковы шансы, что попадете в Коннектикут? Очень невелики. Гораздо вероятнее, что дротик угодит в какое-нибудь, по вашему выражению, странное и очень, очень неудобное место!

— Что ж, с этим не поспоришь.

— Но вот что я вам скажу: *это* место и правда хуже всех прочих. Пожалуй, кроме Антарктики. Первая карта Новой Гвинеи была составлена чуть больше ста лет назад. Знаете, что из восьмисот человек, над ней работавших, выжили только семьдесят девять?

— Оттого, что чертили карту?!

— Оттого, что чертили карту. В первой евро-

пейской экспедиции вглубь острова участвовали четыреста человек, и продолжалась она больше года. Из этих четырехсот вернулись домой всего пятнадцать. А они даже близко не подошли к тому месту, где мы сейчас! В 1930-х годах какие-то чокнутые нидерландские альпинисты покорили все-таки эту вершину. По их отзыву, она напоминала гору на Луне. В то время это, — и Т. Р. обвел окрестности широким жестом, как бы приглашая хорошенько на них посмотреть, — был высочайший горный массив на Земле после Гималаев и Анд. Похороненный под пятидесятиметровым слоем ледника. Отсюда голландское название: Снеуберг. «Снежная гора». С тех пор ледник растаял, и высота понизилась. Нет снега — нет горы. Так что теперь высочайшая точка массива — здесь. — И он указал на складчатый коричневый утес, нависший над ними, совсем близко: с кислородными баллонами легко было бы дойти до него пешком.

— Плюс-минус пять тысяч метров, — предположил Виллем.

— Правильно.

Во время этого разговора машина ехала по чудовищной дороге со скоростью, не намного превышающей пешеходную. Вертолетная пло-

щадка осталась позади; они въехали в ворота, у которых дежурили белые охранники с пистолетами-пулеметами. Началась своего рода буферная зона, полная разбросанных грузовых поддонов и разного припаркованного оборудования. Кое-где папуасы в касках и светоотражающих жилетах возились с моторами или гоняли туда-сюда автопогрузчики. Гости проехали через еще один пояс вооруженной охраны и свернули к ряду офисных трейлеров.

— Вотчины разных компаний, — объяснил Т. Р. — «Бразос РоДаШ» занимается добычей меди. Точка. Медицинские услуги, строительство, снабжение, все, что не относится напрямую к добыче меди, — этим мы не занимаемся. Обращаемся к субподрядчикам. Вот эту контору вы, возможно, помните.

Он подъехал ко входу в трейлер, на котором не было никаких опознавательных знаков — только чистый лист белой бумаги, приклеенный к двери.

— Добро пожаловать в папуанский офис «Уайт Лэйбел Индастриз»! Вдохните глубже, наберите в легкие побольше кислорода: вас ждет испытание высотой в четыре ступеньки!

Обстановка внутри вполне отвечала духу «Уайт

Лэйбел». По обоим концам трейлера имелись пара небольших кабинетов и туалет, но большую часть пространства занимал конференц-зал. Стены покрыты дешевыми пластиковыми панелями «под дерево» с прикрученными к ним белыми досками. В углу, на столе, сложенном из картонных коробок, — кулер и кофеварка. Вокруг пары складных пластмассовых столов расставлены такие же складные стулья, самые дешевенькие и фиговенькие, какие только попадаются в продаже.

— Иногда задумываюсь, не слишком ли здесь гламурно! — пропыхтел Т. Р., рухнув на стул и едва его не повалив. Рядом стоял большой кислородный аппарат. Т. Р. схватил маску, открутил кран и сделал несколько глубоких вдохов, пока Виллем, держась за стенку, ходил в туалет и обратно.

— А вы не думали о том, чтобы просто подавать кислород в помещения по трубам? — спросил он.

— Первый вопрос, который я задал, — ответил Т. Р. — Но, оказывается, это опасно. При избытке кислорода загорается даже то, про что никогда не подумаешь, что оно способно гореть.

Виллем кивнул и тяжело опустился на стул. Амелия, молодая и более тренированная, про-

шлась по залу туда-сюда, посматривая в окна. Все они были затянуты изнутри проволочной сеткой. Амелия провела пальцами по одной сетке, и та задребезжала в ответ.

— Это от гранат? — спросила она.

— Правильно. Грабителя такая не остановит. Но от осколочных мин руководители рудника здесь в безопасности. Прежде чем зададите следующий вопрос — мешки с песком на крыше. — Т. Р. повернулся к Виллему и подмигнул, как бы говоря, что оценил профессионализм Амелии. — Добро пожаловать в наше отделение в Южном полушарии!

— Это, можно сказать, еще не совсем Южное полушарие.

Т. Р. немного подумал.

— Вы о том, что мы всего в паре сотен километров от экватора? Но этого достаточно. Схемы циркуляции воздушных масс на севере и на юге на удивление жестко разделены экватором. Кроме того, здесь у нас есть возможность сдвинуться дальше на юг — то, что было невозможно в старом добром техасском пилотном проекте.

— Пилотном?! — воскликнул Виллем, недоверчиво покачав головой.

Пока они болтали, Т. Р. настраивал систему до-

полненной реальности и сейчас вывел картинку на 3D-голографический проектор, закрепленный на потолке, — единственная в этом месте уступка современным высоким технологиям. Словно прочтя мысли Виллема, Т. Р. пояснил:

— Сто́ит больше, чем все остальное, вместе взятое. Зато можем показывать шоу чудакам, которые забираются в эту дыру, чтобы на нас посмотреть!

За этой шуткой повис непроизнесенный вопрос: «Так какого черта вам здесь понадобилось?» — и Виллем не сомневался, что к этому они перейдут, едва Т. Р. закончит изображать гостеприимство.

В центре конференц-зала, над столом, повисла полупрозрачная модель всего горнорудного комплекса. Масштаб медленно увеличивался; центр картины, по-видимому, находился недалеко от трейлера, в котором они сейчас сидели. Как ни трудно было разобраться в огромном комплексе, сверху, с вертолета, что-то понять по этой схеме оказалось еще сложнее: она показывала не только наземные, но и подземные работы, которые велись на этой горе компанией «Бразос РоДаШ» на протяжении последних пятидесяти лет. Не в первый раз Виллем испытал трепет, замешатель-

ство, даже чувство какого-то унижения от самих масштабов нефтяного и горнорудного производства — и от того, насколько все эти исполинские конструкции, годы тяжелого труда и чудеса человеческой изобретательности скрыты от тех, кто пользуется этими трудами где-нибудь на другой стороне земного шара и спонсирует их всякий раз, когда проверяет свой «Твиттер».

Чтобы картинка была понятнее зрителям, Т. Р. поколдовал над проектором, и большая часть изображения стала блекло-серой — ярко высветилась лишь узкая шахта, идущая под углом в глубь скалы от копра, который Виллем заметил, проезжая мимо.

— По сравнению со всем прочим выглядит малышкой, — заметил Т. Р., — но она совсем не маленькая. Вот для сравнения шахта Пина2бо.

Каким-то образом поверх модели материализовалась красная трубка, начинающаяся в том же месте. Она шла вертикально вниз — и была наполовину короче.

— Суть в том, что господствующие здесь условия — доступность оборудования, плотность скалы и все такое — дают возможность пробурить шахту под углом, а это позволяет сделать ее глубже и шире. Чем шире, тем больше стволов. Чем

глубже, тем больше начальная скорость снаряда.

Красное наложенное изображение померкло, и вновь ярко высветилась угловая шахта, по всей видимости совсем недавно законченная.

— Снаряды, выпущенные из такого ствола, летят быстрее. И начальная точка у них уже на полпути к стратосфере, так что они не теряют столько энергии, пробиваясь сквозь нижние слои атмосферы. Кроме того, угол направлен к югу от экватора. Сочетание этих факторов позволяет снаряду развить надземную скорость почти в две тысячи миль в час.

Он перелистнул голографическую картинку в проекторе; теперь перед ними возникла траектория снаряда. Она начиналась в самой высокой точке Новой Гвинеи и изгибалась дугой над Арафурским морем. Для удобства зрителей на картинке была прочерчена граница стратосферы. Снаряд взлетал высоко над ней, проходил точку апогея, а затем начинал спускаться по широкой дуге вниз, к южной оконечности острова. Траектория его становилась все более пологой — и вот он, испуская шлейф желтого дыма, уже почти по прямой летел на юг над морем между Новой Гвинеей и Австралией.

— Фаза сгорания, — пояснил Т. Р.

Виллем, уже видевший все это на Пина2бо, понял, о чем речь: расплавленная сера, залитая в топливный бак снаряда, сгорает и придает ему толчок, увеличивающий продолжительность полета.

Израсходовав всю серу, снаряд снова начинает плавно снижаться и падает в море между Новой Гвинеей и северным берегом Австралии. Снова увеличив масштаб, Т. Р. показал, что в этом месте его ждет целая флотилия кораблей и барж, затянутых сверху сетями, точь-в-точь как на ранчо «Летящая S». О работе проекта в Западном Техасе Виллем знал достаточно, чтобы догадаться: использованные снаряды и парашюты тщательно собирают, чистят, чинят, отвозят морем в Туабу, а оттуда — снова на вершину Снеуберга.

Теперь на голографическом экране появился весь земной шар, однако в непривычном для нас положении — Южным полюсом кверху. Виллем к этому времени уже достаточно освоился в разреженном воздухе, чтобы рискнуть встать и подойти поближе. Теперь он мог хорошенько разглядеть все Южное полушарие. Следы сернистого газа — для удобства зрителя они изображались ярко-желтыми — начинались над Арафурским морем. Господствующие здесь ветра сбивали их

в огромное облако и несли на запад. Над Западной Австралией облако было густым, но дальше истончалось, растягивалось и над Индийским океаном превращалось в тонкую золотистую вуаль.

— А Пина2бо? Вадан? — спросил Виллем.

— Рад, что вы спросили.

Т. Р. сделал такой жест, словно что-то зачерпывал, и глобус перевернулся Северным полюсом вверх. Теперь зрители увидели, как такие же серные облака, только поменьше, возникают над Техасом и Адриатикой, как господствующие в Северном полушарии ветра подхватывают их и несут на восток.

С минуту Виллем созерцал эту картину, медленно обходя вокруг стола, чтобы полюбоваться ею с разных углов.

— Я смотрю на это, — заговорил он наконец, — и вижу источники, но не вижу последствий. Облака сернистого газа рассеиваются в атмосфере. В этой презентации они выглядят как локализованное явление. Но мы-то с вами знаем, что их воздействие будет ощущаться по всему земному шару.

Т. Р. кивнул.

— Вы правы, на этой визуализации мы даже не пытались показать результаты. Для этого будут

другие.

— И на них мы увидим…

— Хорошие результаты для вашей страны. Для Хьюстона, Венеции, Джакарты, Бангладеш.

— А плохие?..

В этот миг трейлер сотряс отдаленный глухой удар. Столы, стулья, проволочная сетка на окнах — все затряслось и задребезжало. Амелия выглянула в окно, скорее заинтересованная, чем встревоженная.

— Игданит, — пояснил Т. Р. — Он здесь используется тоннами. Ничего, привыкнете. — И снова повернулся к Виллему. — Это каверзный вопрос, доктор Кастелейн. Вопрос с подвохом. Такой образованный человек, как вы, не может этого не понимать. «Плохой результат» — это и засуха, и наводнение, и сильная жара, и лютый холод. Плохие результаты, как правило, локализованы во времени и пространстве. Их труднее предсказать. Хотя до некоторой степени предсказать можно. И чем больше у нас будет операционных точек, тем больше, так сказать, кнопок и рычагов на приборной доске. Вместо того чтобы просто палить в небо наугад, мы сможем изучать ситуацию и управлять ею — так, чтобы максимизировать положительные результаты и минимизировать

отрицательные.

— И кто такие в данном случае «мы»?

— Очевидно, те, кто сидит за приборной доской и жмет на кнопки.

— Как долго, вы думаете, вам позволят распоряжаться этими кнопками? Что, если кто-то захочет заполучить их в свои руки?

У Т. Р. зажужжал телефон; он надел электронные очки и взглянул на Виллема поверх линз.

— Мой дед построил шахту на Кубе. А Кастро ее отобрал. Ну и что из того? Не стоило строить?

Пока Виллем размышлял над этим небезынтересным философским вопросом, телефон Т. Р. зажужжал еще пару раз. Т. Р. прилагал титанические усилия, чтобы не смотреть на экран, но это явно истощало его терпение.

— Послушайте, вопрос, конечно, любопытный. С удовольствием его обсужу в баре отеля «Сэм Хьюстон» в Туабе или еще где-нибудь, где побольше кислорода. Но, возможно, вы переоцениваете пользу дискуссий. Знаете, почему я стараюсь не нанимать людей с учеными степенями? У меня, доктор Кастелейн, у самого ученая степень. Я знаю, из чего этот суп варят. У ученых есть проблема: слишком много думают. Вы живете в какой-то альтернативной вселенной, где каждый

шаг надо сперва осмыслить со всех сторон, а потом уже ставить ногу. Для этого вы и приехали? Помочь мне все осмыслить?

— Мне кажется, кислорода у вас и здесь вполне достаточно.

— Ваша прямота дает мне право задать такой же прямой вопрос — надеюсь, вы не воспримете его превратно: Виллем, *какого хрена вы здесь делаете?* Поймите правильно: я люблю гостей. От меня вы здесь не увидите ничего, кроме гостеприимства. Но, черт возьми, зачем вы здесь?

Телефон зажужжал снова.

— Меня прислали сюда, чтобы попросить вас быть осторожнее.

— Многие уже пытались научить меня осторожности! — рассеянно откликнулся Т. Р., наконец покоряясь манящей песне телефона.

— А кроме того, я подумал, что могу быть вам полезен.

— В каком же это качестве?

— Как политик, — ответил Виллем. — В политике вы, как ни печально, ничего не смыслите.

Он мельком бросил взгляд на Амелию — и мгновение спустя, вздрогнув, взглянул еще раз. В руках у Амелии появился револьвер. Она опустила дешевые пластиковые жалюзи и встала

сбоку от окна, чтобы ее силуэт не был заметен снаружи.

Новый удар сотряс трейлер — и, не успели его отзвуки отразиться от соседних гор, как за ним последовали несколько одиночных выстрелов, а затем автоматная очередь.

— Что это, Виллем? Совпадение? — спросил Т. Р., вскакивая на ноги.

— Разумеется, нет, — ответил Виллем. — Это то, о чем Саския послала меня вас предупредить.

— Стрелять умеете? — светским тоном поинтересовался Т. Р.

Протиснувшись мимо Виллема, он пробежал по узкому коридору в кабинет, ближайший к входной двери. Открыл вертикальный оружейный сейф, выхватил оттуда что-то длинное, с толстым стволом. Виллем предположил, что это полуавтоматический дробовик.

— Вон с тем «глоком», наверное, справлюсь, — ответил он.

— Прошу! — ответил Т. Р., вытащил из войлочного гнезда в сейфе револьвер и, держа его дулом в пол, протянул Виллему. Тот взял оружие. Стрелок из него был никудышный, но в свое время он проходил курс по основам безопасности и понимал, как обращаться с таким оружием.

— Скорее всего, стрелять вам не придется, — заметил Т. Р. — Снаружи моя охрана. Они доведут нас до вертолета. Будьте добры, сделайте одолжение всем нам: всегда, кроме случаев, когда пытаетесь кого-то убить, держите ствол направленным в землю или в небо.

— С радостью! — ответил Виллем.

— Очень вам признателен, — ответствовал Т. Р., возвращаясь к двери.

Здесь он прижался спиной к стене, припал на одно колено, дотянулся до двери, отпер ее и распахнул. В противоположной стене коридора тут же появилось несколько пулевых отверстий: видно, снаружи только того и ждали. В ответ началась канонада справа от трейлера: наверняка вступила в дело охрана Т. Р. На крыльцо взбежал человек в легком бронежилете: в руках он держал нечто, похожее на самое тяжелое в мире одеяло. В это «одеяло» он закутал Т. Р. и буквально потащил его за собой вниз. Пуленепробиваемое покрывало? Для Виллема идея совершенно новая; но в мире, полном пуль, такой элемент гардероба показался ему совсем не лишним.

Следом двинулась Амелия. Замерла на крыльце ровно на секунду, необходимую, чтобы кто-нибудь нажал на курок и послал в нее пулю, затем

кивнула Виллему и побежала по ступенькам вниз. Виллем бросился за ней, на предпоследней ступеньке споткнулся и кувырнулся носом в землю. Секунду спустя на нем оказалась Амелия. Вокруг страшно загрохотало. В этот миг за свой слух он опасался сильнее, чем за жизнь. Дыхание и пульс взлетели до каких-то фатальных частот — но вся эта судорожная тряска организма не помогала, ничего не меняла в страшном внешнем мире. Наконец Виллем обмяк и позволил другим людям, крупным и сильным, куда-то себя потащить. В себя он пришел уже на заднем сиденье внедорожника, под грудой бронежилетов, которые подпрыгивали, а потом приземлялись на него и грозили раздавить всякий раз, когда автомобиль проваливался в колдобину. Над ухом кто-то стучал отбойным молотком. Здесь?! Сейчас?! Нет, это автомат пятидесятого калибра.

— Все вертолеты в воздухе, — послышался голос с австралийским акцентом. — По инструкции. На земле они — легкие мишени.

— Ясно, — ответил Т. Р.

— Подъезжайте, один вертолет спустится и вас заберет.

Виллем этого уже не слышал. Он сполз с сиденья на пол и скорчился под грудой бронежилетов.

В окнах виднелась лишь темно-синяя стратосфера, еще незапятнанная желтыми полосами SO_2, лишь изредка разрезаемая вертолетным винтом. Адская гонка, которую он почти не запомнил, — не к официальной посадочной площадке, на которой сейчас ловить было нечего, а к какому-то другому месту. Пересадка. Вот они и в воздухе. Стреляют ли в них с земли? Наверное, да. Но пуль не видно — не узнаешь, пока в тебя не попадут. Не желая стать легкой мишенью, пилот бросал вертолет то вправо, то влево какими-то кошмарными зигзагами, так что пассажиров швыряло от одной стены кабины к другой. Пристегнуть ремни времени не было; вертолет даже не коснулся земли, они попрыгали в него, словно в машину на ходу. В конце концов Виллем распростерся ничком на полу, хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на песок, — пока огромная рука Амелии, загородившая все поле зрения, не прижала к его лицу шипящую кислородную маску.

Трейл

— С кем ты говорил? — спросил дядя Дхармендер несколько часов спустя, когда они под покровом ночи выехали с заправки.

Лакс сидел на заднем сиденье дядиного «субару», совершенно голый, и пытался натянуть черный резиновый гидрокостюм. Рядом к сиденью был пристегнут водонепроницаемый рюкзак. На полу валялась не столь водонепроницаемая сумка, собранная второпях тетей Гурмит и прочими женщинами, а в ней такой запас еды, какого хватило бы, чтобы доползти до Техаса на четвереньках. Дхармендер уже разрешил эту деликатную для Лакса проблему, заметив между делом, что в окрестностях его турбазы немало медведей и они будут рады угощению.

— Ты о чем?

Во время таких разговоров собеседники смотрят друг на друга в зеркало заднего вида.

— В Ванкувер ты прилетел прямиком из Хайдерабада. Но провел там всего пару дней, а потом сразу сюда.

— Да, верно.

— Твои родители в курсе?

— Нет.

— Значит, им ты ничего не сказал.

— Мне велели об этом не рассказывать. Родители думают, что я поехал к тебе на турбазу отдохнуть и порыбачить.

— Выходит, все разговоры с родными и друзьями ты до сих пор вел в Хайдерабаде?

— В Киберабаде.

— Неважно. Как тебе показалось, они там говорили свободно? Так же свободно, как мы с тобой сейчас?

— Не знаю. Видишь ли, большую часть времени я был не в себе. Только в последние несколько недель…

— Никогда не видел, чтобы люди делали вот так? — И дядя Дхармендер возвел глаза к потолочной лампе своего «субару».

— Не понимаю.

— Так делают, когда хотят сказать: «Здесь жучки, нас слушают, я говорю не то, что думаю».

— Может быть. Не помню.

— А что насчет людей, поручивших тебе это задание? Кто это?

— Те, с кем я познакомился, когда сражался на Линии Фактического Контроля. — Он имел в виду

майора Раджу, который «подружился» с Лаксом во время его гималайских приключений и оставался с ним на связи во время выздоровления.

— Индийские военные?

— Да.

— Не сикхи?

— Нет.

— И что они тебе сказали? Почему ты этого захотел?

— Чего захотел?

— Натягивать гидрокостюм на заднем сиденье моей машины, чтобы тайно перейти границу.

— Что наша страна в опасности.

— Индия? Или Пенджаб?

— Это одно и то же. Если в Житнице начнется засуха, пострадает вся Индия.

— Это они тебе сказали? Что Житнице грозит засуха?

— Муссоны в этом году запоздали.

— Запоздали, да. Но все-таки пришли.

— А в следующем году могут запоздать еще сильнее.

— Так всегда было и будет. Жить в Пенджабе — значит каждый год тревожиться о том, каков-то будет сезон дождей в следующем.

— Но до сих пор люди не пытались менять

погоду.

— Ты об этой штуке в Техасе? Об этом они с тобой говорили?

— Мне показали снимки. Объяснили, как это работает. Все выглядит очень убедительно.

— Еще бы!

Они объехали город с юга и оказались на перекрестке, где сходились три дороги. Дхармендер свернул на одну из них.

— Не самый быстрый путь, — заметил Лакс.

— Что?

— Надо было повернуть на первом повороте. Не на втором. — Он немного подумал. — Хотя так мы тоже доедем. Эта дорога всего на 1,23 километра длиннее.

— Откуда ты все это знаешь? Ту развязку построили только в прошлом году!

— Просто чувствую, где я. И куда хочу попасть. Вроде шестого чувства.

— Что ж, может, твой дядюшка просто не хочет везти тебя короткой дорогой, потому что она чертовски ухабистая, а твой дядюшка хочет, чтобы для тебя в этой безумной затее все прошло гладко!

— Спасибо, дядя. Прости, что начал тебе указывать.

— А может, дело в том, что быстро доехать до места сейчас не самое важное.

— Что же важнее?

— Поговорить. Я так думаю, с тех пор как на Линии Фактического Контроля тебе поджарили мозги, в первый раз ты ведешь серьезный разговор с кем-то, кому ты дорог.

— Ага… хорошо… давай поговорим, — рассеянно отвечал Лакс, возясь с элементами гидрокостюма.

Это оказалось невероятно сложно, и он заподозрил, что в индийском консульстве в Ванкувере — где ему выдали все снаряжение — не знали его размера. Как многие крупные люди, Лакс вовсе не считал себя крупным. Он полагал, что просто нормально сложен. Попытки влезть в гидрокостюм, извиваясь на заднем сиденье «субару», заставили его взглянуть на свое телосложение с непривычной стороны.

Кое-что между ним и дядюшкой осталось несказанным — говорить об этом было неловко. Отец Лакса был не слишком проницателен, мать попросту наивна. Дхармендер угадал верно: в родительском доме Лакса ждала теплая встреча, но серьезно поговорить с родителями он просто не мог.

Дхармендер говорил обиняками, почти бессвязно, проезжая милю за милей по незнакомым дорогам. Эта часть Британской Колумбии, вдоль реки, разделяющей две страны, была уже не такой, как в туристических брошюрах. Здесь начиналась настоящая Британская Колумбия: поселки «синих воротничков» вокруг рудников и гравийных карьеров, тяжелая и грязная работа, плоды которой сплавлялись вниз по реке. Живописные виды были здесь в дефиците. Там, где дорога выходила на речной берег, взору путника чаще открывался не кемпинг, а пристань с баржами.

— В прошлом году, когда ты получил свои пятнадцать минут славы, — говорил Дхармендер, — все мы, разумеется, тобой гордились. Но, знаешь, и беспокоились. Видишь ли, мы уже видели это кино — и не всегда оно хорошо кончается для человека в тюрбане.

— Какое кино? О чем ты?

— Хорошо, скажу так. Ты планировал завербоваться в канадскую армию, верно?

— Верно.

— Ну вот, лучше бы так и сделал. Пойми меня правильно. Я просто хочу сказать… — тут Дхармендер поднял палец и значительно посмотрел

на Лакса в зеркало заднего вида, — хочу сказать, что именно этого люди от нас хотят. Чтобы мы выполняли приказы и рисковали жизнью. Ради них. А они бы говорили: «Да, чудики, конечно, но смотри, какие полезные!» Полезные — потому что идем на передовую и подставляем себя под пули. На этом условии они готовы не замечать наши тюрбаны и все прочее.

— Дядюшка, не слишком ли сурово ты их судишь? Кто-то же должен служить в армии, раз уж без армии не обойтись.

— Да, я жестко говорю. Но это для того, чтобы ты понял.

Тут Дхармендер притормозил: навигационная система оповестила о повороте, которого он не видел. Похоже, одна из тех дорог, что существуют только в виртуальной реальности. Длилась она якобы несколько сот метров и оканчивалась тупиком на берегу реки — широкой голубой полосы, занимающей сейчас пол-экрана.

— Это здесь, — сказал вдруг Лакс. — Поворачивай… давай же!

Дхармендер не хотел сворачивать неизвестно куда; но дорога внезапно оказалась здесь. Хотя какая же это дорога? Две колеи в высокой траве, уводящие под сень низкорослого леса. Здесь,

на сухой стороне провинции, высокие деревья встречались редко; но, как видно, близкая река пропитала каменистую почву водой в достаточном объеме, чтобы кое-где среди карликовых деревьев возвышались сосны. Еще несколько секунд — и дорога вывела их на открытую площадку, где в черных шрамах кострищ блестели смятые пивные банки.

— Здесь, — сказал Лакс.

— Уверен?

Лакс открыл дверь, вскинул на плечо рюкзак.

— Трудно объяснить, но я это *чувствую.* Душой и телом. Всем собой.

И еще здесь пахло безопасностью. Но вдаваться в долгие объяснения, что и как сделали с ним ученые (или кто они там?) из Киберабада, Лакс сейчас не собирался.

— Как малек, который становится смальтой… или как ты там говорил, — закончил Дхармендер, и под его пристальным взглядом Лаксу стало как-то неуютно.

— Смолтом.

— Ну да. Как рыба. Просто знает, что настало время плыть вниз по течению. И знает, куда плыть. Но что ждет ее впереди?

— Неважно. Это мое… не знаю, как назвать.

Моя судьба.

Лакс опустил взгляд. Почва у него под ногами на вид была ровной; сквозь неопреновые подошвы гидрокостюма он ощущал ветки и мелкие камешки. Но другим чувством, для которого не было имени, предвидел неудержимый, неотвратимый спуск по склону к воде.

— Ты слышал хоть слово из того, что я говорил?! О том, что люди просто нами пользуются? О том, как мы для них *удобны?*

— Да, слышал каждое слово, — ответил Лакс. — Непременно об этом подумаю. — Виновато покосился на сумку с едой, которой предстояло стать угощением для местных медведей. — Передай тете Гурмит: она чудесно готовит. — Строго говоря, он не кривил душой.

Что-то блеснуло в свете потолочной лампы. Стальной браслет, который Лакс носил на правом запястье. Он снял его, когда возился с гидрокостюмом, и браслет, должно быть, скатился на пол.

— Не забудь, — сказал Дхармендер и протянул ему браслет.

Даже Лакс и даже в нынешней своей рассеянности не мог не понять двойного смысла этих слов. Он взял из дядюшкиных рук *кара,* поцеловал, повернулся — и пружинистой трусцой побежал

к черной речной воде. Земля казалась ровной, но он чувствовал, что бежит под уклон. Браслет он надел на ходу.

Больница Святого Патрика

— М-да, обстановочка-то накаляется! — сказал Т. Р.

Чистый кислород и резкое снижение привели Виллема в чувство — настолько, чтобы понять, что Т. Р. шутит, разозлиться оттого, что шутка несмешная (нашел время вспоминать древние мемы!)[100], и сообразить, что свое раздражение сейчас лучше держать при себе.

— Да, — сказал он. — Но, мне показалось, вы ждали чего-то подобного.

— Просто мы готовы ко всему.

Амелия на это не купилась.

— Множество огневых позиций с пересекающимися секторами обстрела. Вся вершина горы разделена на участки с противопехотными и противотранспортными барьерами. Вертолеты стоят с включенными двигателями, чтобы взлететь сразу, как только начнется стрельба. Да у вас там полноценная зона боевых действий!

---

[100] Примечания: 100

Фраза: «А обстановочка-то накаляется!» («Ouch, that escalated quickly!») из кинокомедии 2004 года «Телеведущий: легенда о Роне Бургунди» стала в англоязычном Интернете популярным мемом.

— Сегодня да, — признал Т. Р. — Но чаще нет. Да и сегодня, думаю, все уже закончилось. Точечные нападения — такое случается раз в год или еще реже.

— Папуасские националисты?

— Или индонезийские спецслужбы в погоне за увеличением бюджета, — пожал плечами Т. Р. — Различить их невозможно — вытворяют совершенно одно и то же. Но как те, так и другие не хотят резать курицу, несущую золотые яйца.

— Вы про рудник?

— Про рудник. — Тут Т. Р. пришла новая мысль. — Так, а «глок» все еще у вас?

— Нет.

Амелия показала «глок» с открытым затвором и извлеченным магазином.

— Я позволила себе… Вернуть его вам?

— Не нужно, — ответил Т. Р. — Просто не люблю что-то терять из виду.

Амелия пожала плечами и отправила револьвер по полу в сторону Виллема. Секунду спустя за ним последовал магазин. Виллем решил дальше хранить их по отдельности. Обычно он ходил с сумкой через плечо, которую отец неуважительно называл «дамской сумочкой», но теперь она осталась где-то на вершине Снеуберга. Так что

Виллем сунул револьвер за пояс сзади, а магазин положил в карман.

Вертолет сделал крутой вираж, затем выровнялся и практически завис в тысяче метров над джунглями, на полпути от Снеуберга к Туабе. Горы остались позади; под брюхом у машины простиралась практически плоская равнина. Из джунглей, с расчищенной площадки близ дороги поднимался столб дыма.

— Черт, это же перекачивающая станция! — воскликнул Т. Р. — Вот уроды!

Приглядевшись, можно было заметить, что полянка залита чем-то серым, вроде жидкого цемента, и эта густая серая жидкость растекается оттуда во все стороны.

— Много потерять не успеем, включится автоматическая блокировка, — заметил Т. Р., извлекая телефон. — И-и-и… сотовая связь отрубилась, мать ее за ногу! — И крикнул пилоту: — Свяжитесь со Снеубергом, сообщите, что поврежден пульпопровод!

— Так точно, — донесся ответ.

Вертолет снова рванулся вперед, и Т. Р. плюхнулся в кресло.

— Вот сукины дети! — заговорил он. — Каждые несколько лет такое проделывают. Взрывают

нам пульпопровод. Знают, что это единственный путь вывоза меди с острова. Но еще знают, что медь — единственная причина вкладывать сюда деньги! Себе же в ногу стреляют, идиоты. Да уж, обстановка накалилась, это точно!

— Просто чтобы сверить часы, — заговорил Виллем, — правильно ли я понял: стрельба и взрывы на Снеуберге — дело житейское, а вот проделать дыру в пульпопроводе — серьезное прегрешение?

— Совершенно правильно. Из-за этой дыры придется закрыть все наверху, пока не починим. Представьте себе, как работает рудник. Это что-то вроде рукотворной лавины, ею управляет сила тяготения — и масштабы невероятные. Пока сами не увидите, какой объем породы мы добываем из шахты и спускаем вниз по трубе, ни за что не поверите. Такую махину останавливать — все равно что тормозить товарный поезд.

Т. Р. снова проверил телефон, но, судя по выражению его лица, связь так и не появилась. Наконец он убрал мобильник, подпер подбородок рукой и стал смотреть в окно. Вертолет был уже почти на месте. Взглянув вниз, Виллем увидел городскую окраину — и сообразил, что город здесь только один.

— Сядем на крышу к «Сэму», — объявил Т. Р., вдруг вспомнив о своих обязанностях гостеприимного хозяина. Он имел в виду «Сэм Хьюстон», один из нескольких отелей западного типа, в которых останавливались прибывшие в Туабу иностранные специалисты, представители деловых партнеров и тому подобные визитеры. — С вертолетной площадки спустимся в отель, снимем вам номер, и перекантуетесь там, пока мы не организуем сопровождение, чтобы безопасно доставить вас к Эду. Или куда пожелаете.

За спиной у Т. Р. в боковом окне, на приличном расстоянии, промелькнула диспетчерская башня аэродрома. «Сэм Хьюстон» находился в поясе отелей и прочих «цивилизованных» удобств, окружающих аэродром, — так что, должно быть, он уже недалеко.

Но вместо того, чтобы приземлиться на крышу «Сэма Хьюстона», пилот вдруг развернулся и снова начал набирать высоту. Мир медленно вращался вокруг них, и на несколько секунд перед глазами Виллема в окне возник сам «Сэм». Выглядел он как типичный современный отель в тропиках: здание этажей в пятнадцать, под боком парковка, вокруг пальмы и банановые деревья.

Но сейчас его окружали мигающие красно-

синими огнями полицейские машины. Сотни людей толпились вокруг, но почти всех полиция отгоняла за радиус в несколько сот метров от здания. Внутри этого радиуса оставались лишь полицейские и еще несколько человек, видимо, руководство отеля; но и они старались держаться от здания подальше.

— «Сэм» эвакуируют, — сообщил пилот. — Там подозрительный автомобиль.

— И что в нем подозрительного?

— Въехал прямо в холл, и водитель сбежал.

— Как у нас с топливом?

— Полный бак, сэр.

— Ну, куда летим? — обернулся Т. Р. к Виллему. — У Эда на территории хватит места, чтобы посадить вертолет прямо туда.

Виллему мысль понравилась, но не понравилась Амелии:

— При всем уважении, куда бы ни посадить сейчас вертолет «Бразос РоДаШ» — это место тут же станет целью для противника. Вряд ли дядюшка Эд обрадуется…

— Если мы нарисуем на его территории мишень. Понял, — согласился Т. Р.

— У «Святого Патрика» есть вертолетная площадка, — заметил пилот.

— Верно, — согласился Т. Р. — Значит, туда.

— Это больница, — объяснил Виллем Амелии.

Строго говоря, не только больница: в комплекс Святого Патрика входили и церковь, и монастырь, и католическая школа.

— Вертолет на крыше больницы, — заговорил Т. Р., — издали неотличим от вертолета санитарной авиации с жертвами нападения на борту. И, если это папуасские националисты, РК они трогать не станут — знают, что те на их стороне.

— РК? — переспросила Амелия.

— Римо-католиков. А если это индонезийские спецслужбы, выдающие себя за папуасских националистов, они поступят так же, как папуасы: католиков оставят в покое.

У Виллема мелькнула мысль, что такое решение не вполне этично: ведь никаких жертв нападения в их вертолете нет. Но, в конце концов, командует здесь не он. Да и искать другой выход нет времени: Туаба крошечная, а вертолет летит быстро.

Так быстро, так удобно, что не столь благородная часть сознания Виллема задалась совсем другим вопросом: а стоит ли вообще высаживаться? Может, топлива хватит, чтобы долететь до побережья? Или даже до Австралии? Может,

им просто убраться отсюда ко всем чертям?

Так или иначе, решение было принято за него, когда «Сэм Хьюстон», оставшийся в километре позади, взорвался. Случилось это в тот момент, когда вертолет готовился сесть на крышу самого высокого здания в комплексе Святого Патрика, современного десятиэтажного дома. Из-за текущих атмосферных условий — влажности выше точки выпадения росы — взрыв выглядел как желтая вспышка, почти мгновенно скрытая облаком белого пара, который начал со скоростью звука распространяться во все стороны. Вертолета ударная волна достигла примерно через три секунды: достаточно, чтобы все увидели, что происходит, и поняли, что их сейчас долбанет, но недостаточно, чтобы пилот успел что-то сделать. Да и что? Вертолет — в этот момент он был развернут к «Сэму Хьюстону» носом — отбросило назад; нос задрался вверх, словно вертолет получил апперкот от Кинг-Конга. Он рухнул на площадку, пропахал ее наискось и остановился, только ткнувшись в парапет на краю крыши. Произошло это на удивление медленно и как-то плавно. Или, может, так только казалось, ибо мозг Виллема отказывался воспринимать происходящее в реальном времени и во всей его остроте. Пилот заглушил мотор,

и вертолет тяжело присел на шасси. Даже по звукам было понятно, что больше он никуда не полетит. И, когда пассажиры выбрались (весьма поспешно) наружу, это подозрение подтвердилось. Оказалось, хвост вертолета загнулся кверху, а хвостовой винт размолот в щепу.

С одной стороны — расквашенный вертолет, с другой — медно-красный «гриб», вздымающийся над останками отеля, — здесь было на что посмотреть! Однако несколько минут спустя Виллем поймал себя на том, что пялится совсем на другое. Привлеченный взрывом и грохотом, на крышу высыпал больничный персонал. Люди шли и из будочки в углу крыши, куда, видимо, выходила чердачная лестница, и из лифта возле вертолетной площадки. В основном они выглядели как обычные доктора, медсестры, санитары и прочие: медицинские костюмы с цветовым кодом, стетоскопы, бейджики. Были, конечно, и региональные отличия: много этнических папуасов, много женщин в головных уборах католических монахинь. Дальше к ним начали присоединяться люди, не похожие на медиков, — видимо, пациенты из числа способных передвигаться или больничные посетители. Виллем не мог отвести глаз от одного из них: седовласого папуасского

джентльмена, одетого в одну лишь котеку[101]. Об этих штуковинах Виллем читал, но ни разу не видел вживую — и ему казалось, что они намного меньше. «Футляр для пениса» по размеру должен соответствовать пенису, разве нет? Но котека у этого старика была намного, НАМНОГО больше любого члена, какой ему случалось видеть — а в молодости Виллем их повидал немало! Широкий (ровно настолько, чтобы вместить член) ее конец был приторочен к паху. Оттуда она загибалась кверху, к животу, поддерживалась веревкой, обвязанной вокруг пояса, поднималась еще выше, закручивалась спиралью и оканчивалась острым концом в районе грудины. Виллем подозревал, что смотреть на это во все глаза невежливо; но с другой стороны, раз уж человек выходит на люди в таком наряде, быть может, еще более невежливо *не смотреть?*

Для начала все вместе сбросили вертолет с крыши. Дело в том, что к больнице уже летели новые, настоящие санитарные вертолеты с настоящими

[101] Примечания: 101

Традиционный единственный предмет одежды у мужчин из высокогорных племен Новой Гвинеи: «футляр для пениса». Котеки изготавливают из тыкв или других высушенных плодов, украшают перьями, ракушками и бисером. К телу они крепятся с помощью ремней. Нередко котеки отличаются большими размерами и причудливой формой.

ранеными на борту. Вертолет Т. Р. занимал предназначенное для них место. И улететь не мог. Так что больничная охрана огородила территорию на лужайке внизу, отогнав оттуда любопытных. Как только территорию очистили, пара десятков собравшихся на крыше вместе налегли на вертолет и толкали его, пока застекленный нос не высунулся из-за парапета. Затем взялись за длинный хвост и, используя его как рычаг, наклонили вертолет вперед. Хвост быстро задрался так, что до него было уже не дотянуться. Тогда люди начали подлезать под вертолетные шасси, подставлять под них плечи и толкать вперед и вверх. Виллем надрывался вместе со всеми; справа от него рвала жилы Амелия, слева — мужик в котеке. Быть может, знания высоких технологий и глубокого понимания современного мира этому мужику недоставало, однако процедуру скидывания вертолета с крыши он уразумел не хуже всех прочих и даже высказывал (жестами) вполне разумные предложения о том, с какой стороны взяться и как лучше распределить силы. Наконец вертолет перевалился через парапет и с грохотом рухнул вниз. Человек в котеке следил за его полетом без особого любопытства. Должно быть, в отличие от людей с более современным

мышлением, его эта сцена ничем не поразила. Потом он встретился глазами с Виллемом — с которым, можно сказать, был уже знаком — и сделал жест, понятный во всех уголках мира и означающий: «Эй, приятель, закурить не найдется?» Виллему пришлось похлопать себя по карманам и показать пустые ладони.

— Ни у кого не найдется сигареты? — громко спросил он.

Скоро сигарета появилась из кармана уборщика. Выразив должную благодарность, человек в котеке переломил ее пополам, сунул серединой в рот и задымил с обоих концов, глядя, как первый санитарный вертолет с потерпевшими опускается на крышу.

Дальше Т. Р. повел всех к чердачной лестнице. Проходя мимо лифтов, обслуживавших вертолетную площадку, Виллем обратил внимание на табличку над дверями: «МЕДИЦИНСКИЙ ПАВИЛЬОН Т. Р. И ВЕРОНИКИ ШМИДТ». Ниже, по всей видимости, то же было повторено по-индонезийски и на одном из восьмисот местных языков.

— А куда мы идем? Просто любопытно, — поинтересовался Виллем, вслед за Т. Р. спустившись по восьми пролетам современной железобетон-

ной лестницы и оказавшись в куда более старом больничном крыле с линолеумными полами, деревянными дверями и запахом дезинфектанта. Такие больницы строили в Нидерландах сразу после войны.

— В родовое.

— Куда-куда?

— Отделение родовспоможения, — пояснил Т. Р.

Странный выбор, но, возможно, логичный? Травма, хирургическое, интенсивная терапия, реанимация — все они сейчас переполнены или скоро будут переполнены. А рожениц сегодня столько же, сколько и в любой другой день.

Они долго плутали по лабиринту коридоров, характерному для любой больницы, но наконец нашли родовое отделение. Народу здесь в самом деле было немного. За одной закрытой дверью кричала роженица. В коридорах расположились группками посетители. Сестры-монашки сновали туда-сюда и сердито на них посматривали. Впрочем, Т. Р. здесь скоро узнали — и неудивительно: портреты его и жены висели на видном месте в медицинском павильоне, носящем их имена. Так что никто не спрашивал, куда они идут, когда Т. Р. провел Виллема, Амелию и одного

из своих охранников вдоль по длинному коридору, а затем в палату, скрытую за деревянной дверью. Палата эта, судя по всему, уже какое-то время не функционировала. Скорее всего, ее собирались модернизировать. Сейчас там вдоль стен стояли коробки с каким-то медицинским оборудованием.

— Спасибо, что меня терпите, — сказал Т. Р. — Просто… раз уж я здесь оказался — не мог пройти мимо и не заглянуть.

— Но зачем? — спросил Виллем. — Что это место для вас значит?

— Я в этой палате родился, — ответил Т. Р.

Вскоре за ними пришел местный начальник, филиппинец в воротничке священника, и проводил на первый этаж, в офис, где все и расположились, пока Т. Р. решал, что делать дальше. Судя по обрывкам телефонных разговоров, доносившимся до Виллема, он был не прочь просто покинуть страну. Однако из-за беспорядков в городе не работал и аэродром, так что самолет Т. Р. пока не мог подняться в воздух. Его люди организовывали сейчас конвой на внедорожниках, чтобы отвезти его в резиденцию на окраине города, где обороняться будет проще, чем в отеле. Виллем и Амелия могут ехать с ним или…

На этом «или» в офис влетела сестра Катерина, с которой Виллем встретился за завтраком в Гааге в прошлом октябре, — и заявила, что план Т. Р. полная чушь. (Сам Т. Р. этого не слышал, он висел на телефоне.)

— Можем предложить вам убежище, — сказала она. — Но, если честно, здесь вы займете место, которое нужнее другим.

Это звучало как приглашение к ответу: «Что вы, я и подумать не мог…» — и Виллем уже открыл рот, но сестра Катерина не дала ему заговорить:

— Или могу быстро и безопасно доставить вас к вашему дяде Эду, если предпочитаете переждать у него.

Виллем невольно задумался о том, что она предлагает переждать и как долго, по ее мнению, это продлится. Инстинкты требовали не уходить далеко от аэродрома с его отелями и прочими европейскими удобствами — казалось, здесь безопаснее. Но постояльцы «Сэма Хьюстона», наверное, тоже считали, что там безопасно, пока копы не выгнали их на улицу, а сам отель не взлетел на воздух.

Так что он принял предложение сестры Катерины. Пять минут спустя они с Амелией лежали на полу в проходе желтого школьного автобуса;

сестра Катерина завела мотор и выехала со двора школы на улицы Туабы. Уверенность, с какой сестра управлялась с ручной передачей и лавировала на забитых улицах, не стесняясь прибегать к гудку, заставила Виллема задуматься, какими еще навыками овладела эта невеста Христова за тридцать (или около того) лет в монастыре.

— Большую Пушку видали? — спросила она по-голландски. — На Снеуберге?

— Успели мельком, — ответил Виллем. — Дальше нас атаковали, пришлось эвакуироваться.

— И все же хорошо, что вы ее увидели, — ответила сестра Катерина. — Не только Пушку — весь рудник. Теперь вы понимаете, с чем мы здесь имеем дело. Представляете себе масштабы.

Виллем мысленно отметил, что монахиня не задала ни одного вопроса об «атаке». Он поднял голову и переглянулся с Амелией.

— Как вы полагаете, — заговорил он, — атака связана с новым проектом, с Пушкой, или…

— Еще чего! — ответила она так резко, что Виллем сразу понял, каково быть самым тупым учеником у нее в классе. — На это здесь всем наплевать.

— Но глобальное потепление… геоинженерия…

— Всем плевать. Кроме других стран. Но они решают нашу судьбу.

— Пока вы остаетесь частью Индонезии…

— Мы — не более «часть Индонезии», чем Индонезия была «частью Голландской империи»! — отрезала сестра Катерина, напугав Виллема сильнее, чем все предыдущие приключения тем, что бросила руль, обернулась к нему и изобразила обеими руками кавычки.

— Я неудачно выразился, прошу меня простить, — поспешил ответить Виллем, проглотив последнюю часть фразы: «И следите за дорогой, черт бы вас побрал!»

— «Иди и больше не греши!» — усмехнулась монахиня и решительно свернула на боковую улочку. Судя по тому, как Виллем немедленно приложился головой об пол, асфальт здесь оставлял желать лучшего. Автобус подпрыгивал на колдобинах, проваливался в огромные ямы. За окнами мелькала густая зелень. Вдруг зеленый древесный покров сменился углом огромного ржавого контейнера. На крыше контейнера, за плоской колючей проволокой, дежурил молодой человек в бейсбольной кепке козырьком назад и зеркальных очках: в зубах он сжимал сигарету, в руках — АК-47. Чуть подальше, на соседних

контейнерах, виднелись его товарищи. Автобус сбросил скорость и замедлил ход. Сестра Катерина переключилась на нейтральную и ударила по тормозам с такой силой, словно давила скорпиона, угрожающего кому-то из ее учеников.

— Приехали! — объявила она.

— Вот мы и дома! — пробормотал Виллем, поднимаясь. — Спасибо, что подвезли, сестра Катерина.

— Я с вами свяжусь, — бросила она на прощание, — когда все закончится.

И снова Виллем спросил себя, что это за «все» и откуда монахиня знает, что оно скоро закончится.

— Для вас здесь, пожалуй, самое безопасное место, — добавила она, повернувшись к Амелии. — Мы тут всегда прятали Беатрикс и остальных во время беспорядков.

Амелия не знала, кто такая Беатрикс, но кивнула и вежливо улыбнулась.

Виллем предвидел неприятную задержку у ворот и уже представлял, как размахивает руками перед глазком камеры дядюшки Эда, чтобы тот его заметил и впустил. Но ждать не пришлось: их прибытие совпало с отбытием нескольких партнеров Эда по бадминтону, которых на улице

ждало такси. Как видно, никакие беспорядки не могли заставить этих достопочтенных джентльменов поменять планы. Последний из них узнал Виллема и просто придержал для него дверь ногой — на пару секунд, ровно настолько, чтобы зажечь сигарету.

— До завтра, — бросил он на фучжоу проходящему мимо Виллему.

Река Колумбия

Шестое чувство Лакса — или, быть может, седьмое или восьмое, он уже потерял им счет, — подсказало ему, когда подгрести по-собачьи к левому берегу Колумбии и выбраться на каменистую землю. Пока он плыл под темной поверхностью воды, наверху вышло из-за горизонта солнце; однако место, где он выполз на сушу, под нависающим крутым берегом, оставалось в глубокой тени. На противоположном берегу не видно было никаких следов человека: только редкие сосны и густой кустарник, как и в том месте к северу от границы, где высадил его дядя. Лакс стянул с себя гидрокостюм и переоделся в обычную одежду, лежавшую сверху в водонепроницаемом рюкзаке: футболка, джинсы, кроссовки и бандана, временно заменившая кески. Гидрокостюм он спрятал в воде под камнями. У рюкзака вид был подозрительно военный, однако в нем имелась скатанная спортивная сумка, куда Лакс и переложил прочие свои пожитки: смену одежды, бутылку воды, кое-какую американскую еду.

Здесь, ранним утром вдали от дорог, стояла глу-

бокая тишина, нарушаемая лишь плеском воды о берег. Однако проапгрейженный в Киберабаде слух Лакса уловил какой-то тихий стрекот. Лакс вертел головой туда-сюда, пока не обнаружил его источник: метрах в ста от него завис над речной гладью маленький дрон. От него пахло безопасностью, так что Лакс о нем больше не думал. В Канаде дроны за ним не следили, но, похоже, в Соединенных Штатах — другая история. Ведь всему миру известно, что здесь царит хаос, что Штаты неспособны поддерживать порядок даже в собственных границах. Люди вроде того техасского миллиардера здесь могут делать что угодно и выходить сухими из воды. Ну что ж — значит, то же под силу и индийской военной разведке.

Сверху вдоль берега шло двухполосное шоссе. Лакс двинулся по нему на юг и дошел до старого моста, по которому реку пересекала еще одна такая же дорога. Примерно в миле от перекрестка начинался городок: здесь дорога расширялась и плавно перетекала в парковку с несколькими барами, столовыми и круглосуточными магазинами. Проходя мимо одного из них, Лакс заметил фуру с двухколесным прицепом, на котором стоял сорокафутовый контейнер. Отправляя Лакса на задание, ему сообщили только самое необхо-

димое; однако несложно было догадаться, что контейнер недавно прибыл в Такому или в Сиэтл, откуда его и забрал водитель грузовика. Лакс прошел мимо, не особо приглядываясь. Впрочем, смотреть было и не на что. Выглядела эта фура как миллион других таких же грузовиков.

Полминуты спустя он услышал, как фура, оставшаяся в паре зданий позади, взревывает и выезжает на дорогу, она же главная улица городка. Лакс повернулся и поднял вверх большой палец.

Шоферу, на вид индийцу, должно быть, велели не разговаривать с Лаксом ни о чем, кроме самого необходимого. Когда Лакс спросил, как его зовут, тот просто возвел глаза к потолочной лампе и скорчил жалобную гримасу. Благодаря дяде Дхармендеру Лакс уже знал, как это понимать. Единственное, что сказал водитель: «Лечь можете там». Ах да, и еще протянул пластмассовую емкость с широким горлышком, которую Лакс сразу узнал — такими он пользовался в те несколько месяцев, когда головокружение не давало ему встать с кровати.

— Вместо туалета, — сказал водитель.

В тесном пространстве за сиденьями нашелся поролоновый матрас. Между встроенными шка-

фами крохотная морозилка, микроволновка, еще кое-какие удобства. На рейке под потолком плотная штора, которой можно отгородить «жилую комнату» от места водителя. Задернуть штору и поспать — соблазнительная идея! Однако в штате Вашингтон сейчас чудесное раннее утро. Так что Лакс сел и просто смотрел в окно с час или около того, пока водитель — молча, терпеливо, ни на секунду не превышая дозволенной скорости — вел свою махину по проселочной дороге, извивающейся среди побуревших от летней жары полей и каменистых холмов, поросших соснами и елями. По солнцу и по дорожным знакам было очевидно, что едут они на юг, в сторону Спокейна. Проехали пару городков, резервацию, где живут тезки их народа — индейцы. В положенное время оказались на окраине большого города, с такими же магазинами и фастфудом по обочинам, что и во всех других местах. Здесь Лаксом овладела сонливость: он сбросил кроссовки, пробрался назад и задернул штору.

Проснулся он оттого, что фура стояла на месте. Мотор работал, но машина не двигалась. Лакс отдернул штору и удивился, обнаружив, что солнце уже село. Похоже, он проспал часов десять! Грузовик стоял на обочине федеральной

автострады, на огромной парковке, скорее всего, коммерческой. Автострада тянулась с севера на юг, втиснувшись между складчатыми холмами. Последние лучи сияющего заката подсвечивали темные силуэты холмов к западу от дороги и окрашивали алым густой кустарник на холмах с восточной стороны. Водителя было не видно.

Вытянув шею, чтобы оглядеться, Лакс увидел впереди огромное здание с плоской крышей и почти без окон, облицованное металлическими фасадными панелями. Его со всех сторон окружали пешеходные дорожки под навесами на высоких стальных опорах, ведущие ко множеству бензоколонок и зарядных станций для электромобилей. Их здесь не меньше сотни; многие явно предназначены для грузовиков, внедорожников и других крупных автомобилей, которым требуется много места для разворота. Ряд вывесок на здании возвещал, что внутри ждут рестораны, магазины и прочие удобства — все, что может потребоваться водителю на привале посреди долгой дороги.

Лакс был доволен, что водитель отошел; он так давно не оставался один — если не считать подводного заплыва по реке, но под водой особенно не расслабишься. Он пописал в банку и тщатель-

но завернул крышку. Однако при этом ощутил давление в кишечнике — и понял, что придется сходить в этот торговый центр (или типа того) и найти нормальный туалет.

Лакс открыл сумку, достал оттуда влажные салфетки и небольшой деревянный гребень. Традиционно такой гребешок следует носить в волосах, но он плохо сочетается с гидрокостюмом. Обтерся салфетками и расчесал гребнем свои длинные волосы. На выбритых участках за ушами волосы уже начали отрастать, однако еще не скрывали ни шрамов, ни разъемов, установленных медиками из Киберабада. Лакс предпочел бы все это прикрыть, даже если бы верность своему народу и вере не требовала от него носить тюрбан.

На дне сумки лежал аккуратно сложенный отрез черной ткани. Завязав волосы в узел над лбом, прикрыв и узел, и гребень банданой, он развернул отрез и привязал один его конец скользящим узлом к рулю. Другой конец протянул через кабину туда, где спал. Это дало ему возможность правильно сложить ткань по всей длине, аккуратно загнув внутрь оба ее края. Считай, полдела сделано. Разобравшись с этим, Лакс отвязал полоску ткани от руля, зажал один

ее конец в зубах, а другой начал оборачивать вокруг головы. Несколько минут тщательного оборачивания и подтыкания — и на голове у него красовался вполне презентабельный тюрбан, скрывший и шрамы, и все прочее, оставшееся после операции. Тюрбан открывал лоб, и из-под него виднелся аккуратный треугольник банданы — штрих, который, как надеялся Лакс, заметят и оценят местные. Он плохо представлял, где он — но где-то на западе Соединенных Штатов. Значит, здесь есть ковбои.

Первую часть операции он произвел в темноте, сидя, скрестив ноги, на матрасе; но для завершающих штрихов требовалось зеркало. Так что Лакс переместился на пассажирское сиденье, опустил солнцезащитный козырек и обнаружил на его обратной стороне зеркальце, снабженное двумя миниатюрными лампочками по сторонам. Лампочки он включил: снаружи было уже темно. Еще минуту или две возился с тюрбаном.

Только всё обернув, аккуратно подоткнув и выключив свет, Лакс выглянул в переднее окно — и обнаружил, что метрах в десяти от машины стоят двое и смотрят на него во все глаза.

Уже с минуту или около того он ощущал отчетливый неприятный запах. Обоняние у Лакса

почти не работало; сосредоточившись на своем тюрбане, он подумал мимолетно, что, должно быть, где-то поблизости трубу прорвало, или перевернулся контейнер с токсичными отходами, или еще что-нибудь такое — словом, вонь должна быть знатная, раз даже до него долетело. Но теперь вдруг понял: кроме него, вони никто не ощущает. Она нереальна. Это сигнал системы оповещения, вмонтированной ему в мозг в Кибе-рабаде. Сигнал опасности. Опасность появилась около минуты назад и становилась все сильнее — пока он не выключил свет и не увидел, что на него пялятся те двое. Мужчина и женщина, лет пятидесяти, оба полные и рыхлые, в обычной дорожной одежде. Именно такие люди, каких ожидаешь встретить на автостоянке где-то среди гор на западе США. Абсолютно нормальные, ничем не примечательные для этого времени и места.

Странно, что пугающе выглядит здесь, наверное, только он сам. Должно быть, эта пара шла со стоянки или на стоянку мимо его фуры. Заметили свет в кабине, заглянули внутрь, а он здесь наматывает тюрбан. Процедура, которую эти люди наверняка видят первый раз в жизни.

Лакс потянулся к ручке двери. Первым его

желанием было выйти, поздороваться с этими людьми, представиться и вежливо объяснить, чему они стали свидетелями. Но прежде чем он успел пошевелиться, они развернулись и быстро пошли прочь. Мужчина крепко держал женщину за плечо и почти тащил за собой; та, прихрамывая, спешила за ним. Похоже, в будущем ее ждет замена тазобедренного сустава. Губы мужчины шевелились, но до Лакса не доносилось ни звука. Перед тем как скрыться за поворотом, женщина обернулась, бросив на него последний — недобрый — взгляд. Однако дурной запах рассеялся. Система, принципов работы которой Лакс даже представить себе не мог, сообщала ему, что опасность миновала, хотя бы на время.

Все же он не хотел пугать этих бедолаг больше, чем, судя по всему, уже напугал, так что подождал, пока они зайдут в здание, и только после этого открыл дверь и вышел наружу.

Здесь он на несколько секунд остановился, задрав голову и глядя вверх — на сияющую вывеску, заслонившую большую часть неба.

Из бокового окна грузовика он видел пару колонн — массивных стальных труб, вделанных в бетонные основания и уходящих куда-то в небеса. А теперь, выбравшись наружу, увидел и то,

что они поддерживают, — вывеску, по площади, должно быть, равную половине футбольного поля. Она взметнулась высоко в небеса, чтобы путешественники замечали ее за много миль. На вывеске забавный «мультяшный» ковбой, улыбающийся и подмигивающий, в белой шляпе, лихо заломленной на затылок. На нем клетчатая рубашка. Одну руку заткнул за широкий оранжевый ремень с пряжкой в форме штата Техас, другой приглашающе указывает на стоянку. А под ним — подпись огромными неоновыми буквами: «Т. Р. МИКС».

Похоже, какая-то местная сеть.

Вдоволь насмотревшись на вывеску и на бескрайнее звездное небо над ней, Лакс опустил взгляд и зашагал к центральному зданию. У входа начинался траволатор. В норме Лакс предпочел бы пройтись, просто чтобы размять ноги, — но сейчас внутреннее ухо повело себя как-то странно, словно потянуло его назад к грузовику. Опасаясь потерять равновесие, он встал на траволатор и взялся за перила. Из-за спины, едва различимый в реве моторов и визге шин, доносился тихий успокаивающий стрекот дронов, следующих за ним во тьме.

У дядюшки Эда

— Интересные дела происходят нынче на руднике!

Это восклицание издал по-английски пожилой китаец, сидящий на складном стуле на краю бадминтонной площадки дядюшки Эда — должно быть, в перерыве между сетами.

С того момента, как сестра Катерина высадила Виллема и Амелию у ворот Эда, прошло почти двадцать четыре часа.

Порой, когда происходит много всего сразу, кажется, что время как будто сжалось — и после этого хочется его растянуть, чтобы восстановить баланс. Так что остаток дня Виллем ничем не занимался, заснуть сумел только после полуночи и проспал почти до полудня. Теперь его мучило чувство, что целый день прошел зря, — и престарелые, но бодрые игроки в бадминтон это чувство только усугубляли.

Виллем моргнул и внимательно оглядел человека, который с ним заговорил. Белые кроссовки, белые носки. Травянисто-зеленые спортивные шорты и свободная тенниска без рукавов откры-

вают для обозрения фигуру, лучшие времена которой, если вообще были, давным-давно остались позади. Вислая панама, прикрывающая голову от солнца, большие темные очки. Сидя в стороне от прочих игроков, старый китаец потягивал чай из стального термоса. По виду — приезжий из другого города, приглашенный гость, уж точно не регулярный визитер.

А в следующую секунду Виллем его узнал. Перед ним сидел Бо.

— Опять вы?! — воскликнул Виллем. — Черт, где вас только не встретишь!

— Как и вас, — невозмутимо заметил Бо.

В логике ему не откажешь, невольно подумал Виллем.

— Так. Подождите минуту. Схожу отолью и всякое такое.

— Не смею вас задерживать. Не беспокойтесь, время у нас пока есть.

Смысла фразы Виллем не понял, но Бо явно говорил не о времени до следующего сета.

Виллем вернулся в дом и провел в туалете несколько минут. Сделав свои дела, взглянул на экран телефона, полистал новости. Беспорядки в Туабе и окрестностях продолжаются. Работа на руднике Снеуберг полностью прекращена.

Почту и сообщения Виллем даже не стал просматривать; еще накануне он отметил во всех соцсетях, что он в безопасности. Выглянул в окно — в сторону трейлера, где поселили Амелию, — и заметил, что она на посту.

— Как видно, Индия решила показать зубы, — снова заговорил Бо, когда Виллем вернулся и присел на складной стульчик рядом.

— Просто рычит и скалится? — спросил Виллем. — Или что-то серьезное?

— Вы предлагаете мне прочесть мысли наших добрых друзей к югу от великих гор, — мягко упрекнул его Бо. — Это, знаете ли, нелегко! Однако они сделали любопытный намек.

— Какой же?

— Начали использовать в своих публичных заявлениях неслыханное прежде выражение. «Климатическое миротворчество».

Виллем повертел в голове эти слова. В самом деле, интересно!

— И что вы думаете об этом выражении, Бо?

— Мне оно нравится. Весьма… емкое. Вроде бы не означает ничего — и в то же время очень многое.

— Слишком многое, на мой взгляд, — ответил Виллем. — «Миротворчеством» можно оправ-

дать почти все что угодно. «Миротворческое вмешательство» — слишком часто эвфемизм для диверсии или войны.

Бо поднял брови, словно пораженный какой-то новой мыслью.

— А знаете что? Может быть, это выражение стоит использовать и Нидерландам? Как стране, особенно страдающей от подъема уровня моря. — Он сделал глоток чая из термоса. — Даже не Нидерландам, а Нижнемиру — или как это у вас теперь называется.

— Благодарю за совет. Думаете, поможет создать политическое прикрытие для того, что вы здесь делаете?

— Помочь не поможет, но точно не повредит.

— Рад бы вам посодействовать, но нечем. Я с недавних пор на пенсии.

— Да уж вижу! — Бо обвел широким жестом все окружающее. — И что за прекрасное место вы выбрали для отдыха! Гарантия полной безопасности… ни с чем не сравнимая культура и досуг… и всего каких-нибудь восемь тысяч миль от вашего мужа!

— Мне нужно было отвлечься. Проветрить голову. И мне предложили поехать сюда.

— Предложили… кто же? Бывшее начальство?

Виллем не стал клевать на эту наживку.

— И как теперь ваша голова? Проветрилась?

— Вчера я вместе с целой толпой скидывал вертолет с крыши больницы. Это, знаете ли, прочищает мозги.

— Да, я видел. Впечатляющее было зрелище. И поучительное.

— В каком смысле поучительное?

— Разногласия между Китаем и Индией всем известны, но есть вещи, в которых мы можем друг с другом согласиться. Например, в том, как нам всем необходим мир.

— Да неужели?! — не удержался от восклицания Виллем.

Бо значительно кивнул.

— И давно Китай выступает за мир во всем мире?

— Уже много лет только об этом и заботимся, — невозмутимо сообщил Бо.

— Значит, тоже хотите поиграть в «климатическое миротворчество»?

— Знаете, мы исповедуем более холистический подход. Глобальное потепление — только часть общей картины. Когда мы видим, как взлетают на воздух отели, толпа врачей вместе с мужчинами в котеках сбрасывают с крыши больницы верто-

лет и в результате жизненно важный для нашей экономики горнорудный комплекс прекращает работу на неопределенное время, — все это заставляет нас задаваться нелегкими вопросами о том, насколько наши индонезийские друзья контролируют ситуацию.

— Черт возьми!..

— От местных активистов — таких как сестра Катерина, ваша родственница Беатрикс и им подобные — до нас доходят ужасающие известия о том, как ведут себя с местным населением иностранцы, оккупировавшие эту страну.

— Индонезийцы. Они, кстати, иностранцами себя не считают. Это ведь часть Индонезии.

— Несомненно, — отмахнулся Бо. — Но ситуация определенно вышла из-под контроля. Цены на медь взлетели, а это угрожает нашим экономическим интересам. Мало того: возможна угроза поставкам угля и железной руды из Австралии. В прежние времена мы могли надеяться на вмешательство Соединенных Штатов или Великобритании. Но те времена позади — думаю, тут вы со мной согласитесь.

— Боюсь, все это выходит за пределы моей компетенции.

— Ну почему же? И бывшая королева Нидер-

ландов, и доктор Шмидт, и сестра Катерина — все считают вас человеком знающим и проницательным. Человеком, которого полезно иметь на своей стороне.

— Вы ее прочите в правительницы независимого Папуа?

— Сестру Катерину?

— Да.

— А вы можете предложить кого-то другого? Более квалифицированного? Более заслуживающего доверия?

— Нет, но я здесь пока никого и не знаю.

— Может быть, вашего дядюшку Эда?

— Он китаец. А здесь нужен этнический папуас.

Бо кивнул.

— Вот и я так думаю. К тому же католическая монахиня. Их здесь уважают все.

— И когда вы собираетесь сделать… то, что намереваетесь?

— Что за вопрос! — закатил глаза Бо. — Я человек маленький, мне подобную информацию не сообщают.

— Разумеется. Но вы ведь здесь не по долгу службы. Чтобы это понять, достаточно посмотреть, как вы одеты.

Бо окинул взглядом свой костюм, и на лице у него отразилась легкая обида.

— А что вам не нравится? — поинтересовался он.

— Очевидно, вы здесь как турист, приехали полюбоваться видами и поиграть в бадминтон. Так, может быть, выскажете свои предположения? Как частное лицо.

— Я не из тех стариков, что обожают засыпать собеседника цитатами из Сунь-Цзы, — раздумчиво проговорил Бо. — Пробовал я читать «Искусство войны». Знаете, это… как бишь говорят у вас на Западе? «Капитан Очевидность».

— Это хорошо. Я предпочел бы услышать что-нибудь, более прямо относящееся к Туабе — и к нашему времени.

— Знаете, когда читаешь книги по военной истории, там постоянно упоминается «ночь перед битвой». Такой троп. Ни разу я не читал, например, об «обеде перед битвой». Никто никогда не хочет начинать сражение ближе к вечеру. Почему-то все заранее уверены, что не успеют закончить до темноты. Просто наблюдение.

— Понимаю.

Виллем взглянул на экран телефона, проверяя, есть ли связь. Спасибо спутниковому подключе-

нию дядюшки Эда, связь была. 13:30 по местному времени. Туаба, Западная Европа и Техас расположены на глобусе на равном расстоянии друг от друга: между каждой из этих точек — восемь часов разницы. В Техасе солнце, должно быть, село не меньше часа назад. В Адриатике, где сейчас Саския, самый тихий час перед рассветом.

Он отбил сообщение Т. Р.

> Надо поговорить. О перевороте, который готовит здесь Китай. И об индийской инициативе «климатического миротворчества».

> Вы что-то знаете?

> Больше, чем вы. Можем встретиться там, где все началось?

> До ужина это подождет?

> Вам решать, самолет у вас.

> Как насчет рэйсттафеля[102]?

> Звучит аппетитно.

> Увидимся.

В ответ Виллем отправил эмодзи «большой

[102] Примечания: 102

Комплексный обед, характерный для индонезийской кухни колониального периода: внушительная порция риса в середине стола и большое количество блюд, расставленных вокруг нее.

палец вверх» и сунул телефон в карман.

— Хотел бы я знать, какого черта требуется здесь от меня, — пробормотал он.

— На меня не смотрите, — пожал плечами Бо. — Поймите правильно: я был бы счастлив дать вам хороший совет. Но вы с вашей дорогой Фредерикой занимаетесь тем, чего никто прежде не делал. Не знаю, что тут можно посоветовать. Мое воображение здесь бессильно.

— И чем же, по-вашему, мы «занимаемся»? — поинтересовался Виллем, едва не рассмеявшись вслух.

Весь вчерашний день он валялся, как тряпичная кукла, на полу — сначала вертолета, потом внедорожника, потом школьного автобуса. Сама мысль, что он здесь чем-то целенаправленно «занят», звучала как сущее издевательство.

— Запускаете в бытие новую мировую державу. Нижнемир. Кстати, отличное название.

— Спасибо, но оно не мое. Его придумал кто-то из венецианцев.

— В творческом дерзновении им никогда не было равных.

— И никакая это не держава. Сами знаете.

— Но может стать политической силой, куда более могущественной, чем многие так называе-

мые государства.

— Ну да — Мальдивы, Маршалловы Острова…

— Лично я подумал о Соединенных Штатах. Была великая страна, а превратилась в какой-то цирк!

— М-да, трудно не согласиться.

— Хаос, царящий в Америке, дает людям вроде Т. Р. свободу строить Пина2бо и вообще творить такое, что ни в каком другом месте не потерпели бы.

— Вы хотите сказать, бессилие правительства США — ценный актив?

— Это то, на что опираются люди в своих расчетах.

— Верно.

— Страна безграничной свободы, где можно творить все что пожелаешь! — воскликнул Бо. — Но дальше происходит вот что: некоторые страны — как та же Индия — решают, что пора вмешаться. И, на мой взгляд, заходят слишком далеко.

— Мне трудно судить — я не знаю, что они делают… — начал Виллем.

— Просто поверьте. Они заходят слишком далеко. И уверены, что им все сойдет с рук. В собственных СМИ они изобразят это как подвиг. Америка? О, американцы пару дней будут страшно возму-

щены, а потом им надоест, и они переключатся на что-нибудь другое. Кинозвезда пнула собаку, знаменитый футболист поставил свой «ламборджини» на парковке для инвалидов… Мало ли на свете возмутительных поступков!

— Звучит так, словно… словно Т. Р. грозит нешуточная опасность.

Бо пожал плечами.

— Если так, быть может, пора вмешаться какой-нибудь *настоящей* супердержаве.

Ниндзя со Скребком

Каждый понедельник и пятницу, в девять ноль-ноль по техасскому времени, сотрудники «Черных шляп» проводили виртуальное совещание. Вскоре после того как Руфус обосновался на Мраморном карьере, на эти совещания стали приглашать и его. Все делалось через очки с ДР-функцией, так что ему тоже выдали такое устройство. Включать очки можно где угодно — увидишь одно и то же; но если находишься в большом, пустом и темном помещении, общий эффект выйдет более убедительным. Так что жизнь в заброшенном карьере оказалась тут очень кстати. Итак, каждый понедельник и пятницу без нескольких минут девять Руфус шел в пустую темную пещеру и надевал очки с наушниками и микрофоном. В начале совещания участники появлялись вокруг, один за другим: люди, стоящие в кругу, не меньше десятка, а чаще десятка два. В основном начальники отделов. Руфус ничьим начальником не был — и скоро понял, почему оказался в списке: ему следовало знать в лицо остальных, а остальным — знать

его. Пока прочие понятия не имели, кто он, а он понятия не имел, что происходит, это могло привести к опасной путанице, даже закончиться «дружественным огнем». Так что он аккуратно являлся на совещания. Но молчал, пока к нему не обратятся, — а к нему никто никогда не обращался.

Большинство аватаров, появлявшихся на совещаниях дважды в неделю, выглядели и говорили как американцы, а их изображение транслировалось с низким значением задержки — иначе говоря, слова и жесты передавались в реальном времени или очень близко к тому. У иных время задержки было высоким: как догадывался Руфус, это означало, что они далеко отсюда — достаточно далеко, чтобы скорость света стала для них ограничивающим фактором. Как ни стремительно передаются через Интернет пакеты информации, быстрее скорости света они все-таки лететь не могут. Эти аватары нередко говорили с непривычным, неамериканским выговором: Руфус различал британский акцент, австралийский, южноафриканский и еще какие-то, ему неизвестные.

Некоторые аватары не сидели на месте. Одним из таких был сам Т. Р. Он появлялся то с низкой

задержкой, то с высокой. И иногда в режиме высокой задержки — то есть находясь где-то на другой стороне земного шара — дышал часто и тяжело, словно ему не хватало воздуха. Поначалу Руфус не понимал, в чем дело, начал даже беспокоиться о его здоровье, пока однажды в разговоре не прозвучало слово «Сноуберд». Потом он сообразил, что это «Сноуберг» — не «снежная птица», скорее уж «снежная гора». А потом услышал, как африканер из ЮАР произносит то же слово с другими гласными, примерно так: «Сньюуберг». Тут Руфус догадался, что речь о «Снеуберге» — месте на острове Новая Гвинея. Голландцы назвали его «Снежной горой» в те времена, когда там действительно лежал снег. Теперь от снегов на вершине ничего не осталось — отчасти из-за глобального потепления, отчасти из-за того, что компания «Бразос РоДаШ» срыла вершину и превратила ее в яму. Короче, там высоко. В разных частях горнорудного комплекса по-разному, но в целом около пятнадцати тысяч футов. Так что когда Т. Р. на совещаниях тяжело дышит — это не признак неполадок с сердцем или с легкими: просто в тех краях мало кислорода.

Вот так, хотя прямо об этом никто не говорил — к конфиденциальности «Черные шляпы» от-

носились серьезно и не болтали лишнего в Сети, где их могли подслушать, — Руфус, сложив два и два, без особого труда понял, что на Снеуберге возводится второй Шестиствольник. А третий строится сейчас на юге Европы, в месте под названием Вадан. И за ними, по всей видимости, последуют новые.

Все это было очень любопытно, но, с точки зрения «Черных шляп», опасно отвлекало внимание от их непосредственной задачи — охранять ранчо «Летящая S». Все, не связанное напрямую с этой территорией, не входило в рабочие обязанности Руфуса. В армии он прослужил достаточно, чтобы понимать: проявит хотя бы мимолетное любопытство насчет Снеуберга или Вадана — на него посмотрят косо, а если повторит эту ошибку — вылетит отсюда без разговоров. Однако он не мог отделаться от ощущения, что остался за бортом. С «Летящей S» все вопросы решены. Шестиствольник Пина2бо палит уже почти год без остановки, не считая двух-трех коротких перерывов на профилактический осмотр. Голоса против проекта Т. Р., довольно громко звучавшие вначале, теперь стихли: всех напугала перспектива «синдрома отката», то есть обратной реакции мировой климатической системы, который произойдет, если

Шестиствольник вдруг остановить. Крутые ребята из организации Т. Р. все чаще появляются на совещаниях с высокой задержкой: они сейчас на Снеуберге или на Вадане. И врачи из поселка Полуденный убеждают Руфуса привиться от разных экзотических болезней, о каких он и не слыхал с тех пор, как армейская служба заносила его в самые стремные уголки мира.

Несправедливо было бы утверждать, что сотрудники «Летящей S» недовольны своей участью. Но факт: теперь они плелись в хвосте и сами это чувствовали. Доклады о положении дел на «Летящей S» отодвигались ближе к концу и чаще всего сводились к заверениям полковника Тейтума, что докладывать не о чем.

Следующим — и обычно последним — пунктом каждого совещания был так называемый вот-так-поворот. Просмотр ролика, чаще всего взятого с «Ютуба». Иногда видео предлагал сам Т. Р., иногда кто-то из команды. Все ролики были так или иначе связаны с темой, представляющей для присутствующих профессиональный интерес: практическим применением насилия. Типичные сюжеты — коп разбирается с бандитом, а подружка бандита, зайдя сзади, втыкает нож ему в спину; или драка у винного магазина и ее неожиданный

финал. Неожиданное развитие сюжета — вот что обеспечивало ролику попадание в разряд «вот-так-поворотов». В каждом видео происходило что-то такое, о чем можно было сказать: «Ух ты, не ожидал!», покачать головой, возможно, обсудить — и дальше помнить о бдительности, чтобы самому не оказаться героем такого видео.

Однажды утром в понедельник «вот-так-поворот» оказался посвящен человеку, получившему в Интернете прозвище Ниндзя со Скребком. В последние сутки на видеохостингах циркулировало несколько роликов с ним, заснятых на мобильники: впрочем, авторы один за другим убирали видео, должно быть сообразив, что их могут привлечь как свидетелей. Однако у Т. Р. имелся доступ к видео куда лучшего качества — с камер безопасности, контролируемых его организацией. Дело в том, что история произошла в Мобильном центре «Т. Р. Микс».

Качество ролика заставило Руфуса ощутить себя безнадежным стариком. Слыша о видео с камер слежения (и где? На заправке, мать честная!), он представлял себе черно-белую зернистую запись с безобразным разрешением, на которой ни хрена не разглядишь. Но это давно ушло в прошлое. Теперь камеры безопасности могли по-

хвалиться голливудским качеством; более того, они вполне прилично писали и звук.

Еще одним недостатком классической камеры слежения был вечно неудачный угол съемки. Камера была направлена куда угодно, только не на что-то интересное. Бандиты с хулиганами и их беспомощные жертвы махали руками где-то в дальнем углу и в самый напряженный момент вываливались из кадра. Разумеется, ушло в прошлое и это. Теперь камерами управлял искусственный интеллект: он сам выбирал нужное направление, угол, масштаб, фокусировался на сценах, которые определял как наиболее интересные (и наиболее противозаконные), а в серьезных системах слежения использовались десятки камер и съемка со всех возможных углов. Человеку оставалось только выбрать из нескольких десятков записей лучшие и, возможно, смонтировать. Кто-то из подчиненных Т. Р., как видно, собрал все записи, связанные с Ниндзя, и передал их какому-то талантливому клипмейкеру, а тот собрал из них пятиминутный ролик, по увлекательности не уступающий гонконгским боевикам. В реальном времени все длилось меньше пяти минут, но в ударных моментах монтажер применял стоп-кадры, слоу-мо и повторы с другой камеры. И, судя по

реакциям виртуальных зрителей, собравшихся вокруг Руфуса в глубине Мраморного карьера, никто из них не возражал потратить лишние две минуты на просмотр! Даже сам Т. Р. предложил тем участникам совещания, у которых уже вечер, открыть баночку пивка и смотреть с удовольствием. Сегодня Т. Р. проецировался с задержкой (выходит, он где-то на другом конце земли), но кислорода ему хватало (значит, не в горах).

Как и любая искусно выстроенная история, начинался ролик с экспозиции: погожий летний вечер в рандомном Мобильном центре «Т. Р. Микс» где-то на западе США. В здание входят мужчина и женщина средних лет, чем-то озабоченные, но не слишком взволнованные. Хотят поговорить с менеджером. Обращаются к сотруднику за кассой у входа. Тот отвечает, что менеджер подойдет через минуту, и просит подождать. За минуту пара успевает что-то рассказать покупателям в очереди. Трудно расслышать, о чем речь, но люди начинают тревожно поглядывать в сторону автостоянки за дверью. Наконец подходит менеджер в белой ковбойской шляпе — знаке своего руководящего положения. Муж с женой, и с ними еще несколько посетителей, которых они заразили своим беспокойством, начинают показывать на

стоянку и что-то объяснять. И, как нарочно, в этот момент открывается дверь и входит новый персонаж. Крупный, атлетически сложенный парень, с мускулистой фигурой игрока в американский футбол. Одет по большей части очень неприметно: джинсы, кроссовки, одноцветная футболка. Но на голове у него тюрбан. Дополняет ансамбль стандартная медицинская маска N-95 — и торчащая из-под маски густая черная борода. Кожа смуглая: точно не белый, но, кажется, и не афроамериканец. Пожалуй, по цвету кожи довольно близок к Руфусу.

Когда смотришь кино и на экране появляется новый герой, зрителю нужно решить, как к нему относиться. Отождествлять себя с ним или нет. Это происходит быстро и почти бессознательно. Для Руфуса здесь вопросов не было: разумеется, он на стороне парня в тюрбане! Сколько раз он сам бывал таким же парнем, на которого косятся или показывают пальцами? А эти белые, готовые подозревать бог знает в чем любого, кто на них не похож, были ему противны до глубины души.

Здесь видео пришлось остановить: между оперативниками «Черных шляп» разгорелся спор.

— Да ведь этот парень араб! — сказал кто-то.

— И что?

— Это расизм — называть его «ниндзя».

— Это еще почему?

— Потому что ниндзя жили в Китае.

— В Японии, — поправил еще один голос.

— Да неважно. В общем, никакие они не арабы.

— А он не араб, — послышался новый голос. — Это индиец.

— Чего? Что-то не слышал, чтобы хоть одно индейское племя носило тюрбаны!

— Да не индеец, а индиец! Из Индии.

— А-а.

— И не индиец он, а сикх, — высказался еще один знаток.

— Так сикхи и есть индийцы!

— Не-а, сикхи в Пакистане живут.

— Значит, арабы.

— Нет, пакистанцы — не арабы!

Дискуссия замедлилась; голоса заглушил яростный стук по десятку клавиатур.

— А вот в Википедии…

— Запускаю видео с начала, — громко объявил Т. Р. — А национальный вопрос вы обсудите после совещания.

Парень в тюрбане, очевидно, не подозревал, какая драма разыгралась на кассе. Если бы и

поглядел в ту сторону, ничего бы не понял: при его появлении все резко занялись своими делами и смотрели куда угодно, только не на него. Он огляделся по сторонам и двинулся к уборной. Впрочем, «двинулся» — не совсем подходящее слово: шел он очень странно, накренившись назад и вбок, словно чьи-то невидимые руки тянули его назад, на стоянку. Только пройдя два десятка шагов, он восстановил равновесие и исчез в одном из знаменитых своей больничной чистотой туалетов «Т. Р. Микс».

Не было его довольно долго — должно быть, ходил по-большому; а тем временем толпа у кассы густела и волновалась все сильнее. Подошли охранники, пара из них с оружием на поясе. Услышав слова «араб», «террорист», «бомба», они расстегнули свои кобуры. Один достал пистолет и, оттянув затвор, проверил патроны.

Тем временем с другой стороны появился еще один парень такого же цвета, не белый и не черный. В руке он держал завернутый в фольгу буррито. Он, как видно, не понял, что здесь происходит что-то необычное, на него тоже никто не обратил внимания — и он спокойно вышел на стоянку. Руфус и сам его бы не заметил, если бы Т. Р. не остановил видео и не объявил:

— Мы полагаем, что это водитель.

Наконец Тюрбан вышел из уборной и направился к выходу. Полное отсутствие у него интереса к еде, напиткам и развлечениям, предлагаемым Мобильным центром «Т. Р. Микс», наблюдатели истолковали в самом зловещем смысле. Целая группа бросилась в туалет проверять, не спрятал ли он за унитазом взрывчатку. Здесь их ждало разочарование; но к этому моменту парень в тюрбане уже устроил пожар и стал звездой «Ютуба».

Дело в том, что трое охранников выбежали за ним на улицу. Здесь картинка стала беднее: на улице камер было меньше, не все они снимали под удачными углами, так что монтажеру пришлось потрудиться над материалом. По счастью, там, где самозваные блюстители порядка наконец нагнали свою добычу — возле бензоколонки 37G, футах в ста от здания, — две камеры запечатлели все происшедшее вблизи и под очень годным углом.

Взгляд Руфуса привлекла любопытная деталь. Теперь чувак в тюрбане уже не кренился на сторону. Ничто не говорило о том, что он нетвердо стоит на ногах — напротив! Сам Руфус был тем еще спортсменом, но ему случалось играть в футбол с ребятами, выступавшими за НФЛ. Их всегда

можно было отличить — по тому, как держатся, как двигаются. Вот и в этом парне ощущалось что-то похожее.

К тому времени как он подошел к бензоколонке, «блюстители» уже некоторое время не давали ему покоя: шли следом, выкрикивали вопросы, требовали остановиться. Начали угрожать. Он не обращал внимания — делал вид, что не слышит, однако руки держал на виду и подальше от боков, и Руфус одобрительно закивал.

Наконец один из «блюстителей», потеряв терпение, выхватил револьвер. Один из тех крупнокалиберных револьверов, от которых толку никакого, но оружейные маньяки по ним с ума сходят. Взвел курок, направив ствол в землю. Щелчок был не слышен на видео, но парень в тюрбане, судя по всему, отлично его расслышал. Одним плавным движением он развернулся, на ходу схватив скребок, поставленный здесь для удобства клиентов, которые пожелают протереть стекла в автомобиле патентованным средством для удаления насекомых «Баг-Солв». Скребок мок в ведерке, в упомянутом патентованном средстве, вместе со своими собратьями. Парень в тюрбане сделал полный пируэт и взмахнул скребком. От движения на бензоколонке включился

свет, и капли «Баг-Солв», дугой разлетающиеся с конца скребка, сверкнули, словно лазерный меч из «Звездных войн». Окончили свой путь они на физиономии парня с револьвером, причем немалая доля «Баг-Солва» попала тому в глаза. Парень повалился наземь. Руфус с одобрением заметил, что контроль над револьвером он не потерял. Немного «Баг-Солва» досталось и его товарищу; тот затряс головой и попятился; Ниндзя со Скребком тут же рванулся к нему, подцепил его руку ручкой скребка и взял в сложный захват, позволивший ему выдернуть у парня из-под руки револьвер и отбросить на соседний траволатор. Тот, разумеется, унес оружие прочь.

— Револьвер подобрал десятилетний скаут и отнес на кассу, — бесстрастно сообщил Т. Р.

Третий «блюститель», справедливо рассудив, что стрелять в такой свалке будет чревато, прыгнул на Ниндзя сзади. Тому пришлось освободить из захвата второго; перехватив скребок, он нанес третьему несколько коротких и мощных тычков рукоятью, словно бильярдным кием, в грудь и в живот. Нападающий повалился на землю и остался лежать.

— Доставлен на вертолете в ближайший травмпункт, — прокомментировал Т. Р. — Состояние

стабильное.

Номер второй хлопал себя по бокам, словно потерял ключи от машины — не мог понять, куда делся револьвер. Затем бросился на Ниндзя. Тот отступил, и удар пришелся в пустоту. И еще раз. И еще… но на третий раз второй успел только занести кулак — Ниндзя выставил ему навстречу валик скребка, остановив его руку на полпути, а рукоятью нанес удар по незащищенному лицу. Второй рухнул и замер — некоторые из «Черных шляп» восторженно ахнули и даже зааплодировали.

Тем временем первый, которому «Баг-Солв» попал в глаза, поднялся на колени. К его чести, заряженный револьвер он так и не выпустил из рук и строго соблюдал технику безопасности: ствол направил вверх, палец держал вдоль цилиндра. Лицо прикрывал локтем другой руки. Вот он поднял голову. Если можно сказать о моргании «отчаянно», то он отчаянно моргал, пытаясь что-то разглядеть. Наконец увидел расплывчатое пятно, которое определил как Парня в Тюрбане, и начал опускать револьвер. Ниндзя смотрел в другую сторону; но тут резко развернулся, словно у него были глаза на затылке. С каким-то неожиданным подскоком, словно девочка, играющая

в классики, этот здоровяк пушинкой взлетел в воздух, в прыжке перехватил свое оружие двумя руками, размахнулся и выбил у Первого из рук револьвер. Тот вылетел из кадра. Будь это настоящее голливудское кино, нам бы непременно показали траекторию летящего револьвера в слоу-мо и под всеми возможными углами. Однако такого аттракциона зрителям не досталось: пришлось включить воображение и самим додумать, что произошло дальше. А произошло вот что. Револьвер, неудачно приземлившись, выстрелил; пуля попала в грузовик с жидким пропаном, что стоял оттуда в сотне ярдов и в этот момент как раз заливал пропан в большой резервуар, размещенный там для удобства автомобилистов. Грузовик взорвался. Резервуар тоже.

— Верите или нет, но обошлось без жертв, — сообщил Т. Р. — Водитель грузовика с пропаном увидел, что творится, и вовремя смылся.

— А тот чувак сбежал? — спросил кто-то.

В ответ Т. Р. рассмеялся.

— Он же не преступник! Ничего незаконного не сделал. Так что нечего тут говорить «сбежал». Надо сказать «покинул место происшествия».

— На грузовике с тем парнем с буррито?

— Да, у них был полуприцеп. Когда взорвался

пропановый резервуар, парень с буррито отвел свою фуру в безопасное место, в дальний конец стоянки. *Покинув место происшествия,* наш Ниндзя нашел свою машину, сел, и они уехали.

— А номера машины у вас есть?

— Думаю, выяснить их можно, — ответил Т. Р., — и непременно выясним, если какой-нибудь местный деревенщина-шериф пришлет нам повестку за взрыв и пожар. Но надеюсь, власти не станут поднимать шум. К чему? На беднягу напали. Он просто оборонялся. Никого не убил. Наша страховка все покроет. Знаете, когда платишь за страховку в общей сложности столько, сколько я, ничто не приносит тебе такого удовлетворения, как случаи, когда она в кои-то веки пригождается! Все, конец истории.

Во время этого разговора видео висело в воздухе, спроецированное на виртуальный экран — прямоугольник футах в десяти перед Руфусом. Оно застыло на последнем кадре, где перед камерой вздымалась стена огня.

Из всех присутствующих на совещании Руфус, возможно, видел его яснее всех. Прочие, разбросанные по гостиничным номерам, конференц-залам, комнатам ожидания, съемным квартирам в разных концах земного шара, по

большей части находились в куда более тесных и ярко освещенных помещениях. На стекла их ДР-очков выводились те же пиксели, что и у Руфуса. Но только Руфус видел эти пиксели в темноте и на безликом матовом фоне. Он кое-что заметил. И — впервые за три месяца совещаний — подал голос:

— Т. Р., это ваши дроны?

Наступило короткое молчание; люди пытались понять, кто говорит.

— Это ты, Рэд? — спросил Т. Р.

— Да, сэр. Я спросил о дронах. Это оборудование «Т. Р. Микс»? Кружат над Мобильным центром ради безопасности или для чего-то еще? Или это не ваши?

— Я не вижу никаких… — Тут Т. Р. остановился, а секунду спустя протянул: — Сра-ань господня!

— Прямо над «теслой», справа, — подтвердил кто-то.

Т. Р. — или кто-то еще, кто у него занимался видео, — увеличил масштаб и центрировал кадр. Теперь стена огня занимала весь экран. Любой предмет между ней и камерой превратился в четкий силуэт — это касалось и тех предметов, что оставались невидимы, пока их не подсветил огонь. Предметом, замеченным Руфусом, был

небольшой квадрокоптер, зависший в десяти-двенадцати футах над землей.

— И еще один слева, у самого края экрана, — добавил Руфус.

Центрирование съехало влево; из-за увеличения казалось, что камера движется с большой скоростью. Приглядевшись, все заметили и второй. Из-за освещения он был виден похуже первого — но, несомненно, это был дрон.

— Следят за Ниндзя с разных углов, — сказал Руфус. — По крайней мере, так это выглядит.

— Думаешь, кто-то из наших запустил дроны, чтобы проследить за «арабским террористом»? — спросил Т. Р.

— Не знаю… может быть, — допустил Руфус. — Правда, им пришлось бы сильно поторопиться.

Наступило молчание; все обдумывали эту мысль. Возможно ли, чтобы, пока Ниндзя сидел на толчке, кто-то из охранников, столпившихся у кассы, сбегал к стоянке и поднял в воздух пару дронов? Руфус почувствовал: все склоняются к мнению, что такое маловероятно.

— Или, может быть, — предположил Т. Р., — это совпадение? В тот момент, когда все произошло, какой-нибудь любитель играл с парой дронов на стоянке…

— Пара — это те, что мы видим, сэр, — поправил его Руфус.

— Ха! Думаешь, их там было больше, Рэд?

— Не исключено.

— Ну что ж! — заговорил Т. Р., обращаясь ко всем. — Я показал вам это видео, чтобы немного развлечь и поднять вам дух в конце совещания. Но, похоже, мы здесь столкнулись с загадкой. Спасибо Орлиному Глазу, который это заметил!

— Может, дальнейшее обсуждение перенесем на после совещания? — вступил Тейтум. — Это произошло в центре «Т. Р. Микс». С нашими делами это никак не связано, верно?

Тем временем Руфус набил сообщение Т. Р.:

> Если дадите мне доступ к видео, я в этом разберусь.
> Договорились,

— отстучал в ответ Т. Р.

А вслух сказал:

— Да нет, конечно! Это же за тыщу миль от «Летящей S»! Вы правы, Тейтум. Совещание окончено.

Рэйсттафель

— Индия в ярости.

Для Т. Р. — определенно не новость; но ее хватило, чтобы хоть на минуту оторвать его от телефона. Он только что завершил какое-то виртуальное собрание, которое проводил в конференц-зале на верхнем этаже «Медицинского павильона Т. Р. и Вероники Шмидт». Виллем и Амелия ждали его в приемной вместе с индонезийским семейством человек из десяти, прибывшим подать им ужин. Теперь все вошли в зал, и, пока индонезийцы накрывали на стол, Виллем и Т. Р. уединились в уголке.

— А на этот раз почему злятся? — спросил Т. Р.

— Из-за муссонов.

Т. Р. рассмеялся.

— Из-за муссонов, которые прямо сейчас дуют в полную силу? — Он снова достал телефон. — Подождите-ка, посмотрю погоду в Амритсаре. Вот, полюбуйтесь! — И повернул телефон так, чтобы Виллем мог разглядеть график прогноза погоды. — Прямо в эту минуту в Амритсаре льет как из ведра! Так что же не нравится Индии?

— Возможно, — сказал Виллем, — Индия жалеет о том, что вы не проконсультировались с ней, прежде чем строить гигантскую машину, меняющую погоду на всем земном шаре.

Была почти полночь. Из окна, у которого они стояли, открывался вид на Туабу: ночной город из конца в конец, даже аэродром и часть единственной посадочной полосы. На темном небе ярко выделялись руины полуразрушенного «Сэма Хьюстона», подсвеченного привезенными с рудника прожекторами. Пожар был давно потушен, но работы по разборке завалов и перекрытий взметнули в воздух столько пыли, что казалось, руины стоят в густом дыму.

Ужин был готов. Ресторанный клан покинул помещение — все, кроме главы рода, престарелой индонезийки, которой Виллем, переключившись на ее родной язык, выразил благодарность за то, что ее семья согласилась принять заказ с доставкой посреди ночи, да еще и в такой неспокойной обстановке, и восхищение элегантно накрытым столом.

Наконец индонезийка попрощалась и вышла, сияя улыбкой. Виллем повернулся к Т. Р. — и увидел, что тот тоже улыбается.

— Это и есть ваша специальность? — спросил

Т. Р.

— Что? Разговаривать с людьми? Давать понять, что их замечают и ценят? Да, пожалуй. Это часть моей работы. — Виллем сел и потянулся за салфеткой. — Но, когда надо, могу быть и бездушным сукиным сыном.

— И при каких же обстоятельствах, скажите на милость, в вас берет верх эта часть личности?

— Когда необходимо достичь целей государства.

— Государства? Например… *Нижнемира?*

— Похоже, нет уже тех, кто о нем не слышал! — рассмеялся Виллем.

— Для этого вы здесь? Чтобы втянуть Папуа в орбиту Саскии?

— Поразительно, — заметил Виллем, — насколько люди готовы видеть в Нижнемире какую-то сверхдержаву, хотя еще несколько дней назад это было всего лишь слово, нарисованное на плакате в Венеции.

— А меня поражает, насколько вы ничего не понимаете в маркетинге. Попадись мне настолько вирусный хештег, у меня бы на следующий день сто человек на этом направлении работало!

— Насколько мне известно, Корнелия так и поступает. Ведь это ее «хештег».

— М-м-м! — проговорил Т. Р. — Мы, техасцы, хвастаемся любовью к острым блюдам, но наша еда — детская игра в сравнении с индонезийской! Приправы здесь просто огонь!

Это замечание Виллем оставил без ответа. Т. Р. здесь родился. Вряд ли в остроте индонезийской кухни для него может быть что-то необычное.

— Вот что я хотел бы сказать, — начал Виллем после того, как оба несколько минут молча наслаждались ужином. — Вы не могли не понимать с самого начала, что великие мировые державы не будут молча сидеть и смотреть, как вы воплощаете у себя на ранчо схему, способную изменить климат во всем мире.

— Хочу напомнить, — проговорил Т. Р. с полным ртом, — что в прошлом году я пригласил к себе группу лиц, в том числе вас и Саскию, именно с целью начать об этом разговор.

Виллем поморщился от фамильярного упоминания «Саскии», но решил не спорить. В конце концов, она сама во время поездки в Техас настаивала, чтобы ее так называли.

— Начать, пусть так. Но вы выбрали очень небольшие страны. Можно сказать, микрогосударства. Венецию, боже правый!

— Надо же с чего-то начинать. Допустим, я бы

позвал Индию и Китай — как думаете, что бы вышло?

— Ничего, — признал Виллем. — Они бы нашли способ вас остановить.

— Вот и я о чем.

— Но теперь, когда вы просто пришли и сделали… они все равно пытаются остановить ваш проект. Только другими способами.

— Вы считаете, это сейчас происходит? По-моему, они добиваются мест в совете директоров. Теперь, когда я пришел и сделал. Да они счастливы, что кто-то наконец этим занялся!

— Если так, они выбрали странный способ выразить радость.

Т. Р. только отмахнулся.

— Это как полноконтактный футбол, — объяснил он. — Нападающий вырвался вперед и хорошенько смазал по уху полузащитника — разве это война? Нет, конечно. Просто игра такая.

Виллем едва начал подбирать убедительные возражения против этой метафоры, как послышался легкий стук. Дверь приотворилась, и в щель просунула голову сестра Катерина. Сейчас она выглядела робкой школьницей — ничего общего с человеком, что вчера гнал по городу на школьном автобусе! При ее появлении мужчи-

ны отложили салфетки и встали. Виллем сидел ближе ко входу; он подошел и придержал для нее дверь. Поверх ее монашеского чепца (сестра Катерина была невелика ростом) он заметил в предбаннике и в коридоре с десяток папуасов, вооруженных чем попало, от АК-47 до ножей типа мачете, называемых парангами. С заднего плана, оттесненная этой толпой, криво усмехнулась ему Амелия. Виллем продемонстрировал старшему и лучше всех экипированному папуасу вежливый (как он надеялся) кивок и осторожно прикрыл дверь. Т. Р. тем временем любезничал с сестрой Катериной — даже сказал ей несколько слов на одном из местных языков.

Она села за стол и присоединилась к ужину. Начался разговор: вежливый, осторожный, с долгими паузами, отличающийся той особой бессодержательностью, какая иногда неизбежна в важных разговорах. Все понимали: назревают большие перемены. Но говорить об этом прямо пока нельзя. В конечном счете речь шла о судьбе добычи меди и золота на территории Новой Гвинеи. Это Виллема не интересовало, а народ сестры Катерины, как она с кристальной ясностью вчера дала понять, пока не интересовался глобальным потеплением.

— Я рекомендовала бы вам уехать, — сказала сестра Катерина, когда вежливое топтание вокруг да около подошло к концу.

— А что нам известно об условиях на аэродроме? — поинтересовался Виллем.

Вопрос он адресовал Т. Р., полагая, что тот должен что-то знать. Но Т. Р., к некоторому его разочарованию, бросил взгляд через стол на сестру Катерину. Та показала жестом, что у нее занят рот, и он снова повернулся к Виллему.

— Хотите лететь со мной?

— Раз уж вы об этом заговорили — если найдется место для меня и Амелии…

— Разумеется. Если вы не против слетать в Техас.

— С удовольствием. Оттуда будет не так сложно вернуться своим ходом.

> Похоже, летим в Техас,

— отбил Виллем сообщение принцессе Фредерике.

Сестра Катерина запила пряный рис глотком местного пива и сказала:

— Сейчас не самый удачный момент. Но, насколько можно понять, часам к десяти утра аэродром заработает. Возможно, вам понадобит-

ся специальное разрешение на взлет, но… это можно устроить.

Т. Р. кивнул.

— И к кому нам следует обратиться?

— Ко мне.

Телефон Виллема завибрировал. Опустив глаза, он увидел на экране эмодзи с ковбойской шляпой и сообщение:

> Отлично, там и увидимся!

Четкого окончания у ужина не было; просто все постепенно разбрелись. Ясно, что домой никто не поедет — да и что в нынешней ситуации считать «домом»? Сестра Катерина живет здесь, в другой части комплекса Святого Патрика. «Резиденция» Т. Р. находится в другой части города, за рекой, добираться оттуда на аэродром неудобно — и, если им улетать меньше чем через двенадцать часов, просто нет смысла сейчас разъезжаться, а потом ехать на аэродром по отдельности. Тем более что из-за окон доносятся и спорадические перестрелки, и — иногда — отдаленный грохот. Не раз Виллем опасливо косился на окно, а затем на своих сотрапезников, гадая, не пора ли бросаться на пол, спасаясь от ударной волны. Но сестра Катерина, как видно, полагала, что все в

руках Божьих. Она не показывала страха, и Виллем не собирался позориться перед маленькой монахиней.

Виллем и Амелия, со своей стороны, уже перешли в режим «все свое ношу с собой». Так что и им ничто не мешало переночевать здесь и с утра ехать на аэродром.

В какой-то момент двери конференц-зала распахнулись. Помощники как Т. Р., так и сестры Катерины без церемоний забегали туда-сюда. Несколько человек оккупировали стол и раскрыли ноутбуки. Амелия нашла в уголке удобное кресло, опустилась туда и погрузилась в сон.

Незадолго до рассвета Виллем вдруг обнаружил, что окружен со всех сторон китайскими военными, которых еще несколько секунд назад здесь не было.

Он вышел на крышу подышать свежим воздухом. Было прохладно — насколько это возможно в Туабе, — но далеко не мирно. Правда, стрельба и взрывы улеглись; но теперь больница столкнулась с их последствиями. У дверей неотложного отделения на первом этаже царил хаос. В призрачном красно-синем свете мигалок из длинного ряда машин скорой помощи, в конец которого все время пристраивались новые, вытаскивали ране-

ных. Мертвых или умирающих, которым уже не поможешь, складывали в ряд на траву, тяжелых торопливо везли на каталках внутрь, тем, кто полегче, ставили капельницы и оставляли у входа. Однако для перевозки этих пациентов вертолеты не требовались, так что на крыше было спокойно — лишь дежурила пара человек с винтовками да персонал иногда выходил покурить.

Тем более удивительно, что Виллем вдруг оказался в обществе вооруженных молодых китайцев. Может быть, он задремал стоя и проспал что-то важное? Правда, в последнюю минуту или около того до него доносился какой-то шипящий свист, но он не обратил внимания на звук, приняв его за струю пара из бойлерной.

И вдруг, подняв тучу пыли и мелких камешков, на крышу опустилась плоская серебристо-серая тарелка! Настоящая летающая тарелка, как фрисби, размером с компактный автомобиль, но явно не такая тяжелая. А секунду спустя прямо на ее верхушку аккуратно приземлилась вторая.

Снова громкий свист; теперь Виллем понял, что звук раздается прямо перед ним: над больничным двором, куда они вчера скидывали вертолет. Окна здания давали достаточно света, чтобы можно было ясно разглядеть источник звука: еще одну

серебристую тарелку. Виллем заметил ее еще в полете — точнее, в падении. Да, эта штука падала прямо с неба! Из ряда сопел по ее периметру вырывался шлейф белого тумана, как выхлопной газ ракеты, только холодный, без огня.

И еще из этой штуки падали люди. Четверо.

Точнее, не совсем падали. Они висели на тонких стропах. С первого взгляда все выглядело как групповое самоубийство. Но вдруг серебристый диск остановился. На секунду замер в воздухе, а затем рванулся вверх — видимо, благодаря странному двигателю, испускающему холодный пар. Четыре человека, еще миг назад летевшие к земле со страшной, фатальной на вид быстротой, тоже затормозили. Чем ближе к земле, тем медленнее опускались — как видно, их стропы были запрограммированы на снижение скорости. Все произошло, кажется, секунды за две: только что Виллем услышал свист — и вот люди уже безопасно стояли на земле. Их серебристый «перевозчик», избавившись от полутонны человеческого багажа, взмыл вверх, как перышко, и тут же исчез из виду.

К этому моменту внимание Виллема привлек новый свист, на сей раз над вертолетной площадкой. Источника он не видел, но площадка была

хорошо освещена, и секунду спустя на глазах у Виллема на нее опустились еще четверо. Все как в прошлый раз: поначалу летели вниз, казалось, с фатальной скоростью, но с каждым мгновением все сильнее тормозили и приземлились вполне безопасно. Стропы отсоединились, когда десантники были уже в паре сантиметров от земли, так что они просто встали на ноги. В этом отряде трое были с винтовками и один с большим автоматом. Все разом поднесли руки к лицу и сняли с себя что-то похожее на кислородные маски.

Похожие механизмы Виллем видел в анимационных презентациях NASA, описывающих высадку на Марс. «Небесные краны». Сбрасывают свой груз на поверхность Марса, дальше летят куда глаза глядят и разбиваются. Но этим «летающим тарелкам», как видно, хватало и искусственного интеллекта, и мощных аккумуляторов для контролируемой посадки. Даже для посадки друг на друга, чтобы не занимать лишнее место.

Большинство высадившихся десантников выглядели как те четверо на вертолетной площадке. Но не все: были здесь и снайперы, и связники. На Виллема они не обращали внимания, так что он подошел к «небесному крану», опустившемуся на

крышу несколько секунд назад, чтобы рассмотреть его поближе. В середине у него оказалась сферическая выпуклость, точь-в-точь как обычно рисуют на летающих тарелках. Должно быть, там под страшным давлением хранился сжатый газ.

Виллем не мог понять, почему эти штуки серебристые, почти белые — не самый защитный цвет, верно? — пока не подошел вплотную. Только тогда он увидел, что весь диск покрыт толстым слоем инея. Это сконденсировалась и замерзла при соприкосновении с ним влага из воздуха Туабы. Должно быть, диск явился из стратосферы, сброшенный с самолета, летящего на страшной высоте и невидимого с земли. Пролетев несколько миль при почти криогенных температурах, он стал холоднее льда. Теперь понятно и то, зачем десантникам кислородные маски.

Шипящий свист раздавался уже со всех сторон. Стихал и снова возобновлялся. Ряды незримых самолетов сбрасывали из стратосферы на остров китайский десант.

Если бы Виллем не так устал, мог бы подсчитать, сколько раз слышал свист, умножить на четыре и прикинуть примерное количество китайцев. Но, когда он это сообразил, было уже поздно. Только на крыше больницы и вокруг

нее десантников не меньше сотни. В ключевых пунктах — на мостах, на аэродроме, на речной пристани — наверное, больше. Небо посветлело, и Виллем начал различать и парашюты: большие тройные, сбрасывающие в район аэродрома палеты с грузом, — и параглайдеры, на которых летели отдельные люди; эти опускались в районы, уже зачищенные теми, кто спустился с летающих тарелок.

Показался вертолет. Он опускался почти вертикально, быть может, чтобы избежать стрельбы с земли. Впрочем, предосторожность была излишней; город почти затих, лишь на окраинах временами кто-то еще отчаянно отстреливался. Виллем ожидал увидеть на вертолете китайскую военную символику, но вместо нее увидел логотип «Бразос РоДаШ».

Из лифта показался Т. Р., в хвосте у него — пара старших менеджеров и Амелия. Одной рукой она везла свою сумку на колесиках, другой — сумку Виллема. Виллем подошел и к ним присоединился.

— Самолет ждет, — пояснил, увидев его, Т. Р. — Надо подняться в воздух через четверть часа. После этого на аэродроме станет жарко.

Все набились в вертолет и буквально за ми-

нуту долетели до аэродрома. Высадились возле бизнес-джета, припаркованного в южном конце взлетной полосы. Огни у него горели, моторы работали, оба пилота и стюард ждали пассажиров у трапа.

Тут возникла небольшая заминка: пилот принимал сумки по одной и складывал в багажное отделение. Виллем встал в конец короткой очереди, чтобы успеть сделать селфи для Реми. Тот в Лейдене, наверное, сейчас готовится ко сну. Новости из Туабы должны были немало его встревожить. Пусть видит, что он садится в самолет, готовый перенести его в более стабильную часть света (да хотя бы и в Техас).

Оглядевшись, Виллем решил отойти на несколько шагов. Если в кадр попадет не только самолет, но и роскошный «серный» восход, селфи выйдет красивее.

— Вы позволите? — предложил кто-то.

Один из рассредоточившихся по аэродрому китайцев. Военный, какой-то высокий чин. Отделился от своей свиты, чтобы помочь Виллему сделать селфи.

— Благодарю вас, — сказал Виллем и протянул ему телефон.

— Это для друзей? — спросил Бо. Отойдя на пару

шагов, он пытался понять, как здесь работает функция масштабирования.

— А вам идет форма, — заметил Виллем. — Намного лучше той тенниски.

— Пошил на заказ в Гонконге, — объяснил Бо. — Стандартную форму невозможно носить. — Он несколько раз нажал кнопку съемки. — Куда теперь, в Техас?

— Нет, — решившись, ответил Виллем.

— Нет?!

— Я останусь здесь. Должен же кто-то за вами присматривать.

В этот миг он заметил рядом Амелию. Она все слышала.

— Было очень приятно с тобой работать, — сказал Виллем и протянул руку.

Амелия пожала ему руку, быстро справившись с удивлением.

— И куда ты теперь? К дядюшке Эду?

— Честно говоря, там мрачновато. Нет, пожалуй, зарегистрируюсь в каком-нибудь отеле, который Бо еще не успел взорвать.

— Отель взорвали террористы, — невозмутимо поправил Бо. — Поверьте мне, «Сэм Хьюстон» — небольшая потеря. Сплошная плесень и постельные клопы. Я вам рекомендую отель

«Мандарин».

— Ты понравилась Т. Р., — сказал Виллем Амелии. — Может быть, он предложит тебе работу?

На лице Амелии отразился скепсис.

— Лучше подожду предложений из Нижнемира, — ответила она и повернулась к самолету.

— Министр обороны, например? Замолвлю за тебя словцо.

Она обернулась через плечо.

— Значит, будешь приезжать в гости?

— Понадобится же этому месту какая-то внешняя политика — теперь, когда оно… освобождено.

Виллем кивнул в сторону южного края неба над аэродромом. Там, вдали, виднелись огни приближающегося самолета. А за ним еще одного и еще. Целый небесный караван.

— Все, взлетаем! — заорал, сложив ладони лодочкой, пилот Т. Р.

Амелия побежала к самолету. Ее багаж никто не трогал; она подняла сумку над головой и зашвырнула в салон, а потом взлетела по трапу следом. Дверь за ней захлопнулась уже на ходу. Самолет начал выруливать на взлет. В большом овальном окне показалась голова Т. Р.: он улыбнулся Виллему и помахал рукой. А в следующий миг самолет

взвыл двигателями и начал набирать скорость.

Он едва успел разминуться с первым тяжелым китайским военным транспортником, заходящим на посадку.

— Что ж, — обратился Виллем к Бо, — не буду вас задерживать. Похоже, вам сейчас есть чем заняться.

— Напротив, — ответил Бо. — Моя работа, в сущности, закончена. А вот вы, подозреваю, в ближайшее время будете очень заняты!

Перформативная война

Около суток понадобилось подчиненным Т. Р., чтобы обеспечить Руфусу доступ к корпоративному видеоархиву; и еще день он бродил по директориям и разбирался в системе хранения, пока не нашел того, что искал.

Теорию, что дронов запустил кто-то из «блюстителей порядка», Руфус отверг сразу. Как и второе, еще более натянутое предположение: мол, какой-то посторонний любитель дронов просто оказался в нужное время в нужном месте. Нет, дроны запустили с небольшого «спринтера», переделанного в автодом, который въехал на территорию Мобильного центра за несколько минут до Буррито и Скребка. Простоял он здесь очень недолго. Его обитатели — двое темноволосых мужчин в бейсболках и темных очках — заправились, но не проявили ни малейшего желания ни сходить в туалет, ни поесть. Пока один заправлял машину, другой открыл боковую дверь и выпустил в воздух три одинаковых дрона. Все это они проделали у самой дальней бензоколонки, вдали от других автомобилей. И припарковались так,

что с этой стороны «спринтера» был лишь забор, обнесенный поверху колючей проволокой, и дальше сотня миль открытого поля. Так что никто из посетителей не видел, как они запускают дроны. В темные очки (это ночью-то!), видимо, были встроены ДР-устройства. Темнота не давала разглядеть, где летали дроны в промежутке между запуском и моментом, когда двое из них обнаружились на фоне пламени.

После того как взорвался бак с пропаном, Ниндзя со Скребком пробежал вдоль ряда бензоколонок, очевидно направляясь к месту, где Буррито припарковал свой грузовик. Но машины там не оказалось: Буррито, без всяких приключений добравшийся до нее пару минут назад, сразу после взрыва отъехал от эпицентра подальше. Поза и жесты Скребка выражали глубокое недоумение — прямо хотелось дорисовать ему над головой большой вопросительный знак; но вот он повернулся в сторону своей фуры и сразу ее увидел. Пятнадцать секунд — и он уже на месте, распахивает пассажирскую дверь и на ходу запрыгивает внутрь. Еще пара секунд — и фура вместе с водителем и пассажиром скрывается из поля зрения камер на территории «Т. Р. Микс». Впрочем, с одного угла, на самом краю экрана,

можно разглядеть ее сигнальные огни, когда она выруливает на большую дорогу. Судя по этим огням, грузовик выехал на Пятнадцатую магистраль и двинулся на юг.

В это же время к «спринтеру», переделанному в дом на колесах, вернулись дроны. Улетело трое — вернулись двое. В позах и жестах их хозяев отразилось замешательство. Где же третий? Возятся с пультом, трясут головами. Черт побери, даже *бинокль* достали, чтобы получше разглядеть место происшествия! И в этом случае язык тела оказался как нельзя более красноречив. «Ну и черт с ним! — сказали себе эти ребята. — Должно быть, поджарился. Едем отсюда!» Так и поступили — и тоже свернули на юг.

> Один дрон должен был остаться на месте. Возможно, поврежден. Возможно, кто-то его нашел.
>
> Хорошо, выясним.

В ожидании дрона Руфус сосредоточился на самой этой странной ситуации: крутой парень в тюрбане катается по дорогам Западного побережья США на неприметном грузовичке, а за ним следят высокотехнологичные дроны, управляемые парнями на небольшом, но дорогом RV

(превратить «спринтер» в автодом недешево, к тому же выглядит он совсем новым).

Пять секунд поиска в Интернете выдали множество случаев, когда сикхов в тюрбанах принимали за мусульман и преследовали люди, ничего не знающие о сикхизме и почти ничего об исламе. Значит, это вообще не редкость.

Подметив внезапный интерес Руфуса к религии сикхов, «Ютуб» обновил его ленту: ролики о мустангах, диких свиньях, дронах, орлах, нидерландской королевской семье и глобальном потеплении сменились контентом, посвященным различным сторонам этой религии и культуры. Взгляд Руфуса зацепился за клип, в котором мужик в тюрбане упражнялся с мечом перед небольшой толпой восхищенных зрителей. Какое-то боевое искусство. Или, скорее, танец? Он подпрыгивал и кружился: таких движений Руфус не припоминал ни в одном знакомом ему боевом стиле. Однако нечто очень похожее видел совсем недавно. И точно помнил где: у бензоколонки номер 37G, где Ниндзя со Скребком каким-то необъяснимым образом угадал, что парень с револьвером, *стоящий сзади,* сейчас выстрелит ему в спину.

Разделив экран надвое и сопоставив два

изображения — неизвестного парня с «Ютуба» и Скребка, — Руфус убедился, что не ошибся. Дальше его мысль двинулась двумя параллельными путями. Первый — весьма тривиальный: выяснить, что это за боевое искусство. Оказалось, оно называется *гатка* и его основу составляет бой на шестах; что ж, теперь понятно, почему Ниндзя так ловко управлялся со скребком. Второй, нетривиальный путь касался операторов дронов и их загадочных взаимоотношений с предметом его расследования.

> Нашли. Сегодня попозже тебе привезут.
> Спасибо,

— отстучал Руфус, мимолетно задумавшись о том, на каком транспорте Т. Р. доставит сюда дрон. Самолет наймет? Или вертолет? С него станется.

Изначальное, очевидное предположение состояло в том, что парни с дронами — противники Скребка и Буррито. Понятно почему: те не прячутся, а эти действуют тишком. Но, стоило об этом задуматься, в этой гипотезе обнаружилась очевидная дыра: ведь «спринтер» появился на стоянке *раньше* фуры с полуприцепом. Значит, и

на магистрали опередил ее на несколько миль. Нет, кто тайно следует за фурой, тот и должен за ней, гм, тайно следовать. А не ехать впереди.

Так что, возможно, все они — одна команда, рассредоточенная по двум (или больше?) автомобилям. Это объясняло и некоторые другие странности, замеченные Руфусом в действиях Скребка. Была пара моментов, когда он демонстрировал невероятную, прямо-таки сверхъестественную осведомленность и понимание ситуации. Руфус просмотрел еще раз, покадрово, запись тех нескольких секунд, когда чувак с револьвером взвел курок, а Ниндзя рванулся к ведерку с «Баг-Солвом». Либо это совпадение, либо у парня явные паранормальные способности. А если учесть, что через пару секунд у него обнаружились глаза на затылке…

Руфус не был ни религиозен, ни суеверен; Пятачок для него закрыл тему. Во всякую паранормальщину, сверхспособности и прочую ерунду тоже не верил. Но если человек каким-то образом подключен к сети дронов, получает от них информацию, видит все, что видят они… почему бы и нет? А раз в темноте дроны невидимы, у наблюдателей и не будет рациональных объяснений.

Он вдруг понял, что с нетерпением ждет появления третьего дрона.

Ладно, пока его нет, займемся другими ниточками.

О боевом искусстве гатка он не знал ровно ничего, даже названия до сегодняшнего дня не слышал. Есть ли чемпионы по гатке? Бывают ли у них соревнования? Или турниры без правил, как в муай-тай или бразильском джиу-джитсу? Из ответов «Гугла» следовало: нет, это чисто нишевая история, известная только в Пенджабе (название «Пенджаб» пробудило какие-то смутные ассоциации, но Руфус решил вернуться к ним позже).

Иногда точнее всего попадает в цель самый простой, даже самый тупой вопрос. Руфус набрал в «Гугле»: «гатка лучший боец» — и немедленно получил ответ: Большой Лосось. На удивление, даже дискуссий об этом не было. Долбогребы из анонимных чатов — и те были единодушно уверены, что круче Большого Лосося не найти.

Лента «Ютуба», оперативно реагирующая на запросы, снова изменилась: теперь она предлагала целую гору роликов, где индийцы и китайцы лупили друг друга палками и камнями в месте под названием Линия Фактического Контроля. Для них это, похоже, было что-то чрезвычайно

важное — а вот Руфус об этом слышал впервые. Но он уже привык постоянно узнавать что-то новое и искать информацию в Интернете, так что довольно быстро с этим справился. Наткнувшись на что-то непонятное, он просто начинал шарить по ссылкам. И сейчас за несколько часов, совпавших с самым жарким временем дня, усвоил массу новой информации. Просто сидел в самом прохладном уголке Мраморного карьера и дрейфовал по волнам «Ютуба». Узнал и историю ЛФК, и ее географию: выяснил, где находятся Нога Яка, Сикким, клин Кунчанг и другие горячие точки. Ознакомился с историей различных китайских и индийских добровольческих отрядов: откуда приехали, какая у них форма и бренд, какой стиль кун-фу или иных боевых искусств предпочитают; летопись их побед и поражений, места в рейтингах, размеры ставок на них в казино Вегаса и Макао, что за люди составляют их фан-базу.

Информации было многовато; у Руфуса голова пошла кругом. Он немного вздремнул — или, как говорят его *compadres*[103] по ту сторону Рио-Гранде, устроил себе сиесту — и, проснувшись всего через сорок пять минут, обнаружил, что в голове

[103] Примечания: 103
Соплеменники (исп.).

заметно прояснилось. Мозг сам рассортировал полученные сведения, и Руфус, как говорится, вместо деревьев увидел лес. Зачем он вообще полез в эту тему? Потому что понял, что Ниндзя, похоже, владеет гаткой, и захотел больше узнать о гатке. О том, кто там сейчас лучший. Интернет ответил: Большой Лосось. Согласно восторженным фан-сайтам — все они уже довольно давно не обновлялись, — Большой Лосось взлетел из безвестности к вершинам славы в прошлом году. Возглавил самую крутую команду на индийской стороне ЛФК и отвоевал немало квадратных километров территории, бессовестно отжатой Китаем. Но затем пал в бою при неясных обстоятельствах. Версии фанатов расходились: одни писали о внезапном инсульте, другие — о невидимых смертоносных лучах какого-то китайского супероружия. Руфус был не первый день в Интернете, так что поставил на инсульт. Так или иначе, в боевых действиях Большой Лосось больше не участвовал. Его отвезли на вертолете в первоклассный медицинский центр где-то в другой части Индии — и на этом он исчез с радаров так же внезапно, как и появился. Нашлось только одно относительно недавнее сообщение, на каком-то «желтом» индийском новостном

сайте: Большой Лосось возвращается в Канаду, чтобы там продолжить свое выздоровление. Прилагалось фото: человек в инвалидном кресле с трудом поднимает большие пальцы вверх. Что ж, очень жаль — и вообще (печальный финал для национального героя!), и для собственных целей Руфуса. Ведь его расследование — если его можно так назвать — в какой-то момент сосредоточилось на Большом Лососе. Не только потому, что по росту и телосложению он походил на Ниндзя, но и потому, что весь его путь был отлично задокументирован. Практически каждый шаг на пути от бродяги, путешествующего на попутках, к эпическому герою оказался запечатлен на видео. Сначала ролики о нем снимала какая-то новозеландка по имени Филиппа Лонг, потом — в куда более масштабном и откровенно пропагандистском стиле, словно мелодию подхватил симфонический оркестр, — индийские кинематографисты.

Руфуса больше зацепил стиль Филиппы Лонг — ее безыскусные ролики выглядели достовернее; так что он немного погуглил и ее. В соцсетях она появлялась регулярно. Несколько месяцев назад переехала в Лос-Анджелес и сейчас работала там над независимым кинопроектом. Руфус создал

аккаунт под ником RedASDFJKL и постучался к ней во френды — так, на всякий случай.

Затем кликнул обратно на один из тех видеохостингов, где сегодня уже побывал, и с некоторым удивлением обнаружил первым номером в своей ленте страшненькое, любительское, снятое на телефон в темноте видео с какой-то вечеринки. Не с модной дискотеки — нет, из какой-то дыры с оленьими головами на стенах, где ради праздника поставили стробоскоп и натянули между оленьими рогами мигающие гирлянды. Играла музыка, которую он за последние несколько часов научился распознавать как *бхангру*: ритмы, готовые соперничать с самыми энергичными западными танцами, однако твердо укорененные в традициях Пенджаба.

Однако качественных видео с бхангрой в Интернете никак не меньше, чем качественных видео с Линии Фактического Контроля, — почему же ему хостинг подсунул эту муть? Какая-то дыра в алгоритме? Или, может, вирус в компьютере? Руфус кликнул на вопрос: «Почему я это вижу?» — и получил бесстрастный ответ, что на видео присутствует его друг. Какой еще друг? Он пересмотрел ролик кадр за кадром — и никаких «друзей» там не обнаружил. На первом плане

зажигала разодетая в пух и прах красавица-азиатка: хотел бы он иметь таких друзей, но увы. Он готов был уже пожать плечами и списать это на какую-то фишинговую атаку, когда заметил в нескольких последних кадрах, на заднем плане справа, танцующего парня, который показался ему знакомым. Он был высоким и крупным, и его движения очень напоминали гатку.

Руфус был вполне готов отмести все это как совпадения. Три отдаленно похожих человека. Большой Лосось: ныне инвалид на кресле-каталке. Танцующий парень на видео, согласно метаданным, загруженном в маленьком городке на юге Британской Колумбии примерно за сутки до инцидента в «Т. Р. Микс». И — *last but not least* — Ниндзя со Скребком.

Руфусу не давала покоя безумная мысль, что все трое могут оказаться одним человеком. Почему бы и нет, если предположить, что инвалидность Большого Лосося фейковая, для прикрытия? Иными словами, что, если алгоритм разглядел истину, недоступную человеческому глазу?

На его первое сообщение Филиппа Лонг ответила смайликом. Теперь, не раздумывая, Руфус отправил ей ссылку на видео с вечеринки и спросил, не может ли человек, танцующий на заднем

плане, быть Большим Лососем?

Десять минут спустя от нее поступил видеозвонок. Во тьме Мраморного карьера Руфус оставался зернистым облаком пикселей: так что, пока шла неизбежная состыковка видео и аудио, он взял ноутбук под мышку и выбрался с ним наружу.

Ориентируясь на имя Филиппа Лонг, которое Руфусу показалось аристократическим, на профессию независимого кинорежиссера, разъезжающего по всему свету, а также на фото в соцсетях, изготовленное явно не без участия стилиста, он ожидал чего-то гламурного и заранее робел. Но Филиппа оказалась самой простецкой девчонкой. Словно соседка, выскочившая козу подоить. Такая открытая и доступная, что это даже смущало — и в то же время с какой-то спокойной уверенностью в себе, которая не давала с ней фамильярничать.

В каньоне перед входом в карьер было еще жарко: каменные стены отдавали накопленное за день тепло. Но в воздухе уже похолодало, и чувствовалось, что через некоторое время придется накинуть куртку. Спасибо Пина2бо — с западного края неба лилось мягкое теплое сияние и озаряло все вокруг. Руфус положил ноутбук на один из двух пластмассовых столиков, которые поста-

вил здесь для всех обитателей их крохотного поселения. Теперь у него за спиной Пиппа — на такое имя откликалась Филиппа Лонг — увидит пару трейлеров, кострище и над ним железный треножник, кое-какую выцветшую под солнцем садовую мебель, Билдада в тщетных поисках травы. Быть может, в кадре появится кто-нибудь из сокольников. Жаль, орлов сейчас не видно. Словом, картина совершенно не та, что предстала бы Пиппе, останься Руфус сидеть один в темном заброшенном карьере. По правде сказать, есть в этом какое-то лукавство — ведь в жизни Руфус именно из тех, кому темный заброшенный карьер что дом родной; но, быть может, такая картина внушит Пиппе недурное мнение о нем. Может, она не станет обрывать звонок и блокировать его в соцсети. С этой мыслью он открыл банку пива.

— В универе я читала классику, — сказала Пиппа, — и меня заинтересовала перформативная сторона войны. Особенно в «Илиаде».

Что значит «читала классику в универе», Руфус понятия не имел, но о значении слова «перформативный» смутно догадывался. А «Илиаду» слушал во время блужданий по Техасу.

— Это когда Ахиллес тащит Гектора вокруг

Трои? — догадался он. — Устраивает шоу. Психологическая операция. Тактической ценности ноль, но действует на психику врага.

— Именно. Не стану утомлять вас другими историческими примерами — их очень много.

— Я понял, — заверил ее Руфус. — Команчи такое постоянно вытворяли. А белые не врубались.

— А вы команч?

— Вроде того.

Видя, что Пиппе действительно интересно, Руфус сделал то, что вообще делал редко: достал бумажник, извлек оттуда удостоверение члена Народа Команчей и показал ей.

— Я изучала их… практики, — сказала Пиппа.

Он понял, о чем она.

— Да, творили всякую жесть.

— С этим не поспоришь. Но новейшие исследования показывают, что они были мастерами перформативной войны. Знали, как их действия освещаются в прессе. Вся эта жесть была *рассчитана* на то, чтобы все о них знали — и все боялись.

— И это работало, — сказал Руфус.

— Безусловно. Имело тактический эффект. Несколько десятилетий белые поселенцы в Команчерии просто не появлялись. Но потом эта

эпоха подошла к концу.

— И индейцы лишились свободы, — кивнул Руфус.

— Да, конечно, и это тоже. Но я говорю о перемене, произошедшей во всем мире. Начиная с какого-то момента — в разных частях света он наступал в разное время — людям становился важен только выигрыш «по очкам». И неважно, как он выглядел.

— Перформативная война больше не работала, — перевел Руфус. И подумал о том, как белые перебили бизонов и голодом принудили индейцев сдаться.

Пиппа кивнула.

— Не было ни малейшего тактического смысла в том, чтобы, скажем, приковать Паулюса к Т-34 и проволочь на цепи вокруг Сталинграда. Это не сдвинуло бы линию фронта ни на дюйм. Все просто сказали бы: дикари какие-то!

— Дикари? Это слово можно понимать по-разному.

— Вот определение из тех времен: дикари — те, кто позволяет перформативным акциям *по-настоящему* влиять на исход битвы.

Руфус кивнул. Теперь он вспоминал битву при Литтл-Роб-Крик, когда техасские рейнджеры

окружили команчей и их стрелок уложил команчского вождя. Тогда команчи предложили рейнджерам решить исход битвы поединком сильнейших бойцов, как в былинные времена. Не сработало.

— Но все изменилось после Хиросимы и Нагасаки. Это ведь был именно перформанс. Разумеется, люди погибли по-настоящему, но единственной целью было зрелище, психологическая атака.

— После этого дикарями стали мы все.

— Да. Это и приводит к вещам типа Одиннадцатого сентября. Тоже ужасно, но хотя бы меньше жертв.

— Пока мы не вторглись в Афганистан и Ирак! — заметил Руфус.

— И не начали операцию «Шок и трепет», — подхватила Пиппа. — Ладно, об этом можно говорить ночь напролет. В общем, так я заинтересовалась тем, что происходит на Линии Фактического Контроля, и познакомилась с Лаксом.

— С кем?

— Большим Лососем. Друзья и родные зовут его Лакс.

— На том видео, что я вам прислал… парень, танцующий на заднем плане… это он?

— Конечно!

Руфус ожидал более осторожного ответа; такая убежденность выбила его из колеи.

— Значит, он встал на ноги?

— Да, и его знакомые об этом знают. История, что он будто бы стал инвалидом, — просто вброс. Не знаю, кто ее вбросил и зачем.

— Кто-то хотел, чтобы люди поверили, что Большой Лосось выбыл из игры, — сказал Руфус. — Что он больше не воюет.

— Ну, — осторожно начала Пиппа, — он ведь и правда больше не воюет! Сами видите. Пляшет на вечеринке в Канаде, а не лупит мастеров кун-фу в Гималаях.

— Думаю, он уже в Штатах, — заметил Руфус.

— Какая разница? В любом случае он больше не воюет.

— Я бы не сказал, — проговорил Руфус, гадая, не выдаст ли служебную тайну, если отправит Пиппе ролик из «Т. Р. Микс». — Попробуйте погуглить «Ниндзя со Скребком», — предложил он. — Хотя, возможно, все видео уже снесли.

Однако по жестам Пиппы и по движениям ее глаз скоро стало очевидно: что-то она нашла.

— Твою мать!.. — воскликнула она. Больше ничего говорить и не требовалось. — Дайте-ка найду это место на Гугл-карте. В географии США

я ноль. — И еще через секунду: — Как вы думаете, куда он направляется?

— Если провести прямую от канадского города, где плясали бхангру, через «Т. Р. Микс», эта прямая укажет на меня, — ответил Руфус.

— А вы в Техасе?

— Как вы догадались? — невольно улыбнулся Руфус.

— По пиву. И по тому, как вы отреагировали на слово «дикари».

Руфус взглянул на свое пиво. «Шайнер Бок».

— Судя по вашей воображаемой линии на карте, это Западный Техас… — Тут ей пришла новая мысль. — Послушайте, а вы не где-то поблизости от той здоровенной…

Остаток ее слов потонул в звуковом ударе. Руфус просто кивнул.

Пиппа откинулась на стуле и задумалась. Руфус ее не торопил — сидел себе, потягивал пиво. Температура в каньоне сейчас именно такая, как надо, и спешить ему особо некуда. Вспомнив, что пару минут назад у него жужжал телефон, Руфус решил проверить сообщения.

> Принимай гостя!

И сразу услышал, как по долине вдоль дороги

летит дрон. Судя по звуку, птичка не из маленьких — скорее вроде тех, что доставляют еду из магазинов. Руфус вскочил на ноги, приложил ладони лодочкой ко рту и закричал во весь голос, обращаясь в сторону нависающего над входом утеса:

— Дрон летит! Птиц в воздухе нет?

Орлы — особенно в «перчатках», изготовленных на 3D-принтере, — способны в два счета распотрошить маленький дрон слежения, но крупный дрон — переносчик грузов достаточно массивен, чтобы причинить им ущерб. Кармелита прокричала в ответ, что все птицы дома и в безопасности.

Появившись в поле зрения, большой дрон сразу затормозил и направился прямиком к Руфусу. Как видно, пилотировал его кто-то в поселке Полуденный, ориентируясь по видеокамере. Когда дрон подлетел ближе, Руфус указал на второй столик, в нескольких футах позади первого. Дрон завис над ним, опустил на стол картонную коробку, пристегнутую к его брюху, затем взмыл вверх и полетел на север. Руфус извлек из кармана складной нож, открыл и разрезал ленту на коробке.

Внутри, под слоем оберточной бумаги, лежал дрон, побольше его ладони, но поменьше обеден-

ной тарелки. Выглядел он неважно. Будь это его дрон, Руфус, пожалуй, решил бы, что чинить его смысла нет. Бедняга ударился обо что-то твердое и потерял несущий пропеллер. Привод подачи был погнут, шасси тоже потерпели ущерб.

С дроном в руках Руфус подошел обратно к ноутбуку и сел. Пиппа, судя по всему, смотрела что-то в других открытых окнах, но была еще на связи.

— Что вы знаете о Пенджабе? О муссонах? — спросила она. — Не хочу тратить время на то, что вам и так известно.

При упоминании муссонов для Руфуса вдруг все сложилось воедино. Он и сейчас время от времени разговаривал с Аластером. Эта тема всплывала раз или два в начале лета, когда люди боялись, что дожди вовсе не придут.

— Некоторые беспокоятся, — осторожно начал Руфус, — о том, что Пина2бо помешает прийти муссонам и создаст проблемы для крестьян, которые зависят от сезона дождей.

Пиппа кивнула.

— Если честно, вопрос гораздо более серьезный, чем вся эта возня вокруг Линии Фактического Контроля. Будь я индийским штабным генералом… ну, несколько гектаров камней и льда в

шести тысячах метров над уровнем моря, наверное, символически очень важны, но куда сильнее меня беспокоила бы перспектива засухи в Житнице.

— И что бы я сделал? — спросил, размышляя вслух, Руфус. — Будь я индийским штабным генералом. Что? Отправить вверх по Рио-Гранде военный флот и высадить на территорию «Летящей S» индийских «морских котиков»?

Ему лучше думалось, когда руки чем-то заняты. Так что, размышляя, Руфус рассеянно достал со своего пояса с инструментами отвертку и начал отвинчивать у дрона шасси.

— Или отправить сюда через полмира сверхдальние бомбардировщики? А у Индии вообще такие есть?

— Кажется, они больше по ракетам, — ответила Пиппа. Она тоже одновременно занималась чем-то другим. — Девятьсот миль.

— М-м?

— Между нами сейчас девятьсот миль. Примерно. Зависит от того, в какой части этого огромного ранчо вы находитесь.

— Старый мраморный карьер.

— Вижу. Сколько тут ехать — день пути?

— Очень долгий день, — ответил Руфус. — И

зависит от того, как вы водите.

— Консервативно, как и подобает гостье вашей страны, — ответила Пиппа. — Но друзья — опытные водители у меня найдутся.

Руфус разобрал дрон и теперь инспектировал его внутренности. Он уже понял, что с такой моделью еще не сталкивался. Это явно не массовое производство. Ни следа фирменной символики. Корпус изготовлен на 3D-принтере из углепластика — дорогой процесс. Однако точно не прототип, слишком уж хорошо отшлифован. Некоторые детали — батарейки, двигатели — готовые, серийного производства, из тех, что легко заказать в Интернете. Логично. Даже если из каких-то загадочных соображений печатаешь дроны на принтере — батарейки-то зачем делать с нуля? То же верно для ленточных кабелей, разъемов, фиксаторов и всего такого прочего. По-настоящему важны платы — и еще пропеллеры. Пропеллеры здесь изготовлены из какого-то легкого металла и анодированы до черноты. По форме ясно, что оптимизированы донельзя. Они напомнили ему лопасти винтов самых продвинутых стелс-вертолетов, какие Руфус видел в армии, — из тех, с которых спецназ высаживается в разные безумные места. Но зачем так старательно оп-

тимизировать пропеллеры квадрокоптера? Что он в результате должен делать? Летать дольше? Тише? Может быть, легче маневрировать?

На платы, как правило, нанесены шелкографией опознавательные знаки: серийный номер, логотип фирмы, значки для I/O разъемов. Здесь не было ничего. Только чипы. И на чипах тоже никаких знаков. Какого черта? Кто может сам делать чипы для квадриков? И — вопрос ближе к делу — ради чего?

Были здесь ленточные кабели, ведущие от краев платы к различным подсистемам. А кроме них, пара самых обычных проводов старинного типа, красный и черный, подсоединенные к такому же старозаветному выключателю снаружи, со стороны шасси. Руфус нажал на выключатель — в ответ на плате загорелся зеленый огонек. Когда дрон собран, он скрывается за черным щитком. Этот квадрокоптер явно предпочитает себя не афишировать.

Тем временем Пиппа кликала по каким-то ссылкам.

— Послушайте, — заговорила она, — что бы там ни было, но Индия не станет нападать на Западный Техас! Уж точно не начнет военную операцию в стиле двадцатого века. Совершенно

исключено.

— Дайте подумать, — сказал Руфус. — У себя в Гималаях они отвоевывают большие территории без единого выстрела, используя эту новую тактику — как бишь вы ее назвали…

— Перформативная война, Рэд. — В ее устах, с новозеландским акцентом, его прозвище звучало как «Рид».

— Пина2бо для них более серьезная угроза, а значит, и более насущная мишень, чем компания кунг-фуистов, готовых отмораживать себе задницы на Крыше мира, — продолжал Руфус. — Но воевать по-старому — не вариант. А что можно сделать? Начать перформативную войну. И кто в этом деле лучший?

— Большой Лосось, — ответила Пиппа. — Вот что, Рид: завтра я буду у вас.

Руфус открыл было рот, чтобы объяснить, чем плоха эта идея; но его отвлекли радостные возгласы с вершины утеса, куда забрались подышать вечерним воздухом Тордис и Кармелита. Он разобрал только слова: «Загадай желание!» Подняв взгляд, Руфус увидел, что обе восторженно показывают куда-то в небеса. Повернул голову в ту сторону — и увидел, как по синему бархату неба стремительно летит точка сверкающей белизны.

В самом деле, падающая звезда!

Однако в следующий миг звезда остановилась. И начала разгораться все ярче.

Не так уж часто Руфус играл в бейсбол, но свою долю летящих мячей поймал. И с тех времен запомнил: если кажется, что мяч застыл в воздухе, — значит, он летит прямо на тебя.

— Не смотрите на нее! — заорал он во весь голос. — Не смотрите!

— На что не смотреть? — спросила Пиппа. — Рид, что происходит?

Но он ее уже не слышал — он повернулся к ноутбуку спиной, кричал, прыгал и махал руками, пытаясь привлечь внимание Тордис и Кармелиты.

Напрасно. Звезда была уже совсем близко, горела невероятно ярко, осветив всю северную сторону утеса и отбросив четкие черные тени. Смотреть на нее было невозможно. Тордис и Кармелита повернулись к ней спиной.

Мгновенная, еще более ослепительная вспышка — а потом тьма.

Абсолютная тьма. Погас экран ноутбука. Погас свет в окнах трейлера. Умолкли генераторы. Руфус вытащил телефон и попытался включить фонарик — телефон не работал. Нашел в другом

кармане небольшой светодиодный фонарь — тот тоже оказался мертвее мертвого.

Однако глаза его скоро привыкли к темноте, и он различил во тьме крохотный зеленый огонек. Шагнул к нему.

То, что светилось, лежало на столе рядом с погибшим ноутбуком.

Световой индикатор на плате дрона. Он единственный работал по-прежнему.

«Летящая S»

На фоне глобального потепления и прочих мировых бед как-то неловко переживать из-за того, что частный самолет, подаренный тебе саудовским принцем, работает на необычном топливе и потому вынужден делать короткие перелеты. И все же к тому времени, когда на изрезанном холмами горизонте Западного Техаса показалась посадочная полоса «Летящей S», Саския была уже морально готова ныть и стенать. Вместе со своим новым другом Эрвином, бывшим пилотом ВВС США родом из Болдуин-Хиллс, штат Калифорния, она вернулась из Линии на Вадан, где ждал их резервуар с водородом. Дальше они полетели в Схипхол и здесь остановились на ночь: заодно Саския проведала новую королеву Нидерландов. Подвезли в Схипхол и Фенну с Жюлем, но те уговорили Саскию взять их с собой в Техас и теперь летели, втиснувшись на пассажирские сиденья в задней части крохотной самолетной кабины. Из Схипхола в Абердин, затем в Рейкьявик, затем в место под названием Нуук в Гренландии, где в ожидании водорода им пришлось просидеть

сутки. Дальше — Гандер на острове Ньюфаундленд, Оттава, Чикаго, Денвер — и наконец, ранчо «Летящая S». К моменту приземления топливо снова было на исходе; но эту проблему они решат позже. Точнее, решит Жюль. У этого молодого человека обнаружилась невиданная суперспособность: с легкостью договариваться по неустойчивой голосовой связи о доставке сжатого водорода на аэродром. Вообще-то логично, думала Саския: кто лучше ныряльщиков разбирается в сжатых и сжиженных газах? Пусть Жюлю чаще приходится иметь дело со сжатым воздухом, кислородом, гелием и прочими орудиями его ремесла — велика ли разница с водородом? Но профессиональный бэкграунд в области сжатых газов лишь отчасти обеспечивал ему успех. Еще более ценной — насколько могла судить Саския, улавливая отрывки из его переговоров с наземным персоналом, — оказалась манера речи. В элитных дипломатических и культурных кругах репутация Америки и американцев давно ниже плинтуса, но «на земле», в низах нефтяной и горной индустрии, как видно, их еще уважают. И певучий южный выговор в сочетании со спокойно-приказными армейскими интонациями (теми, на которые так и хочется отвечать: «Есть,

сэр!», «Так точно, мэм!», «Будет сделано!») по-прежнему открывал все двери — или по меньшей мере не давал случайным незнакомцам в разных частях света сразу бросать трубку, когда Жюль набирал их номер и высказывал свои диковинные пожелания.

Впрочем, «бросать трубку» — давно уже фигуральное выражение. Нынешние телефоны хрупки и дороги, ими лучше не бросаться. Так или иначе, Жюлю удавалось все: настолько, что в бесконечном перелете через Северную Атлантику и вдоль Канадского щита[104] Саския задумалась о том, что будет, если попросить Жюля достать плутониевую бомбу. Несколько часов вежливых и лаконичных телефонных переговоров — и, чего доброго, у него все получится!

— Нет, дорогая, я не позволю! Ты ведь больше на меня не работаешь — теперь мы просто подруги.

— Вот я тебе по-дружески и помогаю, — отрезала Фенна. — А теперь помолчи и смотри вверх!

— Что ж, раз все равно заняться больше

---

[104] Примечания: 104

Обширный выступ докембрийского кристаллического фундамента, занимающий примерно половину территории Канады (северо-восток и восток). Характеризуется преобладанием гранитных пород, множеством мелких озер, сплошными сосновыми и еловыми лесами. Богат полезными ископаемыми.

нечем…

И Саския уставилась в металлический потолок, который время от времени загораживала умелая рука Фенны, работавшей над сложной зоной между скулой и нижним веком экс-королевы.

Они находились в крохотном поселке под названием Центральный, в грузовом контейнере, переоборудованном под жилье и обложенном мешками с песком, чтобы приглушить звуковые удары. Совсем приглушить не удавалось; каждые несколько минут стены сотрясались от гула.

— Обязательно придумаем, как переправить вас с Жюлем в Новый Орлеан, — пообещала Саския.

— Об этом не беспокойся! Жюль не уедет, пока не посмотрит Шестиствольник. Очень хочет узнать, как он работает.

— Тогда лучше всего ему сейчас пойти со мной. Можно, конечно, попросить Т. Р. завтра устроить отдельную экскурсию — но, кажется, ему сейчас не до того.

— И станет вообще ни до чего, когда он тебя увидит! — с завидной уверенностью сообщила Фенна. — Только представь: выползает он из самолета, вообще никакой после многочасового перелета из Китая или откуда он там летит…

— Из Папуа, дорогая. — Хотя, судя по всему, эта территория скоро станет Китаем.

— Да неважно! Главное, он выходит — а тут ты!

Не в первый раз Саския позавидовала глубокой убежденности Фенны, что мир вертится вокруг тех, кто стильно одет и профессионально накрашен. Пусть это иллюзия — но, быть может, одна из самых приятных и безопасных иллюзий.

— А ты не хочешь к нам присоединиться? — спросила Саския.

Фенна наморщила нос.

— Идти смотреть на Шестиствольник?

— Ну да.

— Да я его уже видела. И здесь, и в Вадане. Знаешь, не увлекаюсь большим оружием — даже таким большим! — Она бросила лукавый взгляд на Жюля, который, с чисто армейской способностью засыпать где угодно и когда угодно, прикорнул в углу на куче багажа. — Вон кто у нас без ума от здоровенных стрелялок! А я лучше посижу с Амелией у торговых автоматов, выпьем по пиву и съедим по буррито.

— Звучит заманчиво. Поднимите бокал и за меня.

— Скорее уж пивную банку. А как ты доберешь-

ся до Шестиствольника? Они дадут машину?

— Нет, мы с Жюлем пешком дойдем.

— Пешком?!

— Да, а что? Мне, как ты знаешь, уже несколько дней почти не приходилось ходить. Хочу размяться.

— Что же ты сразу мне не сказала?! А если ветер…

— Нет там никакого ветра, я посмотрела погоду. Вот завтра будет ветрено. А сегодня — так, легкий бриз.

— Может, верхом поедешь? Знаешь, как круто будешь выглядеть на лошади?

— Лошадей к Шестиствольнику не подпускают. Это было бы издевательство над животными. Да и незачем мне, чтобы лошадь испугалась и понесла или все обгадила со страху.

— Да уж, в таком приятного мало!

— Каждый вечер во время пересменки Шестиствольник отключают на один час. За это время инженеры его осматривают, проверяют, проводят какие-то процедуры — не знаю подробностей. Словом, Т. Р. в это время будет там — и, по его словам, не возражает, чтобы я «упала ему на хвост», что бы это ни значило. — Саския взглянула на часы. — Нам пора. Жюль! Подъем!

— Да, мэм! — отозвался Жюль, вскочив на ноги.

— А змей там нет?

— Вообще-то есть, но мы пойдем по асфальтированной дороге, где змеям негде спрятаться. И потом — смотри! — И Саския вытянула ногу, продемонстрировав новенькие ковбойские сапоги, приобретенные в киоске самообслуживания в Центральном полчаса назад. — Пусть только какая-нибудь гадюка попробует вонзить в меня зубы!

— Нет уж, пусть лучше не пробует — зубы поломает!

К тому времени, когда эти ковбойские сапожки зашагали по упомянутой дороге, солнце уже село за горы, отделяющие Пина2бо от Рио-Гранде. Вечер можно было назвать мирным, даже идиллическим, если бы не вспышки и глухие удары Шестиствольника. Из-за какой-то особенности распространения звуковых волн совсем рядом с Шестиствольником грохот ощущался даже слабее, чем немного в стороне.

Идя по дороге вместе с Жюлем, Саския раз или два оглядывалась, скользила взглядом по зубчатой кромке гор к северу и к западу, медленно тающей в темно-пурпурном небе.

— Мэм, на что вы смотрите? — спросил Жюль.

— Помнишь Руфуса? Рэда?

— Еще бы!

— Где-то в той стороне, если я не путаю направление, есть мраморная гора, а в ней старый карьер. Там он сейчас живет.

О том, где и как живет Руфус, Саския знала от Тордис и Пита. Они что-то рассказывали, изредка даже присылали фотографии. Из их слов можно было понять, что Руфус нашел себе интересную работу — а это очень важно для счастья. Но счастлив ли он? Вспоминает ли о ней — хоть иногда?

Саския вдруг заметила, что перед ней движется по асфальту ее тень. Странно — ведь солнце уже село! Луна сейчас слева, едва выглянула из-за горной гряды, окаймляющей долину с другой стороны. Словом, совсем не в том месте, да и не такая яркая, чтобы давать тени. Видимо, что-то еще светит сзади. Но Саския не слышала, чтобы кто-то ехал за ними. Может быть, дрон? Какой-нибудь нервный охранник решил за ними проследить, чтобы они, свернув в сторону, не заблудились в пустыне и не стали ужином для диких свиней? Смутно обеспокоенная, она остановилась и обернулась. То же сделал и Жюль.

Источник света оказался яснее ясного — в са-

мом буквальном смысле: на него невозможно было смотреть. Он несся по ночному небу, и тень Саскии стремительно сокращалась. Кто и зачем запустил дрон с таким ярким прожектором?

Она не успела отвести взгляд; в следующий миг все вокруг вспыхнуло ослепительным белым пламенем. Поток света залил и стены гор по обеим сторонам долины, и стальные сооружения, окружающие Шестиствольник, и подведенные к нему трубы, и золотистую гору серы неподалеку.

На мгновение свет ослепил Саскию — а затем наступила тьма. В первый миг она испугалась за свое зрение. Но минуту спустя привыкла к миру, освещенному только луной и последними отблесками заката на западе. Большая часть огней в комплексе перед ними погасла. Обернувшись, Саския увидела, что в Центральном не горит ни одно окно, ни один фонарь. Достала телефон, чтобы включить фонарик, но телефон тоже не работал.

— Чтоб тебя! — только и произнес Жюль. — Это что, метеорит?

— Похоже на метеорит, из тех, что сгорают, не долетев до земли, — ответила Саския, — но это не объясняет, почему везде погас свет. И почему вырубился телефон.

Жюль проверил свой телефон — то же самое.

Без долгих разговоров они ускорили шаг и скоро дошли до Шестиствольника, уже не Самого Большого в Мире — но все еще довольно-таки крупного. Т. Р. был уже здесь — и тоже не знал, что происходит. Похоже, хоть какое-то электричество в округе осталось только здесь, да и то не везде. Многие внешние структуры комплекса — невысокое стальное здание, где роботы наполняли снаряды серой и готовили к полету, охлаждающая башня, завод по переработке природного газа, где производили водород, — погрузились во тьму. Но в самом Шестиствольнике если не все, то многое продолжало работать. Концы шести стволов и толстые «глушители» на концах подсвечивал снизу свет, исходящий из главного ствола большой шахты. Огромный стальной каркас, окружающий всю конструкцию, также испещряли огоньки, сосредоточенные в районах лестниц, проходов, люков. Подойдя ближе, Жюль и Саския услышали низкий механический гул: это насосы в двухстах метрах под землей закачивали в камеру сгорания холодную воду, а горячую выкачивали наверх и подавали в охлаждающую башню; в ней весь свет погас, но сама башня попрежнему булькала и выбрасывала клубы пара.

Тонкий свист вентиляторов показывал, что и вентиляция не прекратилась. Щелкали и клацали клапаны, шипел газ в трубах, гудели трансформаторы. Подойдя ближе, Саския услышала голоса, в основном мужские и с техасским выговором. Звучали они обеспокоенно, даже взволнованно, но без паники.

Она понятия не имела, что произошло. Никогда не слышала о метеоритах, вредящих электронике. Может быть, атака при помощи электромагнитного импульса? Такие технологии упоминались на совещаниях военных и разведчиков, где ей случалось присутствовать. Так или иначе, этот «метеорит» вырубил всю электронику в долине — очевидно, кроме той, что находится глубоко под землей. Сам Шестиствольник сконструирован так, чтобы продолжать работу при любых обстоятельствах. На дне шахты, судя по всему, есть генераторы, защищенные двухсотметровым слоем скальной породы; к ним подается по трубам природный газ, а они питают электричеством и саму шахту, и ключевые системы на поверхности.

Итак, на Пина2бо совершена атака. Или, быть может, это подготовка, а сама атака еще впереди. Но нападение очень необычное, так что охрана

и персонал, работающие на Шестиствольнике и рядом, вряд ли понимают, что происходит. И огнестрельное оружие, скорее всего, из строя не вышло.

Не желая оказаться на мушке у какого-нибудь нервного охранника, Саския шла медленно и старалась производить побольше шума. Из темных зданий вокруг комплекса выбегали люди; всех, как магнитом, тянуло к единственной постройке, где остался свет, — к Шестиствольнику. Подойдя на расстояние слышимости, Саския закричала:

— Эй! Э-эй! — Звучит не оригинально, но, надеялась она, и не слишком угрожающе. — Это я, Саския! И мой друг Жюль!

— Что еще за Саския? — послышался в ответ мужской голос.

— Фредерика Матильда Луиза Саския Нидерландская. — А что еще она могла ответить?

— Добро пожаловать, ваше величество! Давно не виделись! — раздался голос Т. Р.; он отделился от группы мужчин и направился к ней.

— Теперь я «ваше королевское высочество», — поправила она.

— Ах да, извините. Совсем забыл. Долгий день выдался, знаете ли… точнее, пара дней.

— Я слышала.

С флангов к Т. Р. пристроилась пара «Черных шляп» в бронежилетах: в руках у обоих были винтовки дулами в землю. Глядя на оптические приборы, переговорные устройства и прочие приспособления, которыми эти двое были увешаны со всех сторон, Саския поразилась тому, насколько все это теперь бесполезно. На что теперь способны эти охранники? Всматриваться во тьму сквозь механический прицел и стрелять по тому, что удастся разглядеть. И все. Даже передвигаться им придется на своих двоих: любое современное транспортное средство, оборудованное сотнями микрочипов, после электромагнитной атаки никуда больше не поедет. Можно ездить верхом или на мотоциклах — вот только ни лошадей, ни мотоциклов она вокруг не видела.

Т. Р. остановился от нее в нескольких шагах. Настал момент, которого с энтузиазмом ждала Фенна: он весь такой измученный — а Саския вся такая неотразимая!.. Но эффект вышел не тот. Подвело и освещение: Саскии свет с Шестиствольника бил в лицо, а Т. Р. освещал со спины — видна была только массивная фигура в ковбойской шляпе.

— Кто бы мог вообразить, — устало сказал Т. Р., — что и после ночи, проведенной в Нууке,

вы сохраните эту безупречную элегантность!

— Я смотрю, жена хорошо вас вышколила.

— Стараюсь как могу.

— А с элегантностью мне помогли.

— А-а. Как наша милая Фенна?

— Сидит одна в темноте и, полагаю, очень напугана, — ответила Саския, покосившись на Жюля.

Тот вежливо отошел в сторону и приблизился к группе мужчин — не «Черных шляп», а, должно быть, инженеров из «Уайт Лэйбел», — громко гадающих, что произошло.

— Все мы напуганы, — ответил Т. Р., — но тут, как видите, хотя бы светло. Присоединяйтесь.

— Вы знаете, что нас напугало? Что происходит?

— Видели эту дрянь на небе?

— Видела.

— Тогда не стану оскорблять ваш интеллект объяснениями.

— Мне казалось, электромагнитная пульсация характерна для ядерного оружия. Разве нет?

Т. Р. оглянулся на своих охранников.

— Мне сообщили, что электромагнитное оружие небольшого калибра не требует ядерной реакции. Необходимую энергию — а энергия требуется немалая — оно получает при вхождении

в плотные слои атмосферы. Пульсацию порождает термохимическая реакция. В результате поражается очень небольшой участок земной поверхности. С хирургической точностью, так сказать. Это и сделали наши противники, кто бы они ни были.

Крепкий немолодой охранник широкими шагами подошел к Т. Р., заговорил вполголоса. Саския видела, как тот кивает.

— Наши друзья, — объявил он наконец, повернувшись к ней, — серьезно обеспокоены продолжительностью и неторопливостью нашей беседы. Прозвучали слова «легкая мишень». Они хотят, чтобы я — вместе с вами, само собой, — зашел внутрь и спустился под землю.

— Охотно сделаю все, что они сочтут наилучшим, — ответила Саския.

— Если бы не этот чертов ЭМИ[105], я устроил бы вам экскурсию по нашим укрытиям! Но сейчас, похоже, это единственный разумный выбор. Лифт пока работает. Спустимся туда, где вы уже бывали, — на глубину, где нас достанет разве что атомная бомба. Но будем смотреть правде в глаза: хотели бы они сбросить на нас ядерную бомбу

---

[105] Примечания: 105
Электромагнитный импульс.

— так бы и сделали. А здесь, сами видите, ничего не работает, и не надо быть Эйнштейном, чтобы догадаться, что в ближайшее время работать и не будет.

— Ведите, — ответила Саския. — Я с вами.

Орешник

Молчаливый водитель Лакса казался воплощением профессиональной компетентности вплоть до того момента, когда резко вывернул руль влево, пересек встречную полосу, проломил забор с колючей проволокой и въехал прямиком в посадки пеканового орешника. Замер на пару секунд, а дальше у него разом вырубилась вся электроника и остановился мотор: событие, странным образом совпавшее с яркой вспышкой в поднебесье с правой стороны.

Дорога шла через сельскую местность, плотностью населения готовую поспорить с Гималаями. Единственной растительностью выше колена, которую видел Лакс за весь день, была роща пекановых деревьев — та самая, в которой они сейчас оказались. Похоже, смысл этого маневра был в том, чтобы укрыться от нежелательных свидетелей. Деревья были посажены рядами; водитель направил фуру между рядов. Листва густая: кто-то немало денег вложил в ирригацию. Открыв дверь и выпрыгнув наружу, Лакс не увидел вокруг никаких источников света, кроме

звезд. Единственными свидетелями «аварии» стали трое, мимо которых Лакс с водителем проехали несколько секунд назад. Они стояли рядом с грузовичком, припаркованным на обочине, очень древним, на вид из шестидесятых. Задним числом Лакс сообразил: один из этих мужчин посветил водителю фонариком, показывая, где свернуть.

Теперь грузовичок поехал; он приближался к Лаксу по соседней, левой колее. С выключенными фарами, медленно и осторожно — чуть быстрее пешехода. Одному из мужчин, сидевших на заднем сиденье, это явно наскучило. Открыв боковую дверь, он выпрыгнул на ходу и рысцой побежал вперед. Не обращая внимания на Лакса, который пытался понять, что происходит, человек поравнялся с полуприцепом, взобрался на задний бампер и, судя по звукам, начал отпирать стоящий на прицепе контейнер. Послышалось звяканье массивных задвижек, скрип петель — и дверцы контейнера распахнулись.

Тем временем дряхлый грузовичок остановился метрах в десяти. Водитель включил парковочные огни — на несколько секунд, так, чтобы парень с ключами успел набрать код на второй, внутренней двери контейнера. Разом вспыхнул с десяток

красных светодиодов. Когда фары грузовичка погасли, Лакс разглядел перед собой пространство в сорок футов глубиной, восемь футов шириной и восемь высотой, освещенное тусклым красным светом, словно рубка боевого корабля, — ровно настолько, чтобы люди могли разобраться, где здесь что. В тусклом свете виднелись стеллажи во всю длину контейнера. А на них рядами — сотни черных растопыренных теней, в которых Лакс узнал дроны. Разной формы, разного размера. Одни — чуть больше ладони, другие — крупные, с велосипед. Разглядеть их было сложно еще и потому, что, как постепенно понял Лакс, одни дроны были закреплены на других — носителях, по несколько на каждом. Больше всего это напоминало пещеру, где спят, прижавшись друг к другу и завернувшись в собственные крылья, сотни летучих мышей. Только у этих мышей крылья были прямоугольные, сложенные веерами, матово-черные: сменные панели солнечных батарей.

Древний грузовичок закачало, словно корабль на волнах, когда еще один незнакомец — тот, что сидел рядом с водителем, — вылез на его крышу. Припал на одно колено, снял винтовку с плеча. Аккуратно положил на крышу и лег ничком, глядя в ту сторону, откуда они приехали, туда же

нацелив и ствол. На дороге никого не было; но, как видно, он не собирался покидать свой пост.

Водитель фуры с полуприцепом, спутник Лакса в эти несколько дней, спрыгнул из кабины на землю. На плече у него была спортивная сумка. Кивнув Лаксу, он прошел мимо и сел на заднее сиденье древнего грузовичка.

Парень с ключами тем временем вытащил из отделения во внутренней дверце контейнера ноутбук. Спустился на землю, открыл, приложил к сканеру палец. Вместе с ноутбуком вернулся в машину. Светящийся экран озарил его лицо — гладкое, чисто выбритое индийское лицо с аккуратными усиками. Он неотрывно смотрел вперед через ветровое стекло.

Лакс вздрогнул от хорового гула пропеллеров. С полдюжины дронов, ближайших к дверям контейнера, взмыли в воздух и растаяли в ночи.

За ними обнаружился самый крупный предмет в грузовике. Он стоял на половых рельсах в глубине контейнера, в своего рода нише, и до сих пор был полностью скрыт за более мелкими устройствами.

Водитель грузовичка и тот человек, что ехал сзади, вдвоем поднялись на бампер, заглянули в контейнер и (судя по звукам) принялись что-то

там отстегивать. Затем потянули большой предмет на себя, к выходу из контейнера. Никто не произносил ни слова, но Лакс понял, что они хотят сделать, и поспешил на помощь. Втроем они вытащили из контейнера непонятную махину и поставили на открытую площадку между двумя автомобилями. Махина оказалась громоздкой, но не такой уж тяжелой. Лакс не мог понять, что это такое, пока незнакомцы не начали раскрывать ее, словно складной нож. Теперь он понял, что первой появилась из контейнера своего рода ось, на которой были закреплены сложенные спицы; когда же все эти «спицы» со щелчком встали в правильную позицию и «колесо» повернулось, перед Лаксом оказался беспилотник с шестью опорными лучами и шестью пропеллерами, нескольких метров в поперечнике. В его центральной «оси», по-видимому, имелось свободное место для аккумуляторов и прочего оборудования; но центральную часть занимало пустое пространство в человеческий рост, экипированное креслом и ремнем безопасности. На кресле покоилось что-то круглое, завернутое в оберточную бумагу и закрепленное клейкой лентой, размером с надувной мяч. Когда сверток развернули, Лакс обнаружил защитные очки, за-

крывающие всю верхнюю половину лица. Один из незнакомцев протянул их Лаксу, глядя на него выжидательно. Скорее, с легким нетерпением. Лакс, который волновался, но не хотел этого показывать — и еще меньше хотел испортить дорогое и тщательно подготовленное оборудование, — попытался надеть очки, но обнаружил, что очень мешает тюрбан.

Все трое незнакомцев были из Индии, но сикхов среди них не было. Смотрели они на него так, словно хотели пробуравить взглядами череп. На лицах и в позах ясно читалось: «Да когда же ты, так тебя и растак, наконец сядешь и полетишь?» Парень с ноутбуком провел ладонью по лицу вверх-вниз, как щеткой по ветровому стеклу, словно смахивая пот. Но для самого Лакса эта задержка была кстати: возясь с очками и тюрбаном, он успел прокрутить в памяти события последних нескольких минут и задуматься о том, что его ждет.

Можно было отказаться. Сказать: «На такое… не знаю уж, как это назвать… я не подписывался!» Хотя по букве закона подписался. Незадолго до выхода из больницы (или что это было?) в Киберабаде он принес присягу и согласился выполнить миссию, детали которой пока не разглашались.

Так ведь обычно и бывает в армии, верно? Солдаты не знают, куда идут, что им там придется делать. Даже офицерам не все говорят заранее. Однако Лакс полагал — как теперь понимал, очень наивно, — что его ждет нечто более схожее с боями на Линии Фактического Контроля. Что он будет сам решать, куда идти и что делать, а не подчиняться приказам без объяснений.

Эти размышления ничего в текущей ситуации не изменили, зато помогли ему собраться. Очки он наконец нацепил, но оставил болтаться на шее. Подчинился яростной жестикуляции незнакомцев, указывающих на большой дрон. Сел в кресло — и мгновенно услышал гул и ощутил вращение пропеллеров. Летая над Гималаями и Каракорумом на военных вертолетах, Лакс научился пристегиваться пятиточечным ремнем безопасности — что и исполнил, пока беспилотник в облаке пыли поднялся вверх, а затем рванул вперед. Он набирал скорость, и ветер бил Лаксу в лицо. Он опустил щиток, защищая глаза от ветра. Сморгнув слезы, увидел, как под ним исчезает край орешника и появляется дорога. За колючей проволокой по другую сторону дороги простиралось до горизонта бескрайнее поле — пустыня, освещенная полной луной. В нескольких кило-

метрах впереди — горная гряда. Беспилотник повернул налево, чтобы обогнуть горы с южного фланга, обрывающегося над речной долиной.

Поверх этого пейзажа, залитого призрачным лунным светом, вдруг ярко вспыхнул слайд в PowerPoint:

ОПИСАНИЕ МИССИИ

ФАЗА 1

УНИЧТОЖЕНИЕ СИСТЕМЫ СЕТЕЙ

БЕРЕГ РИО-ГРАНДЕ, ТЕРРИТОРИЯ США

В правом верхнем углу виртуального экрана светились два индикатора, отсчитывающие секунды. Один, под названием «ВРЕМЯ МИССИИ», показывал, сколько минут и секунд прошло с момента, когда Лакс стартовал из ореховой рощи. Другой, «ВРЕМЯ ДО ВЫСАДКИ», вел обратный отсчет в пределах пятнадцати минут.

Сперва Лакс решил, что слова «уничтожение системы сетей» относятся к компьютерным сетям. Но на следующей паре слайдов увидел снимки самых буквальных, физических проводов, натянутых между стальными столбами, вкопанными в землю на плато над рекой. Видимо, той самой рекой, к которой сейчас нес его беспилотник, —

Рио-Гранде. Презентация объяснила: его задача — повалить эти столбы. При помощи устройства под названием «плазменный резак», которое ему предоставят. Следующие десять минут были посвящены инструкции по использованию плазмореза, для Лакса совершенно излишней: вообще-то этим он зарабатывал себе на жизнь. Подводишь сварочный провод к объекту, который хочешь разрезать, открываешь клапан на газовом баллоне, включаешь аппарат и нажимаешь на кнопку. «Во время работы не снимайте защитные очки, чтобы не потерять зрение» — хороший совет! Как и следующий: «Держитесь в стороне от падающего столба, чтобы не получить серьезные повреждения».

В самом конце, почти что в виде примечания, появилась информация о «противнике». Звучала она так: местность целиком напичкана камерами наблюдения, которые выведены из строя, и приборами сенсорного освещения, которые выведены из строя. Система наблюдения усилена видеодронами — они тоже выведены из строя. Все они связаны с управляющим центром, расположенным в нескольких милях к северу, частными защищенными каналами, но сейчас связь выведена из строя. Охрана в месте располо-

жения сетей передвигается на четырехколесных внедорожных автомобилях, которые выведены из строя, и связывается друг с другом при помощи радиопередатчиков, которые выведены из строя. Насколько понимал Лакс, с электроникой в их грузовичке случилось то же, что и со всей электроникой в округе. Все это связано с той вспышкой в небесах. Какая-то хитрая бомба, которая поджаривает всю электронику, но кроме того особого вреда не причиняет — по крайней мере, если взорвать ее в нескольких милях отсюда над безлюдной пустыней. Даже у механических по сути систем — например, у автомобильных двигателей — в наше время есть электронная начинка, так что им всем тоже крышка.

Разумеется, нельзя не обратить внимания на тот очевидный факт, что дроны, приехавшие в контейнере, работают как часы. Может быть, контейнер защитил их от эффекта вспышки? Но ведь Лакс не сидел в контейнере — а с электроникой, которой напичкан его череп и которая заменила ему неработающие участки мозга, тоже ничего не случилось. Выходит, можно создать чипы, для такой атаки неуязвимые.

А тот грузовичок, на котором приехали незнакомцы? Да ведь он совсем древний! Должно быть,

из шестидесятых годов прошлого века — задолго до того, как производители автомобилей начали вставлять чипы куда ни попадя. То, что он остался на ходу, когда все прочие автомашины в округе встали, не вызовет подозрения — и позволит им быстро убраться подальше.

С охранниками, видимо, все нормально, если только ни у кого из них нет кардиостимуляторов. Стрелять они тоже смогут, как раньше: выйдет из строя разве что какое-то уж очень современное и навороченное оружие. Но об этом Лакс задумался уже в самом конце полета, когда плоская столовая гора над Рио-Гранде ринулась ему навстречу и растянутые сети, мерцающие в лунном свете, словно клочья тумана, заняли почти все поле зрения. На миг он испугался, что один или несколько пропеллеров беспилотника запутаются в этих сетях. Но тот, кто (или то, что) пилотировал эту штуку, в последний момент резко затормозил и, сбросив скорость, плавно опустил беспилотник на землю, в нескольких шагах от бетонного основания, из которого вздымалась к небесам массивная стальная труба. На экране отобразилось: «ВРЕМЯ ДО ВЫСАДКИ: 00:00».

Пока останавливались пропеллеры, Лакс отстегивал ремень. Как только стало безопасно

(«безопасность», конечно, здесь понятие относительное), встал и вышел наружу. Поблизости никого не было. Вокруг темно — светит только луна. Выглядит все чисто, аккуратно. В сотне метров стоит заглохший и брошенный джип. Вокруг столбов с сетями петляют дорожки, ведущие к группке офисных трейлеров и грузовых контейнеров — видимо, нервному центру этого места. Он в нескольких сотнях метров и тоже темен и тих.

Что делать дальше, Лакс не совсем понимал. В презентации говорилось, что плазменный резак ему «предоставят». Но откуда он здесь возьмется?

Край плато был не так уж далеко; Лакс подошел туда и, наклонившись, взглянул на реку, текущую, должно быть, в сотне метров внизу. Одни ее участки блестели и играли в лунном свете, другие, укрытые пологом колючей растительности по берегам, оставались в глубокой тени. Где-то неподалеку послышался негромкий шум двигателя: то он взревывал, словно преодолевая препятствие, то становился тише. Проапгрейженные уши Лакса отлично различали направление звука. Он завертел головой туда-сюда и скоро определил источник шума: от реки по склону

вверх, волоча за собой шлейф пыли, поднималось серое пятнышко. Значит, как минимум один автомобиль — судя по звукам и движению, внедорожник — пережил блэкаут. И, похоже, едет сюда.

— Замри! — заорал кто-то сзади. — Руки, Абдул! Держи так, чтобы я их видел!

Лакса это не удивило. Уже с минуту или около того он чуял опасность, а в последние секунды запах стал почти невыносим. Лакс развел руки в стороны, медленно повернулся — и увидел метрах в пяти от себя человека в чем-то вроде военной формы, держащего его на прицеле. Похоже, он незаметно подкрался со стороны трейлеров, пока Лакс тут любовался видом.

Но прежде чем кто-нибудь из них успел сделать что-то еще, сверху на охранника обрушился водопад света. За одним ярчайшим лучом последовал второй и третий: охранник оказался в центре равнобедренного треугольника, сияющего, словно солнце в полдень. Троица почти беззвучных дронов окружила его со всех сторон.

В поток света влетел четвертый дрон, опустился, остановившись между Лаксом и стволом охранника. У этого аппарата торчала из брюха короткая трубка. Похоже, она была на шарнирах,

так что могла поворачиваться вправо и влево, изгибаться вниз и вверх. Поначалу трубка была направлена прямо на охранника, однако, едва дрон привлек его внимание, опустилась к земле. Раздался громкий «бах!» — и дрон плюнул огнем, взметнув пыль у самых ботинок охранника. От отдачи того отбросило назад; в пыли блеснула пустая гильза.

— Вы окружены, — сообщил дрон мелодичным женским голосом.

Безупречный английский с легким индийским акцентом. Лаксу подумалось, что точно такой же голос озвучивает объявления в Международном аэропорту Индиры Ганди. Тем же тоном легкого сожаления, каким могла бы сообщать пассажирам, что посадка на рейс осуществляется через другой выход, механическая леди приказала охраннику бросить оружие и двигаться в направлении, указанном стрелкой.

Лакс — как, должно быть, и охранник — в первый миг изумился: какая еще, к черту, стрелка? Но не успел он недоуменно нахмурить брови, как на земле появилась указующая стрела, нарисованная лазером. В воздухе висело достаточно пыли, чтобы Лакс разглядел лазерный луч и проследил его происхождение: он исходил из

еще одного дрона, висящего над ними метрах в двадцати. Сияющая изумрудно-зеленая стрела, начерченная на земле, начиналась от ботинок охранника, сразу делала поворот и указывала назад, в направлении группы строений, откуда он вышел.

Охранник, как видно, уже опомнился и что-то сообразил. Сумел даже разработать план — не бог весть что, но хоть какой-то. Он сделал пару шагов вперед, словно подчиняясь приказу, а затем вдруг развернулся, упал на одно колено и выстрелил в ближайший дрон — тот, что со встроенным стволом. Дрон отбросило выстрелом, он кувыркнулся в воздухе и упал на землю, на ходу теряя детали.

Зеленая стрела мгновенно исчезла. Точнее, конус зернистого зеленого лазерного света съежился, словно свернулся внутрь себя, превратился в тончайшую иглу — и эта игла вонзилась мужчине в глаза и ослепила.

Охранник вскрикнул и пригнул голову. Теперь в ослепительном зеленом свете купался его затылок. Еще один вооруженный дрон, подлетев с другой стороны, выстрелил — и выбил из рук охранника винтовку; та отлетела и упала там, куда он не мог дотянуться.

На бедре у охранника в кобуре висел еще один

ствол, автоматический пистолет. Интересно, подумал Лакс, дрон и его собьет выстрелом? Но, похоже, такие меры уже не требовались. Мужчина покорно поднял руки и положил их на затылок. Слепящий зеленый свет оторвался от его лица и снова сформировал стрелку, указывающую, куда идти. Он встал и пошел за стрелкой; а она, на ходу меняя форму, бежала по земле перед ним.

— Я тебе не Абдул! — крикнул Лакс ему вслед.

Но охранник то ли не услышал, то ли предпочел не реагировать. По дороге его стрелка встретилась и слилась со стрелкой его сослуживца, которого конвоировал к тем же трейлерам с другого конца поля еще один отряд дронов.

Запах опасности, тревоживший ноздри Лакса (точнее, электронику между его ноздрями и мозгом) в последние несколько минут, рассеялся. Его сменил легкий аромат душистого дыма. Лакс обернулся. Внедорожник, который он заметил раньше, наконец выбрался на плато и остановился. Из него высадились двое. Один курил трубку — от нее-то и пахло дымком. Второй, водитель, вытащил из-за сидений массивный рюкзак и, подхватив его за одну лямку, быстрым шагом догнал майора Раджу — ибо человек с трубкой

был не кто иной, как майор.

— Сержант Сингх! — приветствовал его Раджу.

Да, уже несколько недель Лакс служил в индийской армии в чине сержанта. Его заверили, что это чистая формальность: понадобится для заполнения документов при неблагоприятных, но крайне маловероятных обстоятельствах.

— Не забываем отдавать честь, — напомнил майор.

Как военные отдают честь, Лакс видел только в видеоиграх, но попытался, как мог, это изобразить.

— Видишь ли, — заметил майор, отдав честь в ответ, — когда соблюдаются все условности, тебе в дальнейшем проще будет заявить, что ты только выполнял приказы.

— Но тогда получится, что я перекладываю ответственность на вас? — уточнил Лакс. И, заметив выжидающий взгляд майора, добавил: — Сэр.

— Я буду на том берегу, — ответил майор. — Жаль, но что поделать. Есть, конечно, ощущение, что руководитель операции должен… как бы сказать… именно *водить.* Сам вести своих солдат в бой, а не выкрикивать команды откуда-то издали. Но увы: от своих руководителей, которые сами находятся еще дальше от места событий,

я получил четкие и совершенно обратные указания. — Сунув в зубы трубку, он несколько секунд оглядывал окружающий пейзаж и вдруг воскликнул: — Смотри-ка, летит, голубчик! — И, вынув трубку изо рта, указал ее черенком куда-то в воздух.

С другой стороны реки бесшумно скользил в воздухе белый призрак, словно летучая мышь-альбинос размером с самолет. Когда он подлетел ближе, Лакс разглядел изящные очертания асимметричного парашютного купола, стропы и болтающийся на них груз, по форме похожий на большую пулю. Бесшумно пролетая над натянутой сеткой, «призрак» сбросил свой груз, и тот приземлился прямо в сеть. А смятый парашют ветром понесло дальше.

— Успешное возвращение после короткого визита в стратосферу, — прокомментировал майор Раджу. — Ну что, сержант Сингх, понял, что от тебя требуется?

Тем временем на плато взобрался второй внедорожник и затормозил рядом с первым. Из него вышли двое. У этих не было при себе ни оружия, ни иного снаряжения, только видеокамеры на шлемах. В своих гималайских приключениях Лакс таких людей встречал не раз: они, можно

сказать, ходили за ним по пятам. Очень быстро оттеснили Пиппу, о чем он горько жалел. Двигаются они странновато и забавно крутят головами — ищут идеальный угол съемки. И прямо на них — то есть в камеру — смотреть не следует. Так что он смотрел на майора Раджу. А тот встал спиной к луне, так, чтобы во время их разговора свет падал на Лакса.

Конечно, если можно назвать это разговором. Лакс только начал отвечать:

— Они…

— Кто «они»? — прервал майор Раджу, словно учитель, подсказывающий туповатому ученику.

— Снаряды, которые падают в сети, — ответил Лакс, махнув рукой в сторону упавшего снаряда, — перед тем выбрасывают в стратосферу ядовитые химикаты. Но стратосфера не знает национальных границ: этот слой атмосферы принадлежит всему человечеству. Братья и сестры, если вы хотели знать, почему сезон дождей в этом году начался позже обычного — теперь вы это знаете.

— Хорошо сказано! Что ж, пора нам навести здесь порядок, верно?

Парень с рюкзаком все это время просто стоял столбом. Теперь по сигналу майора Раджу он

шагнул вперед и снял с плеча рюкзак, явно намереваясь передать его Лаксу. Приглядевшись, Лакс понял, что ноша кажется ему очень знакомой. Да ведь всего десять минут назад он видел этот аппарат в ходе презентации! Это плазменный резак со всеми комплектующими: баллон со сжатым воздухом, аккумуляторы, горелка, по форме напоминающая пистолет, и тянущийся от нее воздушный шланг.

Лакс повернулся к незнакомцу спиной, позволил надеть на себя рюкзак с резаком, поправил лямки на плечах. Ближайшая опора сети находилась от него в нескольких шагах. Лакс подошел к ней, на ходу поправляя рюкзак. Клапан газового баллона находился сейчас возле его левого уха. Лакс дотянулся до него правой рукой и открыл; воздух с шипением пошел по шлангу. Выключатель внизу, возле бедра, — вот это удобно. Вспыхнули индикаторы, означающие, что аппарат к работе готов. Лакс проверил, надежно ли прикрыты защитными очками глаза, подошел к бетонному основанию столба, подсоединил массивный фиксатор на конце кабеля к месту, где из бетона выступал металлический каркас, подергал туда-сюда, чтобы сталь плотно прижалась к стали и создала хорошую проводимость. Сам

встал подальше — на место, которое в презентации отмечалось как безопасное, — направил горелку резака в сторону столба и нажал на «курок». Между горелкой и столбом вспыхнула пурпурно-синеватая арка плазмы. Она была горячее поверхности солнца, и за одно мгновение спекла бы Лаксу сетчатку, не обладай его защитные очки функцией автозатемнения. В ночи над Рио-Гранде, где погасли все иные огни, все выглядело яснее ясного. Должно быть, видно было не только из Мексики — из Гватемалы!

Поначалу Лакс двигал резаком слишком медленно. Потом заметил, что плазменная арка только углубляет уже существующий разрез, не расширяя его, — и начал двигать быстрее. В какой-то момент разрез начал расширяться уже сам — туго натянутая сеть потянула надрезанный столб на себя. Теперь оставалось лишь сделать быстрый надрез с другой стороны и дать столбу упасть. Все еще цепляясь за свое бетонное основание тем лоскутом металла, что остался неразрезанным, столб рухнул в середину сети и там закачался вверх-вниз.

Лакс отступил назад и поднял очки на лоб. Края разреза еще светились тускло-красным.

В дополнение к запаху трубочного табака

майор Раджу теперь источал аромат глубокого удовлетворения.

— Вот это машина! — воскликнул он. — Только представь, что может сделать такая штука с подвесным мостом! Или с небоскребом! Черт, да с чем угодно — лишь бы проводило электричество!

Пару секунд дымил трубкой, мечтательно глядя в ночное небо, — должно быть, представлял себе рушащиеся мосты.

— Можно ведь и дронов с ними посылать… — пробормотал он. — Хотя нет, тогда в операциях не будет человеческой стороны…

Мысль о «человеческой стороне» вывела его из мечтаний и вернула к реальности.

— Сержант Сингх! Большой Лосось! Что ты только что сделал?

— Мы…

— Не «мы». Ты. Что ты сделал?

— Я только что нанес первый удар в защиту нашей Житницы против токсичных агрессивных действий тех, кто… м-м… хочет изменить климат таким образом, что… э-э… таким глубоко токсичным и расистским образом.

— Вырежьте все после «Житницы», — приказал майор одному из операторов. — Что ж, сержант Сингх, у тебя еще много работы. Не медли! Про-

должай свое благородное дело!

— Есть, сэр!

И Лакс зашагал к следующему столбу. Он еще слышал, как за спиной у него майор обратился к своему помощнику, доставившему резак:

— Если не ошибаюсь, теперь нам нужно перенести в летающую колесницу сержанта Сингха *дополнительный материал*. То, что понадобится ему во второй фазе.

Пина2бо

Сенсорный дисплей, позволяющий управлять лифтом, погиб при электромагнитной атаке, как и вся остальная электроника. Однако сама система питалась от генераторов внизу. Кто-то уже вырвал из стены контрольную панель; теперь техники соображали, как замкнуть ее напрямую. Для инженеров «Уайт Лэйбел Индастриз», долгие годы работавших над изменением климата, не самая сложная задача, однако и она потребовала времени и усилий. Например, оказалось, что кто-то должен спуститься по лестнице на самое дно шахты, повернуть там выключатель и закоротить несколько проводов — сверху этого никак не сделаешь. Добровольцем вызвался Жюль. Он начал спускаться и через несколько минут подал голос снизу. Инструкции выкрикивал ему сверху Конор, инженер, взявший на себя инициативу в наладке. Сейчас он стоял у лифта, засунув руки в карманы, мрачно взирая на безнадежное с виду переплетение проводов и коннекторов.

Во время всей этой процедуры Т. Р. и Саскии (у которой здесь не было вообще никаких задач,

кроме как быть «дамой в беде» и принимать помощь и защиту) оставалось лишь слоняться без дела и пить воду. Уже много лет Саскии не случалось оказываться отрезанной от любых средств связи; теперь ей живо вспомнилось множество недочитанных книг, разбросанных по столам и прикроватным тумбочкам в разных королевских резиденциях.

Примерно через сорок пять минут после блэкаута все увидели, как в воздухе вокруг Центрального скользят огоньки. По их движениям было очевидно, что это дроны и что их кто-то координирует. В первый миг Саския подумала, что это «Черные шляпы» из Полуденного запустили в воздух каким-то чудом пережившую блэкаут флотилию дронов, чтобы враг не подошел к Пина2бо незамеченным. Первая волна дронов долетела только до Центрального. Но вторая скоро начала приближаться к Шестиствольнику.

Со стороны Центрального послышалась стрельба. Командир «Черных шляп» Тейтум приказал своим людям рассредоточиться по позициям и найти себе укрытия. Саскию и Т. Р. он загнал в лифт.

— Закройте дверь, — приказал он Конору, инженеру, возившемуся с проводами, — и спус-

кайтесь все на самое дно. Как хотите, хоть по лестнице лезьте всю дорогу!

Как закрыть дверь лифта, Конор уже понял; так что больше они Тейтума или кого-то еще с поверхности не видели. Теперь Саския и Т. Р. вместе с Конором оказались запечатаны в клетушке лифта. Конор был белый, невысокий и полный, лет тридцати пяти; он, похоже, давно оставил надежду замаскировать лысину и вместо этого сосредоточился на отращивании щетины. Из-за лишнего веса он занимал в лифте много места, но Саския не возражала — лишь бы заставил эту штуку ехать вниз.

— Попытаюсь понять, как это сделать по-человечески, — объявил Конор. — Есть легкий способ, но он негуманный. — И окинул своих пассажиров значительным взглядом, как бы прикидывая в уме состояние их здоровья и крепость психики.

— А негуманный способ — это какой? — поинтересовался Т. Р.

— Просто включать и выключать мотор.

— Звучит не так уж страшно.

— Вам придется сесть на пол. Или нет, пожалуй, сидеть на полу небезопасно для позвоночника. Лучше на корточки. — И Конор продемонстрировал эту позу, присев на карачки в углу лифта, там,

где мог дотянуться до вывороченной из стены панели.

Саския, как и Т. Р., ничего жуткого не предполагала, пока Конор не соединил пару проводков и мотор не заработал. Пол лифта куда-то провалился, и они со страшной скоростью понеслись вниз. А в следующую секунду лифт остановился так резко, словно во что-то врезался. К стыду своему, Саския вскрикнула.

Затем наступило молчание, которое Т. Р. прервал словами:

— А что? Работает!

— Да, сэр.

— Как будто в грузовике передачи переключаешь. Раз — и полный газ!

— Хорошая аналогия, сэр.

— И далеко мы упали?

— Понятия не имею.

Конор поднялся, продемонстрировав недюжинные мышцы ног и здоровые коленные суставы, и сквозь сетчатую стенку лифта всмотрелся в шахту, загроможденную разным оборудованием. Там было темно — лишь неравномерно светились аварийные огни. Конор выгнул шею и прижался к сетке лицом, чтобы посмотреть вверх.

— Не так уж далеко, — сказал он наконец.

Впрочем, об этом они уже догадались по звукам выстрелов сверху. Выстрелы гремели очень близко. В первый миг Саскии показалось, что они упали метров на сто — но, пожалуй, «метров десять» было вернее.

Выстрелы были не слишком частыми — полноценной перестрелкой это не назовешь. Скорее одиночными. И доносились с разных сторон.

— Винтовки, — сообщил, прислушавшись, Т. Р. — Это наши ребята пытаются сбивать дроны. — Послушал еще немного. — А вот кто-то пистолет разрядил. — И перевел взгляд на остальных. — Стыдно, конечно, бегать от драки — но, думаю, нам стоит спуститься пониже. Как вы, Саския?

— Со мной все в полном порядке, спасибо.

— Ну что ж, тогда устраиваемся поудобнее и попробуем снова переключить передачу, только…

— Сэр?

Конор уже присел на корточки и готов был снова соединить два зачищенных провода, но остановился, повинуясь жесту Т. Р. Тот замер и поднял руку, как бы говоря: «Подожди секунду». Потом поднял голову и приоткрыл рот. Он к чему-то прислушивался. Прислушались и они.

Выстрелы по-прежнему раздавались то здесь,

то там — но, кроме них, наверху звучало что-то очень странное. Спокойный женский голос, усиленный электронным громкоговорителем:

— Положите оружие на землю. Поднимите руки, положите на затылок и переплетите пальцы. Следуйте в направлении, указанном зеленой стрелкой.

Чтобы понять, что говорит женщина, им пришлось прослушать объявление несколько раз — похоже, оно звучало со множества дронов в разных местах одновременно.

— Как в аэропорту, чтоб ее! — пробормотал Т. Р. и перевел взгляд на Саскию. — Что за акцент, как вам кажется? По-моему, индийский. В смысле, из Индии.

Они молча прослушали объявление еще несколько раз.

— Определенно индийский, — сказала Саския.

— Согласен, ваше высочество. — Он взглянул на Конора. — Ну что, заводи!

«Завести» Конору пришлось еще раз десять, прежде чем они добрались до дна шахты. Ближе к концу он соединял провода на кратчайшую долю секунды, так что лифт пролетал не больше метра за раз. Было понятно без объяснений: лучше уж так, чем на полной скорости врезаться в дно. При-

мерно в метре над Нулевым уровнем все без слов согласились, что остаток пути лучше преодолеть своим ходом.

Конор как-то хитро заставил дверь открыться. Перед ними оказалась боковая шахта на Нулевом уровне, которую Саския уже видела почти год назад, в день первого запуска Шестиствольника. Шахта почти не изменилась, разве что выглядела чуть более обжитой. Конор выбрался первым и помог спуститься Т. Р. Затем оба сразу пытались помочь Саскии, пока не заметили, что только мешают друг другу и загораживают ей выход. Внизу их уже ждал Жюль.

На всю длину отсюда до поверхности шахта была открыта, хоть и загромождена трубами, проводкой и разным механическим оборудованием. Однако сюда проходил и воздух, и свет — и доносились звуки сверху. Индийская леди со своими спокойными, но твердыми приказами здесь была уже не слышна, но слышны выстрелы. Они были по-прежнему спорадическими и, кажется, со временем становились все реже.

— Что там такое творится? — спросил наконец Жюль.

Саския сообразила, что он не видел дронов и не слышал голос.

— Судя по звукам, — сказала она, — кто-то использует дроны, чтобы окружать людей и уводить.

— Куда уводить? — спросил Жюль.

Вопрос законный — но Саскии оставалось только руками развести.

— Ясно только, что не сюда.

У Жюля вытянулось лицо. Он, похоже, очень жалел, что не остался с Фенной.

— И почему не сюда?

— А вот этот вопрос для нас может оказаться совсем не праздным, — подытожил Т. Р.

Система стабилизации образов в электронном бинокле тоже превратилась в яичницу. Чтобы разглядеть, что происходит на плато, Руфусу пришлось вернуться в каменный век: отсоединить всю электронику и залечь с «голым» биноклем за ближайшей скалой. Впрочем, с такого расстояния и бинокль не особо помогал что-то разглядеть. Видно было, что каждые несколько минут у основания одной из опор сети вспыхивает голубоватое пламя и пару минут горит. После этого столб падал. Одна за другой сети оказывались на земле.

После вспышки — произошедшей, сколько мог судить Руфус, в небесах прямо над Пина2бо

— Шестиствольник перестал выпускать снаряды. Однако десятки их сейчас в воздухе, неторопливо планируют вниз на своих парашютах. В нормальных обстоятельствах они связываются с наземными системами, и те дают им указания, куда лететь. Руфус не знал, что произойдет, если снаряд не сможет «позвонить домой». Вопрос, конечно, интересный, но прямо сейчас стоит сосредоточиться на другом.

По плато над Рио-Гранде скользили упорядоченные островки яркого света; перед некоторыми из них плыли по земле — если только Руфуса не обманывали глаза — огромные зеленые стрелы. Что освещают прожектора, разглядеть не удавалось, но разумно было предположить, что людей. Всех их сгоняли в одно место — к трейлерам, на площадку, обведенную сияющим изумрудным кругом. Пленники, догадался Руфус.

На Мраморном карьере света не осталось вовсе, если не считать нескольких свечей. Все фонари здесь были светодиодными. Вместо простого выключателя, имеющего только два положения, — «умная кнопка», нажатием которой можно регулировать яркость света, проверять батарейки и так далее. Видимо, каждая такая кнопка управляла миниатюрным микропроцессором.

Теперь все они поджарились, и жители карьера остались в темноте. Хорошо хоть, что светит полная луна. «Луна команчей» — так называли ее на техасском фронтире: именно в такие лунные ночи воины его народа отправлялись в набеги. Так что Руфусу удалось спуститься с горы и вернуться к костру, не подвернув ногу. Ему пришло в голову, что фонари можно заставить заработать, если открыть корпус и закоротить напрямую проводку между батарейками и светодиодом при помощи паяльника.

Есть и другой вариант: разойтись, лечь спать и подождать, пока взойдет солнце. Вот только после восхода очень скоро наступит такая жара, что останется только прятаться и ждать вечера. А значит, сейчас очень важна способность передвигаться и что-то делать в темноте.

А кроме того, заняться-то больше нечем.

В трейлере у Руфуса имелась двенадцативольтовая сеть, работающая от аккумулятора. Он разыскал паяльник, но тот требовал напряжения в сто двадцать вольт. Обычно электричество обеспечивал генератор. Теперь на генераторы рассчитывать не приходилось: у всех микрочипы в контрольных панелях. Как, кстати, и у паяльника: у него имеется встроенный термоэлемент и

какой-то «искусственный разум», позволяющий удерживать заданную температуру, автоматически отключаться при длительном бездействии и так далее.

Итак, для начала Руфус сунул паяльник в угли костра, чтобы тот как следует разогрелся. Затем замкнул его напрямую на аккумулятор в машине и с его помощью перепаял фонари, которые обеспечили хорошо освещенное рабочее место на одном из пластмассовых столов.

Что происходит, Руфус, разумеется, не знал: лишь догадывался, что ранчо под ударом. Разговор с Пиппой вывел его на мысль о «перформативной войне», главную роль в которой должен сыграть Большой Лосось. В одиночку ему, конечно, с «Черными шляпами» не справиться. Но «Черные шляпы» без электронных гаджетов — это просто несколько парней со стволами, бегающих по необъятной пустыне. Пустыне, по которой из-за неровной почвы и жары почти невозможно передвигаться. А у них даже средств связи нет — разве что, когда рассветет, сигналить друг другу зеркалами или дымом костров.

В стране слепых и одноглазый — король. Большой Лосось уже здесь, на плато, живописно рубит столбы, поддерживающие сети. Почему он ата-

кует столбы? Да потому что это символично и хорошо смотрится. Очевидно, его снимают — и использованные снаряды, что беспомощно валятся на землю, скорее всего, тоже.

Однако настоящая цель — Пина2бо — расположена полностью под землей. Рано или поздно Большому Лососю придется отправиться туда. И скорее рано, чем поздно, пока не подоспело подкрепление. Персонал там, должно быть, тоже окружили и согнали куда-нибудь, как и здесь. Следующий акт драмы — основная часть — скорее всего, состоится завтра, при свете дня, когда будет лучше выглядеть на видео.

Чтобы этому помешать, Руфусу придется преодолеть десять миль по чертовски неровной почве. И по открытой местности. Без геокостюма тут не обойтись.

Геокостюм сочетает в себе целый букет технологий. Одни — чисто материальные (ткань), другие — инженерные (все эти насосы и вентиляторы). Но главный элемент — система охлаждения; без нее Руфусу завтра не выжить.

Высокотехнологичные геокостюмы, какие использовали «Черные шляпы», представляли собой, в сущности, не костюм, а целый чемодан, набитый модульными частями, которые пользо-

ватель мог сочетать в разных условиях по своему усмотрению. Модуль, ответственный за то, чтобы юзер не погиб от теплового удара, именовался «я-фрижератор». В комплект входили несколько я-фрижераторов разных типов. Один из них оптимизирован для условий, где основная угроза — прямой солнечный свет. О пустыне Чиуауа в жаркий августовский день лучше и не скажешь! Основан он был на технологии, изобретенной и запатентованной сто лет назад не кем-нибудь, а самим Альбертом Эйнштейном, который в то время работал в команде с будущим ядерным физиком Лео Сцилардом. Движущихся частей в нем нет, если не считать пары клапанов. Это просто определенная конфигурация трубок, в которых плещутся определенные жидкости: и устроена конструкция так, что когда нагревается одна ее сторона — охлаждается вторая. Не нужен ни мотор для компрессора, ни что-то подобное. Просто открываешь клапаны, нагреваешь одну сторону — и девайс работает. Нагрев под солнцем пустыни организовать проще простого, особенно с суперчерным светопоглощающим материалом и некоторыми другими инновациями, о которых Эйнштейн не знал. В первые сто лет изобретение казалось не слишком практичным и почти не

использовалось: мало ли более эффективных способов что-то охладить! Но в последнее время на него положили глаз в развивающихся странах, где тепло в виде солнца или огня доступнее и надежнее электричества. Производители дорогих и высокотехнологичных геокостюмов, которыми пользовались «Черные шляпы», также использовали такие я-фрижераторы как один из вариантов. И Руфус взялся за я-фрижератор, едва разжился ярким светом и работающим паяльником.

В сущности, паяльник и я-фрижератор объединяла общая проблема. Та часть паяльника, что действительно нужна для работы, — просто набор проводов, которые нагреваются, когда по ним пускаешь ток. Электронные мозги для него необязательны. Приятное дополнение, не больше. Если электронные мозги поджарились, их надо просто исключить из схемы. Верно, «безмозглый» паяльник потеряет некоторые дополнительные функции; в сравнении со своим собратом с мозгами он будет выглядеть пережитком прошлого. Но делать-то сможет почти все то же, что и его мозговитый собрат! Особенно если у того, кто держит его в руках, кое-какие мозги имеются.

Схожим образом и конструкция я-фрижератора

— лабиринт трубок и запечатанных контейнеров со спецжидкостями — сама по себе достаточно проста и обходится без «мозгов». Еще бы: во времена, когда старина Альберт ее запатентовал, никаких мыслящих машин попросту не было! Вся штука в том, чтобы замкнуть его цепи питания в обход «мозгов», как Руфус замкнул паяльник. Верно, включать и выключать костюм придется вручную. Ничего страшного: жарко ему или нет, Руфус уж как-нибудь догадается.

— Эй, мы все хотим знать, чем ты тут занимаешься!

К столу подошла Кармелита, в их маленькой общине игравшая роль «заклинателя Руфуса». Тордис разговаривала с лошадьми. Все, кроме Руфуса, — с орлами. Руфус — с дронами. А Кармелита — с Руфусом. Научилась этому еще на ранней стадии знакомства, когда они совсем друг другу не нравились: поэтому ей было легко говорить с ним с грубой прямотой, а он не стеснялся отвечать тем же. Потом они лучше узнали и оценили друг друга, но привычка осталась.

— Раз уж явилась мне надоедать, не подбросишь ли поленьев в костер? — отозвался Руфус, не поднимая головы. — Чтобы проверить эту штуку, нужен источник тепла.

Кармелита выполнила просьбу, затем села напротив.

— Серьезно, Рэд, что это за хрень?

— Мы на войне, — ответил Руфус. — Значит, надо идти на звук стрельбы. Лучше всего выйти до рассвета.

— Какой еще стрельбы? Я ничего не слышу!

Руфус вздохнул.

— Поговорка такая. Еще из времен Гражданской. Она значит: идти туда, где будет жарко. У нас это Пина2бо.

— И ты хочешь заставить заработать этот костюм?

— Попробую.

— А дальше что, Рэд?

— Я же сказал, выеду до рассвета.

Послышались шаги. Подняв голову, Руфус увидел Тордис; за ней в фарватере следовали Пит и Цолмон.

— На Билдаде? — спросила Кармелита.

— На Пеглеге. Для старины Билдада я слишком крупный, Пеглег мне по размеру больше подойдет.

А еще, хоть Руфус и не желал в этом признаваться, он так и не простил Билдаду, что тот предпочел ему Тордис.

— Но у Пеглега геокостюма нет.

— Когда солнце поднимется настолько, что для Пеглега это станет проблемой, мы уже доберемся до одного овражка, который я приметил. В паре миль от Шестиствольника.

— Овражка?

— Низины, где есть тень и вода. Там Пеглег спокойно отдохнет до вечера, а потом сам найдет дорогу домой.

— А ты, значит, последнюю пару миль пройдешь на своих двоих.

— Ага.

— Дай-ка подержу.

Кармелита взяла в руки фонарь, который Руфус пристроил на соседнем камне, и подняла под углом, обеспечивающим хороший обзор. Теперь Руфус мог работать с мелкими элементами при помощи увеличительного стекла.

— Рэд, а как же дроны?

Это заговорила Тордис. Она и прочие подошли ближе и встали кружком вокруг стола. Пит — чудаковатый, педантичный и нелюдимый, из тех, кто методом проб и ошибок обнаруживает, что со зверушками ладит лучше, чем с людьми, — приблизился вплотную и заглянул ему через плечо.

— А ты, Пит, доставай-ка свой блокнот и все

записывай, — предложил Руфус. — Будет у нас инструкция, что делать во время блэкаута. Или хотя бы список, чего делать нельзя.

Пит не ответил, но Руфус услышал щелчок шариковой ручки и шорох страниц блокнота, который Пит всегда носил с собой в особом кармашке.

— Ты не ответил на вопрос Тордис, — настаивала Кармелита.

— Мы следим за тем, что происходит, — сказала Тордис. — У этих нападающих, откуда бы они ни были…

— Из Индии, — вставил Руфус.

— У них, похоже, сотни дронов! И непонятно, сколько людей.

— По моим прикидкам, людей очень мало, — ответил Руфус.

— Так или иначе, у них дроны с огнестрельным оружием. И кто знает, что еще.

— Согласен, Тордис.

— В пустыне негде спрятаться. Дроны заметят нас за милю.

— Значит, пойду один, — ответил Руфус. — Должен же кто-то стать Гектором в этой «Илиаде».

— Гектором?

— Защитником. Тем, кто встанет у захватчиков

на пути. Персонал на Пина2бо они, возможно, разоружили и согнали в одно место, как и людей на плато. Но обо мне они, скорее всего, не знают. И не подозревают, что надо следить за старым Мраморным карьером. Этого в их плане не прописано.

— То есть ты пойдешь в любом случае, с нами или без нас. Ты это хочешь сказать, Рэд? — спросила Кармелита. — Ну так дроны тебя просто пристрелят! Но если мы прикроем тебе спину…

— Как действует жара на орлов? — спросил Руфус.

— Они находят подходящий воздушный поток и поднимаются выше, туда, где холоднее. — Первая реплика Цолмон в этом разговоре — и, весьма вероятно, последняя.

— Суть вот в чем, — заговорил Руфус. — Что бы ни планировали эти ребята, им нужно сделать это *быстро*. Они поджарили всю электронику здесь, на ранчо, и получили фору. Но…

— На безопасном расстоянии отсюда, за пределами некоего радиуса, все по-прежнему работает, — вставил Пит.

— Именно. Так что завтра здесь появится кавалерия. И наши сукины дети об этом в курсе. Может быть, хотят использовать заложников,

чтобы потянуть время. Так или иначе, завтра им придется что-то сделать. Что-то серьезное — такое, ради чего стоило всем этим заморачиваться. И я буду там. Хотите взять орлов и присоединиться — буду только рад. У нас вся ночь впереди, успею перепаять «яфы» на всех, — добавил он, сократив «я-фрижератор» до привычного сленгового названия.

Он поднялся на ноги и взял со стола «яф». За последние несколько минут Руфусу удалось найти у него выключатель: пару клапанов, активируемых электромеханическим способом, контролирующих циркуляцию жидкости по запаянным трубкам. Он освободил провода, зачистил и закоротил, создав новую простую цепь из аккумулятора, выключателя и резистора. Щелкнув выключателем, услышал, как задвигались клапаны. Руфус не сомневался, что включил девайс. Впрочем, нетрудно проверить. Он повесил костюм над догорающим костром, повернув к огню «горячей стороной» — черной и плоской, идеально поглощающей тепло. Кто над чайником стоит, у того он не кипит — так что Руфус отвернулся и отошел от костра на пару шагов.

— За этих птиц вы в ответе, — сказал он. — Вам и решать.

— Пусть для начала займутся теми, что помельче, — предложила Кармелита. — Видеодронами. Выклюют им глаза.

На лице Тордис отразилось глубокое сомнение.

— Вопрос в том, — заговорила она, — нам-то это зачем? Почему мы должны воевать за Т. Р.?

— Не за него, а за Рэда, — вставила Цолмон.

— Хорошо. А ты, Рэд, почему идешь воевать за Т. Р.?

— Помимо того, что Т. Р. мне платит за охрану его территории? — спросил Руфус, глядя ей прямо в глаза.

Но уже понимал, что таким аргументом много не выиграет. До чего же древним и устарелым чувствовал он себя сейчас, со своими понятиями времен команчей и рейнджеров! И ведь она по-своему права. Что они могут сделать? Ни транспорта, ни средств связи. Можно остаться здесь и спокойно ждать кавалерию: никто не упрекнет их в бездействии, а Т. Р. о них даже не вспомнит.

Руфус раздумывал о том, стоит ли сказать им правду — назвать свой главный мотив. Там, на Пина2бо, — Саския. Он узнал, что она прилетает, из переговоров «Черных шляп» по общему каналу вчера днем — задолго до того, как все началось.

Быть может, эти дроны сейчас угрожают ей. И какая-то первобытная логика властно требовала от него скакать туда и попытаться ее спасти. Но Руфус не был уверен, что в таких чувствах стоит признаваться этой компании.

— Зачем нам так рисковать, — продолжала Тордис, — ради какого-то безумного плана по изменению климата?

Руфус задумался над ее словами.

— Видишь ли, — ответил он наконец, — климат уже изменили без нас. Мы *уже* летим куда глаза глядят в машине с заблокированными тормозами и без водителя. Врезаемся во что-то, сбиваем людей. Выйти не можем. Но кто-то может хотя бы схватить руль. Т. Р. — не идеальный человек за рулем, согласен; но он хоть что-то делает. И хочет сделать как лучше. Вряд ли ему хочется засушить Пенджаб и уморить голодом Индию. Можно его критиковать. Но раз уж есть возможность ему помочь — я лучше помогу.

Он потянулся за «яфом», пощупал синтетическую ткань — очень, очень холодную. Но взгляд его не отрывался от костра, где потрескивали сухие ветки, вздымая в воздух россыпи искр.

— Это объяснение для мозгов, — сказал он. — А настоящий ответ — в Библии. «Человек рождает-

ся на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх»[106]. Слишком долго я прятался в этой норе от своей судьбы.

К тому времени когда Лакс снова сел в свой шести-коптер, тот успел превратиться в пяти-коптер.

Майор Раджу давно его покинул и сейчас, должно быть, уже перебрался через реку в Мексику. Не меньше часа Лакс бродил по плато и рубил опоры для сетей, а операторы фиксировали каждый его шаг. По тому, как они занимались своим делом, и по нескольким подслушанным репликам на хинди Лакс понял, что они не ведут стрим. Просто снимают сырой материал, который потом нарежут и выложат в отредактированном виде. По здравом размышлении, не лишено смысла. Когда к Лаксу вернулись рассудок и память, он ознакомился с поразительным по объему корпусом видеоматериалов о Большом Лососе, обеспечившим его стремительное восхождение к славе. Авторы роликов уделяли много внимания его скромному происхождению и рабочей профессии, тому, что у себя дома он ловил рыбу и работал сварщиком. В какой-то момент даже

---

[106] Примечания: 106
Иов 5:7.

потрудились нанять на денек сварочный аппарат и сняли, как он шлифует металл и работает резаком — две сварочные операции, любимые кинематографистами, поскольку высекают тучи искр. Лакс, срезающий огненной дугой стальные столбы, отлично вписывался в эту сюжетную линию.

Так или иначе, до сих пор все шло по плану (по крайней мере, насколько мог судить Лакс — обсудить с ним план никто не удосужился). Элемент случайности вносили разве что использованные снаряды, падающие с неба каждые семь с половиной минут. Прямо-таки идеальные условия для несчастного случая. Как устроены эти снаряды, Лакс не знал, но легко было догадаться, что они должны приземляться прямо в сети. Возможно, их встроенная электроника подсказывала, в каком направлении лететь, или траектория полета была рассчитана так, что они неминуемо приземлялись на плато. Но вполне вероятно и то, что на последнем этапе полета их вели к благополучному приземлению какие-нибудь роботы-диспетчеры. Однако теперь все они отключились. Одни снаряды — как тот, что они с майором Раджу увидели первым, — по-прежнему падали в сети, другие нет. И даже те, что шли

верным курсом, порой попадали в сеть, опоры которой Лакс уже успел подрубить.

Через полчаса работы он увидел, как снаряд грохнулся на твердую землю, прикрытую выведенной из строя сетью. Поднял вокруг себя тучу пыли и мелких камешков — и кувыркался по земле еще метров сто, пока не остановился, в облаке оранжевого шелка и перепутанных строп. Как видно, перестали работать и механизмы, отделяющие снаряд от парашюта.

Кадры получились отличные, но очевидна была и опасность, так что остаток своей миссии операторы провели, разрываясь между ужасом и восторгом, пока эти призрачные гости с небес один за другим валились кто куда. Лакс же попросил сообщить, если снаряд будет падать прямо на него, поправил очки и вернулся к работе.

Таких предупреждений он не слышал; поэтому удивился, но не особенно обеспокоился, когда операторы вдруг завопили во всю глотку. В этот момент Лакс был занят очередным столбом. Издалека доносились звуки, которые он уже привык связывать со свободным падением снарядов, но падали они где-то далеко и не приближались. Так что он не обращал внимания и продолжал рубить столб. На этот раз операция заняла довольно мно-

го времени: похоже, разряжались аккумуляторы резака, да и баллон со сжатым воздухом почти опустел.

Он выключил аппарат, снял очки и оставил их болтаться на шее, а потом обернулся посмотреть, что за шум. Оба оператора его покинули: мчались рысью по неровному плато так быстро, как только позволял тусклый лунный свет, назад — туда, где он оставил свой беспилотник. Лакс бросил резак и последовал за ними.

Что ж, по крайней мере, попадание не было прямым. Не совсем понятно, что именно произошло: все шесть лучей и восемнадцать лопастей беспилотника опутывали стропы снаряда. Судя по всему, снаряд в падении зацепил дрон своей снастью, поволок за собой — и протащил по земле метров десять, приложив по дороге обо все встречные камни. У Лакса нашелся складной нож — и очень кстати: иначе они распутывали бы эти стропы до рассвета. А так, чтобы освободить беспилотник и оценить ущерб, хватило пятнадцати минут.

Один из шести опорных лучей оказался безнадежно поврежден. Эта полая трубка из углеволокна не оторвалась при падении, но надломилась посередине и теперь болталась под углом.

На другом луче погнулся пропеллер, но, кажется, не окончательно вышел из строя. Операторы теперь нашли себе новое применение: снимали поврежденные детали и отсылали фото специалистам в Индию.

Центральная полость беспилотника, с местом для пассажира и несколькими багажными отсеками, тоже выглядела так себе. Сперва Лакс боялся туда даже соваться — на первый взгляд ему показалось, что дело совсем худо. Но, приглядевшись, он понял: хотя большая часть деталей дрона изготовлена из жестких материалов, дверцы у багажных отделений упругие — с ними ничего не случилось. Две или три перекосились, одна висит на одной петле; но это, в сущности, косметический ущерб. Самое страшное, что может произойти, — во время полета из этого отделения что-нибудь выпадет.

В ящике для инструментов единственного оставшегося здесь автомобиля, разумеется, должен был найтись моток клейкой ленты. Один оператор бегом отправился за ним — и принес, держа перед собой обеими руками, словно Горлум кольцо. Под пристальными взглядами камер Лакс залатал поврежденные дверцы. Заодно заглянул в багажные отсеки: что там — до сих пор

оставалось ему неизвестно. В самом крупном (у которого дверца отлетела почти совсем) нашелся предмет достаточно очевидный: геокостюм пустынно-камуфляжной расцветки. В других — продукты и вода. Еще в одном — на удивление тяжелый кожаный портфель. Резкий голос в наушниках приказал Лаксу его не трогать, только убедиться, что он надежно закреплен.

Беспилотник мигал россыпью предупреждающих огней и сигналов «системной ошибки», отчего сделался похож на огромный диско-шар. Следуя инструкциям из Индии, Лакс извлек из ящика с инструментами складную пилу и ампутировал поврежденный «луч». Затем заклеил концы обрезанных проводов, торчащих из обрубка. Дрон, заверили его, вполне способен летать и лишившись одного винта. Поврежденный пропеллер с другой стороны вызывал некоторое беспокойство, но короткая проверка на практике показала, что беспилотник по-прежнему легко отрывается от земли. Следующие несколько минут Лакс посвятил выключению сигналов тревоги, стиранию сообщений об ошибке, отключению защитных блокировок — словом, успокоил перепуганную машину и убедил ее продолжить путь.

Наконец он снова поднялся в воздух и двинулся

дальше, вглубь Техаса. К следующему этапу своей миссии. Две сетки остались висеть — ну и черт с ними. Главное, все, что требовалось заснять, снято и загружено на какой-то индийский сервер. Операторы уже ехали в сторону Мексики. А Лаксу нужно было спешить: из разговоров за последний час он понял, что из-за поломки сильно выбился из графика.

В период выздоровления, когда Лакс уже вышел из комы, но еще не восстановил чувство равновесия, его много возили по Киберабаду на кресле-каталке. Нет нужды пояснять, как тяжело он переживал невозможность ходить! Но к этому добавлялся еще один, не столь очевидный источник раздражения: Лакс не мог контролировать свои передвижения. Куда свернуть — решал санитар, толкающий кресло. Однако в те дни Лакс хотя бы мог с ним поговорить: спросить, куда его везут, попросить о чем-то.

Вот и теперь похожая ситуация. Он не управляет беспилотником — да и не может управлять, в нем нет контрольной панели. Только садится в кресло: всем остальным — стартом, полетом, посадкой — занимается пилот на другой стороне земного шара, скорее всего, на какой-нибудь военной базе в окрестностях Дели. И с ним, в

отличие от санитара, даже не поговоришь.

Так что, когда в ходе полета на север, около часа ночи, у беспилотника, судя по всему, закончилось горючее и он совершил явно незапланированную посадку в горах, Лакс даже испытал некоторое облегчение.

По крайней мере, дрон был снабжен световыми индикаторами — теми, что дядя Дхармендер именовал «идиотскими огнями». Водителю они сообщают, что посреди трассы в машине *внезапно* подошло к концу моторное масло, тормозная жидкость или что-нибудь еще. Эти «идиотские огни» составляли один из столпов семейного благополучия: именно повинуясь их указаниям, водители обычно заезжают на заправку пополнить запасы.

У беспилотника «идиотские огни» представляли собой разбросанные по экрану иконки, но служили той же цели. Важнейшая из них помогала пилоту/пассажиру не оказаться высоко над землей в тот момент, когда у дрона сядет аккумулятор. Эта иконка, когда Лакс стартовал с плато, светилась желтым, вскоре после этого стала оранжевой и превратилась в красную, когда дрон начал набирать высоту в попытке перевалить через горный хребет. Лаксу никто ничего

объяснить не удосужился: он сам сообразил, что этот хребет отделяет его от цели. Где-то во чреве индийского военно-промышленного комплекса прямо сейчас, должно быть, кого-то отстраняли, увольняли, понижали в звании, быть может, даже арестовывали за такой провал: не предвидеть происшествия со снарядом и неверно рассчитать заряд аккумулятора, необходимый, чтобы перенести Лакса через горы.

Так или иначе, беспилотник отклонился от своей прямой, как лазерный луч, траектории и принялся снижаться, демонстрируя все признаки ручного управления. Порыскав несколько секунд вдоль склона горы, опустился на наклонную площадку серой каменистой осыпи. Красный огонек к этому времени уже мигал и отсчитывал секунды. Дрон приземлился за шесть секунд до конца отсчета, и оставшиеся капли электроэнергии употребил на то, чтобы развернуть ряд черных солнечных батарей. Когда взойдет солнце, он начнет перезаряжаться.

Для тех, кто планировал миссию, это, видимо, был серьезный просчет, а вот Лакс только обрадовался. Он отстегнул ремень безопасности, выбрался из своей «Летучей каталки» и зашагал вверх по склону к вершине в нескольких сотнях

метров, ясно различимой в свете луны. Как и со многих других горных вершин, с нее вовсе не открывался захватывающий вид: озираясь вокруг, Лакс видел только другие вершины, которые, возможно, могли похвастаться видом получше. И все же у него было чувство, что если идти вперед — дорога скоро пойдет под уклон и приведет его в низину. Там, возможно, он и найдет долину Пина2бо и в ней Шестиствольник — цель его путешествия.

Когда он возвращался к дрону, на виртуальном экране перед ним засветилась новая презентация. Он чуть не навернулся, перестав видеть камни под ногами. Лакс сорвал очки, поморгал несколько секунд, восстанавливая зрение в темноте, и продолжил свой путь. Увидел он достаточно — и запомнил текст на виртуальной странице:

ОПИСАНИЕ МИССИИ

ФАЗА 2 (ПЕРЕСМОТРЕНА)

ПОЛНОЕ ВЫВЕДЕНИЕ ИЗ СТРОЯ КЛИМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ «ПИНА2БО»

РАНЧО «ЛЕТЯЩАЯ S», ТЕХАС

Луна отбрасывала длинные тени; найти дорогу в этом призрачном свете было не так-то легко. На несколько секунд Лакс даже забеспокоился: что, если заблудится? Но скоро впереди замигал красный огонек: одна из «идиотских иконок» на экране дрона. И сама собой родилась в сознании странная и тревожная ассоциация: «идиотские огни»; дядя Дхармендер, который познакомил его с этим названием, а в последнем разговоре намекнул, что считает идиотом Лакса; и сам Лакс, бредущий сквозь ночь на свет «идиотского огня» — своей путеводной звезды.

Пит занимался ракингом — смысл которого в том, чтобы набить рюкзак чем-нибудь потяжелее и отправиться в путь по пересеченной местности. Когда, вскоре по приезде в Западный Техас, он впервые объяснил это Руфусу, тот посчитал, что нидерландец над ним издевается. Все равно что превратить в экстремальный спорт чистку картошки или мытье туалетов на скорость! В армии без этого не обойтись, но с чего бы сорокалетнему человеку, никогда не служившему, заниматься этим по доброй воле? Что в этом интересного? Однако приходилось признать: Питу это занятие подходило как нельзя лучше. И объясняло, почему он согласился отправиться

на другой конец света, в техасскую пустыню. В зимние месяцы, когда гулять на воздухе здесь было даже приятно, Пит звал с собой в походы Тордис, потом и Цолмон — и возвращались они всегда усталыми, но довольными. Быть может, для парня вроде Пита проще общаться с людьми так, чем, скажем, на вечеринке за пивом. В летние месяцы его спортивный режим немного сбился: ходить теперь удавалось только ранним утром, и Пит начал на глазах набирать вес. Но в целом форму сохранил и был вполне готов ко всему, что произошло дальше.

В рюкзак для сегодняшнего путешествия Пит уложил геокостюм и несколько литров воды. Прежде чем уйти, оставил прочим сокольникам подробнейшие инструкции, как заботиться о Скиппи. Пока что она прохлаждалась у себя в ящике, не ведая, какие потрясения ее ждут; но проснется — и увидит рядом не любимого хозяина, а совсем других людей! Руфусу, слышавшему этот разговор, показалось, что Пит мучается угрызениями совести и чуть ли не всерьез горюет оттого, что приходится покинуть свою питомицу на несколько часов. Девушки заверили, что ничем ее не обидят и не обделят, — и Пит опрокинул в себя махом литровую бутылку воды,

взвалил на плечи рюкзак и рысцой двинулся по дороге. Руфус вручил ему револьвер — для защиты от диких свиней. Выбравшись из плена почти вертикальных стен каньона, примерно в миле отсюда, Пит должен взобраться на нижний ярус горного кольца, окружающего Пина2бо, и идти по нему, пока впереди не покажутся Шестиствольник и соседние строения — скорее всего, это произойдет на рассвете. Ему предстоит разведать все, что можно, попытаться понять, что там происходит, и связаться с остальными — лично или, если не удастся, послав с помощью зеркала световой сигнал.

Едва Руфус понял, как замыкать питание в геокостюмах, дело пошло веселее. Он думал даже, что сейчас все закончит, а потом поставит будильник на четыре и пару часиков вздремнет. Потом сообразил, что поставить будильник не удастся. Все часы у него электронные. Механических часов, наручных или настольных, у Руфуса в жизни не было. Будь у него карта звездного неба, можно было бы определить время по восхождению астрономических тел, но этим сложно заниматься, когда спишь. И потом, откуда взять такую карту, если нельзя скачать из Интернета?

Так что ложиться он не стал. И скоро понял,

что так и так был прав. Что бы там ни задумал Большой Лосось — очевидно, он с этим тянуть не станет. Может, уже все и сделал. Ясно ведь, что очень скоро здесь появится подкрепление — «Черные шляпы» или копы. И когда до этого дойдет, Индия сможет держать их отсюда подальше только одним способом — угрожая заложникам. Таким, как Саския.

— Выходим немедленно, — объявил он. — Как только все будут готовы.

Закончив с последним геокостюмом, встал из-за паяльника. Осторожно переставляя ноги — глаза еще не привыкли к темноте, — прошел сотню футов к тому месту, где Тордис, Кармелита и Цолмон готовили к экспедиции Билдада, Пеглега и мулов Тракера и Пэтча. Представшая Руфусу картина свидетельствовала о том, чего он никогда не понимал: способности нескольких людей координировать свою работу. В его представлении пытаться работать вместе с кем-то означало попусту тратить время. Как заставить другого делать то, что тебе нужно? В этом ощущается какая-то черная магия: непонятно, как этому научиться, да и пробовать не тянет. В армии проще: там достаточно отдать приказ.

Но эти три женщины словно принадлежали

к какому-то иному виду. Пока он в одиночку возился с паяльником, они работали вместе, тихо, четко, слаженно, — и сделали все, что нужно. Ящики с Нимрод, Чингизом и Скиппи были надежно закреплены на спинах коней и мулов. Руфусу подумалось, что болтанка выйдет еще та, — но, в конце концов, что он знал о вкусах орлов? Когда живешь в гнезде из прутиков на вершине утеса, быть может, поездка на спине мула для тебя как сон на мягком матрасе.

Упаковали они не только орлов, но и все остальное — так же быстро, тихо и надежно. Руфус хотел спросить, хватит ли им воды в дорогу, но вовремя понял, что такой вопрос будет граничить с оскорблением.

Когда он подошел, Кармелита шагнула ему навстречу.

— Мы решили пойти с тобой, — объявила она.

— Зачем? — ответил Руфус. — Если можно спросить.

— Ради нашей профессии.

— Профессии сокольников?

— Ну да. В кои-то веки представилась возможность совершить что-то героическое! И если мы просто ответим: «Да ну его…»

— После этого не сможете смотреть в глаза

другим сокольникам?

— Именно.

— У кого-нибудь есть представление, сколько сейчас времени?

— Час пятьдесят шесть, — ответила Кармелита, взглянув на механические часы на запястье.

— Что ж, по коням!

— Мы-то готовы. А ты? — Кармелита оглядела его с головы до ног. — Я думала, ты по-боевому снарядишься!

Это выражение напомнило Руфусу старый рэп.

— Ты про огнестрел? — спросил он.

— Ну да, — ответила она. — У тебя же с собой ни одного ствола.

— Пойду поищу себе что-нибудь, — ответил он. — Долго не задержусь. Пока попейте воды.

ПОЛНОЕ ВЫВЕДЕНИЕ ИЗ СТРОЯ

КЛИМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ «ПИНА2БО»

Вернуться к первому слайду презентации и его перечитать Лакс не мог. Такие вещи прокручивались только в одном направлении. Должно быть, программа ориентировалась на движения его глаз или что-то в этом роде; так или иначе, она понимала, когда Лакс заканчивал читать, и переходила к следующему слайду, а предыдущий

уничтожала. Однако прежде чем сорвал очки, он успел запомнить эти слова. Но в чем их смысл?

Чтобы это выяснить, пришлось подождать. Подойдя к вышедшему из строя беспилотнику, Лакс получил инструкции поесть, попить воды, вздремнуть, если удастся. Как ни удивительно при таких обстоятельствах, ему в самом деле удалось поспать. Кто знает, спросил он себя, не вкрутили ли ему в голову какой-нибудь микрочип, позволяющий мгновенно его вырубать с другой стороны земного шара и будить, как только он вновь потребуется Индии?

Быть может, во время этой передышки большое начальство решало, что выйдет быстрее: подождать восхода и перезарядить беспилотник, а потом направить его прямо к цели или отправить Лакса пешком. Лакс мог бы им сказать, что дойти пешком определенно выйдет быстрее; но индийские бюрократы его не спрашивали. Так или иначе, в три часа ночи его разбудили и предъявили новое описание миссии, предполагающее пешую ходьбу. В одном из багажных отделений дрона нашлось несколько черных пластмассовых стержней и черная мелкоячеистая сетка на липучках; все это можно было собрать вместе и превратить в рюкзак, неожиданно жесткий,

прочный и почти ничего не весящий. Впрочем, ненадолго: следующий приказ требовал от Лакса загрузить туда тот самый на удивление тяжелый портфель, который всего несколько часов назад не велели трогать. Чтобы надежно закрепить портфель в рюкзаке, потребовались имеющиеся тросы и клейкая лента. Осталось немного места — туда Лакс положил ключевые элементы геокостюма и несколько фляг с водой. Затем взвалил рюкзак на спину, поправил лямки и двинулся в путь.

Несколько минут спустя он снова поднялся на ту вершину, где был недавно, и здесь остановился, чтобы поправить тяжелый рюкзак. Вдруг что-то привлекло его внимание. Он обернулся и взглянул туда, где оставил беспилотник. «Летучая каталка» пылала, охваченная пламенем.

Лакс отвернулся и зашагал дальше. Кругом было тихо, не считая еле слышного мурлыканья дронов, что следовали за ним в каком-то сложном порядке; он слышал их, чувствовал их присутствие, но не видел.

Следующий звук, донесшийся до Лакса — если не считать звука его собственных шагов и миниоползней, что вызывал он порой, спускаясь по крутому склону в долину, — был человеческий

голос. Бодрый энергичный голос, раздавшийся на удивление близко:

— Прекрасное утро для ракинга, не правда ли?

Замечание вырвало Лакса из глубокой сосредоточенности. Когда он начинал свой путь, было еще темно; и сейчас солнце еще не встало, но посветлело уже достаточно, чтобы разглядеть окрестности. Лакс спускался по опасному склону, крутому и неровному, сплошь поросшему колючками, направляясь к «климатическому оружию» Пина2бо, которое уже ясно виднелось в паре миль впереди. До сих пор все внимание он направлял на то, куда поставить ногу и как балансировать с тяжеленным рюкзаком на спине, чтобы не подвернуть лодыжку, не вывихнуть коленку, не полететь с горы кувырком и не напороться на какой-нибудь колючий куст. Лакс был уверен, что он уже почти внизу, что еще немного — и идти станет легче. Оказалось, нет.

Чего он никак не ожидал — это наткнуться здесь на другого пешехода! Случайность? Едва ли. И какого хрена делают все эти дроны, почему не заметили чужака и его не предупредили?

Возможно, у них тоже разрядились аккумуляторы. Никто ведь не планировал, что Лакс попрется через пустыню пешком. Но солнце вот-вот вста-

нет — все они скоро смогут перезарядиться и его догонят.

Незнакомец был высоким и тощим, с редеющими светлыми волосами и каким-то помятым лицом. И, похоже, понимал, что внезапное появление у Лакса на пути требует объяснений.

— Я вас заметил с полчаса назад, — сообщил он. — Увидел ваш силуэт на фоне неба, там, на вершине. А спуск с горы тут довольно неприятный, так что я решил устроить привал и заодно убедиться, что с вами все благополучно.

По-английски он говорил с сильным акцентом, Лаксу незнакомым.

— Спасибо. — Лакс и сам подумывал устроить привал; он отстегнул нижнюю лямку рюкзака, обхватывающую пояс, и опустил рюкзак на землю, а сам выпрямился, расправил плечи и с наслаждением потянулся.

— Вы ведь знаете, связи сейчас нет. Так что, если с кем-то что-то случится, полагаться можно только друг на друга.

Как-то слишком уж многословно и старательно этот парень объяснял, что тут делает, — и в голове у Лакса прозвучал сигнал тревоги.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил он.

Но в этот миг его прервал голос леди из аэропорта:

— Стоять! Разведите руки в стороны и держите на виду. Избегайте резких движений. Неповиновение вызовет автоматическую защитную реакцию, способную привести к серьезным повреждениям.

Оба обернулись — и обнаружили на фоне дивно сияющих (благодаря выбросам серы в стратосферу) утренних небес силуэты нескольких дронов. «Наконец-то!» — подумал Лакс. Успели, видно, подзарядиться.

— Бог ты мой! Такого я не ожидал! — не слишком убедительно воскликнул незнакомец.

Повиновался он сразу и четко, так что дрону не пришлось повторять приказ. Сощурился, глядя вверх.

— Что это у них там? Эти штуки *вооружены?*

— Да.

— Как это… по-техасски!

— На самом деле они не отсюда, — сказал Лакс. — И не станут стрелять, если вы пойдете за стрелкой.

— За стрелкой?

Лакс огляделся вокруг. Незнакомец проследил за ним взглядом. В ярком утреннем солнце ла-

зерную стрелу труднее было разглядеть, но она была здесь.

Лакс пожал плечами.

— Лучше подчинитесь. Вам ничего плохого не сделают, просто отведут к другим…

Пленникам? Заложникам? Узникам?

— …людям.

Вспышка привлекла внимание Руфуса через час после того, как над Пина2бо взошло солнце.

Он в одиночку гнал Пеглега по открытой равнине, вдоль подножия горного хребта. Сам оставался в тени гор — а Шестиствольник купался в янтарном свете утреннего солнца. Ближе к Руфусу, примерно в миле, виднелся Центральный. Немного подальше — сам комплекс Шестиствольника, в основном затянутый маскировочными сетками, однако хорошо заметный из-за копра и шести воздетых в небо стволов с массивными «глушителями». Однако вспышка, которую заметил Руфус, исходила не от Шестиствольника. Сверкнуло и погасло на открытой территории между Центральным и подножием горы.

Первая мысль Руфуса: что-то взорвалось. Старинный инстинкт — наследие службы в местах, где приходится опасаться растяжек, — заставил напрячься в ожидании взрывной волны. Однако

в следующую секунду он понял: кто-то сигналит ему зеркалом. И несложно догадаться кто.

Прочие следовали за ним параллельным курсом, выше по склону. Дорога там была хуже, к тому же они старались держаться не на виду, так что продвигались медленнее. Руфус спешился, чтобы дать им себя догнать, и достал из полотняного чехла, притороченного к седлу, винтовку. Сегодня он взял с собой не калашникова, а винтовку с прицелом, ту, что собрал сам для отстрела крупных кабанов на больших расстояниях.

Новая вспышка. Обернувшись и взглянув вверх, Руфус увидел, как по склону горы мечется вверх-вниз солнечный зайчик; это Пит вращал зеркало. Передать сообщение он не мог: для зеркал не существует азбуки Морзе. Но и случайный луч нес в себе немало информации. Руфус отыскал клочок земли, где можно было лечь плашмя, не опасаясь, что в брюхо тебе вопьется сотня колючек. Положил один камень на другой, на эту подставку — ствол винтовки, снял с прицела защитный чехол. Взглянул через прицел, водя стволом туда-сюда в том направлении, где заметил вспышку. Искал он несколько минут и наконец заметил одинокую человеческую фигуру, бредущую прочь от гор по аллювиальному

руслу реки. Сколько можно было различить с такого расстояния, направлялся человек не к Шестиствольнику — скорее к Центральному. Что вполне укладывалось в общее представление Руфуса о происходящем: дроны сгоняют персонал в одно место и не выпускают. Самих дронов он с такого расстояния не видел даже в прицел, но не сомневался, что они следуют за Питом по пятам. Наверное, Пит незаметно вытащил из кармана зеркальце и послал сигнал, когда остановился облегчиться или вроде того.

Хотел бы Руфус как-то передать эту информацию наверх, Тордис, Кармелите и Цолмон! Но увы. Дай бог, блуждающий лучик света зацепил и их. Может быть, они увидели, что Руфус спешился и высматривает что-то в прицел. На случай, если они все пропустили, он поднялся и изобразил жестами, что смотрит на долину в бинокль. Бинокли у них с собой есть. Если заметят и поймут — увидят то же, что и он.

Тем временем солнце выскользнуло из-за вершины горы и стало подниматься все выше. Секунд десять оно ласково пригревало — дальше начало пригревать совсем не ласково. Раз уж все равно остановился, Руфус открыл седельную сумку, где у него лежал геокостюм, и натянул на

себя его нижний слой — насколько он мог судить, комбинезон из спандекса. Комбинезон был цвета хаки, так что в пустыне не слишком бросался в глаза; хотя камуфляжем его, конечно, не назовешь. На голову Руфус нахлобучил широкополую белую шляпу, а затем, по выражению Кармелиты, «снарядился по-боевому»: на бедро — полуавтоматический пистолет, через плечо на ремне — помповое ружье с запасом патронов. Если из такого ружья можно стрелять по тарелочкам, думалось ему, — почему бы и дроны не сбивать?

Все это заняло немало времени. И из-за этого, и из-за того, как медленно приходилось двигаться сокольникам, Руфуса мучило чувство, что они намертво здесь застряли, что безнадежно отстали от противника и попусту истратили самую прохладную часть дня. Оглядываясь назад, он поверить не мог, что всерьез надеялся выкроить еще пару часов на сон.

Наконец он снова сел в седло и погнал Пеглега вперед, к Шестиствольнику.

Оказавшись наконец на плоской равнине, отделявшей Шестиствольник от гор, Лакс уже не знал, что и думать о дронах. С одной стороны, без них вся операция была бы немыслима. С другой — как же они зависят от аккумуляторов! Большой

беспилотник вынужден был сесть, не долетев до цели, из-за того, что кончился заряд, — а за ним, по цепочке, вышли из строя и маленькие дроны, принужденные следовать за Лаксом на малой скорости. Те из них, что еще работали, отвлек на себя этот чудаковатый блондин, и Лакс остался без прикрытия. Ему приказали сесть и сидеть тихо, пока еще пара дронов расправила под солнечными лучами свои черные фотокрылья и принялась перезаряжаться.

С третьей стороны (или все еще со второй?), готовясь к воинским подвигам, Лакс честно пытался читать книги по военной истории и вынес оттуда, что армии на марше постоянно чего-то недостает. Главная ее проблема: откуда и как пополнять энергию? В самых разных формах: провиант для солдат, трава для лошадей, топливо для машин. А в наше время, например, электричество для дронов. Гитлер, вторгшись в Россию, застрял посреди зимы в таком месте, откуда уже *видел* Москву! Вот так и Лакс, вторгшись на ранчо «Летящая S», застрял посреди лета в месте, откуда уже видит огромные глушители на стволах Шестиствольника, поднимающихся из вороха камуфляжных сетей.

Между тем высоко в небесах уже кружили са-

молеты и вертолеты. Как видно, внешний мир узнал, что на ранчо что-то не заладилось.

Насколько понимал Лакс, те, кто сейчас смотрит оттуда вниз, должны увидеть толпу работников ранчо, собранных в районе жилых трейлеров под охраной дронов, и понять, что все эти люди — для их же безопасности, разумеется, — задержаны до тех пор, пока индийская армия из одного человека выполняет миссию по «климатическому миротворчеству»: наносит по Шестиствольнику точнейший, тончайший, хирургически выверенный удар. В этом и состоит задача Лакса. Он повторил в уме свою задачу, сформулированную в последней презентации. Дойти до «копра» — найти его несложно, это самое высокое здание. Его видно даже отсюда. На первом этаже копра имеется вход в лифт. Лифт ведет в глубокую шахту, где на глубине нескольких сот метров, надежно защищенный скалистой породой, скрывается механизм Шестиствольника. Задача Лакса — доставить портфель с таинственным грузом на самое дно шахты. Если лифт работает, достаточно сесть в него и нажать кнопку «вниз». Но такой сценарий крайне маловероятен. Согласно данным разведки, шахта представляет собой трубу, открытую сверху донизу. Правда, она загромож-

дена всяким оборудованием, но не настолько загромождена, чтобы в нее нельзя было просто бросить тяжелый портфель и дальше положиться на силу тяготения.

Разумеется, надо быть совсем тупым деревенщиной, чтобы не задаться очевидным вопросом: «А что у меня в портфеле — уж не ядерная ли бомба?». Кажется, таких маленьких ядерных зарядов не бывает… а вдруг бывают? Он слышал об атомных бомбах размером с чемодан. Но у него небольшой портфель. И весит столько, словно там в основном свинец. Где там разместить бомбу?

Он взвешивал это и так и этак, прикидывал разные возможности, пока сидел на земле и ждал, когда зарядятся аккумуляторы. Место было по-своему мирное. Очень тихо — должно быть, оттого что здесь нет почти ничего живого. Впрочем, между камнями шныряли ящерки. На противоположном склоне Лакс заметил коричневого пса. Да нет, какой пес — это койот. Изредка над головой со щебетом проносились птичьи стайки. Где-то в вышине раздался пронзительный крик, и Лакс поднял голову. Орел — или еще какой-то крупный хищник — парил в воздушном потоке над домами на колесах, сгрудившимися за Цен-

тральным. Лакс откинулся назад, опираясь на локти, чтобы получше его рассмотреть. Орел сделал круг, еще круг, потом вдруг сложил крылья и ринулся вниз. Поймал ли кого-нибудь — Лакс так и не узнал; орел скрылся за горой. Должно быть, не повезло какому-нибудь суслику — или что там едят орлы в этой части света.

Всего несколько минут спустя утренняя тишина была нарушена знакомым приглушенным рокотом. Над головой у Лакса пролетел целый эшелон дронов: сперва, повыше, маленькие с камерами, за ними — покрупнее, экипированные огнестрелом, лазерами и прочим. Дроны вели поиск на том участке, по которому Лакс должен был пройти, если встанет и просто пойдет к Пина2бо по прямой. Выглядело довольно глупо: ясно же, что там никого нет! Но ровно до тех пор, пока голос леди из аэропорта не озвучил знакомые приказы. И тут в нескольких сотнях метров — именно там, куда Лакс попал бы через несколько минут, — вскочил на ноги человек, похожий на тряпичную куклу. На нем был камуфляжный костюм — Лакс забыл, как они называются, — из тех, что представляют собой настоящее месиво из лоскутов и полос ткани: они маскируют фигуру и делают ее почти неразличимой человеческим

глазом. Человек встал и вытянул руки в стороны, отчего стал еще больше похож на пугало.

Этот парень сидел здесь в засаде и ждал Лакса! Охотился на него, как на зверя! А ведь Лакс неминуемо подошел бы к нему вплотную и не заметил. Он все еще пялился на противника, пораженный этой мыслью, когда противник сделал именно то, чего делать не стоило, — резкое движение. В руке у него появился пистолет — четко очерченная продолговатая тень на фоне залитой солнцем долины. А в следующий миг до слуха Лакса донеслись раскаты трех выстрелов. Противник дернулся словно в каком-то причудливом танце, упал ничком и остался недвижим.

Еще несколько часов после того, как Саския вместе с Т. Р., Конором и Жюлем спряталась на Нулевом уровне, сверху доносились выстрелы — но все реже и реже. Ей казалось, что и дальше от Шестиствольника, но, сидя в глубокой шахте, об этом было трудно судить. Одного не происходило точно: никто не пытался с ними связаться. Саския предположила, что стая дронов более или менее успешно заставила людей на поверхности разоружиться, куда-то их согнала и теперь очищает район вокруг Шестиствольника от особенно упрямых «Черных шляп», засевших где-нибудь

в укрытиях. Выстрелы раздаются, когда дроны кого-то из них находят.

Тем временем они проверили имеющиеся запасы. Вода — много воды. Схрон с запасом сухих пайков. Туалет того типа, какой устанавливают в трейлерах и на катерах. Несколько стволов и боеприпасы. Впрочем, складывалось впечатление, что против дронов огнестрел бесполезен, — и в любом случае у Т. Р. имеется полуавтоматический пистолет и два запасных магазина на поясе. Нулевой и Минус Первый уровни, на которых располагалось что-то вроде аппаратных, были меблированы парой столов, офисными креслами на колесиках, белыми досками и плоскими экранами. Была здесь и кое-какая техника, но вся она включалась через ноутбуки, так что теперь потеряла всякое значение. Повсюду имелось промаркированное спасательное снаряжение, в первую очередь респираторы с баллонами сжатого воздуха — на случай, если во избежание взрыва комплекс заполнится аргоном.

Ниже Минус Первого и до самого дна шахты смотреть было особо не на что. Эти уровни существовали лишь для того, чтобы давать техникам и ремонтникам доступ к механизму. Здесь и там стояли ящики с инструментами и другим

снаряжением. Некоторые из них, кажется, кто-то попросту забыл здесь на ранних стадиях проекта. В одном ящике Жюль обнаружил набор для верхолазания: длинные, аккуратно свернутые веревки того типа, какими пользуются альпинисты, пара обвязок, а также так называемое устройство позиционирования, или десендер, — то, что позволяет верхолазу закрепиться в любой точке веревки или, в иных обстоятельствах, быстро соскользнуть по ней вниз. По собственной инициативе, закрепив десендер у себя на спине, Жюль поднялся по лестнице до Нулевого уровня в надежде что-нибудь увидеть или услышать. Веревку он там закрепил, чтобы в случае чего быстро спуститься назад. Однако вернулся с пустыми руками: ничего не видно, ничего не слышно, а подниматься выше Жюль не стал, побоявшись, что его заметят.

В сущности, ни ему, ни остальным не хотелось сидеть без дела. При этом заняться здесь было совершенно нечем: только сидеть и ждать, пока ситуация разрешится. Для мужчин тяжело; для Саскии, чья работа до недавнего времени состояла именно в том, чтобы ничего не предпринимать даже в самых критических ситуациях, не то чтобы приятно, но хотя бы привычно.

Разумеется, все это должно скоро разрешиться — так или иначе. Напавшие выиграли время, отключив всю электронику в округе, и, по-видимому, хотят выиграть еще немного времени, взяв заложников. Но сколько они протянут? Несколько часов, самое большее сутки. Скорее всего, кавалерия уже в пути; просто путь сюда неблизкий. Ждать — вот все, что остается.

Так что Саския спустилась на Минус Пятый уровень, устроила себе спальное место и погрузилась в сон.

Много лет назад Руфуса раздражали белые армейские друзья, ждавшие от него какого-то особенного, типично индейского — по их представлениям — поведения. В те дни он еще не развил теорию, которую излагал Саскии в поезде: о том, что команчи — не племя, а образ жизни и состояние души, что «команчность» передается, как вирус, из мозга в мозг; первыми ее подхватили техасские рейнджеры, а за ними — вся Америка. Во времена двух мировых войн и дальше, вплоть до шестидесятых, старозаветные христианские ценности и откровенный расизм еще сдерживали эту эпидемию, но дальше барьеры пали один за другим, и не успели американцы оглянуться — смотришь, уже парни в красно-бе-

ло-голубой боевой раскраске и с причудливыми конструкциями на головах (шлемы как у викингов, уверяют медиа, но Руфус-то знал, что такие шлемы носили равнинные индейцы) штурмуют и грабят Капитолий. Точь-в-точь как команчи во время набегов, эти ребята там не задерживаются. Не пытаются водрузить на купол Капитолия свой флаг или еще что-нибудь такое. Просто являются из тьмы, наносят удар по демократии — и растворяются в безбрежных просторах американских дорог, мчатся прочь на стальных конях, унося с собой несколько полицейских скальпов. Впрочем, в те времена Руфус едва ли смог бы внятно изложить свою теорию белым братьям по оружию. Ему не хватало интеллектуального багажа, чтобы объяснить и доказать, что команчи все-таки выиграли долгую войну — ту войну, что ведется в умах и сердцах.

А ведь до какой-то степени его теория объясняет и то, что происходило сейчас. Как вышло, что им, американцам, поджарили задницу агрессоры с другого конца света, тщательно спланировавшие нападение? Похоже, такова судьба всех воинственных и свободолюбивых племен. Окружающему миру они попросту не нравятся. И если слишком уж буйствуют и начинают создавать

проблемы — кто-нибудь является и наводит порядок. Так поступили белые с индейцами, истребив бизонов. А теперь так же поступают индийцы (другие, из Индии) с белыми, отключив всю их электронику.

Обо всем этом Руфус размышлял, пока ехал вверх по долине и пытался понять, что происходит с орлами. В былые дни у его индейских предков не было ни раций, ни GPS, ни дронов. Чтобы понимать, что творится кругом, им приходилось наблюдать за миром вокруг себя — по большей части природным миром. Делать предположения и догадки. Совсем как впередсмотрящим с «Пекода», что чувствовали направление ветра и волн и по одному далекому фонтану угадывали кита.

Ему, конечно, до всех этих ребят далеко. Но кое-что ясно как день даже недотепе вроде него: например, что сокольники наверху выпустили Скиппи. Может, увидели в бинокль Пита, а может, это просто счастливое совпадение. Следом вылетела Нимрод. Скиппи, поднявшись в воздух, увидела Пита и его узнала. Трудно понять, как ей это удалось с такой высоты: но Руфус уже усвоил, что выражение «глаз как у орла» возникло не случайно и что зрение орлов превосходит все пределы возможного. Скиппи различила одинокую

человеческую фигуру, шагающую к Центральному, там, где Руфусу для этого потребовался бы телескоп. И узнала своего хозяина — если и не с первого взгляда, то чертовски быстро. Она бросилась к Питу. Увидела, что его окружают дроны. И — хоть Руфусу со своего места сложно было разглядеть детали — разделала их под орех! Минуту спустя подлетела Нимрод. Досталось добычи и на ее долю: возможно, это были новые дроны, поспешившие на выручку к предыдущим?

После этого Пит сменил курс и двинулся туда, где, как понимал, ждали Руфус и остальные. Пока дроны вели его в плен, он старался тащиться как можно медленнее, а теперь бежал бегом. Нашел дорогу, идущую по краю долины, — по всем стандартам хуже некуда, но в сравнении с местностью, по которой он брел последние несколько часов, ухоженную беговую дорожку. Руфус потерял Пита из виду, но следил за его передвижением по Скиппи, несшей караул у него над головой. Нимрод же, победив в бою, вернулась к своей хозяйке — Кармелите.

— Я с ним разговаривал! — закричал Пит во все горло, едва оказавшись в зоне слышимости.

— С Большим Лососем?

Пит кивнул. Он стоял, согнувшись, упершись

ладонями в колени, часто дышал и выпаливал слова с перерывами.

— Если по этим горам… не бегают двое Геркулесов в тюрбанах… значит, с ним.

— Куда идет?

— К Шестиствольнику.

— Ну кто бы сомневался!

— Рэд… послушай…

— Слушаю, слушаю.

— Хочу тебе сказать…

— Валяй.

— Он что-то тащит на спине. В рюкзаке. Очень тяжелое.

— Откуда ты знаешь?

— Видно. По тому, как двигается. И когда его снял и поставил на землю…

— Ясно. Какие-то признаки, что это может быть?

— Никаких! Но, Рэд, боюсь, дело серьезное. Очень серьезное.

Руфус испустил вздох и уставился вдаль. Вопросов куда больше, чем ответов. Впрочем, отвечать на них и не нужно. Главное он уже знает: точно, без сомнений, без колебаний знает, что Пит прав. Эта последняя деталь все объясняет. Как вывести из строя Шестиствольник? Бомбить его с возду-

ха бессмысленно — весь механизм под землей. Можно было заслать десантников, чтобы они спустились в шахту и физически все там разнесли. Но это открытая война. А если отправить одного-единственного человека, но дать ему с собой…

— Вот что! — объявил Руфус. — Я еду туда и постараюсь его остановить. Поднимись наверх, к остальным, расскажи им то, что рассказал мне. А потом убирайтесь. Держитесь с наветренной стороны, так, чтобы между вами и Пина2бо была гора. И не останавливайтесь. С наветренной стороны — это главное.

— Слишком поздно, — покачал головой Пит. — Он, должно быть, уже там.

Пеглег вздрогнул; сверху со склона посыпалась струйка камешков и песка. Этот мини-оползень означал, что кто-то спускается сверху. Руфус поднял голову — и увидел, что к ним идут остальные. Тордис, Кармелита и Цолмон спешились и вели Билдада, Тракера и Пэтча в поводу; те уверенно ступали по крутому склону, безошибочно находя дорогу между камней и кактусов. Через несколько минут они будут здесь; дальше им предстоит сесть в седла и помчаться галопом в ту или другую сторону. В битву — или от битвы подальше.

— Некогда обсуждать, — сказал Руфус. — Что

вам делать — решайте сами. Езжайте куда хотите, только быстро. А мне выбирать не приходится.

По лицу Пита было ясно: он совсем не понимает, о чем речь. Неудивительно: ведь Руфус не вел с ним задушевных разговоров. Не рассказывал об Адели и Пятачке. О том, как посвятил жизнь возмездию — и как в самый неудачный момент Саския, свалившись с неба, сделала почти всю работу за него. Как после этого жизнь Руфуса дала какой-то сбой. Словно, когда Пятачка сбил самолет, время остановилось. Встало на паузу. И он никуда не спешил — наслаждался ночью с Саскией, радовался безмятежности Мраморного карьера. Может быть, думал, что так будет всегда. Но теперь кто-то нажал на кнопку и скомандовал: «Вперед!»

Руфус натянул узду, мягко повернув Пеглега в сторону Шестиствольника, и тот зашагал по дороге. Но далеко уйти не успел. Руфус обернулся в седле и громко обратился к четверым, смотрящим ему вслед:

— То, что я сейчас скажу, — чистая правда! Тордис и Пит, я знаю, у вас особые отношения с Саскией…

— Ты о принцессе Фредерике? Бывшей королеве Нидерландов? — педантично уточнил Пит, как

видно считавший нужным даже сейчас придерживаться протокола.

— Да. Так вот: она сейчас там. На Шестиствольнике. И, возможно, ей нужна наша помощь.

Тордис и Пит изумленно уставились друг на друга.

— Да чтоб тебя! — воскликнула Тордис и взлетела в седло.

Руфус повернулся лицом к врагу и пустил Пеглега вскачь.

Казалось, она просыпалась каждые пять минут; из-за этого у Саскии сложилось впечатление, что времени прошло совсем немного. Когда она наконец проснулась, вылезла из-под спасательного одеяла, в которое завернулась с головой, и взглянула наверх, через несколько уровней железных решетчатых полов, — ее ослепил яркий свет, льющийся в шахту. Убежденная, что сейчас глубокая ночь, в первую минуту она вообразила, что сюда спускаются их убийцы — или спасители. Но, взобравшись по лестнице на Нулевой уровень и взглянув на настенные часы, обнаружила, что уже утро. И свет, озаривший шахту, — обыкновенный солнечный свет.

Конор и Жюль устроились на ночлег в противоположных концах Нулевого уровня. Жюль

закутался в одеяло и свернулся под столом, Конор спал, сидя в офисном кресле и положив ноги на стол. Поднимаясь по лестнице, на Минус Первом уровне Саския обнаружила бесформенный сверток из одеял размером с человека и догадалась, что это Т. Р. Минут за пятнадцать все они проснулись, по очереди посетили туалет, а потом устроили то, что в иных условиях можно было бы назвать совещанием на ногах: пили воду, ели энергетические батончики, жалели, что никто не удосужился поставить здесь кофеварку, и обсуждали дальнейшие действия. Сверху не доносилось ни звука. Наконец решили отправить Жюля на разведку. В случае если придется поспешно ретироваться, он просто соскользнет по веревкам. Веревок нашлось всего три, каждая длиной в шестьдесят метров. От Нулевого уровня до поверхности 215 метров. 180 из них покрывают веревки: остается пробел в 35 метров. Идея состояла в том, что Жюль поднимется примерно на 95 метров над Нулевым уровнем и закрепит там веревку, оставив ее свободно свисать вниз. Еще через 60 метров закрепит следующую. Поднимется еще на 60 метров — уже совсем близко к поверхности — и там закрепит третью. Не снимая обвязку и десендер, попробует посмотреть, что

творится снаружи. При первых же признаках неладного соскользнет на 60 метров вниз — это займет всего несколько секунд. Почти с той же скоростью спустится по двум другим веревкам и окажется всего в 35 метрах над Нулевым уровнем. К этому моменту, хотелось бы надеяться, у него будет большая фора перед преследователями, так что остаток пути он сможет спокойно проделать по лестнице.

Вставал, конечно, вопрос: а дальше? Если за Жюлем погонятся плохие парни с автоматами — ну… в общем, тогда уже ничего особо не сделаешь. Но до сих пор никаких «плохих парней» они здесь не видели. Только дроны. А где укрыться от атаки дронов?

Ответ очевиден: в стальном цилиндре, занимающем весь пятиметровый диаметр шахты под Нулевым уровнем, от Минус Первого до Минус Шестого. Попасть внутрь можно через два люка, массивные и прочные, словно двери банковского хранилища. В обе эти дверцы Саския заходила во время экскурсии в прошлом сентябре.

Тот люк, что в самом низу, на Минус Шестом уровне, открывает доступ в нижнюю часть цилиндра — в расположенную ниже поршня так называемую камеру сгорания, где смесь из воз-

духа и природного газа, воспламеняясь, толкает поршень вверх. Люк на Минус Четвертом находится над поршнем — по крайней мере, в те моменты, когда механизм не работает. Он открывает доступ в так называемую насосную камеру, в норме полную водорода, который, сжатый поршнем, и выталкивает снаряд из ствола.

Во время работы механизма и камера сгорания, и насосная камера превращаются в ад на земле. Но уже почти двенадцать часов Шестиствольник не стрелял. Все это время между двойными стенками обеих камер циркулировала охлаждающая жидкость. Сейчас температура там вполне сносная. А от всех остатков горючих и токсичных веществ камеры очищают, наполняя их старым добрым атмосферным воздухом.

Иными словами, можно просто открыть люк, нырнуть в камеру сгорания или в насосную камеру, закрыть за собой дверь — и спокойно там сидеть. Если станет душновато, приоткрыть люк и впустить свежий воздух. На худой конец, у них есть респираторы с воздушными баллонами.

Так что после долгих обсуждений, проговорив самые разные возможные сценарии, сошлись на том, что Жюлю имеет смысл вылезти наружу и осмотреться. Однако в виде предосторожности

Т. Р. и Саския спустятся на Минус Шестой и займут позицию возле открытого люка. В камеру сгорания они заранее отнесли запасы: воду, еду, свечи, респираторы и ведерко, куда можно пописать. Выше, на Минус Четвертом, такой же схрон устроили в насосной камере. Возле нее дежурил Конор. Решили, что, поднимаясь наверх, Жюль захватит с собой пластиковую бутыль с водой. Если заметит что-то нехорошее — просто бросит ее вниз. Несколько секунд спустя она ударится об пол на Нулевом уровне и разлетится: такой сигнал не пропустишь! Т. Р. и Саския немедленно укроются в камере сгорания. Конор подождет, пока спустится Жюль, а потом они вместе спрячутся в насосной камере.

Все это обсуждение и подготовка тянулись так долго, что, кажется, никого особенно и не взволновало, когда минут через десять после того, как Жюль начал свое восхождение, сверху прилетела бутылка воды и, ударившись о решетку, взорвалась.

Ближе к Центральному дорога стала получше, хоть до хорошей ей было далеко. Над самим Центральным с гудением вился рой дронов, так что Руфус объехал его по широкой дуге и свернул на пустырь, отделяющий его от Шестиствольника.

Именно здесь почти год назад запускал ракеты Клуб ракетного моделирования — перед тем, как Т. Р. выпустил в небеса свой первый снаряд. С тех пор пустырь уже не пустовал: значительная часть его была заполнена разным оборудованием, контейнерами, паллетами с грузом. Стояли они рядами, достаточно широкими, чтобы между рядов мог проехать самосвал или автопогрузчик. Ближе к Шестиствольнику пустырь был затянут сетками — и чтобы ловить в них поддоны, и просто ради тени. Однако небольшой участок рядом с Центральным — тот самый, откуда в прошлом году запускали ракеты, — оставался открытым и незахламленным.

Такая забота о юных ракетостроителях для Руфуса представляла проблему. Все это время он ломал голову над тем, как подобраться к Шестиствольнику, ускользнув от вездесущих дронов. Собственный опыт с летающими дронами подсказывал: в захламленном пространстве у них возникнут сложности. Стоит добраться до разгрузочной станции в конце железной дороги — там-то он сумеет от них укрыться! Вот только чтобы до нее добраться, надо пересечь несколько сот метров открытого пустыря, где дроны смогут накинуться на него со всех сторон. Единственный

способ, который видел здесь Руфус, — быстрота и натиск. Так что он пришпорил Пеглега, и тот пустился в галоп.

Быть может, это лишь его воображение — но, кажется, со стороны Центрального раздались приветственные крики. Спасибо, конечно, и все такое; вот только если его заметили пленники — наверняка заметят и дроны. Руфус сдернул с плеча ружье, снял с предохранителя, дослал патрон в патронник. Пока было время на лишние движения, выхватил новый патрон из патронташа и вставил в магазин, заменив тот, что только что дослал. Ружье было заряжено дробью, как на фазана или другую мелкую дичь. Он сам его проапгрейдил — снабдил дуло чоком, чтобы увеличить дальнобойность. Справа над головой послышался пронзительный крик орла; Руфус поднял голову — и увидел, как Чингиз бросается на дрон и рвет его когтями. Для него все орлы выглядели одинаково: различал их Руфус по «перчаткам», которые нарочно сделал разных цветов.

Слева в небесах тоже что-то происходило, но бешеная скачка не давала Руфусу за всем уследить. Главное — сосредоточиться на своей задаче, а орлы пусть делают свое дело как знают. Если

по сторонам от него дроны, могут быть дроны и впереди. Руфус поднял дробовик и вгляделся вперед. Ничего не видно. Эти твари слишком маленькие! Но вот в поле зрения попала жужжащая серая мошка, и Руфус спустил курок. Встряхнул ружье, досылая следующий патрон, повел стволом, поймал на прицел жужжащую серую тень и выстрелил еще раз. На этот раз попал. Дрон взорвался, превратившись в облако углеволокна, — и одновременно из него выпала и запрыгала по камням сверкающая на солнце гильза. Так эта штука тоже в него стреляет! Заметив какую-то тень сбоку, он развернулся, прицелился — и едва не открыл дружественный огонь; в ту же секунду с высоты на дрон спикировала Нимрод.

Полпути к ближайшим грузовым контейнерам преодолено. Возле них этой нечисти не видно. Похоже, дроны передвигаются волнами. Руфус перевел дух и перезарядил ружье.

С орлами во время тренировок была одна проблема: никак не удавалось научить их бросать «убитые» дроны. Бросить добычу — для хищника это что-то противоестественное. Лучше всех справлялась с этим Скиппи, проходившая тренировки еще в Схипхоле. У Чингиза и Нимрод получалось хуже, но они старались.

Новая волна вооруженных дронов — кажется, три — окружила его уже ярдах в пятидесяти от станции. Расстояние в половину футбольного поля. Один завис прямо перед ним. Руфус вскинул дробовик и подбил его на скаку. Звуки за спиной и слева подсказали ему, что второй дрон взяла на себя Скиппи. Он обернулся направо — и увидел, как из-за спины, нацелив на него ствол, плавно выскальзывает третий. Его движения напомнили Руфусу орла, который бросается на добычу: бьет крыльями, выпускает когти, но смотрит только на свою цель. Стрелять под таким углом было неудобно: пришлось выпустить приклад из левой руки, развернуться и стрелять только правой. Отдача задрала дуло кверху и едва не выбила у него ружье. Дрон ответил огнем — из его черного брюха вылетела гильза. Руфус поддержал ружье левой, выстрелил еще раз — снова мимо! Еще одна гильза вылетела и покатилась по земле. Дальше произошло несколько событий сразу. На дрон бросился сверху орел: чем дело кончилось, Руфус уже не видел — почти сразу схватку заслонил от него угол контейнера. А Пеглег издал крик, странно и страшно похожий на человеческий, и бросился вперед, под сень камуфляжной сетки. Он шатался, вихлялся и, кажется, еле держался

на ногах — вот-вот упадет! Руфус выпростал из стремени правую ногу, перекинул через круп Пеглега и соскочил как раз в тот момент, когда конь упал на колени. Правда, выпростать левую ногу не успел, так что с размаху хлопнулся о землю; но земля здесь была гладкой и утоптанной, без камней, без кактусов. Пропахать носом такую почву — тоже не сахар, но падение хотя бы не выведет тебя из строя.

По счастью, Пеглег не стал перекатываться на левый бок. Конь упал на живот, Руфус выпутался из стремени, поднял дробовик и оглянулся. Над дорогой, по которой он сюда приехал, кружили разъяренные орлы, вдоль дороги валялись упавшие дроны; но «живых» и вооруженных противников не было. Прежде всего прочего Руфус перезарядил ружейный магазин, затем встал, нагнулся над Пеглегом и извлек из притороченного к седлу полотняного чехла винтовку. Справа от хвоста у Пеглега была открытая рана, из нее по бедру сочилась кровь. Рана глубокая, но задеты только мышцы. Умереть не умрет, однако встать и идти не сможет. Надо было сказать ему что-то ласковое, как-то поблагодарить, но времени совсем не оставалось; Руфус просто погладил коня по носу, пробормотал: «Молодчина!» — и

бросился бежать.

Подбежав к дальнему углу контейнера, он присел и выглянул из-за угла. Где-то над сеткой жужжал дрон, но, по всей видимости, его не замечал. Руфус прицелился прямо через сетку, выстрелил — попал, затем развернулся и побежал через открытое пространство к двум следующим контейнерам.

На рельсах, обходящих склад с одной стороны и ведущих прямо к Шестиствольнику, стоял товарный поезд. Состоял он целиком из вагонов-самосвалов, доверху заполненных серой. С противоположного конца поезда виднелась огромная желтая пирамида, вроде той, что украшала собой причал в Хьюстоне, только поменьше. Руфус знал, что рядом с ней, прямо под рельсами, находится неглубокая яма, куда вагоны-самосвалы, один за другим, сбрасывают свой груз. Опустевшие вагоны под действием силы тяжести скатываются на боковую ветку; там их снова сцепляют друг с другом и отправляют назад в Хьюстон.

Из ямы к вершине серной горы ведет конвейер, разгружающий серу; с дальней стороны другие конвейеры подхватывают ее и везут в здание, где серу плавят и заливают в снаряды. Впрочем,

это Руфуса сейчас не интересовало. Золотая гора была для него просто хорошо заметным ориентиром. Добраться бы до нее — а дальше до копра останется всего пара сотен ярдов.

Руфус полагал, что, если побежит вдоль поезда, этим обеспечит себе хотя бы частичное прикрытие. На открытой местности дроны могут атаковать его со всех сторон — поезд прикроет хотя бы с одной стороны. Все лучше, чем ничего.

Натянутые над головой сети оказались палкой о двух концах: они мешали дронам, но еще сильнее мешали орлам. Оставалось только двигаться — без остановок и как можно быстрее, чтобы дроны не успевали прицелиться. Всякий раз, выбегая на открытое пространство, он получал пару секунд форы, пока дрон разворачивался и нацеливал на него ствол; за это время Руфус успевал найти новое укрытие или просто его подстрелить. Как он радовался, что взял дробовик! Однако приходилось беречь патроны, так что предпочтительнее было прятаться. Перебегая от одного укрытия к другому, Руфус добрался до железнодорожных путей за несколько минут, израсходовав в процессе полдюжины патронов и вызвав пару выстрелов в свою сторону — оба раза промахи. Дронами определенно управляли

люди, и находились эти люди очень далеко отсюда — сигнал шел с заметной задержкой. Руфусу это было на руку. Пока не стоял на месте — у него оставалась фора.

Добравшись до открытой полоски земли, тянущейся вдоль железнодорожных путей, Руфус обнаружил, что здесь его поджидали еще три дрона, но орлы уже со всеми расправились. Руфус перебежал через открытое место, на ходу перезаряжая ружье, добрался до ближайшего вагона и бросился на землю — в ту самую секунду, когда о стальной обод колеса с визгом ударилась пуля. Привстав на одно колено, Руфус развернулся на звук, сбил нападавшего одним выстрелом, а затем нырнул под вагон и выбрался на другой стороне. Пробежал вдоль вагона и, уходя от очередного дрона, нырнул под следующий. Выбрался с другой стороны, пробежал полвагона, снова нырнул ему под брюхо и перекатился по рельсам. Дрон, преследовавший его с левой стороны поезда, терял его, когда Руфус перекатывался под вагонами на правую, — и наоборот. После нескольких повторов у противника явилась новая мысль: дрон завис над вагоном, чтобы следить за ним с двух сторон. Это могло бы сработать, если бы пропеллеры дрона не взметнули густое облако

измельченной серы. Руфус выкатился наружу как раз вовремя, чтобы увидеть, как враг беспомощно завис, ослепленный мелкой золотой пылью. Как был, лежа на спине, Руфус сбил его выстрелом и перезарядил ружье. Патронов осталось всего с полдюжины. В двадцати футах перед ним возник из ниоткуда орел, вонзил когти в еще один дрон, которого Руфус даже не заметил.

Пройденный путь он измерял в вагонах. До серной горы оставалось три. Потом два. Поначалу все шло легко — помогал адреналин; но теперь начала брать верх усталость. Нырять под вагоны и кататься по рельсам — то еще развлечение даже для человека вдвое моложе Руфуса. Весь он был покрыт синяками и ссадинами. Каждое соприкосновение с гравием или железом вызывало боль, и Руфус чувствовал, что начал двигаться медленнее.

Вдруг его внимание привлек человек, пересекающий открытое пространство между складом и копром. Человек шел медленно, волоча ногу, к тому же тащил тяжелый рюкзак. И все же двигался быстрее Руфуса — его не задерживали дроны. Он был в паре сотен ярдов. Подробностей не разглядеть — но, очевидно, это Большой Лосось. Пит ошибся: Руфус не опоздал. Что-то задержало

Большого Лосося в пути, так что он еще не достиг цели.

Однако Руфус потерял его из виду, попав в засаду в начале поезда — у головного вагона, накренившегося над разгрузочной ямой. Здесь караулил его добрый десяток дронов. Начался бардак: визг пропеллеров, пронзительные крики орлов, выстрелы, желтые облака поднятой в воздух серы — и среди всего этого катается по земле Руфус, отчаянно пытаясь увернуться от чужих пуль и сам в кого-то попасть. Неизбежная сила тяжести столкнула его вниз, в яму. Однако яма была неглубока да и наполовину наполнена серой, так что далеко Руфус не улетел и упал на мягкое. Облако золотистой пыли взметнулось вверх, попало в легкие. Руфус подавился, закашлялся, поспешно натянул на рот и нос ворот своего спандексного геокостюма. В этот момент прямо перед ним появился дрон и прицелился. Руфус перекатился набок, инстинктивно подтянул под себя ноги, приняв позу зародыша. Словно ледяная игла прошла сквозь одну его голень и слегка оцарапала вторую. Во время всех этих перипетий он потерял ружье: оно лежало, наполовину погребенное под слоем серы, на расстоянии вытянутой руки. Руфус схватил горсть серы и швырнул в

дрон. Затем сквозь боль поднялся на одно колено, стукнувшись головой о проходящие поверху рельсы, выхватил из кобуры пистолет и палил, палил в эту механическую тварь, пока она не разлетелась на части.

Как выбраться из ямы теперь, когда его подстрелили? Очевидный путь наружу — конвейер. Он не двигался. Широкая лента с гибким резиновым покрытием, должно быть, футов шести в ширину, бежала по валикам, изгибалась в форме буквы U там, где должна была зачерпывать серу, и поднималась оттуда вверх. При взгляде снизу она напоминала прямую, как стрела, дорогу из желтого кирпича прямо в небеса. Руфус видел лишь одно разумное решение: карабкаться по конвейерной ленте вверх, пока гора серы не окажется под ним, — и надеяться, что толстый слой порошка смягчит падение. Так он и сделал: начал подниматься по конвейеру ползком, цепляясь руками и отталкиваясь второй, почти не пострадавшей ногой. Дроны его не преследовали: то ли просто закончились, то ли его путешествие по конвейеру поставило их в тупик.

Руфус поднимался все выше и выше, медленно, но верно набирая высоту. Наконец впереди показался конец конвейера. С него сера просто падала

на вершину горы, а затем оползнем ссыпалась по склонам. Между конвейером и вершиной было, может, футов десять. Руфус просто скатился с конвейера и приземлился лицом вперед на верхушку пирамиды, наполовину погрузившись в золотистую пыль. Кое-как высвободил ноги и, опираясь на локти, пополз вперед. Чем активнее двигался, тем глубже погружался в золотую пыль. Отчасти это хорошо — если сера замедляет пули. Но все хорошо в меру: в этом серном порошке и утонуть недолго. Он вытащил из-за спины винтовку, перевернул ее и потряс, вытряхивая серу из дула, затем снял с прицела защитные чехлы. Сдул с затвора серу и зарядил. Над головой прокричал орел. «Надеюсь, — сказал себе Руфус, — птицы за мной присмотрят, пока я занят другим». Он навел прицел на вход в лифт, затем покачал стволом взад-вперед, пока не нашел Большого Лосося. Двигался тот с черепашьей скоростью: похоже, нога совсем вышла из строя. Не помогал и груз на спине. Пит не ошибся: у него там в самом деле что-то очень, очень тяжелое. Большой Лосось был сейчас, должно быть, футах в пятидесяти от лифта; иногда поворачивался к Руфусу в профиль, но в основном держался к нему спиной. Руфус слегка сдвинул прицел так, чтобы перекрестье сошлось

на рюкзаке Большого Лосося, — но в следующую секунду его потерял.

В любой миг он мог выстрелить в Большого Лосося, ранить, быть может, убить. Но Руфус все еще надеялся, что сумеет дожить до конца этого дня, не став убийцей.

Настоящая цель — груз в рюкзаке. Но он у Большого Лосося на спине, а Лосось движется. К тому же движется не по прямой: тащится зигзагами по неровной земле, волоча за собой раненую ногу.

Но вдруг Большой Лосось остановился. Выпрямился и замер, словно оцепенел, на месте.

Руфус навел прицел на свою цель и спустил курок.

На полпути к копру Лакс вдруг понял, как опасно чересчур доверять высоким технологиям. К несчастью, причиной этого прозрения стала алмазная гремучая змея, вонзившая клыки ему в правую ногу чуть повыше колена.

На побережье Британской Колумбии такой дряни не водилось: по отсутствию ядовитых змей эти места напоминали Ирландию. Лакс слыхал, что змеи встречаются в глубинке, там, где живет дядя Дхармендер, но сам ни одной не видел. Впрочем, прожив некоторое время в Индии, трудно остаться в полном неведении о ядовитых змеях. Но эта

тварь поразила его даже размерами. Метра три в длину, не меньше — и какая *мясистая!* Такой можно накормить целую семью.

Едва поняв, что происходит, он отшвырнул змею пинком. Тяжелый рюкзак потянул его назад, Лакс потерял равновесие и шлепнулся на задницу, а змея свернулась в клубок и затрещала хвостом. Лакс вскочил, отбежал от змеи подальше, теперь внимательно глядя себе под ноги — вдруг она тут не одна?

Он присел на безопасном расстоянии, достал нож и разрезал правую штанину геокостюма чуть выше колена, там, куда вонзились змеиные зубы. Выглядела ранка не страшно: два маленьких аккуратных отверстия. Кожа вокруг них покраснела и уже начала опухать. Лакс смутно помнил, что, когда тебя кусает ядовитая змея, надо высосать яд. Это ему, пожалуй, удалось бы, укуси его гремучка поближе к пятке; но на таком месте достать до раны губами мог разве что «гуттаперчевый человек». Лакс попробовал выдавить ранки — потекла кровь. Помогло ли это хоть сколько-нибудь, он не знал.

Что ж, оставалось только идти дальше. Копер всего в каком-то километре впереди. Между Лаксом и его целью никаких препятствий — только

плоская и пустая, хоть и неровная равнина. На дальней ее стороне виднеются вагоны-самосвалы, полные желтого порошка, а дальше целая гора такого же порошка; и это уже совсем недалеко от его цели. Он подошел так близко, что видел уже и то, что творится под сетями, прикрывающими территорию комплекса, — все эти стальные здания, системы труб и транспортеров, припаркованные автопогрузчики.

Поднявшись на ноги, Лакс сразу понял, что пешком до Мексики не дойдет. Когда выполнит свое задание, ему придется выйти с поднятыми руками и сдаться. Хорошо бы нашлось *кому* сдаваться: сейчас комплекс выглядел совершенно безлюдным. Полностью превратиться в город-призрак не давала ему лишь какая-то суета вокруг вагонов: там пронзительно кричали птицы, оттуда время от времени доносились выстрелы.

Чем быстрее сделает свое дело, тем скорее сможет сдаться и попросить помощи. В таких местах наверняка у всех есть противоядия или какие-то средства первой помощи при укусе змей. Они знают, что делать. Они помогут. Если, конечно, за спиной у него не бомба — но в этом случае ему так и так конец.

И он тащился вперед, заставлял себя идти, то и

дело поднимал голову и смотрел в небеса, щурясь от яростного, словно на какой-то богом забытой фантастической планете, солнца. Искал дроны. Но больше не думал о том, что дроны его защитят. Он думал о Пиппе.

Для Пиппы было очень важно, как рассказана история. Она всегда говорила: то, что показали, важнее того, что случилось в реальности. Как жаль, что за пультом управления видеодронами сидит не она! Не она снимает эту историю так, как считает нужным. Как жаль, что ее нет здесь. С ним рядом.

Может быть, когда все это закончится, он съездит ее повидать? Ведь Лос-Анджелес не так уж далеко отсюда. Он сделает свое дело — и отправится в Город ангелов. Увидит Пиппу. Расскажет ей, как все было на самом деле.

Он подобрался к «климатическому оружию» так близко, что уже мог бы попасть в него камнем. Кругом было тихо — неестественно, даже пугающе тихо. Оставалось как-то протащиться, проковылять, проползти еще несколько ярдов. Он сбросит в шахту свой чудовищный груз — и дело будет сделано. Лакс подошел уже так близко, что видел сквозь кружевной стальной каркас и стволы, и шахту лифта, и все прочее. Осталось

найти подходящее место, откуда сбросить портфель, чтобы тот полетел прямо вниз.

И вдруг он заметил движение. В самом центре этой конструкции кто-то двигался. Поднимался снизу по лестнице. Вот человек поднялся до самого верха, выпрямился в полный рост. Огляделся — и немедленно заметил Лакса. Молодой парень с белокурыми волосами до плеч. Он выхватил что-то из кармана. Лакс сперва подумал, пистолет — но предмет, сверкнувший в ярких солнечных лучах, оказался всего-навсего пластиковой бутылкой воды. Парень обернулся и бросил бутылку в шахту. Затем, метнув на Лакса последний взгляд, развернулся, прыгнул вниз и тоже скрылся из виду.

Вернулся в шахту.

Значит, там люди. По меньшей мере один. Возможно, и больше.

И то, что у Лакса на спине — что бы это ни было, — он должен бросить туда, где прячутся люди.

Лакс остановился. Это уже не по плану! Или по плану? Но в Шестиствольнике не должно быть живых людей!

Вдруг что-то сильно ударило в спину, сместив вес груза на больную ногу. Лакс не удержался

на ногах и сел на землю. Мгновение спустя до него долетел грохот винтовочного выстрела. Его подстрелили! Нет, не его. Пуля попала в рюкзак, прямо в свинцовый портфель.

Снова встать на ноги с грузом на спине он не мог. Лакс сбросил с плеч лямки, расстегнул поясной ремень. Встал на четвереньки. Затем, опираясь на руки и на здоровую ногу, с трудом поднялся.

Рюкзак соскользнул с него, и в тот же миг раздался второй выстрел. И третий. Каждый выстрел отбрасывал сетчатый рюкзак все дальше, каждый проделывал в кожаном портфеле новую дыру. Из портфеля потекли на землю струйки какого-то серебристого порошка.

Как жарко! Как невыносимо палит солнце!

Но почему-то только с одной стороны. Невидимый огонь бьет в лицо — от покореженного портфеля, от рассыпанных по земле струек серебряной пыли.

Земля ушла из-под ног и больно ударила в плечо. Лакс знал, что это значит. Он просто упал. Такое уже бывало — много раз, пока ему не починили поврежденное внутреннее ухо. Должно быть, что-то случилось с микрочипами в голове.

Больше встать он не мог. Не понимал, где верх,

где низ. Просто лежал на боку, раздавленный тяжестью мира, вытянув перед собой правую руку. Она быстро краснела под убийственным солнцем; но стальной браслет без пятнышка ржавчины оставался прохладным и чистым. Священный *кара* — напоминание о том, что Лакс не должен делать зла своей правой рукой.

Он не сделал зла.

Камера сгорания

— Кокс, — сообщил Т. Р., проведя пальцем по стене камеры сгорания.

Палец стал черным. Стена, как и все внутренние поверхности здесь, была покрыта толстым слоем черноты — не блестящей, а матовой черноты, сажи, поглощающей любой свет.

— Я подумала, это уголь, — сказала Саския.

В прошлый раз, когда она тут была, все в этом месте сверкало полированной сталью.

— Это одно и то же, — ответил Т. Р. — Кокс — старинное английское словечко. Берешь уголь, хорошенько прокаливаешь, уничтожаешь все летучие примеси, оставшиеся от дохлых динозавров, и на руках у тебя остается практически чистый углерод. Очень высококачественное топливо.

— И что оно делает на стенах вашей камеры сгорания?

— При сгорании углеводородного топлива остается вот такой угольный остаток, — объяснил Т. Р. — Со временем он накапливается. Папаша мой любил сесть в «кадиллак» и погонять по

шоссе на предельной скорости — говорил, что так выдувает уголь из цилиндров. Обычная, мол, процедура. Не уверен, что это помогало, но как же мы, ребятишки, радовались! А матушка каждый раз стонала и охала. Короче говоря, инженер сказал бы, что здесь все закоксовано.

Саския не хотела «закоксоваться» сама, поэтому расстелила на полу камеры сгорания спасательное одеяло. Пол здесь был вогнутым, как и стены, так что на одеяле ей пришлось полусидеть-полулежать. Рядом были сложены их небогатые запасы, в том числе фонарик — единственный источник света. Где-то там же лежала коробка свечей и спички, на случай если у фонаря разрядятся батарейки.

Наверху прогрохотали шаги — две пары ног, поняла Саския, — а потом низкий «бум!» захлопнутого люка на Минус Четвертом. Через несколько секунд раздались два удара по поршню, служившему им потолком, а верхней насосной камере — полом. Условный сигнал, что и Конор, и Жюль в безопасности.

— Хотела бы я знать, что увидел Жюль? — сказала Саския. — Почему бросил бутылку?

— Можно было бы выяснить, если бы я с бойскаутских времен не позабыл азбуку Морзе, —

вздохнул Т. Р.

Он сидел у другой вогнутой стены и смотрел оттуда на Саскию. Луч фонаря, направленный прямо вверх, достигал потолка и там исчезал без следа, растворялся в закоксованной тьме. Лицо Т. Р. по другую сторону от фонаря выглядело едва различимым овалом.

— Вы сейчас, должно быть, спрашиваете себя, — сказал он, — на кой черт вернулись на ранчо «Летящая S».

Саския оттолкнулась от стены и присела на корточки над грудой запасов. Порывшись в них, достала и открыла коробку со свечами. Рядом лежала упаковка безопасных спичек. Саския чиркнула одной, немного полюбовалась на огонек, а потом зажгла свечу.

— Спасибо, что бесплатно проводите стресс-тест нашего газового хозяйства, — усмехнулся Т. Р. — Будь здесь метан или водород…

— Я знаю, зачем вернулась, — ответила Саския.

От первой свечи она зажгла вторую. Потом растопила на полу немного воска и поставила свечу в эту лужицу.

— И зачем же? — спросил Т. Р., глядя на огонек свечи.

Саския тоже на него смотрела: как любой огонь,

он гипнотизировал и притягивал взгляд. Быть может, так и началось глобальное потепление: люди просто смотрели в огонь и никак не могли оторваться.

Она протянула вторую свечу Т. Р.

— Один человек, по всей видимости, из Моссада, попросил передать вам сообщение.

— Вот как? И чем же решил поделиться со мной Моссад?

Столько всего произошло с тех пор, что Саския уже с трудом припоминала тот разговор. Она зажгла еще одну свечу и поставила ее на пол.

— Для меня тогда это прозвучало так: до них дошла информация, что Китай что-то планирует.

Т. Р. рассмеялся.

— Что-то конкретное в связи с вашей геоинженерной деятельностью, — продолжала Саския.

— И ведь они, черт возьми, не ошиблись! — заметил Т. Р.

— Поэтому я попросила Виллема нанести вам визит.

— Весьма признателен.

— Понятия не имею, знали ли они что-то о планах Индии. Но предупреждение было сформулировано очень расплывчато, так что… почему бы и нет?

Она зажгла еще одну свечу.

— Как вам показалось, в чем был общий смысл этого предупреждения? — спросил Т. Р., немного нервно наблюдая за тем, как она зажигает следующую.

— Опасность тоннельного зрения, — ответила Саския. И невольно подняла глаза на потолок тоннеля, в котором сейчас находилась. Но он оставался невидим. Сколько свечей ни зажечь — они не рассеют тьму. — Хотя, может быть, тут уместнее говорить не о тоннеле, а о шахте.

— Помню, спускался я сюда пару лет назад, — заговорил Т. Р. — Когда шахту только пробурили и она еще стояла пустая. Была глубокая ночь, тьма кромешная. Надо мной — маленький кусочек неба и звезда. Одна-единственная. И я сказал себе: смотри-ка, всю жизнь о ней слышу, а вижу только сейчас!

— И что это была за звезда? — спросила Саския, зажигая очередную свечу.

— Да черт ее знает. Просто одинокая звезда, понимаете?

Саския недоуменно смотрела на него поверх пламени свечи.

— Здесь же Техас — штат Одинокой Звезды! — объяснил Т. Р.

— Ах да, понятно. И вы решили, что это доброе предзнаменование.

— Знаете, ваше высочество, со свечами стоит держать ухо востро. На них, конечно, приятно посмотреть, особенно когда горит много сразу…

— Но они выделяют углекислый газ.

— Вот-вот.

— И повышают уровень CO_2 в атмосфере, без которой нам не выжить, — вздохнула Саския.

— Ну да, я так и думал, что вы догадаетесь.

— Но что за беда в том, чтобы зажечь еще одну свечу? Если она и ухудшит наше положение, то совсем ненамного.

— Можно сжечь хоть всю коробку, — ответил Т. Р., — потому что вы знаете, что эта история закончится не так.

— А как же?

— Либо сюда спустятся террористы и нас взорвут, либо спустятся хорошие парни и нас спасут. Так или иначе, Саския, можете жечь столько свечей, сколько захотите. Не стоит бояться, что свечи кончатся и мы останемся в темноте. Не стоит бояться, что задохнемся от избытка CO_2. Что-то другое — дурное или хорошее — случится намного, намного раньше. Потому что пока мы тут сидим на попе ровно, ждем и ведем между

собой ученые беседы о том, как свечи отравляют воздух, — другие люди там, снаружи, действуют. И знали бы вы, как мне тошно быть тем, кто сидит и ждет!

— Предпочитаете быть тем, кто действует?

— Ну кто-то же должен. Почему бы и не я?

— Но что дальше? Китай, Индия, Саудовская Аравия… когда в игру вступают такие игроки — что вы можете против них?

— Они делают то, что отвечает их национальным интересам. Всегда так было, всегда так будет. Китай, если хотите знать, положил глаз на этот медный рудник задолго до того, как я начал строить Шестиствольник. Это стало удачным предлогом, только и всего. Да, они сильнее: ну и что теперь, удавиться? Сидеть и ничего не делать — когда знаешь, что делать, знаешь как и чувствуешь, что должен действовать?

— Значит, все, чем вы нас потчевали, — все эти разговоры о повышении цены недвижимости в Хьюстоне — были просто дымовой завесой, — сказала Саския.

— Ну, не совсем. Я все подсчитал, мне это и правда выгодно. Но вы правы, это не единственная причина.

— Сейчас мы сидим здесь, потому что вы

разозлили Индию, — сказала Саския. — Я разговаривала с людьми, у которых связи в Пенджабе. Видела климатические модели, подтверждающие, что эта штука… — она похлопала ладонью по стенке камеры сгорания, и ладонь немедленно стала черной, — эта штука *здесь* вызовет неурожаи *там!* Стоит ли удивляться, что они отправили сюда людей ее взорвать? Как по мне, это вполне логично.

— Если бы они потрудились прийти ко мне, — сказал Т. Р., — я показал бы им Вадан. Снеуберг. Показал бы модели, сделанные моими ребятами, — о том, как будет выглядеть Земля, когда заработает все разом. Пенджаб будет в полном порядке!

— Так, может, стоило им об этом сказать?

— А может, стоило спросить? Они же даже не поинтересовались. Да им на это плевать, вот что я скажу. Это просто пиар-акция, чтобы выиграть следующие выборы.

— Я понимаю, как устроены демократии, — сказала Саския. — Поверьте, понимаю лучше многих других. Но эта пиар-акция теперь может нас обоих убить. Разве это не говорит о том, что, возможно, в чем-то вы ошиблись?

— Ну… не могу отрицать, все несколько вышло

из-под контроля, — проворчал Т. Р.

Саския невольно рассмеялась.

— Но надо же было с чего-то начинать! Знаете, как открывают нефтеносную скважину? Вы бурите землю — и вдруг оттуда начинает фонтаном хлестать нефть. Ужас просто! Ну и что дальше? Понятно, надо ее перекрывать, как-то с ней разбираться. Но что же теперь, не бурить?

Саския только головой покачала. Добрую минуту они просидели в молчании. Не в полном молчании; быть может, это было только ее воображение — но Саскии казалось, что, полулежа на вогнутом стальном полу, она ощущает всем телом какие-то слабые толчки. Быть может, шаги.

— Вот для этого мне и нужны вы, — сказал Т. Р.

Саския вздохнула.

— Извините, если что, — добавил Т. Р., кажется озадаченный ее реакцией.

— Нет-нет, все нормально, — ответила Саския. — Просто очень уж много всего на меня свалилось. Я теперь королева Нижнемира, слышали?

— Да, мне сообщили.

— И саудовский принц подарил мне самолет.

Т. Р. пожал плечами.

— Один самолет разбили, другой вам подарили

— выходит, сравняли счет.

— Нельзя просто сказать «вы мне нужны» и дальше вести себя, словно ничего не изменилось, — сказала Саския. — Вам придется меня слушать.

На черной стене камеры сгорания вдруг появился ослепительно-яркий полумесяц. Кто-то приотворил люк. В щели показался силуэт человека в чем-то, полностью закрывающем голову. По шумному дыханию неизвестного Саския поняла: респиратор. За спиной у незнакомца виднелась пластмассовая перегородка, видимо отгораживающая область вокруг люка от остальной шахты. Человек бросил в камеру пару свертков и закрыл дверь.

Саския сидела ближе к двери. Она вскочила на ноги и подняла над головой свечу. В каждом свертке, запечатанный в полиэтилен, находился аккуратно сложенный защитный комбинезон и респиратор.

К одному свертку был приклеен листок бумаги, на котором кто-то написал маркером: «ОСТОРОЖНО, РАДИАЦИЯ! НАДЕНЬТЕ, ЗАТЕМ ПОСТУЧИТЕ».

— А вот и кавалерия! — заметил Т. Р.

— Похоже, шахта радиоактивна, — сказала

Саския.

Один комбинезон был среднего размера, второй побольше. Тот, что побольше, она бросила Т. Р.

— Но я отказываюсь быть мамочкой в «кадиллаке», — сказала она, разрывая полиэтилен.

— Прошу прощения?

— В той истории, которую вы рассказали. Как ваш отец гонял на «кадиллаке» по техасским шоссе, выдувая уголь из цилиндров. Судя по вашим словам, детям на заднем сиденье было очень весело. Водителю за рулем тоже. А о матери вы сказали только, что она «стонала и охала». Так вот: я не хочу быть такой мамочкой.

— Понял вас, — ответил Т. Р. — И не будете.

Королева Нижнемира

Новый самолет Фредерики Матильды Луизы Саскии не поднимался так высоко, как старый. Теперь стратосфера была для нее закрыта; там осуществлялись безумные схемы по изменению климата, но заглянуть туда по дороге с континента на континент она не могла. Поэтому и путешествие из Хьюстона обратно на ранчо «Летящая S» заняло больше времени, чем на бизнес-джете. Ну что ж: если она всерьез намерена стать королевой Нижнемира, жить по-старому больше не придется. А кроме того, долгий перелет позволил ей лучше познакомиться с Мохиндером. С ним Саския встречалась в прошлом году, когда вместе с другими гостями обедала в Мобильном центре «Т. Р. Микс». Но там они, разумеется, толком не поговорили. Теперь, во время полета над бесконечными техасскими равнинами, он рассказывал ей о традициях погребения и траура у народа сикхов, а она — о том, с какими практическими сложностями будет связано соблюдение этих традиций на сей раз.

Груз на спине у Лакса, объяснила она, оказался

цилиндром с измельченным в пыль кобальтом-60, обернутым вокруг взрывчатки. Объем небольшой, но вполне достаточный, чтобы навсегда вывести Пина2бо из строя, если бы все прошло по плану. Т. Р. был бы вынужден залить шахту бетоном. А так заражена оказалась лишь небольшая площадка возле копра: сейчас к ней никого не подпускают, а дальше ее придется засыпать и запечатать.

К несчастью, в центре этой площадки лежит тело Лакса. Из уважения к умершему, а также для того, чтобы не подпускать к нему канюков и других падальщиков и не дать им разнести радиацию, военные засыпали всю площадку единственным материалом, который оказался под рукой в достаточном объеме, — серой. Довершат погребение гравий и бетон; они сейчас в пути.

К этому времени Саския пережила в кресле второго пилота уже десяток приземлений. Как и большинством современных самолетов, этим «рулить» практически не требовалось. Эрвин охотно отпустил штурвал и дал ей сесть самостоятельно. Он готов был, если что, перехватить управление, но все прошло благополучно — они без приключений опустились на длинную, сухую,

совершенно свободную от свиней посадочную полосу «Летящей S».

> Сели, все хорошо. Ложись спать!
> Удачи и спокойной ночи, мамочка.
> И вам, ваше величество.
> LOL.

Снижаясь, они обогнули Шестиствольник по широкой дуге. Отчасти это была обычная предосторожность пилотов, не желающих, чтобы в них попал мчащийся на сверхзвуковой скорости снаряд с расплавленной серой. Сегодня снарядов в воздухе не было, но имелись и другие причины не приближаться к Шестиствольнику. Саския невольно полюбовалась им на расстоянии. Увидела из бокового окна и застывшее возле копра золотистое озерцо, покрывающее радиоактивную область. И огромные армейские машины цвета хаки на гусеничном ходу. А больше ничего не увидела — пора было садиться.

Ближайший к терминалу край посадочной полосы превратился в небольшой военный хаб. Вместо обычного ряда бизнес-джетов здесь теперь стояли армейские самолеты и вертолеты. Повсюду натянуты сети и установлены защитные устройства: насколько Саския понимала, они

сбивают дроны, испуская лучи, выводящие из строя их электронную начинку. И последняя линия обороны — вооруженная пехота в изрядном количестве. Но, похоже, все эти предосторожности были излишни. Люди Т. Р. сообщали, что со вчерашнего полудня никакие враждебные дроны на территории ранчо не появлялись; а правительство Индии объявило об официальном прекращении миссии Климатического миротворчества в нестабильном и опасном регионе Западный Техас.

Саския припарковала самолет там, где ей указали, и поблагодарила Эрвина. Теперь ему предстояло заняться доставкой сжатого водорода через военный кордон. Впрочем, быстро улетать Саския не собиралась. Она шагнула на трап и улыбнулась, увидев внизу Амелию.

Та как-то нерешительно протянула руки, словно не знала, не будет ли вопиющим непрофессионализмом обняться с ее королевским высочеством. Саския разрешила ее сомнения: сбежав по трапу, бросилась к Амелии и сама заключила ее в объятия, уверенная, что та не будет против. Объятие вышло долгим. И когда время вышло и обе наконец разжали руки — этим безмолвным соприкосновением сказали друг другу

столько, что Саския могла теперь, не испытывая неловкости, перейти прямо к делам.

— Ты, должно быть, помнишь мистера Сингха, у которого мы обедали здесь в прошлом году, — сказала она.

Мохиндер, вышедший следом за Саскией, поздоровался и пожал Амелии руку.

— А чем это пахнет? Кажется, барбекю? — спросила Саския.

— Спроси у мистера Сингха, — ответила Амелия. — Он, возможно, скажет, что это гриллинг. Барбекю — другое блюдо, оно готовится дольше. А Рэд развел костер всего полчаса назад.

Саския инстинктивно двинулась к дверям терминала, но Амелия махнула рукой, призывая идти дальше.

— В терминале сейчас делать нечего, — объяснила она. — Ни света, ни кондиционеров.

Заглянув за угол, Саския увидела Т. Р.; он разговаривал с высокой и стройной рыжеволосой девушкой, чем-то напомнившей ей Лотту.

— А это кто?

— Пиппа. Подруга покойного. — Амелия повернулась к Мохиндеру. — Она снимает видео. Но, если вы не хотите появляться в кадре, вас не будет.

— Видео чего?

— Разговора, который сейчас у вас состоится. О том, как оказать уважение останкам.

— Буду рад что-то вам подсказать, — заговорил Мохиндер, — но ведь прежде всего этот вопрос касается его семьи. Что с ними? Я слышал, они задержаны на границе?

Амелия кивнула, едва заметно закатив глаза.

— Пограничный контроль США совершенно помешался на «связях с Индией». Мы над этим работаем. Но даже в самом лучшем случае они появятся здесь не раньше завтрашнего дня.

Обойдя терминал, Саския увидела по другую сторону здания нечто вроде бивака. Брезент, одним концом закрепленный на стене терминала, а с другой стороны растянутый на веревках и шестах, обещал укрытие от безжалостного солнца пустыни. Впрочем, сейчас солнце уже опустилось к самому горизонту, и лица людей были словно омыты медом. Вокруг стояли столы для пикника. За одним из них Саския увидела Пита и Тордис, которых встречала во время их работы в Схипхоле, а также еще двух женщин — видимо, тоже сокольниц, о которых была немало наслышана. Они осматривали золотистого беркута, у которого, похоже, что-то случилось с ногой. Тордис

подняла взгляд и заметила Саскию. Она и Пит встали. Саския помахала им, и они улыбнулись в ответ.

Навстречу вновь прибывшим уже шагал Т. Р.

— Как поживаете, мистер Сингх? Очень благодарен за то, что вы решились на такое путешествие.

— Добрый вечер, босс. Спасибо моим новым друзьям, долетел без приключений. Чем могу быть вам полезен?

— Мне сообщили, что в вашей религии нет священников. Если спросите меня, скажу, что это на редкость разумно! Хотя… меня здесь никто не спрашивает.

— Пока не прибыли родные усопшего юноши, — сказал Мохиндер, — более чем охотно проконсультирую вас о том, как оказать надлежащее уважение его останкам.

— Именно это нас сейчас и волнует, — ответил Т. Р. — Особенно учитывая, что место огородили и все там засыпали серой. Если хотите взглянуть, у военных есть карты и фотографии.

И Т. Р. повел Мохиндера к соседнему столу, где армейский офицер раскладывал документы, придавливая камнями, чтобы их не унес ветер.

Посреди бивака Руфус, сидя на вытащенном

из здания кондиционере, жарил мясо на огне. На нем была фирменная футболка с логотипом «Летящей S», немного ему тесноватая, но Саския не возражала. Армейские штаны со множеством карманов, забинтованная левая нога, которую Руфус пристроил на импровизированную подставку из двух упаковок мексиканского пива. Увидев Саскию, он просто ей кивнул.

Амелия мгновенно куда-то испарилась.

Руфус скользнул спокойным взглядом по окружающим, должно быть проверяя, не смотрит ли кто на них.

Не желая его смущать, Саския подошла к костру неторопливым, прогулочным шагом.

— Ты не радиоактивный?

— Меня проверили, — ответил он. — Ответ — нет. Хотя… наверное, зависит от того, что ты под этим подразумеваешь.

— Для меня — точно нет.

— Что ж, приятно слышать. Добро пожаловать в Техас!

Он взял из стопки пластмассовую тарелку, пальцами снял с вертела, положил на нее шкворчащий кусок мяса и протянул Саскии. На вертелах чего только не было: куски курицы, говядины, сосиски, что вздувались и лопались на огне, обна-

жая свою начинку — красный и зеленый перец, оранжевый сыр. Последние сутки Саския питалась только батончиками мюслей, так что теперь готова была съесть что угодно. Она приняла тарелку и едва удержалась, чтобы не вцепиться в мясо зубами.

— Пива хочешь?

— Спасибо, пока не надо.

«Ужас какой, — думала она. — Жжем дерево, чтобы поесть мяса пукающих метаном коров, да еще и на одноразовом продукте нефтехимического производства! Что сказали бы “зеленые”?»

— Не переживай, это бизон, — сказал он, словно прочтя ее мысли.

— Рэд, как же я рада тебя видеть!

— И я рад.

— Расскажи мне, что произошло?

— Хочешь услышать полную версию? Или…

— Надеюсь, у нас еще будет время поговорить как следует.

— Ты ведь знаешь, что он нес на спине?

— Достаточно кобальта-60, чтобы шахтой нельзя было пользоваться ближайшие сто лет.

Руфус кивнул.

— Но кроме этого — никакого побочного ущерба, — закончила она.

Он снова кивнул.

— В этом и была идея. Как можно меньше жертв. При этом на шахте устроить такое, чтобы любые геоинженерные операции стали невозможны, пока Т. Р. не построит второй Шестиствольник — то есть как минимум на пару лет.

— И передать послание.

— В посланиях я не специалист, — признался он.

— Но остановка Шестиствольника вызвала бы синдром отката!

— А может, они этого и хотели. — Он вздохнул. — Так или иначе, я не знал, что у него там, в рюкзаке.

— Разумеется, не знал.

— Думал, это бомба. Думал, смогу ее расстрелять и привести в негодность. И, может, дам ему шанс выбраться отсюда живым. — Руфус умолк, глядя куда-то вдаль, через пустыню, словно происшедшее снова вставало у него перед глазами. На секунду высунул язык, но тут же убрал. — А он остановился.

— Что?

— Остановился. Должно быть, потому что заметил Жюля. Так Жюль рассказывает эту историю. Я-то в прицел не видел ничего, кроме рюкзака, но

он потом мне рассказал.

Саския кивнула.

— Он остановился, — повторил Руфус. — Как будто в эту секунду понял, что в шахте прячутся люди.

— И не захотел нас убивать, — кивнула Саския.

— Я выстрелил трижды. Чтобы наверняка. Разодрал эту штуку. И он получил смертельную дозу гамма-лучей. Еще до этого у него что-то случилось с ногой, идти почти не мог… Ну, уже неважно. В армии я немало узнал о ХБР…

— ХБР? Что это?

— Химическое, биологическое, радиологическое оружие. Так что понял: с ним рядом задерживаться не стоит. Как только увидел, что он вырубился, — скатился по горе серы вниз, в яму под вагонами, и там затаился. Дроны больше не появлялись. Потом услышал близ Центрального автомобиль: это приехала полиция. Я кое-как выбрался из ямы — на другую сторону, где от радиации защищали вагоны, — и замахал им, чтобы уезжали. Крикнул, чтобы вызвали военных спецов из Форт-Блисс или из Уайт-Сэндс. В таком роде. Но, оказалось, они уже хватанули гамма-лучей из воздуха. Так что военные спецы были уже здесь.

— Те, что спустились в шахту и нас вывели.

— Ну да.

— С самолета я заметила желтое пятно…

Руфус кивнул.

— Серы здесь полно, так что для первого слоя взяли серу. В армии есть радиационно-устойчивые бульдозеры. Их привезли за ночь на нескольких поездах.

— Поразительно!

— Что?

— Что у них есть такие машины.

— В стране бардак, — заметил Руфус, — но кое-что еще работает. Например, армия. Позвонить и приказать, чтобы сюда прислали десяток освинцованных бульдозеров, — это пока возможно. Появились они здесь с первым светом и сразу засыпали загрязненный участок серой, чтобы радиацию не разносил ветер. Сейчас сюда везут гравий. А поверх гравия все зальют бетоном.

— А… погибший?

— Он здесь. И останется здесь навсегда.

Руфус бросил взгляд на стол, за которым что-то обсуждали, склонившись над картами и снимками с воздуха, Т. Р., Мохиндер и армейский офицер.

— Ладно, поговорим позже, — сказала Сас-

кия. — Я так рада, что с тобой все в порядке!

— Верхом ездить любишь?

— Обожаю!

— В стиле Дикого Запада?

— Боюсь, в английском.

— Тогда посадим тебя на Патча, — улыбнулся Руфус, — он кроткий, как младенец.

— А я очень жду, когда *ты* прокатишь меня верхом, Рэд! — выпалила вдруг Саския и быстро отвернулась.

Она сразу поняла, что сказала глупость. Рэд не из тех, с кем стоит обмениваться намеками и каламбурами. Тонкие намеки — из того мира, где она прожила большую часть жизни, где вести разговоры с двойным дном умеет каждый, так же как охотиться на фазанов или пользоваться чашей для ополаскивания пальцев. Но какой смысл затевать такие игры с человеком, прожившим жизнь на противоположном конце спектра? Это просто нечестно. Может быть, лучше сказать напрямик то, что у нее на уме?

Пока она раздумывала, в какие слова это облечь, Руфус снова повернулся к своему грилю.

— Смотри-ка, — сказал он вдруг с улыбкой в голосе, — есть тут у меня одна сосиска, так вздулась от жара — того гляди лопнет! Видно, придется

вечерком ею заняться! Поможешь?

Саския почувствовала, что краснеет до ушей, хотела броситься прочь — и едва не врезалась в Пиппу. После мгновения неловкости длинноногая новозеландка сделала вполне пристойный книксен.

— Ваше величество!

— Тогда уж ваше высочество.

— Ах да, ваше высочество!

— А вы Пиппа, верно? Это сокращение от Филиппы?

— Да.

— Я Саския. — Они пожали руки. — Мне сказали, что вы с покойным были друзьями. Очень соболезную вам.

Мягкий предзакатный свет ложился на лицо Пиппы, озаряя каждую веснушку, и Саския заметила, что глаза у нее заплаканы.

— Боюсь разговора с его родными, — призналась она. — Не знаю, что им скажу. Хоть бы они не винили меня!

— За что же им винить вас?

— Я сыграла свою роль в его истории. Рассказала о нем, сделала его знаменитостью. Может быть, это и привело… к тому, к чему привело.

— Но ведь *к этому* вы точно не имеете отно-

шения!

— Нет, мэм, что вы! Когда Рэд рассказал мне, что происходит, я бросилась из Лос-Анджелеса сюда. Надеялась его отговорить. Но опоздала.

— Что ж, теперь вы сможете рассказать его историю до конца, — предложила Саския. — Пусть это и печальный конец.

Пиппа кивнула.

— Мэм… поскольку теперь частью этой истории становитесь и вы, я подумала… может быть…

— Не стесняйтесь, моя дорогая, — ответила Саския. — Делайте все, что считаете нужным. Так же, как отныне буду поступать и я.

Пиппа благодарно склонила голову и отошла с дороги.

— Джентльмены! — окликнула Саския, подходя к столу для пикника. — Может быть, обсудим, что мы можем сделать? Что это здесь на мониторе?

Фотография на экране ноутбука изображала высокий, остроконечный, как игла, обелиск.

— Я показывал Т. Р. монументы из Пенджаба, — объяснил Мохиндер. — Возведенные, чтобы почтить память наших былых героев. Святых-воинов, которые пали в битвах, защищая родину… — он значительно взглянул на Т. Р., затем на Саскию, — от захватчиков, пытавшихся

отнять у нас Житницу.

— Что ж, — сказала Саския, — пожалуй, настало время об этом поговорить.

Она встала между двумя мужчинами, положила руки на плечи обоим. И втроем они пошли навстречу закату, прекраснее которого Саския никогда еще не видела. Амелия обогнала их и зашагала впереди, высматривая на дороге змей. Пиппа, с двумя видеодронами с флангов, пристроилась следом.

— Не знаю, слышали ли вы, — сказала Саския, — но мне предложили новую работу. И начинаю я прямо сейчас!

Благодарности

Автор благодарен следующим людям, которые — иногда сами того не зная — оказали ему большую и малую помощь в создании этой книги. Заметьте, однако, что задумал и написал книгу автор сам; следовательно, появление человека в этом списке не следует истолковывать как указание на ту или иную его позицию по темам, затронутым на этих страницах. Некоторые важные разговоры произошли задолго до того, как идея этой книги вообще пришла мне в голову!

Жак Бергман, Нокона Берджесс, Дженнифер Чейз, Уильям Коллинз, Крейг Дэннер, Кэролин Дуайер, Джордж Дайсон, Бет Эпстейн, владельцы и персонал ранчо «Фигура 2», Тони Хэлмос, Марко Кэлтофен, Дэвид Кийт, Фрэнк Кейч, Янно Ланьо, Карен Лаур, Джейша Литтл, Скотт Литтл, Марк Лонг, Майкл Майнелли, Чарльз Манн, Рави Мирчандани, Оливер Мортон, Натан Мирволд, Марла Науни, Ян-Петер Онстеддер, Леннерт ван Оорсхот, Гордон Рой, Линн Шончин, Том Стендэйдж, Зоуи Стивенсон, Бенни Тамакера, Трой, Уильям Фолькер, Стивен Вебер, Лоуэлл Вуд.

Однако подобные списки порой преувеличивают важность личных встреч, даже случайных и мимолетных. Книги и в меньшей степени интернет-ресурсы часто более важны, даже если я никогда не встречался с их авторами. Было бы несправедливо оставить их без благодарности. Итак, вот список людей, чьи книги, статьи, а также тексты в Интернете помогли мне написать эту книгу:

И. Лер-Брисбин-младший; Кен Калдейра; Тань Чи-Бен; Комитет по охране языка и культуры команчей; Стив Коттрелл; Т. Р. Ферренбах; Стюарт Гилберт; С. Ч. Джинн; Кайл Харпер; Рэй Хорнер; Теодора Клейзма; Ян А. Кранчер; Давид ЛаВер; Томас Ф. Мэдден; Джон Дж. Мейер; Джордж А. Мили; Лесли Х. Палмье; Нил Прайс; Д. С. Саггу; Хушвант Сингх; Никки Гуниндер Каур Сингх; Саргун Сингх; создатели, составители и переводчики «Шри Гуру Грантх Сахиб»; Пол Чаат Смит; Дуг Дж. Свансон; Джин Джелман Тейлор; Форбс Уилсон.

В настоящее время (июль 2021 года) автор намеревается составить для любознательных читателей библиографию, позволяющую подробнее ознакомиться с затронутыми в книге темами. Если это произойдет, библиография, скорее всего,

появится на сайте: www.nealstephenson.com[107].

[107] Примечания: 107

Эту библиографию можно найти здесь: https://www.neals-tephenson.com/termination-shock-bibliography.html.